

199

K-61

190: ~~0/1140~~
К-6) Колосов N 11754.

02 ерми широва зрети
Сухайиловский

3-25

... қыратпадан селде
таптарды қурып, саты
алмайд-деп ујретеді.
аркисізізм, "пролетарыјат
ан мемлекет қана тап
н ајақтап, тапсыз сат
н қура алары етіп
атын қана қырылатар
ық қақсылар қура ала
т. Мемлекеттен веэув
ының қолдан аласқан
атысјалыстық тоқтарының,
сиздігінің белгісі. Рь
лекетін, сатысјалызізм
ықты қуралы есеінде

ның кыс...
уын қана керек емес. Т
кеге, қана теңікенті ра
сыјенгенбуі кыс бізге, ву
саруасыыдың, оның ісінде
рувасыыдыңны артта қал
авы саруасыыдың қайта с
ніјке қақылнап қайтадан с
рув уын керек. Сол сыјақт
бізге қана мәденілет қуры
дастырув уын, көрліікті
қол мен қайта тәрбіелев қу
сейтыв уын керек.

Виздік мемлекет құмыс

017

1ф
К-61

Служебный
каталог

КНИГА ИЗЪЯТА

Очерки міровоззрѣнія

99.

КНИГА ИЗЪЯТА БФ

Н. К. Михайловскаго.

Теорія раздѣленія труда, какъ основа научной
соціологіи.

Опытъ литературнаго анализа

Е. Е. Колосова.

Фундаментальное
отделение
Библиотека
С.-Петербург

№ 11754

Областная
Библиотека
Фундаментальное
отделение
ГОГОЛЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Большая Подъячская, 39.
1912.

Про [unclear]

Л

Проверено

«Что случилось?—Разночинецъ пришелъ. Больше ничего не случилось. Однако, это событіе, какъ бы кто о немъ ни судилъ, какъ бы кто ему сочувствовалъ или не сочувствовалъ, есть событіе высокой важности, составившее эпоху въ русской литературѣ».

Н. К. Михайловскій.

«Истинная социологія есть социализмъ».

П. Л. Лавровъ.

ОТЪ АВТОРА.

Выпуская въ свѣтъ настоящую книгу о Н. К. Михайловскомъ, я бы хотѣлъ предупредить читателя о слѣдующемъ. Книга эта, будучи вполнѣ законченной сама по себѣ, представляетъ однако только часть того, что мнѣ хотѣлось бы и что я считалъ бы нужнымъ сказать о Н. К. Михайловскомъ. Въ мой планъ совсѣмъ не входятъ тѣ стороны ученія Михайловскаго, которыя для современныхъ читателей можетъ быть имѣютъ наибольшій интересъ—именно его философскіе взгляды. Ихъ я касаюсь лишь въ той мѣрѣ, поскольку они входятъ въ собственно социологическое ученіе Н. К. Михайловскаго, главнымъ образомъ меня интересующее. Къ тому же философская сторона его взглядовъ подвергалась разработкѣ раньше, продолжаетъ разрабатываться и теперь В. М. Черновымъ, къ многочисленнымъ трудамъ котораго о Н. К. Михайловскомъ я съ тѣмъ большей охотой отсылаю читателя, что занимаю одну общественную позицію съ ихъ авторомъ.—Итакъ, въ моей книгѣ читатель не найдетъ самостоятельнаго отдѣла по философіи Н. К. Михайловскаго.

Но, какъ я уже сказала, не найдетъ онъ и вообще полнаго изложенія того, что мнѣ представляется далеко не лишнимъ сказать теперь о Михайловскомъ...

Н. К. Михайловскій занимаетъ исключительное и нѣсколько странное положеніе въ русской литературѣ. Оно исключительно уже по своему внѣшнему характеру: начиная со статьи «Что такое прогрессъ», почти въ теченіе 40 лѣтъ Н. К. Михайловскій «стоитъ, что городъ на горѣ, дабы всѣмъ виденъ былъ». Исключительно оно и по его необыкновенному

таланту, по глубинѣ его мысли, по благотворности его вліянія на русское общество. Но оно нѣсколько странно по отношенію къ нему критики, даже благожелательной, что отчасти зависитъ отъ крайне разнообразныхъ свойствъ оставленнаго имъ литературнаго наслѣдства. Н. К. Михайловскій самъ писалъ однажды: «я вотъ уже на склонѣ лѣтъ, не знаю кто я—критикъ, публицистъ, соціологъ, совался было и въ беллетристику», («Рус. Бог.», янв. 1910).

Такъ и люди, писавшіе о Михайловскомъ, а равно его читатели, не рѣшили до сихъ поръ, кто онъ—критикъ, публицистъ, соціологъ, хотя, кажется, мы будемъ не далеки отъ истины, если скажемъ, что огромное большинство читателей Михайловскаго и тѣхъ, кто о немъ писалъ, цѣнятъ въ немъ все-таки публициста предпочтительнѣе и передъ соціологомъ, и передъ критикомъ, и, конечно, передъ беллетристомъ. Типичны въ этомъ отношеніи слова г. Невѣдомскаго въ его «опытѣ психологической характеристики», напечатанномъ въ апрѣльской кн. «Міра Божія» за 1904 годъ. «Многіе изъ поклонниковъ Михайловскаго—говорить г. Невѣдомскій—видятъ въ немъ научнаго мыслителя и почти сожальютъ, что жизнь не давала ему привести въ стройную систему свои теоріи. Я думаю—прибавляетъ авторъ отъ себя, что это ошибочное мнѣніе... онъ былъ типичнымъ, кровнымъ, прирожденнымъ публицистомъ» (стр. 32).

Не станемъ разбирать здѣсь по существу это мнѣніе, тѣмъ болѣе, что Михайловскій былъ несомнѣнно и типичнымъ, кровнымъ публицистомъ. Совершенно вѣрно и неоспоримо также, что его публицистика представляетъ сама по себѣ высокій интересъ и высокую цѣнность, заслуживая специальной разработки. Такъ или иначе, однако, но въ своей книгѣ я исхожу не изъ того мнѣнія, которое высказываетъ сотрудникъ «Міра Божія». Для меня Михайловскій прежде всего—соціологъ. Насколько я правъ—пусть судить самъ читатель, познакомившись съ моей аргументаціей. Но пусть онъ также приметъ во вниманіе, что здѣсь только *часть* того, что можно сказать о Михайловскомъ, какъ представителѣ *теоретической* соціологіи. Здѣсь нѣтъ почти ничего даже о такой огромной полосѣ литературнаго творчества Михайловскаго, какъ его замѣчательная теорія коллективнаго подражанія; здѣсь данъ только предварительный анализъ его отвѣта на

вопросъ «что такое прогрессъ»; лишь съ одной стороны разсмотрѣна теорія борьбы за индивидуальность. Безъ разсмотрѣнія совсѣмъ оставленъ вопросъ о роли личности въ исторіи и соціологической необходимости. Нѣтъ анализа общественнаго идеала Михайловскаго и критики его П. Л. Лавровымъ. Нѣтъ ученія объ этикѣ и религіи. И т. д.

Но въ моей работѣ о Н. К. Михайловскомъ читатель встрѣтитъ за то исчерпывающее, какъ мнѣ кажется, изложеніе его теоріи общественнаго раздѣленія труда, его ученія о разныхъ типахъ коопераціи и роли этого ученія во всей системѣ взглядовъ нашего соціолога-мыслителя. Въ этомъ смыслѣ предлагаемая работа является вполне законченнымъ опытомъ литературнаго анализа, и при томъ опытомъ, посвященнымъ такой сторонѣ взглядовъ Михайловскаго, которая должна явиться введеніемъ въ изученіе всей его соціологіи. Михайловскій, вѣдь, былъ правъ, когда говорилъ, что «ученіе о раздѣленіи труда является фундаментомъ общественной науки»...

Незаконченность—въ указанномъ смыслѣ—моей работы есть первое, о чемъ я хотѣлъ предупредить читателя. Теперь я перехожу ко второму пункту моего предисловія. То общественное направленіе,—въ литературѣ о Н. К. Михайловскомъ оно представлено именами В. М. Чернова, М. Р. Гоца и Н. С. Русанова—къ которому я себя причисляю, подчеркивало до сихъ поръ *субъективную* сторону своихъ соціологическихъ воззрѣній, необходимость психологическаго истолкованія исторіи, или, выражаясь условнымъ языкомъ нашего литературнаго обихода,—роль личности въ исторіи. По существу это совершенно правильная позиція и мѣнять ее ни въ какомъ случаѣ не приходится, но въ ней есть одинъ пробѣлъ, который требуетъ восполненія.

До сихъ поръ мы критиковали объективное истолкованіе исторіи, въ частности наиболѣе яркое выраженіе его въ видѣ теоріи классовой борьбы, однако, вѣдь критиковать еще не значитъ всецѣло отвергать. Рядомъ съ этой критикой намъ приходилось раньше, приходится и теперь, опредѣлять степень своего *положительнаго* отношенія къ тѣмъ понятіямъ, которыя мы критикуемъ, и соціологія Н. К. Михайловскаго дастъ чрезвычайно удобный поводъ это сдѣлать. Н. К. Михайловскій выработалъ свою соціологическую систему вполне

самостоятельно и, что для насъ особенно важно, независимо отъ марксистской литературы. По словамъ, нѣсколько впрочемъ преувеличеннымъ, г. Бердяева—«съ Марксомъ г. Михайловскій познакомился тогда, когда его взгляды совершенно сложились, и великій нѣмецъ не оказалъ на него никакого вліянія» (стр. 12 книги г. Бердяева о Михайловскомъ). Тѣмъ интереснѣе, слѣдовательно, для насъ и тѣмъ важнѣе изучить *объективныя* предпосылки *субъективной* по существу социологін Н. Б. Михайловскаго. Попытку такого изученія читатель и найдетъ въ моей работѣ...

Я думаю понятно, почему мнѣ хотѣлось указать на оба эти пункта. За время своей литературной дѣятельности, особенно же начиная со статей Л. З. Слонимскаго въ концѣ 1880-хъ годовъ, Михайловскому пришлось вынести много упрековъ за свое стремленіе къ «субъективизму», за связанную будто бы съ этимъ склонность къ «эклектизму» и пр. Припомнимъ хотя бы заключительную страницу въ книгѣ Г. В. Плеханова «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію», книгѣ, давшей тонъ общаго отношенія къ Михайловскому всей эпохи 90-хъ годовъ.

«Г. Михайловскій всю свою жизнь былъ *эклектикомъ*—говоритъ г. Плехановъ.—Примириться съ исторической философіей Маркса онъ не могъ по всему складу своего ума, по всему характеру своего предыдущаго—если такъ можно выразиться по отношенію къ г. Михайловскому—философскаго образованія. Когда идеи Маркса стали проникать въ Россію, онъ сначала пробовалъ защитить ихъ, при чемъ дѣло не обошлось, разумѣется, безъ многочисленныхъ оговорокъ и безъ весьма значительныхъ «недоумѣній». Онъ думалъ тогда, что и эти идеи ему удастся смолоть на своей эклектической мельницѣ, и такимъ образомъ внести еще больше разнообразія въ свою умственную пиццу. Потомъ онъ увидѣлъ, что для украшенія мозаическихъ работъ, называемыхъ міросозерцаніемъ эклектиковъ, идеи Маркса совсѣмъ не годятся, что ихъ распространеніе грозитъ совсѣмъ разрушить любезную ему мозаику. Вотъ онъ и ополчился на эти идеи. Конечно, онъ тотчасъ же оказался при этомъ отсталымъ человѣкомъ, но, право же, намъ кажется, что онъ не виноватъ, что онъ только ошибается».

«Но, вѣдь, все это не оправдываетъ «акробатства».—А

г. Плехановъ и въ этомъ упрекалъ Михайловскаго—«Да, мы и не оправдываемъ его—отвѣчаетъ онъ—а только указываемъ на слѣдующія обстоятельства: совершенно незамѣтнымъ для себя образомъ г. Михайловскій, благодаря развитію русской общественной мысли, попалъ въ такое положеніе, изъ котораго можно только выпутываться посредствомъ «акробатства». Есть, правда, и еще выходъ, но на него рѣшился бы только человѣкъ полный истиннаго героизма. Этотъ выходъ: *сложитъ эклектическое оружіе*». (2-е изд. стр. 210, курс. подл.).

Въ свое время слова г. Плеханова о Михайловскомъ производили, и не могли не производить, сильное впечатлѣніе, ибо это было время поразительнаго, глубокаго незнакомства съ русской субъективной школой. На это незнакомство и спекулировалъ не безъ успѣха г. Плехановъ. Впослѣдствіи это косвенно признали и сами марксисты. Такъ г. Бердяевъ, имѣя въ виду оцѣнку г. Плехановымъ теоріи «героевъ и толпы», которую онъ, впрочемъ, и самъ совсѣмъ не понимая, не рѣшался уже затушевывать слишкомъ явныхъ передержекъ и промаховъ, сдѣланныхъ тутъ «отцомъ» русской социаль-демократіи, но, не рѣшаясь ихъ отрицать, онъ однако оговаривается, что для г. Плеханова «это простиительно, такъ какъ онъ совсѣмъ не задавался цѣлью критиковать міровоззрѣнія г. Михайловскаго. Отношеніе Н. Бельтова къ г. Михайловскому было чисто полемическое, и онъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду статьи г. Михайловскаго противъ новаго направленія» (примѣч. на 141—142 стр.).

Отношеніе къ Михайловскому было чисто полемическое, и г. Плехановъ могъ говорить о немъ все, что ему угодно: знакомства съ Михайловскимъ, повидимому, при этомъ не требовалось. Это откровенно, но простиительно ли—другой вопросъ. Между тѣмъ такъ дѣйствительно было. Насколько же критика г. Плеханова была вообще состоятельна, это показываютъ итоги г. Бердяева къ его собственной оцѣнкѣ сочиненій Н. К. Михайловскаго. Г. Бердяевъ тоже находитъ, что «объективная критика не оставляетъ камня на камнѣ отъ міровоззрѣнія г. Михайловскаго», но это имъ сказано лишь для приличія. «Кое-какіе камушки все-таки остаются», замѣтилъ еще самъ Михайловскій по поводу этихъ словъ г. Бердяева. И дѣйствительно остаются...

«Подводя итоги заслугамъ г. Михайловскаго, мы должны,

сознается г. Бердяевъ, указать на слѣдующее. Своимъ «субъективизмомъ» онъ пытается утвердить самостоятельныя права за этической точкой зрѣнія; признавъ необходимость психологическихъ предпосылокъ всякаго соціологическаго познанія, онъ *предвосхищаетъ классовую точку зрѣнія на общественныя явленія...* Своимъ «индивидуализмомъ» онъ ставитъ другой вопросъ общественной философіи, вопросъ объ отношеніи личности и общества. Онъ рѣшаетъ его невѣрно, но защищаетъ по-своему дорогую и для насъ человѣческую личность, *предвосхищая отчасти точку зрѣнія критической философіи, которая признаетъ святость чловѣка какъ самоцѣли.* Г. Михайловскій—продолжаетъ г. Бердяевъ—вѣрно опредѣляетъ незаконность вторженія біологіи въ общественную науку и буржуазную подкладку такихъ теченій, какъ органическая теорія общества и дарвинизмъ въ соціологіи. *Онъ понимаетъ зависимость идеологіи отъ общественной коопераціи.* Онъ предчувствуетъ значеніе психологіи для общественной науки и дѣлаетъ интересныя попытки въ области коллективной психологіи... Все это заставляетъ насъ признать несомнѣнное историческое значеніе за литературнымъ противникомъ того направленія, которое намъ дорого, и это мы можемъ сдѣлать тѣмъ болѣе спокойно, что его значеніе теперь только историческое. Направленіе, которому онъ служилъ, умерло, и новая мысль воздвигаетъ на его развалинахъ свой храмъ» (стр. 266—267, курс. мой).

Складывать «эклѣктическое» оружіе Михайловскому при такихъ условіяхъ, пожалуй, что и нѣтъ особенной нужды. Не пора ли, напротивъ, г. Плеханову подсчитать, что собственно осталось отъ его аргументовъ былыхъ временъ противъ «русской quasi-соціологической литературы»? Замѣчательно при этомъ то, что, не говоря уже о г. Плехановѣ, но и г. Бердяевъ дѣлалъ свои выводы чисто эмпирическимъ, если не апіорнымъ путемъ. Онъ, наприм., обратилъ вниманіе на то, что Михайловскій «понимаетъ зависимость идеологіи отъ общественной коопераціи», но самаго ученія Михайловскаго о коопераціи, ея формахъ, простой и сложной, ихъ историческомъ взаимодействіи и пр. — совершенно не понялъ. Тутъ отъ критики г. Бердяевымъ соціологіи Михайловскаго, построенной какъ разъ на опредѣленномъ ученіи о формахъ коопераціи, остаются не «камушки», а цѣлыя

глыбы гранитной мысли. Вотъ почему и имѣть такое крупное значеніе анализъ *объективныхъ* предпосылокъ *субъективной* по существу социологіи Михайловскаго.

И читатель не долженъ смущаться, что этотъ анализъ мы предлагаемъ какъ бы въ незаконченномъ видѣ. Напротивъ, объективныя предпосылки ученія Михайловскаго изложены нами съ достаточной полнотой и въ дальнѣйшемъ остается только привести ихъ въ связь съ психологическимъ истолкованіемъ исторіи, общій абрисъ котораго намѣченъ нами также въ главѣ о борьбѣ за индивидуальность. И такая работа, дополненная вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, очеркомъ публицистики Михайловскаго, его политики, тѣмъ нужнѣе, что въ Н. К. Михайловскомъ мы имѣемъ вовсе не только памятникъ прошлой исторіи русской литературы и жизни. Это наше живое настоящее, ибо направленіе, которому онъ служилъ, не умерло, оно еще въ недавніе дни нашего возрожденія сыграло крупную роль и заставило громко говорить о себѣ. Оно и въ будущемъ должно внести свою долю въ сокровищницу общечеловѣческой мысли, и оно можетъ сдѣлать это только путемъ дальнѣйшей разработки взглядовъ такихъ своихъ представителей, какъ прежде всего Н. К. Михайловскій.

Сентябрь 1910 года.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Принципы простой и сложной коопераціи въ міровоззрѣніи Н. К. Михайловскаго.

I.

Основную задачу своихъ соціологическихъ работъ Михайловскій формулируетъ какъ попытку опредѣлить «отношеніе различныхъ формъ общежитія къ судьбамъ личности». Соціологическія работы Михайловскаго не представляютъ при этомъ чего-то изолированнаго отъ его работъ публицистическихъ и литературно-критическихъ. Замѣчательно, что въ одномъ изъ старыхъ изданій своихъ сочиненій Михайловскій помѣстилъ въ IV т. только двѣ работы «Что такое прогрессъ» и «Въ перемежку», объясняя въ предисловіи къ нему такое странное на первый взглядъ сочетаніе двухъ совершенно разнородныхъ статей тѣмъ, что эти статьи не разнородны, а, наоборотъ, онѣ дополняютъ одна другую. Впослѣдствіи я убѣдился, говорилъ онъ значительно позже, что для читателя далеко не было яснымъ, почему и чѣмъ именно «Что такое прогрессъ» и «Въ перемежку» дополняютъ другъ друга. Но, какъ бы тамъ ни думалъ читатель Михайловскаго, для него-то самого, разумѣется, были ясны тѣ пункты въ «отношеніи различныхъ формъ общежитія къ судьбамъ личности», въ которыхъ статья «Что такое прогрессъ» дополнялась очеркомъ «Въ перемежку».

Съ другой стороны, дѣлая общую характеристику своихъ работъ въ «предисловіи» къ I т. послѣдняго (т. е. третьяго, — теперь уже выходитъ и почти закончено четвертое, посмертное) изданія своихъ сочиненій и указавъ на чрезвычайную ихъ разбросанность, онъ говоритъ, что тѣмъ не менѣе «все это росло изъ одного и того же корня, все это связалось

такъ жизненно тѣсно въ одно цѣлое». И если одна часть этого цѣлага занята соціологическимъ разборомъ отношеній различныхъ формъ общежитія къ судьбамъ личности, то не въ правѣ ли мы и въ другихъ работахъ Михайловскаго искать отраженія той же проблемы? Публицистика Михайловскаго—это есть конкретное приложеніе, на оцѣнкѣ и анализѣ фактовъ текущей жизни, его формулъ соціологическаго характера. Такъ, въ «Литературн. зам.» 1873 года, онъ, на одномъ частномъ примѣрѣ, самъ непосредственно дѣлаетъ именно такое указаніе, говоря: «Въ статьѣ «Что такое прогрессъ?» я представилъ теоретическія основанія, въ силу которыхъ центральнымъ пунктомъ философіи исторіи должна быть признана форма коопераціи. «Литературныя замѣтки» даютъ мнѣ постоянно случаи подтверждать на томъ или другомъ частномъ примѣрѣ, что дѣйствительно явленія общественной жизни только тогда могутъ быть правильно освѣщены, когда принята въ соображеніе смѣна формъ коопераціи»¹⁾).

Н. К. Михайловскій давно пользуется репутаціей писателя чрезвычайно разбросаннаго, безсистемнаго, — объ этой разбросанности и безсистемности въ изложеніи рѣдкій изъ его критиковъ не упоминаетъ или съ чувствомъ горечи, или — если это не критикъ изъ числа друзей, — даже не безъ нѣкотораго злорадства, хотя и вуалированнаго иногда разными комплиментами²⁾. Н. К. Михайловскій несомнѣнно глубоко

¹⁾ «Сочинен.» изд. 1897 г., т. I, 911.

²⁾ Не вуалируетъ своихъ чувствъ только г. Плехановъ. Для него вообще «всю жизнь г. Михайловскій былъ только бойкимъ фельетонистомъ» («Къ вопросу о монистическомъ взглядѣ на исторію», 2-ое изд., стр. 261). И г. Плехановъ напоминаетъ о «разницѣ, какая существуетъ между нимъ и людьми науки». Разница, конечно, громадная. Но не всѣ «люди науки», къ сожалѣнію, согласны съ г. Плехановымъ. Одинъ изъ таковыхъ, научныя заслуги котораго не рѣшится отрицать самъ г. Плехановъ, польскій соціологъ Крживицкій, говоритъ про «фельетоны» Михайловскаго такъ: «фельетоны—не больше! Но въ нихъ чувствовался великій умъ, вооруженный широкимъ знаніемъ и въ особенности умѣнемъ использовать то, чѣмъ располагалъ... Систематичности въ его соціологическихъ этюдахъ и слѣда нѣтъ: капризная жизнь отвлекаетъ постоянно вниманіе писателя отъ того, что его недавно занимало, и направляетъ его въ новую сторону... И мандарины науки, которые строятъ кислыя гримасы при видѣ сочиненія безъ достаточно приличнаго числа подстрочныхъ цитатъ, съ пренебреженіемъ взглянуть на эту разбросавшуюся въ формѣ фельетоновъ соціологию. Но, чтобы понять поэта, нужно «in Dichter's Lande gehen». И кто войдетъ туда, тотъ найдетъ

страдалъ отъ сознанія, какъ много теряютъ его сочиненія отъ чисто внѣшнихъ недостатковъ. «Когда-то я мечталъ, — говоритъ онъ, — не только распредѣлить матеріалъ по предметамъ и исключить все лишнее, но и переработать свои писанія въ одно цѣльное сочиненіе». Дѣйствительно, слѣды этихъ мечтаній сохранились въ его сочиненіяхъ. Уже одна изъ первыхъ его статей «Параллели и контрасты», напечатанная въ «Невскомъ сборникѣ» за 1867 годъ и съ тѣхъ поръ не переиздававшаяся, носитъ характерный подзаголовокъ: «Введеніе къ ненаписанной книгѣ». Дѣлая такой подзаголовокъ, Михайловскій мечталъ несомнѣнно о томъ, что современемъ онъ напишетъ и самую «книгу».

Объ этой же мечтѣ, какъ о твердо рѣшенномъ намѣреніи, онъ говорилъ и въ предисловіи къ первому изданію своихъ сочиненій, которое вышло въ 1879 году, спустя 10 лѣтъ послѣ статьи о прогрессѣ, когда Михайловскій былъ уже авторомъ «Борьбы за индивидуальность». «Предполагаемое изданіе, читаемъ мы здѣсь, не есть «полное собраніе сочиненій». Многое изъ написаннаго мною въ теченіе десятилѣтней литературной дѣятельности вовсе не войдетъ въ это изданіе. Много, главнымъ образомъ статьи: «Что такое прогрессъ», «Теорія Дарвина и общественная наука», «Борьба за индивидуальность» и нѣкоторыя мелкія замѣтки, будетъ значительно дополнено и сведено въ одну цѣльную работу. Съ нея именно думалъ я начать изданіе, но текущая журнальная дѣятельность поглощаетъ столько времени и силъ, что я, при всемъ желаніи, не могъ до сихъ поръ сдѣлать это сравнительно небольшое дѣло».

Разъ Михайловскій считалъ настолько необходимой систематическую переработку своихъ старыхъ статей, то, очевидно, не «безъ борьбы и думы роковой» онъ отказался современемъ отъ намѣренія «сдѣлать нѣчто цѣльное и единое», если не изъ всѣхъ своихъ работъ, то, по крайней мѣрѣ, изъ своихъ «чисто теоретическихъ статей по предмету социологій, печатавшихся въ разное время и по разнымъ поводамъ, но на-

въ эскизахъ-фельетонахъ больше мысли, чѣмъ въ кучахъ бумаги, исписанной мандаринами». Неизвѣстно только одно — къ кому себя причисляетъ г. Плехановъ, — къ «людямъ науки» или ея «мандаринамъ», «которые строятъ кислые гримасы» при видѣ «фельетоновъ» Михайловскаго.

столько связанных внутреннимъ единствомъ, что казалось, не будетъ большого труда придать имъ и внутреннее единство». Однако, это только казалось. «Я пробовалъ, рассказываетъ Михайловскій на предисловіи къ IV тому того же изданія,— исключать, устранять, тасовать, и, въ концѣ концовъ, отступился: что написано перомъ — того не вырубишь топоромъ. Можно измѣнить и устранить нѣкоторыя мелочи, но исполнить такую большую хирургическую операцію оказалось невозможно».

Убѣдившись въ этомъ, Михайловскій думалъ, что ему удастся разъ поставленной цѣли достигнуть инымъ путемъ. Пусть нельзя свести въ цѣльную работу старыя журнальныя статьи, но, вѣдь, можно написать новую книгу съ полнымъ изложеніемъ своей соціологической системы. Чрезвычайно любопытно въ этомъ отношеніи слѣдующее признаніе Михайловскаго. Во второмъ изъ «Писемъ о правдѣ и неправдѣ», имѣющихъ знаменательный подзаголовокъ «программа и критика», онъ говоритъ, обращаясь къ читателю: «я обѣщалъ систему правды въ видѣ программы. Въ этомъ обѣщаніи не было по существу ничего неисполнимаго или очень заносчиваго,— каждый человекъ или долженъ имѣть или искать такую систему»,—но «послѣ первой же пробы я долженъ былъ отказаться отъ мысли исполнить свое обѣщаніе въ журналѣ. *Для этого нужна книга, и я ее напишу* (т. IV, 405).

Всѣ эти цитаты, особенно послѣдняя, подчеркнутыя нами слова характерны. Михайловскій, конечно, могъ бы при другихъ условіяхъ литературно-общественной жизни выполнить такую задачу. Силъ для этого у него было достаточно. Строго говоря, на примѣръ, его «статья» «Что такое прогрессъ?» потому и «разбросана», или кажется разбросанной, что это не статья въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, *а рядъ самостоятельныхъ статей* (о формахъ коопераціи, Спенсеръ, Контъ, субъективномъ методѣ, законахъ исторіи и свободѣ воли), объединенныхъ общимъ заглавіемъ и общей руководящей мыслью, и эта работа была бы цѣлой *книгой* не по размѣрамъ только, но размѣрамъ она и теперь цѣлая книга, а и по существу, если бы Михайловскій точнѣе разграничилъ отдѣльные вопросы, затронутые въ «Что такое прогрессъ», концентрируя въ то же время вниманіе читателей на основной мысли, болѣе конкретно, чѣмъ теперь, разработанной и болѣе ясно объединяющей всѣ частичныя отступленія.

То же самое слѣдуетъ сказать и про другія его работы, про «Борьбу за индивидуальность», оставшуюся неоконченной, и статьи о «Герояхъ и толпѣ», при чемъ «Борьба за индивидуальность» сравнительно находится на особомъ положеніи.

«Борьба за индивидуальность», въ томъ видѣ, какъ мы ее знаемъ, работа незаконченная, но нельзя сказать, что «разбросанная»,—въ этомъ отношеніи она почти безупречна ¹⁾, но она не закончена въ томъ смыслѣ, что является *первой* частью болѣе обширнаго трактата, остальные главы котораго остались ненаписанными. Наоборотъ, въ циклѣ статей о «Герояхъ и толпѣ», занимающихъ половину 2-го тома «Сочиненій» Михайловскаго, онъ успѣлъ высказаться почти вполне, но недостатки этой работы тѣмъ не менѣе ощутительны: это опять таки рядъ статей, не сведенныхъ въ книгу, какъ и въ «Что такое прогрессъ», да и къ тому же и писанныхъ въ разное время (въ 1881 г. «Герои и толпа»; 1884 г. «Научныя письма»; 1889 г. «Патологическая магія»; 1891 г. «Еще о герояхъ» и въ 1893 г. «Еще о толпѣ») и по разнымъ поводамъ.

Такъ или иначе, но все-таки громадный, сорокалѣтній литературный багажъ Михайловскаго даетъ достаточно мате-

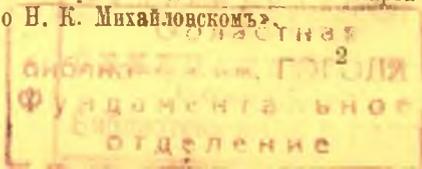
¹⁾ И вообще не слѣдуетъ преувеличивать «разбросанность» статей Михайловскаго. У него есть цѣлый рядъ работъ вполне законченныхъ и это какъ разъ работы чрезвычайно важныя для характеристики его взглядовъ. Таковы, напр., статьи: «Теорія Дарвина и общественная наука» («Сочин.» изд. 1897 г., т. I.), «Аналогическій методъ въ общественной наукѣ» (тамъ же), «Вольница и подвижники» (тамъ же), одна изъ самыхъ содержательныхъ статей Михайловскаго; «Философія исторіи Луи-Блана», т. III; «Новый историкъ еврейскаго народа», т. III; «Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ», т. IV; «Суздальцы и суздальская критика» и нѣкоторыя другія. Все это вполне законченныя и систематическія работы. Сюда же нужно отнести его литературныя характеристики Щедрина, Достоевскаго, Шелгунова, Лермонтова, Успенскаго, Елисеева («Литературн. воспомин.», т. I), Тургеневъ (въ «Письмахъ посторонняго»), собранныя преимущественно въ V томѣ, и характеристики историческихъ личностей, Бисмарка, Исанна Грезнаго, Вольтера въ VI томѣ. Кроме того, есть масса публицистическихъ статей, настоящихъ шедевровъ въ смыслѣ литературной обработки, перечислить всѣ ихъ невозможно,—изъ болѣе крупныхъ таковы, напр., «Литературн. замѣтки» 1880 г., почти всѣ, многія изъ «Литер. зам.» 1872—73 гг., статьи «Житейскія и художественныя драмы», т. IV (одна изъ лучшихъ публицистическихъ работъ Михайловскаго), «О драмѣ Додэ, романѣ Бурже и о томъ, кто виноватъ», т. VI, «Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха», т. I, нѣкоторыя главы «Зап. проф.», т. III, и др.

ріала для той «книги», о которой онъ говоритъ въ цитатѣ изъ «Писемъ о правдѣ», и дѣло критики свести въ систему то, что по существу и безъ того глубоко систематично, но разбросано въ смыслѣ литературной, чисто внѣшней обработки. Тотъ фактъ, что эта работа не была выполнена въ свое время Михайловскимъ, отнюдь не противорѣчитъ этому утвержденію,—даже больше: онъ даетъ косвенное подтвержденіе ему. Михайловскій не потому не могъ свести въ общію систему своихъ взглядовъ, что для этого не было данныхъ въ его сочиненіяхъ,—дѣло здѣсь объясняется, какъ намъ кажется, главнымъ образомъ психологическими особенностями Михайловскаго, какъ литератора. Даже тѣ специфическія условія русскаго журнальнаго работника, въ которыхъ онъ самъ указывалъ главную причину разбросанности и беспорядочности въ своихъ произведеніяхъ, играютъ здѣсь едва-ли не подчиненную роль.

Михайловскій обладалъ глубоко творческимъ умомъ, чрезвычайно способнымъ къ широкимъ синтетическимъ обобщеніямъ и соціологическому анализу; работать же ему пришлось въ такой научной области, гдѣ была масса неиспользованнаго матеріала, хаотически раскиданнаго и не обобщеннаго. Михайловскому приходилось зачастую быть новаторомъ и инициаторомъ въ разработкѣ цѣлаго ряда вопросовъ. Безусловно онъ чувствовалъ себя способнымъ къ этой крайне ответственной и крайне важной для умственнаго развитія русскаго общества роли и, какъ показали его статьи, напр., о «Герояхъ и толпѣ», онъ дѣйствительно обладалъ всѣми данными, чтобы занять съ полнымъ правомъ такое положеніе. Какъ говоритъ совершенно справедливо Людвигъ Крживицкій, польскій марксистъ, котораго нельзя заподозрить въ излишнемъ пристрастіи къ Михайловскому, «въ дѣлѣ анализа многихъ сторонъ коллективной жизни Михайловскій былъ великимъ инициаторомъ мысли и нѣкоторыми своими идеями опередилъ теоретическую работу запада»¹⁾.

Однако здѣсь же, при его положеніи журнальнаго работника, обязаннаго откликаться на опредѣленные вопросы прак-

¹⁾ См. Некрологъ Л. Крживицкаго о Михайловскомъ. Февральская кн. журн. «Ogniwo» за 1904 г. Цитир. по «Русск. Вѣдом.», № отъ 1 марта 1904 г., статья «Польскій соціологъ о Н. К. Михайловскомъ».

тической жизни, къ которымъ его влекли и особенности темперамента, лежали причины, все болѣе и болѣе затруднявшія со стороны Михайловскаго возможность систематическаго обобщенія своихъ сочиненій. Систематическая сводка старыхъ работъ требовала бы возвращенія къ нимъ, новаго подробнаго ихъ развитія, *повторенія* того, что уже сдѣлано и въ чемъ потребность творчества нашла для себя извѣстное, порой глубокое, удовлетвореніе. При чрезвычайно сильномъ творческомъ, инициативномъ умѣ для Михайловскаго такія «повторенія» были психологически невозможными. Сначала отъ нихъ его отвлекали все новыя и новыя обобщенія, къ которымъ онъ переходилъ, зачастую, пользуясь самыми незначительными поводами, потомъ, когда онъ успѣлъ уже вполнѣ высказаться, потребность творчества была такъ или иначе удовлетворена, насыщена.

Глубокій трагизмъ личности Михайловскаго заключается не въ томъ, что онъ могъ сказать про себя словами поэта: «разбейтесь силы—вы не нужны», а въ томъ, что, удовлетворивъ свою потребность творчества,—не даромъ же онъ говорилъ въ одной изъ своихъ статей «если бъ мать моя могла предвидѣть то дѣло, которое я дѣлаю, она не отказалась бы родить меня. Я думаю, что это предвидѣніе облегчило бы ея муки» (см. т. IV, стр. 132, ср. «Посл. соч.», т. I, 432)—онъ ясно сознавалъ, что виѣшній характеръ его работъ мѣшаетъ читателю уяснить во всемъ ея объемѣ основную, великую мысль автора. Съ этимъ глубоко трагичнымъ чувствомъ Михайловскій и умеръ, унося съ собою въ могилу свою боль. И все-таки Михайловскому было легче на разныхъ повседневныхъ фактахъ провѣрять конкретное приложеніе своей общей теоретической точки зрѣнія или дополнять разные пробѣлы въ своихъ старыхъ научныхъ работахъ, чѣмъ снова продѣлать однажды уже сдѣланное. Именно, этотъ-то крайне сложный психологическій процессъ, быть можетъ, смутный для него самого, Михайловскій, при объясненіи своихъ неудачныхъ попытокъ создать «книгу» изъ «разбросанныхъ» статей, и выражалъ словицей— «что написано перомъ того не вырубишь топоромъ».

Само собой разумѣется, что при такомъ положеніи дѣла роль критики при систематизаціи взглядовъ Михайловскаго будетъ чисто служебной,—здѣсь нужно не творчество и не оплодотвореніе сочиненій Михайловскаго новыми принципами, такъ какъ *всѣ* матеріалы для построенія *полной* «системы прав-

ды» имѣются уже на лицо,—здѣсь нуженъ, главнымъ образомъ, непосредственный анализъ его сочиненій. При чемъ опять таки этотъ анализъ въ высшей степени осложняется только что очерченными психологическими особенностями Михайловскаго. Повинный журнальной работѣ, при постоянномъ творческомъ напряженіи, онъ въ литературную работу входилъ и *выражался въ ней* весь, цѣликомъ, со всеѣми своими цѣнными чертами и недостатками. Поэтому, въ статьяхъ Михайловскаго мы имѣемъ рядомъ съ окончательными формулировками, готовымъ результатомъ общаго хода его мысли, также и самый процессъ ея развитія, выраженный иногда далеко не въ совершенныхъ формахъ, что и создаетъ новыя трудности для критики Михайловскаго, позволяя въ то же время одерживать надъ нимъ легкія, но не весьма прочныя побѣды. Разобраться же во всемъ этомъ можно только при одномъ условіи,—рядомъ съ непосредственнымъ анализомъ взглядовъ Михайловскаго должна быть поставлена психологическая критика его сочиненій.

Сочиненія Михайловскаго разбросаны и безсистемны, и это обстоятельство само собою опредѣляетъ то направленіе, которое долженъ принять непосредственный анализъ ихъ, если задачей такого анализа является сведеніе въ систему взглядовъ Михайловскаго—*всѣхъ* взглядовъ, социологическихъ или публицистическихъ, безразлично. Очевидно, что для успѣшнаго выполненія такой задачи должна быть найдена какая-то формула, объединяющая все эти взгляды, иначе громадная, безформенная, въ силу разбросанности и безсистемности, масса всего написаннаго Михайловскимъ подавить всякаго критика, примѣры чего мы уже имѣемъ въ русской литературѣ. Но какъ искать эту формулу?

Мы думаемъ, что тутъ можетъ быть одинъ только путь,—надо приемотрѣться, какія формулировки своихъ взглядовъ, сводяція ихъ воедино, давалъ самъ Михайловскій, ибо, вѣдь, какъ мы сказали, его сочиненія даютъ *полный* матеріалъ для ихъ систематизированія,—и затѣмъ, придерживаясь этихъ формулировокъ, какъ маяковъ, вести работу непосредственнаго анализа, въ общемъ ходѣ котораго на фактахъ будутъ провѣрены и формулировки, данныя самимъ Михайловскимъ. Мы не видимъ, при данномъ положеніи дѣлъ, иного исхода, хотя признаемъ, что въ этомъ случаѣ могутъ быть поводы для разныхъ недоразумѣній. Недоразумѣнія

могутъ явиться, потому что оторванные отъ общаго хода разсужденій Михайловскаго его формулировки должны будутъ казаться неясными и отвлеченными. Это, конечно, зло, но и съ нимъ можно примириться, такъ какъ это зло неизбежное.

Какъ же Михайловскій самъ формулируетъ свои взгляды?

Задачу, которую онъ себѣ ставитъ, мы уже знаемъ и тоже съ его словъ. Задача эта выражается въ попыткѣ опредѣлить отношеніе различныхъ формъ общежитія къ судьбамъ личности. Знаемъ мы также, что, повидимому, такой задачей исчерпывается одинаково какъ соціологическая, такъ и вся остальная его дѣятельность. По крайней мѣрѣ такъ слѣдуетъ думать по разнымъ сопоставленіямъ на основаніи его же словъ. Однако, приведенными выше словами исчерпывается только общая постановка взятой нами задачи, но ничего не говорится о томъ, въ какихъ же именно отношеніяхъ различныя формы общежитія, въ различныя историческія эпохи, стоятъ съ судьбами личности, тогда какъ формулировку этого взгляда Михайловскаго намъ и нужно найти. Формы общежитія и историческія судьбы личности по отношенію къ этимъ формамъ, взятымъ и въ статикѣ и въ динамикѣ, иначе говоря, содержаніе всего общественнаго процесса, какъ онъ складывался и теперь складывается на протяженіи всемірной исторіи и какъ онъ долженъ будетъ складываться дальше,—вотъ это, резюмированное въ одной формулѣ, мы и предполагаемъ найти у Михайловскаго. Можетъ ли быть, чтобы Михайловскій, такъ усиленно работавшій надъ анализомъ законовъ общежитія, поскольку они выражаются въ отношеніи различныхъ формъ общества къ судьбамъ личности,—а въ этой области они выражаются наиболѣе полно,—никогда не попытался точно и сжато формулировать свои взгляды на этотъ вопросъ?

И опять таки: если Михайловскимъ даны такія формулировки, то какъ можно приступить къ систематизаціи взглядовъ его на соціологическій процессъ, обойдя его собственныя попытки такой систематизаціи, ибо что такое, какъ не попытки систематизировать свои взгляды, представляютъ обобщающія формулировки этихъ взглядовъ? Все это такъ, конечно, но тутъ насъ встрѣчаетъ совершенно непредвидѣнное затрудненіе. Оказывается, что Михайловскимъ дана не одна строго опредѣленная, а нѣсколько *разныхъ* формулировокъ обществен-

наго процесса, какъ онъ ему представлялся, и среди этихъ разныхъ формулировокъ нужно дѣлать тотъ или другой выборъ.

Первая и основная, по указаніямъ самого Михайловскаго, — это, конечно, формула *борьбы за индивидуальность*. Когда въ 1894 году г. Струве сказалъ въ своихъ «Критическихъ замѣткахъ», что «хотя **г. Михайловскій** и писалъ очень много на социологическія темы, *нигдѣ* (курс. г. Струве) не далъ вполне ясной теоретической формулировки своего пониманія сущности историческаго процесса», — то Михайловскій отвѣтилъ на это не безъ основанія, что «г. Струве ошибается». И «отвѣтъ на интересующій его вопросъ» онъ формулировалъ тогда же и при томъ такъ же, какъ онъ формулировалъ его и много разъ раньше, а именно Михайловскій сказалъ такъ: «Сущности историческаго процесса я не знаю, да и никто ея не знаетъ, хотя метафизики (г. Струве у compris) и думаютъ, что знаютъ; но, не зная сущности историческаго процесса, — продолжаетъ Михайловскій — я могу уловить ту его центральную нить, держась за которую можно себя объяснить возможно большее число историческихъ явленій; эта центральная нить есть то, что я называю борьбой за индивидуальность» («Литер. вѣстникъ», т. II, 425).

А въ «Запискахъ Профана» онъ говоритъ по поводу социологическаго значенія теоріи борьбы за индивидуальность слѣдующее: «я такъ сжилъ съ мыслью, что обладаю широкой и многообъемлющей истиной. Когда я переживаю мысленно разные моменты исторіи человечества, они такъ привольно, такъ сами собой примыкаютъ къ изгибамъ теоріи борьбы за индивидуальность»¹⁾. Словомъ теорія борьбы за индивидуальность есть «формула прогресса», опредѣляющая отношеніе различныхъ формъ общества къ судьбамъ личности въ ходѣ историческаго процесса.

Казалось бы, если теорія борьбы за индивидуальность такъ «многообъемлюща» и такъ удовлетворяетъ самаго Михайловскаго, то онъ долженъ былъ бы при распредѣленіи и оцѣнкѣ различныхъ историческихъ событій руководиться пе-

¹⁾ Ср. въ ст. «Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ», не вошедшей въ собраніе сочиненій Михайловскаго: — борьбою за индивидуальность, говорить тамъ Михайловскій, «охватываются и объясняются для меня все когда-либо интересовавшіе меня социологическіе факты и вопросы». «Русская Мысль» 1889 г., № 5, стр. 227.

ключительно ею, но между тѣмъ, въ тѣхъ же «Запискахъ Профана» почти одновременно съ только что приведенной изъ нихъ цитатой онъ даетъ совершенно иную, по крайней мѣрѣ по первому взгляду, «формулу прогресса». «*Основаніемъ расположенія историческаго матеріала*,—говоритъ тамъ Михайловскій,—*можетъ и, смѣю сказать, должно быть принято взаимное отношеніе общественныхъ силъ*».

Слова эти (см. ихъ, т. III, 883, курс. мой) сказаны имъ далеко не случайно,—въ статьѣ «Гр. Бисмаркъ», написанной еще въ 1871 году и вообще чрезвычайно важной для характеристики Михайловскаго, мысль о взаимномъ отношеніи общественныхъ силъ, какъ принципъ расположенія историческаго матеріала развивается на такомъ конкретномъ примѣрѣ. «Въ общемъ ходѣ европейской исторіи—говорится тутъ—можно усмотрѣть три главныя историческія напластованія, представляющіяся намъ въ такомъ видѣ: 1) абсолютизмъ, теологія, война, владычество крупнаго землевладѣнія; 2) конституціонная монархія, метафизика и цеховая эрудиція, биржа, владычество капитала; 3) наука и право и обязанность труда» (т. VI, 105).

Вотъ, значить, каковы были «взаимныя отношенія общественныхъ силъ» въ европейской исторіи и какимъ образомъ должно быть проведено здѣсь «расположеніе историческаго матеріала». А какова же будетъ роль борьбы за индивидуальность въ этомъ случаѣ? И не должна ли борьба за индивидуальность при объясненіи трехъ «*главныхъ историческихъ напластованій*» Западной Европы уступить, даже въ глазахъ Михайловскаго, часть своего приоритета принципу взаимнаго отношенія общественныхъ силъ, какъ основанію для группировки историческаго матеріала? Но въ такомъ случаѣ почему она называется «многобъемлющей»?

Такъ или иначе, но мы имѣемъ уже *двѣ* «формулы прогресса»—или точнѣе: процесса, хотя для насъ это пока безразлично,—на первый взглядъ скорѣе различныхъ, чѣмъ одинаковыхъ. Замѣчательно, что и критика, возражая на теорію борьбы за *индивидуальность*, всегда апеллировала къ теоріи борьбы *общественныхъ* силъ, почему-то, впрочемъ, всегда умалчивая о собственномъ отношеніи Михайловскаго къ послѣднему изъ этихъ двухъ принциповъ. Но далѣе: достаточно сказать «формула прогресса», какъ непремѣнно вспо-

минаются заключительныя строки статьи «Что такое прогрессъ», столько разъ цитированныя въ русской литературѣ. «Прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между людьми. Безприветвенно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственнно, справедливо, разумно и полезно все, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ».

И это есть *третья* по нашему счету «формула прогресса» Михайловскаго, третья и самая популярная, однако и она не послѣдняя, ибо есть еще *четвертая*, съ которой мы уже встрѣтились въ началѣ этой статьи.

Въ самомъ дѣлѣ, разбирая отношеніе публицистики Михайловскаго къ его социологіи, мы тамъ видѣли, какъ онъ говоритъ, что «*центральнымъ пунктомъ философіи исторіи должна быть признана форма коопераціи*». Мы брали эту цитату изъ «Литературн. зам.» 1873 г., изъ статьи публицистической; но, формулируя эту мысль, Михайловскій ссылался тамъ на статью «Что такое прогрессъ», гдѣ онъ—по его словамъ—«представилъ теоретическія основанія» въ защиту ея и гдѣ она дѣйствительно положена въ основу всего изложенія и точно выражена. «Мы постараемся намѣтить главныя пункты социальной динамики, не прибѣгая къ удобному, но недостаточно гарантирующему отъ ошибокъ пріему выдѣленія одного какого-либо общественнаго элемента»—говоритъ тамъ Михайловскій. «Интеллектуальный элементъ, принимаемый за точку исхода позитивизмомъ»,—который Михайловскій критикуетъ въ «Что такое прогрессъ»,—«представляетъ, правда, въ этомъ отношеніи наиболѣе гарантіи и онъ, дѣйствительно, при извѣстной долѣ сдержанности и осторожности, можетъ быть принятъ, по выраженію Милля, за *primus agens* социального движенія. Однако, если есть возможность—а мы думаемъ, что она есть—прослѣдить законы общественнаго прогресса на развитіи всего общества въ цѣломъ, не давая слишкомъ преобладающаго значенія развитію какого бы то ни было изъ его элементовъ, то отъ этого постановка общественныхъ вопросовъ можетъ только выиграть. Поэтому мы постараемся прослѣдить историческую судьбу самой общности, т. е. коопераціи, и связать ее съ судьбою частныхъ факторовъ» (Т. I, 78).

И въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности Михайловскій строго держался этой точки зрѣнія. Характеристикъ и обоснованію ея онъ въ 1903 году, незадолго до смерти, посвятилъ статью «Новый взглядъ на происхожденіе общества», выдѣленную имъ, что тоже знаменательно, изъ общаго цикла «Литературы и жизни». Со статьей этой мы вскорѣ еще разъ встрѣтимся. Кроме того, въ полемикѣ съ г. Плехановымъ, въ 1897 году, Михайловскій, возражая на попытки «экономическихъ матеріалистовъ» создать особую привилегированную категорію изъ «экономическаго фактора», высказывался въ принципѣ противъ самой теоріи разныхъ «факторовъ» и ссылаясь при этомъ на приведенныя слова изъ «Что такое прогрессъ». Наконецъ, въ статьѣ «Суздальцы и суздальская критика» онъ точно также говоритъ, что *«закономъ прогресса слѣдуетъ искать въ развитіи самой общестственности, то есть въ развитіи и послѣдательной снѣннѣ формъ коопераціи»* (т. IV, 100, курс. мой). Словомъ, мы имѣемъ здѣсь такую формулировку, которая, судя по приведеннымъ ссылкамъ, проишкаеть все міровоззрѣніе Михайловскаго.

Итакъ, дѣло не въ томъ, что Михайловскій «нигдѣ не далъ формулы прогресса», дѣло въ томъ, наоборотъ, что вмѣсто одной онъ далъ ихъ четыре. Но является вопросъ, дѣйствительно ли Михайловскій далъ четыре формулы *вмѣсто* одной? Какъ же объяснить въ такомъ случаѣ, напр., что Луи Блану (и Конту, см. «Зап. Проф.», 645) онъ ставитъ въ особую заслугу тѣ стороны въ его «Философіи исторіи», гдѣ онъ *«пытается обнять однимъ принципомъ все сферы жизни»*, привести ихъ «къ одному знаменателю мысли», и даже видитъ въ такомъ монизмѣ «основное требованіе всякой исторической теоріи» (тамъ же, 18)? Или самъ Михайловскій не пытался дѣлать того же?

Было бы странно предполагать это, да и итъ нужды дѣлать такія предположенія, ибо во всѣхъ своихъ четырехъ «формулахъ прогресса» онъ именно и «пытается обнять однимъ принципомъ все сферы жизни», въ чемъ и заключается ихъ чрезвычайная особенность. Это не разные формулы—въ этомъ отношеніи они могутъ затруднять только людей, для которыхъ сочиненія Михайловскаго представляютъ какую-то книгу за семью печатями. Во всѣхъ этихъ формулахъ проявляется

«одинъ принципъ» въ разныхъ варіаціяхъ и комбинаціяхъ, соотвѣтственно характеру матеріала той или другой научной области. И принципомъ этимъ является какъ разъ та «формула прогресса», четвертая по нашему счету, которая центральнымъ пунктомъ философіи исторіи дѣлаетъ форму коопераціи.

Но какимъ же образомъ все приведенныя выше «формулы» сводятся къ одной? Какимъ именно образомъ онъ такъ сводится—насъ сейчасъ этотъ вопросъ не интересуетъ, т. е., точнѣе говоря, разрѣшать его мы не можемъ пока. Для насъ достаточно знать, признавалъ ли самъ Михайловскій, что каждая изъ его формулировокъ историческаго процесса (или прогресса) можетъ быть выражена въ видѣ принципа смѣны формъ коопераціи. И на этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить, что для насъ пока достаточно, —*да*, признавалъ.

Такъ, относительно третьей изъ приведенныхъ выше формулъ, говорящей о прогрессѣ, какъ постепенномъ уменьшеніи «раздѣленія труда между людьми»—или экономическаго раздѣленія труда—и увеличеніи «раздѣленія труда между органами» отдѣльнаго человѣка—или, иначе, физиологическаго раздѣленія труда—признаніе это выражено съ категоричностью, недопускающей сомнѣній. «Основная наша задача состоитъ все-таки въ опредѣленіи... взаимнаго отношенія между физиологическимъ раздѣленіемъ труда, говоритъ Михайловскій, т. е. раздѣленіемъ труда между органами въ предѣлахъ одного недѣлимаго и раздѣленіемъ труда экономическимъ, то есть раздѣленіемъ труда между цѣлыми недѣлимыми въ предѣлахъ вида, расы, народа, общества. Съ нашей точки зрѣнія, прибавляетъ онъ, *задача эта сводится къ изысканію основныхъ законовъ коопераціи, то есть фундамента общественной науки*» (т. I, 151).

Такимъ образомъ, третья изъ формулъ прогресса и самая, казалось бы, отвлеченная, «сводится», по словамъ Михайловскаго, къ четвертой, едва-ли не самой конкретной—«къ изысканію основныхъ законовъ коопераціи», т. е. общественности, задачѣ къ тому же чисто объективной.

Нѣсколько сложнѣе обстоитъ дѣло съ формулой борьбы за индивидуальность. Сколько мнѣ извѣстно, такого же, какъ въ предыдущемъ случаѣ, яснаго и опредѣленнаго заявленія на этотъ счетъ Михайловскій не дѣлаетъ, но если у него нѣтъ именно такого заявленія, то все-таки есть нѣчто, едва-ли еще

не болѣе опредѣленное, хотя нѣсколько въ другомъ родѣ. Дѣло здѣсь въ слѣдующемъ: сама формула смѣны формъ коопераціи составляетъ сложное сочетаніе двухъ болѣе элементарныхъ принциповъ, которые являются какъ бы простѣйшими, неразложимыми ея частями. Формы коопераціи предполагаютъ формы общности, формы же общности, какъ говоритъ третья формула прогресса, предполагаютъ формы «раздѣленія труда между людьми». Смѣна формъ коопераціи и означаетъ смѣну формъ «раздѣленія труда между людьми». Но вотъ это-то раздѣленіе труда между людьми бываетъ, по мнѣнію Михайловскаго, *двухъ* разныхъ типовъ. «Раздѣленіемъ труда» въ обычномъ смыслѣ этого слова, т. е. *экономическимъ* раздѣленіемъ труда, «не исчерпываются» формы коопераціи. «Наряду съ нимъ» т. е. опять-таки съ экономическимъ *раздѣленіемъ* труда «существовало и существуетъ простое сотрудничество», которому, по мнѣнію Михайловскаго, «принадлежитъ все будущее». Такъ что формы коопераціи растворяются въ извѣстномъ сочетаніи простого и сложнаго сотрудничества, простой и сложной коопераціи, которыя и являются основными и въ данномъ случаѣ, а не вообще, конечно, неразложимыми болѣе элементами.

«Позволю себѣ напомнить», говорилъ Михайловскій въ 1903 году въ статьѣ «Новый взглядъ на происхожденіе общества», о которой мы выше упоминали, «что слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, въ своей юношеской работѣ «Что такое прогрессъ», я писалъ о двухъ рѣзко различныхъ формахъ общности, а именно по типамъ простого и сложнаго сотрудничества, и»...—что для насъ особенно интересно,— «различными сочетаніями этихъ двухъ типовъ объяснялась для меня вся исторія человѣчества»¹⁾).

Мы увидимъ вскорѣ, какое громадное значеніе имѣеть для систематизаціи взглядовъ Михайловскаго это его указаніе. Но сейчасъ для насъ важно непосредственно слѣдующее замѣчаніе Михайловскаго: «*позже эта теорія*, говоритъ онъ, т. е. объясненіе «всей исторіи человѣчества» сочетаніями двухъ типовъ коопераціи, «сохраняя свои существенныя черты, *развилась въ теорію борьбы за индивидуальность*». А это значитъ, что и первая, самая существенная

¹⁾ «Послѣдн. сочин.», т. II, 412. Слѣдующая цитата отсюда же.

«формула прогресса» Михайловскаго, точно также, какъ и вторая, представляетъ высшее выраженіе основныхъ, элементарныхъ, болѣе неразложимыхъ положеній четвертой формулы. Очевидно, мы стоимъ на вѣрномъ пути къ обобщенію разныхъ «формулъ прогресса» Михайловскаго воедино.

То обстоятельство, что въ этихъ сопоставленіяхъ мы игнорируемъ пока вторую изъ приведенныхъ «формулъ прогресса», не должно смущать читателя, ею мы еще займемся. Но сейчасъ, благодаря послѣднимъ сопоставленіямъ, передъ нами встаетъ фактъ, если и нельзя сказать, что совсѣмъ непредвидѣнный, то, во всякомъ случаѣ, нами недостаточно учтенный. Вѣдь смѣна формъ коопераціи *объединяетъ уже*, какъ мы видѣли, *соціологію* и *публицистику*, не можетъ ли она послужить въ такомъ случаѣ вообще мостомъ между разными частями міровоззрѣнія Михайловскаго, а не только между его четырьмя «формулами прогресса»?

Михайловскій даетъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ не только общую формулу соціального процесса, онъ даетъ точно также общую формулу для изученія этого процесса, въ видѣ *субъективнаго метода*, столь широко развѣтвляющагося по всѣмъ его сочиненіямъ. Приведенныя выше «формулы прогресса», «субъективный методъ» и публицистика — это, вѣдь, буквально *весь* Михайловскій. Что публицистика его есть конкретная соціологія, это мы уже видѣли, что мостомъ между ними служить между прочимъ принципъ смѣны формъ коопераціи, это тоже для насъ извѣстно. Уже въ этомъ отношеніи принципъ смѣны формъ коопераціи шире, чѣмъ то можно было ожидать вначалѣ, — онъ объединяетъ, или даетъ путь для объединенія соціологіи и публицистики. Но значеніе его должно быть расширено еще болѣе, — благодаря принципу смѣны формъ коопераціи, объединяются и обѣ области соціологіи Михайловскаго, — представленіе (въ видѣ 4-хъ формулъ) о «сущности историческаго процесса» и нашѣмъ отношеніи къ его изученію въ видѣ «субъективнаго метода» со всѣми его развѣтвленіями.

Намѣчая этотъ планъ систематизаціи взглядовъ Н. К. Михайловскаго, мы понимаемъ, что для каждаго читателя во всѣхъ этихъ сопоставленіяхъ есть много непонятнаго, быть можетъ даже схоластичнаго. Но это только потому, что мы возвращаемся здѣсь въ сферѣ общихъ формулировокъ, не вдаваясь въ конкретный анализъ, — конкретному анализу въ

дальнѣйшемъ изложеніи мы подвергнемъ только термины простой и сложной коопераціи,—пока же мы и обязаны вращаться въ сферѣ общихъ формулировокъ, сколь бы схоластичнымъ ни казалось это занятіе. Обязаны потому, что намъ нужно выслушать прежде всего самого Михайловскаго въ вопросѣ о томъ, какимъ путемъ долженъ быть систематизированъ весь его соціологическій и вообще литературный багажъ.

И вотъ, между прочимъ, мы узнаемъ отъ Михайловскаго, что его *«субъективный методъ»*, для котораго, по мнѣнію г. Плеханова, *«нѣтъ другого критерія, кромѣ моихъ желаній. Праву моему не препятствуй!»* — вотъ послѣдній доводъ субъективизма», — коренится прежде всего въ *объективномъ* положеніи о роли формъ коопераціи въ историческомъ процессѣ. «Мой субъективизмъ, какъ говоритъ Михайловскій, находится въ самой тѣсной связи съ этой истиной», т. е. съ принципомъ смѣны формъ коопераціи ¹⁾).

¹⁾ См. «Отклики» т. II, Спб. 1904 г., стр. 175, 176. Poleмика съ М. Филипповымъ по поводу его «Философ. дѣйствит.», во II т. которой стр. 1106 и др. содержать критику «субъективнаго метода». Ср. г. Равскій «Соціологія Михайловскаго», прим. на стр. 157. Слова г. Плеханова см. въ его книгѣ «Къ вопросу о развитіи монистич. взгляда», 2-е изд. Ср. также слѣдующее. Все сказанное у насъ въ текстѣ о центральному значеніи принципа формъ коопераціи для мировоззрѣнія Михайловскаго должно быть еще усилено, такъ какъ то же самое, что говорится у насъ о субъективномъ методѣ и формахъ коопераціи, относится къ статьямъ о «Герояхъ и толпѣ». Правда, проф. Карѣевъ неоднократно указывалъ (см. напр. его «Осн. вopr. филос. истор.», т. II, 111), что общій циклъ статей Михайловскаго по коллективной психологін не имѣетъ «опредѣленной формулировки своего рѣшенія» и стоитъ какъ бы внѣ основного хода мысли автора, и это мнѣніе проф. Карѣева воспринялъ охотно г. Равскій (см. его книжку «Соціологія Михайловскаго», Спб. 1901 г. стр. 180), а равнымъ образомъ то же самое, хотя и независимо отъ проф. Карѣева, «своими словами», говоритъ г. Бердяевъ (см. его «Субъект. и индив.» Спб. 1901 г. стр. 208). Тѣмъ не менѣе такая опѣнка «Героевъ и толпы» совершенно не вѣрна (ср. письмо г. Румынскаго въ «Рус. Бог.», 1904 г., № 5). Сколь это ни странно, но какъ разъ теорія «Героевъ и толпы» центральнымъ своимъ звеномъ имѣетъ установленіе взаимной связи опредѣленныхъ формъ подражанія съ опредѣленными формами общежитія, т. е. коопераціи. Чисто соціологическая, что бы ни говорилъ объ этомъ г. Бердяевъ (см. у него стр. 208—11; ср. г. П. Г. въ «Пробл. идеал.» М. 1901, стр. 75; ср. также г. Слонимскій «Вѣстн. Евр.» 1889 г., III, стр. 297, котораго здѣсь повторяетъ г. П. Г., думая сказать вѣчто весьма оригинальное), чисто соціоло-

Итакъ, что же мы видимъ? Центральнымъ пунктомъ соціологическихъ взглядовъ Михайловскаго является въ вышеуказанномъ смыслѣ, какъ то можно видѣть уже по общему ходу нашего изложенія, принципъ смѣны формъ коопераціи. И вмѣстѣ съ тѣмъ, около этого принципа объединяется, повидимому, буквально *все* міровоззрѣніе Михайловскаго. Это не значитъ, конечно, что 4-ая формула является теоретически наиболее важной, завершающей въ одномъ высшемъ обобщеніи всѣ соціологическіе взгляды Михайловскаго (такую роль у него играетъ теорія борьбы за индивидуальность). Роль ея иная, хотя и не менѣе ответственная: она даетъ путь къ уясненію наиболее отвлеченныхъ взглядовъ Михайловскаго, она служитъ цементомъ, органически соединяющимъ между собой разныя части его воззрѣній. Каждая изъ формулъ прогресса Михайловскаго, не теряя своей оригинальности и самостоятельности, можетъ быть въ этомъ смыслѣ предварительно сведена къ принципу смѣны формъ коопераціи.

Далѣе: принципъ смѣны формъ коопераціи, какъ элементъ сложный, разлагается на два простыхъ элемента — на понятія простой и сложной коопераціи. Слѣдовательно, и все остальное міровоззрѣніе Михайловскаго такъ или иначе связано съ принципами простого и сложнаго сочетанія, труда. Между прочимъ г. Ранскій говоритъ (см. 158 стр. его книжки, ср. тамъ же, стр. 160), что, поставивъ себѣ задачей «прослѣдить развитіе формъ общественности или коопераціи», Михайловскій, «вмѣсто того, чтобы дѣйствительно выолнить» ее, «свелъ судьбы общественности къ простой и сложной коопераціи».

Г. Ранскій совершенно не понимаетъ, что именно въ этомъ и заключается ключъ къ рѣшенію вопроса о судьбахъ общественности, чѣмъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпечивается правильная постановка всего дѣла систематизаціи взглядовъ Михайловскаго. *Нельзя понять ни соціологіи, ни публици-*

гическая теорія героев и толпы устанавливаетъ фактъ кардинальнѣйшаго значенія — процессъ *прогрессивной* смѣны формъ общественнаго раздѣленія труда, прогрессивной смѣны формъ коопераціи. «Толпа», проникнутая «безсознательнымъ» подражаніемъ, есть у Михайловскаго историческая категория, какъ массовое явленіе, она вся въ прошломъ. Изъ критиковъ Михайловскаго близокъ къ этой точкѣ зрѣнія В. Лункевичъ (см. его брошюру «Н. К. Михайловскій», изд. «Молодой Россіи», стр. 62, 74 и др. Первоначально была напечатана въ «Русск. Бог.»), хотя и онъ не сдѣлалъ всѣхъ выводовъ изъ положеній, которыя удачно самъ же намѣтилъ.

стики Михайловскаго, не усвоивши предварительно соціологическаго содержанія двухъ его основныхъ терминовъ—простой и сложной коопераціи. Вотъ почему анализъ соціологическаго содержанія простой и сложной коопераціи долженъ служить первымъ шагомъ при оцѣнкѣ и систематизаціи взглядовъ Михайловскаго. И, наоборотъ, безъ такого анализа всѣ попытки систематизаціи будутъ фатально обречены на безплодіе.

Что же понималъ Михайловскій подъ терминами простой и сложной коопераціи?

II.

Свое опредѣленіе понятій простой и сложной коопераціи Михайловскій даетъ первоначально въ статьѣ «Что такое прогрессъ», и слѣдуетъ сказать, что даетъ чрезвычайно бѣгло, несмотря на громадную роль, которую играютъ эти понятія въ его соціологическихъ построеніяхъ. Это одинъ изъ самыхъ яркихъ образчиковъ журнальной спѣшности работы Михайловскаго, постоянного источника всякихъ недоразумѣній со стороны его критиковъ. Мы увидимъ впоследствии,—и не такъ далеко, что комментаріи и дополнительныя разъясненія къ своему принципиальному взгляду на роль простой и сложной коопераціи въ изслѣдованіи формъ общежитія Михайловскій далъ только въ 1897 году ¹⁾, черезъ 30 лѣтъ послѣ первоначальнаго опредѣленія этихъ терминовъ, когда около его сочиненій успѣли уже накопиться громадныя залежи всякихъ недоразумѣній и предразсудковъ. Спѣшная журнальная работа губила у Михайловскаго ясность изложенія, заставляя предполагать и неясность мысли, чего на самомъ дѣлѣ не было.

Опредѣленіе принципа простой коопераціи, какъ отчасти будетъ видно изъ дальнѣйшаго, сложилось у Михайловскаго значительно раньше статьи «Что такое прогрессъ», подъ вліяніемъ идей Ножина-Бухарцева, и въ статьѣ «Что такое прогрессъ» оно только впервые сформулировано. Отъ Ножина-Бухарцева Михайловскій заимствовалъ впрочемъ, повидимому, не самый принципъ простой коопераціи, а идею о «раздѣленіи труда между людьми», какъ причины, «нарушающей гармонію

¹⁾ См. «Отклики», т. II. СПб., 1904 г., гл. IV «О Дюркгеймѣ» и «Еще о Дюркгеймѣ и его теоріи общественнаго раздѣленія труда».

жизни межъ индивидуумами». Этой же идеѣ о раздѣленіи труда онъ противопоставлялъ принципъ простаго сотрудничества, взявши его въ своеобразной интерпретаціи, отличающейся отъ общепринятаго смысла этого термина. Для насъ прежде всего необходимо вскрыть основной источникъ этой интерпретаціи, чтобы впослѣдствіи разобраться въ ней самой.

«Чѣмъ сильнѣе раздѣленіе труда, тѣмъ меньше солидарности между отдѣльными кастами»,—говорилъ Ножинъ-Бухарцевъ, поясняя свою мысль о «нарушенной гармоніи жизни между индивидуумами»¹⁾. Но спрашивается, о какомъ раздѣленіи труда идетъ здѣсь рѣчь? Ножинъ-Бухарцевъ это не разъясняетъ, но это вполне разъяснилъ впослѣдствіи самъ Михайловскій, и эти разъясненія Михайловскаго для всей его социологій имѣютъ громадное значеніе.

«Слѣдуетъ различать, по словамъ Михайловскаго, «общественное раздѣленіе труда» отъ техническаго раздѣленія труда съ одной стороны и органическаго съ другой» (ст. о Толстомъ, т. VI, 410). Органическое или, иначе, физиологическое раздѣленіе труда—это раздѣленіе труда между органами отдѣльнаго индивидуума;—общественное раздѣленіе труда—это раздѣленіе труда между людьми. Оба эти вида раздѣленія труда съ точки зрѣнія Михайловскаго принципиально несомѣ-

¹⁾ См. цитаты изъ статей Ножина-Бухарцева въ брошюрѣ покойнаго М. Р. Гоца (М. Рафаилова) «Системы правды и наши общественныя отношенія» М. 1906 г. Изд. «Молод. Росс.». Печатались статьи Ножина въ «Кн. Вѣстникѣ» 1865—1867. Подробнѣе о Ножинѣ см. дальше, въ гл. о Дарвинѣ. Относительно взглядовъ М. Р. Гоца на Ножина, слѣдуетъ замѣтить, что, какъ взгляды самого Ножина, такъ и вліяніе его на Михайловскаго были глубже и плодотворнѣе, чѣмъ то говорится у М. Р. Гоца. По словамъ М. Р. Гоца, Ножинъ—«свободно парилъ смѣлой мыслью между двумя полюсами общественной жизни, обществомъ и индивидуумомъ» (30). Ср. также на 48—49 стр. отзывъ Гоца о Михайловскомъ: «Михайловскій только намѣчаетъ вопросъ объ антагонизмѣ интересовъ отдѣльныхъ общественныхъ группъ». Оба эти отзыва о Ножинѣ и Михайловскомъ—совсѣмъ не вѣрны. Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, громадная заслуга и оригинальность Ножина въ томъ и заключается, что онъ не «парилъ смѣлой мыслью между двумя полюсами общественной жизни», а проблему борьбы между обществомъ и индивидуумомъ сумѣлъ, хотя только въ основныхъ чертахъ, поставить въ связь съ антагонизмомъ общественныхъ группъ. Словами Гоца можно сказать, что Ножинъ эту мысль еще «только намѣчаетъ», Михайловскій же даетъ ей замѣчательное обоснованіе.

стимы, и разъясненіе ихъ антагонизма Михайловскій ставилъ (ср. т. I, стр. 296) въ «особую заслугу» себѣ. Съ другой стороны, онъ проводитъ рѣзко разграничительную черту и между общественнымъ и техническимъ раздѣленіемъ труда. «Техническое раздѣленіе труда есть собственно распаденіе процесса какого-нибудь производства на отдѣльныя мелкія операциі. Оно становится вмѣстѣ съ тѣмъ и общественнымъ раздѣленіемъ труда, когда дробныя операциі, на которыя распадается процессъ производства, составляютъ единственную общественную функцію и вѣчный удѣлъ того или другого рабочаго, а иногда и его потомства». Техническое раздѣленіе труда, напримѣръ, «въ классической древности и въ средніе вѣка было слабо развито», «то есть процессы производства далеко не распались на столько отдѣльныхъ мелкихъ операций, какъ въ наше время». Но «общественное раздѣленіе труда было, напротивъ, чрезвычайно развито»¹⁾, т. е. разныя общественныя функціи составляли тогда «вѣчный удѣлъ» того или другого рода людей. Отсюда, между прочимъ, слѣдуетъ, что возможенъ, по крайней мѣрѣ логически возможенъ, такой общественный строй, при которомъ техническое раздѣленіе труда будетъ высоко развито, а общественное, наоборотъ, сведено до минимума, и, само собой, общество, построенное на подобномъ сочетаніи двухъ видовъ раздѣленія труда, будетъ безконечно выше того же классическаго строя, такъ какъ при немъ разовьется раздѣленіе труда физиологическое...

Таковы взаимныя отношенія, по взглядамъ Михайловскаго, разныхъ формъ раздѣленія труда. Въ настоящее время насъ занимаетъ, однако, не этотъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ видовъ раздѣленія труда, а то, какой изъ нихъ имѣетъ въ виду Михайловскій въ своемъ противопоставленіи простой коопераціи «нарушенной гармоніи жизни между индивидуумами». Вотъ на этотъ вопросъ, имѣющій

¹⁾ Приведенныя цитаты см. въ ст. «Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ». «Русск. Мысль», 1889 г., № 6, стр. 230 и въ ст. о «Дюркгеймѣ» «Откл.», т. II, стр. 80, 81. Для исторіи развитія мысли Михайловскаго чрезвычайно важно, однако, замѣтить, что всѣ эти формулировки разныхъ формъ раздѣленія труда даны были имъ гораздо раньше, чѣмъ въ 1889 и 1897 гг., и въ упомянутыя только что статьи онъ вошелъ какъ простое воспроизведеніе соответствующихъ мѣстъ изъ рецензій Михайловскаго въ № 12 «Отеч. Зап.» за 1880 на книги Геккеля.

исключительно важное значеніе для всей концепціи смѣны формъ коопераціи, Михайловскій и отвѣчаетъ въ статьѣ 1897 года, болѣе полно, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, хотя отвѣтъ, данный имъ здѣсь, былъ выработанъ несомнѣнно еще при жизни Ножина-Бухарцева и лишь не былъ до того времени выраженъ съ такою категоричностью и, главное, полнотой. Впрочемъ, пользуясь всѣмъ вышесказаннымъ, мы можемъ и сами предугадать его.

Смѣна формъ коопераціи предполагаетъ, вѣдь, смѣну формъ общественности, *общественнаго* раздѣленія труда, очевидно, этотъ же моментъ и долженъ Михайловскій подчеркивать въ противопоставленіи простой и сложной коопераціи, иначе теряетъ весь смыслъ его теорія трехъ видовъ раздѣленія труда. Такъ, дѣйствительно, онъ и поступаетъ, въ чемъ и состоитъ то видоизмѣненіе, по сравненію съ общепринятымъ, термина простой коопераціи, о которомъ мы упоминали выше. Опредѣляя, именно въ статьѣ о Дюркгеймѣ, характеръ своей постановки вопроса о разныхъ типахъ коопераціи, Михайловскій послѣдовательно разграничиваетъ свою точку зрѣнія на этотъ предметъ отъ общепринятой, которая терминамъ простая и сложная коопераціи усваиваетъ *техническій* или общій экономическій смыслъ, тогда какъ онъ видитъ въ нихъ е держаніе чисто *общественное*, соціологическое. Весь смыслъ и всю важность этого разграниченія мы оцѣнимъ только тогда, когда перейдемъ къ конкретнымъ примѣрамъ, поясняющимъ и аргументирующимъ мысль Михайловскаго, а сейчасъ пока намъ слѣдуетъ познакомиться съ постановкой, въ словахъ самого Михайловскаго, вопроса о простой коопераціи, какъ она дана имъ въ статьѣ о Дюркгеймѣ, 1897 года. Въ виду важности относящагося сюда мѣста, мы приведемъ его цѣликомъ, несмотря на его длинноту.

Техническій и соціологическій моменты въ понятіи простой коопераціи Михайловскій на примѣрѣ Дюркгейма разъясняетъ такимъ образомъ. «Несмотря на важность простого сотрудничества, оно продолжаетъ очень мало занимать экономистовъ и только отмѣчается ими, какъ одна изъ формъ сочетанія труда, хотя иногда, какъ, на примѣръ, въ извѣстномъ руководствѣ Шенберга, ему усваивается даже общее названіе «коопераціи». Это понятно. Въ качествѣ «великаго пособія производству», простое сотрудничество само собой разумѣется,

но роль его меркнет передъ все растущимъ значеніемъ раздѣленія труда. Въ исторіи техники производства оно представляетъ собой элементъ почти неподвижный; каменщики, складывающіе стѣны современнаго зданія, находятся другъ къ другу въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и каменщики времени фараоновъ. Если, однако, этимъ достаточно объясняется малое вниманіе экономистовъ къ принципу простого сотрудничества, то положеніе Дюркгейма—о которомъ здѣсь говоритъ Михайловскій—совсѣмъ иное. Онъ не экономистъ, а социологъ, и раздѣленіе труда для него не только великое пособіе производству. Онъ неоднократно говоритъ о томъ, что спеціальная экономическая точка зрѣнія не обнимаетъ собой всего великаго значенія раздѣленія труда *и кладетъ этотъ принципъ, подобно многимъ социологамъ, въ основу общежитія вообще* (курс. мой), а въ частности видитъ въ немъ основаніе этики. Съ этой болѣе широкой точки зрѣнія и должна быть освѣщена и роль простого сотрудничества. Какова бы ни была эта роль въ спеціально-экономическомъ отношеніи, *значеніе простого сотрудничества, какъ социологическаго фактора, должно быть изучено самостоятельно*. (См. «Отълики», т. II, стр. 74).

Такимъ образомъ, принципъ простой коопераціи долженъ быть положенъ «въ основу общежитія вообще». Сообразно этому Михайловскій и говоритъ, что «все будущее принадлежитъ» (см. т. I. стр. 61) этому типу сотрудничества. Что же все это значить?

«Простая кооперація въ концѣ концовъ есть идеализація самостоятельнаго хозяйства мелкаго производства»,—говоритъ г. Бердяевъ¹⁾, на каковомъ принципѣ, очевидно, и должно быть построено «общежитіе вообще». Хотя это мнѣніе чрезвычайно распространено въ марксистской литературѣ, готовой всю социологию Михайловскаго свести къ идеализаціи мелкаго производителя, однако, оно рѣшительно не вѣрно, хотя вѣрно то, что косвенной поддержкѣ его много способствовалъ отчасти самъ Михайловскій, давши съ самаго начала чрезвычайно неточную формулировку принципа простой коопераціи.

Мы только что видѣли, какъ чисто *социологическую* точку

¹⁾ См. его книгу, которую намъ въ дальнѣйшемъ придется много разъ цитировать,—«Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи». Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ. Съ предисловіемъ Петра Струве. СПб. 1901.

зрѣнія въ этомъ вопросѣ онъ противопоставляетъ точкѣ зрѣнія «экономистовъ», разсматривающихъ простую кооперацію исключительно со стороны ея роли въ производствѣ, и въ статьѣ «Что такое прогрессъ» Михайловскій, дѣйствительно, *опредѣляя конкретное содержаніе термина простой коопераціи*, строго придерживается этого противопоставленія, но только при опредѣленіи конкретного содержанія, а не при формулировкѣ. При формулировкѣ принципа простой и сложной коопераціи *онъ обращается къ «экономистамъ»*, именно къ Уэббфильду, и, пользуясь цитатами изъ его работъ, не поясняетъ достаточно рѣзко тѣхъ поправокъ и дополненій, вродѣ сдѣланныхъ имъ впоследствии, которыя и составляютъ, строго говоря, всю суть его мысли. Это былъ едва-ли не самый крупный промахъ въ дѣятельности Михайловскаго и, во всякомъ случаѣ, наиболѣе чреватый прискорбными для него послѣдствіями. Михайловскій не учитывалъ, что ясная для него самого мысль совсѣмъ можетъ быть неясна для его читателей, а равнымъ образомъ и для критиковъ, первый же изъ которыхъ, П. Л. Лавровъ, отнесся весьма скептически къ «значенію простого сотрудничества» въ общественной жизни. Какъ разъ по этому поводу П. Л. Лавровъ замѣчалъ, что «факты простой коопераціи такъ малочисленны и отодвигаются преимущественно въ періоды, столь мало историческіе»,—что придавать имъ такое значеніе, какое придаетъ авторъ статьи «Что такое прогрессъ», по малой мѣрѣ странно; напротивъ, нынѣ «самые передовые дѣятели должны вступать въ сложную, а не простую кооперацію» ¹⁾.

Чтобы точнѣе разобраться во всемъ этомъ, намъ нужно подробно разсмотрѣть какъ самую формулировку простой коопераціи, такъ и конкретные выводы изъ нея съ одной стороны «экономистовъ», съ другой Михайловскаго.

Подъ формулировкой, которую, со словъ Уэббфильда, приводитъ Михайловскій, могутъ подписаться вообще всѣ «экономисты». Въ этой формулировкѣ устанавливается прежде всего фактъ глубоко прогрессивнаго значенія для развитія производительности труда коопераціи человѣческихъ силъ въ противовѣсъ индивидуальному разобщенію ихъ. «Сочетаніе

¹⁾ См. «Формула прогресса г. Михайловскаго». СПб. 1906. Первоначально напечатано въ «Отеч. Зап.» 1870 г., февраль. Статья эта, несмотря на ея ошибки, о которыхъ см., дальше (особенно въ гл. объ органической теоріи), самая замѣчательная работа по критикѣ Михайловскаго.

труда или кооперація безусловно способствуетъ производительности труда» (слова Михайловскаго). Таковъ фактъ. Но оцѣнка этого факта будетъ стоять въ зависимости отъ того, какого рода сочетаніе труда мы имѣемъ въ виду при каждомъ частномъ случаѣ, простое или сложное. Сложное сочетаніе труда основывается «на раздѣленіи» разныхъ его функций между разными людьми: «раздробляя всю операцію на части и выбирая каждый себѣ отдѣльную часть», «разные люди работаютъ въ разныхъ мѣстахъ надъ разными дѣлами». Или, какъ говорилъ Михайловскій впоследствии про этотъ типъ раздѣленія труда, названный Дюркгеймомъ «органической солидарностью», здѣсь сочетаніе труда — «солидарность» — «основывается на *различіяхъ* между людьми, на раздѣленіи труда». Для Михайловскаго, какъ и для Ножина-Бухарцева, съ самаго начала его сознательной жизни, этотъ типъ «органической солидарности» и былъ источникомъ всякихъ патологическихъ явленій въ современномъ и вообще историческомъ обществѣ. Въ этомъ смыслѣ Ножинъ-Бухарцевъ готовъ былъ бы сказать, что «вмѣсто историческаго *развитія* человѣчества», мы имѣемъ «историческое *разложене* человѣчества, но, оговаривается онъ, намъ не повѣрять, илп, вѣришь, насъ не поймутъ». И дѣйствительно, основанная на этомъ принципѣ «формула прогресса» Михайловскаго не была ни оцѣнена по достоинству, ни даже «понята» ¹⁾).

Сложной коопераціи Михайловскій противопоставляетъ простую кооперацію, повидимому, самостоятельно дополняя въ этомъ пунктѣ аргументацію Ножина-Бухарцева, хотя это и трудно утверждать положительно. (Ср. объ этомъ то, что говорится въ гл. о Дарвинѣ). «Въ простомъ сотрудничествѣ нѣсколько человѣкъ одинаково помогаютъ другъ другу въ одномъ и томъ же дѣлѣ»,—это опредѣленіе со словъ Уэкфильда. Отъ своего же лица, на 61 стр. той же статьи «Что такое прогрессъ», Михайловскій опредѣляетъ простое сотрудничество, какъ «сочетаніе труда равныхъ людей, преслѣдующихъ одну и ту же цѣль». А въ статьѣ о Дюркгеймѣ, который простое сотрудничество называетъ «механической солидарностью», въ

¹⁾ Приведенныя цитаты, принадлежація Михайловскому, см. «Соч.» т. I, стр. 48, 49. О Дюркгеймѣ, «Отклики» т. II, стр. 73, 74. Дальнѣйшія опредѣленія въ текстѣ взяты отсюда же. Слова Бухарцева-Ножина въ брошюрѣ М. Гоца, стр. 35.

противовѣсь «органической солидарности», какъ синонима «сложной коопераціи», Михайловскій, въ свою очередь, говоритъ, что «механическая солидарность» или простая кооперація основана «на *сходствѣ* между людьми». Само собой понятно, что если сложная кооперація является источникомъ всевозможныхъ патологическихъ измѣненій въ жизни личности, то, наоборотъ, простая кооперація, несетъ за собой освѣжающее, прогрессивное начало, начало солидарности. «*Только при ней*»,—взятой «*какъ основа общежитія вообще*»,— «*осуществимъ знаменитый девизъ: свобода, равенство и братство*» (т. I, 61). И разницу между обоими типами, простымъ и сложнымъ сочетаніемъ труда, Михайловскій, *опять таки словами Уэкфилда*, описываетъ такимъ образомъ:

«Въ простомъ сотрудничествѣ человѣкъ всегда сознаетъ, что сотрудничаетъ съ другими: взаимное содѣйствіе тутъ очевидно самому невѣжественному и тупому взгляду. Въ сложномъ сотрудничествѣ только очень немногіе изъ множества занятыхъ имъ людей хотя нѣсколько сознаютъ, что содѣйствуютъ другъ другу. Причину этого различія нетрудно понять. Когда нѣсколько человѣкъ поднимаютъ одну тяжесть, или тащатъ одинъ канатъ въ одномъ мѣстѣ и въ одно время, тутъ невозможно сомнѣваться, что они сотрудничаютъ другъ съ другомъ: этотъ фактъ вносится въ мысль простымъ чувствомъ зрѣнія. Но когда разные люди работаютъ въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ надъ разными дѣлами, ихъ сотрудничество не такъ прямо замѣчается, хотя они столь же положительнымъ образомъ содѣйствуютъ другъ другу: чтобы замѣтить этотъ фактъ, нужна сложная умственная операція». (томъ I, 48—49).

Можно ли вывести, подобно г. Бердяеву, изъ этихъ опредѣленій, что простая кооперація есть не болѣе, какъ «идеализація мелкаго самостоятельнаго производителя»? Мы думаемъ, что нѣтъ, нельзя.—Не трудно замѣтить, что мысль Михайловскаго гораздо глубже и плодотворнѣе, чѣмъ то показалось г. Бердяеву, и даже онъ самъ оговариваетъ правоту «нѣкоторыхъ чертъ будущаго сотрудничества»¹⁾, по типу простой

¹⁾ «Нѣкоторыя черты будущаго сотрудничества г. Михайловскій уловилъ, но далеко не вполне» (прям. 154 стр.), говоритъ г. Бердяевъ. Если бы г. Бердяевъ «уловилъ», хотя бы «не вполне», истинное значеніе термина простой коопераціи, то онъ бы въ этомъ случаѣ выразился гораздо рѣшительнѣе.

кооперации, какъ онѣ намѣчены Михайловскимъ, заставляя думать, такимъ образомъ, что тутъ дѣло, очевидно, не въ простой идеализации натурального хозяйства. Правда, Михайловскій, строго различая техническое отъ общественнаго раздѣленія труда, не проводитъ это различіе во всѣхъ данныхъ имъ первоначально опредѣленіяхъ достаточно категорично. Но опять таки здѣсь сказывается не недостатокъ ясности мысли, ибо въ пояснительныхъ примѣрахъ, играющихъ всецѣло роль основной аргументации ¹⁾, это разграниченіе проведено и точно и категорично, а исключительно недостатокъ изложенія. Чтобы вскрыть этотъ недостатокъ, а равно сразу обезпечить себя отъ ошибочнаго истолкованія терминовъ Михайловскаго, намъ надо внести во все приведенныя выше опредѣленія простой и сложной кооперации, въ качествѣ провѣрочнаго испытанія, принциповъ кооперации, какъ основы общежитія, тогда получится слѣдующее.

Михайловскій говоритъ, что простая кооперация есть кооперация *равныхъ*, она основана «на *сходствахъ* между людьми» въ противоположность сложной кооперации, основанной «на *различіяхъ*» и неравенствѣ. Но о какомъ равенствѣ, сходствахъ, различіи и неравенствѣ тутъ идетъ рѣчь? Очевидно, не о томъ, которое имѣютъ въ виду «экономисты» при изслѣдованіи роли простой кооперации въ процессѣ производства, т. е. не о различіяхъ и несходствахъ, обусловленныхъ *техническимъ* раздѣленіемъ труда, раснаденіемъ процесса про-

¹⁾ Да и не только въ пояснительныхъ примѣрахъ, впрочемъ. Ср. слѣдующее: г. Ивановъ-Разумникъ, въ скобкахъ, на стр. 193, II-го тома своей книги „Исторія русск. обществ. мысли“ СПб. 1907 г. считаетъ нужнымъ „кстати замѣтить“, что „Михайловскій не различалъ общественнаго и техническаго раздѣленія труда“; „о послѣднемъ см. только“— прибавляетъ г. Ивановъ-Разумникъ,—т. VI, стр. 410 и гл. IV „Откликовъ“, о Дюркгеймѣ. Здѣсь все не вѣрно. Во-первыхъ, не только въ этихъ мѣстахъ Михайловскій говоритъ о различіи техническаго и общественнаго раздѣленія труда, у насъ приведенъ цѣлый рядъ такихъ мѣстъ. Кромѣ того, хотя бы у Михайловскаго было „только“ два мѣста, посвященныя такому разграниченію, все-таки нельзя сказать, что онъ не различаетъ того, что по его же словамъ „слѣдуетъ различать“ (см. стр. 410, т. VI, указанную г. Ивановымъ). Просто на просто г. Ивановъ-Разумникъ не понялъ, какое мѣсто въ мировоззрѣніи Михайловскаго занимаетъ разграниченіе техническаго отъ экономическаго раздѣленія труда, поэтому и рѣшился совсѣмъ не „кстати замѣтить“. Но, къ сожалѣнію, онъ и многое другое не понялъ у Михайловскаго...

изводства на отдѣльныя мелкія операціи. Если бы было такъ, то теряло бы всякій *raison d'être* разграниченіе трехъ родовъ раздѣленія труда у Михайловскаго, тогда какъ это разграниченіе проникаетъ всю теорію прогресса и кажется ему настолько существеннымъ, что установленіе его, по крайней мѣрѣ, въ одной частной области, онъ ставитъ, какъ мы знаемъ, въ особую заслугу себѣ. Поэтому смыслъ всѣхъ терминовъ Михайловскаго, которые мы сейчасъ анализируемъ, раскрывается только въ томъ случаѣ, если мы будемъ помнить, что въ нихъ идетъ рѣчь о раздѣленіи труда, какъ «*основъ общественной*»—вотъ въ этомъ рѣшительно все. Если Михайловскій говоритъ, что простая кооперація есть кооперація равныхъ, то здѣсь онъ имѣетъ въ виду равенство по *общественному*, а не профессиональному, какъ при техническомъ раздѣленіи труда, положенію. Если онъ противопоставляетъ кооперацію на *сходствахъ* коопераціи на различіяхъ, то здѣсь берутся во вниманіе тѣ сходства и различія, которыя вытекаютъ изъ сходствъ и различій опять таки *исключительно* по общественному положенію. Элементъ технического раздѣленія труда тутъ совершенно устраняется. Мы упомянули выше, что изъ опредѣленій Михайловскаго разныхъ родовъ раздѣленія труда съ неизбѣжной и очевидной ясностью вытекаетъ возможность, по крайней мѣрѣ логическая (а въ свое время мы увидимъ, что это не только логическая возможность), такихъ порядковъ, когда при высокомъ техническомъ раздѣленіи труда общественное раздѣленіе труда будетъ сведено до минимума. А это значитъ, что простая кооперація можетъ сочетаться съ высокимъ техническимъ развитіемъ, или, иначе, она можетъ имѣть мѣсто и въ обществѣ, обладающемъ высоко развитымъ техническимъ производствомъ, благодаря чему совершенно надастъ призракъ идеализаціи въ простой коопераціи натурального хозяйства. Что все это дѣйствительно точно передаетъ мысль Михайловскаго, мы сейчасъ убѣдимся на разныхъ примѣрахъ, аргументирующихъ у него основную идею различія простой и сложной коопераціи.

Такъ (см. т. I, стр. 87). «Вольная Запорожская Сѣчь, организованная демократически - республиканскимъ образомъ съ сильнымъ отбѣнкомъ коммунизма, представляетъ примѣръ простого сотрудничества», по словамъ Михайловскаго. Это кооперація равныхъ, т. е. людей одного общественного поло-

женія, сбросившихъ съ себя при вступленіи въ Сѣчь «ветхаго Адама» старыхъ общественныхъ особенностей. Это простая кооперація, несмотря на то, что въ смыслѣ техники, напр., военной, Запорожская Сѣчь могла бы стоять и на высокой ступени развитія, выработавъ при этомъ опредѣленныя формы распредѣленія между своими членами разныхъ техническихъ функцій, т.-е. технического раздѣленія труда. Но вотъ, рядомъ съ Запорожской Сѣчью «казаки-горожане, земледѣльцы и пастухи составляютъ общества по типу сложнаго сотрудничества» (тамъ же), а не простого сотрудничества, какъ то слѣдовало бы съ точки зрѣнія «экономистовъ», ибо тутъ мы имѣемъ въ наличности общественное раздѣленіе труда, «специализацію соціальныхъ отпращиваній» и распредѣленіе такихъ специализированныхъ общественныхъ функцій по разнымъ группамъ, послѣдствіемъ чего является *неравенство по общественному положенію*. Очевидно, что казакъ-горожанинъ, земледѣлецъ и пастухъ составляютъ общество людей «несходныхъ», кооперацію, основанную на различіяхъ и неравенствѣ. И опять таки, достаточно казаку-горожанину, пастуху и земледѣльцу войти въ составъ Запорожской Сѣчи, какъ тамъ они сбрасываютъ съ себя «различія» по былому общественному положенію и входятъ въ составъ коопераціи, основанной на сходствахъ, «коопераціи равныхъ».

Это, однако, еще далеко не все.—Внутри нашего общества по типу сложной коопераціи казаковъ - горожанъ, земледѣльцевъ, пастуховъ, вполнѣ возможна простая кооперація. Простая кооперація основана на сходствахъ, сложная—на различіяхъ. Но, вѣдь, очевидно, что если между казакъ и земледѣльцемъ больше отличій, чѣмъ сходства, то между казаками въ отдѣльности и между земледѣльцами опять же въ отдѣльности вполнѣ возможны новыя соединенія, но уже по типу простой коопераціи. Пастухи съ пастухами, какъ люди одного соціального положенія, ничѣмъ въ этомъ смыслѣ другъ отъ друга неотличающіеся, точно также какъ казаки съ казаками, земледѣльцы съ земледѣльцами,—вообще люди, сходные по общественной роли и положенію, между собой *и только между собой* составляютъ коопераціи, основанныя на сходствахъ, простыя коопераціи. И, наоборотъ, Запорожская Сѣчь, представляющая сама по себѣ примѣръ простой коопераціи, можетъ войти, да фактически и входила,

хотя безъ формальнаго подчиненія, въ составъ сложной кооперациі, которой въ данномъ случаѣ являлось все русское государство, состоящее, какъ тѣло разнородное, изъ цѣлаго ряда тѣлъ социально-однородныхъ, бояръ, крестьянъ, тяглыхъ людей, купцовъ, мѣщанъ и т. п. Таковы выводы, которые мы можемъ сдѣлать изъ примѣра организаціи казачества.

«Само собою разумѣется, прибавляетъ Михайловскій, что эта организація казачества можетъ дать только слабое понятіе какъ о первобытной жизни съ одной стороны, такъ и о дальнѣйшихъ, болѣе развитыхъ формахъ простого и сложнаго сотрудничества». И мы еще увидимъ тѣ болѣе развитыя формы разныхъ типовъ сотрудничества, о которыхъ говоритъ здѣсь Михайловскій.

Примѣръ съ казаками - горожанами и земледѣльцами окончательно позволяетъ сдѣлать еще слѣдующія сопоставленія. Экономисты, въ частности Марксъ, подъ влияніемъ формулировокъ котораго несомнѣнно находится г. Бердяевъ, брали термины сложной и простой коопераціи въ технически экономическомъ смыслѣ. Для Маркса, наприм., то общество по типу раздѣленія труда, которое существуетъ рядомъ съ Запорожской Сѣчью, «общество казаковъ - горожанъ, земледѣльцевъ и пастуховъ», какъ оно опредѣлено въ «Что такое прогрессъ», есть экономически неразвитое общество, общество по типу простой коопераціи. Съ его точки зрѣнія здѣсь даже нѣтъ еще коопераціи, есть только простое механическое сочетаніе труда и кооперація появляется только съ капиталистическимъ производствомъ¹⁾. Тогда какъ для Михайловскаго общество, существующее рядомъ съ Сѣчью, есть сложная кооперація.

¹⁾ Ср. слова Маркса: и сама кооперація является какъ специфическая форма капиталистическаго процесса производства, въ отличіе отъ процесса производства отдѣльныхъ независимыхъ работниковъ или даже мелкихъ мастеровъ. «Капит.» т. I, 287, 288, изд. 1897 г. Съ этой точки зрѣнія сложная кооперація исторически возникаетъ только съ возникновеніемъ капитализма. При чемъ радикально измѣняется общая техническая основа простой коопераціи. Ср. т. I. «Капиталъ», 280. Простую кооперацію составляютъ теперь, при капиталистическомъ производствѣ, работники, которые «выполняютъ одну и ту же работу или работы сходнаго рода», при чемъ «различныя операціи», конечно, *технически-различныя*, распределяются между «различными лицами». Ср. это съ выше приведеннымъ опредѣленіемъ Михайловскаго, словами Уэкфилда, сложной коопераціи, съ упоминаніемъ о «разныхъ людяхъ», которые въ «разныхъ мѣстахъ дѣлаютъ разное дѣло». Такъ какъ Михайловскій разубѣдетъ

Далѣ, то же самое относится къ примѣрамъ, которые приводитъ (см. тамъ же, 286) самъ Марксъ. «Примѣры колоссальнаго дѣйствія простой коопераціи представляютъ намъ — говоритъ онъ — исполнскія сооруженія древнихъ этрусковъ, египтянъ, арійцевъ». И понятно почему Марксъ видитъ въ этихъ сооруженіяхъ примѣры дѣйствія простой коопераціи. Здѣсь былъ технически неразвитой рабскій трудъ, а такой трудъ составляетъ по Марксу отличительный признакъ простого сотрудничества. Однако для Михайловскаго организація работъ въ данномъ случаѣ, предполагая подневольный трудъ, т. е. господъ и рабовъ, будетъ не простымъ, а *сложнымъ* сотрудничествомъ. Тамъ, гдѣ есть рабы и господа, общежитіе построено на различіяхъ по общественному положенію, здѣсь «спеціализированы» разныя «соціальные отправленія», какъ выражается Михайловскій въ статьѣ о Дарвинѣ (см. т. I стр. 296), различіе же по общественному положенію создаетъ кооперацію сложнаго сотрудничества.

Но, опять таки, какъ и въ примѣрѣ съ казаками, эта же форма коопераціи отнюдь не исключаетъ наличности простого сотрудничества, — *все* рабы входятъ въ одинъ общій составъ людей, сходныхъ по общественному положенію, занятыхъ выполненіемъ однихъ соціальныхъ функций, т. е. входятъ въ простую кооперацію; *все* господа въ свою очередь *равны* по общественному же положенію (или, если и не равны, то *все* ихъ какія-либо индивидуальныя отличія тонуть въ томъ общемъ, чѣмъ характеризуется ихъ общественное положеніе, какъ господа), и составляютъ тоже *простую* кооперацію. И обѣ эти группы — рабы и рабовладѣльцы — *взятыя вмѣстѣ*, составляютъ кооперацію, основанную на различіяхъ, сложную кооперацію.

Итакъ, резюмируемъ. Простую кооперацію составляютъ люди одинаковыхъ соціальныхъ интересовъ, независимо отъ разнообразія профессій; сложную же должны составить, наоборотъ, взаимно связанные, но люди разныхъ соціальныхъ

въ концѣ концовъ *соціально* различныя дѣла, различныя общественныя функции, но недостаточно отѣняетъ это въ данныхъ имъ первоначально на 48 стр. т. I ст. «Что такое прогрессъ» формулировкахъ, то отсюда и пошли всевозможныя недоразумѣнія, санкціонированныя впоследствии «научной критикой».

положений. Каменщики, плотники, маляры, кузнецы, состоявшие на постройкѣ «исполнскихъ сооружений», о которыхъ говоритъ Марксъ, составятъ между собой, въ силу одинаковаго для нихъ всѣхъ соціального положенія, кооперацію по сходству, — простую кооперацію. Въ сложную же войдутъ не только каменщики - работники, или каменщики - хозяева, взятые отдѣльно другъ отъ друга, а тѣ и другіе вмѣстѣ. Сложная кооперація поэтому кооперируетъ людей разныхъ соціальныхъ группъ въ одно компактное цѣлое.

Сообразно всему этому, задачей социологии, какъ она представляется Михайловскому, является изученіе обоихъ типовъ коопераціи въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и вліяніи на судьбы человѣческой личности.

III.

Идемъ теперь еще дальше въ анализѣ понятій простой и сложной коопераціи, «различными сочетаніями» каковыхъ типовъ сотрудничества объясняется для Михайловскаго, какъ мы знаемъ, «вся исторія человѣчества» съ господствомъ въ его средѣ «борьбы за индивидуальность».

Пока намъ ясна основная, характерная черта обоихъ типовъ коопераціи, — простая кооперація представляетъ въ соціальномъ отношеніи тѣло *однородное*, сложная кооперація, наоборотъ, тѣло *разнородное*. Но что такое однородное и разнородное тѣло въ соціальномъ отношеніи? Михайловскій отвѣчаетъ на это очень просто. Простое сотрудничество предполагаетъ, вѣдь, наличность какой-то *общей* цѣли, т. е. одинаковой жизненной задачи, а если «цѣль эта общая для всѣхъ», какая бы она ни была конкретно, то это значитъ, что «*интересы ихъ* (т. е. этихъ «всѣхъ», составляющихъ простую кооперацію — казаковъ, пастуховъ, земледѣльцевъ) *совершенно солидарны*» (т. I, 85). Или, говоря иначе, «однородное» тѣло, уже тѣмъ самымъ, что оно однородно, предполагаетъ *полную* солидарность интересовъ, что и понятно. Интересы, общественные интересы, конечно, всѣхъ пастуховъ, какъ лицъ, составляющихъ отдѣльную соціальную группу, вполне и «совершенно солидарны». Интересы тѣхъ рабовладѣльцевъ, пирамиды которыхъ построены на костяхъ и крови рабовъ конечно, тоже «совершенно солидарны», и рабовладѣльцы,

дѣйствительно, составляютъ отдѣльную социальную группу, «кооперацію», замкнутую въ самой себѣ. Однако, интересы рабовъ, голыми руками воздвигавшихъ пирамиды, точно также вполне солидарны, и рабы запечатлѣли эту солидарность кровавыми возстаніями за свое освобожденіе. Итакъ, простая кооперація, соединяя въ самой себѣ людей одного социального положенія, уже тѣмъ самымъ основана на *солидарности* общественныхъ интересовъ.

«Въ простомъ сотрудничествѣ, говоритъ Михайловскій въ ст. «Что такое прогрессъ», общая цѣль вызываетъ солидарность интересовъ и взаимное пониманіе членовъ общества. *Какъ люди равные* (кооперація на основаніи «сходства»), находящіеся *въ одномъ и томъ же положеніи* (кооперація, какъ «основа общежитія»), имѣющіе однѣ и тѣ же цѣли и стремленія, мысли и чувства, они не только успѣшно работаютъ, но, кромѣ того, имѣютъ полную возможность въ каждую данную минуту проникнуться жизнью своего товарища, пережить эту жизнь въ самомъ себѣ и относиться къ нему постоянно какъ къ самому себѣ. Высокій нравственный уровень составляетъ естественный результатъ такого порядка вещей» (т. I, 91).

Наоборотъ, въ основѣ сложной коопераціи и въ качествѣ ея характернѣйшей черты лежитъ не солидарность между составляющими такую кооперацію единицами, а рѣзкое, временное или постоянное, раздѣленіе, а потому и борьба взаимно связанныхъ, «кооперированныхъ» группъ внутри ея. Такой выводъ подсказывается опять таки самимъ составомъ сложной коопераціи, въ которой взаимно связаны единицы социально-разнородныя, а то, что разнородно, не можетъ быть солидарно, ибо, какъ въ данномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, разнородность социальная предполагаетъ разнородность интересовъ, въ каковой разнородности лежитъ источникъ борьбы во всѣхъ ея извѣстныхъ намъ историческихъ формахъ. Какъ эту мысль выражаетъ самъ Михайловскій, мы сейчасъ увидимъ.

Указавъ на принципъ равенства и пр., господствующіе въ простомъ сотрудничествѣ, а равно на вытекающія отсюда правила морали, Михайловскій на той же 91 стр. статьи «Что такое прогрессъ» продолжаетъ: «не таковы междуличныя отношенія въ обществѣ, построенномъ на принципѣ сложнаго сотрудничества. Одни вязнутъ въ безысходномъ трудѣ, донельзя развивая ту или другую часть своей мускульной силы.

Другіе, обращаясь въ специалистовъ нервной дѣятельности, *живутъ на счетъ труда первыхъ* и не только не оплачиваютъ имъ за это чѣмъ бы то ни было, но *даже утрачиваютъ всякое представленіе о своей солидарности съ ними*, о томъ, что безъ нихъ они не могли бы имѣть ни одного изъ тѣхъ наслажденій, которыя даются утонченно-развитой нервной системой» (стр. 92).

Здѣсь два (въ другихъ случаяхъ можетъ быть и больше) составные элемента, рѣзко отличающіеся одинъ отъ другого, утратившіе «всякое представленіе о своей солидарности». Здѣсь мы имѣемъ наличность специализированныхъ общественныхъ функций, расслоеніе однороднаго общества на группы, раздѣленіе труда и раздѣленіе интересовъ. Сказать, что такое общество утратило представленіе о солидарности—мало. Раздѣлившись на разныя группы, отнынѣ оно стало проникнуто принципомъ антагонизма между ними, на что и указывалъ Ножинъ-Бухарцевъ въ своей критикѣ раздѣленія труда. «Борьба за существованіе между организмами—лишь результатъ несходства ихъ организаціи, говоритъ онъ, или, когда они сходны (т. е. принадлежатъ къ одной ступени развитія, къ одному виду), то результатъ *антагонизма интересовъ или, что то же самое, раздѣленія труда*» ¹⁾. Вотъ эту глубоко плодотворную идею объ антагонизмѣ социальныхъ интересовъ, вызванныхъ распаденіемъ солидарной до того времени и спаянной одной общей цѣлью первобытной группы, Михайловскій, вслѣдъ за Ножинымъ-Бухарцевымъ, или вѣрнѣе, не вслѣдъ, а вмѣстѣ съ нимъ—дѣлаетъ центральнымъ пунктомъ своей теоріи разныхъ типовъ коопераціи и конкретной задачей своей публицистики.

«Раздѣленіе труда, способствуя распаденію общества на нѣсколько группъ, постепенно отодвигаетъ общую цѣль этихъ группъ назадъ,—говоритъ онъ (т. I, 182), и замѣняетъ ее частными цѣлями, *все болѣе расходящимися, а иногда и прямо враждебными одна другой*... И каждая изъ нихъ обязываетъ своихъ представителей *все болѣе и болѣе углублять пограничныя межи*, проведенныя раздѣленіемъ труда», уси-

¹⁾ См. «Книжи. Вѣстн.», № 7, отъ 15 апр. 1866 г., стр. 176. Ст. «Наша наука и ученые». Статья принадлежит Ножину. Курс. мой.

ливая, такимъ образомъ, «враждебность» во взаимныхъ отношеніяхъ разныхъ группъ»...

До раздѣленія труда первобытное общество сохраняло полную однородность, т. е. солидарность интересовъ; оно было простой коопераціей въ ея примитивномъ видѣ; съ раздѣленіемъ труда разныя общественныя функціи, до того времени бывшія доступными каждому члену общества, стали обособляться, — военная, духовная, торговая дѣятельность специализировались, общественный и раньше бывший общимъ трудъ раздѣляется, «способствуя распаденію общества на нѣсколько группъ», прежняя простая кооперація съ ея общей жизнью расчленяется на рядъ новыхъ группъ, каждая изъ которыхъ живетъ сама по себѣ, своими собственными интересами и состоитъ изъ людей одинаковаго соціального положенія. Очевидно, возможность постановки одной, общей для всѣхъ задачи, какъ раньше, при этомъ совершенно исчезаетъ. Жизнь разбилась на группы — «свои становятся чужими» (см. т. I, 625), и отдѣльныя групповыя цѣли и задачи, будучи въ противорѣчій другъ съ другомъ, исключаютъ возможность общей дѣятельности во имя одной цѣли и на почвѣ однихъ интересовъ, которые теперь стали уже не общими, а групповыми. «Въ предѣлахъ каждой изъ этихъ группъ личное Я ея представителей можетъ, а въ извѣстной степени и должно расшириться и совпасть съ групповымъ Я. Но затѣмъ въ цѣломъ обществѣ мы все-таки имѣемъ не одну, а нѣсколько эгоцентрическихъ точекъ зрѣнія». (См. т. I, 182).

Напримѣръ: «специалистъ умственной дѣятельности, браминъ вполнѣ способенъ обогатить запасъ своихъ личныхъ наслажденій сочувствіемъ къ наслажденіямъ всѣхъ подобныхъ ему браминовъ»¹⁾, т. е. людей, входящихъ въ одну съ нимъ простую кооперацію, но не больше. Браминъ, сочувствуя наслажденіямъ и интересамъ подобныхъ ему браминовъ, будетъ въ то же время глухъ къ интересамъ гибнущаго на его глазахъ съ голода судры, индійскаго пролетарія. И то же самое съ своей стороны испытываетъ судра

¹⁾ Введеніе къ «Борьбѣ за индивидуальность» т. I, стр. 462. Слѣд. цит. о психологій рабсвладѣльца см. т. I, стр. 141 ст. «Что такое прогрессъ».

по отношенію къ браминамъ, — радость и горе брамина, расцвѣтающія въ почвѣ специальныхъ браминскихъ интересовъ, ему будутъ чужды и непонятны. Здѣсь устанавливаются тѣ же отношенія, какъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ у рабовъ съ рабовладѣльцемъ. «Рабовладѣльцу легко проникнуться жизнью такого же, какъ и онъ, рабовладѣльца, ведущаго одинаковый съ нимъ образъ жизни, имѣющаго тѣ же привычки, потому что личный ихъ опытъ почти тождественъ. Но понять страданія и горести раба, поставить себя въ его положеніе, для рабовладѣльца несравненно труднѣе. Онъ никогда не испыталъ того, что испытываетъ рабъ. Поэтому онъ естественно высоко ставитъ радости и горести своей группы и ни въ грошъ не ставитъ радостей и горестей другихъ группъ; онъ ихъ не замѣчаетъ, онѣ для него не существуютъ. Онъ видитъ раны и не видитъ, слышитъ стоны и не слышитъ. Въ его сознаніи они отдаются глухо, хотя въ то же время онъ способенъ съ полной отчетливостью оцѣнить горести и радости своихъ сотрудниковъ. Эта естественная неравномѣрность оцѣнки существеннымъ образомъ отражается на всемъ его психическомъ складѣ, состояніе котораго, такъ сказать, замораживается въ цѣломъ ряду поколѣній наследственной передачею».

Браминъ, судра, рабъ, рабовладѣлецъ, — всѣ они оцѣниваютъ міръ не съ какой-нибудь одной, общей для нихъ всѣхъ, — это просто невозможно, — а каждый съ своей групповой точки зрѣнія. «Въ цѣломъ обществѣ мы имѣемъ не одну, а нѣсколько эгоцентрическихъ точекъ зрѣнія», какъ говоритъ Михайловскій въ приведенной выше цитатѣ. Старая, былая «солидарность» совершенно исчезаетъ. Напротивъ, *«внутри отдѣльныхъ обществъ исторія отмѣчаетъ процессъ обособленія кастъ, сословій, классовъ, партій, вообще разнаго рода социальныхъ группъ»*, и все это, въ жизни человѣческихъ обществъ «слагается въ такой сложный переплетъ явленій, въ которомъ мудроно разобраться при помощи одного существительнаго «солидарность». Тутъ требуются еще какія-то прилагательныя, говоритъ Михайловскій, опредѣляющія не только районъ дѣйствія солидарности, но и различныя ея формы, различные типы солидарности»¹⁾).

¹⁾ «Откликъ» т. II, стр. 64, ст. 0 Дюркгеймъ. Курс. м.п.

И свое отношеніе къ роли «солидарности» въ развитіи человѣческихъ обществъ онъ формулируетъ такъ: «По мѣрѣ того, какъ принципъ раздѣленія труда осуществляется въ обществѣ, по мѣрѣ того, какъ процессъ дифференцированія дробитъ общество на рѣзко обособленныя группы, имѣющія свои собственные и другимъ недоступныя цѣли и интересы—получается двоякій результатъ. Съ одной стороны, сочувственный опытъ имѣетъ болѣе широкое и полное примѣненіе въ средѣ каждаго изъ обособившихся слоевъ общества, а съ другой—для каждаго изъ представителей извѣстнаго слоя утрачивается возможность поставить себя въ положеніе представителя другого слоя»¹⁾. «Солидарность членовъ» *внутри* «каждой изъ группъ возрастаетъ, тогда какъ солидарность группъ»—солидарность въ отношеніяхъ *между* группами—«или убываетъ, или если возрастаетъ, то принимаетъ совершенно новую форму, новый характеръ»²⁾.

Данныя предыдущаго анализа настолько уже вскрыли предъ нами сущность понятія простой и сложной коопераціи, что мы можемъ перейти къ нѣкоторымъ попутнымъ, но необходимымъ, обобщающимъ указаніямъ.

Михайловскому важно было не только опредѣлить отличительные признаки простой коопераціи, но и указать, въ какихъ явленіяхъ общественно-исторической жизни слѣдуетъ искать проявленія ихъ. Его ученіе о разныхъ типахъ коопераціи было бы очевидно неполнымъ, если бы онъ не указалъ районъ распространенія простой коопераціи и характеръ ея роли при тѣхъ или иныхъ историческихъ условіяхъ. Основныя предпосылки для разрѣшенія этихъ вопросовъ мы какъ разъ и имѣемъ въ предыдущемъ изложеніи. Прежде

¹⁾ Введеніе къ «Борьбѣ за индивидуальность», т. I, стр. 462.

²⁾ «Отъяки», т. II, 64. Ср. тамъ же стр. 88, 89 (курсивъ подлинника): «Допустимъ, что органическая солидарность дѣйствительно связывала разлчные классы римскаго общества, хотя это болѣе чѣмъ сомнительно. Затѣмъ были ли связаны взаимною солидарностью патриціи и плебеи, или нѣтъ, во патриціи *въ своей* средѣ и плебеи *въ своей*—несомнѣнно имѣли общіе интересы, общія мысли и чувства, объединявшіе ихъ солидарностью, и именно механическою. И это не случайность, а такая же физическая неизбѣжность, съ какою освѣщенный солнцемъ предметъ всюду сопровождается своею тѣнью». Ср. тамъ же, стр. 86, 87 и др.

всего падаетъ утверженіе П. Л. Лаврова, отодвигавшее простую кооперацію въ эпоху доисторическаго человѣка.

«Въ дѣйствительности поле дѣятельности механической солидарности далеко не такъ однообразно и узко»¹⁾, какъ говоритъ съ полнымъ правомъ Михайловскій въ статьѣ о Дюркгеймѣ,—и она «свойственна отнюдь не только первобытнымъ обществамъ». Исполинскія сооруженія малоазійцевъ относятся не къ первобытной эпохѣ, а къ временамъ, уже имѣющимъ свою письменность; Запорожская Сѣчь была сравнительно на свѣжей памяти русскаго народа; браины и судры существуютъ до сихъ норъ; и въ теченіе всей исторической эпохи отъ исполинскихъ сооруженій малоазійцевъ до нашихъ дней, мы имѣемъ разнообразныя проявленія разныхъ формъ простой коопераціи. П. Л. Лавровъ дѣлалъ чисто фактическія ошибки въ своихъ возраженіяхъ противъ теоріи коопераціи Михайловскаго, которыя слишкомъ очевидны, чтобы нужно было на нихъ настаивать спеціально.

Но очевидны, далѣе, точно также чисто фактическія ошибки г. Бердяева. Ни логически, ни исторически простая кооперація не можетъ быть приурочена къ эпохѣ натурального хозяйства. Вавилонская башня систематической идеализаціи мелкаго производителя, которую воздвигли для объясненія общественнаго происхожденія соціологін Михайловскаго русскіе марксисты, падаетъ сама собой при одномъ прикосновеніи къ ней самой снисходительной критикѣ.

Натуральное хозяйство, которое марксисты отождествляли (совершенно напрасно) съ «однороднымъ» обществомъ Михайловскаго, можетъ замѣниться хозяйствомъ, основаннымъ на строго дифференцированномъ трудѣ, но этимъ не устраняется общественная роль простой коопераціи. Такъ думаетъ, по крайней мѣрѣ, самъ Михайловскій. «Можно съ рѣшительностью утверждать,—говоритъ онъ,—что каждый сколько-нибудь крупный шагъ общественнаго раздѣленія труда сопровождается и новымъ импульсомъ для механической солидарности»²⁾, которая «какъ тѣнь» (тамъ же, 95) слѣдуетъ за нимъ. И, опять таки, подтверженіе этихъ словъ мы имѣемъ уже въ приведенныхъ выше примѣрахъ. Первобытное

¹⁾ См. «Откликъ», т. V, стр. 83; слѣдующая цитата на стр. 74.

²⁾ «Откликъ», т. II, стр. 88.

общество распалось, уступивъ мѣсто рабскому труду, рабство пало, замѣнившись крѣпостнымъ правомъ,—общественное раздѣленіе труда дѣлало такимъ образомъ новыя завоеванія, ничуть не сокращая этимъ района распространенія простой коопераціи. При рабствѣ—рабы и рабовладѣльцы, при крѣпостномъ правѣ—господа и крѣпостные, а равнымъ образомъ, казаки изъ Запорожья и казаки-горожане, земледѣльцы, не состоявшіе крѣпостными, и пастухи, какъ представители наемнаго труда, представляли районъ для дѣйствія простой коопераціи. Очевидно, Михайловскій былъ правъ, когда говорилъ, что «поле дѣятельности» простой коопераціи «далеко не такъ однообразно и узко», какъ это думаютъ обычно его критики. Захватывая громадный районъ, она играетъ громадную роль въ исторіи человѣчества. И анализъ роли простой коопераціи въ общемъ ходѣ исторіи человѣчества привелъ Михайловскаго въ нѣкоторыхъ пунктахъ къ соціологическимъ выводамъ чрезвычайно серьезнаго значенія. Прежде всего это относится къ его взглядамъ на роль сложной коопераціи въ первобытное время.

Классическимъ образцомъ союза, основаннаго на антагонизмѣ, Михайловскій считаетъ въ первобытное время союзы «по кровному родству», т. е. *семейные союзы*. Михайловскій никогда не вѣрилъ въ святость семейнаго очага и въ теченіе всей своей литературной дѣятельности онъ систематически подвергалъ рѣзкой критикѣ современную мѣщанскую семью, «гдѣ мужъ завѣдуетъ, такъ сказать, министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, жена министерствомъ внутреннихъ дѣлъ». «Изъ такой семьи выдохлась творческая сила», по его словамъ. «Никакой высшей общественной индивидуальности она породить не можетъ. Семья умерла, совершивъ весь кругъ органическаго развитія. Такъ умерла она въ высшихъ классахъ европейскихъ націй»¹⁾.

Но не только въ настоящемъ, а и въ прошломъ, онъ обрисовывалъ роль семейнаго начала далеко не розовыми красками. Самую критику общественныхъ формъ въ «Борьбѣ за индивидуальность» онъ началъ съ критики семьи и какъ разъ въ семьѣ онъ видѣлъ—что очень характерно для него—элементарную форму *сложной* коопераціи съ прису-

¹⁾ «Борьба за индивидуальность», т. I. стр. 578, 579.

щимъ ей началомъ антагонизма ¹⁾. Представительницей же первобытной коопераціи и идеи солидарности является вольная банда охотниковъ, основанная въ противовѣсъ семьѣ, какъ союзу на кровномъ родствѣ, на принципѣ «тяготѣнія подобнаго къ подобному *независимо отъ кровныхъ узъ*». Параллельная характеристика обоихъ этихъ типовъ коопераціи, данная Михайловскимъ, настолько интересна вообще и такъ важна по своимъ заключительнымъ выводамъ, что мы приведемъ ее цѣликомъ, не стѣняясь большими цитатами.

«Двое, трое, пять человекъ дикарей рядомъ печальныхъ опытовъ убѣждаются, что охота за какимъ-нибудь крупнымъ звѣремъ для каждаго изъ нихъ по одиночкѣ опасна и невозможна, а, между тѣмъ, звѣрь представляетъ очень лакомый кусочекъ. Они соединяются для охоты, чтобы раздѣлить добычу на равныя части. Каждый изъ нихъ вноситъ въ это общее дѣло всѣ тѣ силы и способности, какія выработались въ немъ предыдущей борьбой за существованіе. А такъ какъ борьба эта въ данной мѣстности имѣетъ для каждаго одинъ и тотъ же характеръ, вызываетъ приблизительно одну и ту же степень напряженности умственныхъ и физическихъ силъ, то наши пять охотниковъ вступаютъ въ союзъ членами равносильными и равноправными. Но вотъ звѣрь убитъ, раздѣленъ, съѣденъ, и члены временнаго союза, удовлетворивъ свои скудныя потребности, расходятся въ разныя стороны, не думая о завтрашнемъ днѣ. Они можетъ быть даже передрались при дѣлежѣ. Немногочисленность потребностей, отсутствіе постоянной или по крайней мѣрѣ продолжительной солидарности цѣлей и отвращеніе къ труду являются первыми причинами, мѣшающими прочному и продолжительному существованію простого сотрудничества. Могло, однако, случиться, что тѣ же пять охотниковъ, наученные опытомъ, соединяются во второй разъ, въ третій и т. д. Тогда между ними устанавливаются нѣкоторыя, относительно прочныя связи».

Этотъ фактъ получаетъ крупное вліяніе на выработку ихъ образа жизни, ихъ морали, поведенія. Раньше каждый дикарь могъ свое личное Я противопоставлять всему міру,

¹⁾ См. «Что такое прогрессъ», т. 1, стр. 84. Дальнѣйшія цитаты отсюда же, стр. 83—86.

теперь онъ постепенно убѣждается, что «центръ міра, ко благу или ко вреду котораго направлены всѣ силы природы, лежитъ не въ немъ, дикарь X, а въ цѣлой группѣ охотниковъ. Его личное существованіе, такъ сказать, расширяется; правила морали, вытекающія на этотъ разъ изъ дѣйствительнаго опыта, получаютъ опредѣленный цвѣтъ,—вредить кому-нибудь изъ своихъ товарищей оказывается невыгоднымъ, потомъ безнравственнымъ, что санкціонируется немедленно и религиозными представленіями... Однако, для каждаго изъ членовъ группы за предѣлами ея все еще нѣтъ большой разницы между человѣкомъ и нечеловѣкомъ. Тамъ, за этими предѣлами, свои боги, свои обычаи, свои правила, и ничто не мѣшаетъ нашимъ вольнымъ охотникамъ охотиться и за людьми».

Но вотъ образовалась семья, союзъ, основанный на кровномъ родствѣ. «Въ этой первобытной семьѣ, представляющей зародышъ или одинъ изъ зародышей будущаго рода, общины, племени, государства, отношенія между совместно-живущими членами устанавливаются совершенно не такъ, какъ въ обществѣ свободныхъ охотниковъ. Тамъ мы имѣемъ равныхъ людей, съ одинаковыми усиліями преслѣдующихъ одну и ту же цѣль, а здѣсь представителями коопераціи являются сильный мужчина, по крайней мѣрѣ періодически болѣе слабая женщина или нѣсколько женщинъ и совершенно слабыя дѣти. Сообразно этому различны и ихъ роли и значеніе въ семьѣ».

«При простомъ сотрудничествѣ пятерыхъ охотниковъ, каждый изъ нихъ, зная цѣль, для которой они образовали союзъ, не можетъ не видѣть, что цѣль эта общая для всѣхъ нихъ, что интересы ихъ совершенно солидарны. Въ первобытной же семьѣ, при предоставленіи мужчине высшей дѣятельности, а женщинѣ—внутренней, домашней, сознание общей цѣли становится гораздо болѣе смутнымъ; при этомъ ихъ фізіологическое неравенство все болѣе и болѣе укрѣпляется. Дикарь не можетъ видѣть и помнитъ, что женщина ему помогаетъ. Цѣль у нихъ, положимъ, общая, но средства для достяженія этой цѣли, благодаря раздѣленію труда, различны. По близорукости первобытный человѣкъ принимаетъ эти средства за цѣль, вслѣдствіе чего не оказывается ничего общаго между жизнью мужчины и женщины. Поэтому сочувствовать женщинѣ, переживать ея жизнь, мысли и чувства

первобытный человек не может, — они слишком отличны от его собственной жизни, мысли и чувств. За отсутствием или невѣдѣніемъ общей жизни, въ первобытной семьѣ мужъ и жена гораздо болѣе чужды другъ другу, чѣмъ тѣ пять мужчинъ, которые соединились для охоты. Такъ что, если въ союзъ простого сотрудничества вступаетъ нѣсколько семейныхъ дикарей, участвующихъ, такимъ образомъ, и въ системѣ простого и въ системѣ сложнаго сотрудничества, то для нихъ слагаются два совершенно различные нравственные кодекса: одинъ для отношеній между мужчинами, другой — для отношеній между мужчинами и женщинами. И первый будетъ необходимо выше, чище, гуманнѣе второго. Поэтому мы и видимъ такъ часто, что первобытный человекъ ни въ грошъ не ставитъ даже жизни жены, между тѣмъ какъ признаетъ преступленіемъ убійство такого же, какъ и онъ, мужчины. Эти отношенія устанавливаются надолго и не утратили своего значенія и нынѣ».

Изъ этихъ разсужденій, относящихся еще къ 1869 году, Михайловскій дѣлаетъ чрезвычайно важные и неоспоримые (ср. Зиммель «Соціальн. диффер.», русск. пер. 1897 г. 108, 109) соціологическіе выводы, которые состоятъ въ слѣдующемъ: *«разграниченіе семейныхъ и чисто общественныхъ чувствъ должно стать прочнымъ и плодотворнымъ достояніемъ науки»*, говоритъ онъ, ибо *«альтруистическая мораль... вытекаетъ не изъ семейныхъ отношеній, какъ обыкновенно думаютъ, по крайней мѣрѣ, не изъ нихъ однихъ, а изъ свободнаго тяготѣнія къ себѣ подобнымъ»*¹⁾.

¹⁾ См. эту формулировку въ ст. «Новый взглядъ на происхожденіе общества». Статья посвящена отчасти критикѣ, отчасти изложенію книги Шурца (Altersklassen und Männerbünde) Berlin, 1902), въ «возрастныхъ классахъ» и «мужскихъ союзахъ» котораго Михайловскій нашелъ громадный этнографическій матеріалъ, характеризующій роль простой кооперации въ первобытное время. (Статья напечатана во II т. «Послѣдн. сочин.», стр. 399—420). Приведенныя слова на 417, 420 стр. Какъ видно изъ текста, распространеніе всевозможныхъ «вольныхъ союзовъ», такой безконечной сѣтью покрывающихъ всю исторію человечества, учитывается Михайловскимъ, какъ районъ распространенія простой кооперации. Ср. любопытныя данныя въ этомъ отношеніи въ брошюрѣ П. А. Крауоткина «Государство и его роль въ исторіи», Женева, 1904 г., который указываетъ, что еще до возникновенія государства въ его современномъ видѣ «подъ именемъ гильдій, — задругъ, университетовъ (universitas) и

До сего времени мы брали примѣры простой коопераціи изъ временъ болѣе или менѣе отдаленныхъ, теперь же, заканчивая характеристику социологическаго содержанія терминовъ Михайловскаго, возьмемъ примѣръ изъ современности, который дастъ общій итогъ и общій смыслъ всей этой терминологіи. Примѣръ этотъ, впрочемъ, подсказывается всей характеристикой антагонистическихъ началъ, положенныхъ въ основу сложной коопераціи, какъ ее понимаетъ Михайловскій.

Распаденіе человѣческаго общества на группы съ противоположными интересами или, какъ выражается Михайловскій, «процессъ обособленія кастъ, сословій, классовъ, партій, вообще разнаго рода социальныхъ группъ», на почвѣ которыхъ развиваются «различныя формы, различные типы» «солидарности»,—не окончился къ нашему времени. Человѣчество еще не представляетъ изъ себя міровой «простой коопераціи», однородной и солидарной. Бываютъ, правда, и теперь моменты, когда громадныя массы народа, различныхъ «племенъ, нарѣчій, состояній», забывая временно все раздѣляющіе ихъ интересы, могутъ почувствовать себя братьями одной организаціи, но это только исключенія, для которыхъ нужны совершенно особыя степенія обстоятельствъ,—сильный общественный взрывъ, въ энтузіазмѣ котораго топутъ все партійныя, сословныя, классовыя различія, патріотическій подъемъ, и т. п., вообще условія, «когда обществомъ овладѣваетъ съ религіозной силой одна какая-нибудь идея»¹⁾.

«Мы присутствуемъ нынѣ,—поясняетъ эти слова Михайловскій,—при трагическомъ окончаніи (писано въ маѣ 1897 года) одной изъ такихъ вспышекъ общаго дѣла», подъ которой онъ здѣсь разумѣетъ бывшую тогда греческую войну. «Весьма вѣроятно, что патріотическая волна, охватившая въ только что окончившуюся войну грековъ, сдѣлала изъ ихъ

т. п. повсюду существовало множество союзовъ для самыхъ разнообразныхъ цѣлей... Очень сомнительно даже, можно ли было найти въ тѣ времена хоть одного человѣка, свободнаго или крѣпостнаго, который не принадлежалъ бы къ какимъ-нибудь союзамъ или гильдіямъ помимо своей общины» и т. д. См. 16, 17, 18 стр. Михайловскій безусловно превосходитъ Крапоткина большей глубиной въ изслѣдованіи социологическаго значенія всѣхъ этихъ фактовъ, послужившихъ у Крапоткина лишь опорой для анархистскаго опроверженія прогрессивной роли государства.

¹⁾ См. «Отклики», II, 86, 87.

поэтовъ Тиртеевъ, возбуждающихъ согражданъ вдохновенными пѣснями на подвигъ, заставила купцовъ забыть свой рубль на рубль, двинула земледѣльцевъ и ученыхъ въ ряды добровольцевъ». Но, вѣдь, въ обычное время отношенія между всѣми ними складываются совсѣмъ иначе. «Мы знаемъ, что мечтательный поэтъ можетъ распространиться на тему: «умоляни чернь непросвѣщенна и презираемая мной»; купецъ можетъ воспользоваться мечтательностью поэта и содрать съ него рубль на рубль за тотъ самый хлѣбъ, съ которымъ онъ уже сдѣлалъ подобную операцію на счетъ земледѣльца, и т. д. Объ общемъ дѣлѣ», какъ того требовало бы полное осуществленіе принциповъ простой коопераціи, взятыхъ за основу общежитія, «при этомъ и говорить странно».

И это потому, что борьба «сословій, классовъ, партій» только еще стремится замѣнить антагонизмъ въ обществѣ «свободой, равенствомъ и богатствомъ». *«Миръ еще не пережилъ великой революціи, окончательно обезпечившей Европѣ смѣну порядка раздѣленія труда порядкомъ простого сотрудничества»*, — какъ говоритъ Михайловскій (см. «Сочин.», т. I, стр. 213). Простое сотрудничество, основанное на «тяготѣнн къ себѣ подобнымъ», является только факторомъ въ этой борьбѣ, хотя роль его въ этой области огромна.

Рабы и рабовладѣльцы, патриціи и плебеи, господа и крѣпостные, каждый классъ «въ своей области» заполнили своей борьбой европейскую исторію и исторію міровую. Однако, на патриціяхъ и плебейхъ, господахъ и крѣпостныхъ не окончилась всемірная исторія, — не Римомъ она началась, не Римомъ и кончится. Въ противопоставленіи плебеевъ и патриціевъ сама римская дѣйствительность лишь повторяла многія черты предшествующихъ эпохъ, будучи въ то же время оригинальной. То же самое противоположеніе возрождается и нынѣ. Раньше патриціи рѣзко отдѣлялись отъ плебеевъ. Спартакъ отнюдь не во имя солидарности съ патриціями заносилъ надъ ихъ головой страшное оружіе возставшихъ рабовъ, но и современное общество далеко отъ идилліи первобытной простоты и солидарности. Прежняя борьба между патриціями и плебеями возрождается нынѣ въ борьбѣ Труда съ Капиталомъ.

«Допустимъ, говоритъ Михайловскій, что взаимныя

отношенія предпринимателей, производителей и потребителей въ любой современной отрасли промышленности должны назваться органической солидарностью», — какъ того требуетъ Дюркгеймъ, — «въ средѣ каждой изъ этихъ группъ идетъ болѣе или менѣе оживленная конкуренція, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждая изъ нихъ объединена общностью интересовъ, положеній, чувствъ, мыслей, слагающихся въ механическую солидарность»... («Отъѣвн», т. II, 88, 89; курс. мой), т. е. въ простую кооперацію.

Рабочіе и капиталисты составляютъ такую же, по характеру взаимныхъ отношеній, кооперацію, какъ патриціи и плебен, или рабы или рабовладѣльцы, два лагеря чуждыхъ другъ другу людей, не повидающихъ одинъ другого, т. е. кооперацію сложнаго сотрудничества, основанную на «враждебности», рѣзкомъ антагонизмѣ, этомъ вѣчномъ спутникѣ, какъ указывалъ еще Ножинъ-Бухарцевъ, раздѣленія труда. И развѣ психологія капиталиста, противопоставленнаго рабочему, не воспроизводитъ въ новой формѣ психологій рабовладѣльца, противопоставленнаго рабу?

Если «рабовладѣльцу легко проникнуться жизнью такого же, какъ онъ, рабовладѣльца, ведущаго одинаковый съ нимъ образъ жизни, имѣющаго тѣ же привычки», то и капиталисту «легко проникнуться жизнью такого же, какъ онъ», капиталиста, — «личный ихъ опытъ почти тождественъ». «Онъ естественно высоко ставитъ радости и горести своей группы и ни въ грошъ не ставитъ радостей и горестей другихъ группъ... Онъ видитъ раны и не видитъ, слышитъ стоны и не слышитъ... хотя онъ въ то же время способенъ съ полной отчетливостью оцѣнить горести и радости своихъ сотрудниковъ».

Даже такой изъ передовыхъ передовой представитель либеральной буржуазіи XVIII ст., какъ «Вольтеръ, искренно жаждавшій свободы мысли, взывавшій къ политической свободѣ, требовавшій свободы торговли, словомъ, во всемъ искавшій свободы, свободы и свободы, и онъ, тѣмъ не менѣе, раздѣлялъ людей на «порядочныхъ» и «сволочь», и всяческой свободы требовалъ только для первыхъ, а «сволочи» предоставлялъ невѣжество и воловьё ярмо». Буржуазія же въ цѣломъ «давно лизнула крови». «Страшная революція 1789 года, разбившая феодальные гербы, взорвавшая старинные перга-

менты, низвергнувшая тронъ и казнившая короля, тѣмъ не менѣе раздѣлила гражданъ на «активныхъ» и «пассивныхъ», силою оружія разгоняла работниковъ, собиравшихся для обсужденія и заявленія своихъ нуждъ, строго блюла за тѣмъ, чтобы не всплывалъ такъ называемый социальный вопросъ, и пыталась предоставить свободу печати только торжествующей буржуазіи. Подобныя же явленія представляетъ исторія и послѣдующихъ революцій». «Вооруженная капиталомъ, кредитомъ, умственнымъ развитіемъ, машинами, и, на основаніи всего этого, — политическимъ могуществомъ», «буржуазія, надѣвая намордникъ на центральную власть, въ то же время требовала и требуетъ, чтобы такой же намордникъ былъ надѣтъ и на народъ»¹⁾.

Очевидно, никакой солидарности между буржуазіей и «народомъ» быть не можетъ: между ними легла кровь, пролитая «народомъ» въ борьбѣ съ буржуазіей. Солидарность можетъ развиваться на почвѣ простой коопераціи только *или* между рабочими, *или* между капиталистами. И, дѣйствительно, какъ это мы видѣли, каждая изъ этихъ группъ «объединена общностью положеній, интересовъ, чувствъ, мыслей», что и выражается въ ихъ практической дѣятельности «синдикатами, стачками и т. п.»²⁾, чѣмъ окончательно намѣчается районъ дѣйствія простой коопераціи и общественное значеніе этого принципа для теоретической мысли и практической дѣятельности современности.

IV.

Принципы простой и сложной коопераціи, вызвавшіе со стороны критиковъ Михайловскаго столько снисходительно-величественныхъ замѣчаній (слишкомъ ужъ ясно было въ глазахъ критиковъ превосходство ихъ позицій надъ позиціями

¹⁾ Цитаты, приведенныя здѣсь см. въ ст. «Философія исторіи Луи-Блана», т. III, стр. 45, 48, 57 и 67. Статья писана въ августѣ и сентябрѣ 1871 г.

²⁾ См. послѣднія слова въ «Откл.», II, 89. Писано въ 1897 г. Цензурныя условія не позволяли въ то время Михайловскому выражаться болѣе рѣзко, называя вещь прямо по имени, но мысль его и такъ довольно ясна, чтобы можно было сомнѣваться въ ея характерѣ.

Михайловскаго), открываетъ передъ нами въ совершенно новомъ свѣтѣ общую систему его взглядовъ. Прежде всего должны пасть, какъ совершенно необоснованныя, обычные въ марксистской литературѣ съ самаго ея начала, утвержденія о томъ, что по мнѣнью Михайловскаго «общество состоитъ изъ отдѣльныхъ личностей», а не изъ «борющихся между собою социальныхъ группъ». (См. ст. «Идеологъ переходнаго времени» въ № 269 «Самар. Вѣстн.» за 1896 г.) Напротивъ, Михайловскій одинъ изъ первыхъ въ русской литературѣ далъ попытку систематическаго изслѣдованія общественной природы разныхъ социальныхъ группъ—или «индивидуальностей», по его выраженію,—объяснивъ ихъ взаимными отношеніями и отношеніемъ ихъ къ личности всю исторію человѣчества. Соціальная группа, какъ элементъ исторически сложившейся. и социальная группа въ томъ видѣ, какой она должна имѣть, чтобы удовлетворять всѣмъ потребностямъ челоуѣка, иначе социальная группа, какъ «идеальная единица»,—вотъ, собственно говоря, что должна означать его формула изслѣдовать отношеніе «различныхъ формъ общежитія къ судьбамъ личности». Намъ остается теперь показать, что такъ именно въ своихъ 4-хъ формулахъ онъ и самъ смотрѣлъ на задачи социологін, благодаря чему и сводилъ всё ихъ одинаково къ одному принципу, къ борьбѣ различныхъ формъ и типовъ коопераціи или общественности.

«Формулы прогресса» Михайловскаго говорятъ о «сущности историческаго процесса». Двѣ изъ нихъ—вторая и четвертая—очевидно тождественны. Во второй Михайловскій основаніемъ расположенія историческаго матеріала ставить взаимныя отношенія общественныхъ силъ; въ четвертой говорить о формахъ коопераціи, какъ центральномъ пунктѣ философіи исторіи. Но формы коопераціи разлагаются на простое и сложное сотрудичества, которыя приводятъ въ свою очередь къ борьбѣ социальныхъ группъ. Съ другой стороны взаимныя отношенія общественныхъ силъ—это и есть взаимныя отношенія общественныхъ, т. е. социальныхъ группъ, борьба между которыми и наполняетъ собой содержаніе историческаго процесса.

Здѣсь, однако, мы сталкиваемся сразу съ двумя затрудненіями, на которыхъ, какъ на чемъ-то неопровержимомъ, построила всю свою аргументацію критика Ми-

хайловскаго, поступивъ тѣмъ самымъ болѣе, чѣмъ опрометчиво. Соціальныя группы складываются, какъ это указываетъ Михайловскій въ теоріи простой и сложной коопераціи, въ процессѣ общественнаго раздѣленія труда, но, спрашивается, какимъ же образомъ этотъ чисто *объективный* процессъ можетъ требовать при его изслѣдованіи *субъективнаго* метода?—это во-первыхъ. Кромѣ того, почему борьба *соціальныхъ* группъ выражается формулой «борьбы за *индивидуальность*?» Отъ г. Слонимскаго до гг. Бердяева, Ранскаго, Плеханова и др. критика недоумѣваетъ надъ этими терминами, стараясь прежде, если не болѣе всего, объяснить ихъ буквальнымъ этимологическимъ смысломъ то соціологическое значеніе, которое имѣетъ въ виду здѣсь Михайловскій...

Мы не считаемъ нужнымъ въ данный моментъ распутывать всю путаницу, создавшуюся вокругъ этихъ терминовъ. Для насъ пока достаточно показать, что самъ Михайловскій понималъ свои термины (допуская даже, что они неудачны) совсѣмъ не въ ихъ буквальномъ значеніи. Онъ признавалъ—какъ мы увидимъ впоследствии—простую кооперацію первобытныхъ дикарей «высшимъ типомъ» развитія, но изъ этого не слѣдовало, что онъ ставилъ ни во что «паршивую цивилизацію», употребляя выраженіе одного изъ героевъ Гл. Успенскаго. Онъ требовалъ субъективнаго метода, но не потому, что отказывался отъ объективнаго изслѣдованія, и, формулируя принципъ борьбы за индивидуальность, отнюдь не игнорировалъ тѣмъ самымъ борьбу соціальной. Наоборотъ, борьба за индивидуальность въ его формулировкахъ (пока мы говоримъ только о формулировкахъ Михайловскаго) именно и мыслилась прежде всего въ видѣ борьбы соціальной.

Говоря о возраженіяхъ марксистовъ противъ теоріи борьбы за индивидуальность, Михайловскій замѣчаетъ между прочимъ: «И любопытно, что авторы эти въ большинствѣ случаевъ возлагаютъ свои надежды на «классовое сознаніе», «классовую точку зрѣнія», «классовую борьбу». *Слѣдовательно, смотрятъ на «классъ», какъ на индивидуальность;* ибо что такое индивидуальность, если не цѣлое, вступающее въ отношенія къ вѣдшему міру, какъ обособленная единица?» («Посл. соч.» т. II, 39. Курс. мой).

Такъ что борьба за индивидуальность (въ чемъ бы она ни состояла) вовсе не игнорируетъ, напр., борьбы классовой, которая есть разновидность борьбы социальной; напротивъ, мы уже видѣли, какъ самый яркій видъ борьбы классовъ, фактъ мировыхъ по своему значенію столкновеній буржуазіи и пролетариата, Михайловскій вводитъ въ основу основъ своего изученія. Кромѣ того, въ тѣхъ же «Отрывкахъ о религіи», изъ которыхъ взята приведенная только что цитата, онъ подробно разсматриваетъ разныя измѣненія въ религіозныхъ воззрѣніяхъ римлянъ по мѣрѣ того, какъ та или другая группа образовываетъ изъ себя «классъ, общественную индивидуальность, въ качествѣ которой и выступаетъ на арену исторіи» (тамъ же, 44). Нельзя понять борьбы за индивидуальность, не усвоивши предварительно, что она органически связана съ борьбой социальныхъ группъ. Любопытно, что одинъ изъ критиковъ Михайловскаго, просвѣтившись изъ его статьи о книгѣ М. Энгельгардта «Эволюція жестокости» (см. гл. IX „Посл. соч.“ т. I) насчетъ истиннаго значенія теоріи борьбы за индивидуальность, назвалъ ее *борьбой за социальность*¹⁾, находя терминъ Михайловскаго неудачнымъ. Совсѣмъ не такъ удачна эта замѣна, какъ она казалась въ свое время ея автору, но она, по крайней мѣрѣ, краснорѣчиво подчеркиваетъ бессодержательность обычныхъ возраженій на основную изъ теорій Михайловскаго.

То же самое слѣдуетъ сказать и про субъективный методъ, по мнѣнію марксистовъ, давно уже ими ниспровергнутый. Къ сожалѣнію, это не больше какъ прискорбное заблужденіе. Субъективный методъ Михайловскаго одна изъ его самыхъ замѣчательныхъ социологическихъ концепцій. Марксисты «опровергли», если только даже опровергли, точиѣе сказать, опровергали, самый терминъ, самое словосочетаніе «методъ» и «субъективный», что, между прочимъ, дѣлалось и задолго до нихъ и съ большимъ успѣхомъ, но не социологическое содержаніе того понятія, которое Михайловскій обозначалъ такимъ образомъ. Только это содержаніе и слѣдовало критиковать, но представители «научной критики» его даже не усвоили и

¹⁾ См. «Міръ Божій», 1900 г. апрѣль; слова въ отдѣлѣ журнальныхъ обзоровъ: «въ формулировкѣ Н. К. Михайловскаго «борьба за индивидуальность переходитъ въ борьбу за социальность» и т. д.

не могли усвоить, такъ какъ они не поняли той связи, которая существуетъ у Михайловскаго между его теоріей коопераціи, извращенной ими, и «субъективнымъ методомъ».

Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи упомянутый въ первой части этой статьи инцидентъ съ М. М. Филипповымъ, на одной детали котораго мы считаемъ необходимымъ остановиться и теперь. «Одобрять одни изъ моихъ взглядовъ, не одобряя другіе, говоритъ Михайловскій объ отношеніи къ нему во II т. «Философін дѣйствительности» со стороны М. Филиппова, онъ, т. е. М. Филипповъ, «особенно настаиваетъ на томъ, что я въ своихъ соціологическихъ работахъ вовсе не примѣняю «субъективнаго метода». Онъ говоритъ: Михайловскій «сознается, что онъ вывелъ свое опредѣленіе прогресса изъ данныхъ объективной науки», и я дѣйствительно «сознаюсь»... отвѣчаетъ Михайловскій на реплику Филиппова, — «предпочиталъ бы, однако, какое-нибудь другое выраженіе, потому что сознаться можно только въ какомъ-нибудь грѣхѣ, преступленіи или ошибкѣ, а съ моей точки зрѣнія опираться на данныя объективной науки не только не составляетъ грѣха, преступленія или ошибки, но, напротивъ того, обязательно» («Отклики» т. II, 175).

Соціологическій методъ Михайловскаго потому и называется «субъективнымъ», что этотъ «субъективизмъ» менѣе всего противорѣчитъ «даннымъ объективной науки». Онъ какъ разъ даетъ этой объективной наукѣ новую и чрезвычайно сильную поддержку. Здѣсь нѣтъ никакого парадокса. Достаточно усвоить, хотя бы въ общихъ чертахъ, сущность ученія о субъективномъ методѣ Михайловскаго и отношеніе его къ принципу формъ коопераціи, чтобы убѣдиться въ этомъ. Сущность же ученія о субъективномъ методѣ, въ его соціологическомъ значеніи, сама собой намѣчена у насъ анализомъ теоріи простой и сложной коопераціи, и состоитъ она въ слѣдующемъ.

Изъ анализа разныхъ типовъ коопераціи мы знаемъ, что общество, построенное по типу сложной коопераціи, состоитъ изъ ряда соціальныхъ группъ, взаимно между собою связанныхъ, *но другъ друга, въ лицъ своихъ членовъ, не понимающихъ*. Рабъ и рабовладѣлецъ, рабочій и капиталистъ «варвары другъ для друга», они говорятъ на разныхъ языкахъ. То, что истинно для одного, есть ложь для другого,

истина въ этомъ случаѣ *субъективна*. Безусловно обязательная для членовъ *одной* и той же группы, она психологически неприемлема для другой. И вотъ этотъ моментъ—отмѣченный еще Н. Г. Чернышевскимъ—Михайловскій положилъ въ основу своего изслѣдованія о «субъективизмѣ» въ наукѣ и жизни.

Каковы бы ни были промахи Михайловскаго въ его концепціи «субъективнаго метода», отрицать которыя пѣтъ нужды, основа и характернѣйшая сторона этого обобщенія останется замѣчательнымъ достояніемъ русской науки. Благодаря своему «субъективному» методу Михайловскій не только поставилъ во всемъ ея объемѣ проблему о вліяніи общественности на психику человѣка, но и разрѣшилъ ее совершенно въ духѣ современной науки, что отчасти признають и сами марксисты. Михайловскому мало было указать, что формы коопераціи вліяютъ вообще на психику человѣка, формируя его взгляды и направляя его волю на опредѣленные поступки. Ему нужно было изслѣдовать на-ряду съ этимъ *качественную* сторону этого вліянія, установить его границы и направленіе, а равно и отношеніе, что особенно важно, къ идеалу *объективнаго* познанія, составляющаго завѣтную цѣль изысканій Михайловскаго, что бы ни говорили объ этомъ его критики. Всю эту громадную задачу Михайловскій выполнилъ съ удивительнымъ блескомъ и талантомъ, построивъ при анализѣ качественной стороны вліянія общественности на психику человѣка, теорію познанія и теорію личности, какъ дальнѣйшее развитіе своего субъективнаго метода. При чемъ особенность Михайловскаго состоитъ въ томъ, что постановкѣ и разрѣшенію проблемы объ объективномъ познаніи, какъ идеалѣ, онъ придалъ, благодаря той общественной позиціи, которую занималъ, глубоко жизненный и революціонный характеръ,—именно революціонный, ибо полный переворотъ въ приѣмахъ познанія всего человѣчества у него мыслятся какъ результатъ переворота въ общественности, когда «мірѣ переживетъ великую революцію», способную обезпечить Европѣ «смѣну порядка раздѣленія труда порядкомъ простаго сотрудничества».

Такъ что двѣ наиболѣе характерныя соціологическія концепціи Михайловскаго, которыя такъ тѣсно ассоціированы въ представленіи читателей и критики съ его именемъ, окончательно приводятся «къ одному знаменателю». Какъ эта задача, такъ и, въ свою очередь, задача систематизаціи всѣхъ вообще

взглядов Михайловскаго сводятся къ анализу разныхъ формъ комбинаціи общественныхъ силъ и отношенія этихъ формъ къ судьбамъ личности, основной же движущей причиною историческаго процесса, сообщающей ему постоянную энергію въ творествѣ новыхъ, вѣчно смѣняющихся другъ друга формъ общественной жизни, является коренной антагонизмъ соціальныхъ и индивидуальныхъ интересовъ, который положенъ Михайловскимъ въ основу его теоріи борьбы за индивидуальность. Миръ это борьба и, какъ онъ говоритъ въ словахъ, столь близкихъ къ одному изъ священныхъ девизовъ нашего времени, — «вѣкъ живи — вѣкъ борись»... ¹⁾.

Такъ стоитъ, по нашему мнѣнію, вопросъ о систематизаціи взглядовъ Михайловскаго. И несмотря на то, что всѣ наши замѣчанія по этому поводу носятъ исключительно предварительный характеръ, мы считали бы, благодаря той цементирующей роли, которую играетъ здѣсь въ общей связи его воззрѣній принципъ коопераціи, доказаннымъ полное единство всѣхъ частей мировоззрѣнія Михайловскаго, если бъ этому еще непротиворѣчиво одно обстоятельство, нами пока не устраненное.

Обстоятельство это заключается въ томъ видимомъ противорѣчии, въ которомъ стоятъ съ общимъ ходомъ нашего изложенія требованія «формулы прогресса», третьей въ нашемъ счетѣ, провизгнутой ненавистью къ раздѣленію труда и совершенно непонятнымъ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ самыхъ широкихъ слоевъ читателей, апофеозомъ личности, гармонически развитой и совмѣщающей въ себѣ разнообразныя профессіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ своемъ анализѣ взаимныхъ отношеній простой и сложной коопераціи Михайловскій пришелъ, строго говоря, къ полному опроверженію своей общезвѣстной «формулы прогресса». Простая кооперація несетъ съ собою прогрессъ и развитіе солидарности; простая кооперація развиваетъ *во всемъ своемъ объемѣ* свою — дѣятельность и въ современномъ обществѣ *специализированныхъ* индивидуумовъ», тогда какъ общезвѣстная «формула про-

¹⁾ См. «Политическія письма социалиста», «Литература соц. рев. партіи Народная Воля» Paris 1905 г. № 2 газеты «Народная Воля» стр. 91. См. также у Ю. Гарденина въ брошюрѣ «Н. К. Михайловскій» 1906 г. изд. «Земли и Воли», гдѣ перепечатаны эти «письма» Михайловскаго.

гресса» Михайловскаго *прогрессомъ* считаетъ *уменьшеніе специализаціи, увеличеніе разнородности* чловѣка. Если же Михайловскій указываетъ явленія, которыя нынѣ свидѣтельствуютъ о развитіи сотрудничества по типу простой кооперации, то вѣдь именно его «формула прогресса», какъ она понимается въ русской литературѣ еще со временъ Лаврова, произноситъ *субъективное* и безповоротное осужденіе тѣмъ фактамъ, которые указаны его *объективнымъ* анализомъ. И, напр., говоритъ же г. Бердяевъ, правда, на основаніи разсужденій, не совсѣмъ ясныхъ для читателя, что «въ своей ненависти къ раздѣленію труда г. Михайловскій приближается къ Лву Толстому и, если не дѣлаетъ его крайнихъ выводовъ, то только по непослѣдовательности»¹⁾.

Несомнѣнно, приходится серьезно считаться съ такими разсужденіями. Правда, трудно предположить здѣсь наличность дѣйствительнаго противорѣчія взглядовъ Михайловскаго; работая въ теченіе болѣе 40 лѣтъ въ русской литературѣ, Михайловскій, можно сказать, совершенно свободенъ отъ противорѣчій. Да и не даромъ же онъ самъ ссылается, что его «формула прогресса» изъ статьи «Что такое прогрессъ» «сводится къ изысканію основныхъ законовъ коопераціи». Или говоря такъ, онъ не сознавалъ всей отвѣтственности этихъ словъ? Но если даже по существу у Михайловскаго нѣтъ указанныхъ противорѣчій, то заняться вопросомъ о нихъ все-таки необходимо, хотя бы ужъ потому, — не говоря уже о другихъ соображеніяхъ — что считаться съ ними приходилось и ему самому.

«По поводу моей теоріи прогресса и борьбы за индивидуальность, — говоритъ онъ — миѣ часто дѣлають съ очень побѣдоноснымъ видомъ возраженія такого рода: что же, вы

¹⁾ См. у г. Бердяева примѣчаніе на 153 стр. Справедливость требуетъ сказать, что г. Бердяевъ тутъ совсѣмъ не оригиналенъ. То же самое еще въ печальной памяти статьяхъ 1889 года, утверждалъ въ «Вѣстникѣ Европы» г. Слонимскій, союзникъ нельзя сказать, чтобы очень желательный. По его словамъ, «г. Михайловскій далъ зачатки ученія, которое позднѣе развилъ и пытался примѣнить гр. Левъ Толстой, — объ упрощеніи нашего быта и объ отказѣ отъ удобствъ раздѣленія труда и совмѣщеніи всѣхъ специальностей въ одномъ чловѣкѣ для равномѣрнаго упражненія нашихъ органовъ и способностей». Нужно было очень плохо понять Михайловскаго для того, чтобы повторять аргументы Слонимскаго черезъ десять лѣтъ послѣ появленія его статей.

хотите соединить въ одномъ лицѣ профессіи, напримѣръ, писателя, каменно-угольнаго рабочаго, земледѣльца, мясника и т. д. — развѣ это возможно?» (см. «Лит. восп.» т. I, стр. 360).

Примѣръ г. Бердяева, который имѣетъ точно также «побѣдоносный видъ», а онъ въ данномъ случаѣ къ тому же не одинокъ, показываетъ, что около «формулы прогресса» Михайловскаго дѣйствительно накопились разныя недоразумѣнія, нынѣ уже обладающія прочностью предразсудковъ, и пока что не опровергнутыя. Не станемъ пока и мы опровергать ихъ по существу. Въ этомъ очеркѣ за исключеніемъ анализа понятій простой и сложной коопераціи, мы вообще не разбираемъ взглядовъ Михайловскаго со стороны ихъ дѣйствительнаго, а не мнимаго соціологическаго содержанія. Мы вращаемся все время въ области болѣе спеціальной, но не менѣе важной, — мы хотимъ знать, какъ самъ Михайловскій смотрѣлъ на возможность объединенія различныхъ его «формулъ прогресса», дабы впослѣдствіи полученные такимъ путемъ результаты провѣрить чисто аналитическимъ путемъ. Такъ что и въ данномъ случаѣ для насъ интересенъ только одинъ вопросъ: признавалъ ли Михайловскій для *даннаго историческаго момента*, — въ чемъ и состоитъ весь вопросъ, — нормальными тѣ взаимныя отношенія между простой и сложной коопераціями, которыя онъ намѣтилъ объективнымъ путемъ. Или иначе — совмѣстима ли, логически и исторически, «формула прогресса» Михайловскаго съ ея требованіемъ полнаго, гармоническаго, всесторонняго развитія личности съ необходимостью «простой коопераціи» современныхъ *специализированныхъ* индивидуумовъ?» На эти вопросы мы можемъ отвѣтить немедленно и сдѣлать это для насъ тѣмъ легче, что путь къ рѣшенію ихъ Михайловскій указалъ еще въ 1870 году ¹⁾, разбирая нѣкоторыя изъ выставленныхъ противъ него положеній въ вышеупомянутой статьѣ П. Л. Лаврова.

«Желаю ли я — спрашиваетъ тутъ Михайловскій — внезапнаго исчезновенія государственныхъ, экономическихъ, промышленныхъ, научныхъ специализацій и внезапной смѣны

¹⁾ См. Post-Scriptum къ ст. «Теорія Дарвина и теологія». «Отеч. Зап.», 1870 года, мартъ, стр. 44, 45.

порядка, построеннаго на принципѣ раздѣленія труда порядкомъ простого сотрудничества?»—«Ни желаю, ни не желаю—возражаетъ онъ П. Л. Лаврову,—я просто отношусь къ этой мысли какъ къ невозможности, которая отнюдь въ мою формулу не входитъ», «ибо формула моя требуетъ не внезапнаго исчезновенія спеціализацій, а уничтоженія условій, порождающихъ эти спеціализаціи». Въ частности же—«вопросъ о томъ, какимъ образомъ предлагаемая мною формула должна быть осуществлена на практикѣ, принадлежитъ области искусства и долженъ рѣшаться сообразно тѣмъ эмпирическимъ условіямъ, среди которыхъ насъ застаютъ исторія». И какъ это ни странно, отвѣтъ на то, и отвѣтъ вполне послѣдовательный, какимъ именно образомъ формула прогресса, предложенная Михайловскимъ, должна быть осуществлена на практикѣ, данъ имъ какъ разъ тамъ, гдѣ г. Бердяевъ уличаетъ его въ непослѣдовательности—въ оцѣнкѣ имъ съ точки зрѣнія своей теоріи прогресса «практической дѣятельности гр. Толстого».

«Повидимому, та сторона практической дѣятельности гр. Толстого, которая соотвѣтствуетъ девизу «гармоническаго развитія», представляетъ собою превосходную иллюстрацію къ приведенной формулѣ прогресса, облекая ее, такъ сказать, въ плоть и кровь»,—заявляетъ Михайловскій, категорически приступая такимъ образомъ къ вопросу, насколько онъ въ дѣйствительности «приближается къ Льву Толстому». «Если человѣкъ землю пашетъ, печи складываетъ, сапоги шьетъ, вообще занимается разнообразнымъ физическимъ трудомъ, не покидая въ то же время умственной дѣятельности (хотя, можетъ быть, въ теоріи, на словахъ принижая ее значеніе), то онъ приближается къ желательной цѣльности недѣлимаго или даже вполне осуществляетъ ее. Соединяя въ своемъ лицѣ разнородныя профессіи, онъ уменьшаетъ разнородность общества и въ то же самое время усиливаетъ свою личную разнородность.—Итакъ, съ моей точки зрѣнія, гр. Толстой стоитъ на пути прогресса и дѣлаетъ нравственное, справедливое, разумное и полезное дѣло». (См. «Лит. восп.». т. I, стр. 351).

Такъ понялъ дѣло не только г. Бердяевъ, а напр., Гл. Успенскій, сопоставляющій въ статьѣ «Трудами рукъ

своихъ» Михайловскаго и Толстого ¹⁾. «Нужна, возможна и уже существуетъ жизнь «во всю», широкая жизнь, полная наслаждений, хотя и полная труда»—формулируетъ Михайловскій статью Гл. Успенскаго,—«это жизнь земледѣльца», «народный бытъ», которому противопоставляется «культурный бытъ», гдѣ нѣтъ настоящей трудовой жизни, а есть только «труженичество» ²⁾. Но формулируетъ онъ эту идеализацію «земледѣльческаго» быта, равно какъ и сопоставленіе, сдѣланное выше, своей формулы прогресса съ «практической дѣятельностью» гр. Толстого, только для того, чтобы опротестовать все это. И когда Гл. Успенскій въ статьѣ «Трудами рукъ своихъ» пробуетъ опереться на авторитетъ Михайловскаго, то Михайловскій замѣчаетъ, что онъ «не считаетъ себя отвѣтственнымъ за то употребленіе», которое Г. И. Успенскій дѣлаетъ изъ его словъ. Уже изъ этого видно, до какой степени проблематично утвержденіе г. Бердяева. Въ чемъ же сущность разногласія между Михайловскимъ и Толстымъ съ Успенскимъ?

«У Венеры Милосской—мужицкіе завитки волосъ», а Венера Милосская—прообразъ гармонически развитого чело­вѣка, чѣмъ она и «выпрямила» Тяпушкина въ рассказѣ Гл. Успенскаго, который здѣсь и имѣетъ въ виду Михайловскій. Но хотя у «Венеры Милосской и мужицкіе завитки волосъ»,—«все-таки душевное равновѣсіе, гармонія жизни достигается не однимъ земледѣльческимъ трудомъ»: «спасеніе не въ земледѣліи, что, впрочемъ, самъ Успенскій очень хорошо знаетъ»,—оговаривается Михайловскій. *И «ужь конечно не этимъ путемъ будетъ поколеблено зданіе, вѣками строившееся на раздѣленіи труда».*

«Спасеніе не въ земледѣліи»,—это потому, что для громаднхъ массъ изъ числа «односторонне-спеціализирован-

¹⁾ См. у Гл. Успенскаго «Сочиненія» изд. Павленкова, т. II, стр. 888. «Ту формулу прогресса, которую леплетъ г. Михайловскій путемъ научнымъ, гр. Л. Н. Толстой видитъ даже осуществленной въ глубинахъ народныхъ массъ», гдѣ «каждый... удовлетворяетъ всѣмъ свои потребностямъ»... «соединяя разрозненныя профессіи въ каждомъ чело­вѣкѣ».

²⁾ См. дальнѣйшія цитаты въ т. V «сочин.» Михайловскаго, стр. 129, 132, 134, 135, 136; въ «Литературн. воспом.», т. I, стр. 350, 351, 358, 360, 361; въ т. VI, ст. о Толстомъ, стр. 414. Ср. также стр. 40 въ т. III «Записки профана», стр. 493.

ныхъ индивидуумовъ» земледѣльческій трудъ просто невозможенъ, а, стало быть, невозможна и вся связанная съ нимъ программа дѣятельности. «Доступна ли она, ну, хоть тому наборщику,—спрашиваетъ Михайловскій,—который набиралъ программу гр. Толстого... и который необходимъ именно какъ наборщикъ, ради пропаганды ученія Толстого»? А вѣдь въ такомъ положеніи, какъ этотъ наборщикъ, стоятъ тысячи народу. «Предложить имъ всѣмъ сейчасъ же обуться въ лапти и пахать было бы и празднословіемъ и издѣвательствомъ». Это «невозможно, да и не нужно, не требуется теоріей прогресса», — какъ ее понимаетъ Михайловскій. «По крайней мѣрѣ сейчасъ первая стадія упорядоченія, уравниванія, гармонизаціи жизни культурныхъ людей должна не въ этомъ состоять». Сейчасъ будетъ *прогрессивной* дѣятельность специализированная, «*односторонняя*».

«Успенскій, при всемъ своемъ увлеченіи идеалами земледѣльческаго труда, отводилъ интеллигенціи высокую миссію, такую высокую, что выше, пожалуй, и не выдумать». И когда Гл. Успенскій останавливался надъ идеализаціей земледѣльческаго труда, какъ единственнаго источника «жизни во всю», то Михайловскій спрашивалъ его: «А дѣвушка въ пледѣ? а дѣвушка строгаго, почти монашескаго типа? Развѣ онѣ земледѣліемъ занимаются»? Между тѣмъ,—«страданія, на которыя идетъ дѣвушка строгаго, почти монашескаго типа., лишения и оскорбленія, которымъ можетъ подвергаться дѣвушка въ пледѣ»,—какъ на все это указывалъ самъ Гл. Успенскій, посвятившій всѣмъ имъ глубоко художественныя страницы,—«все это ничего, все это даже хорошо и весело, потому что сюда вложена вся душа, цѣликомъ. «Ахъ, хорошо! ахъ, славно!»... Значить, не въ одномъ земледѣльческомъ трудѣ спасеніе. Есть и еще какіе-то виды дѣятельности, нужные, полезные, цѣнные и, быть можетъ, столь же способные установить или возстановить душевное равновѣсіе». Такъ, «хромой Тиртей былъ плохой воинъ, но его поэзія воодушевила спартацевъ на военные подвиги, и если бы онъ даже совсѣмъ не принималъ личнаго участія въ сраженіяхъ, по своему физическому убожеству, то окольнымъ путемъ вдохновенной хвалы храбрымъ онъ достигъ гораздо большаго, чѣмъ этимъ личнымъ участіемъ. И мы не возмущаемся по-

веденіемъ Тиртея, потому что вѣримъ въ искренность хромого пѣвца».

И замѣчательно, что еще въ «Запискахъ профана», когда, казалось бы, онъ былъ особенно близокъ къ «практической дѣятельности гр. Толстого», Михайловскій на примѣрѣ же Толстого указывалъ тѣ «виды дѣятельности, нужные, полезные, цѣнные», которые, несмотря на свою односторонность «способны установить или возстановить душевное равновѣсіе».

«Но разъ онъ увѣренъ, — писалъ тогда Михайловскій про гр. Толстого, — что нація состоитъ изъ двухъ половинъ, и что даже невинныя, «непредосудительныя» наслажденія одной изъ нихъ клонятся къ невыгодѣ другой, — что можетъ мѣшаетъ ему посвятить всѣ свои громадныя силы этой громадной темѣ? Трудно даже себѣ представить, чтобы какія-нибудь иныя темы могли занимать писателя, носящаго въ душѣ такую страшную драму, каковую носить въ своей гр. Толстой: такъ она глубока и серьезна, такъ она захватываетъ самый корень литературной дѣятельности, такъ она, казалось бы, должна глушить всякіе другіе интересы, какъ глушить другія растенія цѣпкая павилика». И буквально то же самое о томъ же гр. Толстомъ, Михайловскій повторилъ почти двадцать лѣтъ спустя, полемизируя на этотъ разъ противъ его теоріи земледѣльческаго труда и знаменитыхъ «четырехъ упряжекъ». «Но, спрашивается, вазвалъ ли бы кто-нибудь его поведеніе безнравственнымъ, — спрашиваетъ Михайловскій, если бы онъ бросилъ всѣ свои способствующія здоровью и душевному спокойствію «запряжки» и *надорвался на односторонней*, хотя бы той же писательской работѣ во имя того же идеала общественной однородности? Это было бы столь же невозможно-нелѣпо, какъ если бы, скажемъ, итальянскій патріотъ временъ объединенія Италіи уличался въ недостатокъ патріотизма за то, что, во имя идеала свободы, претерпѣлъ австрійскій плѣнъ и неаполитанскую тюрьму»...

Всѣ подобныя заявленія Михайловскаго, сгруппированныя у насъ на послѣднихъ страницахъ, слишкомъ категоричны, ярки, рѣзки, опредѣленны и слишкомъ тѣсно приурочены у него къ «формулѣ прогресса», требующей «гармоническаго развитія» всѣхъ способностей человѣка, чтобы мож

но было заподозрить здѣсь Михайловскаго въ «непоследовательности» при объясненіи его полемики съ гр. Толстымъ. Безусловно, Михайловскій признавалъ всю отвѣтственность своего заявленія, когда онъ въ 1870 году сводилъ свою «формулу» изъ статьи «Что такое прогрессъ» къ отысканію законовъ коопераціи. Въ анализѣ социологическаго содержанія простой и сложной коопераціи мы пришли поэтому къ опроверженію не «формулы» гармоническаго развитія, а тѣхъ предразсудковъ, освященныхъ марксистскою критикою, которые являются главной причиной какой-то косности мысли, характерной для «критической» литературы о Михайловскомъ. Для насъ очевидно, что въ представленіи Михайловскаго его «формула», требующая, какъ идеаль, всесторонняго развитія человѣка и намѣчающая путь къ нему въ видѣ созданія условій для осуществленія этого идеала, связывалась въ данный моментъ съ принципомъ свободной коопераціи «специализированныхъ» или, какъ онъ говоритъ въ послѣдней цитатѣ о Толстомъ, «одностороннихъ» индивидуумовъ, — *т. е. связывалъ и въ этомъ случаѣ съ борьбой социальныхъ группъ.*

Весь вопросъ заключается вовсе не въ томъ, чтобы теперь же «обуться въ лапти и пахать». Весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы, будучи односторонне-специализированнымъ человѣкомъ, найти такіе «роды дѣятельности», которые бы величіемъ поставленной задачи захватывали цѣликомъ человѣка, заставляли бы напрягаться «во-всю» его силы, создавая тѣмъ самымъ чувство глубокаго душевнаго спокойствія, — «гармоніи». «Дѣвушка со строгимъ, почти монашескимъ лицомъ» и «дѣвушка въ пледѣ», взятая Михайловскимъ изъ разсказа Гл. Успенскаго, нашли такую дѣятельность, и никакія «оскорбленія и лишенія», — а мы знаемъ слишкомъ хорошо, что ихъ путь усыпанъ не розами, — не могутъ лишить ихъ чувства глубокой душевной гармоніи; Соня изъ «Въ перемежку» Михайловскаго и «Бѣдный музыкантъ» (оттуда же) тоже «совершили свои подвиги», — «милый «бѣдный музыкантъ»... ты попробовалъ, за тобой нѣтъ недоимокъ» — говоритъ Михайловскій. И «бѣдный музыкантъ», хотя онъ и занятъ изученіемъ физическаго труда изъ самостоятельныхъ, впрочемъ, мотивовъ, и Соня, эта «дѣвушка въ пледѣ» изъ «Въ перемежку», предвосхищенная Михайловскимъ у Гл. Успенскаго, люди «односторонніе» и «специа-

лизированные», что не мѣшаетъ Михайловскому говорить о «дивной красотѣ» тогдашняго поколѣнія. И Соня, и бѣдный музыкантъ, и «дѣвушка со строгимъ, почти монашескимъ лицомъ», все это люди не знающіе счастья въ обыденномъ смыслѣ этого слова,—наоборотъ, это «мученики исторіи» (ср. т. IV, 239), но есть нѣчто искупающее въ глазахъ Михайловскаго ихъ страданія и оправдывающее ихъ «односторонность»—*благодаря именно этой «односторонности», благодаря ихъ дѣятельности вообще, будетъ разрушено зданіе, вѣками строившееся на раздѣленіи труда.* Вотъ почему Михайловскій и соединялъ въ одномъ томѣ «Что такое прогрессъ» съ очерками «Въ перемежку», несмотря на ихъ крайне несходный по внѣшности характеръ.

Послѣднія слова возвращаютъ насъ къ началу этого очерка и вмѣстѣ съ тѣмъ ставятъ лицомъ къ лицу съ той исторической ролью, которую сыгралъ въ русской общественной жизни Н. К. Михайловскій.

Мы видѣли, какъ онъ сопоставлялъ въ словахъ, взятыхъ у насъ изъ «Литерат. Замѣтокъ» 1873 г., свою публицистику съ своей социологіей. Онъ говорилъ тамъ, что формы коопераціи являются центральнымъ пунктомъ философіи исторіи, но что онѣ въ то же время составляютъ основной фактъ современности. «Самая видная сторона нынѣшней общественной жизни есть несомнѣнно экономическая»,—говоритъ онъ (см. т. I, 838) въ тѣхъ же «Лит. Зам.» А формы коопераціи въ этой «самой видной сторонѣ нынѣшней общественной жизни» намъ уже извѣстны,—онѣ состоятъ въ наличности двухъ великихъ общественныхъ силъ, противостоящихъ въ рѣшительномъ антагонизмѣ одна другой. Силы эти—Трудъ и Капиталъ. Въ концѣ 1860-хъ годовъ, когда началъ свою литературную дѣятельность Михайловскій, спустя 7–8 лѣтъ послѣ отмѣны крѣпостного права, проблема эта во всемъ своемъ объемѣ была уже поставлена въ нашей литературѣ и общественной наукѣ геніальнымъ или, какъ называлъ его Марксъ, «великимъ русскимъ критикомъ и ученымъ»,—Н. Г. Чернышевскимъ. Соціальный вопросъ, борьбу Труда и Капитала

Н. Г. Чернышевскій разсматривалъ съ экономической стороны. Н. Г. Чернышевскій былъ экономистомъ, такъ же какъ вскорѣ послѣ него П. Л. Лавровъ—философомъ, соціально-революціоннаго движенія, зарождавшагося тогда въ Россіи. Н. К. Михайловскому суждено было сдѣлаться его соціологомъ.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Н. К. Михайловскій, какъ критикъ органической теоріи общества.

I.

За Н. К. Михайловскимъ издавна и очень прочно установилась слава первого въ Россіи критика органической теоріи общества, и въ частности главнаго ея творца — Спенсера. Первая же крупная работа, обратившая на Михайловскаго вниманіе, статья: «Что такое прогрессъ», была цѣликомъ посвящена Спенсеру. Статья: «Что такое прогрессъ» была напечатана въ М.М. 2, 9 и 11 «Отеч. Зап.» за 1869 годъ, слѣдовательно, еще въ 60-хъ годахъ, въ эпоху неостывшаго увлеченія естественными науками. Она не была, вообще, первой крупной работой Михайловскаго. Раньше, чѣмъ она кончилась, появились уже двѣ большія статьи его: «Аналогическій методъ въ общественной наукѣ» и «Преступленіе и наказаніе», не говоря о рядѣ мелкихъ замѣтокъ въ газетахъ и журналахъ. Но она была первой работой, сразу и рѣзко опредѣлившей индивидуальность молодого автора, — Михайловскому было тогда 27 лѣтъ, — и поставившей его на виду всей русской литературы. Извѣстны отзывы о тогдашней порѣ дѣятельности Михайловскаго со стороны трехъ крупнѣйшихъ представителей русской общественной мысли: Герцена, Лаврова и Некрасова. «Есть у насъ сотрудникъ Николай Михайловскій, — писалъ А. А. Краевскому въ концѣ 60-хъ гг. Некрасовъ. — Теперь ясно, что это самый даровитый человѣкъ изъ новыхъ и ему, безъ сомнѣнія, предстоитъ хорошая будущность. Кромѣ несомнѣнной талантливости, онъ человѣкъ со свѣдѣ-

ніями, очень энергиченъ и работающъ. «Отеч. Запискамъ» онъ можетъ быть полезенъ сильно и надолго».

Въ то же время Герценъ рекомендовалъ вниманію Огарева, въ одномъ изъ писемъ къ нему, статью «Что такое прогрессъ». «Изложеніе безобразно,—пишетъ онъ,—но сущность хороша».

Что касается П. Л. Лаврова, то его отношеніе къ первымъ работамъ Михайловскаго особенно интересно. Онъ посвятилъ въ № 2 «От. Зап.» за 1870 годъ статью Михайловскаго о прогрессѣ цѣлый критическій разборъ подъ извѣстнымъ и впоследствии столь популярнымъ заглавіемъ: «Формула прогресса г. Михайловскаго». «Я нисколько не колеблюсь,—говоритъ въ своемъ разборѣ П. Л. Лавровъ,—отнести къ философскимъ статьямъ, весьма замѣтнымъ по силѣ мысли, по обстоятельности взгляда и прочности убѣжденій статью г. Михайловскаго: «Что такое прогрессъ»... Авторъ часто отклоняется въ сторону и позволяетъ читателю терять нить вывода, но это недостатки формальные». Правда, на-ряду съ этимъ Лавровъ указываетъ и недостатки «формулы прогресса Михайловскаго» по существу: «если допустить опредѣленіе г. Михайловскаго, какъ основное опредѣленіе прогресса, то почти вся историческая жизнь человечества представитъ явленія регрессивныя... Съ этой точки зрѣнія исторія остается печальнымъ рассказомъ о томъ, какъ ей *не слѣдовало* быть». Но и корректируя взгляды Михайловскаго на прогрессъ, исправляя ихъ, Лавровъ находилъ, что «формула г. Михайловскаго должна быть измѣнена на основаніи тѣхъ самыхъ началъ, которыя онъ приводитъ въ своихъ статьяхъ» и что даже въ томъ видѣ, который приданъ теоріи прогресса авторомъ,—она, по полнотѣ, по опредѣленности и по практической важности можетъ занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ ряду... теорій прогресса, выставленныхъ въ Европѣ, въ особенности съ точки зрѣнія соціологической ¹⁾.

Статья: «Что такое прогрессъ» чрезвычайно интересна и чрезвычайно важна для общей исторіи нашего самосознанія не только съ той стороны, на которую указываютъ слова

¹⁾ Цитирую по от. изд.: «Формула прогресса г. Михайловскаго» СПб. 1906. Изд. «Русск. Бог.» стр. 7, 41, 13—14, 8.

Лаврова въ послѣдней изъ приведенныхъ у насъ цитатъ. Она, кромѣ указаннаго Лавровымъ чисто теоретическаго значенія, не менѣе любопытна еще въ двухъ отношеніяхъ—біографическомъ и общественно-психологическомъ. «Я лично, указываетъ Михайловскій, чрезвычайно многимъ обязанъ Спенсеру. Я прочиталъ его «Опыты», когда мои взгляды на задачи, предѣлы и методъ соціологіи еще не вполне опредѣлились, лучше сказать, не сложились въ такой рядъ, который представлялъ бы перспективу, заканчивающуюся истиной. Тутъ-то мнѣ и помогъ Спенсеръ. По прочтеніи его «Опытовъ» мнѣ стало ясно: вотъ такъ *не слѣдуетъ* обращаться съ соціологическимъ матеріаломъ. Это былъ не просто отрицательный выводъ, еще не дающій ничего положительнаго. Нѣтъ, Спенсеръ стоялъ возлѣ самой истины, такъ сказать, уперся въ нее, но уперся... затылкомъ». («Зап. проф.» III, 368; курс. Михайловскаго).

Это собственное показаніе Михайловскаго о біографическомъ значеніи его критики Спенсера и вмѣстѣ съ тѣмъ критики органической теоріи общества. Оно очень любопытно. «Научные, политическіе и философскіе опыты» Герберта Спенсера т. I, о которыхъ тутъ идетъ рѣчь, Михайловскій прочиталъ не позже первой половины 1866 года. По крайней мѣрѣ, въ № 9—10 «Книж. Вѣстн.» съ 31 мая 1866 года, на стр. 220—223 помѣщена его большая рецензія объ этой книгѣ, тѣмъ болѣе замѣчательная, что самая ея существенная часть, въ высокой степени важная для всей его теоріи прогресса, вошла въ послѣдствіи почти дословно въ статью «Что такое прогрессъ», которая, вообще, обдумывалась Михайловскимъ цѣлый рядъ лѣтъ и составила изъ ряда мелкихъ его замѣтокъ и статей, главнымъ образомъ, въ «Кн. Вѣстн.» и газетѣ «Гласный Судъ». Мы, однако, не будемъ здѣсь останавливаться на этой біографической сторонѣ критики Михайловскимъ органической теоріи общества, хотя и эта сторона имѣетъ не только спеціаль- ный, а и общій интересъ, ибо она показываетъ, что Михайловскимъ, а равно и Н. Д. Ножинымъ съ его критикой Дарвина (о ней см. въ слѣдующемъ очеркѣ), въ самый разгаръ писаревского вліянія и увлеченія біологіей были уже очень рѣзко и точно формулированы анти-писаревскія воззрѣнія, да и самъ Писаревъ былъ подвергнутъ со стороны

Михайловскаго (тамъ же, стр. 139—140) весьма не снисходительной критикѣ.

«Мы лично не принадлежимъ, — пишетъ тутъ Михайловскій, — ни къ особеннымъ поклонникамъ, ни отъявленнымъ хулителямъ г. Писарева; мы признаемъ за этимъ писателемъ искреннее стремленіе приносить пользу, искусство популяризаціи научныхъ знаній и талантъ изложенія и увѣрены, что если бы онъ былъ поддержанъ, не предавался бѣшенству многописанія, не отличался особенной цѣнкостью въ отстаиваніи своихъ увлеченій и заблужденій и попридержалъ въ извѣстныхъ границахъ свое самомиѣніе, что онъ прямой наслѣдникъ трехъ свѣтлыхъ русскихъ именъ (т. е., конечно, Бѣлинскаго, Добролюбова и Чернышевскаго), а главное — *былъ бы вѣренъ высотѣ своего направленія*, то за нимъ упрочилось бы, при нашемъ безлюдьи, весьма почетное имя» ¹⁾.

Слѣдовательно, уже въ 1865 — 66 г., въ самый разгаръ дѣятельности Писарева, когда онъ былъ истиннымъ пророкомъ молодежи, ея кумиромъ, Ножинъ и Михайловскій были свободны отъ всякаго вліянія съ его стороны. Мимо этого факта не можетъ пройти ни одинъ сколько-нибудь серьезный историкъ русской общественной мысли. Не можетъ онъ пройти и другой стороны того же вопроса. «Насъ гонять нуды настоящаго, насъ душить страхъ за будущее» — говоритъ Михайловскій въ статьѣ: «Что такое прогрессъ» (т. I стр. 62) и говоритъ недаромъ, ибо въ тѣ годы (мартъ 1866—ноябрь 1869), когда писалась, а тѣмъ болѣе складывалась эта статья, русскаго интеллигента, дѣйствительно, могъ душить, подъ вліяніемъ правительственной реакціи, страхъ за будущее. Душилъ онъ и Михайловскаго, заставляя его, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлать попытки, какъ это всегда бываетъ въ періоды общественныхъ реакцій съ душевно бодрыми людьми, осмыслить и теоретически объяснить все происходящее кругомъ, отвѣтить на вопросъ: *«что такое прогрессъ»*, дабы найти почву для дальнѣйшей дѣятельности и силы для жизни.

¹⁾ Писано въ № отъ 1 апр. 1866 г. Курс. подлин. Ср. съ этимъ замѣтку Ножина о Зайцевѣ: «По поводу статей «Русск. Сл.» о невольничествѣ». «Искра», № 8, февраль 1865 г., стр. 114—117. Статья анонимна. О принадлежности ея Ножину см. у Михайловскаго на стр. 303, т. I, «Литературныя воспоминанія».

Органическая теорія общества, съ которой Михайловскій столкнулся въ самый моментъ этихъ исканій, и дала возможность его мысли встать сразу на вѣрный и правильный путь...

Органическая теорія общества въ своихъ построеніяхъ и теоретическихъ выводахъ изъ нихъ исходитъ изъ представленія объ аналогіи между процессомъ соціального развитія и процессомъ развитія индивидуальнаго организма. Михайловскій поставилъ своей цѣлью оспорить правомѣрность такой аналогіи и опротестовать дѣлаемые изъ нея практическіе выводы. Едва-ли будетъ при этомъ ошибкой сказать, что однимъ изъ главныхъ стимуловъ его борьбы съ органической теоріей общества являлись, на-ряду съ ея общей теоретической несостоятельностью, тѣ выводы морально-политическаго характера, которые сами собой освящались аналогіями органистовъ. «Есть люди, поставившіе своей цѣлью, подвести принципиальный фундаментъ подъ эмпирической, въ наличности существующій порядокъ». Такихъ людей особенно много «среди юристовъ умѣренно-либеральнаго оттѣнка», создавшихъ первые кадры сторонниковъ органической теоріи общества, что и неудивительно, — «органическая теорія общества для ихъ цѣлей чрезвычайно удобна». Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ суть, съ нравственно-политической точки зрѣнія, тѣхъ аналогій между обществомъ и организмомъ, которыя составляютъ основную особенность этой теоріи? Суть ихъ Михайловскій характеризуетъ такъ.

«Я заявляю, что общество есть живой организмъ и что по-этому законы, дѣйствующіе въ организмѣ, дѣйствуютъ и въ обществѣ. Если меня спросятъ, почему я признаю общество организмомъ, я отвѣчу, что меня побуждаетъ къ тому сходство законовъ, дѣйствующихъ въ обществѣ и организмѣ. И хотя я впадаю, такимъ образомъ, въ заблужденіе, называемое въ руководствахъ логики *petitio principii*, т. е. я доказываю два предположенія взаимно одно другимъ, что совершенно не позволительно, но это не мѣшаетъ мнѣ вести дѣло дальше... Я вижу въ организмѣ руки, работающія въ тѣсномъ смыслѣ слова, добывающія пищу, строящія дома, дѣлающія сапоги и т. д. Я говорю: въ обществѣ также существуютъ и *должны* существовать люди, аналогичные рукамъ въ организмѣ, т. е. люди, строящіе для всего общества дома, дѣлающіе для него сапоги и т. д. Я вижу въ организмѣ мозгъ, центральный

органъ, заправляющій всею машиной. Я говорю: въ обществѣ также существуетъ и *долженъ* существовать мозгъ. Я вижу въ организмѣ ноги, единственная обязанность которыхъ состоитъ въ поддержкѣ и передвиженіи тѣла. Я говорю: въ обществѣ существуетъ и *долженъ* существовать классъ людей, которые занимаются исключительно поддержкой и передвиженіемъ другихъ членовъ въ обществѣ и т. д.» («Лит. зам.», 1872 г. I, 799).

Какъ сказано, одни изъ первыхъ набрали «на органическую теорію, на идею соціального организма», юристы, искавшіе основаній для своей науки. «Въ 1844 году въ Цюрихѣ появились двѣ книги, надѣлавшія большого шума: Ромера «Ученіе о политическихъ партіяхъ (Th. Friedrich Rohmers. Lehre von den politischen Parteien) и Блунчли «Психологическія изслѣдованія государства и церкви». (Psychologische Studien über Staat und Kirche). Ромеръ приложилъ къ текущимъ обстоятельствамъ старую параллель между возрастами человѣка и государства и построилъ на этой аналогіи «ученіе о политическихъ партіяхъ». По мнѣнію Ромера, источникъ самаго явленія политическихъ партій лежитъ въ органическомъ развитіи человѣка, въ жизненныхъ ступеняхъ человѣческаго духа, выражающихся возрастами. Возрасту мальчика соотвѣтствуетъ радикальная партія, возрасту юноши либеральная, возрасту мужа — консервативная, возрасту старца — абсолютистская. Мальчикъ обнаруживаетъ самостоятельность, своенравіе и склонность къ оппозиціи ради оппозиціи, что одинаково характеризуетъ какъ раннюю молодость, такъ и радикализмъ. Въ юношѣ развивается истинная самостоятельность, терпимость, критика и, въ особенности, организаторскій талантъ. Либерализмъ въ своемъ полномъ развитіи, отличается тѣми же чертами и представляетъ высшую точку человѣческой и государственной жизни... Задача мужа состоитъ уже не въ творествѣ, а въ сохраненіи и приведеніи въ порядокъ добытаго. Поэтому консерваторы характеризуются мудростью, знаніемъ, правосознаніемъ, способностью къ управленію и религіозностью. Въ старцѣ эти качества направляются къ усиленному сохраненію *Statu quo*, что соотвѣтствуетъ характеру абсолютизма», и т. д. (статья о Ренанѣ, III, 221—222).

«Это ученіе, имѣющее еще разные приатки, привело

въ восторгъ многихъ и въ особенности Блунчли», на разсужденіяхъ котораго сказалась общая судьба органической теоріи. Ее Михайловскій опредѣлилъ словами: «смѣхъ при встрѣчѣ, отвращеніе и гнѣвъ при проходахъ». Напримѣръ, «по Блунчли уголовное правосудіе есть пупокъ общественнаго организма». «Это, конечно, не всякому придетъ въ голову», ибо ужь слишкомъ смѣхотворно. Но это не только смѣхотворно, такъ какъ изъ этого же смѣхотворнаго положенія могутъ быть сдѣланы и нѣкоторые общіе выводы нравственнаго и политическаго характера. Вѣдь — «мы не спрашиваемъ, нравственно ли существованіе пупка, значить, нечего подходить съ этическими требованіями и къ уголовному суду». И такъ во всемъ, — «изъ того, что въ обществѣ существуетъ нѣчто поверхностно аналогичное на мой взглядъ рукамъ, ногамъ и проч., я заключаю, что это такъ и должно быть. Извѣстныя историческія формы объявляются формами разумными, удовлетворяющими требованіямъ нравственности, или вѣрнѣе, требованія нравственности пригибаются до фактическаго содержанія жизни данной минуты: то, что есть, имѣетъ право быть, общественный организмъ растетъ подобно всякому другому организму, и нѣтъ смысла подходить къ нему съ нравственной критикой... Вотъ и весь секретъ органической теоріи» (томъ I, 801, 800).

Достаточно уже одного этого, чтобы объяснить рѣзко отрицательное отношеніе со стороны Михайловскаго къ органической теоріи общества. Тотъ фактъ, что она сводилась къ попыткѣ простаго оправданія существующаго строя, потому что онъ существуетъ, дѣлалъ ее въ глазахъ Михайловскаго «не только заблужденіемъ, а и позорнѣйшимъ пятномъ на умственной жизни 19 вѣка» (см. т. III, стр. 418). Въ этихъ словахъ сказывается общій характеръ отношенія Михайловскаго къ теоріямъ органистовъ. «Что же касается до логическихъ выводовъ изъ этихъ теорій, — повторяетъ онъ многократно, — и до самыхъ теорій, то не зная ничего оскорбительнѣе ихъ для человѣческаго достоинства, мы не знаемъ и оскорбительныхъ словъ, которыя бы не могли быть къ нимъ приложены» (т. I, 808). Но, разумѣется, этимъ только однимъ отношеніемъ Михайловскаго къ теоріи органическаго развитія не исчерпывается и исчерпаться не можетъ.

Михайловскій прекрасно понималъ, что, характеризуя общественную подкладку органической теоріи, онъ этимъ дискредитировалъ ее, но еще не опровергалъ, между тѣмъ, доктрина соціального организма—по его выраженію—«не только возмутительна, а и неправильна съ логической и научной точекъ зрѣнія» (т. III, стр. 220), слѣдовательно, съ этихъ же точекъ зрѣнія она и должна быть опровергнута...

Отношеніе Михайловскаго къ органической теоріи общества этимъ, конечно, очень осложнилось. Осложнилось оно, кромѣ того, и нѣкоторыми особенностями въ его писательскомъ складѣ. Достоевскій сказалъ какъ-то въ «Подросткѣ»: «мало отвергнуть прекрасную мысль, надо ее замѣнить такой же прекрасной мыслью», и слова эти чрезвычайно подходятъ къ Михайловскому. Михайловскій въ своихъ статьяхъ очень часто выступалъ въ роли критика чужихъ произведеній, особенно въ первые годы своей литературной дѣятельности, когда двѣ самыя крупныя и законченныя его работы по теоретической соціологіи: «Что такое прогрессъ» и «Теорія Дарвина и общественная наука», были написаны имъ въ формѣ разбора книгъ Спенсера и Дарвина и ихъ послѣдователей. Но, выступая съ критикой чужихъ произведеній, Михайловскій никогда не былъ критикомъ *quand même*, а всегда опроверженіе чужихъ мыслей дѣлалъ простымъ поводомъ для развитія собственныхъ положительныхъ взглядовъ, такъ что въ обѣихъ указанныхъ выше статьяхъ, особенно въ статьѣ о прогрессѣ, центръ тяжести лежитъ не столько въ критикѣ Спенсера, сколько въ замѣнѣ его взглядовъ своими собственными.

Понятенъ огромный интересъ при такихъ условіяхъ критики Михайловскимъ теоріи органическаго развитія. Психологически она не могла не оттолкнуть его, ибо она занималась «укрѣпленіемъ и безъ того крѣпкой практики», говоря въ этомъ случаѣ словами Михайловскаго, сказанными имъ (см. «Зап. проф.», т. II, 336), впрочемъ, по другому поводу. Но логически она должна была его заинтересовать, такъ какъ она по закону антитезы натолкнула его мысль на дорогу, казавшуюся ему правильной, и дала ему возможность окончательно опредѣлить свою «формулу прогресса», которой далеко не случайно и кончается статья его о Спенсерѣ. Слѣдовательно, опроверженіе «съ логической и научной точекъ зрѣнія» идей

органистовъ должно ввести насъ въ самую глубь общественнаго настроенія и теоретическихъ взглядовъ Михайловскаго.

Первое и самое характерное, что намъ приходится тутъ встрѣтить — это извѣстная солидарность Михайловскаго съ органистами въ исходномъ пунктѣ, въ формулировкѣ закона органическаго развитія и въ опредѣленіи критерія совершенства индивидуальной организаціи. «Понятіе индивидуума, недѣляемаго, повидимому, такъ просто, что не требуетъ никакихъ разъясненій. Однако, это не такъ... Чаше всего подъ индивидуальностью разумѣютъ совокупность чертъ, рѣзко выдвигающихъ личность изъ среды окружающихъ ее людей. Индивидуальность здѣсь значить: личный, особенный». Но самъ Михайловскій понятіе индивидуальности беретъ въ иномъ смыслѣ: «мы будемъ употреблять это выраженіе, — говоритъ онъ, — совершенно иначе, именно, будемъ подразумѣвать подъ индивидуальностью человѣка совокупность *всѣхъ* чертъ, свойственныхъ человѣческому организму *вообще*» («Что так. прог.», т. I, 88, 89, курс. подл.).

Исходя изъ такого понятія индивидуальности, Михайловскій намѣчаетъ и критерій совершенства индивидуальной организаціи, опредѣленіе котораго подсказывается уже самымъ понятіемъ Михайловскаго объ индивидуальности. Очевидно, разъ индивидуальность есть совокупность *всѣхъ* чертъ, свойственныхъ человѣческому организму вообще, то критеріемъ совершенства индивидуальной организаціи будетъ, при наличности этихъ чертъ, высота развитія каждой изъ нихъ въ отдѣльности, степень ея индивидуальнаго обособленія отъ другихъ составныхъ частей организма. Эту наличность высокаго развитія въ обособленіи отдѣльныхъ частей организма Михайловскій называетъ физиологическимъ раздѣленіемъ труда, раздѣленіемъ труда между органами, въ отличіе отъ раздѣленія труда не между органами отдѣльнаго человѣка, а между людьми. И свое право опредѣлить такъ критерій совершенства индивидуальной организаціи Михайловскій подтверждаетъ авторитетомъ научной біологіи, выдвинувшей такъ называемый «законъ Бэра», — «одно изъ плодотворнѣйшихъ обобщеній современной науки». «Законъ индивидуальнаго развитія, какъ онъ выработанъ трудами Гёте, Бэра, Мильнъ-Эдварса, Бронна, сводится къ постепенному обособленію органовъ и усиленію между ними

раздѣленія труда и различія, различія между органами» (см. т. I, 227), каковое различіе между органами и составляет, какъ мы только что видѣли, основное данное всѣхъ взглядовъ Михайловскаго на индивидуальность.

Итакъ, мы видимъ, что исходный пунктъ у Михайловскаго и біологовъ одинъ и тотъ же. «Организмъ тѣмъ развитѣе, тѣмъ выше, чѣмъ онъ сложнѣе, чѣмъ фізіологическое раздѣленіе труда между его органами обозначено рѣзче и яснѣе. Организмъ прогрессируетъ, когда онъ усложняется, т. е. переходитъ отъ однородности къ разнородности, и регрессируетъ, когда онъ упрощается, т. е. переходитъ отъ разнородности къ однородности» («Что так. прог.», 59). Однако, на этомъ и кончается идейная солидарность Михайловскаго и органистовъ, дальнѣйшая аргументація и всѣ логическіе выводы изъ нея у Михайловскаго прямо противоположны выводамъ біологовъ и органистовъ, положенія которыхъ онъ оспариваетъ и съ динамической и со статической стороны. Каковы его взгляды при этомъ на процессъ соціальной динамики, мы рассмотримъ въ дальнѣйшемъ, коротко же они выражены имъ еще въ статьѣ «Что такое прогрессъ» въ словахъ: «прогрессъ органической и прогрессъ соціальный взаимно исключаются» (т. I, 51). Что же касается критики Михайловскимъ теорій органистовъ съ ихъ статической стороны, въ отношеніи къ статикѣ современнаго строя, то такъ какъ въ этомъ случаѣ, составляющемъ преддверіе къ собственно динамической соціологіи Михайловскаго, позиція его гораздо проще,—мы къ нимъ можемъ перейти немедленно.

«Человѣческое общество, говоритъ Михайловскій, не есть организмъ, никогда не можетъ имъ стать, и общепотребительное выраженіе: «общественный организмъ», пожалуй и удобное, какъ метафора, не имѣетъ реального значенія» («Послѣдн. соч.» т. I, 485). Поэтому органисты въ своихъ параллеляхъ между обществомъ и организмомъ, помимо методологическихъ ошибокъ, совершаютъ ошибки чисто фактическія. Общее положеніе дѣлъ въ наше время далеко не оправдываетъ теорій органистовъ съ ихъ желаніемъ усвоить каждому члену общества одну опредѣленную функцію.

«Въ VIII книгѣ «Законовъ» Сократъ рекомендуетъ,—по словамъ Михайловскаго,—всѣмъ заниматься только своей профессіей; чтобы воинъ только воевалъ, работникъ работалъ,

мыслитель мыслилъ и въ частности, чтобы сапожникъ шилъ именно сапоги и т. п. Сократъ грозитъ за нарушение этого правила очень строгими наказаніями—штрафомъ, тюрьмой, изгнаніемъ, дабы нарушитель зналъ, что онъ долженъ быть однимъ человѣкомъ, а не многими» («Зап. проф.» III, 415).

Собственно, это есть то самое, чего требуетъ каждый органистъ и что на практикѣ ведетъ, какъ мы знаемъ, къ оправданію современнаго строя, вѣриѣ,—данныхъ общественныхъ отношеній. Разумѣется, морально мы вполнѣ въ правѣ протестовать противъ такихъ требованій. Почему рабочій долженъ только работать, а не заниматься, напр., на-ряду со своимъ трудомъ, политической дѣятельностью? Швея Томаса Гуда знаетъ одинъ завѣтъ, «которымъ сказано: шей, шей, шей» и этотъ завѣтъ есть живое воплощеніе самыхъ интимныхъ желаній органистовъ. Развѣ, однако, этотъ завѣтъ есть, въ то же время, предѣлъ, котораго не преидеши? Развѣ у той же швеи Томаса Гуда нѣтъ потребности къ всестороннему развитію своихъ склонностей и дарованій, пусть даже задушенныхъ непосильнымъ трудомъ; потребности жить, какъ свойственно свободному и независимому человѣку? Широкая борьба на общественной аренѣ, жажда умственнаго развитія, борьба противъ сбособленія женщинъ въ обществѣ, угнетенія труда капиталомъ,—вотъ примѣры нарушенія того завѣта или, вѣриѣ, проклятія, которое тяготѣетъ надъ требованіемъ отъ швеи Томаса Гуда одной пеустанной работы. И, конечно, въ противовѣсъ желанной для органистовъ спеціализаціи общественныхъ функцій, мы можемъ съ такимъ же правомъ выставить принципъ широкаго личнаго развитія на почвѣ доступа cadaго отдѣльнаго человѣка къ участию во всѣхъ благахъ современной культуры, т. е., иначе говоря, къ его всестороннему развитію.

Таково первое теоретическое разногласіе Михайловскаго съ органистами. Очевидно, точка зрѣнія Михайловскаго діаметрально противоположна точкѣ зрѣнія органистовъ. Примѣръ этотъ показываетъ, между прочимъ, и то, насколько иной характеръ, чѣмъ у органистовъ, имѣетъ въ рукахъ Михайловскаго принципъ всесторонняго развитія человѣка, какъ критерій совершенства индивидуальной организаціи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ той мѣрѣ, поскольку Михайловскій остается на этой почвѣ, на почвѣ простого противопоставленія своихъ

принциповъ принципамъ органистовъ, постольку разногласіа между ними остаются въ глазахъ читателя висящими, какъ бы въ воздухѣ. Дѣло, вѣдь, не въ томъ, чтобы противопоставить идеаламъ противника свои собственные идеалы и принципы, а въ томъ, чтобы показать жизненную реализацію своихъ идеаловъ, ея законмѣрность и ея дѣйствительное существованіе. Правда, возможность столкновенія нашихъ идеаловъ съ дѣйствительностью—«естественнымъ ходомъ вещей»—еще не является доводомъ противъ нихъ. Идеалы человѣчества имѣютъ самостоятельную цѣнность, независимую отъ того, соотвѣтствуютъ они или нѣтъ практикѣ текущаго дня, и въ этомъ смыслѣ, если бы даже весь ходъ исторіи оправдывалъ теоретическія утвержденія органистовъ, мы не лишились бы моральнаго права протестовать противъ нихъ во имя *нашихъ* принциповъ, пусть бы даже для этого пришлось «погибнуть на великомъ и невозможномъ». Суть-то, однако, въ томъ, что по поводу теоріи органистовъ нѣтъ особенной нужды отстаивать этическую правомѣрность нашихъ принциповъ и нашихъ идеаловъ. Ибо на вопросъ, какъ теперь сложилась общественная жизнь и оправдываетъ ли она теоріи органистовъ, Михайловскій имѣлъ полное право отвѣтить отрицательно: нѣтъ, не оправдываетъ.

Не оправдываетъ, потому что она нарушаетъ первое же требованіе органистовъ, чтобы каждый человѣкъ былъ «однимъ, а не многими». *«Современный цивилизованный человекъ входитъ въ составъ зараздъ нѣсколькихъ группъ»* («Послѣдн. сочин.», т. I, 150) и уже по одному этому онъ совершенно чуждъ той психологіи, которую ему усваиваютъ органисты.

Насколько огромна разница въ этомъ отношеніи между тѣмъ, что характеризуетъ индивидуальный организмъ, и всѣмъ строемъ общественныхъ отношеній, показываютъ слѣдующія соображенія. «Въ организмѣ части, клѣточки—смежны; онѣ составляютъ части одного органа, одного тѣла, онѣ дифференцированы. Въ человѣческомъ обществѣ нѣтъ такой смежности между элементами; одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть въ одно и то же время солдатомъ и поэтомъ, можетъ брать на себя защиту родины и входить въ составъ умственной аристократіи; люди образуютъ различныя ассоціаціи и группы, т. е. принимаютъ на себя одновременно роль многихъ орга-

новъ, многихъ тканей; благодаря этому они выполняютъ различныя функціи, которыя тяготеютъ къ одному центральному и регулирующему началу. Железнодорожный чиновникъ, напримѣръ, можетъ быть въ одно и то же время членомъ клуба, членомъ научнаго общества, сотрудникомъ журнала, можетъ принимать участіе въ территориальной милиціи, быть членомъ кооператива, выборной организациіи, драматическаго общества, etc., то есть одинъ и тотъ же человекъ, говоря языкомъ органистовъ, можетъ принадлежать и къ системѣ кровообращенія, и къ производительнымъ силамъ, а равно и къ различнымъ органамъ такихъ системъ, что было бы абсурдомъ въ примѣненіи къ клеткѣ»...

Только что приведенную цитату мы беремъ не изъ сочиненій Михайловскаго, не изъ русской литературы вообще, а изъ книги итальянскаго социолога Н. Колайяни (N. Colajanni) «О социализмѣ»¹⁾, который, критикуя органическую теорію общества, въ частности Спенсера, ссылается въ свою очередь ни на кого другого, какъ на Н. К. Михайловскаго. «Мы не можемъ, говоритъ итальянскій социологъ про взгляды Спенсера на органическій прогрессъ, излагать здѣсь эту формулу даже въ общихъ чертахъ и показать ея социальныя приложенія, для этого понадобился бы цѣлый томъ. Но яркую критику (une vive critique) формулы Спенсера читатель найдетъ въ работѣ Михайловскаго (1869 г.), которая только что появилась благодаря стараніямъ «Revue Socialist» на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Qu'est ce que le progrès»...

Слова эти заставляютъ предполагать, что Колайяни и свои вышеприведенныя соображенія приводитъ въ связь со взглядами Михайловскаго на органическую теорію общества,

¹⁾ Цитирую по французскому переводу «Le socialisme. Par N. Colajanni. Traduit sur la 2-me édition italienne, revue et augmentée par M. Tacchella, avec une préface de George Sorel. Paris. 1900. Цигированное мѣсто на стр. 27—28. Въ книгѣ Колайяни русскій читатель не разъ встрѣтитъ знакомыя и родныя имена. Ср. стр. 19, гдѣ авторъ говоритъ о Ламаркѣ и, отставивъ его право на наше вниманіе, замѣчаетъ: «интересно отмѣтить, что въ то время, когда слава Дарвина достигла своего апогея, заслуги Ламарка были отмѣчены гениальнымъ социалистомъ (par un socialiste de génie) Чернышевскимъ. Въ своей статьѣ, воспроизведенной въ «Société Nouvelle» (30 септ. 1890 г.), онъ далъ глубокую критику дарвинизма, опирающагося на теорію Мальтуса, и притомъ гораздо болѣе значенія ламаркизму».

какъ они выражены въ статьѣ «Что такое прогрессъ». И Колайяни имѣетъ на это полное право. Его мысли въ этомъ отношеніи лишь воспроизводятъ аргументацію Михайловскаго. Задолго до Колайяни Михайловскій отмѣтилъ извѣстное «многоцентрие» въ психологій современнаго культурнаго человѣка, говоря про него: «Онъ членъ семьи, которая въ свою очередь связана съ другими семьями какой-нибудь территориальной единицы, націи, церковнаго союза; онъ можетъ быть временнымъ или постояннымъ членомъ военнаго сословія и, въ составѣ его, той или другой его подгруппы; можетъ быть чиновникомъ и въ качествѣ такового подниматься по ступенямъ служебной іерархіи, можетъ быть членомъ гимнастическаго общества, акціонерной компаніи и т. д. Даже сойдя съ законнаго пути, онъ можетъ попасть въ шайку воровъ или разбойниковъ, пока государство не помѣститъ его въ общество обитателей тюремъ. Всегда и вездѣ онъ состоитъ въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ съ разными обществами, хотя бы жертвуя нѣсколько грошей на благотворительность или уплачивая ихъ въ кассу своей партіи» («Послѣдн. соч.», II, 403).

Уже изъ этого видно, насколько далеки отъ истины всѣ аналогіи органистовъ. «Да и къ какому виду общества возможно приравнять организмъ—спрашиваетъ Колайяни. Къ государству? Церкви? Или націи?.. Польша принадлежитъ тремъ государствамъ и къ нѣсколькимъ церквямъ. Каждый полякъ можетъ въ одно и то же время принадлежать къ русскому государству, католической церкви и къ польскому народу, націи. Всякій гражданинъ города Льежа принадлежитъ къ бельгійскому государству, французской націи, католической церкви, къ различнымъ ассоціаціямъ, научнымъ, экономическимъ, интернаціональнымъ. Но бываютъ ли клѣточки, которыя принадлежали бы въ одно и то же время къ различнымъ живымъ тѣламъ?»...

Это слова Колайяни. Такъ же ставитъ этотъ вопросъ Михайловскій. Для характеристики «многоцентриа» современнаго культурнаго человѣка и возникающихъ отсюда особенностей въ его психологій, онъ беретъ конкретный примѣръ. Возьмемъ хотя бы, какъ то предлагаетъ онъ, полемизируя, въ данномъ случаѣ, съ попытками марксистской соціологій аннулировать роль индивидуальнаго сознанія, «какую-нибудь, всѣмъ

извѣстную личность, напримѣръ, Дрейфуса. Онъ—французъ, и всѣ «опыты, удачи и неудачи, ощущенія и чувства», въ теченіе всей его жизни, полученные на общефранцузской почвѣ, наложили на него свою печать... Затѣмъ онъ принадлежитъ къ среднему классу общества, къ буржуазіи. Далѣе, онъ офицеръ, то есть входитъ въ составъ еще одной группы со своими традиціями, привычками, понятіями о чести и т. д. Можно бы было указать еще и на то, что онъ именно артиллеристъ, — давно замѣчено, что носители разныхъ родовъ оружія образуютъ группы съ своей особой психологіей... Наконецъ, сила судьбы включила Дрейфуса въ составъ группы лицъ, объединенныхъ жаждою торжества правды, наперекоръ колоссальнымъ препятствіямъ матеріальнымъ и духовнымъ. Онъ далъ даже свое имя этой группѣ «дрейфусаровъ», границы которой трудно указать, но которая, несомнѣнно, существуетъ, имѣя своихъ представителей во всѣхъ слояхъ общества всѣхъ странъ цивилизованнаго міра. Такимъ образомъ, неизгладимые слѣды «опытовъ, удачъ, неудачъ, ощущеній, чувствъ» Дрейфуса получены имъ отнюдь не въ *средѣ* одной какой-нибудь группы, а въ *средахъ* многихъ то концентрическихъ, то въ разныхъ направленіяхъ пересѣкающихся другъ друга круговъ»¹⁾.

Становится, очевидно, невысказаннымъ поддерживать, при такихъ условіяхъ, тезисъ въ духѣ органистовъ о необходимости каждому быть вѣрнымъ одной какой-нибудь профессіи, исполнять, какъ органы въ организмѣ, одну какую-либо функцію. Это не идеаль, а утопія, для которой нѣтъ данныхъ въ дѣйствительной жизни. Общественная жизнь, какъ она сложилась теперь, вовсе не требуетъ въ принципѣ вѣчнаго порабощенія человѣка какой-нибудь профессіей и не представляетъ невозбраннаго господства раздѣленія труда, обособленія общественныхъ функцій. Напротивъ, сфера общественной изолированности постоянно сокращается, и современный человѣкъ, вопреки органистамъ, совмѣщаетъ въ себѣ профессіи многихъ. И такъ повелось не со вчерашняго дня.

«Я знаю,—доказываетъ это Михайловскій,—что было время рѣзкаго раздѣленія труда между податными и неподатными сословіями, между призванными и непризванными защищать

¹⁾ «Послѣдн. соч.», т. I, 150. Курсивъ подлинника. Ср. также стр. 394 т. I «Откликъ».

отечество оружіемъ, и проч. и проч., а теперь эти спеціализаціи, съ Божіею помощію, сглаживаются. Знаю, что въ теченіе вѣковъ женщина была затворницей въ теремѣ или гаремѣ и имѣла свою спеціальную область труда, рѣзко отдѣленную отъ мужскихъ профессій, а теперь я имѣю честь быть знакомымъ съ женщинами-писательницами, женщинами-врачами и т. д. Знаю, что въ средніе вѣка сапожникъ не только не смѣлъ ни въ какомъ смыслѣ равняться съ рыцаремъ, а въ силу господствовавшего раздѣленія труда, не смѣлъ даже починить сапога, то была отдѣльная профессія, а сапожникъ шилъ только новые сапоги; а теперь сапожникъ можетъ мнѣ и починить сапоги, и сидѣть со мной рядомъ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя въ судѣ. Знаю, что когда-то наука была доступна лишь нѣкоторымъ сословіямъ, а другія къ ней, въ силу принципа раздѣленія труда, не допускались, а теперь хотя объ этомъ и мечтаютъ кое-какіе русскіе публицисты, но еще неизвѣстно, осуществится ли ихъ мечта»¹⁾.

Итакъ, вотъ какъ сложились теперь общественныя отношенія. Тѣ времена, когда сапожникъ былъ только сапожникъ и ни въ какомъ смыслѣ не могъ равняться съ рыцаремъ, — могли бы до извѣстной степени оправдать идеаль организмовъ. Тогда каждый зналъ только свою профессію и все въ цѣломъ строго блюли неприкосновенность такихъ порядковъ. Но нынѣ этого уже нѣтъ. Соціальныя отношенія стали однороднѣе: различія между рыцаремъ и сапожникомъ сгладились. Выступая теперь со своими теоріями, органисты опоздали на нѣсколько вѣковъ. Они выставляютъ принципъ спеціализаціи общественныхъ функцій, принципъ соціальной разнородности, между тѣмъ, напротивъ, «жизнь современныхъ народовъ характеризуется» не спеціализаціей, а «соціализаціей, обобществленіемъ всѣхъ потребностей, всѣхъ общественныхъ функцій» и «область общественной изолированности постоянно сокращается»²⁾. Просмотрѣвъ это, орга-

1) См. ст. „Страшенъ союзъ, да милостивъ Богъ“ (противъ г. Славянскаго). „Рус. Мысль“ 1889 г. № 3, 5, 6.

2) Подробное развитіе этой мысли примѣнительно къ нашимъ текущимъ дѣламъ, см. въ передовой статьѣ № 6-го газеты „Нар. В.“ отъ 23/х 1881 г. Цит. по сборн. „Литерат. партія Н. В.“, стр. 410.

нисты просмотрѣли самую сущность того, что составляетъ прогрессъ социальныхъ отношеній. Прогрессомъ для нихъ является растущее раздѣленіе труда, прикрѣпленіе человѣка къ одной опредѣленной профессіи. Но прогрессъ не въ этомъ. Мы только что видѣли совсѣмъ иную норму для оцѣнки прогресса — разнородность отдѣльнаго человѣка и уменьшеніе раздѣленія труда между людьми. А потому на «поставленный нами вопросъ: что такое прогрессъ», мы должны отвѣтить: «прогрессъ есть постепенное приближеніе къ цѣлостности недѣлимыхъ, къ возможно полному и всестороннему раздѣленію труда между органами и возможно меньшему раздѣленію труда между людьми. Безнравственно, несправедливо, вредно, неразумно все, что задерживаетъ это движеніе. Нравственно, справедливо, разумно и полезно только то, что уменьшаетъ разнородность общества, усиливая тѣмъ самымъ разнородность его отдѣльныхъ членовъ».

II.

«Формула прогресса» Михайловскаго, которую мы только что привели, какъ извѣстно, вызвала цѣлый рядъ до сихъ поръ не умолкнувшихъ возраженій. «Какое можетъ быть научное значеніе этой формулы?—спрашиваетъ, напримѣръ, г. Плехановъ.—Объясняетъ ли она историческое движеніе общества, говоритъ ли она, какъ оно совершалось и почему оно совершалось такъ, а не иначе». Ни одному изъ этихъ условій «формула прогресса» Михайловскаго не удовлетворяетъ. «Она говоритъ не о томъ, какъ шла исторія, а о томъ, какъ она должна бы идти, чтобы заслужить одобреніе г. Михайловскаго». И «мы не знаемъ ничего безотраднѣе, продолжаетъ г. Плехановъ, взглядовъ утопистовъ конца 19 вѣка, т. е. русскихъ народниковъ и «субъективныхъ» социологовъ; у cadaго изъ нихъ своя формула прогресса. Но, увы! Жизнь идетъ своимъ ходомъ, не обращая вниманія на ихъ формулы, которымъ не остается ничего другого, какъ тоже прокладывать себѣ свой, независимый отъ жизни, путь въ области абстракцій, фантазій и логическихъ зловключеній»¹⁾.

Можно бы, впрочемъ, сказать по поводу этихъ словъ

¹⁾ См. Н. Бельтовъ. „Къ вопросу о разв. мовяст. взгляда на ист.“. Изд. 2, стр. 57, 58, 59.

Плеханова, что они написаны безъ достаточнаго основанія. Чрезвычайно много и усиленно полемизируя съ «субъективистами», Плехановъ, собственно, никогда не пытался дать сколько-нибудь серьезный анализъ ихъ произведеній и, въ частности, какъ на это указывалъ еще Михайловскій (см. «Откл.», т. I, 24), критикуя его формулу прогресса, онъ въ своей книгѣ «кромѣ этой формулы не приводитъ ни одного слова ни изъ статьи: «Что такое прогрессъ», ни изъ послѣдующихъ на ту же тему». Однако, такое замѣчаніе не было бы особенно убѣдительнымъ. Если не г. Плехановъ, то, воть, напр., г. Бердяевъ далъ исчерпывающую и основанную на рядѣ цитатъ, марксистскую критику сочиненій Михайловскаго, результатъ которой былъ таковъ: «для всего историческаго процесса, для теоріи прогресса формула г. Михайловскаго рѣшительно ничего не даетъ. Можно бы даже сказать, что г. Михайловскій совсѣмъ не задавался цѣлью строить теорію соціальнаго прогресса и если бы онъ прямо это сказалъ, то очень отъ этого выигралъ бы... Даже какъ руководящій идеаль»... «формула прогресса» г. Михайловскаго совершенно пуста, она имѣетъ абстрактно-біологическій, а не соціологическій смыслъ, не представляетъ никакой опредѣленной формы общезитія» (См. книгу Бердяева о Михайловскомъ, стр. 126).

Послѣднее не совсѣмъ вѣрно. Даже съ марксистской точки зрѣнія нельзя сказать, что формула прогресса Михайловскаго не представляетъ никакой формы общезитія. Напротивъ, по мнѣнію марксистовъ, формула прогресса Михайловскаго представляетъ вполне опредѣленную форму общезитія, именно строй мѣщанскій, о чемъ еще совсѣмъ недавно, какъ о вещи вполне общезвѣстной, заявилъ въ «Очеркахъ философіи коллективизма» (Спб. 1909) г. Луначарскій. По его словамъ «Михайловскій, какъ извѣстно, далъ классическую формулу такъ называемаго интегральнаго индивидуализма: возможно меньшее раздѣленіе труда между отдѣльными членами общества и возможно большее раздѣленіе его между отдѣльными органами индивида. Эта формула подвергалась уже достаточно побѣдоносной критикѣ», прибавляетъ г. Луначарскій. «Это, несомнѣнно, мѣщанская формула, поздній отзвукъ натуральнаго хозяйства... Подмѣнить процессъ постоянно растущаго раздѣленія труда тѣмъ «прогрессемъ», который формулировалъ Михайловскій, зна-

чло бы безконечно урѣзать богатство коллектива и косвенно обобрать самую индивидуальность»... Между тѣмъ, такое общество «и было идеаломъ Михайловскаго», заинтересованнаго «какъ въ силу экономической неразвитости страны, такъ и въ силу собственныхъ мѣщанскихъ индивидуалистическихъ тенденцій» въ «идеализаціи мужика, какъ самостоятельнаго, самодовлѣющаго производителя» (252, 331, 332).

Едва ли нужно продолжать цитаты подобнаго рода, онѣ давно стали общимъ мѣстомъ марксистской литературы о Михайловскомъ и даже не марксистской только. Справедливость требуетъ сказать, что изъ литературы марксистовъ подобный взглядъ на формулу прогресса Михайловскаго перешелъ въ руки людей, марксизмомъ, казалось бы, не зараженныхъ. По крайней мѣрѣ, вотъ какой число марксистской фразой резюмируетъ свое отношеніе къ Михайловскому извѣстный нынѣ авторъ «Исторіи русской общественной мысли» г. Ивановъ-Разумникъ.

«Что касается коопераціи, то мнѣнія о ней Михайловскаго менѣе рѣшительны, говорить онъ на стр. 150 своего труда (т. II, изд. I). Онъ отрицаетъ сложную кооперацію, раздѣленіе труда, его идеалъ нѣкоторая форма простого сотрудничества, но какая именно? Какъ примирить принципъ простой коопераціи съ безконечно дифференцированной общественной жизнью? Михайловскій не указываетъ путей и свою формулу прогресса даетъ независимо отъ историческаго хода прогресса, онъ говоритъ о томъ, что должно считаться прогрессомъ, а не о томъ, чѣмъ онъ является на дѣлѣ».

Конечно, противъ такого резюме взглядовъ Михайловскаго не могутъ ничего имѣть ни г. Плехановъ, ни г. Луначарскій, какъ равно они ничего не будутъ имѣть и противъ чисто марксистскаго заключенія г. Иванова-Разумника о томъ, что въ формулѣ прогресса Михайловскаго «сказалась точка зрѣнія пессимистическаго народника, идеалы котораго рѣзко расходились съ дѣйствительностью, желанная возможность съ возможностью вѣроятной» (тамъ же). Но иное дѣло, разумѣется, насколько все это правда по существу.

Главный порокъ и, въ то же время, главная отличительная черта всѣхъ вышеприведенныхъ цитатъ, несмотря на разнообразіе ихъ авторовъ—одипъ: это неумѣнье, а иногда, повидимому, и нежеланіе выигнуть въ основной смыслъ тер-

минологіи Михайловскаго. Такъ, критикуя, или, вѣрнѣе, повторяя, за марксистами, что формула прогресса Михайловскаго «представляетъ субъективную норму практической дѣятельности, а не дѣйствительный законъ прогресса», что, между прочимъ, совершенно невѣрно, Ивановъ-Разумникъ объясняетъ, что она не приемлема даже какъ субъективная норма, ибо въ ней Михайловскій «обращаетъ главное вниманіе на *широту* человѣческой личности», а не на *глубину* ея развитія, фундаментомъ которой служить школа специализаціи, общественное раздѣленіе труда. Отсюда и окончательный выводъ Иванова-Разумника о формулѣ прогресса Михайловскаго: «Мы принимаемъ ту ея часть, которая устанавливаетъ необходимость широты индивидуума» и которая выражена въ словахъ «о приближеніи къ цѣлостности недѣлимыхъ», «и отрицаемъ ту ея часть, которая ставитъ преграду углубленію индивидуальности», требуя возможно меньшаго раздѣленія труда между людьми.

По поводу этой критики Ивановымъ-Разумникомъ формулы прогресса Михайловскаго (см. ее на стр. 191, 194 его книги) Плехановъ замѣтилъ уже однажды въ № 6 «Соврем. Мира» за 1908 г., что она, по меньшей мѣрѣ, воспроизводитъ критику марксистами «субъективной» социологіи. И это совершенно справедливо, хотя и не особенно утѣшительно для г. Плеханова: повторяя его аргументы, г. Ивановъ-Разумникъ повторяетъ и его ошбѣки. Подобно Плеханову и марксистамъ, онъ не видитъ или не знаетъ истиннаго смысла термина Михайловскаго—*общественное* раздѣленіе труда, каковой терминъ имѣетъ у Михайловскаго не технико-экономическій, а социологическій смыслъ, означая въ конечномъ счетѣ раздѣленіе общества на социальныя группы и классы. Вотъ какое раздѣленіе труда должно постепенно уменьшаться; что же касается до раздѣленія труда, какъ основы для углубленія человѣческой личности, то это, говоря словами Михайловскаго, «совсѣмъ особое дѣло». «Очень желательно, чтобы процессы производства все болѣе дробились, но все не желательно, чтобы тѣ дробныя операціи, на которыя они распадаются, составляли вѣчный удѣлъ того или другого работника или его потомства»¹⁾. И мы видѣли на примѣрѣ

¹⁾ См. «Отеч. Зап.» 1880 г. августъ, стр. 220, 221, отдѣлъ по-

критики Михайловскимъ органистовъ, что *эта* сторона дифференціаціи соціальной среды имъ, дѣйствительно, учтена, какъ прогрессивная безусловно.

Такимъ образомъ, уже эти чисто терминологическія замѣчанія показываютъ, сколько путаницы въ приведенныхъ нами образцахъ литературной критики сочиненій Михайловскаго. Но, разумѣется, этого недостаточно для полнаго уясненія соціологической сущности данной имъ формулы прогресса и для того, чтобы вскрыть этотъ смыслъ и эту сущность, намъ нужно будетъ снова вернуться къ критикѣ Михайловскимъ органической теоріи общества. Вернуться къ ней насъ побуждаетъ и еще одно обстоятельство. Мы видѣли уже раньше психологическій источникъ исканій Михайловскимъ отвѣта на проблему: «что такое прогрессъ». Источникомъ этимъ было желаніе осмыслить все безсмысліе реакціонной вакханаліи того времени, учтя ея роль въ общемъ ходѣ соціального развитія. Критика органической теоріи общества, данная Михайловскимъ, ставитъ передъ нами въ этомъ отношеніи, помимо общетеоретическихъ проблемъ, еще самостоятельный вопросъ о той исторической обстановкѣ, въ средѣ которой Михайловскому приходилось вырабатывать свою философію общественнаго движенія.

Обстановка эта мало благопріятствовала теоретическому мышленію и, въ частности, попыткамъ вскрыть самый смыслъ исторіи, ея философію. «Философія исторіи!—восклицаетъ Михайловскій, — сколько ядовитой ироніи и ѣдкаго остроумія можетъ вложить любой пустозвонъ въ эти два слова. Глаза разбѣгаются по лужамъ крови и пожарищамъ, мысль отказывается ориентироваться въ этомъ хаосѣ ужасныхъ сюрпризовъ. И чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ... Пустозвонъ смѣло устраиваетъ руки фертомъ передъ исторіей и человѣческой мыслью. Онѣ снизошли до его уровня. Одна становится непонятною, другая отказывается понимать... И, однако, мы все-таки намѣрены трактовать о философіи, о смыслѣ исторіи, ибо онѣ несомнѣнно существуютъ. Мало того, уловить его теперь не только нужнѣе, а, можетъ быть, даже возможнѣе, чѣмъ когда-либо».

выхъ книгъ, рецензія на книгу Геккеля. Рецензія анонимная, но принадлежность ея Михайловскому несомнѣнна.

Слова эти писаны Михайловскимъ въ августъ 1871 г.— ими начинается его статья: «Философія исторіи Луи-Блана», но по существу они повторяютъ то настроеніе, хотя въ болѣе рѣзкой формѣ, которымъ онъ былъ охваченъ въ періодъ второй половины 1860-хъ гг. Только теперь еще болѣе раздвинулась область реакціи. Раньше Михайловскій имѣлъ передъ собой крушеніе русской эпохи возрожденія 1860-хъ гг., теперь передъ его глазами лежала разбитая Франція и разгромленный Парижъ коммунаровъ. «Давно ли цѣлый рядъ второстепенныхъ мыслителей давалъ намъ, такъ сказать, ощупать утѣшительный выводъ: близьъ часъ мира и науки, труда и мысли... Философія исторіи! — когда послѣднее усиліе человѣческаго ума есть паровая армія; когда къ самой рампѣ исторіи прокрадываются, яко тати въ нощи, забытыя фигуры христіаннѣйшаго короля Генриха, германскаго императора, непогрѣшимаго папы; когда прославившаяся своимъ безстрастіемъ нѣмецкая наука идетъ на службу микроскопическимъ, барабанно-патріотическимъ цѣлямъ; когда мы присутствуемъ при зрѣлищахъ, какія и не снились нашимъ далекимъ войнолюбивымъ предкамъ... Чего же послѣ этого нельзя вернуть изъ добраго стараго времени? Гдѣ это торжественное неустанное шествіе цивилизаціи впередъ? Гдѣ эта смѣна однихъ историческихъ началъ другими? Гдѣ смыслъ исторіи?»

Но опять таки «стоитъ только ближе подойти къ этому сфинксу, чтобы почерпнуть изъ него не только отрицательное убѣжденіе въ совершенной неприкосновенности философіи исторіи, но и полновѣсныя положительныя данныя въ пользу этой неприкосновенности» (т. III, 1—2, 3).

Формула прогресса Михайловскаго и даетъ возможность «ближе подойти къ этому сфинксу», чтобы постигнуть смыслъ историческаго хода вещей; но это одна сторона ея, объективная, а за ней стоитъ другая—субъективная, о нормахъ нашей дѣятельности. Каковы же должны быть эти нормы? Каковы лозунги, полученные поколѣніемъ 60—70-хъ гг. отъ Михайловскаго, каковы, вообще, его руководящіе принципы? Отвѣтъ на это мы получимъ, разобравъ ту сторону «формулы прогресса» Михайловскаго, которая является у него воплощеніемъ мысли о коренномъ антагонизмѣ двухъ формъ раздѣленія труда—общественнаго и фізіологическаго и составляетъ

вмѣстѣ съ тѣмъ центральную часть данной имъ критики органической теоріи общества.

Что такое фізіологическое раздѣленіе труда, мы уже знаемъ,—это раздѣленіе труда между органами отдѣльнаго индивидуума, происходящее на почвѣ спеціализаціи разныхъ функций организма, это тотъ критерій индивидуальной организаціи, который извѣстенъ подъ именемъ «закона Бэра». «Критерій относительнаго совершенства организаціи есть, давъ оны Бэромъ» (см. «Теорія Дарвина», т. I, 230). «Бэръ и другіе утверждаютъ, что совершенство организма измѣряется степенью его сложности, рѣзкостью дифференцірованія его органовъ и тканей—въ морфологическомъ отношеніи, и степенью фізіологическаго раздѣленія труда, обособленности функций—въ отношеніи фізіологическомъ» (тамъ же, 228).

Такъ, напримѣръ, «когда яйцо, изъ котораго долженъ вырасти человѣкъ или животное, дифференцируется на слои серозный, слизистый и сосудистый, то этимъ явленіемъ обусловливаются зачатки фізіологическаго раздѣленія труда. Съ теченіемъ времени каждый изъ этихъ слоевъ дифференцируется въ ткани и органы, изъ которыхъ каждый исполняетъ какую-нибудь одну спеціальную функцию. Одни берутъ на себя трудъ переваривать пищу, другіе воспринимать впечатлѣнія, третьи передавать организму кислородъ воздуха и выдѣлять углекислоту, четвертые исполнять внѣшнія движенія по повелѣніямъ центрального органа нервной системы и т. д. Чѣмъ ярче обозначена здѣсь спеціализація функций, тѣмъ организмъ стоитъ выше на зоологической лѣстницѣ, тѣмъ оны развитѣе, тѣмъ оны сложнѣе. Въ этомъ постепенномъ усложненіи путемъ фізіологическаго раздѣленія труда между органами состоитъ великій Бэровъ законъ органическаго развитія» («Что такое прогрессъ», т. I, 49).

Михайловскій, вслѣдъ за От. Контомъ и данной имъ классификаціей наукъ, придавалъ огромное значеніе этому «великому закону органическаго развитія». Отличая, какъ неравноцѣнные, разные періоды дѣятельности От. Конта, оны говорилъ однако: «его классификацію наукъ я признаю одной изъ величайшихъ философскихъ концепцій, какія когда-либо являлись на свѣтъ Божій» (т. IV; стр. 99, писано въ апр. 1870 г.). Сообразно же принципамъ этой классификаціи наукъ, характеризованнымъ имъ въ статьѣ «Аналогическій

методъ въ общественной наукѣ», Михайловскій и опредѣлялъ огромное значеніе для построенія социологій наукъ низшихъ по сравненію съ ней и, прежде всего, биологій. «Мы, можетъ быть, находимся уже—по его словамъ—наканунѣ дѣйствительнаго и глубокаго переворота въ общественной наукѣ, переворота, имѣющаго быть произведеннымъ именно биологіей».

Изъ этого, однако, не слѣдуетъ еще, что собственные взгляды Михайловскаго имѣютъ «абстрактно-биологическій, а не социологическій характеръ», какъ это утверждаетъ по поводу его формулы прогресса г. Бердяевъ. «Вѣруя и исповѣдуя, что судьба социологій неразрывнымъ образомъ опредѣляется ея связью съ биологіей», Михайловскій, вмѣстѣ съ тѣмъ, предостерегалъ своихъ читателей отъ «злоупотребленія биологическими аналогіями» и отъ такой постановки общественныхъ вопросовъ, «на которой естествознаніе даетъ Іудинъ поцѣлуй социологій» (т. 1, стр. 803, «Лит. зам.» 1872). А даетъ оно Іудинъ поцѣлуй социологій всякій разъ, какъ только социологъ, подобно представителямъ органической теоріи общества, отождествитъ принципы раздѣленія труда общественнаго и раздѣленіе труда физиологическаго, раздѣленіе труда между органами и раздѣленіе труда между людьми. Тутъ мы входимъ въ самое святое святыхъ социологическихъ взглядовъ Михайловскаго. Первоначально во всей чистотѣ выработанная еще въ 1865—1866 гг. во время его совмѣстнаго сотрудничества съ Н. Д. Ножинымъ въ «Кн. Вѣстн.», эта часть воззрѣній Михайловскаго была сохранена имъ въ полной неприкосновенности до конца его дней, какъ составная и органическая часть его социологическаго міровоззрѣнія. Тѣмъ большаго вниманія она отъ насъ, слѣдовательно, требуетъ.

По словамъ Михайловскаго—«общество, личность идеальная, какъ прекрасно и достаточно подробно показалъ Спенсеръ, развивается подобно организму: переходитъ отъ однороднаго къ разнородному, отъ простаго къ сложному, постепенно расчлѣняясь и дифференцируясь. Прекрасно. Но что въ это время дѣлается съ личностью реальной,—съ членомъ общества? Испытываетъ ли она на себѣ тотъ же процессъ развитія по типу органическаго прогресса?» («Что такое прогр.», т. I, стр. 32).

Спенсеръ и, вообще, органисты отвѣчаютъ на этотъ вопросъ безусловно утвердительно: да, испытываетъ, откуда и параллель ихъ между развитіемъ общества и развитіемъ организма. Специализація общественныхъ функцій при этомъ приравнивается къ специализаціи функцій индивидуальнаго организма и начинается та игра въ аналогіи, которую такъ усиленно преслѣдовалъ всегда Михайловскій. Въ развитіи общества, утверждаютъ органисты, происходятъ явленія, совершенно подобныя развитію зародыша въ организмѣ, начиная отъ дифференціаціи въ немъ серознаго, слизистаго и сосудистаго слоевъ и кончая полнымъ обособленіемъ всѣхъ его органовъ. Подобно организму «общество дифференцируется на управляющихъ и на управляемыхъ», при чемъ «правлящій классъ функционируетъ, какъ серозный слой органическаго зародыша, управляетъ внѣшними дѣйствіями общества, тогда какъ классъ управляемыхъ, подобно слизистому слою, болѣе и болѣе исключительно занимается снабженіемъ общества пищею... Далѣе, появленію въ организмѣ естественномъ промежуточнаго сосудистаго слоя, изъ котораго образуются главные кровеносные сосуды—въ организмѣ социальномъ соотвѣтствуетъ образованіе средняго, торговаго сословія. Какъ на этой ступени развитія организма пища передается отъ слизистаго слоя къ серозному не непосредственно, а при помощи сосудистаго слоя, такъ и въ обществѣ предметы потребленія передаются не прямо рабами господамъ, а при посредствѣ купцовъ. Кровь живого тѣла соотвѣтствуетъ массѣ продуктовъ, находящихся въ обращеніи въ политическомъ тѣлѣ; нервная система—правительственной организаціи; кровеносные сосуды — путемъ сообщенія; мозгъ—парламенту» и т. д., и т. д. (т. I, 46).

«Всѣ эти сближенія очень остроумны,—соглашается Михайловскій,—но тѣмъ не менѣе неизбежно возникаетъ вопросъ, какая ихъ цѣль, зачѣмъ Спенсеръ положилъ на эту эквилибристику столько труда и терпѣнія?... Къ чему это? Не думаетъ же онъ установить новый видъ—*Societas*» (тамъ же, стр. 47).

Съ точки зрѣнія Михайловскаго это тѣмъ болѣе не нужно, что всѣ подобныя параллели въ корнѣ безнадежны, такъ какъ на самомъ-то дѣлѣ взаимныя отношенія фізіологическаго и общественнаго раздѣленія труда вовсе не таковы, какъ ихъ изображаютъ органисты, а діаметрально противоположны: «чѣмъ общественное раздѣленіе труда сильнѣе, тѣмъ фізіоло-

гическое слабѣе и обратно» («Борьба за индив.», т. I, стр. 461). Доказываетъ же это Михайловскій слѣдующимъ образомъ.

Онъ говоритъ: «типъ нормальнаго органическаго развитія есть, какъ мы видѣли, постепенное усложненіе путемъ дифференцірованія, т. е. специализація частей недѣлимаго, органовъ и тканей. Слѣдовательно, патологическимъ развитіемъ будетъ обратное движеніе, т. е. упрощеніе организма, его интеграція. Таковъ динамическій законъ индивидуальности. Законъ статическій тоже не представляетъ затрудненій. Такъ какъ недѣлимое представляетъ собою извѣстную ступень органическаго развитія, имѣющую опредѣленное число опредѣленныхъ частей, то физиологическимъ, нормальнымъ состояніемъ недѣлимаго мы называемъ такое, при которомъ всѣ части организма безпрепятственно функционируютъ, т. е. каждый органъ исполняетъ свою обязанность. При такомъ нормальномъ состояніи равновѣсія каждое органическое отправление доставляетъ человѣку наслажденіе. Если же одинъ или нѣсколько органовъ перестаютъ, вслѣдствіе какихъ-нибудь обстоятельствъ, совершать соотвѣтственныя отправления, то равновѣсіе нарушается, и мы имѣемъ состояніе патологическое, болѣзненное, сопровождающееся страданіемъ. Недѣлимое въ этомъ случаѣ какъ-бы упрощается, сокращается» («Что так. прог.», I, 89).

Но вотъ такое именно упрощеніе организаціи мы наблюдаемъ тамъ, гдѣ господствуетъ общественное раздѣленіе труда съ его принципомъ обособленія функций. Напримѣръ — «рабочія пчелы и муравьи, какъ извѣстно, бесполоы. Съ другой стороны, способные къ воспроизведенію самцы и самки неспособны къ работѣ», но «было время, когда пчелы и муравьи были одновременно способны и къ работѣ, и къ произведенію новыхъ особей... Подъ вліяніемъ какихъ же условій произошло ослабленіе, физиологическое раздѣленіе труда и, слѣдовательно, упрощеніе организаціи... регрессъ? Подъ вліяніемъ раздѣленія труда экономическаго. Когда муравьи и пчелы безсознательно подѣлили между собой свой общественный трудъ... то, путемъ подбора, экономическое раздѣленіе труда въ ряду поколѣній атрофировало ненужныя для каждаго изъ специальныхъ трудовъ способности и силы. Итакъ, экономическое раздѣленіе труда повело къ ослабленію раздѣленія труда физиологическаго и,

такимъ образомъ, понизило уровень развитія пчелъ и муравьевъ»¹⁾).

Или на 36 стр. той же статьи: «однообразіе занятій исключаетъ какую бы то ни было умственную дѣятельность или, по крайней мѣрѣ, низводитъ ее до возможнаго минимума. Какъ говоритъ Шиллеръ: «вѣчно возясь съ какимъ-нибудь обрывкомъ пѣлаго, человекъ и самъ превращается въ пѣлаго въ обрывокъ». Въ тульскомъ оружейномъ заводѣ раздѣленіе труда доведено до такой степени, что мастеръ не только всю жизнь свою только и дѣлаетъ собачки или курки, но передаетъ свое мастерство дѣтямъ по наслѣдству. Постоянное и однообразное занятіе, естественно, должно выражаться не усложненіемъ, а упрощеніемъ организаціи...»

«Раздѣленіе труда есть убійство народа» — говоритъ словами одного экономиста Марксъ, цитируемый Михайловскимъ въ статьѣ о Дарвинѣ (т. I, стр. 173). И вотъ это убійство народа проповѣдуютъ органисты въ своихъ соціологическихъ теоріяхъ. «Они твердятъ свое: общество, подобно организму, дифференцируясь, распадаясь на несходныя части, прогрессируетъ. Хорошо, пусть общество прогрессируетъ, но поймите, — протестуетъ Михайловскій, — что личность при этомъ регрессируетъ, что если имѣть въ виду только эту сторону дѣла, то общество есть первый ближайшій и злѣйшій врагъ человека, противъ котораго онъ долженъ быть постоянно насторожѣ» («Борьба за индив.», т. I, 461, курс. подл.).

И правильность этого вывода подтверждается правиль-

¹⁾ «Что такое прогрессъ», I, 50. Ср. тамъ же: «когда правящій классъ окончательно дифференцировался изъ однородной массы первобытнаго общества и оставилъ за собой трудъ умственный, а трудъ физическій предоставилъ управляемымъ, то это былъ первый шагъ экономическаго раздѣленія труда. При этомъ нервная система управляемыхъ постепенно должна была упрощаться, вмѣстимость черепа и размѣръ умственныхъ способностей уменьшаться, такъ какъ въ послѣднихъ предстояла все меньшая и меньшая надобность: за управляемыхъ думали управляющіе. Значитъ, предѣлы фізіологическаго раздѣленія труда сузились. То же самое произошло въ средѣ правящаго класса. По мѣрѣ того, какъ представители его все болѣе углублялись въ выпавшую на ихъ долю часть труда, ихъ мускульная система слабѣла, кости становились все тоньше и хрупче. Дальнѣйшая спеціализація индивидуальныхъ отправленій сопровождается и дальнѣйшимъ ослабленіемъ фізіологическаго раздѣленія труда». Ср. также стр. 49.

ностью исходнаго пункта органистовъ, принятаго ими критерія совершенства организациі, надо только сдѣлать отсюда логически правильные выводы. «Если бы Спенсеръ рекомендовалъ не физиологамъ методъ соціологическій, а, наоборотъ, соціологамъ методъ физиологическій, то, исходя изъ того же закона Бэра..., онъ пришелъ бы къ совершенно инымъ выводамъ», чѣмъ выводы объ аналогіи общества съ организмомъ. По закону Бэра—«организмъ тѣмъ развитѣе, чѣмъ онъ выше, чѣмъ сложнѣе, чѣмъ физиологическое раздѣленіе труда между его органами обозначено рѣзче и яснѣе. Съ этой точки зрѣнія прогрессъ выразится усложненіемъ организма, переходомъ его отъ однородности къ разнородности, хотя бы такой переходъ обусловливался обратнымъ движеніемъ для общества; переходъ же общества отъ однородности къ разнородности будетъ признакомъ регресса». «Которое же изъ этихъ рѣшеній правильнѣе,—спрашиваетъ Михайловскій,—которое изъ нихъ логически вытекаетъ изъ закона Бэра? Очевидно, второе, потому что индивидуальный прогрессъ есть тотъ же прогрессъ органической, только въ общественной средѣ» («Что так. прог.» I, 59—60).

И такъ далѣе. На этомъ мы пока можемъ и остановиться въ характеристикѣ установленнаго Михайловскимъ антагонизма между раздѣленіемъ труда физиологическимъ, и раздѣленіемъ труда общественнымъ. Остановиться на этихъ цитатахъ мы должны, между прочимъ, и въ виду одного specialнаго обстоятельства, которое, вѣроятно, уже не ускользнуло отъ вниманія читателя. Обстоятельство это состоитъ въ видимомъ противорѣчій общаго смысла всѣхъ приведенныхъ цитатъ съ тѣмъ, что мы видѣли раньше на той же критикѣ Михайловскимъ теорію органическаго развитія. Тамъ, раньше, мы имѣли, между прочимъ, прямое указаніе Михайловскаго на цѣлый рядъ фактовъ, какъ изъ области исторической жизни, такъ и современной, говорящихъ въ пользу известнаго компромисса между раздѣленіемъ труда физиологическимъ и раздѣленіемъ труда общественнымъ. Получалась даже въ известномъ родѣ цѣлая картина *прогрессивной* смѣны формъ коопераціи, формъ общественнаго раздѣленія труда; теперь же, напротивъ, прогрессъ въ этой области какъ бы остановился или даже оказывается невозможнымъ, такъ какъ никакого компромисса между общественнымъ и физиологическимъ раздѣленіемъ труда не мо-

жетъ быть, и они находятся въ вѣчномъ, коренномъ антагонизмѣ. Разумѣется, подобное противорѣчіе въ самыхъ основныхъ взглядахъ не могло пройти даромъ для Михайловскаго. Оно—если оно дѣйствительно имѣется—давало право, на основаніи собственныхъ его словъ заявить, что основной принципъ его, «по которому общественное раздѣленіе труда діаметрально противоположно фізіологическому, вѣренъ только въ частныхъ случаяхъ, но далеко не является всеобщимъ» и «фізіологическое раздѣленіе труда (широта) и общественное раздѣленіе труда (глубина) отнюдь не противорѣчатъ такъ другъ другу непреложно, какъ это полагалъ Михайловскій» (слова г. Иванова-Разумника). А въ такомъ случаѣ вся его соціологія построена на самомъ зыбкомъ фундаментѣ, и его формула прогресса, быть можетъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ это утверждалъ П. Л. Лавровъ—не прогрессивна...

Какъ ни основательны, казалось бы, всѣ эти замѣчанія, они по существу совершенно не состоятельны. Противорѣчіе, которое они подчеркиваютъ, слишкомъ элементарно, чтобы его могъ не замѣтить самъ Михайловскій при первыхъ же попыткахъ построения своей формулы прогресса, и мы легко убѣдимся въ правильности этого предположенія, доведя до логическаго конца рядъ вышеприведенныхъ силлогизмовъ. Основная посылка этихъ силлогизмовъ—несовмѣстимость принципа объ антагонизмѣ фізіологическаго и общественнаго раздѣленія труда съ идеей прогресса въ смѣнѣ формъ коопераціи. Однако, если Михайловскій серьезно признавалъ наличность такой несовмѣстимости, то не значить ли это, что онъ въ такомъ случаѣ высказывался, вообще, за неразрѣшимость идеи борьбы личности съ соціальной средой, обществомъ, т. е., что онъ былъ анархистомъ? Но если онъ былъ анархистомъ, то почему имъ были написаны извѣстные слова о послѣднемъ шагѣ въ развитіи Бѣлинскаго: «послѣднимъ шагомъ въ развитіи Бѣлинскаго была идея выработки соціальныхъ условій, способствующихъ не порабощенію личности, а ея расцвѣту... Это идея вѣчная»,—прибавляетъ Михайловскій ¹⁾).

¹⁾ См. „Откл.“ т. II, 332. Ср. также т. I, стр. 152, гдѣ одной изъ задачъ соціологіи, пренебрегаемой дарвинистами, поставленъ вопросъ: „Какимъ образомъ должны быть комбинированы условія жизни, чтобы и обще-

Могутъ же, значить, быть такія условія соціальной жизни, которыя не поработаютъ личность, а способствуютъ ея расцвѣту. И тѣмъ болѣе могутъ, что—«въ принципѣ, безъ сомнѣнія, общественная жизнь даритъ насъ цѣлой массой наслажденій, которыя совершенно невысказаны для человѣка одинокаго, если бы такой былъ возможенъ. Какъ говоритъ поэтъ, раздѣленное горе—поль-горя, раздѣленное счастье—двойное счастье. Нѣтъ надобности и говорить, по мнѣнію Михайловскаго, какъ велико вліяніе жизни въ обществѣ на развитіе и усложненіе нервной системы, и какъ обогащаетъ нашу духовную природу облегчаемая общественнымъ состояніемъ возможность «сочувственнаго опыта», т. е. переживанія личностью чужой жизни, присвоенія себѣ добытыхъ ею результатовъ. Я полагаю даже, — прибавляетъ Михайловскій, — что роль сочувственнаго опыта громадна и въ дѣлѣ пріобрѣтенія человѣчествомъ положительныхъ знаній, на что, къ сожалѣнію, исторія науки не обращаетъ до сихъ поръ никакого вниманія. Словомъ, въ принципѣ расширеніе нашего личнаго *я* путемъ коопераціи, общественной жизни, не подлежитъ никакому сомнѣнію» («Борьба за индив.», I, 460).

Но разъ Михайловскій не выступаетъ противъ коопераціи, общественности въ принципѣ, то, слѣдовательно, тяжба между личностью и обществомъ—разрѣшима, и идея этой разрѣшимости есть «идея вѣчная». При чемъ одной изъ попытокъ разрѣшить эту тяжбу Михайловскій считаетъ—и это особенно для насъ интересно—свою формулу прогресса. «Внѣ приведенной формулы, — говоритъ онъ, — нѣтъ примиренія между интересами личности и общества и вѣковой тяжбѣ между ними нѣтъ конца» (т. I., 297).

Не вообще нѣтъ, а только внѣ этой формулы, т. е. иначе сама эта формула и опредѣляетъ тотъ типъ общественныхъ отношеній, на почвѣ которыхъ кончается тяжба между личностью и обществомъ. Изъ всего этого мы видимъ, что Михайловскій былъ не анархистъ-индивидуалистъ, отрицавшій общественность, какъ это однажды утверждалъ Бердяевъ и какъ это, повидимому, думаютъ сами анархисты ¹⁾, а что онъ

ство и его члены въ отдѣльности возможно скоро достигли возможной для человѣка высоты развитія“.

¹⁾ См. у Бердяева, стр. 171 и сл. его книги. Ср. также слова Вл. Забрженева: „Элементы анархическаго міропониманія заключались въ воз-

былъ напротивъ *общественникъ*, социалистъ. Стало быть и его мысль о коренномъ противорѣчii экономического и физиологическаго раздѣленiя труда имѣеть не то значенiе, которое ей, обыкновенно, приписывается. Но въ такомъ случаѣ какое именно?

Какое именно, мы поймемъ сразу, если только вслушаемся въ слова самого Михайловскаго. Мы «будемъ сравнивать—говорить онъ, напр., въ статьѣ: «Теорiя Дарвина и обществ. наука»—принципы простого и сложнаго сотрудничества» (т. I, 165). «Мы... сопоставляемъ принципы физиологическаго и экономического раздѣленiя труда» (тамъ же, 169) *Wo ist der Hund begraben*. Противоположны по существу, т. е. рѣшительно ни при какихъ обстоятельствахъ несовмѣстимы только сами *принципы* физиологическаго и экономического раздѣленiя труда, простой и сложной кооперацii, абстрактныя выраженiя ихъ основныхъ тенденцiй. Между ними примиренiя, дѣйствительно, не можетъ быть, по отношенiю другъ къ другу *они* стоятъ въ вѣчномъ антагонизмѣ и враждѣ. Но этимъ, конечно, не предопредѣляется, въ какомъ отношенiи къ судьбамъ личности стоятъ тѣ или другiя конкретныя комбинацii двухъ формъ раздѣленiя труда, физиологическаго и общественнаго. По крайней мѣрѣ, самъ Михайловскiй по этому поводу выражается такъ: «Всякое общество есть своего рода индивидуальность, стремящаяся все къ большему усложненiю путемъ *общественнаго* раздѣленiя труда. Человѣкъ, отдѣльно взятый, есть также индивидуальность, только другого порядка, тоже стремящаяся къ усложненiю, но путемъ *физиологическаго* раздѣленiя труда. Эти два процесса по существу противоположны... Но, будучи по существу прямо противоположными, по обстоятельствамъ эти два процесса могутъ вступать въ разнообразныя комбинацii» («Откл.» II, 96; курс. под.).

Для насъ сейчасъ безразлично, въ какiя именно комбинацii и почему въ такiя именно, а не въ другiя, вступали въ историческомъ ходѣ вещей противоположныя «по существу» принципы общественнаго и физиологическаго раздѣленiя

зрѣнiяхъ русскихъ властителей думъ—Герцена, Лаврова, Михайловскаго“ и т. д. Статья „Проп. индив. анарх. въ Россiи“. „Буревѣстн.“ № 10—11, стр. 4, мартъ—апр., 1908.

Могут же, значить, быть такія условія соціальной жизни, которыя не порабощаютъ личность, а способствуютъ ея расцвѣту. И тѣмъ болѣе могутъ, что—«въ принципѣ, безъ сомнѣнія, общественная жизнь даритъ насъ цѣлой массой наслажденій, которыя совершенно невысказанны для человѣка одинокаго, если бы такой былъ возможенъ. Какъ говоритъ поэтъ, раздѣленное горе—поль-горя, раздѣленное счастье—двойное счастье. Нѣтъ надобности и говорить, по мнѣнію Михайловскаго, какъ велико вліяніе жизни въ обществѣ на развитіе и усложненіе нервной системы, и какъ обогащаетъ нашу духовную природу облегчаемая общественнымъ состояніемъ возможность «сочувственнаго опыта», т. е. переживания личностью чужой жизни, присвоенія себѣ добытыхъ ею результатовъ. Я полагаю даже, — прибавляетъ Михайловскій, — что роль сочувственнаго опыта громаднa и въ дѣлѣ пріобрѣтенія человѣчествомъ положительныхъ знаній, на что, къ сожалѣнію, исторія науки не обращаетъ до сихъ поръ никакого вниманія. Словомъ, въ принципѣ расширеніе нашего личнаго *я* путемъ коопераціи, общественной жизни, не подлежитъ никакому сомнѣнію» («Борьба за индив.», I, 460).

Но разъ Михайловскій не выступаетъ противъ коопераціи, общественности въ принципѣ, то, слѣдовательно, тяжба между личностью и обществомъ—разрѣшима, и идея этой разрѣшимости есть «идея вѣчная». При чемъ одной изъ попытокъ разрѣшить эту тяжбу Михайловскій считаетъ—и это особенно для насъ интересно—свою формулу прогресса. «Внѣ приведенной формулы, — говоритъ онъ, — нѣтъ примиренія между интересами личности и общества и вѣковой тяжбѣ между ними нѣтъ конца» (т. I., 297).

Не вообще нѣтъ, а только внѣ этой формулы, т. е. иначе сама эта формула и опредѣляетъ тотъ типъ общественныхъ отношеній, на почвѣ которыхъ кончается тяжба между личностью и обществомъ. Изъ всего этого мы видимъ, что Михайловскій былъ не анархистъ-индивидуалистъ, отрицавшій общественность, какъ это однажды утверждалъ Бердяевъ и какъ это, повидимому, думаютъ сами анархисты ¹⁾, а что онъ

ство и его члены въ отдѣльности возможно скоро достигли возможной для человѣка высоты развитія“.

¹⁾ См. у Бердяева, стр. 171 и сл. его книги. Ср. также слова Вл. Забужева: „Элементы анархическаго міропониманія заключались въ воз-

былъ напротивъ *общественникъ*, социалистъ. Стало быть и его мысль о коренномъ противорѣчїи экономическаго и физиологическаго раздѣленія труда имѣетъ не то значеніе, которое ей, обыкновенно, приписывается. Но въ такомъ случаѣ какое именно?

Какое именно, мы поймемъ сразу, если только вслушаемся въ слова самого Михайловскаго. Мы «будемъ сравнивать—говорить онъ, напр., въ статьѣ: «Теорія Дарвина и обществ. наука»—принципы простого и сложнаго сотрудничества» (т. I, 165). «Мы... сопоставляемъ принципы физиологическаго и экономическаго раздѣленія труда» (тамъ же, 169) *Wo ist der Hund begraben*. Противоположны по существу, т. е. рѣшительно ни при какихъ обстоятельствахъ несовмѣстимы только сами *принципы* физиологическаго и экономическаго раздѣленія труда, простой и сложной коопераціи, абстрактныя выраженія ихъ основныхъ тенденцій. Между ними примиренія, дѣйствительно, не можетъ быть, по отношенію другъ къ другу *они* стоятъ въ вѣчномъ антагонизмѣ и враждѣ. Но этимъ, конечно, не предопредѣляется, въ какомъ отношеніи къ судьбамъ личности стоятъ тѣ или другія конкретныя комбинаціи двухъ формъ раздѣленія труда, физиологическаго и общественнаго. По крайней мѣрѣ, самъ Михайловскій по этому поводу выражается такъ: «Всякое общество есть своего рода индивидуальность, стремящаяся все къ большому усложненію путемъ *общественнаго* раздѣленія труда. Человѣкъ, отдѣльно взятый, есть также индивидуальность, только другого порядка, тоже стремящаяся къ усложненію, но путемъ *физиологическаго* раздѣленія труда. Эти два процесса по существу противоположны... Но, будучи по существу прямо противоположными, по обстоятельствамъ эти два процесса могутъ вступать въ разнообразныя комбинаціи» («Откл.» II, 96; курс. подл.).

Для насъ сейчасъ безразлично, въ какія именно комбинаціи и почему въ такія именно, а не въ другія, вступали въ историческомъ ходѣ вещей протавоположныя «по существу» принципы общественнаго и физиологическаго раздѣленія

зрѣнїяхъ русскїхъ властителей думъ—Герцена, Лаврова, Михайловскаго“ в т. д. Статья „Проп. индив. аиарх. въ Россїи“. „Буревѣстн.“ № 10—11, стр. 4, мартъ—апр., 1908.

труда. Для насъ важно только подтвердить—если такія подтвержденія еще нужны—словами самого Михайловскаго, что его термины имѣютъ, дѣйствительно, то значеніе, которое имъ мы приписываемъ. И если для этого мало цитать и сопоставленій, сдѣланныхъ и приведенныхъ выше, то вотъ еще тирада въ томъ же духѣ, вскрывающая полностью мысль Михайловскаго. Тирада эта относится къ мысли о раздѣленіи труда, какъ источникъ происхоженія видовъ, и мысль эту Михайловскій формулируетъ слѣдующимъ образомъ.

«Очевидно,—говоритъ онъ про раздѣленіе труда,—что *последовательно и глубоко проведенное* оно можетъ накопить постепенно такое количество на первый взглядъ неважныхъ и незначительныхъ измѣненій въ организаци каждой изъ обособившихся общественныхъ группъ, что сумма этихъ измѣненій можетъ, наконецъ, дать новый видъ... И обособившіяся путемъ раздѣленія труда группы, *когда породившей ихъ принципъ достигаетъ известной ступени развитія*, преслѣдуютъ цѣли совершенно различныя. Далѣе, нѣтъ ничего невозможнаго, что раздѣленіе труда, въ связи съ различіемъ условій жизни, раздробить видъ homo sapiens, по крайней мѣрѣ, на два вида... *Стоитъ только последовательно проводить принципъ раздѣленія труда*... Последовательность эта, впрочемъ, дѣло далеко не новое и испытанное уже практически. Такъ, въ древней Индіи каждому судрѣ, осмѣлившемуся читать книги и тѣмъ нарушавшему раздѣленіе между трудомъ физическимъ и умственнымъ и, вообще, строго органической укладъ индійской жизни,—вливалось въ уши кипящее масло; а если его дерзость простиралась до того, что онъ выучивалъ содержаніе книги наизусть, его казнили смертью. Въ рабовладѣльческихъ американскихъ штатахъ негры, подъ страхомъ наказанія, не смѣли учиться читать и проч. Намъ незначѣмъ распространяться здѣсь о томъ,—прибавляетъ Михайловскій,—какъ и почему эти мѣропріятія не повлекли за собой образованія новыхъ видовъ. Но во всякомъ случаѣ очевидно, что раздѣленіе труда *можетъ* произвести подобный результатъ въ ту или другую сторону, *можетъ* разбить человѣчество на два вида» (I, 181, курс. мой).

Разобьеть оно человѣчество или не разобьеть на два вида, это зависитъ, такимъ образомъ, не отъ него, это за-

виситъ отъ комбинацій въ каждый данный моментъ общественныхъ силъ. Но суть-то все-таки въ томъ, что само по себѣ, послѣдовательно и глубоко проведенное, достигнувъ извѣстной степени развитія, по своимъ тенденціямъ, раздѣленіе труда общественное можетъ этого достигнуть, и въ этомъ смыслѣ оно стоитъ въ коренномъ антагонизмѣ съ раздѣленіемъ труда физиологическимъ. Было бы странно считать основанную на такомъ принципѣ формулу прогресса противорѣчащей историческому ходу вещей или абстрактной. Какъ будто всѣ лучшія усилія человѣчества не сводились до сихъ поръ къ борьбѣ съ послѣдовательно и глубоко проведеннымъ принципомъ раздѣленія труда во имя всесторонняго развитія и полноты жизни каждаго отдѣльнаго человѣка и всѣхъ вмѣстѣ. Этотъ бунтъ человѣчества противъ ограниченія полноты правъ личности слышится въ каждой строкѣ, написанной Михайловскимъ. Михайловскій привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе тѣмъ, что всю силу своего таланта и знаній направилъ на борьбу съ принципомъ общественнаго раздѣленія труда, объявивъ истинно прогрессивными, и нравственными, и разумными, и справедливыми *только* такія формы общественной жизни, для убѣжденія въ цѣлесообразности которыхъ никому не нужно «вливать въ уши кипящее масло».

Современное общество,—какъ бы говоритъ Михайловскій—подобно всякому обществу, построенному на раздѣленіи труда, на сложной коопераціи, рѣзко антагонистично съ требованіями и тенденціями физиологическаго раздѣленія труда, съ законнѣйшимъ стремленіемъ всякой личности къ полному развитію всѣхъ ея способностей. Расчленяя общество на группы и классы, мы «раздѣляемъ и самую личность, превращая ее»—изъ полпой и разносторонней—«въ автоматическую машину для исполненія извѣстной детальной работы»¹⁾. Такова основная тенденція, таковъ принципъ, взятый въ его чистомъ видѣ и логическомъ развитіи, всякаго соціально-разнороднаго общественнаго строя, всегда построеннаго на прямомъ или косвенномъ угнетеніи. «Нарушеніе равновѣсія въ органахъ, развитіе одного изъ нихъ въ ущербъ другимъ»,

¹⁾ Слова Маркса. См. «Капиталь», т. I, гл. 12, стр. 313, по изд. 1897 г. Или въ переводѣ Михайловскаго—«Дѣлится и само недѣлимое» (у Маркса Individuum), превращаясь въ автоматическое орудіе спеціальной работы». См. I, стр. 170.

происходящее при раздѣленіи общественнаго труда, «ставить одну личность или группу личностей въ зависимость отъ другой, которой удалось развить въ себѣ болѣе выгодную физиологическую функцію, такъ что первая такъ или иначе становится по отношенію ко второй въ болѣе или менѣе замаскированное положеніе раба» («Что такое прог.», I, 60).

Выходъ же отсюда можетъ быть только одинъ: либо общество будетъ развиваться и дальше согласно принципамъ раздѣленія труда, и это поведетъ тогда къ «убійству народа», либо личность будетъ удовлетворена въ своихъ законныхъ стремленіяхъ, но тогда въ общественныхъ отношеніяхъ должна произойти «великая революція... обеспечивающая смѣну порядка раздѣленія труда порядкомъ простого сотрудничества».

Такова дилемма, поставленная Михайловскимъ, таковы лозунги, данные его формулой прогресса поколѣнію шестидесятихъ годовъ.

III.

Изъ всего предыдущаго разбора, особенно же изъ сдѣланныхъ нами замѣчаній о физиологическомъ и общественномъ раздѣленіи труда, между прочимъ, слѣдуетъ, какое огромное значеніе имѣетъ для пониманія соціологическихъ взглядовъ Михайловскаго, а равно для оцѣнки его роли въ исторію нашего общественнаго самосознанія, точное и ясное установленіе принятой у него терминологіи. Можно даже сказать, что безконечные промахи критиковъ Михайловскаго, сдѣланные ими при оцѣнкѣ его взглядовъ, должны быть отнесены на счетъ ошибокъ съ ихъ стороны въ пониманіи истиннаго смысла его терминовъ. Почему, напр., такъ упорно держатся легенды, что формула прогресса Михайловскаго не прогрессивна, хотя со временъ статьи П. Л. Лаврова, первоначально высказавшаго этотъ парадоксъ, Михайловскимъ были даны самые яркіе примѣры его опроверженія, да и самая статья Лаврова, именно въ этой ея части, была тогда же имъ опротестована въ одной изъ за-

мѣтокъ, не вошедшихъ, къ сожалѣнію, въ собраніе его сочиненій? ¹⁾

Это представленіе о непрогрессивности формулы прогресса Михайловскаго могло держаться, конечно, только потому что критика не могла сначала, а, впоследствии, порой и не хотѣла понять, какое значеніе Михайловскій вкладывалъ въ свои термины. Не понялъ этого въ свое время и П. Л. Лавровъ, хотя его статья занимаетъ, вообще говоря, исключительное мѣсто въ литературѣ о Михайловскомъ, такъ какъ его ошибки въ этомъ случаѣ исторически вполне понятны. Лавровъ писалъ въ самомъ началѣ литературной дѣятельности Михайловскаго и опирался, главнымъ образомъ, на его работу о прогрессѣ, далеко не исчерпывавшую всѣхъ взглядовъ Михайловскаго и представляющую лишь конспектъ того, что должно было появиться впоследствии. Вотъ это дальнѣйшее развитіе мысли Михайловскаго Лавровъ своей статьей какъ бы предупреждалъ, въ чемъ ея интересъ, и ставилъ вопросы, на которые Михайловскій долженъ былъ отвѣтить и отвѣтъ на которые Михайловскаго въ то время, до 1870 года, благодаря разнымъ недостаткамъ его формулировокъ, могъ казаться Лаврову неяснымъ или неудовлетворительнымъ.

Съ своей стороны Михайловскій, уклонившись отъ непосредственной полемики съ Лавровымъ, тѣмъ не менѣе, на всѣ его возраженія, далъ вскорѣ полный отвѣтъ. въ частности, вопросъ о прогрессивной смѣнѣ формъ коопераціи, формъ общественнаго раздѣленія труда, онъ разрѣшилъ замѣчательнымъ социологическимъ анализомъ въ статьѣ «Герои и толпа». И если, несмотря на это, несмотря даже на относительность всѣхъ замѣчаній Лаврова о Михайловскомъ—«въ мысли съ нимъ я схожусь», писалъ въ своей статьѣ Лавровъ о Михайловскомъ,—въ русской, особенно же марксистской литературѣ обычны до сихъ поръ ссылки на Лаврова въ полемикѣ съ Михайловскимъ, то Лавровъ не можетъ быть отвѣтственъ за такое употребленіе его аргументовъ, а тѣмъ болѣе онъ не отвѣтственъ за то дальнѣйшее развитіе ихъ, которое дѣлаетъ современная, или «научная», какъ она сама себя называетъ, критика сочиненій Михайловскаго. Меж-

¹⁾ См. уже пятирванный выше Post scriptum къ ст. о Дарвинѣ, «От. Зап.», май, 1870, стр. 44—48.

ду тѣмъ выводы ея далеко шагнули за предѣлы всего, логически допустимаго...

Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду новѣйшее видоизмѣненіе замѣчаній Лаврова о непрогрессивности вглядовъ Михайловскаго на прогрессъ, которое обратилось вынѣ въ утвержденіе за Михайловскимъ, несмотря на его борьбу со Спенсеромъ, титула *органиста*. Рецензентъ книги С. П. Равскаго, «Соціологія Н. К. Михайловскаго», г. П. Г., или проще П. Б. Струве, формулируетъ этотъ взглядъ на Михайловскаго въ сборникѣ «Проблемы идеализма» слѣдующимъ образомъ. По его словамъ — «съ извѣстнымъ чувствомъ удовлетворенія можно констатировать... что на нѣкоторыя стороны соціологической доктрины г. Михайловскаго начинаетъ вырабатываться и укрѣпляться устойчивая и вполне объективная точка зрѣнія... Такъ г. Ранскій, совершенно независимо отъ Бердяева и Струве, устанавливаетъ, что Михайловскій не только не опровергъ и не отвергъ «органической» теоріи общества, но *гораздо полнѣе и глубже* (курс. подл.), чѣмъ Спенсеръ и прочіе «органисты», отдался во власть этой теоріи. Это неопровержимое и потому неопровергнутое положеніе, намѣченное, какъ явствуетъ изъ нѣкоторыхъ ссылокъ г. Ранскаго, еще въ 1888 г. Филипповымъ (М. М.) и въ 1895 г. довольно ясно высказанное г. Бельтовымъ, можетъ послѣ разъясненій, данныхъ въ книгахъ Бердяева, Струве и г. Ранскаго, считаться прочнымъ, окончательно установленнымъ достояніемъ научной критики сочиненій Михайловскаго. Онъ бросаетъ яркій свѣтъ на объективную цѣнность центральныхъ частей соціологической доктрины г. Михайловскаго и обращаетъ въ ничто вошедшіе чуть не въ традицію взгляды его поклонниковъ о томъ, что онъ «опровергъ» Спенсера и тѣмъ совершилъ переворотъ въ соціологій» ¹⁾).

Лучше и полнѣе выразиться въ смыслѣ опредѣленности — нельзя. И такъ, Михайловскій, вопреки «вошедшимъ чуть не въ традицію взглядамъ его поклонниковъ» былъ органистомъ. Онъ даже полнѣе и глубже, чѣмъ Спенсеръ и прочіе органисты, отдался во власть этой теоріи и не опровергъ Спен-

¹⁾ Статья «Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія», стр. 73.

сера, а капитулировалъ передъ нимъ. Но гдѣ же основанія для столь рѣшительныхъ заключеній?

Основаніемъ являются собственныя слова Михайловскаго, цитируемая г. Ранскимъ. Во-первыхъ, уже въ статьѣ «Что такое прогрессъ», на-ряду съ категорическимъ опроверженіемъ органической теоріи общества, Михайловскій призналъ, что «общество, *личность идеальная* (курс. г. Ранскаго), какъ прекрасно и достаточно подробно показалъ Спенсеръ, развивается подобно организму, переходитъ отъ простаго къ сложному», т. е. онъ призналъ наличность, при томъ объективную, развитія общества по органическому типу, такъ, по крайней мѣрѣ, понимаетъ эти слова, приведенныя также в у насъ выше, г. Ранскій.

И это не единственное, въ такомъ родѣ мѣсто у Михайловскаго. Г. Ранскій приводитъ еще одну цитату, въ которой Михайловскій называетъ «объективно-вѣрнымъ» положеніе Ренана о томъ, что «вообще всякое общество развивается по общему закону органическаго развитія. Какъ человѣкъ постепенно приспособляетъ входящія въ его составъ кѣтки и агрегаты кѣтокъ къ опредѣленнымъ, спеціальнымъ служебнымъ цѣлямъ, лишая ихъ самостоятельности и цѣлостности, такъ общество, развиваясь, приспособляетъ одну группу людей къ одной цѣли, другую—къ другой. *Такъ, дѣйствительно, идутъ дѣла на землѣ, соглашается съ этимъ положеніемъ Ренана Михайловскій, и отворачиваться отъ этихъ объективныхъ фактовъ или стараться какъ-нибудь маскировать ихъ недостойно человѣка, ищущаго правды...*» ¹⁾

Не трудно показать, что всѣ выводы о принадлежности Михайловскаго къ органистамъ, сдѣланные на основаніи приведенныхъ словъ его, есть не болѣе, какъ логическое послѣдствіе однажды сдѣланныхъ ошибокъ въ опредѣленіи истиннаго значенія терминовъ Михайловскаго. Конечно, если признать противоположность общественнаго и физиологическаго раздѣленія труда такъ, какъ она понимается «научной критикой», т. е. такъ, какъ ее понимать не надо, да вдобавокъ еще смѣшать раздѣленіе труда общественное съ техническимъ, то

¹⁾ С. П. Ранскій, «Соціологія Н. К. Михайловскаго». Спб. 1901. Стр. 38. Курсивъ г. Ранскаго.

придется и Михайловскаго назвать органистомъ. Исторія человѣчества фактически, вѣдь, шла путемъ раздѣленія труда, а раздѣленіе труда поработаетъ личность человѣка — «при немъ человѣкъ обращается въ «налецъ отъ поги» въ безвольный органъ нѣкотораго высшаго организма-общества» (т. 6, стр. 410). Вотъ, слѣдовательно, и еще новое доказательство, и опять-таки со словъ самого Михайловскаго, его капитуляціи передъ Спенсеромъ и органистами и ложной славы совершеннаго имъ «переворота въ соціологіи». Но такой путь къ опроверженію соціологическихъ взглядовъ Михайловскаго слишкомъ легокъ и такая критика слишкомъ безсодержательна, чтобы ими можно было прельститься. Очевидно, не такъ ужъ все неопровержимо въ вышеприведенной аргументаціи г. Струве, несмотря на весь рядъ упомянутыхъ имъ авторовъ ея, авторитетныхъ представителей «научной критики», въ лицѣ г.г. Бердяева, Ранскаго, Плеханова и Филиппова (М. М.)...

Между прочимъ, говоря выше, во второй главѣ о разногласіяхъ Михайловскаго съ органистами, поскольку они выразились въ ученіи объ основныхъ тенденціяхъ разныхъ формъ раздѣленія труда, мы прошли мимо одной важной стороны воззрѣній Михайловскаго, мимо его чисто методологическихъ возраженій органистамъ, касающихся опредѣленія природы соціального закона въ отличіе отъ закона біологическаго. Мы остановимся сейчасъ на этой сторонѣ взглядовъ Михайловскаго, такъ какъ она имѣетъ непосредственное отношеніе къ совершенной имъ «капитуляціи» передъ органической теоріей общества...

Какъ мы видѣли выше, по своимъ взглядамъ на построеніе теоретической соціологіи, Михайловскій является непосредственнымъ послѣдователемъ Огюста Конта и созданнаго имъ «величайшаго философскаго обобщенія XIX вѣка» — классификаціи наукъ по принципу возрастающей сложности и убывающей общности. «Принципъ этой классификаціи, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что науки расположены въ ней въ порядкѣ возрастающей сложности и убывающей общности, такъ что явленія, подлежащія вѣдѣнію одной изъ наукъ одного ряда, зависятъ отъ всѣхъ классовъ законовъ, какіе имѣютъ мѣсто во всѣхъ предшествующихъ наукахъ, но не зависятъ отъ законовъ, спеціальныхъ для послѣдующихъ наукъ. Такъ, на примѣръ, ариѳметика и алгебра изуча-

ютъ законы чисель и представляютъ собою науку наиболѣе простую и наиболѣе общую. Геометрія изучаетъ протяженіе и пользуется законами ариѳметики и алгебры, для которыхъ, наоборотъ, специально геометрическіе законы протяженія не нужны и немислимы. Механика руководствуется и законами чисель, и законами протяженія, но имѣетъ и свои собственные законы равновѣсія и движенія, которые не могутъ быть сведены ни къ ариѳметическимъ и алгебраическимъ, ни къ геометрическимъ законамъ, и т. д. Однимъ словомъ, рядъ наукъ расположенъ такимъ образомъ, что каждая наука пользуется законами всѣхъ предыдущихъ, но не даетъ имъ со своей стороны ни одного закона въ обмѣнъ. Въ каждой наукѣ оказывается нѣкоторый остатокъ, который входитъ въ составъ слѣдующей науки. ряда, но не можетъ быть объясненъ законами наукъ предыдущихъ».

Въ частности «для послѣдняго ряда—соціологій обязательны законы всѣхъ предыдущихъ членовъ ряда,—и при томъ наиболѣе важны законы ближайшаго члена, біологій, а наименѣе законы отдаленнѣйшаго члена, математики,—но она имѣетъ также свои собственные законы, не имѣющіе себѣ никакого подобія въ остальныхъ наукахъ»¹⁾.

Что всѣ эти слова чрезвычайно цѣнны и сохранили полное научное значеніе до сихъ поръ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но какое отношеніе они имѣютъ къ вопросу объ увлеченіи Михайловскаго предразсудками орга-

¹⁾ См. ст. «Аналогич. метод. въ общественной наукѣ», Іюль 1869 года, т. I, стр. 348. Ср. тамъ же на стр. 357—358 еще слѣдующее мѣсто. «Числовыя отношенія—говоритъ тутъ Михайловскій, характеризуя ту же классификацію наукъ Конта—управляются нѣкоторыми опредѣленными законами, которые мы называемъ ариѳметическими и алгебраическими. Явленія протяженія управляются законами чисель—нѣкоторыми собственными геометрическими законами, которые къ законамъ чисель не сводятся. Назовемъ эти послѣднія геометрическимъ остаткомъ А. Явленія движенія подлежатъ законамъ чисель и протяженія—механической остатокъ В. Явленія астрономической завязятъ отъ законовъ чисель, протяженія, равновѣсія и движенія—астрономической остатокъ С.» И такъ далѣе по отношенію къ явленіямъ физическимъ, химическимъ и біологическимъ и вплоть до явленій соціологическихъ, которыя, какъ всѣ остальные, завязятъ отъ законовъ явленій предыдущихъ имъ рядовъ,—«отъ законовъ чисель, протяженія, равновѣсія и движенія, тяготѣнія, органической жизни—соціологической остатокъ, состоящій изъ специальныхъ законовъ явленій общественности» (курс. мой).

нической школы? Очень близкое. Они показывают, что къ такимъ предразсудкамъ онъ не имѣлъ никакого касанія. Чтобы окончательно въ эгомъ убѣдиться, просмотримъ еще разъ выше-приведенныя соображенія о взаимной зависимости разныхъ рядовъ науки.

«Тяготѣніе, теплота, химическій процессъ, электричество, жизнь, общественность — таковъ рядъ основныхъ явленій, слѣдующихъ за движеніемъ въ порядкѣ возрастающей сложности». «Математика, наприм., имѣетъ дѣло съ величинами, и потому математическій анализъ приложимъ вездѣ, гдѣ только есть величины, а онѣ есть вездѣ», но «чѣмъ дальше мы будемъ подвигаться въ рядѣ наукъ, т. е. чѣмъ сложнѣе и специальнѣе будутъ взятыя нами явленія, тѣмъ математическая сторона ихъ будетъ незначительнѣе, и тѣмъ, слѣдовательно, меньше будетъ работы математическому анализу... Математическая сторона астрономіи еще очень обширна, очень значительна она и въ физикѣ, но уже въ химіи значеніе ея быстро убываетъ, въ біологіи и социологіи она еще меньше. И это совершенно понятно. Величины есть вездѣ и вездѣ онѣ могутъ быть измѣряемы, но, напримѣръ, въ физикѣ, кромѣ категоріи количества, есть еще категоріи теплоты и электричества, и, слѣдовательно, роль математики суживается; въ химіи прибавляется еще понятіе химическаго сродства, наносящее новый ущербъ значенію математики и т. д. Такимъ образомъ математика обязана изучать математическую сторону физическихъ явленій, но не можетъ изучать ихъ съ своей математической точки зрѣнія. Еще не-лѣпѣе (если только тутъ возможны сравненія) изучать съ математической точки зрѣнія явленія химическія, или біологическія, и наконецъ верхъ не-лѣпости изучать съ математической точки зрѣнія социологическія явленія» (тамъ же, 349—350).

Но такой же «не-лѣпостью», съ методологической точки зрѣнія, было бы сведеніе законовъ социологіи на законы біологіи, истины которой хотя и очень важны для построенія «вѣнца наукъ науки общественной», но которая имѣетъ, по сравненію съ ней, подчиненное значеніе, отношеніе низшей науки къ высшей. Вотъ почему въ частности Михайловскій и заявляетъ, что «человѣческое общество не организмъ» и «никогда не можетъ имъ стать». *Законы развитія чело-вѣческаго общества совершенно своеобразны и качественно*

отличны отъ законовъ развитія органическаго міра, какъ отличенъ предметъ соціологіи—общественность, кооперація, отъ предмета низшихъ, хотя и соприкасающихся съ нею наукъ. Конкретно это выражается въ томъ, что «прогрессъ индивидуальный и развитіе общества, по плану органическаго развитія, взаимно исключаются, какъ взаимно исключаются развитіе органовъ и развитіе недѣлимыхъ» (См. «Что такое прогрессъ» т. I, 41). И если бы они не исключались, т. е. если бы развитіе общества не повиновалось своимъ собственнымъ, свойственнымъ только ему, законамъ, то не было бы и соціологіи, а она растворялась бы въ біологіи. Какъ же можно сдѣлать отсюда выводъ о пристрастіи Михайловскаго къ теоріямъ органистовъ?

Сдѣлать отсюда, изъ признанія качественнаго отличія понятія соціологическаго закона отъ понятія закона біологическаго, выводъ, подобный вышеприведеннымъ выводамъ гг. Струве, Ранскаго и др., нельзя. Но вѣдь Михайловскій самъ же призналъ, что «дѣла на землѣ идутъ дѣйствительно такъ», какъ ихъ описываютъ органисты? Да, призналъ, и въ томъ его заслуга, а не ошибка, ибо въ этомъ нѣтъ противорѣчія ни одному изъ его основныхъ методологическихъ положеній. Надо только понять, какъ слѣдуетъ, то, что имъ сказано, а сказано имъ вовсе не то, что отъ него хотѣли бы услышать представители «научной критики».

Михайловскій нигдѣ и никогда не говорилъ, что общество, какъ конкретное воплощеніе взаимно-борющихся силъ, и антагонистическихъ, развивается по органическому типу. Развивается по органическому типу общество, какъ «идеальная единица», общество, взятое въ извѣстномъ абстрактномъ, условномъ, смыслѣ, а это совсѣмъ не одно и то же. Г. Ранскій слова эти въ цитатѣ изъ Михайловскаго подчеркнул курсивомъ, но смысла ихъ не понималъ. Смыслъ же ихъ тотъ самый, что и смыслъ приведенной цитаты о тенденціяхъ послѣдовательно проведеннаго общественнаго раздѣленія труда. Герценъ когда-то писалъ: «та идея, которая можетъ спасти народъ и устремить Европу къ новымъ судьбамъ, невыгодна господствующему классу», а «ему, если бѣ онъ былъ послѣдовательно и смѣлъ, выгодно только государство съ американскимъ невольничествомъ».

Ничего больше этого Михайловскій и не хотѣлъ сказать своей фразой о томъ, какъ общество, личность идеальная,

развивается по органическому типу, т. е. фактически идетъ къ государству съ американскимъ невольничествомъ. Такъ дѣйствительно идутъ дѣла на землѣ, таковы дѣйствительно тенденціи, въ ихъ чистомъ видѣ, господствующихъ классовъ, и отворачиваться отъ этихъ фактовъ бесполезно. Правда, хотя дѣла такъ и идутъ на землѣ, но они при этомъ «къ счастью не доходятъ» — оговаривается Михайловскій, каковую оговорку его г. Ранскій предупредительно выпускаетъ — «до желаемой интенсивности» ¹⁾ и государство съ американскимъ невольничествомъ въ перспективѣ остается утопіей, но это уже не касается тенденцій, присущихъ формамъ общественной жизни по типу сложной коопераціи. Эти формы сами по себѣ, послѣдовательно развивая присущія имъ тенденціи, являются убійствомъ для народа, такъ какъ ихъ цѣль — поработить народъ, свести его на роль «пальца отъ ноги», служебнаго органа высшаго организма. «Эти идолы требуютъ жертвъ, объѣдаются человѣческимъ тѣломъ, захлебываются человѣческой кровью, а ихъ создатели и служители называютъ ихъ богами».

Все это очень далеко отъ утвержденій «научной критики», которая г. Струве не безъ самодовольства, довольно, въ сущности, комичнаго, назвалъ «неопровержимыми и потому неопровергнутыми». И, однако, не только это просмотрѣлъ г. Струве.

Пусть общество, какъ личность идеальная, развивается по органическому типу, пусть, дѣйствительно, такъ идутъ дѣла на землѣ, но, вѣдь, они идутъ не только такъ, вѣдь, въ концѣ концовъ пойдетъ или не пойдетъ общество, какъ конкретное цѣлое, по типу органическаго развитія, будетъ, или не будетъ доведено до его послѣдовательныхъ шаговъ раздѣленія труда, все это зависитъ не отъ одного «господствующаго класса», а отъ соотношенія социальныхъ силъ вообще. Правда и то, что жертвы на алтарь послѣдовательно проведеннаго принципа раздѣленія труда были огромны. «Такъ въ древней Индіи, каждому судрѣ, осмѣлившемуся читать книги и тѣмъ нарушавшему раздѣленіе между трудомъ умственнымъ и физическимъ... вливалось въ уши кипящее масло... Въ рабовладѣльческихъ американскихъ шта-

¹⁾ См. т. III, 227. Статья о Ренавѣ. Слѣд. цитата отсюда же, стр. 230.

тахъ негры, подѣ страхомъ наказанія, не смѣли учиться читать и писать, и проч.».

Пусть такъ было, но теперь негры ужъ не находятся въ положеніи пальца отъ ноги рабовладѣльца. Рабство сброшено, разбилась цѣпь великая. Не всегда и не вездѣ можно также «казнить смертью» современнаго пролетарія, судру европейскихъ обществъ, за нарушеніе раздѣленія между трудомъ умственнымъ и физическимъ. И все это должно быть учтено при характеристикѣ органическаго типа развитія. Учтено потому, что міръ не представляетъ сплошнаго господства, безвозбранно и безошлинно, принципа общественнаго раздѣленія труда, а представляетъ, напротивъ, арену борьбы его съ раздѣленіемъ труда физиологическимъ, потребностью каждаго человѣка ко всестороннему развитію. И какъ ни велики были въ исторіи жертвы на алтарь раздѣленія труда, имѣвшія своей цѣлью поработить человѣка высшей индивидуальности, общественной организаціи господствующихъ классовъ,— «но въ общемъ счетѣ, въ цѣломъ, законъ развитія одерживаетъ все-таки верхъ, чѣмъ и объясняется сложность и богатство не только органической жизни вообще, а и отдѣльныхъ ея индивидуальныхъ представителей» (Борьба за инд. I., 459).

Вотъ каковъ на дѣлѣ отвѣтъ Михайловскаго о направленіи и ходѣ органическаго развитія. Побѣждаетъ принципъ физиологическаго раздѣленія труда—«законъ развитія», личность дѣлается все болѣе и болѣе разнородной на почвѣ однороднаго общественнаго строя. Конечно, тутъ мы имѣемъ отвѣтъ Михайловскаго, выраженный только въ общей формѣ и при томъ примѣнительно, главнымъ образомъ, къ міру органическому. Какой именно видъ раздѣленія труда—физиологическій или общественный—побѣждаетъ въ каждый данный моментъ общественной и исторической жизни и побѣдитъ въ концѣ концовъ,—это зависитъ отъ группировки стоящихъ за ними соціальныхъ силъ. Поэтому и можно сказать, что формула прогресса Михайловскаго связана съ принципомъ борьбы соціальной, и послѣдней станціей спора Михайловскаго съ органистами является его представленіе объ общемъ ходѣ борьбы соціальныхъ силъ во всемірной исторіи...

Въ чемъ состояло это представленіе Михайловскаго о ходѣ борьбы соціальныхъ силъ во всемірной исторіи? Чтобы восстановить полностью его взгляды въ этомъ случаѣ, нужно было бы

предварительно сдѣлать подробный анализъ цѣлаго ряда частныхъ пунктовъ его соціологическаго міровоззрѣнія. Поэтому, не характеризуя въ такомъ обширномъ масштабѣ историко-философскихъ взглядовъ Михайловскаго, мы для окончательной провѣрки данной имъ критики органической теоріи общества, поступимъ нѣсколько иначе. Мы рассмотримъ его отношеніе къ одному изъ крупнѣйшихъ событій современной исторіи, къ великой французской революціи 1789 года. Высказать взглядъ на нее далъ ему поводъ въ статьѣ «Что такое прогрессъ», Спенсеръ, или, вѣрнѣе, противорѣчивыя сужденія Спенсера по этому поводу. Примѣръ этотъ покажетъ намъ, кромѣ того, «каково, говоря словами г. Плеханова, научное значеніе» формулы прогресса Михайловскаго и что именно она даетъ для пониманія историческаго прогресса.

Критикуя Спенсера въ своей статьѣ о прогрессѣ, Михайловскій беретъ въ качествѣ поясненія противорѣчій Спенсера отношеніе его къ событію 4 августа 1789 года. Михайловскій имѣетъ въ виду, при этомъ, не самый энтузіазмъ въ отреченіи дворянства отъ феодальныхъ правъ—энтузіазмъ этотъ былъ по его словамъ (см. стр. 56, т. III) «красивой завитушкой росчерка въ полученіи указа объ отставкѣ»,—а символическое выраженіе первой брешы принципу классового господства въ современныхъ общественныхъ отношеніяхъ. «Ночь 4 августа—говоритъ Михайловскій...—съ точки зрѣнія ученія Спенсера о прогрессѣ вообще, есть явленіе регрессивное». Почему? «Потому что—отвѣчаетъ Михайловскій—общество перешло отъ разнородности къ однородности¹⁾».

Удивительно, что никто изъ критиковъ Михайловскаго не анализировалъ ни разу этихъ словъ его, между тѣмъ вѣдь

¹⁾ Курсивъ мой. См. эти слова, т. I, стр. 58. Ср. вообще все, что говорится на стр. 56—59, а также на стр. 142—147. Всѣ эти мѣста представляютъ или дословное или въ пересказѣ воспроизведеніе указанной выше въ началѣ этого очерка рецензіи Михайловскаго изъ № 9—10 «Княжнаго Вѣстника». Такимъ же дословнымъ воспроизведеніемъ, но другой рецензіи, въ книгу Дрэпера «Гражданское развитіе Америки» («Кн. Вѣстн.» 1866 г., стр. 314—316) является стр. 52—54 статьи «Что такое прогрессъ». Есть и еще въ статьѣ о прогрессѣ слѣды рецензій Михайловскаго изъ «Кн. Вѣстн.» Повидимому, вообще годы 1865—1866 были критическимъ временемъ въ развитіи Михайловскаго, дата его полной умственной зрѣлости.

въ нихъ, въ этихъ двухъ, трехъ строкахъ, влючь ко всей его теории прогресса. «Общество перешло отъ разнородности къ однородности». Раньше, въ эпоху среднихъ вѣковъ, европейское общество, несмотря на слабо развитый техническій трудъ, обладало высоко развитымъ общественнымъ раздѣленіемъ труда. Оно было классическимъ обществомъ по типу сложной коопераціи, основаннымъ на принципѣ не сходства, а различій, обособленія общественныхъ функцій. «Наука была оторвана отъ жизни, опытъ отъ мысли; воинъ былъ только воинъ и выглядывалъ изъ-за зубчатыхъ стѣнъ своего замка только для грабежа, разбоя и воинской потѣхи, турнировъ; каждая профессія отдѣлялась непроходимымъ ровомъ отъ всего остального міра, превращая своихъ представителей изъ людей въ специальные инструменты; даже нищія приростали, какъ грибы, къ церковнымъ папертямъ и не смѣли переходить отъ одной къ другой; даже у проституттокъ былъ свой *gehaldogum*, лишь бы онѣ плотнѣе замкнулись въ свое ремесло» («Борьба за индив.» I., стр. 554).

Но вотъ надъ Европой пронеслась гроза 4 августа 1789 года. Что она сдѣлала, была ли она прогрессомъ? Безусловно, ибо она разбила прежнее обособленіе общественныхъ функцій, изъ классически разнороднаго сдѣлала общество приближающимся къ однородности. Она не уничтожила, правда, самаго принципа эксплуатаціи, коопераціи раздѣльнаго сотрудничества, на которомъ построено современное общество, это будетъ уничтожено лишь тогда, когда полностью въ межчеловѣческихъ отношеніяхъ восторжествуетъ принципъ простого сотрудничества. Но, не уничтоживъ источника эксплуатаціи, она нанесла ему колоссальный моральный и политическій ударъ. Раньше правители были только правители, рабочіе только рабочіе, воинъ былъ только воинъ и выглядывалъ изъ-за зубчатыхъ стѣнъ своего замка лишь для грабежа, разбоя и воинской потѣхи,—въ цѣломъ были управляемые и управляющіе, какъ бы ровомъ отдѣленные одинъ отъ другого. Теперь этого уже нѣтъ, ибо раздѣленіе труда между людьми уменьшилось, раздѣленіе труда между органами отдѣльнаго человѣка возросло. Теперь рабочіе не только рабочіе, но и граждане, обособленію старыхъ общественныхъ функцій нанесетъ огромный ударъ. «Намъ, охваченнымъ совершенно другими формами раздѣленія труда, имѣющимъ въ своемъ распоряженіи улучшенные пути сообщенія, почту, телеграфъ,

газеты, — намъ трудно даже представить себѣ чрезвычайное однообразіе впечатлѣній средневѣкового человѣка, со всѣхъ сторонъ окруженнаго заставами и стѣнами» («Герои и толпа» т. II., 182).

Нынѣ эти заставы уже падаютъ. Изъ-за фабричнаго станка, тѣмъ или инымъ способомъ, работникъ можетъ вмѣшиваться посредственно и непосредственно въ самую гуцу современной общественной жизни и жизни политической, всесторонне воспитывая свой умъ и свою волю. Уменьшеніе раздѣленія труда, какъ основы общепітія между людьми, повело къ расширенію круга лицъ, пріобщившихся современной цивилизаціи; прогрессъ сталъ болѣе экстенсивнымъ. Повышеніе раздѣленія труда между органами сказалось въ ростѣ потребностей каждаго отдѣльнаго человѣка, на формулѣ его личной жизни; прогрессъ сдѣлался болѣе интенсивнымъ. Въ цѣломъ же отъ этого самымъ существеннымъ образомъ выиграли низшіе слои населенія, рабочіе классы, социальная демократія въ широкомъ смыслѣ этого слова, благодаря чему можетъ измѣниться весь «лпкъ міра сего». И нынѣ «народъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. не въ этнографическомъ, а въ социологическомъ, долженъ представить тотъ новый элементъ, который дастъ иное теченіе исторіи, создастъ новый культурно-историческій типъ. И проживетъ тогда старая Европа вѣка и вѣка, потому что она помолодѣетъ». («Зап. проф.» III, 884).

Итакъ, вотъ въ дѣйствительности каковъ для Михайловскаго итогъ европейской исторіи и вотъ каковы возможныя для него перспективы. Конечно, ничего общаго съ чаяніями органистовъ ни этотъ итогъ, ни эти перспективы не имѣютъ. Принципъ физиологическаго раздѣленія труда, потребность личности ко всестороннему развитію, была въ исторіи реальной силой, превратившей субъективную дѣятельность человѣка въ объективно-закономѣрный фактъ. Человѣкъ не сдѣлался рабомъ высшаго общественнаго организма, а самый этотъ общественный организмъ, вопреки тенденціямъ господствующихъ классовъ, сумѣлъ приспособить къ потребностямъ своего всесторонняго развитія. Человѣкъ идейно и морально переросъ въ своемъ самосознаніи вождельнія органической теоріи общества, которая поэтому нынѣ не только ошибочна, не только фактически дискредитирована всѣмъ ходомъ социальной эволюціи, но и представляетъ «позорное пятно на умственной жизни 19-го вѣка»,

какъ живое воплощеніе, какъ символъ человѣкоубійственныхъ общественныхъ отношеній. Она должна пасть, какъ палъ и падаетъ весь старый міръ, съ его попыткой замкнуть свободную душу человѣка въ колодки узкой спеціализаціи, приковать личность къ одной только профессіи, предоставивъ избраннымъ, кучкѣ людей, жизнь во всю па счетъ непосильнаго труда огромныхъ массъ человѣчества. И Михайловскій удивляется, какъ могъ Спенсеръ обойти эту сторону органической теоріи, — «она пахнетъ трудовымъ потомъ, кровью, горемъ и страдаіемъ, и потому социологическое чутье легко можетъ открыть ее» («Что такое прогр.» I., 40).

Но за то, чѣмъ больше страданій несло за собой развитіе общества по органическому типу, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ оптимистичнѣе была вѣра самого Михайловскаго въ то, что новый міръ «уже при дверяхъ». «Гервинусъ замѣчаетъ—говоритъ Михайловскій въ статьѣ «Аналог. методъ» — что въ концѣ 14, 15, 16, 17, 18 вѣковъ происходили великіе политическіе перевороты, изъ чего можно заключить, что и въ концѣ 19 вѣка должно произойти нѣчто подобное». Михайловскій оспариваетъ логическую законность подобнаго разсужденія, но относительно мысли Гервинуса, по существу, находитъ, что «прямое наблюденіе тенерешняго хода европейскихъ дѣлъ можетъ дать обильныя подтвержденія такому предположенію» (I., 374, 375). Или, какъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, *novum regum mihi nascitur ordo*.

Послѣднія цитаты, какъ видитъ читатель, вводятъ насъ въ совершенно новую полосу умонастроенія Михайловскаго за періодъ 1870-хъ гг. Мыслитель-революціонеръ, онъ не могъ не внести въ свои теоретическія построенія все тревоги и чаянія своего поколѣнія — «ума холодныхъ наблюдений и сердца горестныхъ замѣтъ» — и въ его социологическихъ работахъ спокойный теоретическій анализъ постоянно смѣняется проблесками бурной вѣры и живой энергіи публициста-оптимиста. Мы говоримъ — оптимиста несмотря на вышеприведенныя слова г. Иванова-Разумника о *пессимистическомъ* настроеніи въ 70-е годы Михайловскаго. Г. Ивановъ-Разумникъ находитъ, что на формулѣ прогресса Михайловскаго «сказалась точка зрѣнія пессимистическаго народника, идеалы котораго расходились съ дѣйствительностью, желанная возможность — съ возможностью вѣроятной». Мы видимъ теперь, что это во всѣхъ отношеніяхъ

не вѣрно. Идеалы Михайловскаго могли, конечно, расходиться съ дѣйствительностью и желанная возможность, порой и даже часто, не была для него возможностью вѣроятной, но только не въ томъ смыслѣ, какой ему обыкновенно приписывается. Идеалы Михайловскаго состояли въ уменьшеніи общественнаго раздѣленія труда, въ смѣнѣ соціальнаго расслоенія соціальной солидарностью. Желанная возможность опредѣлялась для него глубокой вѣрой въ то, что его поколѣнію суждено сдѣлать прямые шаги по направленію къ новому царству истины и справедливости. Но развѣ идеалы и желанная возможность расходились въ этомъ смыслѣ съ дѣйствительностью, какъ она складывалась въ прошломъ и какъ ее воспринималъ въ настоящемъ самъ Михайловскій?..

Можно даже сказать больше. Чѣмъ дольше и пристальнѣе вглядывался онъ въ прошедшую смѣну формъ коопераціи и нарастанія новыхъ формъ общественной жизни, тѣмъ глубже становилась его вѣра въ свои идеалы и возможность скорого приближенія къ нимъ. Такъ онъ говоритъ въ «Борьбѣ за индивидуальность»: «Что касается въ частности занимающаго насъ здѣсь предмета, т. е. формъ общественной жизни, то новѣйшія работы въ области антропологии, этнографіи и доисторической археологіи, извѣстныя всѣмъ и каждому хоть по наслышкѣ, казались бы, должны совершенно поколебать господствующую тупую увѣренность, что исторически данныя формы общества составляютъ предѣлъ, его же не преидеши. Вѣдь и людоѣды думаютъ, что учрежденіе не фигуральнаго, а прямого пожиранія людьми людей никогда не исчезнетъ... Люди, почему-то называемые практическими, и теперь разсуждаютъ подобно людоѣду». Тогда какъ постоянная смѣна общественныхъ формъ, на-ряду съ «вѣчной смѣной понятій объ истинномъ и справедливомъ» представляетъ «нѣчто въ высокой степени утѣшительное, она оставляетъ надежду, что самыя пылкія ваши мечты, которыя вы, можетъ быть, даже боитесь разсказать своимъ современникамъ, хотя бы въ нихъ не было ничего фантастическаго, съ теченіемъ времени и осуществятся, и даже превзойдутся.

Волна на волну набѣгаетъ,

Волна погоняетъ волну...

Страшная, умъ помрачающая громада этихъ волнъ катится и будетъ катиться въ теченіе вѣковъ по руслу исторіи человѣчества. Будемъ же готовы встрѣтить и въ прошедшемъ и въ будущемъ такія формы общественной связи, которыя по-

требуютъ отъ насъ сильнѣйшаго напряженія мысли и воображенія» (I, 465, 468).

IV.

Современная русская литература сравнительно мало занималась анализомъ того настроенія русскаго общества въ 1860—1870 гг., которое подсказало Михайловскому вышеприведенныя слова о Гервинусѣ. Можетъ быть, отчасти поэтому она, въ видѣ общаго правила, просмотрѣла основныя особенности въ приѣмахъ теоретическаго мышленія Михайловскаго, его склонность къ принципіальному противопоставленію разнородныхъ началъ общественной жизни, склонность брать ихъ—что особенно рѣзко сказалось на его критикѣ органической теоріи общества—въ логически доведенномъ до ихъ конца видѣ. На теоретическомъ мышленіи каждаго крупнаго писателя очень часто сказывается, такъ или иначе, общественное настроеніе его эпохи. Конечно, приемы теоретической мысли не просто диктуются тѣмъ настроеніемъ, въ которомъ живетъ мыслитель, они имѣютъ свои собственные законы развитія и на долю этихъ законовъ всегда должно быть отнесено очень многое въ умственной жизни человѣчества. Но бываетъ нерѣдко въ теоретическихъ навыкахъ писателей, особенно писателей на общественныя и политическія темы, нѣчто такое, на происхожденіи чего ясно чувствуется печать его эпохи и свойственнаго ей общественнаго настроенія. Такъ, очерки политической экономіи Н. Г. Чернышевскаго насквозь проникнуты убѣжденіемъ въ сравнительной близости и роковой для современнаго строя неизбѣжности, практической работы по непосредственному введенію лучшихъ формъ общественной жизни. Чувствуя себя—благодаря тому самому настроенію, которое у Михайловскаго отразилось въ цитатѣ о Гервинусѣ—въ преддверіи социализма, Чернышевскій говорилъ объ этомъ совершенно спокойнымъ, увѣреннымъ тономъ, онъ *зналъ*, что такъ должно было быть, и могъ съ полной вѣрой въ свою правоту повторить слова Герцена: «за нами, какъ за прибрежной волпой, чувствуется напоръ цѣлаго океана всемірной исторіи»...

То же самое мы встрѣчаемъ у Михайловскаго. Настроеніе, сказавшееся у него въ случайной, казалось бы, фразѣ о Гервин-

нужь, было на самомъ дѣлѣ исключительно широко распространено по всѣмъ его сочиненіямъ. Тутъ нѣтъ ничего страннаго и нѣтъ ничего исключительнаго. Совершенно въ такой же по существу обстановкѣ создавался весь научный социализмъ XIX вѣка и, въ частности, міросозерцаніе его главнаго творца — Карла Маркса, и было бы не такъ трудно указать, въ зависимости отъ этой общей причины, сходныя черты въ пріемахъ социологическаго мышленія у того же Маркса и у Михайловскаго. Не случайно Михайловскій такъ обильно цитируетъ въ своихъ работахъ по теоріи раздѣленія труда томъ 1-ый «Капитала», являясь въ этомъ случаѣ однимъ изъ наиболѣе раннихъ по времени пропагандистовъ имени Маркса въ Россіи и однимъ изъ первыхъ его переводчиковъ ¹⁾. Не случайно, ибо въ приведенныхъ у него цитатахъ имъ чувствовался, и не безъ основанія, близкій ему строй мысли и привычныя для него пріемы мышленія.

Съ другой стороны въ этомъ же отношеніи онъ сходилъ съ Н. Г. Чернышевскимъ и приблизительно въ силу тѣхъ же причинъ. Правда, у Михайловскаго уже нельзя встрѣтить арметическихъ выкладокъ въ духѣ Чернышевскаго, которыми Чернышевскій доказывалъ пользу социалистическаго строя, но зато у него, какъ мы видѣли во всемъ предыдущемъ, встрѣчается нѣчто иное, но въ томъ же родѣ.

Есть такой анекдотъ про одного греческаго мудреца, не вѣровавшаго въ боговъ, которому однажды сказали, желая побѣдить его невѣріе: «Вотъ смотри тутъ изображенія всѣхъ лицъ, давшихъ обѣты принести жертвы богамъ, если они спасутся во время кораблекрушенія, и они спаслись». А гдѣ изображеніе тѣхъ — отвѣчалъ на это мудрецъ — которые, давши такіе обѣты, все-таки погбли? Социологическая позиція Михайловскаго, постольку она намъ выяснилась въ его критикѣ органической теоріи общества, въ высокой степени напоминаетъ позицію этого мудреца. Вотъ смотри, — говорятъ ему сторонники обществен-

¹⁾ Переводъ т. I «Капитала» появился въ Россіи въ 1872 г. Онъ былъ сдѣланъ Г. А. Лопатынымъ и Николаемъ — ономъ; но тѣ мѣста, именнo гл. 12, которыя были переведены Г. А. Лопатынымъ, появились еще въ январѣ 1870 г. въ отдѣльныхъ цитатахъ въ переводѣ Михайловскаго въ его статьѣ о Дарвинѣ. См. т. I, стр. 170 и слѣд. Кажется, можно сказать, что Михайловскій былъ первымъ русскимъ писателемъ, со словъ котораго русскій читатель узналъ о «Капиталѣ» Маркса, если не о немъ самомъ.

наго строя, основаннаго на раздѣленіи труда, — какая масса талантовъ и дарованій развилась благодаря всесторонней дифференціаціи общественныхъ отношеній. — А гдѣ изображенія тѣхъ людей, неизмѣнно отвѣчаютъ на это Михайловскій, таланты и дарованія которыхъ погибли изъ-за современныхъ порядковъ. Это не то, что мы встрѣчаемъ у Чернышевскаго, но близко и родственно тому, что у него есть. Были какія-то общія причины, которыя толкали обоихъ этихъ гигантовъ нашей общественной мысли къ одинаковымъ, приблизительно, приемамъ аргументаціи. Чернышевскій въ своихъ теоретическихъ трудахъ охотно склонялся къ абстрактнымъ противопоставленіямъ стараго и новаго строя, а Михайловскій ввелъ въ свою социологію борьбу двухъ принциповъ, и одинъ изъ нихъ сдѣлался носителемъ всего зла современнаго міра, другой — всѣхъ надеждъ грядущаго строя...

Можетъ быть, все это недостаточно ясно обрисовываетъ ту мысль, какую мы имѣемъ въ виду, тѣмъ не менѣе мы ограничимся сказаннымъ, хотя бы ужъ потому, что въ своей критикѣ органической теоріи общества Михайловскій не только съ разсмотрѣнныхъ нами выше сторонъ тяготѣлъ къ чисто логическому характеру своей аргументаціи, къ подчеркиванію, подсказанному ему, среди другихъ причинъ, обстановкой своего времени, двухъ противоположныхъ началъ, общественнаго и физиологическаго раздѣленія труда. Есть и еще въ его социологической теоріи отдѣлы соответствующаго характера, хотя и косвенно, но тоже относящіеся къ циклу его аргументовъ противъ органистовъ, и способные нѣсколько освѣтить намъ отмѣченные только что психологическіе источники его теоретическихъ взглядовъ. Это именно та часть социологическаго ученія Михайловскаго, которая у него получила тоже характеръ антитезы подъ видомъ противопоставленія *типовъ и степеней* развитія. Примѣнительно къ органической теоріи общества, требующей рѣзкой обособленности всѣхъ общественныхъ функций и специализаціи профессій, и съ другой стороны, примѣнительно къ обществу недифференцированному, терминологія типовъ и степеней развитія получала бы такой видъ.

Общество на основѣ строго проведенной специализаціи профессій соответствовало бы высокой степени развитія, но отличалось бы низкимъ типомъ. Напротивъ, общество съ недифференцированнымъ трудомъ, допустимъ, напр., въ видѣ грубой

иллюстраціи, общество стоящихъ на ступени натурального хозяйства земледѣльцевъ было бы низкой степенью развитія при его высокомъ типѣ. Степень развитія соотвѣтствуетъ, слѣдовательно, количественному выраженію какого-нибудь начала, типъ качественной комбинаціи данныхъ элементовъ. Вполнѣ понятна поэтому роль противопоставленія типовъ и степеней развитія при критикѣ органической теоріи общества, но понятно вмѣстѣ съ тѣмъ, что этой ролью такое противопоставленіе не можетъ ограничиться. Какъ сама критика органической теоріи общества переходитъ у Михайловскаго въ нѣчто положительное, въ его формулу прогресса, такъ теорія типовъ и степеней развитія получаетъ у него самостоятельное значеніе при томъ же анализѣ имъ общаго хода соціальной эволюціи. Съ этой точки зрѣнія мы и сдѣлаемъ о ней нѣсколько замѣчаній.

Прежде всего, впрочемъ, остановимся на конкретныхъ иллюстраціяхъ, данныхъ Михайловскимъ его противопоставленію типовъ и степеней развитія. И тутъ мы должны сказать на первыхъ же порахъ, что, какъ это ни странно, высшимъ типомъ развитія, по сравненію съ настоящимъ строемъ, Михайловскій считаетъ жизнь первобытную, про которую еще въ статьѣ о прогрессѣ онъ говорилъ такъ: «первобытное общество представляетъ въ цѣломъ массу почти совершенно однородную. Всѣ члены его занимаются одними и тѣми же дѣлами, обладаютъ одними и тѣми же свѣдѣніями, имѣютъ одни и тѣ же нравы и обычаи. Но каждый изъ нихъ отдѣльно взятый, вполнѣ разнообразенъ: онъ и рыбакъ, онъ и охотникъ, и пастухъ, онъ и лодки умѣетъ дѣлать и оружіе, и жилище себѣ самъ строить и т. д. *Словомъ, каждый членъ первобытнаго однороднаго общества совмѣщаетъ въ себѣ всѣ силы и способности, какія только могутъ родиться при тогдашнемъ уровнѣ культуры и мѣстныхъ физическихъ условій*» («Что так. прогр.» I., 32, курс. мой).

Эта сторона первобытной жизни, способность быть разнообразнымъ, а стало быть, самому удовлетворять свои потребности, не быть слугою другихъ, но и самому не имѣть слугъ, казалась Михайловскому до такой степени цѣнной, что даже критеріемъ прогресса онъ ставилъ возможное приближеніе къ типу первобытной жизни, къ гармоническому развитію тогдашняго человѣка и цивилизаціи, поскольку она отклонялась отъ этого принципа, вызывала въ немъ самое рѣзкое осужденіе. «Гармо-

ническимъ развитіемъ,—читаемъ мы, напр., въ «Зап. проф.»,— наука и физическая, и нравственная, можетъ назвать только полное, разностороннее и равномерное развитіе всѣхъ силъ и способностей. Если же я не самъ удовлетворяю своимъ потребностямъ»,—какъ это въ общемъ наблюдается теперь,— «а пользуюсь чужими услугами, то значить, нѣкоторыя мои силы остаются безъ работы, и гармонія моей жизни нарушена, я—человѣкъ исковерканный, хотя бы нѣкоторыя другія мои силы получили колоссальное развитіе. Поэтому графъ Толстой совершенно правъ, утверждая, что идеаль нашъ позади насъ. Пусть трудно осуществить его въ настоящемъ и будущемъ, потому что работа жизни становится все многосложнѣе и, слѣдовательно, все труднѣе сохранить или возстановить гармонію силъ. Но идеаль все-таки поставленъ, возможно приближеніе къ нему, которое и есть истинный путь прогресса. У насъ же, напротивъ, прогрессомъ называется вся совокупность отклоненій отъ этого пути» (т. III, 502).

Какъ видитъ читатель, Михайловскій не боится самыхъ невыгодныхъ, казалось бы, для него формулировокъ своихъ положеній, чѣмъ онъ и соблазнилъ немало своихъ критиковъ къ самымъ рискованнымъ заключеніемъ. Мы, впрочемъ, не будемъ возвращаться къ этимъ выводамъ критиковъ Михайловскаго, такъ какъ ихъ общій характеръ и степень ихъ состоятельности для насъ уже выяснилась изъ всего предыдущаго. Не будемъ возвращаться къ нимъ и потому, что въ дѣйствительности теорія типовъ и степеней развитія, выставленная первоначально Михайловскимъ въ серединѣ 70-хъ гг., точнѣе: въ 1875 году, является не оправданіемъ, а окончательнымъ опроверженіемъ, какъ обвиненій Михайловскаго марксистами въ желаніи, говоря словами г. Луначарскаго, «безконечно урѣзать богатство коллектива», такъ равно и въ игнорированіи имъ, или даже «болезни» *глубины* личнаго развитія, «*rauo profundum*», какъ выражается г. Ивановъ-Разумникъ. Разсматриваемая съ этой стороны теорія типовъ и степеней развитія занимаетъ у Михайловскаго мѣсто связующаго звена между его формулой прогресса и между его теоріей простой и сложной коопераціи, играя вмѣстѣ съ тѣмъ роль какъ бы послѣдняго аргумента въ его критикѣ органической теоріи общества.

Остановимся прежде всего на принципиальномъ отношеніи Михайловскаго къ «глубинѣ» личнаго развитія человѣка,

какъ оно выясняется изъ его теоріи типовъ и степеней. Михайловскій никогда и нигдѣ не заявлялъ, что низкій типъ развитія овъ безусловно и при всякихъ условіяхъ предпочитаетъ, какъ таковой, высокой степени. Разъ типъ низокъ, то этимъ самымъ ужъ требуется поднять его на высокую степень развитія. Пояснить это можно примѣромъ того вліянія принципа раздѣленія труда на взаимныя отношенія между мужчиной и женщиной, который беретъ Михайловскій въ своей статьѣ о Дарвинѣ. «Допустимъ—говорится тутъ,—что сумма силъ и способностей того и другой (т. е. мужчины и женщины), выражается формулой $a+b+c$. Подѣливъ между собою трудъ, они измѣнили эту формулу такимъ образомъ, что для мужчины стала равна $a+c$, а для женщины $b+c$. Обѣ формулы проще первоначальной, но съ теченіемъ времени каждая изъ нихъ усложняется въ своей односторонности; получаются формулы $(a+b)^n$ и $(b+c)^n$. Эта атрофія однихъ отправленій при усиленіи другихъ, становится, наконецъ, очевидно вредною. Является надобность вернуться къ первобытнымъ пропорціямъ силъ и способностей, но при этомъ и невозможно, и нежелательно, чтобы пропали тѣ дѣйствительно цѣнныя приобрѣтенія, которыя сдѣланы и мужчиной, и женщиной, несмотря на односторонность и, можетъ быть, даже благодаръ односторонности. Требуется уравнять мужчину и женщину не на старой формулѣ $a+b+c$, а на нѣкоторой новой и высшей $(a+b+c)^m$ » (т. I, 258).

Или иначе: требуется старый типъ развитія поднять на высокую степень, къ «широтѣ» развитія прибавить «глубину». Больше этого отъ Михайловскаго не могъ бы потребовать самъ г. Ивановъ-Разумникъ. Между тѣмъ это рѣшеніе у Михайловскаго не случайно, а коренится во всемъ генезисѣ даннаго имъ противопоставленія типовъ и степеней, въ исторіи развитія этого принципа.

Мы говорили выше, что первоначально теорія эта была намѣчена Михайловскимъ въ одной изъ главъ «Зап. профана», въ 1875 году, и выставлена она была имъ «въ поясненіе двойственнаго характера прогресса». Теперь мы можемъ добавить, что въ 1875 году Михайловскимъ было первоначально намѣчено лишь литературное выраженіе теоріи типовъ и степеней развитія, зародышъ же ея, первые

слабые ростки самой мысли, едва-ли не относятся еще къ тому времени, за періодъ 1865—1866 гг., когда Михайловскій совместно съ Н. Д. Ножинымъ выработывалъ основы своего будущаго ученія объ обществѣ. По крайней мѣрѣ въ статьяхъ Ножина, — какъ равно еще раньше въ произведеніяхъ А. И. Герцена, — мы уже имѣемъ то самое, что было въ этомъ отношеніи выражено впоследствии въ «Зап. профана» Михайловскимъ. Такъ во второй же главѣ своей статьи «Наша наука и ученые», изслѣдуя общественную роль принципа раздѣленія труда, Ножинъ поясняетъ свои взгляды примѣромъ историческаго образованія кастоваго строя, въ частности профессіи жрецовъ, при чемъ процессъ этотъ имѣлъ слѣдующее вліяніе на формированіе жреческаго міросозерцанія. Именно, «жрецы, переставая заниматься земледѣліемъ и грубыми промыслами, переставали въ то же время понимать всѣ тяготы и неприятности, связанныя съ матеріальнымъ трудомъ, и тѣмъ самымъ утратили способность справедливой оцѣнки». «Поэтому мы должны замѣтить, — говоритъ Ножинъ, — что міросозерцаніе жрецовъ (напр., браминовъ) велѣдствіе спеціализации уже міросозерцанія миопческаго (напр., Ведъ), но будучи въ то же время ступенью дальнѣйшаго развитія человѣческой мысли, оно представляетъ въ своей спеціализации большую разработку и какъ бы большую глубину» ¹⁾.

Большая разработка, а, слѣдовательно, и большая глубина, это, такимъ образомъ, цѣнное приобрѣтеніе, одна изъ законныхъ ступеней послѣдовательнаго «развитія человѣческой мысли». Міросозерцаніе Ведъ, есть высшій типъ развитія по сравненію съ міросозерцаніемъ жрецовъ, но пока этотъ типъ развитія не восприметъ соотвѣтственной глубины, онъ будетъ мертвымъ кладомъ всемірной исторіи. Въ общественныхъ взглядахъ, въ частности въ публицистикѣ, Михайловскаго это разграниченіе типовъ и степеней развитія сыграло чрезвычайно крупную роль и благотворную. Главнымъ образомъ, благодаря ему Михайловскій избѣжалъ въ свое время разныхъ крайностей, напр., въ оцѣнкѣ народныхъ массъ, въ анализѣ народной или точнѣ крестьянской психологіи, по отношенію къ которой Михайловскій представляетъ

¹⁾ «Книжн. Вѣстн.» № 2, 30 янв. 1866 г., стр. 52.

въ нашей литературѣ типъ строго выдержаннаго реалиста. Но не только въ публицистикѣ, а и въ чисто соціологическомъ ученіи Михайловскаго его противопоставленіе типовъ и степеней развитія сыграло огромную и благотворную роль, такъ какъ оно, какъ это мы только что видѣли, помогло ему оцѣнить то дѣйствительно хорошее, что, несмотря на всѣ свои недостатки, принесло съ собой раздѣленіе труда. Мало того, подчеркивая важность и преимущества того или другого типа развитія, Михайловскій облегчилъ себѣ тѣмъ самымъ опредѣленіе общественныхъ условій, при которыхъ «глубина» и «широта», степень и типъ развитія не противорѣчили бы другъ другу, а взаимно другъ друга пополняли. И доказательство этому мы найдемъ какъ разъ въ цитатахъ о первобытной жизни.

«Идеаль нашъ позади насъ»,— утверждаетъ тамъ Михайловскій. По его словамъ «можно бы было привести цѣлый рядъ замѣчательныхъ мыслителей и болѣе или менѣе видныхъ практическихъ дѣятелей, которые, борясь съ настоящимъ во имя будущаго, ищутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ убѣжища въ прошедшемъ, въ его патриархальности, цѣльности, суровой простотѣ, въ нѣкоторыхъ формахъ общественности и т. п. Это фактъ до такой степени часто повторяющійся, что на него нельзя смотрѣть какъ на случайное увлеченіе того или другого единичнаго мыслителя, того пли другого дѣятеля; тѣмъ болѣе, что народъ рядовой, мелкотравчатый, этимъ вовсе не грѣшенъ, а грѣшны бываютъ люди, высоко поднимающіеся надъ толпой» (Т. III., 43).

Изъ числа такихъ людей подобнымъ образомъ поступаетъ, напр., Огюсть Контъ въ своемъ дѣленіи исторіи чело-вѣчества на три фазиса, миѳологическій, метафизическій и позитивный, при чемъ «Контъ геологическій фазисъ несравненно симпатичнѣе, чѣмъ метафизическій, а послѣдняя ступень развитія есть», по его взглядамъ, «дѣйствительно, какъ бы возвращеніе къ первой ступени въ извѣстномъ смыслѣ». Контъ, слѣдовательно, «борясь съ настоящимъ во имя будущаго, ищетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, убѣжища въ прошедшемъ», въ первой стадіи общественнаго развитія чело-вѣчества. Кромѣ Конта такъ же строятъ свою философію исторіи Луи-Бланъ. И для него «исторія представляетъ послѣдовательную смѣну трехъ принциповъ: авторитета, инди-

видуализма и братства», и, опять-таки, подобно Контю, «Луи-Бланъ съ гораздо большей ненавистью относится къ періоду индивидуализма, чѣмъ къ ступени авторитета». Къ Контю и Луи-Блану можно еще прибавить Руссо и Маркса, перваго съ его критикой современной цивилизаціи и возстановленіемъ золотого вѣка первобытной жизни ради «его патріархальности, цѣльности, суровой простоты», втораго съ заключительной страницей перваго тома «Капитала», гдѣ Марксъ формулируетъ по трехчленной системѣ діалектическихъ противорѣчій Гегеля окончательную побѣду надъ капитализмомъ, какъ возвращеніе къ первой ступени, путемъ «возстановленія индивидуальной собственности», но не въ прежнемъ видѣ, а «на основаніи пріобрѣтеній капиталистической эры, т. е. на основаніи коопераціи свободныхъ работниковъ».

Смѣшно было бы говорить, конечно, что и Контъ, и Луи-Бланъ, и Марксъ, идеализировали первобытную дикость, нищету и невѣжество, игнорируя послѣдующія пріобрѣтенія цивилизаціи. Не только Контю, Марксу или Луи-Блану это было бы смѣшно приписывать даже Руссо, хотя «весь сонмъ яростнѣйшихъ ретроградовъ всѣхъ временъ и народовъ не сказалъ больше его противъ цивилизаціи». Руссо былъ слишкомъ уменъ, чтобы вульгаризировать такимъ образомъ свои требованія. «Когда Руссо сѣтовалъ, что у насъ есть физики и геометры, а нѣтъ гражданъ, онъ желалъ не исчезновенія физиковъ и геометровъ, а обращенія ихъ въ гражданъ». «Иначе говоря, Руссо отвергаетъ не *степень* развитія цивилизаціи, а лишь *типъ* ея, ни мало не сомнѣваясь, что невѣжество, суевѣріе, нищета, грубость, какъ спутники низкой ступени развитія, подлежатъ изгнанію. Задача будущаго состоитъ, слѣдовательно, по Руссо не въ томъ, чтобы всѣ люди или какая-нибудь часть ихъ бѣгали на четверенькахъ»—какъ это пронизировалъ Вольтеръ—«а въ сочетаніи первобытнаго типа съ высокою степенью развитія»...

Мы видимъ, такимъ образомъ, «что въ этихъ обращеніяхъ къ прошлому есть дѣйствительно законнаго». Михайловскій продолжаетъ и далѣе свое разсмотрѣніе трехчленнаго дѣленія исторіи съ условной апелляціей къ прошедшему, но мы за развитіемъ въ эту сторону его мысли слѣдить подробно не будемъ. Въ трехчленномъ дѣленіи историческаго процесса, получившемъ наиболѣе рѣзкое развитіе

въ гегелевской триадѣ (разсужденіями о которой проф. Карѣва въ его философіи исторіи и вызваны указанныя сопоставленія), Михайловскій видитъ отзвукъ обычной склонности человѣческаго ума мыслить всякій предметъ въ состояніи прошедшаго, настоящаго и будущаго. «Зачатки будущаго, — говоритъ онъ—естественно склонны вступать въ союзъ съ остатками прошедшаго, въ виду общаго врага настоящаго»... «Это, можетъ быть, по его словамъ: наиболѣе яркое и папчаше повторяющееся оправданіе поговорки «крайности сходятся». Крайности, дѣйствительно, сходятся, чтобы тяготѣть на одинаково мѣшающую имъ середину»¹⁾.

Несомнѣнно, все, что говоритъ объ этомъ Михайловскій, очень умно и, какъ всегда у него, интересно; несомнѣнно также, что всѣ эти разсужденія Михайловскаго о психологическомъ источникѣ нашихъ обращеній къ прошлому являются большимъ пособіемъ и при анализѣ, тоже психологическаго характера, его собственныхъ сочиненій. Насъ, однако, они интересуютъ сейчасъ исключительно со стороны ихъ общаго значенія для взглядовъ Михайловскаго на социальный процессъ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ особенное значеніе представляетъ его цитата о Руссо, такъ какъ она можетъ быть превосходнымъ комментариемъ къ парадоксальнымъ на первый взглядъ словамъ Михайловскаго: «идеаль нашъ позади насъ». «Руссо, говоритъ онъ,

¹⁾ См. т. V. «Письма посторонняго», стр. 924, 926, мартъ 1884 г. Ср. тутъ же иллюстрацію къ этимъ словамъ на примѣрѣ Луи-Блава. Впрочемъ, все сказанное здѣсь о Луи-Бланѣ относится въ такой же степени и къ Марксу, и къ Коэту, и къ Руссо. «Въ то время, когда писалъ и дѣйствовалъ Луи-Бланъ то, что онъ называлъ принципомъ авторитета, было совершенно расшатано или казалось расшатыннымъ. Это было нѣчто исторически законченное, сданное въ архивъ и, слѣдовательно, безопасное. Индивидуализмъ, напротивъ, гордо несъ свою вѣчавную лаврами недавнихъ побѣдъ голову. Это была постоянная сила настоящей минуты, и натурально, что даже при одинаковой степени враждебности къ принципамъ авторитета и индивидуализма, практика жизни должна была предпочитать представителю принципа братства несравненно большую напряженность отрицанія по адресу индивидуализма». Объ отношеніи Михайловскаго по существу къ взглядамъ Луи-Блана на историческій процессъ и роль въ немъ принциповъ авторитета, индивидуализма и братства см. его статью «Философія исторіи Луи-Блана», авг.-сент. 1871 года, сочин. т. III.

отвергаетъ не степень развитія цивилизаціи, а лишь типъ ея». «Руссо желаетъ собственно возвращенія не къ первобытной жизни, а только, такъ сказать, къ ея пропорціямъ, при чемъ требуется не отреченіе отъ науки, техническихъ открытій и усовершенствованій, нравственныхъ идей, приобрѣтенныхъ цивилизаціей, а только извѣстное ихъ направленіе» (1., 256).

И такая формулировка взглядовъ Руссо, какъ итогъ всего только что сказаннаго, очень занимала Михайловскаго. Отзвукъ ея мы встрѣчали уже въ словахъ его о раздѣленіи труда между мужчиной и женщиной и въ опредѣленіи нормальныхъ между ними отношеній, кромѣ того, ту же формулировку, но еще болѣе ярко выраженную, Михайловскій повторяетъ въ статьѣ о Лермонтовѣ, возстановляющей, на характеристикѣ Мцыри общественное настроеніе самого Лермонтова.

«Ты хочешь знать, что дѣлалъ я на волѣ» — спрашиваетъ Мцыри, и отвѣчаетъ: «жилъ». Но вольная жизнь дикаря, продолжаетъ Михайловскій, есть, конечно, не идеалъ Лермонтова, а только символъ идеала или схематическое его изображеніе. Въ эту схему надо ввести еще многое, дикарю неизвѣстное, а Лермонтову дорогое. Лермонтовъ могъ съ завистью смотрѣть и на Мцыри, живущаго полной жизнью въ общеніи съ природой... и на другихъ своихъ героев, замкнутыхъ пѣзъ кавказской и болѣе или менѣе отдаленной русской жизни, у которыхъ мысль и дѣйствіе сливались въ одно неразрывное цѣлое. *Но если это и былъ рай, то рай потерянный и навсегда.* Надо создать новый рай, въ которомъ, такъ сказать, пропорціи первобытной стародавней жизни были бы сохранены, но содержаніе жизни было бы обогащено всеѣмъ истинно цѣннымъ, приобрѣтеннымъ на историческомъ пути отъ Хаджи-Абрека, или купца Калашникова, или горбача Вадима до Лермонтова. Но какъ это сдѣлать» ¹⁾?

Слѣдовательно, вотъ въ чемъ дѣло — въ пропорціяхъ стародавней первобытной жизни. Каковы были эти пропорціи, мы знаемъ. Первобытный человекъ былъ «полнымъ носителемъ современной ему культуры». Каждый членъ первобытнаго общества совмѣ-

¹⁾ „Сочин.“ т. V., стр. 344, «Герои безвременья», 1891 годъ. Курс. мой.

щаетъ въ себѣ всѣ силы и способности, какія только могли родиться при тогдашнемъ уровнѣ культуры и мѣстныхъ физическихъ условій. Имѣя въ виду эту особенность въ построении Михайловскимъ теоріи типовъ и степеней развитія, мы и говорили, что благодаря ей Михайловскій подошелъ легко къ опредѣленію того, «какимъ образомъ должны быть комбинированы условія жизни, чтобы и общество и его члены въ отдѣльности возможно скоро достигли возможной для человѣка высоты развитія». Смѣшно думать, что онъ хотѣлъ для этого «урѣзать богатство коллектива» — какъ это утверждаетъ г. Луначарскій — или вернуть человѣчество къ примитивнымъ формамъ соціально-экономической жизни. «Что человѣчество отодвинется назадъ, если бъ его удалось отодвинуть, это — по словамъ Михайловскаго — сама истина. Но бѣда въ томъ, что никто, ни даже Руссо, такихъ требованій не предъявлялъ». (1., 258).

Михайловскій, какъ и Руссо, критикуетъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвергаетъ не степень развитія цивилизаціи, не блага, накопленныя ею въ теченіе вѣковъ, а типъ ея, данную конкретную комбинацію составляющихъ ее элементовъ. — «Божественный ликъ Сикстинской Мадонны воиучій и развратный рабъ пзрѣжетъ ножомъ, съ негодованіемъ говоритъ одинъ пзъ героевъ «Бѣсовъ» Достоевскаго. Я понимаю его негодованіе, но — отвѣчаетъ Михайловскій — понимаю и раба, хоть, конечно, не этимъ путемъ достигнется его нравственная и физическая чистота». («Лит. зам.», 1874 г. II, 610). Не этимъ путемъ, потому что уничтоженію подлежитъ не Сикстинская Мадонна — она свята и неприкосновенна, какъ неприкосновенно все, что связано со степенью развитія современной культуры, уничтоженію подлежатъ условія, при которыхъ воиучій и развратный рабъ существуетъ рядомъ съ созданіями Фидія, Апеллеса или Сикстинской Мадонной, не понимая ихъ и будучи правъ въ своемъ непониманіи. Формула прогресса Михайловскаго поднимаетъ въ этомъ отношеніи, по выраженію одного пзъ его критиковъ, «хоругвь мятежа» противъ самыхъ основъ современнаго строя. Они должны быть взмѣнены, долженъ быть измѣненъ типъ современныхъ соціальныхъ отношеній, комбинація общественныхъ силъ. Всѣ дороги ведутъ въ Римъ. Михайловскій и съ этой стороны приходитъ къ основнымъ требованіямъ своей формулы прогресса съ ея безпопад-

ной критикой системы *распредѣленія* благъ цивилизаціи въ классовомъ обществѣ...

На этомъ мы и можемъ закончить разсмотрѣніе данной Михайловскіимъ критики органической теоріи общества и построенной на этой критикѣ формулы прогресса. Мы подошли тутъ къ двумъ новымъ и самостоятельнымъ пунктамъ міровоззрѣнія Михайловскаго. Съ одной стороны иной, чѣмъ раньше, типъ распредѣленія благъ цивилизаціи ставитъ передъ нами проблему о конкретныхъ чертахъ общественнаго идеала Михайловскаго о томъ, какимъ долженъ быть идеальный общественный строй. Съ другой—выдвинувъ на первый планъ вопросъ о распредѣленія и основавъ на немъ изложенную нами выше критику социальноразнороднаго, въ частности классового строя, Михайловскій поставилъ проблему о моральныхъ стимулахъ нашей общественной дѣятельности, о нашемъ долгѣ народу, о правѣ каждаго къ участию во всѣхъ культурныхъ приобрѣтеніяхъ человѣчества. Обѣ эти проблемы — о нашемъ общественномъ идеалѣ и о долгѣ народу обезпеченныхъ классовъ—выходятъ слишкомъ далеко за предѣлы интересовавшей насъ выше темы, чтобы ими мы могли здѣсь заняться. Впрочемъ, что касается общественнаго идеала, то относительно его характера даны указанія самимъ Михайловскимъ. «Въ концѣ сороковыхъ годовъ съ полной рѣзкостью обозначилось въ Европѣ то направленіе, которому принадлежитъ будущее,—говоритъ онъ—и которое, примиря въ себѣ односторонности предыдущихъ историческихъ моментовъ, можетъ быть формулировано, какъ торжество личнаго начала при посредствѣ начала общиннаго» («Лит. зам.», 1879, т. IV, стр. 701).

Борьба личности и общества закончится, слѣдовательно, на почвѣ социалистическаго строя, вполне ясное представленіе о которомъ обозначилось въ Европѣ, какъ разъ «въ концѣ сороковыхъ годовъ».

Съ другой стороны къ подобному же выводу Михайловскій пришелъ черезъ идею долга народу, поскольку она у него связывается съ формулой прогресса. Мы видѣли, къ чему конкретно приводила формула прогресса Михайловскаго, какъ критерій въ оцѣнкѣ историческаго процесса. Ростъ потребностей каждой отдѣльной личности, интензивность личной жизни,—качественная сторона прогресса, и ростъ обществен-

ныхъ круговъ, причастныхъ къ благамъ культуры, измѣненія въ пропорціяхъ современнаго строя,—количественная сторона прогресса, вотъ къ чему сводилось историческое развитіе общества до сихъ поръ. Субъективное моральное чувство о долгѣ народу сливалось съ объективной исторической необходимостью и почерпало отсюда теоретическія послышки для практики, нормы личной дѣятельности. Народъ, какъ участникъ цивилизаціи и какъ ея творецъ—вотъ выводъ, который отсюда дѣлался. Все для народа, все черезъ народъ. Ростъ личности въ народѣ и ростъ участія народа въ общественной жизни—вотъ требованіе, которое становилось лозунгомъ дня. Конечный же идеалъ съ его торжествомъ личнаго начала, при посредствѣ общиннаго, могъ быть только одинъ: выработка такихъ условій жизни, при которыхъ самъ народъ сдѣлался бы хозяиномъ въ своихъ дѣлахъ, а каждый членъ общества—полнымъ носителемъ современной ему культуры.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Критика дарвинизма у Н. К. Михайловскаго.—Н. Д. Но-
жинъ о дарвинизмѣ.

I.

Критикѣ дарвинизма посвященъ у Михайловскаго рядъ статей 1870—1873 гг., начатыхъ имъ подъ общимъ заглавіемъ «Теорія Дарвина и общественная наука», почти немедленно по окончаніи работы о прогрессѣ и даннаго тамъ опроверженія органической теоріи общества. Связь хронологическая здѣсь не совсѣмъ случайна. Михайловскій сближалъ дарвинизмъ по его общественному происхожденію съ органической теоріей общества, относясь въ этомъ смыслѣ одинаково отрицательно къ нимъ обоимъ, и къ дарвинизму, и къ органической теоріи. По его мнѣнію, съ точки зрѣнія соціологической, Дарвинъ дѣлалъ въ общемъ ту же ошибку, какъ и Спенсеръ. Спенсеръ хотя и «смотритъ на весь міръ съ высоты философскаго паренія», но «тѣмъ не менѣе кладетъ во главу угла не только промышленной организаціи, какъ это дѣлаютъ экономисты, а всего общественнаго и даже мірового строя принципъ раздѣленія труда въ его сыромъ и непереваренномъ видѣ». («Что такое прогр.», I, 37). То же самое дѣластъ и Дарвинъ. «Раздѣленіе труда и конкуренція—вотъ нравственно-политическіе столпы дарвинизма, не имъ выдуманнные, не имъ впервые возведенные на степень основъ общественнаго строя и имъ только по мѣрѣ силъ укрѣпляемые. Дарвинизмъ только ярче, смѣлѣе и да позволено мнѣ будетъ такъ выразиться—рѣшается сказать Михайловскій—наглаѣе настаиваетъ на послѣдовательномъ проведеніи началъ.

уже дѣйствующихъ и господствующихъ въ современномъ обществѣ» (I., 291).

Дарвинъ въ глазахъ Михайловскаго былъ даже своего рода «геніальнымъ буржуа-натуралистомъ», фраза, съ сущностью и историческимъ происхожденіемъ которой мы еще не разъ встрѣтимся въ дальнѣйшемъ изложеніи. Относясь отрицательно къ соціологической сторонѣ дарвинизма, будучи даже піонеромъ въ этомъ отношеніи въ европейской наукѣ, Михайловскій, однако, признавалъ за дарвинизмомъ, въ отличіе отъ органической теоріи общества, огромную общенаучную, можно даже сказать, философскую заслугу. «Все великое значеніе этой могучей концепціи—говорить онъ про теорію Дарвина—можетъ быть понято въ настоящее время только отчасти. Но съ теченіемъ времени, съ дальнѣйшей разработкой теоріи, окажется безъ сомнѣнія, что ни разу еще люди не получали въ свое распоряженіе столь точнаго, широкаго и плодотворнаго обобщенія... Какъ біологическое обобщеніе, теорія Дарвина въ своихъ главныхъ и основныхъ чертахъ несомнѣнно составляетъ такое же вѣчное достояніе науки, какъ нѣкоторыя вѣковыя истины низшихъ наукъ»...

Михайловскій писалъ это въ 1870—1871 гг., въ статьяхъ «Теорія Дарвина и общественная наука» и «Оперетки Оффенбаха и дарвинизмъ» (см. I., 222, 414, 223), писалъ въ разсчетъ на будущую роль теоріи Дарвина, тогда еще далеко не общепризнанной. То же самое ему пришлось повторить о дарвинизмѣ и *post factum*. «Велико и плодотворно было значеніе этого переворота въ наукѣ»—читаемъ въ одной его статьѣ конца 80-хъ гг.—«Ученіе Дарвина разлилось по самымъ разнообразнымъ отраслямъ знаній, орошая и обогащая ихъ, подобно тому, какъ разливны Нила орошаютъ и обогащаютъ широкую полосу Египта» (VI, 809). И въ другомъ мѣстѣ: «не найдется, кажется, ни одной отрасли знанія, куда такъ называемый дарвинизмъ не вторгся бы болѣе или менѣе властно. Астрономія и філологія, химія и исторія, не говоря, разумѣется, обо всѣхъ отрасляхъ біологіи, испытали на себѣ толчки изъ деревушки Даунъ, что въ графствѣ Кентъ. Мы знаемъ размышленія о борьбѣ за существованіе и естественномъ подборѣ между языками и ихъ элементами (Фарраръ, Максъ-Мюллеръ), между планетами (Дю-Прель), между химическими элементами (Ифаундлеръ), между составными

частями организма (Ру), и проч., и проч. Наконецъ дарвинизмъ очень быстро проникъ и въ область житейскихъ вопросовъ, гдѣ породилъ громадную литературу отъ толстѣйшихъ томовъ до летучихъ брошюръ и газетныхъ статей» (V., 625).

На-ряду со всѣмъ этимъ Михайловскій былъ глубоко убѣжденъ, что дарвинизмъ—«обязателенъ при извѣстныхъ условіяхъ и для социологій». Именно: «не говоря о косвенной помощи, которую ей должна оказать теорія Дарвина болѣе правильною постановкою задачъ и вопросовъ біологій и психологій; не говоря далѣе о непосредственной помощи, которой мы въ правѣ ожидать отъ теоріи Дарвина въ разъясненіи нѣкоторыхъ специально социологическихъ вопросовъ,— теорія эта *должна расчистить путь социологій окончательно и безапелляціонно низвергая всякую телеологию за исключеніемъ субъективно-антропоцентрической*» (I, 223).

Последнія слова, подчеркнутыя у насъ курсивомъ, имѣютъ особенное значеніе для всей критики Михайловскимъ теоріи Дарвина. По словамъ Михайловскаго— «ученіе Дарвина утвердло прежде всего положеніе чрезвычайно общаго характера, измѣняемость органическихъ видовъ, трансформизмъ. Затѣмъ слѣдуетъ выясненіе причинъ и условій измѣняемости и, наконецъ, опредѣленіе направленія, въ которомъ она происходитъ. Въ результатъ: виды измѣняются подъ вліяніемъ главнымъ образомъ борьбы за существованіе, переживанія приспособленныхъ и вымирающаго не приспособленныхъ, и жизнь развивается, облекаясь все въ высшія и въ высшія совершеннѣйшія формы»... ¹⁾).

Михайловскій согласенъ, что наиболѣе общія положенія дарвинизма остаются до сихъ поръ не поколебленными и принципъ измѣняемости органическихъ видовъ,— трансформизмъ, сдѣлался прочнымъ достояніемъ науки. «Быть можетъ, слѣдовало бы даже—прибавляетъ онъ— самое слово «эволюція» замѣнить словомъ «трансформизмъ», ибо последнее лучше, прямѣе выражаетъ самую суть дѣла: единство и вѣчность матеріи и силы, при постоянной измѣняемости и преходящести ихъ формъ». Но если столь прочно установленъ въ наукѣ принципъ трансформизма, то «далеко не столь прочно стоятъ другія составныя части его. Существуетъ не мало разпогласій

¹⁾ „Отклики“, I, 156—157. Всѣ слѣдующія цитаты отсюда же.

относительно причинъ и условій трансформизма, а также относительно направленія, въ которомъ измѣняются формы жизни, и разногласія эти повидимому растутъ все, и въ числѣ, и въ своемъ значеніи». Уже у самаго Дарвина «можно было найти матеріалы для скептическихъ вопросовъ: пзъ вѣчной ли борьбы, голода и смерти возникаютъ высшія формы жизни» — какъ это слѣдовало бы по теоріи благотворности борьбы за существованіе — «что такое высшія формы жизни? въ чемъ ихъ мѣрло относительной высоты и совершенства?» И разумѣется, если уже у Дарвина можно было найти матеріалы для скептического отвѣта на все это, то тѣмъ болѣе основательнымъ былъ такой скептицизмъ въ глазахъ критиковъ дарвинизма, пзъ числа которыхъ Михайловскій одинъ изъ первыхъ отправнымъ пунктомъ своихъ отношеній къ дарвинизму избралъ анализъ того отвѣта, который дается дарвинизмомъ на всѣ поставленные выше вопросы.

Центральное мѣсто въ критикѣ Михайловскимъ теоріи Дарвина занимаютъ двѣ его статьи: «Дарвинизмъ и телеологія», съ одной стороны, и статья «Естественный ходъ вещей» — съ другой. Благодаря этимъ статьямъ Михайловскій раздвинулъ рамки своей критики дарвинизма далеко за предѣлы биологіи и даже соціологіи, въ точномъ смыслѣ этого слова. Онъ нашелъ именно въ дарвинизмѣ опору для своего историко-философскаго ученія о *телеологическомъ*, цѣлесообразномъ характерѣ общественнаго процесса, вскрылъ въ этомъ отношеніи огромный запасъ положительныхъ идей въ дарвинизмѣ, въ свѣтѣ которыхъ разобралъ и его недостатки. Критика дарвинизма, данная Михайловскимъ, пріобрѣтаетъ вслѣдствіе этого высоко-научное и чрезвычайно важное для характеристики всей системы его воззрѣній значеніе, и если мы захотимъ освоиться съ этой его системой, то должны предварительно освоиться съ его отношеніемъ къ дарвинизму, а въ его отношеніи къ дарвинизму съ оцѣнкой идеи телеологіи. Такъ мы и поступимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи...

Какъ мы видѣли выше, по общему мнѣнію Михайловскаго о дарвинизмѣ, — «теорія эта должна расчитать путь соціологіи окончательно и безапелляціонно низвергая всякую телеологію, за исключеніемъ субъективно-антропоцентрической». Чтобы попытъ, какой видъ телеологіи имѣетъ въ виду Михайловскій подъ именемъ субъективно-антропоцентрической, возьмемъ слѣдую-

ній примѣръ изъ гл. V° его статей «Теорія Дарвина и общественная наука». «Цитируемый Дарвиномъ Соммервилль—сообщаетъ тутъ Михайловскій—говорить о нѣкоторыхъ искусныхъ ското-водахъ: словно они начертали на стѣнѣ идеально-совершенную форму овцы и придали ей жизнь. Вотъ—прибавляетъ Михайловскій—простѣйшій образецъ человѣческой дѣятельности. Побуждаемый своими надобностями человѣкъ строить нѣкоторый идеалъ и, руководимый знаніемъ, достигаетъ его, то есть получаетъ удовлетворяющую его комбинацію ощущеній и впечатлѣній. (I., 325).

Человѣческая дѣятельность отличается, слѣдовательно, тѣмъ отъ остальныхъ процессовъ природы, что она носитъ въ себѣ начало цѣлесообразное—побуждаемый своими потребностями человѣкъ строить нѣкоторый идеалъ, *ставитъ себѣ цѣль* и достигаетъ ее. «Взятый нами примѣръ—продолжаетъ Михайловскій—крайне простъ. Идеалъ достигается съ легкостью и увѣренностью, какія характеризуютъ преимущественно привычную механическую дѣятельность человѣка. Въ другихъ случаяхъ идеалы не только труднѣе достижимы, но и несравненно менѣе ясны», что однако не мѣняетъ сущности человѣческой дѣятельности и ея отличія отъ остальныхъ процессовъ природы. Какъ бы ни были не ясны человѣку его идеалы, сколько бы ни тратилъ онъ силъ на ихъ выработку и осуществленіе, но во всей природѣ только человѣческая дѣятельность носитъ цѣлесообразный характеръ, только человѣкъ обладаетъ способностью дѣйствовать по заранѣе обдуманному плану. Правда, какъ говоритъ Марксъ въ гл. V° «Капитала»—«паукъ продѣлываетъ операціи очень сходныя»—напримѣръ—«съ операціями ткача, а пчела способомъ построенія своихъ восковыхъ ячеекъ можетъ сконфузить архитектора». Но суть въ томъ, что дѣятельность архитектора, на что указываетъ самъ Марксъ ¹⁾—есть дѣятельность *сознательная*, пчела же и паукъ продѣлываютъ свои операціи—*инстинктивно*, безъ участія сознанія.

«Между самымъ плохимъ архитекторомъ и самою искусною пчелою имѣется одно существенное различіе, состоящее въ томъ, что архитекторъ строитъ свою ячейку въ головѣ, прежде чѣмъ начнетъ лѣпить ее изъ воску. Въ концѣ рабочаго

¹⁾ Цит. по русскому изданію 1897 года. Дальнѣйшая цитата изъ той же V гл. «Капитала».

процесса получается результатъ, который въ началѣ этого процесса уже существовалъ въ представленіи работника, то-есть въ идеѣ. Человѣкъ не только обусловливаетъ своею дѣятельностью извѣстное измѣненіе формы въ данномъ веществѣ природы, но онъ осуществляетъ въ этомъ веществѣ свою цель, которую онъ знаетъ напередъ, которая съ принудительностью закона опредѣляетъ способъ его дѣятельности и которой онъ непрерывно долженъ подчинять свою волю» (Курс. мой)...

Особенность ученія Михайловскаго о телеологіи заключается не только въ этой характеристикѣ пѣлесообразной дѣятельности человѣка. Особенность его заключается вмѣстѣ съ тѣмъ въ попыткѣ намѣтить разные типы телеологіи, историческую смѣну ихъ въ зависимости отъ *прогрессивной* смѣны формъ коопераціи. Съ этой точки зрѣнія Михайловскій различаетъ, кромѣ субъективно-антропоцентрической, связанной съ грядущимъ господствомъ простаго сотрудничества, еще двѣ формы телеологіи — эксцентрическую и объективно-антропоцентрическую, первая изъ которыхъ сопутствуетъ классически чистымъ формамъ общества по типу раздѣленія труда, вторая же знаменуетъ собою еще полное почти отсутствіе коопераціи, когда первобытный человѣкъ одинъ на одинъ съ природою долженъ былъ бороться за свое существованіе. Собственно въ критикѣ телеологіи съ точки зрѣнія дарвинизма у Михайловскаго играетъ роль главнымъ образомъ періодъ эксцентрической, на немъ намъ и слѣдовало бы сейчасъ остановиться, но мы не можемъ обойти совсѣмъ и отношенія Михайловскаго къ телеологіи объективно-антропоцентрической, этой наиболее примитивной формы осознанія первобытнымъ человѣкомъ своего мѣста въ природѣ, сущности какового осознанія Михайловскій видитъ въ «пантофин», всебоязни доисторическаго дикаря, въ его способности, извѣстной «благодаря многимъ наблюдателямъ», *все* происходящее въ природѣ относить на *свой* собственный счетъ...

«Голый, грязный одинокій первобытный человѣкъ, только что ставшій человѣкомъ, еще не извѣдавшій ничего, кромѣ своихъ личныхъ желаній и потребностей, естественно въ продолженіе всей своей жизни долженъ находиться въ тревожномъ эгоцентрическомъ настроеніи... Представьте только себѣ этого дикаго двуногого звѣря, въ которомъ уже копошатся, однако,

человѣческія мысли; представьте его себѣ среди роскошной тропической природы, полной страшныхъ и восхитительныхъ звуковъ, полной опасностей и въ то же время щедрой до роскоши, или среди холода и мрака сѣвера, гдѣ воетъ леденящій вѣтеръ, гдѣ стелятся безконечныя снѣжныя равнины. И среди этого величія, среди этихъ ужасовъ и роскоши, среди этого царства холода и голода, движется человѣкъ. Онъ слышитъ рокотъ грома, шумъ прибоя волнъ, вой вѣтра, шумъ вершинъ деревьевъ въ дремучемъ лѣсу, въ который онъ вступаетъ, боязливо оглядываясь по сторонамъ и прислушиваясь къ каждому шелесту. Что это за звуки? Отвѣтъ у него готовъ... *Человѣкъ создаетъ себѣ боговъ по образу и подобию своему.* Но если громовой ударъ означаетъ чей-то гнѣвъ, то на кого онъ обращенъ и кому угрожаетъ? Кому? Развѣ этотъ двуногій звѣрь знаетъ что-нибудь, кромѣ самого себя? Развѣ онъ можетъ приять въ соображеніе, что тутъ же въ двухъ шагахъ отъ него, такой же двуногій звѣрь принялъ тотъ же ударъ грома на свой счетъ, а тамъ дальше третій двуногій звѣрь со страхомъ отскочилъ отъ куста, въ которомъ послышался злобный шумъ колець змѣйнаго хвоста, и что въ головѣ третьяго двуногаго звѣря уже смутно мерцаетъ такое же эгоцентрическое рѣшеніе вопроса о значеніи этого шума» (I., ст. о Дарвинѣ, стр. 196—197)...

«Источникъ этого страннаго явленія въ жизни дикарей— замѣчаетъ Михайловскій—лежитъ въ слабомъ развитіи коопераціи, въ маломъ количествѣ ощущеній и впечатлѣній сочувственнаго опыта». Несмотря на это, свой основной характеръ оно сохраняетъ какъ бы въ силу атавизма еще долгое время послѣ того, какъ человѣчество уже мпнуетъ періодъ отсутствія коопераціи, при чемъ объективно-антропоцентрическая телеологія претерпѣваетъ въ этомъ случаѣ измѣненія лишь количественныя, а не качественные, и на мѣсто личности отдѣльнаго дикаря становится та или иная общественная группа, разсматривающая отнынѣ себя самую, какъ цѣль природы. Въ такой періодъ—«каждая этнологическая, политическая и профессиональная группа придаетъ себѣ особенное значеніе и признаетъ своихъ членовъ достойными исключительнаго вниманія боговъ. Максъ Мюллеръ приводитъ нѣкоторые военные гимны арійцевъ, въ которыхъ не знаешь чему удивляться: безграничной ли ненависти къ судрамъ, или объективному антропоцентризму, на-

сквозь пропикающему эти страшныя пѣсни... Но ходъ исторіи можетъ то сгладить кастовыя перегородки и дать перевѣсъ принципу простого сотрудничества, то усугубить эти перегородки и установить ярко выраженное раздѣленіе труда. Сообразно этимъ колебаніямъ въ развитіи и историческихъ формахъ кооперации, измѣняются и направленіе и интенсивность объективно-антропоцентрической телеологіи. Она достигаетъ высшей ступени своего развитія, когда центромъ природы признается не та или вная этнологическая, политическая или профессиональная каста, а все человѣчество, человѣкъ вообще. Таково высокое ученіе Будды» (тамъ же, 198—199).

Изъ сказаннаго мы видимъ, въ чемъ заключается первый, изъ намѣченныхъ Михайловскимъ, типъ телеологіи, телеологіи первобытной, исходящей изъ представленія о человѣкѣ, какъ центрѣ міра, царѣ природы. Разумѣется, если въ первобытное время, при неразвитыхъ общественныхъ отношеніяхъ, при грубыхъ формахъ кооперации, или же при «слабыхъ зачаткахъ простого сотрудничества», съ ограниченнымъ кругомъ примѣненія сочувственнаго опыта, можно было считать человѣка центромъ міра, лаская себя надеждой, или, напротивъ, пугая себя, что все окружающее сотворено либо на пользу, либо на вредъ человѣку,—то нынѣ нельзя уже поддерживать такой типъ телеологіи, хотя пережитки его проскальзываютъ, въ качествѣ «обломковъ древней правды», и въ обиходѣ современной жизни. «Изъ всѣхъ солнечныхъ лучей на луну падаетъ—говоритъ Михайловскій, характеризуя первобытную телеологію—самое незначительное количество и безконечно малая часть послѣднихъ отражается сюда и освѣщаетъ намъ ночью дорогу. Такое устройство вселенной для насъ очень выгодно, но мы не назовемъ его телеологическимъ (преднамереннымъ), такъ какъ оно явилось, конечно, не съ той цѣлью, чтобы освѣщать на дорогу» (1., 224), какъ то готовъ былъ предполагать представитель первобытнаго антропоцентризма...

Недостатки первобытнаго антропоцентризма столь очевидны, что несостоятельность его понимали еще просвѣтители XVIII вѣка. «Такъ въ своей поэмѣ о человѣкѣ Вольтеръ ставляетъ мышей хвалить Бога за прекрасное устройство мышиныхъ норъ; затѣмъ выводятся на сцену утки, индійскіе пѣтухи, бараны, поочередно заявляющіе свое убѣжденіе въ томъ, что сосредоточіе природы лежатъ именно въ уткахъ, индюкахъ,

баранахъ. Осель прямо утверждаетъ, что и самъ гордый чело-
вѣкъ созданъ съ спеціальной цѣлью ухаживанія за нимъ, осломъ,
такъ какъ онъ чиститъ ему стойло, приноситъ кормъ, приво-
дитъ ослпцу, и т. д.» (ст. о Дарвинѣ, I., 208).

Но еще болѣе чѣмъ просвѣтителю XVIII вѣка ту же ра-
боту «въ дѣлѣ разрушенія старыхъ убѣжденій о мѣстѣ чело-
вѣка въ природѣ», совершилъ дарвинизмъ, который въ этомъ
случаѣ является истиннымъ наследникомъ энциклопедистовъ и
просвѣтителей временъ французскаго возрожденія. «Природа,
какъ она освѣщается намъ теоріей Дарвина, не знаетъ избран-
никовъ. Здѣсь она раздавитъ великаго Патрокла и сохранить
презрительнаго Терсита, тамъ выдавитъ изъ жизни цѣлый видъ,
здѣсь разобьетъ видъ на два, на три, тамъ низведетъ Патрокла
до состоянія Терсита, здѣсь выставитъ Патрокла во всемъ его
величіи, тамъ разовьетъ жизнь, сюда пошлетъ смерть, тамъ
пошетъ слезы и страданія, здѣсь разольетъ море наслажденій...
Не спрашивайте, для чего? зачѣмъ? Съ такимъ вопросомъ
нельзя обращаться къ природѣ. Она не дастъ отвѣта. Она вамъ
скажетъ, *почему* произошло то-то и то-то, но вы не вырвите
у нея отвѣта на вопросъ *зачѣмъ*» (тамъ же, 231). Не вырвите,
потому что *въ природѣ вообще нѣтъ цѣлей*. «Цѣли и дѣй-
ствія одухотворенной вами природы окажутся разумными и
глупыми, великими и мелкими, добродѣтельными и безсовѣ-
стными, высоконравственными и до послѣдней степени пре-
ступными, смотря по тому, какъ вы сами посмотрите на дѣло.
Всякую цѣль, всякій планъ можно отыскать въ природѣ, именно
потому, что въ ней нѣтъ никакого плана, никакой цѣли»...

Вотъ этой мысли и были чужды люди стараго времени.
Они видѣли въ челоуѣкѣ *объективный* центръ міра—отсюда и
терминъ Михайловскаго: *объективно*-антропоцентрическое міро-
созерцаніе. Они считали, что все сотворено на пользу или на
вредъ челоуѣку, тогда какъ эта формула, по мнѣнію Михайлов-
скаго,—«совершенно справедлива, но не въ объективномъ, а въ
субъективномъ смыслѣ». Мы можемъ условно сдѣлать челоуѣка
центромъ міра, но при этомъ мы должны помнить, что въ дѣй-
ствительности въ природѣ «ничто не создано для челоуѣка,
что до всего ему приходится добиваться своимъ потомъ и
кровью, но что, въ виду своихъ интересовъ, онъ самъ, сплюю
своего сознанія»—*субъективно*—«становится въ центрѣ при-
роды и покоряетъ ее».—«Челоуѣкъ можетъ сказать: да, природа

ко мнѣ безжалостна, она не знаетъ различія, въ смыслѣ права, между мною и воробьемъ, но я и самъ буду къ ней безжалостенъ и своимъ кровавымъ трудомъ покорю ее, заставляю ее служить мнѣ, вычеркну зло и создамъ добро. Я не цѣль природы, природа не имѣетъ и другихъ цѣлей. Но у меня есть цѣли и я ихъ достигну» (тамъ же, 231, 206, 215).

Поставивъ такимъ образомъ вопросъ, Михайловскій совершенно естественно долженъ былъ придти къ мысли объ исключительно крупной все возрастающей, по мѣрѣ того, какъ растетъ человеческое сознание, роли нашихъ идеаловъ въ общемъ ходѣ всемірной исторіи, что приводило его въ свою очередь къ представленію объ общественномъ прогрессѣ, какъ процессѣ, цѣлесообразно направляемомъ свободной волей человѣка. Міръ распадался при этомъ какъ бы на двѣ части, одну—«естественный ходъ вещей»—недоступную для планомернаго воздействия человѣка, и на другую, въ которой человѣкъ могъ на противъ свободно воздействовать на явленія природы и общественной жизни. Элементарный образецъ такой дѣятельности мы видѣли уже на примѣрѣ со словами Сомервилля объ искусственномъ подборѣ, но тотъ же примѣръ позволяетъ Михайловскому сдѣлать отсюда и нѣкоторый болѣе общій выводъ такого характера...

„Представимъ себѣ—ишеть онъ—всю область человѣческой дѣятельности въ дѣлѣ искусственнаго подбора животныхъ и растений, в намъ станетъ ясно, какъ нелѣпо было бы игнорировать роль человеческой дѣятельности въ дальнѣйшей исторіи жизни на землѣ, и какъ эта дальнѣйшая исторія должна отличаться по характеру отъ предыдущей... До развитія человеческой дѣятельности, до вліянія на жизнь его идеаловъ, слѣпыя силы природы измѣняли организмы безъ всякаго опредѣленнаго направленія... По мѣрѣ развитія человеческой дѣятельности этотъ порядокъ вещей измѣняется... Намъ незачѣмъ слѣдить здѣсь—прибавляетъ Михайловскій—за ходомъ всѣхъ этихъ измѣненій. Намъ нужно опредѣлить только ихъ общее направленіе, а оно очевидно: *исторія жизни на землѣ стремится обратиться въ исторію человеческихъ идеаловъ*».

«Идеаль и стремленіе къ его осуществленію возникаютъ такъ же фатально, какъ самыя простыя приспособленія низшихъ существъ. Простыя фізіологическія нужды и высшіе прав-

ственные идеалы гонять насъ все впередъ и впередъ на вѣчную фатальную борьбу съ бессмысленной природой, борьбу, въ которой мы остановиться не можемъ», такъ какъ «пути природы и человѣка разные» и «не бороться съ фатальнымъ ходомъ вещей предлагаютъ только тѣ и въ такихъ случаяхъ, кому и въ какихъ случаяхъ такая борьба невыгодна». На дѣлѣ же «этой борьбѣ съ природой съ фатумомъ не предвидится ни конца, ни уменьшенія ея напряженности. Я не могу себѣ представить—говоритъ Михайловскій,—чтобы человѣкъ когда-нибудь отказался отъ нея, какъ бы мы его ни увѣщевали смириться. Что можетъ быть фатальнѣе смерти, и однако всякій фаталистъ до послѣдней минуты будетъ отгонять отъ себя этотъ страшный призракъ и его послѣднія судороги скажутъ, что онъ не сдался безъ боя. Разсчитано, что черезъ двѣсти-триста лѣтъ въ Англіи не будетъ больше каменнаго угля, вслѣдствіе чего эта богачиха должна обнищать окончательно. Это фатально. Но я вѣрю—продолжаетъ Михайловскій—что человѣкъ въ такомъ случаѣ запряжетъ самое солнце. Я вѣрю, что если и солнце погаснетъ, человѣчество не сложитъ своихъ рукъ, ни покрытыхъ мозолями, ни унизанныхъ перстнями. Въ этой прометеевой борьбѣ со стихійными силами, подавшей идею высочайшаго міра, какой когда-либо создавала мысль человѣка, я вижу и непосредственный источникъ счастья и залогъ побѣды» ¹⁾...

Послѣ всѣхъ сдѣланныхъ выше сопоставленій для насъ становится болѣе или менѣе яснымъ ученіе Михайловскаго о субъективно-антропоцентрической телеологіи, какъ антитезѣ телеологіи первобытнаго времени. Но кромѣ этихъ двухъ формъ телеологіи можетъ быть еще третій видъ ея, тотъ именно, который Михайловскій называетъ *эксцентрискимъ* періодомъ въ развитіи человѣчества, и не трудно видѣть, въ чемъ выражается его сущность и въ какомъ отношеніи онъ стоитъ къ обоимъ изъ характеризованныхъ выше типовъ міровоззрѣнія. Какъ телеологія первобытнаго времени, такъ и субъективно-антропоцентрическая, которую мы опредѣляли между прочимъ словами Маркса изъ «Капитала», носятъ обѣ *антропоцентрической* характеръ, такъ какъ цен-

¹⁾ Ст. «Что такое счастье», III, 206. Предыдущія цитаты, I, 326, 328. Курс. мой.

тромъ міра дѣлають носителя антропологическаго начала—человѣка, различаясь лишь тѣмъ, что въ одномъ случаѣ человекъ является объективнымъ центромъ міра — «царемъ природы» — во второмъ же онъ, условно принимая себя за такой центръ, стремится покорить природу и овладѣть ея законами, но съ помощью только своихъ собственныхъ средствъ и безъ упованія на предустановленную къ-то гармонію міра. Такъ что между первымъ и третьимъ періодомъ въ развитіи человѣческой мысли есть дѣйствительно нѣчто общее и, слѣдовательно, если третій типъ телеологіи одинаково отличенъ какъ отъ перваго, такъ и отъ третьяго, то этотъ типъ телеологіи долженъ быть отличенъ и отъ того, что есть общаго между двумя первыми, т. е. онъ долженъ рѣзко противорѣчить всякимъ формамъ антропологическаго міросозерцанія. Говоря иначе, центромъ міра онъ долженъ дѣлать не человекъ,—человѣкъ, напротивъ, тутъ будетъ *онъ* центра, какъ то и слѣдуетъ изъ самаго названія: «эксцентрической», главенствовать же будутъ силы чуждыя человекѣу. Вотъ этотъ типъ телеологіи, конкретно выражающійся во всевозможныхъ метафизическихъ и тому подобныхъ системахъ воззрѣній, Михайловскій и считаетъ третьимъ, или хронологически собственно вторымъ періодомъ въ развитіи человѣческой мысли...

Исторически эксцентрической періодъ въ развитіи человечества Михайловскій относитъ къ той эпохѣ, когда совершился переходъ отъ первобытныхъ формъ общественной жизни съ еще слабыми зачатками простой коопераціи къ новымъ формамъ общности, къ коопераціи по типу сложнаго сотрудничества. Было бы чрезвычайно большимъ отклоненіемъ въ сторону разсматривать здѣсь подробно все относящееся сюда взгляды Михайловскаго, да для насъ это пока и не такъ нужно; намъ достаточно тутъ отмѣтить только одну важную особенность ихъ, въ силу которой *критическимъ этапомъ въ развитіи человѣческой мысли Михайловскій считаетъ первоначальное распаденіе общественнаго труда на трудъ умственный и трудъ физическій*. Вотъ этотъ моментъ постепеннаго обособленія разныхъ общественныхъ функцій въ разныхъ рукахъ, и прежде всего обособленіе труда физическаго отъ труда умственнаго, или, какъ выражается самъ Михайловскій, развитіе человѣ-

чества по органическому типу, и явилось рѣшающей причиной въ формированіи эксцентрической телеологіи.

«Если бы — предполагаетъ Михайловскій — возможно было такой ходъ исторіи, который не допустилъ бы въ обществѣ ничего подобнаго органическому развитію, т. е. обособленію частей для разнородныхъ специальныхъ функцій, то наростаніе знаній привело бы человѣчество отъ объективнаго антропоцентризма прямо къ антропоцентризму субъективному... Но наростаніе знаній при коопераціи раздѣльнаго труда не доводитъ міросозерцаніе до этого пункта. Мышленіе какъ обособленная функція общественнаго организма даетъ только отрицательный результатъ: ничто не создано для человѣка. Но такъ какъ *эксцентрическая мысль ищетъ опоры въ самой себѣ, въ своей чистотѣ и обособленности отъ физическаго труда и чувственныхъ воспріятій*, то замѣчая въ себѣ извѣстныя цѣли, извѣстныя стремленія, она навязываетъ тѣ и другія и природѣ. Но разъ въ природѣ существуютъ цѣли и стремленія, они должны исходить отъ нѣкоторой человѣкоподобной личности—божества. Однако, это не то божество первобытнаго антропоцентрика, которое даровало гремучей змѣѣ оригинальный хвостъ для того, чтобы онъ предупреждалъ человѣка своимъ шумомъ объ опасности, и самую змѣю создало для наказанія и устрашенія человѣка» (ст. о Дарвинѣ, 205—206, курс. мой).

Собственно слова, подчеркнутыя у насъ курсивомъ, о томъ, какъ эксцентрическая мысль ищетъ опоры въ самой себѣ, своей чистотѣ и обособленности отъ физическаго труда, выходятъ за предѣлы тѣхъ рамокъ, въ которыхъ мы вели все предыдущее изложеніе. Впослѣдствіи (см. очеркъ VI-ой), мы остановимся на этихъ словахъ подробнѣе, пока же мысль, вложенную въ нихъ Михайловскимъ, пояснимъ нѣсколько иначе, путемъ конкретныхъ примѣровъ къ тому, что мы видѣли выше; кстати примѣры эти помогутъ намъ нѣсколько дополнить предыдущее изложеніе.

Такъ подобное дополненіе требуется между прочимъ къ вышеприведеннымъ словамъ о Вольтерѣ, какъ критикѣ антропоцентризма первобытнаго типа. Не слѣдуетъ преувеличивать *положительной* стороны этой критики. Вольтеръ жилъ именно тамъ и тогда, въ такихъ условіяхъ, отличительнымъ признакомъ которыхъ было раздѣленіе общества на классы, въ

частности обособленіе мышленія, какъ особой функціа общественнаго организма. Благодаря этому Вольтеръ подобно первобытному человѣку приходилъ къ своего рода первобытной телеологіи, къ идеѣ божества, хотя это и было не то божество, которое даровало гремучей змѣѣ оригинальный хвостъ, для предупрежденія человѣка отъ грозящей ему опасности. Страстно нападая на первобытныя формы телеологіи— «денствъ Вольтеръ не могъ подойти къ здоровой дистелеологіи даже настолько, чтобы увидѣть ее. Онъ не могъ оторваться отъ своей антропоморфической идеи Бога-работника, Бога-мыслителя, Бога-художника. Какъ ни сильна была со стороны Вольтера реакція противъ первобытнаго міровоззрѣнія, онъ сходилъ съ нимъ на пунктѣ созданія Бога по образу и подобію своему. Какъ мыслящій художникъ онъ представлялъ себѣ божество такимъ же мыслящимъ художникомъ. И онъ не разъ высказывалъ мысль, что природа есть не природа, а искусство; вселенная—великое художественное произведеніе» ¹⁾).

Тутъ мы имѣемъ типичный образчикъ мышленія по типу эксцентрической телеологіи. Для Вольтера ясна вся несостоятельность первобытнаго антропоцентризма, но не ясно еще положеніе, что въ природѣ нѣтъ вообще цѣлей, и вотъ онъ послѣ отказа считать царемъ природы человѣка, находитъ новый источникъ цѣлесообразнаго воздѣйствія на міръ, источникъ, «пути котораго для насъ несповѣдимы», хотя наличность ихъ для вѣрующихъ и несомнѣнна. Какъ же Вольтеръ строитъ свое представленіе объ этомъ источникѣ цѣлесообразно направляемой міровой воли? Отвѣтъ на это мы имѣли раньше, видѣли его и въ приведенной только что цитатѣ: *человѣкъ создаетъ себѣ боговъ по образу своему и подобію*, такъ же поступаетъ и Вольтеръ. Его мысль ищетъ опоры въ самой себѣ, въ своей чистотѣ и обособленности отъ физическаго труда и чувственныхъ воспріятій, самъ художникъ онъ и божество свое представляетъ такимъ же художникомъ. Въ той же статьѣ, откуда мы беремъ этотъ примѣръ съ Вольтеромъ, Михайловскій подробно останавливается на другомъ подобномъ же случаѣ, на теоріи мірозданія Агассица, этой «лебединой пѣсни телеологіи» стараго типа, и характеризуетъ

¹⁾ Ст. о Дарвинѣ «Дарвинизмъ и телеологія», I, 210.

на ней свое пониманіе огромной творческой работы, совершенной дарвинизмомъ путемъ критики такого типа научныхъ воззрѣній. «И съ пебомъ гордая вражда» — такъ можно опредѣлить въ этомъ случаѣ позицію Михайловскаго, напоминающую нѣсколько по своему характеру базаровскій фигуризмъ. Ничто не создано для человѣка, до всего ему приходится добиваться своимъ потомъ и кровью, работать на свой страхъ и рискъ не покладая рукъ; природа къ нему равнодушна, она не знаетъ различія въ смыслѣ права между человѣкомъ и воробьемъ, у природы стихійной и безжалостной нѣтъ цѣлей, не является ея цѣлью и человѣкъ — вотъ что намъ говоритъ дарвинизмъ и вотъ, отправляясь отъ какихъ положеній съ ихъ отрицаніемъ всякаго вмѣшательства въ жизнь человѣка какихъ бы то ни было супранатуральныхъ силъ, мы должны строить свою программу общественной жизни и нормировать свое поведеніе.

Какова была эта программа у дарвинизма, мы уже знаемъ, — столпы его социологіи, раздѣленіе труда и конкуренція, идеализація принципа борьбы за существованіе, какъ творческаго начала жизни вообще, въ частности жизни социальной. Программа дарвинизма въ *этомъ* случаѣ не является, однако, программой Михайловскаго. Соглашаясь съ дарвинистами, что «борьба за существованіе есть несомнѣнное основаніе того естественнаго права, которое, по опредѣленію древнихъ римлянъ, *non humani generis proprium est sed omnium animalium quae in caelo, quae in terra, quae in mari nascuntur*», Михайловскій въ противоположность дарвинизму заключаетъ, что «въ силу самаго этого закона борьбы за существованіе, борьба не должна имѣть мѣста въ средѣ общества». Напротивъ, — общество должно быть построено на началахъ солидарности, дабы имѣть тѣмъ больше силы для борьбы за существованіе съ другими существами на землѣ, на морѣ и въ воздухѣ. Это во-первыхъ, во-вторыхъ же такое «отсутствіе борьбы за существованіе можетъ быть достигнуто исключительно коопераціей простого сотрудничества, ибо кооперація сложнаго сотрудничества или раздѣленія труда» — или иначе кооперація по типу общества *классового*, построеннаго на социальныхъ различіяхъ и несходствѣ общественныхъ интересовъ — «не устраиваетъ, а только видоизмѣняетъ борьбу за существованіе». (Ст. о Дарвинѣ, I, 182—183).

частности обособленіе мышленія, какъ особой функціа общественнаго организма. Благодаря этому Вольтеръ подобно первобытному человѣку приходилъ къ своего рода первобытной телеологіи, къ идеѣ божества, хотя это и было не то божество, которое даровало гремучей змѣѣ оригинальный хвостъ, для предупрежденія человѣка отъ грозящей ему опасности. Страстно нападаая на первобытныя формы телеологіи— «денствъ Вольтеръ не могъ подойти къ здоровой дистелеологіи даже настолько, чтобы увидѣть ее. Онъ не могъ оторваться отъ своей антропоморфической идеи Бога-работника, Бога-мыслителя, Бога-художника. Какъ ни сильна была со стороны Вольтера реакція противъ первобытнаго міровоззрѣнія, онъ сходилса зъ нимъ на пунктъ созданія Бога по образу и подобію своему. Какъ мыслящій художникъ онъ представлялъ себѣ божество такимъ же мыслящимъ художникомъ. И онъ не разъ высказывалъ мысль, что природа есть не природа, а искусство; вселенная—великое художественное произведеніе» ¹⁾).

Тутъ мы имѣемъ типичный образчикъ мышленія по типу эксцентрической телеологіи. Для Вольтера ясна вся несостоятельность первобытнаго антропоцентризма, но не ясно еще положеніе, что въ природѣ нѣтъ вообще цѣлей, и вотъ онъ послѣ отказа считать царемъ природы человѣка, находитъ новый источникъ цѣлесообразнаго воздѣйствія на міръ, источникъ, «пути котораго для насъ неисповѣдимы», хотя наличность ихъ для вѣрующихъ и несомнѣнна. Какъ же Вольтеръ строитъ свое представленіе объ этомъ источникѣ цѣлесообразно направляемой міровой воли? Отвѣтъ на это мы имѣли раньше, видѣли его и въ приведенной только что цитатѣ: *человѣкъ создаетъ себѣ боговъ по образу своему и подобію*, такъ же поступаетъ и Вольтеръ. Его мысль ищетъ опоры въ самой себѣ, въ своей чистотѣ и обособленности отъ физическаго труда и чувственныхъ воспріятіи, самъ художникъ онъ и божество свое представляетъ такимъ же художникомъ. Въ той же статьѣ, откуда мы беремъ этотъ примѣръ съ Вольтеромъ, Михайловскій подробно останавливается на другомъ подобномъ же случаѣ, на теоріи мірозданія Агассица, этой «лебединей пѣсни телеологіи» стараго типа, и характеризуетъ

¹⁾ Ст. о Дарвинѣ «Дарвинизмъ и телеологія», I, 210.

на ней свое пониманіе огромной творческой работы, совершенной дарвинизмомъ путемъ критики такого типа научныхъ воззрѣній. «И съ небомъ гордая вражда»—такъ можно опредѣлить въ этомъ случаѣ позицію Михайловскаго, напоминающую нѣсколько по своему характеру базаровскій фигулизмъ. Ничто не создапо для человѣка, до всего ему приходится добиваться своимъ потомъ и кровью, работать на свой страхъ и рискъ не покладая рукъ; природа къ нему равнодушна, она не знаетъ различія въ смыслѣ права между человекомъ и воробьемъ, у природы стихійной и безжалостной нѣтъ цѣлей, не является ея цѣлью и человекъ—вотъ что намъ говорить дарвинизмъ и вотъ, отправляясь отъ какихъ положеній съ ихъ отрицаніемъ всякаго вмѣшательства въ жизнь человека какихъ бы то ни было супранатуральныхъ силъ, мы должны строить свою программу общественной жизни и нормировать свое поведеніе.

Какова была эта программа у дарвинизма, мы уже знаемъ, — столпы его социологіи, раздѣленіе труда и конкуренція, идеализація принципа борьбы за существованіе, какъ творческаго начала жизни вообще, въ частности жизни социальной. Программа дарвинизма въ *этомъ* случаѣ не является, однако, программой Михайловскаго. Соглашаясь съ дарвинистами, что «борьба за существованіе есть несомнѣнное основаніе того естественнаго права, которое, по опредѣленію древнихъ римлянъ, non humani generis proprium est sed omnium animalium quae in coelo, quae in terra, quae in mari nascuntur», Михайловскій въ противоположность дарвинизму заключаетъ, что «въ силу самаго этого закона борьбы за существованіе, борьба не должна имѣть мѣста въ средѣ общества». Напротивъ,—общество должно быть построено на началахъ солидарности, дабы имѣть тѣмъ больше силы для борьбы за существованіе съ другими существами на землѣ, на морѣ и въ воздухѣ. Это во-первыхъ, во-вторыхъ же такое «отсутствіе борьбы за существованіе можетъ быть достигнуто исключительно коопераціей простого сотрудничества, ибо кооперація сложнаго сотрудничества или раздѣленія труда»—или иначе кооперація по типу общества *классового*, построеннаго на социальныхъ различіяхъ и несходствѣ общественныхъ интересовъ—«не устрояетъ, а только видоизмѣняетъ борьбу за существованіе». (Ст. о Дарвинѣ, I, 182—183).

Принимая отъ дарвинизма продиктованную имъ критику старыхъ формъ телеологіи, Михайловскій, слѣдовательно, совершенно расходился съ дарвинистами во всѣхъ выводахъ изъ общихъ съ ними казалось бы посылокъ. Оружіе дарвинистовъ онъ въ этомъ случаѣ обращалъ противъ нихъ самыхъ и прежде всего противъ ихъ основного положенія—противъ идеализаціи творческой силы борьбы за существованіе съ господствомъ въ средѣ ея естественнаго подбора и зарожденія высшихъ формъ жизни на почвѣ гибели неприспособленныхъ. Къ этой части воззрѣній Михайловскаго на дарвинизмъ мы теперь и переходимъ.

II.

Для того, чтобы сдѣлать болѣе наглядной, а вмѣстѣ съ тѣмъ теоретически болѣе убѣдительною свою критику идеи естественнаго подбора, Михайловскій въ мірѣ органическомъ условно выдѣляетъ двѣ крупныя разновидности—типы практическіе, умѣющіе во что бы то ни стало, цѣной всяческихъ уступокъ, даже цѣной упрощенія своей организаціи, приспособляться къ данной средѣ, и типы синтетическіе, идеальные, которыхъ Михайловскій считаетъ истинными почитателями идеи прогресса. Конкретно обѣ эти разновидности могутъ быть характеризованы такими чертами. «Для пещерныхъ животныхъ» — на примѣръ — «глаза составляютъ предметъ роскоши, совершенно ненужный предметъ, на поддержаніе котораго даромъ тратится извѣстная доля питательнаго пластическаго матеріала. Поэтому однимъ изъ полезныхъ приспособленій для пещерныхъ животныхъ будетъ утрата чувства и органа зрѣнія». Далѣе: «наѣкомыя живущія на островахъ во множествѣ гибнутъ въ морѣ, если далеко залетаютъ отъ берега. Поэтому полезнымъ приспособленіемъ для островныхъ наѣкомыхъ будетъ слабость крыльевъ и, дѣйствительно, на островахъ безкрылыхъ наѣкомыхъ относительно гораздо больше, чѣмъ на материкахъ». Точно также—«для пѣвоторыхъ паразитовъ органы зрѣнія и движенія составляютъ лишнее бремя. Поэтому во взаимной борьбѣ за существованіе тѣ изъ нихъ будутъ имѣть большіе шансы на побѣду, которые будутъ заключать въ себѣ задатки вялости движеній и слабости зрѣнія» (ст. о Дарвинѣ, 282, 283). И т. д.

Основываясь на этихъ и тому подобныхъ фактахъ, Михайловскій и даетъ общее опредѣленіе своей терминологіи. «Что такое практическій типъ»—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: практическимъ типомъ во всѣхъ нашихъ примѣрахъ будетъ какъ разъ «это подслѣповатое пещерное животное, это слабокрылое островное насѣкомое, которое благодаря не силѣ своей а своей слабости, вытѣсняетъ своихъ родичей съ слишкомъ размахистыми крыльями. Это вообще типъ, находящійся какъ разъ на уровнѣ обстановки, быстро къ ней приспособляющійся, царящій при ней, давящій при ней всѣхъ и вся, но непремѣнно гибнущій вмѣстѣ съ ней, ибо ни къ какимъ болѣе широкимъ условіямъ жизни онъ уже не въ состояніи примѣниться» (тамъ же, 284). И еще: «практическіе типы, это тѣ, которые быстро приспособляются ко всякой обстановкѣ, какъ бы она ни быладушна и узка, которые соглашаются существовать въ видѣлюбого колеса любой телѣги, хотя бы оно было пятое, которыхъ требованія отъ жизни такъ скромны, что пятакъ, а тѣмъ болѣе двугривенный ихъ совершенно удовлетворяетъ... Практическій типъ такъ сростается съ обстановкой, къ которой онъ приспособлевъ, что личный его интересъ, до извѣстной степени, отождествляется съ интересами того цѣлаго, которое даетъ ему эта обстановка... Этотъ смиренный человѣкъ можетъ всю жизнь свою проводить въ самопожертвованіи, неся бремя жизни, какъ теленокъ, отпаиваемый на убой, какъ почтовая лошадь, загоняемая фельдъегеромъ» («Письма о правдѣ и неправдѣ», IV, 458, 459).

По сравненію съ этимъ «идеальные типы, напротивъ, слишкомъ полны, слишкомъ многосторонни, чтобы умѣститься въ какой-нибудь тѣсной рамкѣ» (тамъ же). «Это вообще типъ негибающійся, неподатливый и либо гибнущій въ узкой средѣ, либо развертывающійся во всей своей мощи на просторѣ. Тамъ, гдѣ выгодно жить безъ конечностей, даже безъ головы, гдѣ выгодно превратиться въ желудокъ и отбросить всѣ остальные элементы организаціи, гдѣ выгодно имѣть слабыя крылья или неразвитую нервную систему, и проч., и проч., тамъ идеальные типы будутъ задавлены и восторжествуютъ не сильные, а слабые, или, лучше сказать, практически сила окажется на сторонѣ низшихъ типовъ».

Но и погибая, представитель идеальнаго типа будетъ оставаться вѣрнымъ самому себѣ.—«Никогда не увидитъ онъ своей личности, но крайней мѣрѣ, будетъ бороться противъ

униженія до послѣдней возможности, пробуя разнообразныя комбинаціи и, можетъ быть, погибая въ омутѣ практической жизни. Онъ наложитъ на себя обязанности, даже очень тяжелыя, но наложить самъ; общественный идеаль его сложится на основаніи требованій идеала личнаго. При извѣстныхъ особенностяхъ характера изъ него выйдетъ, болѣе или менѣе ярко выраженный, аскетъ, сознательно отсѣкающій въ себѣ тѣ потребности, которыя не находятъ себѣ въ данной средѣ удовлетворенія, какого ему пужно. При другихъ условіяхъ темперамента, онъ будетъ рваться къ удовлетворенію своихъ требованій во что бы то ни стало, хотя бы для этого пришлось поставить все окружающее вверхъ дномъ. Между этими двумя крайностями есть, разумѣется, множество оттѣнковъ, постепенно переходящихъ одинъ въ другой. Такъ или иначе, но идеальный типъ отказывается отъ роли, какъ почтовой лошади, такъ и фельдъегеря, и личный свой интересъ укладываетъ не въ ту или другую наличную общественную систему» — какъ это дѣлаютъ прадставители типовъ практическихъ — «а въ общественный идеаль, въ такой именно, гдѣ личность свята и неприкосновенна» (IV; 459).

Такова въ'общихъ чертахъ параллель Михайловскаго между практическими и идеальными типами, параллель, имѣющая у него не только біологическое значеніе, но также, какъ показываютъ послѣднія цитаты, общественный, соціологическій характеръ. Пользуясь этой параллелью, Михайловскій и критикуетъ теорію естественнаго подбора. «Для дарвинистовъ» — говоритъ онъ — «вся сумма органической жизни на землѣ, во всемъ ея разнообразіи произведена совокупнымъ дѣйствіемъ двухъ физиологическихъ дѣятелей: наслѣдственности и приспособленія. Первая представляетъ элементъ консервативный, элементъ инерціи, вторая — элементъ прогрессивный, элементъ движенія. Борьба за существованіе и подборъ родичей обуславливаютъ собою вымираніе формъ слабыхъ, менѣе приспособленныхъ къ окружающимъ условіямъ, и побѣду формъ сильныхъ, приспособленныхъ» (ст. о Дарвинѣ, I, 282).

Спрашивается, однако, дѣйствительно ли «приспособленіе» дарвинистовъ составляетъ элементъ прогрессивный, элементъ движенія, и нѣтъ ли фактовъ, говорящихъ иное? «Борьба за существованіе и подборъ родичей обуславливаютъ собою вымираніе формъ слабыхъ, менѣе приспособленныхъ къ окру-

жающимъ условіямъ, и побѣду формъ сильныхъ, приспособленныхъ»—такъ говорятъ дарвинисты. Но развѣ быть приспособленнымъ значить то же самое, что и быть *совершеннымъ*? Развѣ мы не видѣли только что, какъ наиболѣе приспособленные ко всякой данной обстановкѣ, какъ бы она ни была душна и узка, оказываются порой типы прагматическіе, носители застоя, что торжествуютъ въ такихъ далеко не рѣдкихъ случаяхъ «не сильные, а слабые». Не остается ли по-этому еще «открытымъ» вопросъ о выводахъ, дѣлаемыхъ дарвинистами изъ своихъ посылокъ? Вѣрно ли дарвинисты понимаютъ и объясняютъ значеніе основъ своего ученія? Много званыхъ, но мало избранныхъ, справедливо говорятъ дарвинисты. Но кто же избранные?». *Что такое высшія формы жизни? въ чемъ состоитъ мѣрило, критерій ихъ относительной высоты и совершенства?*

Послѣднія слова показываютъ, что мы снова подошли къ тѣмъ самымъ проблемамъ съ указанія на недостатки, въ рѣшеніи которыхъ дарвинизмомъ мы начали эту статью. «Достоинство вниманія—подчеркиваетъ Михайловскій—что дарвинизмъ, стремящійся образовать цѣлую философскую систему, не выработалъ опредѣленнаго критерія совершенства» (т. I, 285). Дарвинизмъ выставилъ принципы борьбы за существованіе и естественнаго подбора, въ качествѣ прогрессивныхъ началъ эволюціи, но эти принципы не есть критерій совершенства. Естественный подборъ, приспособленіе, расхожденіе признаковъ, несомнѣнно играютъ огромную роль въ органической жизни и ея развитіи, но сами по себѣ они факторы безразличные, способные подхватить и закрѣпить любое измѣненіе въ организаціи любого существа, разъ только это измѣненіе ему выгодно и независимо отъ того, прогрессивно оно или регрессивно. Въ природѣ нѣтъ цѣлей, природа—поскольку она намъ освѣщается естественнымъ подборомъ дарвинистовъ—творитъ слѣпо, стихійно, бессмысленно расточая силы. Правда, прогрессъ органической жизни на землѣ есть все-таки несомнѣнный фактъ, жизнь вѣчно обновляется, погибаютъ старыя, отжившія, нарождаются новыя, болѣе совершенныя формы жизни, но помимо вопроса о томъ, какой цѣной все это достигается, помимо вопроса о «цѣнѣ этого прогресса»—мы можемъ спросить, въ какомъ отношеніи къ нему стоитъ естественный подборъ дарвинистовъ. Какъ со-

гласовать съ нимъ примѣры регрессивнаго развитія подѣ влияніемъ фактора подбора?

«Конечно—оговаривается Михайловскій—природа представляетъ относительно немного такихъ рѣзкихъ случаевъ ретрограднаго развитія организаціи, побѣды слабыхъ и бездарныхъ, и вредности полезныхъ приспособленій. Но можно утвердительно сказать, что случаи рѣшительно прогрессивнаго развитія путемъ борьбы между недѣлимыми одного и того же вида не мевѣ рѣдки.. А потому нельзя утверждать, что въ борьбѣ за существованіе непременно одерживаютъ побѣду сильнѣйшіе представители типа; нѣтъ, побѣда можетъ остаться и за слабыми, уродливыми, если только они удачнѣе приспособились, благодаря неважнымъ, но въ данную минуту и при данныхъ обстоятельствахъ практически полезнымъ особенностямъ». (Ст. о Дарвинѣ, т. 1, 283, 225).

Итакъ, естественный подборъ дарвинистовъ не въ силахъ объяснить «прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растений». Не имѣя даже критерія для опредѣленія степени совершенства такого прогресса, дарвинисты, вмѣсто выработки его, просто идеализируютъ самый фактъ успѣха въ борьбѣ за существованіе. Но недостатки теоріи естественнаго подбора съ точки зрѣнія Михайловскаго этимъ не исчерпываются. «Траву косить можно только тамъ, гдѣ она растетъ, подбирать можно только тамъ, гдѣ есть что подбирать. Законъ подбора, выступаетъ на сцену лишь тогда, когда известная психическая или физическая особенность, подлежащая подбору, уже существуетъ; иначе ему не надъ чѣмъ проявить свое дѣйствіе. Вы спрашиваете дарвиниста: отчего это нашъ сѣрый заяцъ на зиму бѣлѣетъ? — «Ахъ, это очень просто: среди сѣрыхъ зайцевъ случайно родился одинъ бѣлый, и такъ какъ онъ, благодаря своему бѣлому цвѣту, былъ сравнительно мало замѣтенъ на снѣгу для враговъ, то избѣгъ многихъ опасностей, которымъ подверглись его сѣрые родичи, и оставилъ потомство, а въ потомствѣ бѣлый цвѣтъ постепенно и утвердился». — Позвольте, однако, да вѣдь заяцъ-то на лѣто опять сѣрѣетъ: это почему же? — «Да, все потому же: одинъ изъ потомковъ побѣлѣвшаго зайца лѣтомъ случайно посѣрѣлъ, и такъ какъ это было для него выгодно, то онъ избѣгъ многихъ опасностей и передалъ своему

потомству способность мѣнять лѣтомъ и зимой цвѣта сообразно обстановкѣ» ¹⁾).

Логическіе недостатки этого разсужденія очевидны. «Дарвинисту слѣдовало бы сказать: *я не знаю* (курс. подл.) непосредственной причины той или другой особенности, но знаю, что разъ она появилась»—хотя бы въ силу простой случайности—«то естественный подборъ, смотря по тому, выгодной она оказывается или нѣтъ, стремится либо закрѣпить ее въ ряду поколѣній, либо напротивъ устранить» (тамъ же). Иначе говоря, естественный подборъ дарвинистовъ не только безсиленъ, несмотря на все свое значеніе, объяснить прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растений, у него не только нѣтъ критерія для опредѣленія высшихъ формъ жизни,—кромѣ всего этого, естественный подборъ и тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно могъ бы обладать полной цѣнностью, именно въ объясненіи собственнаго механизма трансформациі видовъ, имѣеть очень крупныя пробѣлы.

«Законъ подбора выступаетъ на сцену лишь тогда, когда извѣстная психическая или физическая особенность, подлежащая развитію, ужь существуетъ»—когда она уже дана, но онъ не въ силахъ объяснить, въ зависмости отъ какихъ причинъ она, эта особенность, является въ организаціи недѣлимаго. Какую бы огромную роль ни играли наследственность и приспособленіе, эти факторы дарвинистовъ, принимаемые ими за причину міровой трансформациі и образованія новыхъ видовъ и разновидностей, ихъ роль, однако, по существу вторичнаго порядка, такъ какъ они могутъ прослѣдить роль того или другого видоизмѣненія въ какой-либо организаціи, но лишь послѣ того, какъ, по причинамъ неуловимымъ съ помощью одной идеи подбора, это видоизмѣненіе сдѣлалось совершившимся фактомъ и не только фактомъ, *а и факторомъ настолько замѣтнымъ, что сохраненіе и развитіе ея дѣлалось выгоднымъ для индивидуума.* А очевидно опять таки, что—«какъ бы тщательно мы ни изслѣдовали дальнѣйшую судьбу новой особенности, изслѣдованіе это не можетъ пролить ни одного луча свѣта на тотъ *иксъ*, который былъ вызванъ случайностью. Онъ остается *иксомъ*, т. е. задача остается перфшепною. Для рѣшенія ея

¹⁾ «Научныя пьсьма», 1884 г., т. II, 201—202.

надо обратиться къ какимъ-нибудь другимъ приемамъ изслѣдованія. Это ясно изъ чисто логическаго анализа самаго понятія подбора» (тамъ же).

Та критика идеи естественнаго подбора, которую мы сейчасъ изложили, была дана Михайловскимъ не въ 1870—1873 г. и не въ его статьяхъ «Теорія Дарвина и общественная наука», а въ 1880-хъ гг., сначала въ «Герояхъ и толпѣ» (см. тутъ особенно стр. 116—128) и потомъ въ «Научныхъ письмахъ» и еще болѣе позднихъ, уже начала 90-хъ гг., работахъ по теоріи коллективнаго подражанія. Дѣлая тутъ логическій анализъ понятія подбора и подтверждая этотъ анализъ цѣлымъ рядомъ новыхъ данныхъ, Михайловскій хотѣлъ указать, какую роль въ дѣлѣ физическихъ, первоначальныхъ измѣненій организма играютъ извѣстные психическіе факторы, могучіе, хотя и безсознательные. Михайловскому это было нужно для того, чтобы связать въ нѣчто единое, въ нѣкоторый синтезъ, необычайно плодотворный по своему научному значенію рядъ явленій общественно-психической жизни, относящихся къ области коллективнаго подражанія и рядъ явленій естественно-научнаго характера, соединительнымъ звеномъ между которыми явилось у него представленіе о самостоятельной роли въ прогрессѣ органическихъ формъ за извѣстнымъ психическимъ состояніемъ того или другаго недѣльнаго. Если мы отличаемъ, однако, статьи Михайловскаго о дарвинизмѣ въ 80-хъ гг. отъ его соотвѣствующихъ работъ первой половины 1870-хъ гг., то это еще не значитъ, что между ними нѣтъ совершенно ничего общаго.

За десятилѣтіе съ 1873 по 1883 годъ мысль Михайловскаго чрезвычайно выросла, кругозоръ его расширился, запасъ фактическаго матеріала обогатился массой сдѣланныхъ за это время въ литературѣ наблюденій надъ явленіями всевозможныхъ формъ подражанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его работахъ первой половины 70-хъ гг. по вопросу о дарвинизмѣ есть нѣчто родственное тѣмъ положительнымъ заключеніямъ, къ которымъ онъ пришелъ позже въ логическомъ анализѣ понятія подбора. Эту родственность въ критикѣ Михайловскимъ дарвинизма въ 1880-хъ гг. представляетъ въ 70-хъ гг. такъ называемый имъ *законъ развитія*, въ какомъ законѣ онъ видитъ, или видѣлъ въ то время, суще-

ственное дополненіе дарвиновой теоріи. Вотъ на этотъ законъ развитія и на роль его въ объясненіи Михайловскимъ прогресса въ мірѣ растеній и животныхъ мы и должны теперь обратить свое вниманіе, при чемъ, кромѣ сказаннаго выше, поступить такимъ образомъ насъ заставляетъ и еще одно обстоятельство, именно то значеніе, которое въ развитіи взглядовъ Михайловскаго на дарвинизмъ сыгралъ его современникъ и предшественникъ—геніальный «другъ-учитель» — Ник. Дм. Ножинъ, человекъ настолько крупный и выдающийся, хотя и безвременно погибшій, что онъ и самъ по себѣ заслуживаетъ нашего полного вниманія, какъ достойный сподвижникъ Михайловскаго..

Читатель не долженъ удивляться, что, говоря о критикѣ дарвинизма, мы ставимъ рядомъ съ широко-популярнымъ именемъ Н. К. Михайловскаго, почти забытое совершенно, игнорируемое даже специалистами ¹⁾, имя Н. Д. Ножина.

¹⁾ Ср. напр., ст. проф. Тимирязева «Пробужденіе естествознанія въ третьей четверти вѣка» (т. е. въ 60-хъ гг. XIX ст.) въ 26 вып. «Исторіи Россіи» изд. т-ва бр. Граватъ. На стр. 18—19, говоря о работахъ русскихъ ученыхъ надъ изслѣдованіемъ безпозвоночныхъ въ неаполитанскомъ заливѣ, проф. Тимирязевъ имя Ножина оставляетъ безъ всякаго упоминанія. Между тѣмъ вотъ что сообщалъ по этому поводу Михайловскій въ очеркахъ «Въ перемежку», гдѣ Ножинъ выведенъ, какъ сказано у насъ ниже въ текстѣ, подъ именемъ Бухарцева. «Бухарцевъ самостоятельно работалъ на берегу Средиземнаго моря надъ мелкими морскими животными. Этого рода изслѣдованія въ послѣднее время, какъ извѣстно, сильно подвинули науку впередъ и прославили нѣсколько именъ. Въ числѣ ихъ Бухарцевъ занималъ бы одно изъ первыхъ мѣстъ, если бы смерть не подкосила его такъ безжалостно рано. Онъ вывезъ множество наблюденій и весь этотъ матеріалъ предполагалъ обработать въ Россіи по готовому уже, совершенно опредѣленному плану. Но напечатать онъ успѣлъ только одну свою и то небольшую работу». Далѣе Михайловскій упоминаетъ о нѣкоторыхъ превратностяхъ, постигшихъ эту работу — появилась она въ бюллетеняхъ нашей академіи наукъ — и приводитъ вмѣстѣ съ тѣмъ отзывъ о ней одного ученаго зоолога. Все это съ достаточной ясностью показываетъ, что для Ножина могло бы найтись мѣсто въ отчетѣ о пробужденіи естествознанія въ Россіи 60-хъ гг. и, однако, проф. Тимирязевъ о Ножинѣ даже просто не упомянулъ. Такое же игнорированіе имени Ножина мы находимъ въ книгѣ П. А. Кропоткина «Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи». СПб. 1907. И тутъ о Ножинѣ нѣтъ ни слова, хотя еще въ 1900 году, когда кн. Кропоткинъ впервые изложилъ свои взгляды на дарвинизмъ въ англійскомъ журналѣ Nineteenth Century, ему было указано (см. стр. 213 сб. «На славномъ посту», ст. Гопа) на аналогичныя совершенно разсужденія Ножина въ «Кн. Вѣстн.» 1860-хъ гг.

Правда, непосредственное литературное наследство Ножина очень не велико—мы будемъ цитировать въ дальнѣйшемъ только статью его «Наша наука и ученые» въ «Кн. Вѣстн.» за 1866 г. №№ 1, 2, 3 и 7, и нѣсколько рецензій тамъ же, это почти все, что намъ осталось отъ Ножина, несмотря на его чрезвычайно обширные литературные планы. «Онъ мечталъ—разсказываетъ Михайловскій про Ножина въ очеркахъ «Въ перемежку», гдѣ Ножинъ выведенъ подъ именемъ Бухарцева—о реформѣ общественныхъ наукъ при помощи естествознанія и выработалъ уже обширный планъ ея». Человѣкъ это былъ, повидимому, чрезвычайно одаренный. По крайней мѣрѣ Михайловскій характеризуетъ его такимъ образомъ: «никогда не встрѣчалъ я такой силы анализа, такой способности къ обобщенію, такого быстрого усвоенія фактическаго матеріала, такой неустанной почти лихорадочной работы мысли. Пишу вполне трезво и созпательно: Бухарцевъ былъ гениальный умъ». Онъ — «можно сказать, ежедневно осыпалъ насъ гипотезами, теоріями, оригинальными сближеніями, не придавая имъ никакого значенія. Такъ льется вода изъ переполненнаго сосуда». Но—«по безобразной волѣ судьбы, онъ умеръ при такихъ странныхъ и до сихъ поръ не вполне для меня ясныхъ условіяхъ, что вмѣстѣ съ нимъ погасли и заготовленные имъ матеріалы и вещи, болѣе или менѣ обработанныя» (т. IV, 267, 269).

Изъ большихъ вещей осталась отъ Ножина (онъ умеръ 23-хъ лѣтъ, 3 апрѣля 1866 года, наканунѣ выстрѣла Каракозова, къ дѣлу котораго онъ и привлекался уже заочно) осталась только статья «Наша наука», почти цѣликомъ посвященная критикѣ Дарвина. Мы уже упоминали (см. выше, стр. 75), что данная Ножинымъ критика дарвинизма очень любопытна, какъ по своимъ аргументамъ, такъ и симптоматически, ибо она заставляетъ насъ искать корней анти-писаревскихъ воззрѣній, изъ которыхъ вышло впоследствии мировоззрѣніе 70-хъ гг., въ самый разгаръ писаревского вліянія, въ 1865—1866 гг., когда одновременно появляются наиболѣе блестящая, даже по отзыву современныхъ специалистовъ ¹⁾,

¹⁾ См. въ «Рѣчи», мартъ 1909 г. Фельетонъ Шимкевича «Къ юбилею Дарвина». Статью Писарева «я считаю, заявляетъ проф. Шимкевичъ, лучшимъ изложеніемъ книги Дарвина, какое только мнѣ приходилось читать».

популяризація и апологія дарвинизма въ статьѣ Д. И. Писарева «Прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растений» и первая же, по времени ея появленія въ Россіи, критика того же дарвинизма въ наброскахъ Ножина въ «Кн. Вѣстн.». Тогда Писаревъ совершенно заслонилъ Ножина, но вскорѣ рядомъ съ Ножинымъ, всталъ, въ свою очередь затмившій Писарева, и черезъ его голову подавшій руку поколѣнію «Современника», — Н. К. Михайловскій. Насколько же были солидарны Ножинъ и Михайловскій въ оцѣнкѣ дарвинизма, показываетъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что самое выраженіе «геніальный буржуа - натуралистъ», которымъ Михайловскій такъ ярко опредѣлялъ общественную сторону взглядовъ великаго англичанина, принадлежитъ не ему, а какъ онъ самъ неоднократно указывалъ (см. напр. I, стр. 180 и «Отклики», II, 262) — тому же Ножину. И вліяніе Ножина сказалось не только въ этихъ случаяхъ болѣе или менѣе частной оцѣнки Михайловскимъ дарвинизма. Ножинъ помогъ ему сдѣлать нѣчто во много разъ большее, чѣмъ это, — *онъ помогъ ему опредѣлить тотъ критерій совершенства организаціи, игнорированіе котораго теоріей Дарвина и было сдѣлано Михайловскимъ одной изъ главныхъ опоръ своей критики слабыхъ сторонъ теоріи естественнаго подбора.*

Переходя теперь къ послѣднему вопросу, мы должны вспомнить, что первоначально критерій совершенства организаціи Михайловскій опредѣляетъ еще въ статьѣ «Что такое прогрессъ» своимъ ученіемъ о фізіологическомъ раздѣленіи труда, въ частности же даннымъ тамъ анализомъ термина чело-вѣческой индивидуальности, подъ каковой индивидуальностью Михайловскій разумѣетъ, какъ намъ извѣстно, совокупность *всѣхъ* чертъ, свойственныхъ чело-вѣческому организму *вообще*. Но вотъ это самое опредѣленіе индивидуальности, какъ равно и первые, правда, еще сравнительно слабо выраженные, зачатки ученія о противоположности фізіологическаго раздѣленія труда и раздѣленія трудъ общественнаго, мы находимъ уже въ статьяхъ и замѣткахъ Ножина 1865—1866 г. «Конечно, всякій съ нами согласится — думаетъ, напр., Ножинъ, нападая на принципъ раздѣленія труда, какъ на источникъ рабской зависимости нецѣлостныхъ личностей другъ отъ друга и отъ того цѣлаго, къ которому они принадлежатъ, — конечно всякій согласится... что такая зависимость нецѣлостныхъ другъ

отъ друга находится въ прямомъ противорѣчїи съ основнымъ закономъ индивидуальности, цѣлостности организмовъ, по которому каждый индивидуумъ, въ видахъ полнаго совершенїя цикла своей жизни, удовлетворенїя всѣхъ своихъ потребностей *долженъ обладать всей суммой необходимыхъ для того органовъ и при томъ волють развитыхъ*» — т.-е. долженъ обладать, какъ выразился бы Михайловскій, совокупностью *всѣхъ* чертъ, свойственныхъ данному виду *вообще*.

«Въ природѣ, конечно,—продолжаетъ Ножинъ—это условїе полной индивидуальной жизни нерѣдко вслѣдствїе разныхъ причинъ нарушается, но развѣ это основанїе для того, чтобы отрицать основной фізіологической законъ жизни каждаго недѣлимаго? Нарушенная какимъ бы то ни было образомъ цѣлостность организма все-таки остается основною причиною всѣхъ внутреннихъ и вѣшнихъ противорѣчїй въ жизни каждаго недѣлимаго». Основною причиною, ибо ясно, что—«для каждаго недѣлимаго необходима вся сумма органовъ для полной жизни и что всѣ эти органы служатъ, такъ сказать, дополненїемъ другъ друга по отношенїю къ достиженїю одной и той же цѣли, характеризующей жизнь даннаго вида, т.-е. данной ступени развитїя животнаго организма. И дѣйствительно—прибавляетъ Ножинъ—*степень цѣлостности каждаго организма измѣряется только тѣмъ, насколько онъ служитъ полнымъ представителемъ всѣхъ сторонъ жизни даннаго вида, и только степенью его независимости отъ другихъ индивидуумовъ измѣряется его довольство и счастье*»...¹⁾

Отстаивая прїоритетъ интересовъ всесторонне развитой личности, принципъ личной независимости, Ножинъ говоритъ даже, что «индивидуализмъ, анархизмъ, вотъ условїя полной, здоровой счастливой жизни всѣхъ недѣлимыхъ животнаго царства». И напротивъ исторически слагавшееся общество по типу раздѣленїя труда стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчїи «съ выгодами полнаго здоровья, свободы и анархїи». Полное здоровье, свобода, вообще истинный индивидуализмъ для Ножина такимъ образомъ, какъ будто, равнозначенъ съ понятїями анархїи и анархизма. Можетъ быть, въ этомъ

¹⁾ См. «Кн. Вѣстн.», № 24, отъ 30 дек. 1865 г. Рецензія на кн. Вирхова, курс. мой.

случаѣ у Ножина сказывались отголоски его личныхъ отношеній съ отцомъ современнаго анархизма—Бакунинымъ, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что одно время за періодъ своей заграничной жизни въ 1863—1864 г., Ножинъ часто сталкивался съ Бакунинымъ, обо многомъ диспутировалъ съ нимъ, и хотя Ножинъ выступалъ въ этихъ случаяхъ оппонентомъ Бакунина, но это не могло еще предохранить его отъ вліянія со стороны послѣдняго, слишкомъ могучаго полемиста, чтобы онъ могъ не оказать давленія на своего собесѣдника. Можетъ быть, впрочемъ, въ вышеприведенной фразѣ Ножина объ анархизмѣ сказывалась просто извѣстная невыработанность его мысли, въ чемъ тоже нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ Ножину не было въ то время и 23-хъ лѣтъ, и въ чемъ нѣтъ ничего невозможнаго, такъ какъ слѣды такой теоретической неустановленности замѣчаются и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ его тогдашнихъ статей¹⁾.

Такъ или иначе, но суть въ томъ, что не этими сторонами своего міровозрѣнія Ножинъ вліялъ на Михайловскаго. «Не могу достаточно оцѣнить пользу, доставленную мнѣ общеніемъ съ кругомъ идей Ножина—говоритъ Михайловскій въ своихъ воспоминаніяхъ—но въ нихъ все-таки было много

¹⁾ О тогдашней неустановленности взгляда Ножина говорятъ и тѣ, правда, очень скудныя біографическія данныя, которыя есть въ литературѣ о немъ. Напримѣръ, Левъ Мечниковъ въ своей статьѣ «Бакунинъ въ Италіи въ 1864 г.», рассказывая о страстныхъ спорахъ Бакунина съ Ножинымъ, чаще всего кончавшихся тѣмъ, что Бакунинъ, не скрывая презрительнаго раздраженія, уходилъ отъ этого «взбалмошнаго мальчишки»,—слѣдующимъ образомъ описываетъ настроеніе въ то время 21-лѣтняго Ножина: «Ножинъ самое слово «революція» почти никогда не употреблялъ. Онъ всѣмъ своимъ изнывающимся вутромъ мучительно сознавалъ, что надо придти къ инымъ болѣе справедливымъ основамъ общественной. Онъ смутно угадывалъ нѣкоторые изъ этихъ новыхъ основъ, но формулировать ихъ не умѣлъ, отчасти по замѣчательному недостатку краснорѣчія, отчасти потому, что многого еще обдумать и уяснить даже самому себѣ порядкомъ онъ не успѣлъ. Ему даже не ясно было, революція или эволюція вѣрнѣе приведетъ къ этому желанному измѣненію основъ. Онъ не имѣлъ предвзятаго расположенія ни къ той, ни къ другой, но въ немъ была мучительная жажда поскорѣе узнать этотъ желанный путь и именно узнать съ научной достовѣрностью, не оставляя въ столь капитальномъ дѣлѣ ничего на чувство, ни на вѣру, ни на гаданіе». (См. «Историч. Вѣстникъ» 1897 г. № 3). Ср. тамъ же еще слѣдующія слова о юношескихъ годахъ Ножина: «вмѣстѣ

смутнаго, частью потому, что онъ въ самомъ Ножинѣ только развивались, частью по малому его знакомству съ областью обществознанія. Я получилъ отъ Ножина только толчекъ въ извѣстномъ направленіи, но толчекъ сильный, рѣшительный, благотворный» («Лит. восп.», I, 44). «Не помышляя о специальныхъ занятіяхъ біологіей, я, однако, много читалъ по указанію Ножина и какъ бы по его завѣщанію» (тамъ же)...

Эти личныя указанія Михайловскаго, данныя имъ уже на склонѣ лѣтъ, вполне подтверждаются и наличнымъ литературнымъ матеріаломъ, касающимся его отношеній въ 1860-хъ гг. съ Ножинымъ. Отношенія эти не исчерпывались, конечно, тѣмъ влияніемъ, которое Ножинъ оказывалъ на Михайловскаго благодаря своимъ познаніямъ въ области біологій. Ножинъ былъ не только — первымъ русскимъ критикомъ Дарвина, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ первымъ русскимъ соціологомъ, и какъ ни незначительно въ количественномъ отношеніи оставленное имъ литературное наслѣдство, но въ немъ Ножинымъ дана почти цѣлая программа дальнѣйшаго развитія русской соціологій. Было бы странно поэтому отрицать его влияние и въ этой области на Михайловскаго, что, впрочемъ, не отрицаетъ и самъ Михайловскій, ибо, говоря въ очеркахъ «Въ перемежку» о мечтахъ Ножина-Бухарцева реформировать общественныя науки при помощи естествознанія, Михайловскій прибавляетъ къ этому: «не могу похвастаться, чтобы я хорошо помнилъ его», т. е. планъ такой реформы, — «впрочемъ мнѣ случалось все-таки встрѣчать въ литературѣ прямое отраженіе идей незабвеннаго друга-учителя» (IV, 210); Это Михайловскимъ сказано несомнѣнно *pro domo sua*, по

съ развитіемъ въ немъ пробудилась болѣзненная жажда знанія, не того или другого сухого, книжнаго, но знанія всесторонняго, полнаго, которое бы однимъ лучемъ озарило ему всю нѣсколько туманную незаконченную въ деталяхъ картину общественнаго преобразованія, какъ-то внезапно зародившуюся въ его мозгу». «Едва-ли не выгнанный изъ дому, лишенный всякихъ средствъ, онъ отправился въ Ниццу, гдѣ сталъ заниматься эмбріологіей и фізіологіей, перебиваясь кое-какими уроками, собирая въ то же время матеріалъ для всесторонняго соціологическаго трактата, пополняя съ судорожной торопливостью многочисленныя, преимущественно политическія пробѣлы своего воспитанія». Біографическія свѣдѣнія о Ножинѣ есть также въ очеркахъ «Въ перемежку» Михайловскаго (см. т. IV, 266-272). Въ общемъ они сходятся съ данными Мечникова.

адресу своихъ собственныхъ соціологическихъ работъ, въ которыхъ онъ неоднократно говорилъ о великомъ значеніи естествознанія для построения научной соціологіи, хотя и обосновывалъ это иначе, чѣмъ Ножинъ.

Но если Ножинъ вліялъ такимъ образомъ и на соціологическіе взгляды Михайловскаго, то съ другой стороны не слѣдуетъ преувеличивать и тотъ «толчекъ», который Михайловскій получилъ отъ Ножина въ области біологіи. Быть можетъ, тутъ вообще было бы правильнѣе говорить не столько о вліяніи, сколько о совмѣстной творческой работѣ двухъ крупныхъ, если не одинаково великихъ умовъ, обладающихъ огромной инициативой мысли. Правда, о Ножинѣ, какъ человѣкѣ, погибшемъ слишкомъ рано, трудно судить съ полной опредѣленностью и увѣренностью, но что касается Михайловскаго, то онъ передъ нами весь на-лицо, въ теченіе всей своей чуть-что не полувѣковой дѣятельности, выяснившей вполне основную отличительную черту его литературнаго и психологическаго склада — способность каждое полученное извнѣ впечатлѣніе, каждый «толчекъ» для развитія своей творческой энергіи, перерабатывать съ помощью собственной мысли, придавая тѣмъ самымъ печать рѣзкой индивидуальности и оригинальности всему строю своихъ воззрѣній. Что такъ было съ дарвинизмомъ, это мы уже видѣли на примѣрѣ тѣхъ рамокъ историко-философскаго характера въ видѣ ученія о разныхъ типахъ телеологіи, въ которыя Михайловскій независимо отъ Ножина вдвинулъ свою критику дарвинизма. Но въ томъ же самомъ мы убѣдимся еще болѣе, разсматривая такую сторону отношеній Михайловскаго къ дарвинизму, на которой вліяніе Ножина сказалось особенно рѣзко — именно выставленное Михайловскимъ ученіе о «законахъ развитія»...

Ножинъ такъ опредѣляетъ эту сторону своихъ взглядовъ на дарвинизмъ. «Основная мысль Дарвина состоитъ въ томъ — говорить онъ отчасти отъ своего лица, отчасти отъ имени Лаказа-Дютье — что, отыскивая причину измѣнчивости видовъ *вмѣсто того, чтобы объяснить эту измѣнчивость законами развитія, т. е. законами постепеннаго усложненія организаціи* (бур. мой), онъ объясняетъ ее борьбою за существованіе между всѣми органическими существами, населяющими землю, и преимущественно между отдѣльными особями отдѣльнаго вида. Это — по мнѣнію Ножина — ученіе

Мальтуса, приложенное къ растительному и животному царству. Дарвинъ... какъ бы не замѣчаетъ... что борьба за существованіе не выгодна для развитія, что она сама по себѣ есть только источникъ патологическихъ явленій, явленій диаметрально-противоположныхъ законамъ фізіологическаго развитія. Вся теорія Дарвина поэтому можетъ быть названа теоріей геніальнаго буржуа-натуралиста и вѣрна она лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ вѣрна и теорія Мальтуса. Лаказъ-Дютъе, прибавляетъ Ножинъ, совершенно вѣрно понялъ основную ошибку дарвиновой теоріи. Несомнѣнно, говоритъ онъ, борьба за существованіе можетъ заставить исчезнуть виды, но не понятно, какъ она можетъ вызвать ихъ къ жизни» («Кн. Вѣстн.», 7, 1866 г., 174—175).

То, что здѣсь Ножинъ называетъ закономъ развитія, было вполнѣ воспринято отъ него Михайловскимъ, какъ естественное дополненіе теоріи Дарвина. Мы знаемъ, что естественный подборъ съ точки зрѣнія Михайловскаго отнюдь не представляетъ начало безусловно прогрессивное. Подобно Ножину и, можетъ быть, по его непосредственнымъ въ свое время указаніямъ, Михайловскій въ статьѣ «Замѣтки о дарвинизмѣ» цитируетъ (1, 272) ту же, только что нами приведенную, со словъ Ножина, фразу Лаказа-Дютъе о естественномъ подборѣ и борьбѣ за существованіе. «Самъ Дарвинъ—прибавляетъ къ этому Михайловскій въ другомъ мѣстѣ своей статьи—въ послѣднемъ своемъ сочиненіи сознается, что онъ преувеличивалъ значеніе подбора, борьбы и полезныхъ приспособленій какъ факторовъ прогресса, и приводитъ нѣсколько примѣровъ противоположнаго ихъ вліянія» (тамъ же), 280. Но придя къ такому заключенію о борьбѣ за существованіе, какъ факторѣ прогресса, Михайловскій прекрасно понималъ, какъ это понималъ и Ножинъ, что въ такомъ случаѣ передъ нами стоитъ въ качествѣ нерѣшеннаго новый вопросъ слѣдующаго рода: «если развитіе жизни на землѣ не шло и не идетъ прогрессивнымъ путемъ, то не представляетъ оно и рѣшительнаго регресса. Напротивъ, прогрессъ очевидно существуетъ. Какъ же согласить это обстоятельство съ вышесказаннымъ». Такъ спрашиваетъ Михайловскій (см. т. I, 289), но еще рѣзче тотъ же вопросъ ставитъ Ножинъ. «Вообще—по его мнѣнію—теорія постепеннаго развитія органической жизни на землѣ должна допустить преобладаніе фізіологическихъ явленій развитія надъ патологиче-

скими, иначе невозможно было бы постепенное увеличеніе массы органической жизни» («Кн. В.», 66 г. № 7). Что иначе было бы невозможно постепенное увеличеніе массы органической жизни—это вѣрно, но, однако, въ силу какихъ причинъ физиологическія явленія развитія преобладають надъ патологическими?..

«Дѣло въ томъ—отвѣчаетъ на все это Михайловскій— что въ теоріи Дарвина слѣдуетъ различать двѣ стороны: общую идею происхожденія органической жизни изъ немногихъ простыхъ формъ и собственно Дарвину принадлежащее объясненіе того пути, которымъ шло и идетъ развитіе органическаго міра. Какъ ни остроумно это объясненіе, какъ ни тонка и плодотворна работа Дарвина, но нѣкоторые ученые полагають, что его гипотеза недостаточна. Они не отрицають не только измѣняемости видовъ, но и спеціально Дарвиновыхъ принциповъ подбора приспособленныхъ и борьбы за существованіе. Они ставятъ только рядомъ съ ними особый принципъ развитія, въ силу котораго измѣненіе видовъ имѣло бы мѣсто и при отсутствіи подбора, полезныхъ приспособленій и борьбы за существованіе. Этотъ законъ развитія давно уже признанъ въ эмбриологій, но лишь очень немногими прилагается къ объясненію происхожденія видовъ. Онъ основывается на (предполагаемомъ) свойствѣ организованной матеріи принимать съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сложное строеніе. Въ свойствѣ этомъ нѣтъ ничего магическаго. Какъ магнитной стрѣлкѣ свойственно обращаться всегда однимъ концомъ къ сѣверу; какъ въ неорганической природѣ извѣстнымъ элементамъ свойственно группироваться только въ опредѣленные химическія соединенія и принимать только опредѣленные кристаллическія формы; какъ, наконецъ, въ клѣточкѣ атомы углерода, водорода, кислорода и азота обнаруживаютъ стремленіе слагаться въ болѣе и болѣе сложные и высшія соединенія, такъ точно и самимъ клѣточкамъ свойственно сходиться все въ большемъ и большемъ числѣ и составлять все болѣе сложные формы органической жизни. Усложненіе это состоитъ въ увеличеніи числа и разнообразія органовъ и въ усиленіи *физиологическаго раздѣленія труда*, т. е. въ усиленіи обособленія и приспособленія органовъ къ спеціальнымъ отправленіямъ. Такимъ образомъ законъ

развитія неудержимо и постоянно толкаетъ организованную матерію впередъ, къ дальнѣйшему усложненію»¹⁾).

Формулируя въ этихъ словахъ «законъ развитія», Михайловскій вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и тѣхъ ученыхъ, отъ которыхъ онъ беретъ первоначально идею о «предполагаемомъ свойствѣ организованной матеріи принимать съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе сложное строеніе». Эти ученые Негели, Келликеръ, Снелль и особенно Ламаркъ. Замѣчательно, что съ именами Негели и Келликера, а также, какъ было упомянуто выше, съ именемъ Лаказъ-Дютъе, мы встрѣчаемся еще въ статьяхъ Ножина 1865 — 1866 гг. Несомнѣнно, это и были тѣ авторы, къ которымъ Михайловскій обратился «по указанію Ножина и какъ бы по его завѣщанію». Съ другой стороны у Ножина мы не находимъ, однако, никакихъ упоминаній о Ламаркѣ, тогда какъ Михайловскій, напротивъ, въ своемъ окончательномъ объясненіи того, какъ происходитъ «прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растений», приближается импно къ взглядамъ Ламарка, на что уже указывалось однажды въ русской литературѣ въ книгѣ г. Бердяева о Михайловскомъ (см. тамъ стр. 187 и сл.)

«На дарвинизмѣ—находитъ Михайловскій—лежитъ характерная печать узкой и сильной англійской практичности» (т. I, стр. 284). Эта практичность и подсказала Дарвину и особенно дарвинистамъ радужный взглядъ на природу, идеализацію борьбы за существованіе. Конечно Дарвинъ, глядя на природу, радуется далеко не съ столь ограниченно-праздничной точки зрѣнія, какая усвоена большинствомъ его противниковъ. Отсутствие какой-либо предоставленной цѣлесообразности въ явленіяхъ природы понимается имъ вполне, и телеологія имѣетъ въ его теоріи непреодолимаго противника. И тѣмъ не менѣе значеніе имъ самимъ указываемыхъ и разъясняемыхъ явленій понимается имъ слишкомъ односторонне и узко. И, быть можетъ, знаменитый предшественникъ Дарвина, гениальный Ламаркъ, безспорно заблуждавшійся во многомъ, смотрѣлъ во многихъ отношеніяхъ шире на дѣло, когда говорилъ, что полезныя приспособленія (Ламарку была, впрочемъ,— замѣчаетъ Михайловскій—чужда идея приспособленія въ строго-дарвинистскомъ

¹⁾ «Борьба за индивидуальность», т. I, 458, курс. подл.

смыслъ) обусловливаютъ собою не прогрессъ организаци, а неправильности прогресса; законъ же прогресса по Ламарку есть законъ постепеннаго усложненія организаци» (тамъ же, 285).

Отъ имени Ламарка Михайловскій и разрѣшаетъ поставленный выше вопросъ о томъ, какъ согласовать несомнѣнную наличность прогресса въ органическомъ мирѣ съ явно регрессивными порой, если не зачастую и не всегда, тенденціями приспособляемости и подбора. По словамъ Михайловскаго—«Ламаркъ очень просто вышелъ бы изъ этого затрудненія. Онъ сказалъ бы, что существуетъ законъ, по которому организмы все совершенствуются, постепенно усложняясь. Но законъ этотъ дѣйствуетъ не въ безвоздушномъ пространствѣ. Онъ сталкивается съ другими законами, и въ результатѣ жизнь развивается въ направленіи нѣкоторой равнодѣйствующей, которая сама постоянно измѣняется. Сегодня законъ правильнаго, нормальнаго развитія, законъ совершенствованія обнаруживается во всей силѣ, завтра берутъ перевѣсъ пертурбаціонныя силы и отклоняютъ развитіе въ ту или другую сторону. Борьба за существованіе между недѣлимыми одного и того же вида, естественный подборъ родичей и полезныя приспособленія суть силы пертурбаціонныя, постоянно такъ или иначе, но враждебно, не выгодно отзывающіяся на ходѣ развитія органической жизни. Дѣйствительное усовершенствованіе не порождается, а стѣсняется и извращается элементами, признаваемыми дарвинизмомъ за творческіе» (тамъ же).

Но понятно, что, поставивши такимъ образомъ вопросъ, Михайловскій изъ этихъ теоретическихъ разногласій съ дарвинизмомъ долженъ былъ сдѣлать и отличные отъ него практическіе выводы въ примѣненіи къ условіямъ общественной жизни...

III.

Мы сказали, что изъ своихъ теоретическихъ посылокъ Михайловскій долженъ былъ сдѣлать иные совершенно, чѣмъ у дарвинистовъ, практическіе выводы, и дѣйствительно, такъ онъ и поступилъ. «Человѣкъ—говоритъ Михайловскій—под-

чиненъ тѣмъ же законамъ, что и остальная природа. И въ обществѣ человѣческомъ много званыхъ, но мало избранныхъ, и здѣсь избранными сплошь и рядомъ оказываются подслѣповатые и слабокрылые, и здѣсь существуютъ типы идеальныя и практическія въ лицѣ отдѣльныхъ педѣлимыхъ, сословія, народовъ, и здѣсь борьба, подборъ и полезныя приспособленія дѣлаютъ свое роковое дѣло. Но человѣкъ раститъ въ себѣ древо познанія добра и зла, но для того только, чтобы созерцать его плоды, а для того, чтобы вкушать ихъ. Ему нужны правила поведенія. У него есть идеалы, стремленія, цѣли. Ему нужна санкція ихъ. Въ немъ борются мысли и чувства, вѣща отвѣта на категорическій вопросъ: что дѣлать?».

И нельзя сказать, чтобы у дарвинистовъ не было отвѣта на этотъ вопросъ. Напротивъ, имѣя его въ виду, «послѣдовательные представители дарвинизма отвѣчаютъ развязно: приспособляйся къ условіямъ окружающей тебя жизни, дави неприспособленныхъ, ибо изъ этого проистекаетъ вящшая выгода для общества... Блаженны, говорятъ дарвинисты, блаженны вы, если вы сильны, если вы приспособлены, если вы подобраны, если вы избраны. И законна и правомѣрна ваша гибель, если вы окажетесь лишней спицей въ колесѣ практической колесницы. Проваливайтесь въ пропасть прогресса, поглотившую тысячи подобныхъ вамъ. Не надгробнымъ рыданіемъ проводимъ мы васъ, не вѣчною памятью, а ядовитымъ хохотомъ и криками торжества. Свершилась, скажемъ, законная кара за неприспособленность» (ст. о Дарвинѣ, 292)...

Такіе выводы, жестокія практически, несостоятельныя и теоретически, вызываютъ вполнѣ понятныя и горячія протесты Михайловскаго. Михайловскій руководился при этомъ голосомъ непосредственнаго моральнаго чувства, своей глубокой преданностью интересамъ «униженныхъ и оскорбленныхъ», но, разумѣется, этому протесту онъ могъ дать и болѣе широкое оправданіе. Для того, чтобы сдѣлать правомѣрными тѣ или другіе практическія выводы, мы должны подвести подъ нихъ соответствующій теоретическій фундаментъ, но развѣ дарвинизмъ удовлетворяетъ такимъ требованіямъ? Дарвинизмъ даже какъ чисто біологическая доктрина не обладаетъ ни полнотой, ни непоколебимостью, способными дать объективное оправданіе для сдѣланныхъ имъ выводовъ, и тѣмъ болѣе не обязательны

эти выводы для области социологии, законы которой имѣютъ специфическій характеръ, качественно отличный отъ законовъ биологии. Тамъ, въ области, составляющей предметъ биологии, «ходъ развитія управляется подборомъ выгодныхъ индивидуальныхъ уклоненій, передаваемыхъ только наследственно, а не педагогически. *Но человекъ и некоторые другія животныя давно уже имѣютъ въ своемъ распоряженіи орудіе, способное парализовать невыгоды индивидуальной измѣчивости, сохраняя его выгоды. Орудіе это кооперація.* Этотъ великій фактъ, имѣющій столь первенствующее значеніе въ жизни человѣка, совершенно игнорируется дарвинистами («тамъ же, 294, курс. мой)...

Прежде чѣмъ говорить: «блаженны вы, если вы сильны, если вы подобраны, если вы избраны, и законна, и правомѣрна гибель ваша, если вы окажетесь лишней спицей въ колесѣ практической колесницы» — дарвинисты должны были сначала изслѣдовать, какъ вліяютъ разные типы коопераціи, исторически смѣнявшіе другъ друга, на характеръ подбора, полезныхъ приспособленій, взаимныхъ отношеній слабыхъ и сильныхъ, и въ какомъ отношеніи результаты этого вліянія стоятъ къ выработанному нами критерию совершенства. Дарвинисты этого не сдѣлали, они просто перенесли законы биологии въ область законовъ общественной жизни, между тѣмъ какъ это неправильно вообще, и въ особенности неправильно методологически. Свою точку зрѣнія Михайловскій поясняетъ въ этомъ случаѣ примѣромъ того, какъ преломляются въ области общественныхъ отношеній, установленныя Дарвиномъ принципы борьбы, полезныхъ приспособленій и подбора. Дарвинисты находятъ, что борьба за существованіе въ природѣ вполне соответствуетъ и даже повторяетъ ее такая же борьба за существованіе въ обществѣ, принимающая здѣсь типичныя формы конкуренціи. «Аналогія между борьбой за существованіе въ природѣ и конкуренціей въ обществѣ до извѣстныхъ предѣловъ законна — соглашается Михайловскій, — такъ какъ борьба за существованіе является результатомъ биологическихъ законовъ, которые имѣютъ мѣсто въ обществѣ. Но не все выводы изъ этой аналогіи будутъ для насъ обязательны. Напримѣръ мы говоримъ: борьбу за существованіе выдерживаютъ въ большей части случаевъ сильнѣйшіе, лучшіе, наиболѣе развитые представители животнаго и растительнаго царства;

такъ какъ конкуренція въ обществѣ имѣетъ весьма большое сходство съ борьбой за существованіе въ природѣ, то должно думать, что и въ конкуренціи побѣдителями остаются лучшіе, развитѣйшіе представители общества. Такого вывода мы не имѣемъ права сдѣлать».

Не имѣемъ права сдѣлать, потому что имъ захватывается нѣчто специально присущее предмету социологіи — общественныя отношенія, т. е. тотъ социологическій остатокъ, которымъ собственно социологія и отличается по классификаціи наукъ Конта, воспринятой отъ него Михайловскимъ, отъ низшихъ наукъ, въ частности отъ біологіи. Распространяя біологическій законъ борьбы за существованіе въ томъ же видѣ на міръ социальныхъ отношеній, мы дѣлаемъ ложный шагъ. ибо нами въ этомъ случаѣ «социологическій фактъ разсматривается съ біологической точки зрѣнія, т. е. употребляется незаконный аналогическій методъ. *Конкуренція несомнѣнно зависитъ отъ некоторыхъ чисто біологическихъ законовъ, но общественныя отношенія представляютъ нѣчто не встрѣчающееся въ остальной природѣ, а потому не невозможно, что и конкуренція въ обществѣ даетъ не тѣ результаты, что борьба за существованіе въ природѣ» (см. ст. «Аналог. методъ», 1, 361—362, курс. мой).*

И еще въ той же статьѣ: «предметъ социологіи есть общественность, кооперація, и потому, принимая отъ біологіи законъ борьбы за существованіе, социологія должна опредѣлить, какое направленіе принимаетъ борьба подъ вліяніемъ коопераціи. Если же существуетъ нѣсколько типовъ коопераціи, то какъ вліяетъ каждый изъ нихъ. Она должна прослѣдить эти вліянія не только въ человѣческомъ обществѣ, а п вездѣ, гдѣ существуетъ кооперація, т. е. и въ пчелиномъ ульѣ, и въ муравейникѣ, и въ колоніяхъ низшихъ животныхъ. При этомъ можетъ встрѣтиться надобность въ рѣшеніи вопроса о большей или меньшей плодовитости, и этотъ вопросъ социологія должна предать на разсмотрѣніе фізіологіи. Добытые такимъ путемъ законы будутъ дѣйствительно социологическіе законы и усмотрѣны они будутъ не съ біологической, а съ социологической точки зрѣнія» (тамъ же, стр., 381—382).

Добытые такимъ путемъ законы дадутъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность двухсторонней провѣрки основныхъ положеній дарвинизма — во-первыхъ, на нихъ мы можемъ

еще разъ убѣдиться, дѣйствительно ли дарвинизмъ не выработалъ опредѣленнаго критерія совершенства, дѣйствительно ли высшія формы жизни возникаютъ изъ стихійной борьбы за существованіе, изъ вѣчнаго горя, слезъ и смерти, дѣйствительно ли приспособленные есть вмѣстѣ съ тѣмъ совершенные. И съ другой стороны, если и въ примѣненіи къ области общественныхъ отношеній дарвинизмъ не можетъ оправдать своихъ основныхъ положеній, то критика его съ соціологической точки зрѣнія должна намъ дать отвѣтъ на вопросъ: въ чемъ же состоитъ прогрессъ общественности и въ какомъ отношеніи онъ стоитъ къ «прогрессу въ мірѣ животныхъ и растений», формулированному теоріей Дарвина.

«Человѣкъ, совершенно незнакомый съ дарвинизмомъ—говорятъ Михайловскій—узнавъ о той роли, которую въ немъ играетъ борьба за существованіе, пришелъ бы, конечно, къ заключенію, что это ученіе чрезвычайно мрачное, пессимистическое». На дѣлѣ же это не такъ. Напротивъ, «какъ читателю извѣстно, дарвинизмъ насквозь проникнутъ оптимизмомъ, ибо предполагаетъ, что изъ тяжелой, гнетущей борьбы, вездѣ кругомъ насъ происходящей, въ тысячъ смертей, ежеминутно косящихъ жизнь на землѣ, возникаютъ все высшія и высшія формы жизни. Нѣкоторые дарвинисты стоятъ за этотъ догматъ съ необыкновеннымъ упорствомъ; нѣкоторые, и въ томъ числѣ самъ Дарвинъ, нѣсколько послабили, съ теченіемъ времени, свой радостный тонъ; нѣкоторые, наконецъ, находятъ бѣду только въ томъ, что въ человѣческомъ обществѣ устроены препятствія, состояція въ учрежденіяхъ, идеяхъ, чувствахъ, мѣшающихъ погибелю слабыхъ, худшихъ и торжеству сильныхъ, лучшихъ»¹⁾.

Последній типъ дарвинистовъ, господствующихъ главнымъ образомъ въ уличной литературѣ, но имѣющихъ своихъ представителей и въ области науки—такова, на примѣръ, «Клемансъ Ройе, пламенный французскій сивій чулокъ»—особенно возмущалъ Михайловскаго. «Если Дарвинъ скажетъ, что борьба за существованіе есть творческій принципъ природы, то дарвиненокъ выйдетъ на улицу, засучивъ рукава, и крикнетъ: ну-ка кто кого». Впрочемъ, и самъ Дарвинъ до извѣстной степени повиненъ въ столь грубомъ истолкова-

¹⁾ Ст. «По поводу смерти Дарвина», V, 630. Писана въ маѣ 1882 г.

нія его доктрины. Уже вскорѣ послѣ выхода бняги Дарвина начали появляться разныя *enfants terribles* дарвинизма, провозглашавшіе отъ имени дарвиновой теоріи всевозможные безстрашные выводы въ примѣненіи къ соціальной жизни. «Что же дѣлалъ въ это время учитель» — спрашиваетъ Михайловскій и отвѣчаетъ: «учитель... мямлилъ. Онъ говорилъ, напримѣръ: «Нельзя не пожалѣть, хотя, быть можетъ, это не совсѣмъ разумно, о быстротѣ, съ которой размножается человѣчество». Или: «Мы должны безропотно примириться съ несомнѣнно пагубными послѣдствіями сохраненія жизни и размноженія слабыхъ людей». Или еще: «преступниковъ казнятъ и подвергаютъ долгосрочному тюремному заключенію, такъ что они не могутъ свободно передавать потомству свои дурныя качества. Меланхоликѣвъ и сумасшедшихъ запираютъ, или они кончаютъ самоубійствомъ. Люди задорные и запальчивые часто погибаютъ насильственною смертію». Такимъ образомъ и въ обществѣ происходитъ процессъ естественнаго подбора лучшихъ и гибели худшихъ. Но кто же эти лучшіе и эти худшіе?» (тамъ же, 633).

«Обратите вниманіе — продолжаетъ въ отвѣтъ на это Михайловскій — на колеблющійся, нерѣшительный тонъ Дарвина, какъ только рѣчь заходитъ о человѣческихъ житейскихъ дѣлахъ, а также... на спеціальный недостатокъ его, вообще столь богатаго воображенія. Онъ не можетъ себѣ представить общества, въ которомъ преступниками считались бы и, слѣдовательно, подвергались бы казни и долгосрочному тюремному заключенію не худшіе, а, напротивъ, лучшіе. А, кажется такое общество представить себѣ не трудно»... Да и кромѣ того очевидно, что самый обыкновенный преступникъ можетъ обладать всякаго рода достоинствами и быть подвинутымъ на преступленіе неблагоприятными условіями той общественной формы, которой Дарвинъ предоставляетъ рѣшающую роль: если она эта форма рѣшила, что такой-то преступникъ есть, такъ и конечно — онъ худшій, онъ долженъ погибнуть. Исно, что для сортировки лучшихъ и худшихъ, сильныхъ и слабыхъ критерій успѣха недостаточенъ и что ходъ вещей на землѣ далеко не столь безостановочно радостенъ, какъ его рисуютъ дарвинисты» (тамъ же, 634).

Михайловскій даетъ и рядъ историческихъ иллюстрацій

къ этимъ словамъ. Такъ «средневѣковая феодально-католическая организація, имѣя своимъ полномочнымъ органомъ инквизицію, казнила и всячески преслѣдовала вѣдьмъ, еретиковъ, евреевъ, мавровъ, вообще всѣхъ съ католическими принципами несогласно мыслящихъ». Но вѣдь въ числѣ ихъ было не мало тѣхъ лучшихъ людей, о коихъ теперь съ благодарностью воспоминаетъ человѣчество. «Достаточно вспомнить» — на примѣръ — «Джіордано Бруно, на которомъ какъ бы воочію осуществилась сказка о феяхъ, принесшихъ къ колыбели младенца всѣ дары природы: умъ, талантъ, красоту, смѣлость, энергію. Все дѣло испортила фея, принесшая и свой губительный даръ — неумѣнье приспособиться къ требованіямъ данной общественной формы. Понятно — замѣчаетъ Михайловскій — что не всѣ такіе исключительные баловни природы погибали на кострахъ инквизиціи и задыхались въ ея тюрьмахъ. Однако извѣстныя умственные и нравственные качества были для еретика необходимы, чтобы вызывать преслѣдованіе и казнь. Нужно было умъ, чтобы придти къ самостоятельнымъ выводамъ, нуженъ былъ характеръ, чтобы поддержать выводы ума и не отречься отъ нихъ. И если бы тысячи этихъ даровитыхъ и стойкихъ людей остались живы и передали свои высшія качества многочисленному потомству, то дальнѣйшая исторія Европы имѣла бы, вѣроятно, совершенно иной обликъ»... ¹⁾

«Сложность общественной жизни» — продолжаетъ Михайловскій — «вполнѣ допускаетъ чередованіе и даже одновременное существованіе явленій противорѣчивыхъ, которыя историку или соціологу и приходится констатировать. Но надо хоть сколько-нибудь ориентироваться въ этихъ житейскихъ противорѣчіяхъ, какъ-нибудь группировать ихъ и объяснить». Сдѣлать это, впрочемъ, не такъ ужъ трудно. Прежде всего въ случаяхъ, подобныхъ вышеприведеннымъ — «очевидно — говоря словами дарвинистовъ — нѣтъ никакого естественнаго подбора: здѣсь общество или его полномочныя органы поступаютъ совершенно такъ же, какъ сельскій хозяинъ или скотопромышленникъ, искусственно отбирающій экземпляры въ виду своихъ специальныхъ цѣлей. Затѣмъ,

¹⁾ «Объ одномъ соціологич. вопросѣ», VI, 895—896. Писано въ 1891 г.

есть преступленія противъ общества, противъ самыхъ основъ его, безъ которыхъ ни одно общество существовать не можетъ, и есть преступленія противъ данной только формы общества. Очевидна огромная разниа между этими двумя разрядами преступленій, а слѣдовательно и между общественными послѣдствіями этихъ воздѣйствій» (тамъ же).

Огромная разниа между ними существуетъ именно съ точки зрѣнія дарвиновыхъ принциповъ борьбы за существованіе, «съ точки зрѣнія подбора и его послѣдствій», ибо при преслѣдованіи враговъ *данной* только формы общества «на убой идутъ часто лучшія силы страны... Здоровые же, стойкіе и даровитые люди нужны всякой общественной формѣ, задача которой состоитъ поэтому отнюдь не въ томъ, чтобы глушить извѣстныя качества въ самомъ ихъ корнѣ, а въ томъ, чтобы утилизировать ихъ въ нужномъ ей направленіи. Ради этого общественная форма могла бы поступиться многимъ въ своихъ собственныхъ интересахъ. Но въ человѣческихъ дѣлахъ расчетъ выгоды и невыгоды часто затемняется не только чисто логическими ошибками, а и случайностями личнаго темперамента, каприза, слѣпото упрямства, вообще неразуміемъ сердца, если позволительно такъ выразиться. Оттого-то и случается такъ часто въ исторіи, что извѣстная общественная форма, преслѣдуя несогласно мыслящихъ, истребляетъ мыслящихъ вообще и немыслящимъ предоставляетъ все поле дѣйствія, и въ минуту опасности сама остается безъ достаточно стойкихъ и надежныхъ защитниковъ, — желая сохранить все, остается ни при чемъ; снявши всѣ сливки, по необходимости должна довольствоваться снятымъ молокомъ» (тамъ же, т. VI, стр. 897).

Едва-ли нужно подводить особый итогъ всѣмъ этимъ фактамъ, до такой степени они краснорѣчивы и такъ ярко подтверждаютъ всю данную Михайловскимъ критику дарвинизма. Очевидно, и тутъ не приходится говорить о торжествѣ высшихъ формъ, какъ естественномъ послѣдствіи борьбы за существованіе въ мірѣ соціальныхъ отношеній. «Въ томъ строѣ общества, гдѣ господствуютъ перекрещенныя стихійныя силы подбора, борьбы, расхожденія признаковъ, полезныхъ приспособленій—въ этомъ строѣ гибнуть не одни буйные, не одни развратные, не одни преступники», — какъ это пробовалъ доказывать Дарвинъ, спасая идею естествен-

наго подбора. «Этихъ людей гибнетъ сравнительно ничтожное количество, и, разъ они сумѣютъ овладѣть извѣстными полезными приспособленіями, они застрахованы, они на волѣ, они не лишены возможности передавать свои особенности по наслѣдству. Но зато навѣрно гибнуть типы идеальные, эти неприспособленные теоретики, совмѣщающіе въ себѣ всѣ силы, разметанныя процессомъ расхожденія признаковъ по всѣмъ закоулкамъ общества. Они гибнутъ, либо втягиваясь въ водоворотъ полезныхъ приспособленій, либо прямо выжимаются изъ строя жизни во всей своей идеальной чистотѣ» (ст. о Дарвинѣ, 295).

Здѣсь происходитъ приблизительно то же самое, что и въ извѣстныхъ намъ примѣрахъ съ островными жуками, представителями практическаго типа, съ деградированной организаціей, но приспособленными вполне къ своей обстановкѣ. «Жизнь черѣдко ставитъ передъ людьми подобныя альтернативы, и, какъ бы мы ихъ ни рѣшали на практикѣ, а называть вещи ихъ собственными именами все-таки слѣдуетъ. Такъ и съ островными жуками. Тѣ изъ нихъ, которые были настолько крылаты, что залетали слишкомъ далеко, погибали, но они были выше тѣхъ, которые уцѣлѣли. И если бѣ жуки разсуждали по-человѣчески, то имъ предстояла бы дилемма: или сохранить свое достоинство и погибнуть, или цѣною униженія купить себѣ жизнь».

Насколько это повторяется и въ межчеловѣческихъ отношеніяхъ, показываютъ хотя бы тѣ же средніе вѣка. «Духовныя крылья, крылья мысли были связаны у человека, свободное изслѣдованіе, каково бы оно ни было, клеймилось страшнымъ и презрительнымъ названіемъ ересь, еретиковъ вздергивали на дыбу, сажали на испанскаго осла, ввергали въ убійственныя объятія нюрнбергской дѣвицы, жгли на кострѣ. Отъ этихъ ужасовъ можно было избавиться, отказавшись, подобно островнымъ жукамъ, отъ крыльевъ, признавъ, что, дескать, не наше дѣло мыслить, на то есть особые авторитеты. Большинство, конечно, такъ и поступало, да еще, пожалуй, въ такъ называемой «святой простотѣ» выставляло волонтеровъ по части подкидыванія дровъ въ костры. Но мы, поздніе потомки, съ уваженіемъ и благодарностью поминваемъ не это безкрылое большинство, а тѣхъ крылатыхъ, которые погибли». Пусть они погибли, какъ

«неприспособленные», но приспособленіе и не есть критеріи совершенства. Иначе намъ пришлось бы допустить, что — «тупые и жестокіе, фигурально выражаясь, истинно безмозглые палачи, измучившіе въ тюрьмѣ и потомъ сжегшіе на кострѣ геніальнаго, смѣлаго, благороднаго Джіордано Бруно, — выше съ этой точки зрѣнія красоты и гордости вида homo Sapiens: они вполнѣ приспособились къ условіямъ своего существованія вообще, къ современнымъ имъ астрономическимъ, богословскимъ и философскимъ понятіямъ въ частности и благополучно питались и размножались въ то время, какъ онъ, неприспособленный, изнывалъ въ тюрьмѣ и горѣлъ на кострѣ»... ¹⁾).

Борьба за существованіе въ мірѣ человѣческихъ отношеній заставляетъ насъ, слѣдовательно, признать, что либо у дарвинистовъ нѣтъ опредѣленнаго критерія совершенства для сужденія въ каждомъ данномъ случаѣ о томъ, какія формы общественности являются дѣйствительно высшими, либо — если у нихъ есть такой критерій — то они должны видѣть наличность гибели этихъ высшихъ формъ и постоянное, при извѣстныхъ условіяхъ, торжество «безкрылой» посредственности, умѣющей приспособляться къ обстоятельствамъ, въ чемъ бы они ни состояли. А торжество этой посредственности наблюдалось не только въ средніе вѣка, и не только въ западно-европейской жизни. Такъ Франція Наполеона III, не гнушаясь всевозможными средствами насилія надъ несогласно мыслящими, — «прямо и косвенно покровительствовала бездарности, тупости, низкопоклонству — и кончила Седаномъ» (VI, 897—898).

Ту же самую картину безграничной траты лучшихъ силъ, гибели идеальныхъ типовъ, ненужной, безцѣльной жестокости, мы видимъ и въ русской исторіи. «Законы измѣнчивости, наследственности, приспособленія, борьбы за существованіе, подбора писаны и для насъ», въ нашей, какъ и европейской, жизни были «страшныя, на которыхъ записано торжество мерзости и гибель достоинства», эпохи, про которыя «историкъ скорбя говоритъ». Мы видѣли, какъ въ прошломъ, такъ видимъ и теперь, что въ нашей жизни за-

¹⁾ См. посл. цит. «Лит. воспом.» 1, 196, изъ полемики съ Мечниковымъ и «Отклики», т. I, стр. 165 изъ полемики съ проф. Тимирязевымъ.

частую празднуетъ побѣду не то, «что сильно собственной внутренней силой», а лишь то, что пользуется силой заемной, почерпая ее «въ уродливыхъ обстоятельствахъ времени и мѣста, какъ почерпаютъ свою силу слѣпыя животныя въ условіяхъ пещерной жизни» (т. V, стр. 635). И, кончая свою критику дарвинизма, Михайловскій напоминаетъ читателямъ объ этихъ страницахъ русской исторіи. «У древнихъ былъ странный обычай—говорить онъ.—Среди роскошнаго пира, на которомъ вкусъ услаждался утонченными кушаньями, слухъ—пѣніемъ и музыкой, зрѣніе прекрасными танцовщицами, среди этого пира вдругъ подавался скелетъ... Это должно было напомнить гостямъ тщету всего земного. Русская жизнь! Пересчитай своихъ выбывшихъ изъ строя неприспособленныхъ, и, можетъ быть, теперь, въ пору вѣщныхъ полезныхъ приспособленій, это воспоминаніе сыграетъ для тебя роль скелета на пирѣ» (т. I, ст. о Дарвинѣ, 295—296).

Разумѣтся, всеѣмъ вышесказаннымъ еще не исчерпывается критика Михайловскимъ соціологической стороны дарвинизма. Пока изъ сказаннаго выше мы видимъ даже какъ разъ такіе факты изъ исторіи и современной общественной жизни, которые до извѣстной степени повторяютъ передъ нами наиболѣе характерныя черты въ жизни остальной природы, тогда какъ мы думали, напротивъ, намѣтить извѣстное своеобразіе законовъ общественной жизни, законовъ соціологіи. Вѣдь не даромъ же Михайловскій говоритъ, что «человѣкъ и нѣкоторыя другія животныя имѣютъ въ своемъ распоряженіи орудіе, способное парализовать невыгоды индивидуальной измѣнчивости, сохраняя его выгоды. Орудіе это—кооперація». Конечно, не даромъ, ибо, зная взгляды Михайловскаго на разные типы коопераціи и на отношеніе ихъ къ судьбамъ личности, мы легко можемъ опредѣлить, не дѣлая даже спеціального анализа, при какихъ именно условіяхъ и въ какихъ сторонахъ общественной жизни Михайловскій видитъ—«орудіе, способное парализовать невыгоды индивидуальной измѣнчивости, сохраняя его выгоды». Орудіе это должно заключаться, разумѣтся, въ смѣнѣ тѣхъ формъ общественной жизни, которыя несутъ за собой антагонизмъ и взаимную борьбу соціальныхъ группъ, соціальныхъ интересовъ, порождающую

борьбу за существованіе, такими формами общественности, основнымъ принципомъ которыхъ является, напротивъ, солидарность интересовъ, свобода, равенство и братство. И по мѣрѣ того, какъ будетъ происходить эта смѣна однихъ формъ соціальной жизни другими, или, говоря обычными терминами Михайловскаго, для котораго антагонизму общественныхъ интересовъ сопутствуетъ соціальный строй по типу сложной коопераціи, также какъ общественная солидарность—простому сотрудничеству, простой коопераціи,—въ какой мѣрѣ, слѣдовательно, въ нашей жизни будетъ расти господство принциповъ простого сотрудничества надъ тенденціями сложной коопераціи, постольку человекъ получаетъ возможность парализовать невыгодныя стороны естественнаго подбора, сохраняя всѣ его выгоды. Или, какъ выражаетъ эту мысль самъ Михайловскій, въ словахъ намъ уже знакомыхъ,—«отсутствіе борьбы за существованіе можетъ быть достигнуто исключительно коопераціей простого сотрудничества, ибо кооперація сложнаго сотрудничества или раздѣленія труда не устраняетъ, а только видоизмѣняетъ борьбу за существованіе»...

Любопытно отмѣтить между прочимъ, что и въ этомъ случаѣ, въ критикѣ соціологической стороны дарвинизма, какъ равно и въ критикѣ его біологическихъ положеній, Михайловскій имѣлъ въ томъ же Ножинѣ своего, если не прямого учителя, то во всякомъ случаѣ непосредственнаго и ближайшаго предшественника.

«Начиная съ самыхъ низшихъ органическихъ существъ, мы можемъ—по словамъ Ножина—привести цѣлый рядъ фактовъ, говорящихъ въ пользу существованія одного общаго фізіологическаго закона развитія организмовъ, закона, подрывающаго въ самомъ основаніи теорію Дарвина... Законъ этотъ можно выразить слѣдующей формулой: *вполнѣ сходныя другъ съ другомъ организмы не борются между собой за существованіе, но стремятся, напротивъ, сливаться другъ съ другомъ, такъ сказать, связывать воедино свои однородныя силы, свои интересы, и при этомъ вмѣсто раздѣленія труда замѣчается въ ихъ отношеніяхъ только сотрудничество*» (Курс. подл.).

«Поэтому—говоритъ Ножинъ въ другомъ мѣстѣ своей статьи—единство фізіологическихъ интересовъ, возможное

только между одинаковыми особями, не нарушается ни размноженіемъ, ни развитіемъ, и потому всѣ общественныя противорѣчія (*contradictions économiques* Прудона, поясняетъ Ножинъ въ скобкахъ), въ томъ числѣ и законы Мальтуса и Дарвина, явленія патологическія и возможны только при нарушеніи цѣлостности организмовъ, при неизбѣжной зависимости другъ отъ друга односторонне развитыхъ индивидуумовъ, слѣдовательно, опять-таки при раздѣленіи труда». «Мы боремся—поясняетъ эти слова Ножинъ—другъ съ другомъ за обладаніе развитой нервной системой, такъ какъ мышечная дѣятельность доставляетъ намъ меньше преимуществъ, и такъ какъ вслѣдствіе закона зависимости послѣдней отъ первой, она дѣйствительно намъ обеспечиваетъ роль паразитовъ - эксплуататоровъ и постоянно ставитъ насъ, специалистовъ нервной дѣятельности, въ выгодныя для насъ условія при неизбѣжной борьбѣ за существованіе съ представителями другихъ родовъ физиологическихъ отправленій».

Но опять-таки: *«такого рода борьба изъ-за эксплуатаціи неизбежна, покуда организмы наши нецѣлостны или патологичны (курс. полл.)*, такъ какъ при этомъ неизбеженъ выборъ между тою или иною спеціальностью, ставящею насъ, въ свою очередь, въ тѣ гнетущія нашу свободу условія зависимости, въ какихъ находятся даже въ одномъ и томъ же организмѣ пищеварительная, мышечная, нервная и др. отправленія. Поэтому—заканчиваетъ Ножинъ—Дарвинъ напрасно смѣшиваетъ подъ общимъ терминомъ «борьбы за существованіе» общую борьбу всѣхъ индивидуумовъ даннаго вида противъ природы съ встрѣчающеюся, вслѣдствіе нецѣлостности индивидуумовъ, борьбою между членами одного и того же вида» (см. «Кн. Вѣстн.», 1866 г., № 7, 175, 177, 178).

Достаточно сопоставить все это съ соціологическими взглядами Михайловскаго, въ частности съ разсмотрѣнной нами выше критикой имъ теоріи Дарвина, чтобы убѣдиться, насколько близки были по своему источнику системы воззрѣній Ножина и Михайловскаго. Особенно любопытно въ этомъ случаѣ разграниченіе Ножинымъ въ зависимости отъ его взглядовъ на раздѣленіе труда—*«враждебныхъ»* отношеній между индивидуумами въ одномъ случаѣ *«взаимност-*

ныхъ въ другомъ», т. е., враждебныхъ между группами, образующимися на почвѣ раздѣленія труда и взаимностныхъ по отношенію членовъ каждой изъ такихъ группъ другъ къ другу. Едва-ли могутъ быть сомнѣнія, что изъ аналогичныхъ мыслей развилось и у Михайловскаго столь важное для его соціологіи противопоставленіе простой и сложной кооперации, впервые въ русской литературѣ систематически освѣтившее принципъ борьбы классовъ или шире — борьбы общественныхъ силъ во всемірной исторіи. До какой степени принципъ это выдвигался тогда, еще во времена первыхъ литературныхъ шаговъ Ножина и Михайловскаго на сам е видное мѣсто въ развитіи общественнаго самосознанія въ Россіи, показываютъ еще и слѣдующіе факты...

Разсматривая въ первой главѣ настоящей статьи ученіе Михайловскаго о разныхъ типахъ телеологіи, наиболѣе рельефно выраженное имъ въ непосредственной связи съ критикой теоріи Дарвина, мы имѣли тамъ между прочимъ въ числѣ положеній исключительно важныхъ для соціологіи Михайловскаго утвержденіе о все растущемъ значеніи во всемірной исторіи, *субъективной* цѣлесообразной дѣятельности человѣка. «Исторія жизни на землѣ стремится сдѣлаться исторіей человѣческихъ идеаловъ» — такъ заявляетъ Михайловскій, обосновывая свое ученіе о субъективно-антропоцентрической телеологіи. Разумѣется, послѣднія слова Михайловскаго, какъ равно и всѣ подобныя мѣста въ его сочиненіяхъ, отнюдь нельзя истолковывать въ томъ смыслѣ, что по его мнѣнію сама личная, цѣлесообразная дѣятельность человѣка не подчинена никакой законосообразности и можетъ не считаться съ объективнымъ ходомъ вещей. Такое примитивное воззрѣніе на «субъективную» соціологію Михайловскаго, когда-то усиленно пропагандировавшееся русскими марксистами, въ особенности г. Плехановымъ¹⁾, который,

¹⁾ См. напр. у г. Плеханова въ книгѣ «Къ вопросу о развитіи мистическаго взгляда на исторію» Спб. 1905, стр. 48, 92, 94, 177, 201, 202. На эти же мѣста своей книги г. Плехановъ ссылался не такъ давно въ полемикѣ съ Луначарскимъ и М. Горькимъ въ «Соврем. мірѣ», за 1909 г. «У г. Бельтова мы находимъ блестящія соображенія о свободѣ и необходимости въ исторіи» — говоритъ въ своей книгѣ о Михайловскомъ (прим., 117 стр.) г. Бердяевъ. Но вся положительная часть этихъ блестящихъ соображеній, заимствованныхъ, впрочемъ, г. Пле-

впрочемъ, и нынѣ не далеко отъ него, несмотря на всю его несостоятельность,—должно быть теперь совершенно отброшено, какъ грубо искажающее мысль Михайловскаго. Михайловскій говоритъ: «человѣкъ раститъ въ себѣ дерево познанія добра и зла не для того, чтобы только созерцать его плоды, а и для того, чтобы вкушать ихъ. Ему нужны правила поведенія. У него есть идеалы, стремленія, желанія, цѣли». Но говоря такъ, Михайловскій прекрасно понималъ, что эти идеалы, стремленія, цѣли человѣкъ долженъ осуществлять не въ безвоздушномъ пространствѣ, а въ определенной исторической и общественной средѣ, въ определенныхъ формахъ коопераціи,—слѣдовательно, и самый способъ осуществленія ихъ мы должны поставить въ зависимость отъ тѣхъ средствъ и отъ того матеріала, который дается намъ окружающей средой, который связанъ съ извѣстной соціальной обстановкой, съ даннымъ типомъ соотношенія общественныхъ силъ...

«Вы видите, напримѣръ,—поясняетъ все это Михайловскій,—что извѣстныя обстоятельства аккуратно каждый день вынуждаютъ нѣсколько человѣкъ отправляться въ помѣщеніе, наполненное парами сѣрнистой кислоты, и тамъ задохаться. Если это вамъ нравится, вы говорите: пусть себѣ отравляются и задыхаются, вашъ идеалъ совпадаетъ съ дѣйствительностью. Если же нѣтъ, т. е., если чувство ваше возмущается этимъ зрѣлищемъ, у васъ создается извѣстный идеалъ, степень годности котораго всецѣло зависитъ отъ вашей предварительной внутренней работы. Идеалъ вашъ—продолжаетъ Михайловскій—можетъ встать въ совершенное противорѣчіе съ непоколебимымъ закономъ природы, и тогда васъ ожидаетъ печальная будущность. Въ составъ вашего идеала можетъ, напримѣръ, входить представленіе о сѣрнистой кислотѣ, которая, оставаясь сѣрнистой кислотой, не мѣшала бы человѣку дышать. Идеалъ этотъ не достигимъ, и потому, если вы человѣкъ крупный, если вы дѣйствительно, принимаете близко къ сердцу судьбу людей,

хановымъ изъ Антя-Дюринга Энгельса, была развита Михайловскимъ, какъ это видно изъ изшего дальнѣйшаго изложенія, по крайней мѣрѣ на четверть вѣка раньше г. Плеханова и почти на десять лѣтъ до появленія книги Энгельса.

вынужденныхъ ежедневно отправляться въ помещеніе съ парами сѣрнистой кислоты, то можете въ одинъ прекрасный день сойти съ ума или разбить себѣ лобъ. Если же вы калибромъ помельче, то станете негодовать на свойства сѣрнистой кислоты; ахъ, дескать, какъ это печально и не хорошо, что въ сѣрнистой кислотѣ трудно дышать; если же вы еще помельче, то просто скажете, что и вздоръ это совсѣмъ, будто въ сѣрнистой кислотѣ нельзя дышать, хотя надъ собою и не рѣшитесь сдѣлать опыта. Все это рѣшенія сантиментальной философіи. Но вотъ является другой человекъ, не менѣе васъ чувствующій, но болѣе васъ благоразумный. Онъ не отказывается отъ чувства негодованія, но оно направляется у него не на свойства сѣрнистой кислоты, а на тѣ обстоятельства, которыя вынуждаютъ людей задыхаться въ ней. Онъ не только не косится на законъ природы, но ищетъ и другихъ, извѣстная комбинація которыхъ могла бы поставить людей внѣ вліянія сѣрнистой кислоты»¹⁾.

Слова эти показываютъ ясно, какъ понималъ конкретно Михайловскій сущность того типа телеологіи, который онъ называетъ субъективно - антропоцентрическимъ. Если исторія жизни на землѣ стремится обратиться въ исторію человѣческихъ идеаловъ, то, съ другой стороны, сами человѣческіе идеалы становятся дѣйствительной исторической силой только тогда, когда находятъ для себя объективную опору въ жизни природы, въ законахъ ея и законахъ общественной жизни. И опять-таки Михайловскій въ своей критикѣ дарвинизма и въ частности принципа борьбы за существованіе превосходно формулируетъ эту сторону своихъ воззрѣній на задачи нормальной и научной постановки вопроса борьбы за идеаль. Онъ напоминаетъ прежде всего основное различіе въ нашемъ отношеніи къ міру человѣческихъ отношеній и къ тому, что лежитъ за предѣлами этого міра, къ фактамъ естественнымъ.

«Отъ факта естественнаго мы не требуемъ, напримѣръ, справедливости, которая, однако, вертится на языкѣ даже у всякаго негодая, когда рѣчь идетъ о фактѣ социальномъ. Мы не возмущаемся тѣмъ, что какое-нибудь растеніе безпощадно глушитъ своихъ слабыхъ сосѣдей. Каждая индивидуализиро-

¹⁾ «Аналогическій методъ въ современной наукѣ», т. I, 388, іюль 1869 г. Курс. мой.

ванная единица въ природѣ дѣйствуетъ какъ слѣпая сила, уступая только большей силѣ; мы видимъ это и говоримъ: таковъ законъ природы. И даже отъявленному поборнику искусства для искусства не можетъ придти въ голову мысль написать романъ, картину, элегію, драму на тему — борьба за существованіе въ природѣ, безотносительно къ человѣку. Никто не рѣшится говорить о нравственномъ кодексѣ двукопытныхъ или о принципѣ справедливости у многокопытныхъ. Едва-ли даже какой-нибудь завзятый моралистъ отважится упрекать цвѣтокъ въ наглости и безстыдствѣ за то, что онъ выставляетъ на показъ свои убранные лепестками половые органы. Между тѣмъ съ человѣческой (гуманной) точки зрѣнія природа, дѣйствительно, представляетъ рядъ рабовъ и эксплуататоровъ, безконечную цѣпь насилій и разврата. Мудрено, однако, стать на гуманную точку зрѣнія, говоря о природѣ» ¹⁾.

Да намъ и не нужно становиться на нее, опредѣляя свои отношенія къ природѣ. Прообразъ того, какъ намъ слѣдуетъ поступать въ этомъ случаѣ, даетъ тотъ же дарвинизмъ, ибо «если мыслящіе люди признавали фактическую вѣрность теоріи Дарвина, то тѣ же, именно тѣ же мыслящіе люди съ негодованіемъ отвертываются отъ слѣпой силы, какъ общественнаго принципа. Такимъ образомъ, когда объектомъ нашего мышленія является природа, мы относимся къ ней, какъ и всѣ общественные дѣятели, мы просто становимся въ ряды этихъ дѣятелей, не связывая себя относительно ихъ никакими обязательствами. Наоборотъ, когда человѣкъ, какъ мыслящій субъектъ, дѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ и мыслимымъ объектомъ, мы становимся на гуманную точку зрѣнія. Послѣднее не только не противорѣчитъ первому, но самымъ тѣснымъ образомъ съ нимъ связывается. Въ самомъ дѣлѣ если по естественному неизбѣжному закону, всякая индивидуализированная единица въ природѣ прямо или косвенно живетъ на счетъ единицъ болѣе слабыхъ, то не изъять изъ этого закона и человѣкъ, какъ недѣлимое и какъ членъ общества. Онъ борется съ природой, давить ее, какъ и она съ нимъ борется и давить его. *Но въ той мѣрѣ, въ какой людскіе интересы совпадаютъ, въ виду этой борьбы лю-*

¹⁾ См. ст. «Преступленіе и наказаніе», 1868 г., II, стр. II. Слѣд-
цитата тутъ же.

дямъ нуженъ миръ, а не борьба. Вслѣдствіе этого между членами группы съ совпадающими интересами устанавливаются особыя правила, называемыя правилами нравственности, справедливости и не прилагаемыя вми къ единицамъ не входящимъ въ составъ группы. Кругъ людей, съ интересами которыхъ совпадаютъ интересы данной личности, можетъ быть болѣе или менѣе обширенъ, смотря по степени развитія личности... Это можетъ быть одна личность, семья, родъ, община, народъ и, наконецъ, человѣчество»...

«Итакъ—заключаетъ Михайловскій—различіе фактовъ естественныхъ и социальныхъ, какъ предметовъ человѣческаго вѣдѣнія, состоитъ только въ томъ, что къ первымъ мы относимся совершенно объективно, тогда какъ къ послѣднимъ, наоборотъ, не можемъ не относиться субъективно». При чемъ такое субъективное различіе отнюдь «не исключаетъ понятія законосообразности человѣческихъ дѣйствій» и вотъ почему.

По словамъ Михайловскаго—«самому закону борьбы за существованіе, очевидно, подлежатъ и факты социальныя, какъ и естественныя. Но во имя сложныхъ интересовъ человѣчества мы, сознательно или безсознательно повинуваясь законамъ природы, можемъ ихъ до известной степени регулировать, подчиняясь имъ, можемъ въ предѣлахъ этого подчиненія подчинять ихъ себѣ. И законы, управляющіе наиболѣе сложными и, слѣдовательно, наиболѣе измѣнчивыми явленіями, каковы явленія общественной жизни, допускаютъ это подчиненіе въ гораздо большей степени, нежели законы явленій простѣйшихъ и менѣе измѣнчивыхъ. *Разумъ познаетъ законы явленій и регулируетъ ихъ въ виду известныхъ цѣлей.* Такимъ образомъ, разумъ человѣческой бладетъ къ подножію человѣчества весь міръ и человѣкъ опять становится центромъ вселенной. Но это не тотъ объективно-антропоцентрическій періодъ, когда міромъ въ пользу или во вредъ человѣку заправляли внѣшнія силы. Это и не эксцентрическій періодъ индивидуальнаго произвола, когда человѣкъ и его интересы забывались для отвлеченныхъ идей прекраснаго, нравственнаго, истиннаго или справедливаго. Это періодъ субъективно-антропоцентрическій, періодъ, когда на мѣсто Олимпа становится разумъ человѣческой. Олимпъ, какъ чуждый человѣку, могъ посылать ему съ одинаковымъ величіемъ и безучастностью и добро и зло, и вѣдро и ненастье, и

гнѣвъ и мелость. Разумъ человѣческій не гнѣвается и не караетъ, потому что онъ есть способность понимать явленія, онъ работаетъ только на счастье человѣчества, потому что это его собственное счастье. *Здѣсь человекъ побѣдилъ природу, потому что понялъ свою зависимость отъ нея*¹⁾.

Послѣдняя цитата особенно замѣчательна. она выражаетъ гениальную мысль. «Человѣкъ побѣдилъ природу потому, что понялъ свою зависимость отъ нея». То же самое и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ. Намъ нужно понять эту зависимость, намъ нужно изслѣдовать законы общественнаго развитія, дабы поставить свою сознательную, независимую дѣятельность на вполне прочный фундаментъ. Мы знаемъ уже, что такъ именно Михайловскій и поступилъ въ своей критикѣ социологической стороны дарвинизма, — опровергая его, онъ въ этомъ случаѣ обращался къ тѣмъ законамъ общественнаго развитія, которые по своему существу составляютъ нѣчто своеобразное и не встрѣчающееся во всей остальной природѣ, внѣ міра социальныхъ отношеній, при чемъ конкретно они выражались для Михайловскаго въ смѣнѣ сложной коопераціи общежитіемъ по типу простого сотрудничества, и единственно на что намъ осталось отвѣтить, это на вопросъ: въ какихъ же фактахъ современной жизни Михайловскій видѣлъ наличность этой огромной по своему историческому значенію и *прогрессивной* по существу, смѣны формъ коопераціи.

¹⁾ Тамъ же, II, Стр. 12, 13. Напомню читателю, что это писано въ 1869 году, при томъ въ статьѣ, которая составила изъ мелкихъ набросковъ въ «Кн. Вѣсти.», относящихся еще къ 1865—1866 гг. Цитата эта можетъ считаться цѣлой программой «субъективной» социологіи Михайловскаго и мысли, выраженной въ ней, вошли впоследствии въ общую систему его воззрѣній, за исключеніемъ, впрочемъ, одной детали. Въ статьѣ, изъ которой взята приведенная цитата («Преступленіе и наказаніе»), Михайловскій съ сочувствіемъ комментируетъ извѣстный афоризмъ м-иъ Сталь — «понять значитъ простить», отголосокъ котораго слышится и въ словахъ «разумъ человѣческій не гнѣвается и не караетъ» (см. цитату въ текстѣ). Въ этомъ пунктѣ мысль Михайловскаго впоследствии рѣзко измѣнилась. «Понять — значитъ просить, говоритъ онъ въ «Литер. воспом.» — да, но горькій житейскій опытъ и многолѣтнія житейскія наблюденія приводятъ къ заключенію, что есть мерзости, которыхъ именно нравственно развитая личность не можетъ понять, не можетъ, значитъ, и простить» (I, 15). Ср. также стр. 121—122, т. VI ст. «Предисловіе къ книгѣ объ Іоаннѣ Грозномъ».

IV.

Отвѣтъ на послѣдній вопросъ Михайловскій далъ, въ качествѣ критика Дарвина, въ одной изъ самыхъ своихъ оригинальныхъ и блестящихъ статей, поражающихъ неожиданностью и даже парадоксальностью своихъ обобщеній, въ социологической параллели «Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха» (см. т. I сочиненій). Парадоксальность этой параллели, способной даже нѣсколько шокировать нравственное чувство читателя, не смущала однако Михайловскаго, хотя онъ и понималъ, съ какимъ изумленіемъ долженъ былъ всякій читатель спросить себя—что можетъ быть общаго между Дарвиномъ и «веселымъ маэстро» Оффенбахомъ, да и можетъ ли быть между ними что-либо общаго? Но еще болѣе парадоксальнымъ способенъ показаться непосредственный отвѣтъ на это Михайловскаго, выставленный имъ въ самомъ началѣ его статьи, гдѣ онъ называетъ Оффенбаха и Дарвина, обоихъ не менѣе, какъ продолжателями французскихъ просвѣтителей XVIII вѣка.

«Дарвинъ и Оффенбахъ суть оба въ равной мѣрѣ продолжатели просвѣтителей XVIII вѣка». — «Я знаю—предупреждаетъ читателя Михайловскій—какія возраженія вы готовы выставить противъ этого сопоставленія Дарвина и Оффенбаха, и противъ приравниванія ихъ обоихъ къ революціонно-философскому движенію прошлаго (писано въ октябрѣ 1871 г.) столѣтія. Больше всего васъ смущаетъ здѣсь легкомысліе, безнравственность, распущенность веселаго маэстро. Вы знаете, что литература просвѣщенія подготовила до извѣстной степени революцію, что она состояла изъ крупныхъ талантовъ, что она составляла силу, въ которой заискивали короли и которой поклонялись народы. Наконецъ, она отошла уже въ вѣчность и воспоминается вамъ не иначе, какъ окруженная ореоломъ величія и славы. Вы ее уважаете. О Дарвинъ и говорить нечего. При взглядѣ на его портретъ, на этотъ крутой, нахмуренный лобъ, нависшія брови и пронизательные глаза, вы торопитесь застегнуть на всѣ пуговицы сюртукъ своей души—да простится мнѣ это фигуральное выраженіе въ восточномъ вкусѣ. Вы знаете, что этотъ чело-

вѣкъ совершилъ переворотъ въ наукѣ, что это человѣкъ и глубокомысленный, и остроумный, и талантливый, и трудолюбивый. Вы его уважаете глубоко... И вдругъ—Оффенбахъ! А что такое Оффенбахъ?» (См. томъ I, стр. 396)...

Чѣмъ бы однако ни былъ Оффенбахъ въ глазахъ широкой публики, знающей его, какъ автора цѣлаго ряда наполовину непристойныхъ оперетокъ съ жрецами, богами, монахами, карабинерами, герцогами и пр. въ качествѣ героевъ, чѣмъ бы онъ ни былъ съ общежитейской точки зрѣнія—«надо обладать, по мнѣнію Михайловскаго, очень малою аналитическою способностью, чтобы не отличать во всѣхъ этихъ канканирующихъ богахъ, сластолюбивыхъ жрецахъ, «мѣднолобыхъ, то бишь мѣднолатыхъ» Алясахъ, похотливыхъ герцогиняхъ Герольштейнскихъ, глупыхъ карабинерахъ и пр. и пр., элементъ клубничный, развращающій *отъ элементасатирическаго и смѣю сказать революціоннаго. Да, милостивые государи, революціоннаго*—подчеркиваетъ Михайловскій—и я сердечно радъ, что могу сказать это, т. е. сдѣлать открыто доносъ, который навѣрное останется безъ послѣдствій. А останется онъ безъ послѣдствій потому, что Оффенбахъ *c'est la fatalité*, потому что это одинъ изъ настоящихъ хозяевъ исторической сцены, съ головы котораго не падеть ни одинъ волосъ, даже въ угоду московскимъ громовержцамъ, потому что онъ нуженъ всѣмъ, даже тѣмъ, подъ кѣмъ онъ роется» (тамъ же, 406, курс. мой).

Разумѣется, обѣ эти цитаты еще не даютъ представленія о сущности параллели между дарвинизмомъ и оперетками Оффенбаха. Но онѣ показываютъ, въ какомъ направленіи проводилась Михайловскимъ эта параллель, при чемъ сопоставленіе дарвинизма съ просвѣтителемъ XVIII вѣка для насъ не должно быть особенно неожиданнымъ, такъ какъ мы встрѣчались уже съ нимъ выше, въ первой главѣ этого очерка.

«Если—говоритъ Михайловскій—для исторіа біологій Дарвинъ есть преемникъ Ламарка, то въ глазахъ исторіи мысли онъ продолжаетъ борьбу просвѣтителей съ феодально-католическимъ колоссомъ. Ведеть онъ эту борьбу безъ лихорадочной страстности и задора просвѣтителей, а съ спокойствіемъ чловѣка, имѣющаго подъ ногами твердую почву, съ спокойствіемъ настоящаго хозяина исторической сцены. Его святѣйшество, Пій IX можетъ сколько угодно предавать въ своихъ энцикликахъ ава-

есть «натурализм», онъ можетъ сколько угодно заносить сочиненія Дарвина въ свои индексы, но въ Западной Европѣ Дарвинъ есть одинъ изъ хозяевъ. Даже тяжелая рука прусскихъ побѣдоносцевъ не въ состояніи придавить его, да если бы и осмѣлились временно придавить, то настоящіе хозяева исторической сцены знаютъ пути и лазейки, непроходимые для массовыхъ тѣлесъ побѣдоносцевъ. Дарвинизмъ *c'est la fatalité*¹⁾.

«Современные дарвинисты продолжаютъ—по словамъ Михайловскаго—традицію Аристотеля, Вольтера и Гете. Они реалисты и въ наукѣ о природѣ, и въ психологій, и въ практическихъ вопросахъ нравственно-политическаго характера. И такими именно они и должны быть въ качествѣ настоящихъ хозяевъ исторической сцены. Когда такимъ хозяиномъ былъ феодально-католическій колоссъ, онъ закрѣпощалъ за собою историческую сцену во всѣхъ ея подробностяхъ, опираясь на супранатуральныя силы. Современные хозяева исторической сцены, въ качествѣ людей просвѣщенныхъ, изгнали эту супранатуральную идеализацію фактовъ естественныхъ и общественныхъ, а въ качествѣ людей имущихъ они закрѣпощаютъ за собою историческую сцену своимъ реализмомъ, который сводится къ новаго рода идеализація факта. «Хотя это намъ и трудно—говорятъ Дарвинъ—но намъ слѣдуетъ восхищаться дикой инстинктивной злобой пчелы матки, уничтожающей молодыхъ матокъ, своихъ дочерей, тотчасъ по ихъ рожденіи или погибающей въ борьбѣ съ ними, ибо это несомнѣнно полезно обществу». Вы спросите: съ какой стати стану я восхищаться тѣмъ, что полезно такому обществу, организація котораго допускаетъ всякія варварства. Дарвинъ отвѣтитъ намъ: съ такой стати, что это общество существуетъ. Конечно, такъ рассуждать могутъ только хозяева исторической сцены» (тамъ же, 416—417).

Тѣ «настоящіе хозяева исторической сцены въ Зап. Европѣ, хотя и не вездѣ и не окончательно введенные во владѣніе», о которыхъ во всѣхъ приведенныхъ цитатахъ говоритъ Михайловскій,—«суть имущіе и просвѣщенные представители націи», представители либеральной буржуазіи,

¹⁾ Тамъ же, 410—411. Статья «Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха» писана тотчасъ послѣ франко-прусской войны, чѣмъ и объясняется упоминаніе о «пруссскихъ побѣдоносцахъ».

этого естественнаго историческаго антагониста «феодално-католическаго колосса». Вотъ съ интересами этой либеральной буржуазіи, стремившейся сдѣлаться «всѣмъ», и совпала въ общемъ «просвѣтительская» работа энциклопедиста ХVIII вѣка, но съ тѣми же интересами совпадаетъ и теоретическое истолкованіе законовъ природы, а также законовъ общественной жизни, дарвинизмомъ.

«Примѣняя ко всѣмъ дѣятелямъ природы языкъ человѣческихъ отношеній, мы могли бы сказать, что природа полна всевозможныхъ преступленій: насилій, воровства, грабежа, разврата», благодаря чему «процессъ, которымъ вырабатываются высшія формы жизни, ужасенъ и глубоко-возмутителенъ». «Но не смущайтесь этимъ, ибо именно эта жесточайшая свалка — «эта цѣпь насилій, голодныхъ смертей, медленныхъ и внезапныхъ самоубійствъ» «обуславливаетъ собой развитіе высшихъ формъ жизни. Такъ изъ вѣчной борьбы, говоритъ Дарвинъ, изъ голода и смерти прямо слѣдуетъ самое высокое явленіе, какое мы можемъ себѣ представить, а именно возникновеніе высшихъ формъ жизни. Перепесите теперь — предлагаетъ Михайловскій—это соображеніе въ область нравственно-политическую и вы увидите, что такова именно должна быть доктрина просвѣщенвыхъ и имущихъ представителей націй. Они достаточно просвѣщенны, чтобы понимать законы природы, и достаточно имущи, чтобы условія развитія—голодь и смерть—выпали не на ихъ долю» (тамъ же, 417).

Такова параллель Михайловскаго между дарвинизмомъ и философскимъ ученіемъ ХVIII столѣтія. Что она глубоко справедлива и подтверждается цѣлымъ рядомъ историческихъ фактовъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Но то же самое относится и къ дальнѣйшей части этой параллели, къ парадоксальному и даже какъ бы къ дерзкому составленію «веселаго маэстро» Оффенбаха съ авторомъ «Происхожденія видовъ».

«Если бы пропагандисты Дарвина и исполнители Оффенбаха—читаемъ мы у Михайловскаго—взглянули бы изъ-за своего педантизма и гаерства на вольный просторъ жизни, они увидѣли бы, что нити, исходящія отъ нихъ въ общественное сознаніе, на извѣстномъ пунктѣ сходятся совершенно, сматываются въ одинъ клубокъ. Они поняли бы,

что въ извѣстномъ отношеніи они кровные братья по духу, по конечнымъ результатамъ своей дѣятельности» (тамъ же, 401).

Развращающая, скабрезная сторона оперетокъ Оффенбаха этому отнюдь еще не противорѣчитъ. Мы только что сопоставляли дарвинизмъ съ просвѣтителемъ XVIII вѣка, а вѣдь «съ точки зрѣнія морали XVIII вѣкъ видалъ вещи не въ примѣръ почище Оффенбаха. Не говоря уже о такихъ явленіяхъ, какъ поразительный Spectacle de sauvages, который имѣлъ мѣсто въ одномъ изъ парижскихъ театровъ около 1770 года и возможности котораго многіе даже отказываются вѣрить, мы въ средѣ самихъ просвѣтителей найдемъ не мало подходящихъ чертъ. Читатель согласится по крайней мѣрѣ съ тѣмъ, что, напримѣръ, Вольтеръ написалъ весьма достаточное количество скабрезныхъ разсказовъ и стиховъ и что этотъ веселый грѣхъ водился вообще за просвѣтителями. Но на грѣхи въ этомъ отношеніи хоть бы Вольтера можно смотрѣть различно. Если смотрѣть, напримѣръ, на *Rucelle d'Orleans* съ специально-моральной точки зрѣнія, то вы найдете тутъ бездну такихъ вещей, передъ которыми самъ Оффенбахъ покраснѣлъ бы въ качествѣ «мальчишки и щенка». Но въ *Rucelle* можно усмотрѣть и другую сторону»...

Именно можно видѣть въ ея цинизмѣ «только обертку, въ которую Вольтеръ сообразно своимъ собственнымъ вкусамъ и вкусамъ современнаго ему свѣтскаго общества завернулъ революціонныя стрѣлы... Обратите вниманіе на то, что здѣсь подвергалось осмѣянію, что скандализировалось, на кого валились всѣ сальности и двусмысленныя остроты. Заушенію и оплеванію подвергалась здѣсь католическая святая... и божественное право французскихъ королей, династію которыхъ спасла орлеанская дѣвственница». Нападенія и издѣвательства надъ ней Вольтера были «не только вкладомъ на будущее время, а и симптомомъ настоящаго. А настоящее это состояло въ томъ, что средневѣковій феодально-католическій колоссъ, расшатанный и падтреснувшій, терпѣлъ нападеніе со всѣхъ возможныхъ сторонъ и на всѣ возможные манеры. Одни, какъ кроты, рылись подъ его ногами въ сферѣ практическихъ интересовъ; другіе рѣзали его тѣло холоднымъ ножомъ анализа, спокойно смотря на бо-

дѣзенное трепетаніе заживо анатомируемаго колосса; третьи пѣли у него подь носомъ гимны новымъ богамъ—свободѣ и разуму, четвертые съ циническимъ хохотомъ швыряли грязью въ его когда-то грозное и величавое лицо». «Общество прошлаго столѣтія зачитывалось Орлеанской Дѣвственницей, зачитывалось большею частью, разумѣется, ради ея циническихъ подробностей, но революціонный духъ ея оно все-таки впитывало въ себя. Какъ бы то ни было, а Орлеанская Дѣва, посланная свыше спасительница французскихъ королей, и всѣ связанныя съ нею идеи и воспоминанія были закиданы грязью» (401, 402, 403).

«Итакъ цинизма и сальностей въ литературѣ просвѣщенія было слишкомъ достаточно, чтобы поставить съ ней въ этомъ отношеніи рядомъ Оффенбаха. Но ихъ можно и должно ставить рядомъ и въ другихъ отношеніяхъ... Оффенбахъ это легионъ, и легионъ, котораго всѣ слушаютъ и смотрятъ несмотря на свой вожущійся ригоризмъ и презрительное отношеніе къ опереткамъ. Оффенбахъ есть собирательная личность, несомнѣнно очень талантливая, но онъ помимо того почерпаетъ силу въ своей собирательности. Онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи массу средствъ, какихъ у Вольтера подь руками не было. Вольтеръ могъ вдосталь наглумиться надъ орлеанской дѣвственницей, но онъ не могъ заставить ее канканировать, какъ канканируетъ у Оффенбаха гетевская Маргарита, какъ канканируетъ у него цѣлый Олимпъ. Обличить бездѣятельность полиціи можетъ каждый писака»... но «никакія самыя дѣятельныя и краснорѣчивыя нападки на полицію не унижаютъ ее такъ, какъ эти комическія фигуры карабинеровъ. Нѣ какими словами не наложишь на извѣстный сортъ людей такого клейма, какъ образомъ «ца-р-р-я Ахилла, гер-р-ро-я». Обличайте, сколько хотите, лицемѣріе, пьянство и развратъ католическихъ поповъ, но вы никогда не произведете на массу такого впечатлѣнія, какъ фигура Калхаса, отплясывающаго подобравъ полы своей хламиды «пиррической танецъ» (403).

Общественную параллель всѣмъ этимъ проявленіямъ сатирическаго элемента у Оффенбаха Михайловскій опять таки находитъ въ исторической судьбѣ и вліяніи вольтеровской «Pucelle и тому подобныхъ произведеній». Говоритъ о томъ, что они дѣйствовали развращающе, почти не приходится.

«Высшіе слош общества были въ этомъ отношеніи, можно сказать, неуязвимы, развратить ихъ было невозможно... Государи и государыни Западной Европы и высшее дворянство тонули въ омутъ самаго утонченнаго и изиѣженнаго разврата, передавая своимъ потомкамъ испорченную кровь и ослабшій духъ и все болѣе удаляясь отъ полудикихъ средне-вѣковыхъ богатырей». Конечно «весь этотъ народъ долженъ былъ съ жадностью читать вещи вродѣ Руссelle и даже оставаться недовольны ея элементарностью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти люди втягивали въ себя и ея революціонную закваску, они постепенно расшатывали въ себѣ свою внутреннюю опору, свою вѣру въ то, что во всякое время и на всякомъ мѣстѣ дѣла могутъ принять съ Божіею помощью благоприятный для нихъ оборотъ. Олуреніе могло доходить до того, что коронованныя главы болтали о республикѣ и братались съ своими злѣйшими врагами, какъ весьма скоро обнаружилось» (404).

То же самое, какъ это казалось, по крайней мѣрѣ Михайловскому, происходитъ и теперь, измѣнилась только историческая обстановка, въ которой разыгрывается по существу старая драма. Раньше на очереди стояла борьба всеми средствами съ феодально-католическимъ колоссомъ, съ дворянствомъ, но теперь дѣло уже не въ дворянствѣ, оно, какъ обособленная, привилегированная группа, уже не играетъ прежней роли въ исторической жизни—«древніе гербы и прадѣдовскія доблестныя шпаги снесены давнымъ давно на биржу». «Индѣ практически, индѣ принципиально тучныя коровы старыхъ домовладѣльцевъ поглощены тощими коровами новыхъ хозяевъ исторической сцены. *И развратъ какъ одинъ изъ факторовъ исторіи не имѣетъ уже дѣла съ обособленными феодально-католическими элементами, которые скинуты со счетовъ, ихъ замѣнили элементы буржуазно либеральныя*, которые, какъ въ XVIII вѣкѣ дворянство, не подлежатъ никакому развращенію. Для нихъ Оффенбахъ просто игрушка и много-много что зеркало, на которое не только не приходится пенять, но и въ которое смотрѣться приятно» (тамъ же, стр. 421, к. мой).

Вотъ, слѣдовательно, въ чемъ состоитъ общественная сторона параллели Михайловскаго между дарвинизмомъ и оперетками Оффенбаха. «Развратъ есть одинъ изъ молотовъ

исторіи—повторяетъ еще разъ Михайловскій.—*Всегда были въ общество элементы отживающіе и всегда они развратничали.* Если сравнительно скромный Оффенбахъ распространенъ въ цѣлыхъ слояхъ общества и во всѣхъ концахъ Европы, *то это потому, что ампутація предстоитъ большая»* (тамъ же, 422, курс. мой). Предстоитъ въ сравнительно близкомъ будущемъ брутальная и рѣшительная смѣна старыхъ формъ коопераціи новымъ строемъ, ихъ принципиально отрицающимъ. «Я нѣкоторымъ образомъ пророчествую—оговаривается Михайловскій— а никто въ своей землѣ пророкомъ не бывалъ. Но я утѣшаю себя, во-первыхъ, тѣмъ, что пророчествую не для своей земли. Во-вторыхъ, когда существовала и дѣйствовала литература просвѣщенія, никто вѣдь навѣрное не повѣрилъ бы тому, кто указалъ бы на смѣхъ Вольтера, на доктрины Гурнэ и проч., какъ на предтечи событій, которыхъ въ дѣйствительности они были предтечами. Навѣрное никто не повѣрилъ бы. Иначе старый порядокъ не лѣзъ бы такъ наивно охотно въ заготовленную для него исторіей петлю. И когда Галиани говорилъ *posui regem mihi nascitur ordo*, какая-нибудь букашка, можетъ быть, отработала его за оптимизмъ (тамъ же, 412).

Найдутся, вѣроятно, и нынѣ такіе охотники «отработать» Михайловскаго, хотя бы заднимъ числомъ, за тотъ оптимизмъ, которымъ проникнута его параллель между дарвинизмомъ и оперетками Оффенбаха, тѣмъ болѣе, что кому не ясенъ скрытый и въ сущности не особенно вуалированный смыслъ этой параллели. «Надо помнить—еще разъ наводитъ читателя на свою мысль Михайловскій—что Оффенбахъ есть не только стимулъ, но и симптомъ извѣстнаго положенія вещей, и, слѣдовательно, онъ сильнѣе тамъ, гдѣ это положеніе вещей обозначилось ярче. Оффенбахъ есть дѣтище Франціи, и всѣ нѣмецкіе вице-Оффенбахи по необходимости плохи». Оффенбахъ есть дѣтище Франціи, потому что *«тамъ колеблется уже и формація биржи и либерализма»*¹⁾—

¹⁾ См. ст. «Графъ Бисмаркъ», т. VI, стр. 109. Писавшая почти одновременно со ст. «Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха», въ февралѣ 1871 года, характеристика Бисмарка, въ то время еще графа, служить непосредственнымъ комментариемъ къ рассмотрѣнной нами выше параллели. Съ другой стороны о томъ же ожиданіи близкаго возрожденія Ев-

т. е. колеблется господство тѣхъ самыхъ элементовъ, которые пришли на смѣну феодально-католическому колоссу дореволюціонной Франціи. Слова эти ясныя самы по себѣ станутъ еще ярче, если мы войдемъ въ психологію тогдашней эпохи.

Это было время торжества въ Европѣ «прусскихъ побѣдоносцевъ» надъ Франціей, послѣ войны 1870—1871 гг., а въ самой Франціи великій и трагическій моментъ гибели парижской коммуны, послѣ ея героической борьбы съ версальцами. Но какъ это часто бываетъ въ исторіи грубая и матеріальная, силой картечи и солдатскаго штыка, побѣда новыхъ хозяевъ исторической сцены не была побѣдой моральной. Парижская коммуна явилась могучимъ толчкомъ для роста социализма въ Европѣ, въ частности она сыграла огромную роль и въ русскомъ общественномъ движеніи, поднявъ энергію первыхъ русскихъ революціонеровъ. Основательно или нѣтъ, но имъ казалось, что какъ старая феодально-католическая общественная организація, которой «уже не жить. Это говорятъ законы исторіи» (томъ VI, 108), уступила свое мѣсто либеральной буржуазіи, такъ теперь

ропы говорятъ у Михайловскаго и многія другія мѣста въ его сочиненіяхъ. Такъ намъ уже извѣстно подобное заявленіе его въ статьѣ «Аналогич. метод.» (см. выше, стр. 119). Ср. также слова въ «Литерат. Зам.» 1880 г.: «что въ Европѣ въ близкомъ будущемъ можетъ произойти огромный переворотъ, это совершенно справедливо, но какъ же не посмѣяться надъ увѣренностью, что погромъ этотъ разобьется о нашъ берегъ и обнаружить только особливость нашего національнаго организма. Совсѣмъ напротивъ, я думаю, онъ обнаружитъ, до какой степени нашъ національный организмъ сроднился, уже слился съ европейскимъ. Разныя тутъ могутъ выйти комбинаціи... но вотъ что навѣрное будетъ: когда рухнутъ европейскіе банки, то въ ту же минуту рухнутъ и банки русскіе» (т. IV, 948). Ср. съ этимъ въ «Зап. Проф.» т. III, стр. 788, 792, 837—840. Сюда же относятся мѣста о революціонномъ характерѣ «вольницы и подвижниковъ» въ статьяхъ «Борьба за индив.», I, 596; «Вольн. и подвижн.», I, 648, «Письма о правд.», IV, 457; «О центроб. силахъ», VI, 666—677; «Къ теоріи вольн. и подвижн.», IV, 743. Наконецъ къ этой же категоріи нужно отнести «Политич. письма социал.» и «Письма къ Лаврову», а также отношеніе Михайловскаго къ самоубійствамъ, какъ къ признаку времени. Въ послѣднемъ случаѣ см. т. III, 383—386, т. IV, 641—658, 673—684, 347, 300; еще томъ III, 178, 194, 195, еще томъ IV, 484—486. И т. д. Попытку истолковать эту сторону взглядовъ Михайловскаго читатель найдетъ въ двухъ моихъ статьяхъ «Н. К. Михайловскій и русская революція», напечатанныхъ въ 1909—1910 гг. въ одномъ «Сборникѣ».

колеблется формація биржи и капитала и на смѣну ей идетъ торжество науки, труда и свободы. Конечно, Михайловскій понималъ и отрицательную сторону прусскихъ побѣдъ, прусскіе юнкера не даромъ разгромили Францію, они завладѣли сейчасъ ареной исторіи—«но все-таки это только гости и гости бездомные, ихъ собственныи домъ проданъ съ аукціоннаго торга» (I, 391). И вся вспышка европейской реакціи получала поэтому въ глазахъ Михайловскаго совершенно особенный смыслъ и значеніе. «Эти люди прошедшаго просто пьянѣютъ отъ своего успѣха—говоритъ онъ—ихъ дерзость не знаетъ границъ, и чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Но это предсмертныя усилія отживающихъ элементовъ среды. Мухи осенью передъ смертью, какъ извѣстно, особенно кусливы. Незадолго до паденія римской имперіи императоры стали называть себя богами. Метафизика наканунѣ своей смерти выставила Гегеля. Наканунѣ революціи абсолютизмъ во Франціи выросъ до Людовика XIV. Папская непогрѣшимость и нынѣшняя война—какіе это признаки?» (ст. о Бисмаркѣ, VI, 104).

Итакъ еще разъ: вотъ въ чемъ состояло настроеніе Михайловскаго въ эпоху 1870-хъ гг. Какое же отношеніе это имѣеть къ данной имъ критикѣ дарвинизма? Вполнѣ ясно какое, такое же, какъ и къ критикѣ органической теоріи общества, (см. выше стр. 119—123). Прежде всего въ этомъ настроеніи лежитъ психологическій источникъ для постоянной тенденціи Михайловскаго отмѣчать регрессивную сторону дарвиновыхъ взглядовъ на благотворность борьбы за существованіе и естественнаго подбора. Затѣмъ, здѣсь же кроется источникъ разногласій Михайловскаго съ соціологической стороною дарвинизма. Раздѣленіе труда и конкуренція—вотъ нравственно-политическіе столпы дарвинизма, вотъ его представленіе о «естественномъ ходѣ вещей» въ общественной жизни. Но у насъ есть средства борьбы съ такими порядками и съ такими выводами, средства эти въ дѣйствительномъ познаніи законовъ природы и законовъ исторіи. *Разумъ познаетъ законы явленій и регулируетъ ихъ въ виду извѣстныхъ цѣлей.* И для насъ не тайна, въ чемъ состоятъ эти законы явленій общественной жизни, мы видимъ, какъ складывается прогрессъ въ смѣнѣ формъ коопераціи, мы знаемъ, какія силы несутъ съ собой обновленіе человѣчеству и какія застои. И вмѣсто того, чтобы покориться стихійнымъ силамъ историческаго подбора и при-

способленія, мы можемъ сказать подобно аббату Галіани: *pocum gerum mihi nascitur ordo*. На мѣстѣ стараго міра съ его борьбой всѣхъ противъ всѣхъ, рождается новое царство свободы, равенства и братства.

Чтобы читателю не показались слишкомъ парадоксальными наши послѣднія сопоставленія, мы должны сказать, что связь между критикой дарвинизма и общественнымъ настроеніемъ Михайловскаго отмѣчалась въ русской литературѣ и раньше и отмѣчалась въ чрезвычайно интересной, хотя и совершенно иной, чѣмъ изложено выше, формѣ и въ совершенно иномъ смыслѣ. Отмѣчалъ ее не кто другой, какъ г. Бердяевъ, авторъ одной изъ немногихъ попытокъ систематическаго и серьезнаго разбора, съ марксистской точки зрѣнія, взглядовъ Михайловскаго. Г. Бердяевъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, чрезвычайно недоволенъ критикой дарвинизма въ сочиненіяхъ Михайловскаго и недоволенъ особенно его указаніемъ на отсутствіе у дарвинизма опредѣленнаго критерія совершенства. «Вопреки мнѣнію г. Михайловскаго, мы утверждаемъ—говоритъ онъ—что у дарвинизма есть критерій совершенства, онъ заключается въ *приспособленіи* къ условіямъ существованія и лежитъ *внѣ* недѣлимаго. Въ социальномъ процессѣ мы выставляемъ—продолжаетъ г. Бердяевъ—тотъ же критерій, приспособленіе къ социальной средѣ, къ тенденціямъ историческаго процесса, который мы понимаемъ, какъ *прогрессъ* и который, слѣдовательно, имѣетъ въ нашихъ глазахъ нравственный смыслъ».

Что же касается личности, то она «совершенствуется не потому, что въ ней лежитъ таинственное стремленіе къ совершенствованію»—какъ это думаетъ Михайловскій—«а потому, что окружающая среда, объективный процессъ, требуетъ ся совершенствованія... Святыня г. Михайловскаго—дифференцированная и развитая личность—не болѣе какъ продуктъ ненавистнаго ему приспособленія къ дифференцированной и развитой средѣ. Почему же г. Михайловскій такъ ненавидитъ и такъ плохо понимаетъ идею приспособленія? Потому что, отвѣчаетъ г. Бердяевъ, во время пира приспособленныхъ передъ г. Михайловскимъ возстаетъ скелетъ. Ему вспоминается русская жизнь съ выжившими изъ строя неприспособлен-

ными... Онъ не могъ правильно рѣшить вопросъ объ отношеніи дарвинизма къ социологіи, потому что его стремленія не имѣли твердой опоры въ жизни. Мы не станемъ — заканчиваетъ г. Бердяевъ, надъ этимъ глумиться... но мы иваче понимаемъ приспособленіе»¹⁾).

«Приспособленіе», — приспособленіе къ тенденціямъ историческаго развитія, — вотъ лозунгъ эпохи г. Бердяева. «Мы вѣримъ въ существованіе единой объективной системы правды — дополняетъ свои мысли нашъ авторъ — но ея главнымъ орудіемъ является *приспособленіе*... только этимъ орудіемъ она уничтожаетъ зло и водворяетъ добро». Г. Бердяевъ оговаривается при этомъ, что онъ имѣетъ въ виду приспособленіе «не подлое, а благородное». Нужно приспособиться къ прогрессивнымъ силамъ общества, ибо силы реакціонныя сами «неприспособлены» къ прогрессу, но это ужъ детали, хотя и характерныя, которыми основная мысль автора нѣсколько, правда, облагораживается, но вмѣстѣ съ тѣмъ столько же и обезцвѣчивается. Мы находимъ даже, что своими оговор-

¹⁾ См. книгу г. Бердяева. Съ тѣхъ поръ какъ г. Бердяевымъ была написана эта книга, его общественное міросозерданіе рѣзко измѣнилось, хотя, впрочемъ, онъ сохранилъ въ немъ нѣчто и отъ стараго времени. Намъ однако интересуетъ здѣсь не г. Бердяевъ самъ по себѣ, не его индивидуальныя черты, а то, что въ немъ есть типичнаго для всей эпохи 90-хъ гг. Съ этой же стороны данная у г. Бердяева критика Михайловскаго чрезвычайно замѣчательна, это подлинныя матеріалы для изученія общественной психологіи того времени. Не случайно поэтому марксисты самыя разнообразныя отбѣнковъ заявляли о своей солидарности съ г. Бердяевымъ, какъ критикомъ Михайловскаго, хотя и нападали въ то же время на его философскій «ревізіонизмъ». Изъ всѣхъ такихъ заявленій солидарности съ г. Бердяевымъ для насъ наиболѣе интересно признаніе г. Берсенева, одного изъ официальныхъ руководителей политической организаціи русскихъ социаль-демократовъ, сдѣланное имъ въ ст. «Нѣчто о критеріи истинны», въ № 6 «Русск. Мысли» за 1901 г. «Что сказать о критикѣ г. Бердяевымъ Михайловскаго» — спрашиваетъ тутъ г. Берсенева и оказывается, что сказать ему объ этомъ нечего, тутъ у г. Бердяева все обстоитъ благополучно. Ср. также отзывъ Невѣдомскаго въ № 4 «Міра Божія» за 1904 г., стр. 25. «Подъ критикой народнической социологіи» въ книгѣ Бердяева-Струве «я готовъ подписаться почти безъ оговорокъ», — заявляетъ г. Невѣдомскій. То же самое см. въ рецензіи г. Васильева на книгу Бердяева въ декабрьской кн. «Жизни» за 1900 г. Вообще книга Бердяева-Струве это есть максимумъ того, что марксисты могли дать въ результатѣ болѣе или менѣе пристального изученія Михайловскаго.

ками или поясненіями къ идеѣ приспособленія г. Бердяевъ затемняетъ сущность разницы между общественнымъ настроеніемъ своего поколѣнія, того, къ которому онъ самъ принадлежитъ, и настроеніемъ 70-хъ гг. Приспособленія къ прогрессивнымъ силамъ Михайловскій вѣдь не отрицалъ, напротивъ, мы видѣли, что онъ учитывалъ вопросъ о прогрессивной смѣнѣ формъ коопераціи при опредѣленіи надлежащаго типа борьбы за идеаль. Человѣчество осуществляетъ свои идеалы, цѣли и стремленія, примѣняясь, или— «приспособляясь»—къ извѣстной соціальной средѣ, т. е. извѣстнымъ общественнымъ силамъ, и поскольку г. Бердяевъ остается на такой только почвѣ, онъ рѣшительно ничего не прибавляетъ къ тому, что намъ уже извѣстно отъ Михайловскаго. Намъ нужно дѣйствовать, «приспособляясь» къ извѣстной обстановкѣ, къ тенденціямъ ея развитія, *но въ чемъ заключаются эти тенденции, въ расчетъ на какой ходъ ихъ развитія намъ нужно выработать правила нашего поведенія, къ чему готовиться, что ждать отъ этихъ тенденцій, что ждать и какія ожиданія вселять въ другихъ, вотъ въ чемъ вся суть, и вотъ гдѣ «зарыта собака» всѣхъ разногласій Михайловскаго, какъ представителя эпохи нашего возрожденія съ поколѣніемъ г. Бердяева.*

Каковы были эти разногласія? Въ послѣднихъ словахъ мы разумѣли исключительно разногласія, подсказанныя общественнымъ настроеніемъ, но отъ г. Бердяева мы знаемъ еще о разногласіяхъ чисто теоретическаго характера, пройти мимо которыхъ мы тѣмъ болѣе не можемъ, что они касаются одного изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ критики Михайловскимъ дарвинизма, именно выставленнаго имъ вслѣдъ или вмѣстѣ съ Ножинымъ «закона развитія», предполагаемаго свойства матеріи принимать все болѣе и болѣе сложныя формы. На этотъ пунктъ разногласій г. Бердяева съ Михайловскимъ мы и должны теперь обратить свое вниманіе.

Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что первоначальнымъ источникомъ для ознакомленія Михайловскаго съ «закономъ развитія» въ примѣненіи его къ критикѣ дарвинизма—послужили, повидному, указанные ему Ножинымъ сочиненія Гегели и Келликера. Такъ, характеризуя отношеніе къ дарвинизму со стороны Келликера въ его книгѣ «Ueber die Darwin'sche Schöpfungstheorie, Leipzig, 1864» — Михайловскій говоритъ

«Келликеръ полагаетъ, что развитіе органической жизни на землѣ шло и идетъ въ общемъ совсѣмъ не тѣми путями, на которые указываетъ дарвинизмъ». Совокупность цѣлаго ряда явленій, не укладывающихся въ рамки дарвиновской теоріи происхожденія видовъ—«побуждаетъ Келликера думать, что для объясненія разнообразія формъ органической жизни и ихъ измѣнчивости нѣтъ надобности прибѣгать къ сложному механизму крайне медленныхъ полезныхъ видоизмѣненій и подбора, который вдобавокъ, по его мнѣнію, не выдерживаетъ критики и самъ по себѣ. Онъ полагаетъ, что, повинаясь нѣкоторому общему закону развитія, или, какъ Келликеръ неудачно выражается, «великому плану развитія», виды способны переходить въ болѣе сложныя формы непосредственно. Въ чемъ состоитъ этотъ законъ, какимъ образомъ онъ дѣйствуетъ—неизвѣстно, но наблюденіе свидѣтельствуетъ, что прямыя потомки могутъ быть очень несхожи ни между собой, ни со своими ближайшими предками. Совершенно такимъ же путемъ непосредственнаго усложненія могло произойти и все безконечное разнообразіе видовъ. И аналогія явленій обмѣна поколѣній показываетъ, что эти измѣненія признаковъ могутъ или могли происходить довольно большими скачками (*Sprungweise Veränderung*)¹⁾.

Къ аналогичнымъ выводамъ, отчасти въ связи съ Келликеромъ, пришелъ и Негели, взгляды котораго Михайловскій передаетъ такъ: «Признавая подборъ родичей, руководимый борьбою за существованіе, несомнѣннымъ факторомъ измѣненія видовъ, онъ находитъ нужнымъ поставить на-ряду съ нимъ и другой факторъ. По его мнѣнію, индивидуальная измѣнчивость стремится не неопредѣленно во всѣ стороны, не идетъ ощупью, а направляется сообразно особому закону, преимущественно вверхъ, къ болѣе сложной организаціи. Т. е., если бы борьба за существованіе и отсутствовала, организмы все-таки подвергались бы постояннымъ измѣненіямъ и при томъ совершенно опредѣленнаго характера: они все усложнялись бы, совмѣщали бы въ себѣ все большее раздѣленіе труда, т. е., все совершенствовались бы. Такимъ образомъ Негели принимаетъ два рода факторовъ развитія органической жизни на землѣ. Преобразование вида, происходящее подъ вліяніемъ фак-

¹⁾ См. ст. о Дарвинѣ, т. I, 273.

торовъ, указанныхъ Дарвиномъ, т. е. подбора, борьбы за существованіе и полезныхъ приспособленій, приостанавливается, какъ только видъ приспособился къ окружающимъ условіямъ. Но преобразованіе подъ вліяніемъ принципа усовершенствованія такихъ остановокъ не знаетъ и гонитъ видъ къ дальнѣйшимъ метаморфозамъ, дѣйствуя весьма часто скачкообразно. Если видъ и остается повидимому одинаковымъ въ теченіе цѣлаго геологическаго періода, то тѣмъ не менѣе въ немъ происходятъ постоянныя внутреннія измѣненія, которыя необходимо повлекутъ за собою, наконецъ, морфологическое усовершенствованіе, а это послѣднее вызоветъ новое соотвѣтственное приспособленіе функций» (тамъ же, 276).

Кромѣ Келликера и Негели, Михайловскій ссылается съ той же цѣлью еще на небольшую книжку іенскаго профессора физики и математики Карла Шелля «Die Schöpfung des Menschen, Leipzig, 1863», давшего первоначальный абрисъ для сопоставленія въ біологіи идеальныхъ и практическихъ типовъ, — (тамъ же, 277—279) и затѣмъ, подчеркнувъ, что всѣ эти авторы, аргументацію которыхъ Михайловскій принимаетъ, однако, съ оговорками, и довольно существенными, — подчеркнувъ, что всѣ эти авторы отрицаютъ за «нѣкоторыми факторами происхожденія видовъ, указанными Дарвиномъ... творческое, прогрессивное значеніе въ той мѣрѣ, въ какой оно имъ придается дарвинистами», Михайловскій и ссылается на тотъ законъ, «который необходимо приходится допустить, если не взамѣнъ законовъ Дарвина, то но крайней мѣрѣ наряду съ нимъ. Законъ этотъ есть давно и прочно стоящій въ наукѣ такъ называемый законъ Бэра, законъ постепеннаго и постояннаго усложненія организаци, усовершенствованія (I, 280). Мы не касаемся здѣсь того, насколько всѣ эти выводы, сдѣланные Михайловскимъ въ связи съ Негели и Келликеромъ, а также и особенно — какъ мы знаемъ — съ Ламаркомъ, сохраняютъ свое значеніе для современной науки, каковое значеніе ихъ отрицаетъ, напр., въ приведенной выше цитатѣ, г. Бердяевъ. Мы не касаемся здѣсь этого вопроса потому, что какъ бы ни относиться къ самому закону развитія въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ намѣчался современной Михайловскому біологіей, отъ характера этого отношенія ничто не измѣнится въ указанныхъ имъ недостаткахъ теоріи дарвинизма. Дарвинизмъ какъ былъ, такъ и остается недостаточно полной

теоріей происхожденія видовъ и критика въ этомъ отношеніи Михайловскимъ идеѣ приспособленія остается непоколебимой, что упустилъ изъ виду г. Бердяевъ. Но онъ упустилъ изъ виду не только это, а и еще одно не менѣе важное обстоятельство...

«Личность совершенствуется, — говоритъ г. Бердяевъ, — не потому, что въ ней лежитъ *таинственное* стремленіе къ совершенствованію, а потому, что окружающая среда, объективный процессъ требуетъ ея совершенствованія».

Устранимъ прежде всего элементъ недоразумѣнія, имѣющійся въ этихъ словахъ. Г. Бердяевъ говоритъ о «таинственномъ» стремленіи личности къ совершенствованію, по развѣ есть въ этомъ что-либо таинственное? Развѣ такое стремленіе не есть реальный, живой и конкретный психологическій фактъ, настолько широко распространенный и доступный такимъ опредѣленнымъ приемамъ наблюденія, что, игнорируя его, мы рискуемъ закрыть для себя возможность правильного пониманія процесса общественной жизни. Правда, Михайловскій пробуетъ найти біологическія основы этого явленія, изслѣдуетъ его генезисъ, на-ряду съ его высшими проявленіями и находитъ этотъ генезисъ въ «такъ называемомъ законѣ Бэра», въ частности въ «законѣ развитія», по которому всякая организованная матерія стремится въ силу присущихъ ей тенденцій ко все большему усложненію. Но въ такомъ свойствѣ матеріи нѣтъ ничего таинственнаго, мистическаго — на что и указывалъ самъ Михайловскій — хотя въ признаніи его и есть элементъ гипотетическій. «Какъ бы то ни было — оговаривается, однако, Михайловскій про этотъ элементъ гипотетическаго въ законѣ развитія — но въ человѣкѣ отблескъ этого закона существуетъ въ видѣ сознательнаго» — а, слѣдовательно, менѣе всего «таинственнаго» — «стремленія къ совершенствованію». И если «гипотетическій законъ Келлпкера, Ламарка, Негели и Снелля или, по крайней мѣрѣ, *несколько не гипотетическое сознательное стремленіе человека къ совершенству, его идеализмъ*, возьметъ верхъ надъ разрушительными силами борьбы, подбора и полезныхъ приспособленій — намъ нечего бояться за будущее». Намъ надо только, «принимая отъ дарвинизма законъ борьбы, какъ фактъ, наложить на себя нравственный законъ борьбы съ борьбою, съ полезными приспособленіями».

соблєніями, съ расхожденіемъ признаковъ» (тамъ же, 291, 300, курс. мой)...

Устранивъ такимъ образомъ то недоразумѣніе, которое заключается въ первой половинѣ вышеприведенной фразы г. Бердяева, мы можемъ теперь вернуться къ пей въ цѣломъ. Не трудно видѣть, въ чемъ заключается ея суть: вмѣсто *активнаго* начала личности, ея стремленія, исходя изъ своихъ потребностей, создать условія для своего всесторонняго развитія, г. Бердяевъ выдвигаетъ начало *пассивное*, стихійный ростъ историческаго процесса и «приспособленіе», хотя бы и «не подлое, а благородное» къ его тенденціямъ. «Личность совершенствуется,—утверждаетъ онъ,—потому что окружающая среда, объективный процессъ требуютъ ея совершенствованія». Окружающая среда, объективный процессъ есть нѣчто безличное и сами по себѣ они ничего требовать не могутъ. Они даютъ только матеріаль, который перерабатывается въ горнилѣ личной психологійи человѣка, подъ вліяніемъ и воздѣйствіемъ, между прочимъ, того же «таинственнаго» стремленія личности къ совершенствованію. Разсужденіе г. Бердяева поэтому логически несостоятельно, но несостоятельное логически оно съ психологической стороны—характерно.

Характерно, ибо оно показываетъ всю пропасть въ общественномъ настроеніи между поколѣніемъ 90-хъ гг. и поколѣніемъ Михайловскаго. Тогда, во времена умственной гегемоніи Михайловскаго, передовые фланги общественнаго движенія были полны вѣрой въ *свои* силы, въ революціонную, творческую мощь собственнаго идеализма, вѣрой въ личность, а не въ силы «*вне* личности». Не приспособляться къ тенденціямъ стихійнаго процесса, а этотъ процессъ приспособить къ себѣ; *познавъ его законы, повернуть колесо исторіи*,—вотъ чѣмъ согрѣвалось тогда въ отличіе отъ 90-хъ гг. общественное движеніе, вотъ откуда происходила у людей того времени смѣлая до дерзости попытка противопоставить себя всему, что «*виѣ*» ихъ. Но и противопоставляя себя общественному процессу, стихійному, естественному ходу вещей, отказываясь приспособляться къ *его* тенденціямъ, люди поколѣнія Михайловскаго знали и объективныя силы, которыя были за нихъ, о чемъ Михайловскій говоритъ въ своей критикѣ дарвинизма такимъ образомъ: «Дарвинисты должны радоваться выбыва-

нію изъ строя неприспособленныхъ идеальныхъ типовъ. Но не забудемъ, что существуютъ же въ исторіи самыхъ темныхъ угловъ человечества *lucidae intervalae*, когда жизнь даетъ вздохнуть и идеальнымъ типамъ. Въ общественной жизни бываютъ такія рѣзкія и крутыя перемѣны, что приспособиться къ новымъ условіямъ тѣмъ, которые уже окончательно приспособились къ прежнимъ, вѣтъ никакой возможности... Въ такія свѣтлыя минуты куда дѣваться типамъ практическимъ, приспособленнымъ, слабокрылымъ?.. Имъ остается только погибнуть, замереть, уступить мѣсто новымъ избраннымъ» (ст. о Дарвинѣ, стр. 296, курс. мой).

И если бѣ Михайловскій не думалъ, что ему суждено жить, какъ это мы старались показать на параллели между Дарвиномъ и Оффенбахомъ, въ одинъ изъ такихъ періодовъ *lucidae intervalae*, періодовъ крутыхъ общественныхъ перемѣнъ, то онъ свою критику дарвинизма построилъ бы совсѣмъ не такъ, какъ она имъ дана теперь...

ОЧЕРКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Борьба за индивидуальность и борьба социальная.

I.

Центральная социологическая работа Н. К. Михайловскаго, статья, или вѣрнѣе рядъ статей, имѣющія общее заглавіе «Борьба за индивидуальность», были начаты имъ въ концѣ 1875 года, но остались незаконченными, хотя печатаніе ихъ продолжалось почти въ теченіе цѣлаго года. По первоначальному плану статья «Борьба за индивидуальность» должна была носить характеръ цѣльнаго социологическаго трактата, задачей котораго было выяснитъ борьбу разныхъ типовъ общественности, или общественныхъ индивидуальностей другъ съ другомъ и съ входящими въ ихъ составъ единицами. Выполненію этой задачи Михайловскій придавалъ огромное значеніе, такъ какъ въ такой борьбѣ разныхъ типовъ общественности онъ видѣлъ основное содержаніе историческаго прогресса, ту нить, вокругъ которой укладывались въ стройную и цѣльную картину все когда-либо интересовавшіе его акты и событія общественной жизни человѣка. Даже больше—въ его глазахъ теорія борьбы за индивидуальность являлась нѣкоторымъ философскимъ принципомъ, способнымъ обнять въ единой формулѣ законы развитія міра общественныхъ отношеній и міра органическаго. «Она началась—говоритъ Михайловскій про борьбу за индивидуальность—съ возникновеніемъ органическаго міра (имѣя, конечно, свои корни въ мірѣ неорганическаго) и можетъ кон-

читаться только съ прекращеніемъ жизни на землѣ». (Зап. проф.» т. III, 412). Уже изъ этого видно, какъ были широки рамки, поставленныя Михайловскимъ своей теоріи борьбы за индивидуальность,—теоріи, отмѣченной по словамъ одного изъ его критиковъ «печатью геніальности»¹⁾.

Однако, поставленную такимъ образомъ задачу,—вдобавокъ усложнявшуюся попыткой найти въ той же теоріи борьбы за индивидуальность практической стимулъ для нашей дѣятельности, стимулъ столь властный, чтобъ онъ сообщалъ религіозную преданность человѣка своимъ идеаламъ,—Михайловскій не успѣлъ разрѣшить въ своихъ вышеназванныхъ очеркахъ. Изъ плана, долженствовавшего охватить съ цѣлью изученія, какъ формы древнѣйшихъ, общественныхъ связей—племя, родъ, семью, общину, такъ и формы новѣйшихъ соединеній, и прежде всего государства, Михайловскимъ въ статьѣ «Борьба за индивидуальность» былъ затронуть лишь въ общихъ чертахъ первоначальный процессъ освобожденія личности изъ-подъ опеки первобытной семьи и рода, первые историческіе шаги начинавшей сознать себя индивидуальности. Но и этотъ анализъ семьи и ея общественной роли не былъ вполнѣ Михайловскимъ исчерпанъ. По крайней мѣрѣ самъ онъ, забавчивая свою статью, счелъ себя обязаннымъ «обратиться къ читателю съ просьбой о снисхожденіи».

«Кромѣ многочисленныхъ недостатковъ изложенія, очень хорошо мной сознаваемыхъ—пишетъ тутъ Михайловскій — настоящій очеркъ озаглавленъ — «Семья», а между тѣмъ семья въ немъ далеко не выяснена и ему надлежало бы носить какое-нибудь гораздо менѣе опредѣленное заглавіе. Дѣло въ томъ, что въ противоположность первоначальному плану я долженъ былъ перенести многое въ одну изъ дальнѣйшихъ главъ. Таковы условія журнальной работы». Но и этимъ дальнѣйшимъ главамъ, въ силу тѣхъ же условій, не было суждено совсѣмъ появиться на свѣтъ.

Мы назвали выше статью «Борьба за индивидуальность» *центральной* соціологической работой Михайловскаго. Такова

¹⁾ См. ст. Овсяннико-Куликовскаго въ № I «Нашего Журнала» 1908 г. стр. 32—33.

она и есть, несмотря на свою незаконченность и другіе недостатки. И она является центральной не только по своему общетеоретическому значенію, которое мы имѣли въ виду, такъ говоря о ней, она является центральной и по времени своего появленія въ свѣтъ.

Закрытіемъ «Отечеств. Записокъ» (апрѣль 1884 года) вся литературная дѣятельность Михайловскаго дѣлится какъ бы на двѣ почти равныя по времени части—съ середины 60-хъ гг. до 1884 года, и съ 1884 года до дня его смерти, происшедшей уже на нашихъ глазахъ, 28 января 1904 года. Оставивъ пока въ сторонѣ литературную дѣятельность Михайловскаго послѣ закрытія «Отечеств. Зап.», мы увидимъ, что первая ея половина параллельно тому, какъ появлялись его работы—«Что такое прогрессъ» и статьи о Дарвинѣ, затѣмъ «Борьба за индивидуальность» и въ третій періодъ «Героя и толпа», дѣлится на три строго очерченные другъ отъ друга періода по 5-ти-лѣтіямъ,—съ 1869 по 1874; съ 1874 по 1879 и съ 1879 по 1884. Первый періодъ, вмѣстѣ съ примыкающимъ къ нему непосредственно 5-ти-лѣтіемъ съ 1864—по 1869, заполненъ у Михайловскаго выработкой основъ его теоретическаго міровоззрѣнія, главнымъ образомъ ученія о раздѣленіи труда и двухъ видовъ сотрудничества, простого и сложнаго. Принципы простой и сложной кооперація, три рода раздѣленія труда, вопросъ о субъективизмѣ въ социологіи, идеалы человечества и естественный ходъ вещей, процессъ образованія социальныхъ группъ, и т. д.—вотъ проблемы, занимающія главнымъ образомъ вниманіе Михайловскаго въ это время. Онъ ихъ резюмировалъ тогда же заглавіемъ одной изъ своихъ статей, какъ попытку найти взаимныя отношенія между «органомъ, обществомъ и недѣлимымъ». «Органъ, общество, недѣлимое», такъ именно называлась его статья въ № 12 «Отеч. Зап.» за 1870 г., впоследствии составившая, послѣ значительной переработки, вторую часть, теоретическую канву, его трактата 80 гг. «Патологическая магія»...

Второй періодъ (третій занятъ теоріей коллективнаго подражанія) въ развитіи мысли Михайловскаго начинается съ 1874—1875 года. Это и есть центральный и по времени и по значенію общетеоретическаго характера, періодъ дѣятельности Михайловскаго. Тѣ же проблемы, которыя его

занимали раньше, послѣ небольшого, въ 2—3 года промежутка, поглощеннаго главнымъ образомъ публицистической дѣятельностью («Литер. замѣтки» 1872—1873 гг.; «Дневникъ и переписка Ивана Непомнящаго» и другія тому подобныя работы) теперь снова завладѣли его вниманіемъ, но уже въ иной формѣ, будучи переработанными и обогащенными въ своемъ содержаніи огромнымъ запасомъ новыхъ сопоставленій теоретическаго характера и новыхъ выводовъ изъ наблюденій падъ общимъ ходомъ соціальной жизни. Литературная производительность Михайловскаго къ этому времени быстро растетъ, поднимаясь въ 1875 году до 500 слишкомъ страницъ въ годъ, репутація его настолько уже устанавливается, что одинъ изъ тогдашнихъ литературныхъ хроникеровъ отводитъ ему, по позднѣйшимъ словамъ самого Михайловскаго — «такую роль въ литературѣ, выше которой не можетъ быть» ¹⁾. Въ эти же годы Михайловскій приступаетъ къ первоначальной формулировкѣ своей теоріи борьбы за индивидуальность. Такъ въ мартѣ 1875 г., еще до статьи «Борьба за индивидуальность», онъ даетъ спѣшно набросанный очеркъ этой теоріи въ одной изъ главъ «Записокъ профана», озаглавленной тоже словами «Борьба за индивидуальность». Это именно та самая статья, въ которой Михайловскій впервые попробовалъ отчасти выяснить, отчасти просто иллюстрировать на примѣрѣ тектологическихъ тезисовъ Геккеля основное зерно своей теоріи и ея исходной пунктъ, поскольку его можно намѣтить, пы-

¹⁾ См. «Зап. Проф.», томъ III, 579. Михайловскій разумѣетъ здѣсь повидимому ст. Л.-скаго въ № 26 «Недѣли» за 1875 годъ. Статья называется «Нѣсколько словъ о г. Михайловскомъ» и рѣшительно отводитъ ему мѣсто вслѣдъ за Писаревымъ и Добролюбовымъ. «Первое время послѣ того, какъ Писаревъ сошелъ со сцены, оставивъ множество нерѣшенныхъ вопросовъ, существовало мнѣніе, что преемникомъ его явится г. Скабичевскій... Но онъ чисто литературный критикъ и будь онъ вдвое талантливѣе не можетъ считаться преемникомъ Добролюбова и Писарева. Задачу этихъ писателей въ наше время исполняегъ г. Михайловскій, который поэтому является наиболѣе выдающимся представителемъ того новаго направленія, за которымъ со временемъ, можетъ быть, и останется прозваніе философскаго... Я полагаю сверхъ того, прибавляетъ авторъ, что дѣятельность Михайловскаго не только даетъ право видѣть въ немъ преемника Писарева, но что въ ней гораздо болѣе элементовъ прочнаго успѣха».

таясь объять однимъ принципомъ міръ органической и міръ общественной жизни.

Геккель принимаетъ — говоритъ Михайловскій — шесть ступеней индивидуальности: пластиды или образовательницы, наиболѣе простые органическіе элементы, состоящіе изъ комочка плазмы; органы простые и сложные; антимеры; личности и колоніи. Взаимныя отношенія всѣхъ этихъ шести ступеней индивидуальности Геккель опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ.

«Пластида (клеточки и цитоды) тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ больше число входящихъ въ ихъ составъ молекулъ, чѣмъ молекулы зависимѣ другъ отъ друга и отъ цѣлой пластиды и чѣмъ, наконецъ, сама пластида централизованнѣе и независимѣе отъ высшей индивидуальности. Органъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ больше число составляющихъ его пластидъ, чѣмъ эти составныя части зависимѣ другъ отъ друга и отъ цѣлаго органа и чѣмъ болѣе централизованъ и независимъ отъ высшей индивидуальности самъ органъ. Пропуская двѣ среднія ступени — антимеры и метамеры, переходимъ къ личностямъ, организмамъ или недѣлимымъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Организмы тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ разнороднѣе ихъ органо-логическое и гистологическое строеніе, чѣмъ разнообразнѣе функціи ихъ составныхъ частей, чѣмъ эти части зависимѣ другъ отъ друга и отъ всего цѣлаго и чѣмъ самъ организмъ централизованнѣе и независимѣе отъ высшей индивидуальности — колоніи. Колоніи или общества тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ разнороднѣе составляющіе ихъ органы и ткани, чѣмъ зависимѣе пластиды, органы, антимеры, метамеры, и личности между собой и отъ всей колоніи и чѣмъ централизованнѣе сама колонія» ¹⁾.

Это не есть еще формулировка самой теоріи борьбы за индивидуальность. Здѣсь еще отсутствуетъ та часть ея, которая собственно у Михайловскаго и составляетъ самую ея сущность, основное соціологическое содержаніе сдѣланныхъ имъ, изъ приведенной біологической параллели, выводовъ примѣнительно къ общественной жизни. Но, не представляя полной формулировки теоріи борьба за индивидуаль-

¹⁾ «Зап. проф.», гл. VI, стр. 410—411. Въ подлинникѣ мѣсто это напечатано курсивомъ.

ность, «тектологическіе тезисы» Геккеля даютъ уже возможность перейти къ ней. Они намъ даютъ прежде всего *отрицательную* посылку для теоріи борьбы за индивидуальность, выраженную въ словахъ: «каждое цѣлое тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ несовершеннѣе его части, чѣмъ онѣ слабѣе, чѣмъ онѣ болѣе подавлены въ своемъ индивидуальномъ значеніи, что не мѣшаетъ имъ быть весьма совершенными въ смыслѣ приспособленія къ извѣстной специальной функціи» («Патол. маг.», 11, 351).

Мы называемъ эти слова, конкретнымъ выраженіемъ которыхъ является данная Михайловскимъ критика органической теоріи общества, отрицательной посылкой для теоріи борьбы за индивидуальность, ибо они показываютъ, чего должна личность *избѣгать* въ общественной борьбѣ, чего бояться какъ своей гибели и порабощенія. Человѣческая личность, благо и счастье которой единственно дороги для насъ изъ числа всѣхъ 6-ти ступеней Геккелевой классификаціи, не можетъ стать на положеніи пластиды или органа, не можетъ своимъ несовершенствомъ купить совершенство цѣлаго. Напротивъ она должна сама совершенствоваться, то-есть подчинять своему контролю составляющіе ее органическіе элементы и въ силу этого должна противиться тому, чтобы какое-либо цѣлое поглотило ее, поработивъ и основавъ свое совершенство на обѣдненіи ея индивидуальной жизни. Отсюда первый и основной *положительный* выводъ, первая и основная *положительная* посылка теоріи борьбы за индивидуальность, выводъ, сдѣланный съ единственно доступной для насъ «человѣческой» точки зрѣнія и гласящій слѣдующее.

«Человѣкъ, какъ индивидъ, человѣческая личность представляетъ собою одну изъ ступеней индивидуальности (пятую по классификаціи Геккеля). Въ составъ его входятъ индивидуальности четырехъ низшихъ порядковъ, а надъ ними высится индивидъ шестого порядка-общество (колонія), различныя формы котораго опять таки могутъ представлять систему ступеней индивидуальности. Борьба за индивидуальность, возникающая для человѣческой личности изъ этого, отведеннаго ей природой положенія, обязательна очевидно въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, личность должна безусловно подчинять себѣ, какъ цѣлому, всѣ входящія въ ея

составъ низшія индивидуальности, должна, слѣдую старому девизу *divide et impera*, строго проводить раздѣленіе труда между своими органами, требовать отъ нихъ отъ всѣхъ напряженной спеціальной работы въ ея личныхъ интересахъ. Во-вторыхъ, личность должна противодѣйствовать тому, чтобы римскій девизъ *divide et impera* прилагался къ ней самой со стороны какой бы то ни было ступени индивидуальности, какими бы пышными именами она ни называлась. Этими двумя требованіями въ сущности исчерпывается антропологическая или, — что то же, какъ въ буквальномъ, такъ и въ условномъ значеніи — гуманная точка зрѣнія на міръ. Всякія другія точки зрѣнія будутъ лишь попытками стать либо выше, либо ниже той ступени лѣстницы индивидуальности, на которой человѣкъ стоитъ по самой природѣ своей а слѣдовательно не приличествуютъ человѣческой мысли».

Эти слова (см. ихъ въ ст. «Патол. магія», II, 353—354) и представляютъ заново переработанный итогъ статьи «Органъ, общество и недѣлимое», о которой мы упоминали выше. Слѣдовательно, первые слабые ростки выраженной въ нихъ мысли восходятъ еще къ 1870 г. Съ другой стороны и впослѣдствіи, неоднократно обращаясь къ формулировкѣ теоріи борьбы за индивидуальность, Михайловскій вкладывалъ ее въ рядъ подобныхъ же выраженій, лишь только варьируя ихъ въ зависимости отъ матеріала, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло. Такъ въ статьѣ о г. Бердяевѣ онъ говоритъ: «объективно міръ... представляетъ безконечно сложную систему индивидуальностей, находящихся въ самыхъ разнообразныхъ взаимныхъ отношеніяхъ. Все единое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и многое, всякое цѣлое состоитъ изъ частей, и потому можно различать нѣсколько степеней индивидуальности, то есть степеней личности, самостоятельности, концентраціи силъ. Взаимныя отношенія двухъ сосѣднихъ, одна надъ другой высшихся, непосредственно другъ въ друга входящихъ, какъ часть въ цѣлое, индивидуальностей — очень просты: низшая ступень подчиняется высшей; часть, утрачивая въ той или другой степени свою личность или самостоятельность, попадаетъ въ той же степени въ сферу вліянія цѣлаго. Та *Zielstrebigkeit* (но отнюдь не цѣлесообразность), о которой вслѣдъ за Бэрромъ говоритъ Паульсенъ, можетъ состоять только въ томъ, что

всякое цѣлое слѣпо, стихійно, въ силу «имманентныхъ» законовъ своего бытія, «стремится» подчинить себѣ свои части, обративъ ихъ въ служебное состояніе для вѣщающей полноты своего существованія»...¹⁾

Двѣ послѣднія цитаты вводятъ насъ сразу въ самый центръ теоріи Михайловскаго о борьбѣ за индивидуальность, показывая, какъ ея чисто соціологическія основанія, такъ и ея логическую связь съ остальными теоретическими взглядами и прежде всего съ его ученіемъ о раздѣленіи труда. Міръ есть борьба общественныхъ индивидуальностей, «то есть степеней личности, самостоятельности, концентраціи силъ» — и каждая изъ этихъ индивидуальностей стремится во имя своего блага, какъ опредѣленной общественной группы, со свойственной ей концентраціей силъ, поработить человѣка, приковать его къ одной какой-нибудь профессіи, что ей очень часто и удается. Этотъ моментъ въ борьбѣ общественныхъ индивидуальностей между собой и съ входящими въ ихъ составъ единицами, Михайловскій прекрасно изобразилъ на характеристикѣ «Капитала» Маркса, который въ цѣломъ является грандіозной иллюстраціей къ стремленію со стороны всякаго цѣлаго стихійно подчинять себѣ свои части...

«Извѣстная органическая форма—говоритъ Михайловскій въ статьѣ «Карлъ Марксъ передъ судомъ г-на Ю. Жуковскаго» — совершенно, повидимому, подчиняетъ себѣ поступающій въ нее пластическій матеріалъ. Однако, это только повидимому. Въ дѣйствительности, какъ всѣмъ извѣстно, условія существованія способны, хотя и медленно, измѣнять органическія формы.. при чемъ до поры до времени одолеваетъ форма, хотя въ концѣ концовъ и преобразующаяся. Съ общественными формами происходитъ нѣчто подобное, и никто лучше Маркса этого не показалъ. Собственно говоря, весь «Капиталъ» посвященъ изслѣдованію того, какъ разъ возникшая форма все развивается, усиливаетъ свои типическія черты, подчиняя себѣ, ассимилируя открытія, изобрѣтенія, улучшенія способовъ производства, новые рынки, самую науку, заставляя ихъ работать на себя и какъ, наконецъ, даль-

¹⁾ Послѣд. соч. т. I. Статья о г. Бердяевѣ, апр., 1901, стр. 482—483. Курсивъ мой.

нѣйшихъ измѣненій матеріальныхъ условій данная форма выдержать не можетъ» (томъ IV, стр. 187, курс. мой).

Здѣсь очень ярко намѣчена, особенно въ подчеркнутыхъ нами словахъ, основная особенность теоріи борьбы за индивидуальность, борьба общественныхъ формъ за свое существованіе. Борьбой этой однако теорія Михайловскаго не исчерпывается. Мы знаемъ уже, что тенденція со стороны каждаго цѣлаго поглотить, раздробить личность человѣка сталкивается со встрѣчнымъ противоѣдѣствіемъ личности сохранить свою индивидуальность и на этой почвѣ борьбу за *индивидуальность* осложняетъ борьбой *соціальной*. Наличие этого осложненія Михайловскій обрисовываетъ такимъ образомъ: «Общество есть одна изъ ступеней индивидуальности, и его отношенія къ другимъ ступенямъ опредѣляются тѣмъ же закономъ борьбы. Какъ и всякая другая индивидуальность, общество самымъ процессомъ своего развитія «стремится» подчинить себѣ входяція въ его составъ индивидуальности... Но оно встрѣчаетъ при этомъ противоѣдѣствіе со стороны этихъ низшихъ индивидуальностей, и побѣда склоняется на ту или другую сторону, смотря по обстоятельствамъ»...

Михайловскій указываетъ и то, что онъ подразумѣваетъ подъ этими низшими индивидуальностями. Имъ являются «семья, сословіе, классъ, государство, церковь и проч.» («Посл. соч.» I, 483, 487)...

Мы видѣли выше, что выработка теоріи борьбы за индивидуальность была закончена Михайловскимъ къ началу 1875 года, хотя, казалось бы, всѣ послыжки для нея онъ имѣлъ на-лицо еще раньше, въ эпоху 1869—1870 гг. Чрезвычайно любопытенъ въ этомъ отношеніи тотъ фактъ, что первая попытка Михайловскаго дать абрисъ его теоріи связана у него со ссылкой на «тектологическіе тезисы» Геккеля, исходя изъ которыхъ Михайловскій и намѣчаетъ впоследствии, сначала въ «Зап. проф.», а потомъ въ «Патолог. магін» необходимость для личности борьбы на два фронта. Благодаря этой ссылкѣ получается, что борьба за индивидуальность Михайловскаго родилась какъ бы исключительно и непосредственно на почвѣ тектологическихъ тезисовъ Геккеля, что Михайловскій такимъ образомъ основалъ свою соціологію на фундаментѣ чисто біологическомъ. Такъ дѣйствительно и

понималось современной критикой не только происхождение, но и самая сущность теории борьбы за индивидуальность.

Несомненно, и это мы еще увидимъ впоследствии, тектологическіе тезисы Геккеля играютъ большую роль въ ученіи о борьбѣ за индивидуальность, но ими она отнюдь не исчерпывается и не съ ними связанъ ея общій генезисъ. Съ тектологическими тезисами Геккеля случилось тутъ то же, что и съ принципомъ борьбы за существованіе Дарвина при перенесеніи его Михайловскимъ въ область общественныхъ отношеній. Будучи закономъ природы, борьба за существованіе, какъ равно и тезисы Геккеля, существенно мѣняютъ свой характеръ, разъ мы ихъ дѣлаемъ закономъ общественной жизни. Причина этого понятна: законы социологій *качественно* отличны отъ законовъ биологій и первые не покрываются вторыми. Не надо забывать объ этомъ, ибо иначе мы рискуемъ исказить весь характеръ теории борьбы за индивидуальность. Не надо забывать кромѣ того еще слѣдующаго.

Съ тектологическими тезисами Геккеля Михайловскій имѣлъ дѣло и раньше, до созданія имъ теории борьбы за индивидуальность. Что трактующая о нихъ часть статьи «Патологическая магія» представляетъ просто передѣлку, мѣстами даже дословную передачу, въ томъ числѣ и словъ объ «антропологической» точкѣ зрѣнія, статьи 1870 года «Органъ, общество и недѣлимое» — это мы упоминали нѣсколько разъ. Слѣдовательно, вотъ еще когда, въ 1870 году, едва окончивъ статью «Что такое прогрессъ», Михайловскій подошелъ къ тому, казалось бы, источнику, къ той грани, отъ которой былъ одинъ шагъ для построенія всей теории. И, однако, этотъ шагъ имъ не былъ сдѣланъ, самая статья его «Органъ, общество и недѣлимое» какъ-то затерялась среди другихъ его работъ, оставшись случайнымъ черновымъ наброскомъ, пригодившимся только нѣсколько лѣтъ спустя.

Очевидно, сами по себѣ тезисы Геккеля были недостаточны для построенія теории борьбы за индивидуальность, требуя какого-то дополненія извнѣ, за предѣлами биологій. Для психологій творчества Михайловскаго фактъ этотъ очень цѣненъ и важенъ. Ничто подобное и даже еще въ болѣе рѣзкой формѣ, повторилось у него въ тотъ третій періодъ его литературной дѣятельности, когда, передъ закрытіемъ «Отеч. Зап.», онъ создалъ свою замѣчательную теорію массоваго движенія,

теорію подражанія, основныя положенія которой, какъ онъ имѣлъ полное право сказать однажды, пынѣ стали «безспорнымъ достояніемъ науки» («Р. Бог.», 1893, № 4, 136). И въ этомъ случаѣ, какъ и на примѣрѣ съ теоріей борьбы за индивидуальность, первые проблески мысли о великой роли въ общественной жизни, при извѣстныхъ условіяхъ, безсознательнаго подражанія появились у Михайловскаго за много лѣтъ до созданія имъ самой теоріи. Прочтите, въ самомъ дѣлѣ, слѣдующія, во истину пророческія строки изъ рецензіи его на книгу Бернера «О смертной казни», которой 23-хъ лѣтній Михайловскій началъ, совмѣстно съ Н. Д. Ножинымъ, свое сотрудничество въ «Книжномъ Вѣстникѣ» 60-хъ гг.

Михайловскій ставитъ здѣсь между прочимъ слѣдующія задачи современной ему наукѣ, въ частности опытной психологіи. «Онѣ должны объяснить, почему, напримѣръ, между мясниками наиболѣе повторяющійся видъ убійства есть убійство помощью рѣжущихъ и колющихъ орудій, почему отрядъ изъ 500 мясниковъ, составленный во время сумасшествія Карла VI графомъ Сенъ-Полемъ, прославился своимъ дикимъ звѣрствомъ; почему самоубійство является иногда въ видѣ эпидемій; *почему въ средніе вѣка вслѣдъ за однимъ самообвиненіемъ въ сношеніяхъ съ нечистымъ духомъ всегда являлось нѣсколько новыхъ лицъ, объявлявшихъ, что и въ нихъ вселился дьяволъ;* почему въ эпоху великой революціи любимую игрою дѣтей было гильотированіе птицъ и насѣкомыхъ; почему, наконецъ, видъ смертной казни производитъ на многихъ неопределимую жажду крови, что подтверждается многочисленными фактами изъ судебныхъ хроникъ. Всѣ эти явленія—прибавляетъ отъ себя Михайловскій—аналогичныя съ паническимъ страхомъ, съ энтузіазмомъ, охватывающимъ цѣлую массу народа, съ *тѣмъ, наконецъ, ощущеніемъ, которое заставляетъ насъ звать при видѣ звѣвющаго—* всѣ эти явленія входятъ въ область изслѣдованія опытной психологіи, естествознанія, которому вообще предстоитъ освѣтить мрачныя тущобы уголовного права» (курс. мой).

Все это было писано въ № 23 «Кн. Вѣстн.», отъ 15 декабря 1865 года, т. е. за двадцать почти лѣтъ до статьи «Герои и толпа». Въ сокращенномъ видѣ та же тирада была повторена въ статьѣ «Преступленіе и наказаніе», писанной въ 1869 г. (см. т. II, стр. 91—92), при чемъ Михайловскій

впослѣдствіи самъ говорилъ, что «много лѣтъ спустя изъ этой робко выраженной мысли выросла» его теорія массового подражанія¹⁾. Какъ видитъ читатель, мы имѣемъ тутъ дѣйствительно весьма любопытную параллель тому, какъ создавалась теорія борьбы за индивидуальность. Психологию творчества Михайловскаго можно пояснить въ этомъ случаѣ извѣстнымъ физическимъ опытомъ, при которомъ вода охлаждается ниже опредѣленной температуры и не замерзаетъ, но затѣмъ, при первомъ толчкѣ со стороны, сразу отвердѣваетъ въ неподвижной, ледяной формѣ. Такъ и съ выработкой Михайловскимъ его теорій «героевъ и толпы» и борьбы за индивидуальность. Вопросъ здѣсь состоитъ только въ томъ, что послужило въ обоихъ этихъ случаяхъ толчкомъ для Михайловскаго, для того, чтобы всѣ заранѣе накопленные имъ факты и сопоставленія, безсознательно принимавшіе уже опредѣленные формы, были, наконецъ, выведены изъ равновѣсія и сразу кристаллизовались въ строго научныя теоріи. Мы не можемъ здѣсь разсматривать съ этой стороны теорію коллективнаго подражанія. Но, оставивъ ее въ сторонѣ, мы съ тѣмъ большимъ вниманіемъ можемъ отнестись къ ученію о борьбѣ за индивидуальность, дабы выяснить ея генезисъ, и мы увидимъ сейчасъ, что, выясняя ея генезисъ, мы выяснимъ и ея соціологическую сущность...

Первое, что въ послѣднемъ случаѣ бросается въ глаза, это крупная разница въ одномъ отношеніи между статьёй «Органъ, общество, недѣлимое» и гл. VI «Запис. Профана», трактующей впервые о борьбѣ за индивидуальность. Статья «Органъ, общество, недѣлимое» *кончается* тезисами Геккеля, тогда какъ гл. VI «Зап. Проф.» только *бѣгло* ими *начинается* и дальше Михайловскій даетъ уже для своей теоріи какъ бы новое совершенно исходное положеніе. *«Еще въ нынѣшнемъ году я доказывалъ, говорить онъ, и потому теперь доказывать не буду, что*

¹⁾ См. «Литерат. Воспом.», т. I, 14. Или по VII т., стр. 12. Ср. съ цитатой изъ «Книжн. Вѣстн.» мѣсто о тюльпаноманіи въ «Борьбѣ за индивид.», I, стр. 448 — 449. Тамъ же, стр. 553 ср. слова «о тѣхъ знаменитыхъ повальныхъ или коллективныхъ психическихъ болѣзняхъ, которыя такъ характеризуютъ средніе вѣка». Ср. также въ ст. «Философія исторіи Луи-Блана» и въ «Борьбѣ за индивид.» характеристику средне-вѣковыхъ формъ раздѣленія труда, столь важную для теоріи подражанія. Словомъ, съ какой бы стороны ни подходить, постоянно встрѣчается одинъ и тотъ же фактъ: казалось бы, матеріалы всѣ готовы, а теорія, даже слѣдовъ ея, все-таки вѣтъ и создается она не раньше 1878—1879 гг.

каждая данная общественная форма стремится выжать въ свою пользу весь сокъ изъ каждаго шага цивилизаціи и это ей слишкомъ часто удается» (III, 422, курс. мой).

Вотъ чисто соціологическая формулировка исходнаго пункта для теоріи борьбы за индивидуальность, и формулировка эта для насъ не совсѣмъ нова. Мы вѣдь и раньше слышали отъ Михайловскаго, что всякое цѣлое слѣпо, стихійно, въ силу имманентныхъ законовъ своего бытія стремится подчинить себѣ свои части... предоставляя имъ, путемъ спеціализаціи и раздѣленія труда, служебное положеніе, а стремиться подчинить себѣ свои части, предоставляя имъ служебное положеніе, это и значить выжать въ свою пользу весь сокъ изъ каждаго шага цивилизаціи. Конкретизированная такимъ образомъ, теорія борьбы за индивидуальность получить слѣдующій видъ. Разъ возникшая общественная форма борется за свое преобладаніе на исторической аренѣ, стихійно стремится взять отъ цивилизаціи все возможное, наложить на все клеймо своего вліянія и, если надо, поработить въ свою пользу свободнаго человѣка, низведя его опять-таки посредствомъ раздѣленія труда на степень пальца отъ ноги, безвольнаго органа высшаго организма. Или, какъ говоритъ самъ Михайловскій: «на всемъ необъятномъ полѣ жизни идетъ неустанная борьба за индивидуальность и орудіемъ этой борьбы служить раздѣленіе труда»¹⁾).

Что формулированная такимъ образомъ теорія борьбы за индивидуальность теряетъ свой біологическій характеръ, заброшенный на нее тектологическими тезисами Геккеля и что, слѣдовательно, сами эти тезисы должны играть въ ней какую-то иную роль, это становится послѣ всего только-что сказаннаго понятно само собой. Но мы убѣдимся въ этомъ еще больше, если обратимся къ тѣмъ статьямъ Михайловскаго за 1873—1875 гг., обогатившимъ запасъ его соціального наблюденія, соціальной индукціи и послужившимъ толчкомъ для развитія его теоретической мысли, на которыя онъ самъ указываетъ въ вышеприведенной цитатѣ, какъ на непосредственную основу своей теоріи борьбы за индиви-

¹⁾ См. «Отклики», томъ II, стр. 81—82. Ср. въ моей статьѣ «Взгляды Н. К. Михайловскаго на государство», «Русское Богат.» 1910 г. №№ 2 и 3, комментарий къ этому положенію. Ср. вообще эту статью, какъ попытку конкретизировать на опредѣленномъ положеніи теорію борьбы за индивидуальность.

дуальность. Статьи эти написаны на тему «демократичны ли естественныя науки» и представляют крупный интерес даже помимо ихъ общей роли въ социологическихъ взглядахъ Михайловскаго.

«Демократичны ли естественныя науки»—спрашиваетъ Михайловскій въ гл. IV «Литер. замѣтокъ» за апрѣль 1873 года. Бокль въ своей книгѣ, основываясь на опытѣ великой французской революціи, выставилъ тезисъ: «естественныя науки по существу своему демократичны». Михайловскій съ этимъ и соглашается и не соглашается. «Давно уже—поясняетъ онъ свою позицію въ этомъ случаѣ—еще въ 1869 году я представилъ теоретическія доказательства, въ силу которыхъ центральнымъ пунктомъ философіи исторіи должна быть признана форма коопераціи»... Съ этой общей точки зрѣнія онъ считаетъ единственно возможнымъ отнестись и къ вопросу о томъ, демократичны ли естественныя науки.

По словамъ Михайловскаго—«если бы Бокль сказалъ не то, что естественныя науки по существу демократичны, а что изученіе природы было наканунѣ первой революціи тѣсно связаво съ демократическими идеями, то онъ выставилъ бы тезисъ гораздо болѣе скромный, но за то и болѣе удобный для защиты. Подрывая авторитетъ католическихъ доктринъ, изученіе природы уже тѣмъ самымъ способствовало расшатыванію всей плотно спаянной феодальной системы, а косвеннымъ, слѣдовательно, образомъ служило демократическимъ идеямъ равенства и свободы. Во-вторыхъ, болѣе или менѣе пристальное изученіе природы наводило на мысль о несостоятельности общественныхъ неравенствъ, санкционированныхъ феодальнымъ правомъ, неравенствъ, основанныхъ не на естественныхъ достоинствахъ и недостаткахъ разныхъ классовъ людей, а на историческомъ преданіи и военномъ бытѣ. Въ третьихъ, наконецъ, изученіе природы, давая толчекъ техникѣ, способствовало усиленію класса людей промышленныхъ, т. е. тѣхъ именно, которые добивались осуществленія идей равенства и свободы»...

Изъ этого мы видимъ, что естественныя науки или уже—техника, были въ свое время демократичны, но «ровно постольку, поскольку демократична всякая другая буржуазная доктрина». Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Вообще—«техника служитъ тому, кто желаетъ и *можетъ* взять ее

къ себѣ въ услуженіе. Частная предпринимчивость, вооруженная знаніемъ и богатствомъ, произвела чудеса, передъ которыми померкла сила феодальной организаціи. Трудно даже обнять мыслью все значеніе техническихъ приложений естествознанія въ этомъ великомъ переворотѣ, такъ сильно измѣнившемъ комбинацію общественныхъ силъ. И поскольку техника враждебно сталкивается съ все еще крѣпкими (и даже очень крѣпкими) остатками феодализма и католицизма, она и до сихъ поръ служитъ демократическимъ началамъ».

Однако,—«не болѣе какъ по столбѣ. Есть у этого великолѣпнаго развитія техники и другая сторона, которая не мирится съ демократическими идеями. Тѣ же самыя приложения естественныхъ наукъ къ практическимъ нуждамъ, которыя расшатываютъ феодализмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ концентрируютъ общественную силу въ рукахъ буржуазіи и усиливаютъ гнетъ труда капиталомъ, усиливаютъ имущественное неравенство и приковываютъ рабочаго къ совершенно несвободной дѣятельности... Причинъ этого враждебнаго столбовенія слѣдуетъ искать, разумѣется, не въ самихъ естественныхъ наукахъ, даже не въ прикладныхъ ихъ отрасляхъ, а только въ формахъ коопераціи. Сами по себѣ естественныя науки доставляютъ только свѣдѣнія, а социальные результаты практическаго приложения этихъ свѣдѣній зависятъ уже отъ свойствъ данной комбинаціи общественныхъ силъ» (Курс. мой).

Нынѣ же свойства этой комбинаціи общественныхъ силъ таковы, что всѣ непосредственныя выгоды отъ техническихъ приложений естественныхъ наукъ оказывались въ рукахъ самыхъ ожесточенныхъ враговъ истинной демократіи, въ рукахъ представителей буржуазнаго, капиталистическаго строя. «Это сама истина и сама справедливость. Дѣйствительно, не только изобрѣтатели и усовершенствователи паровой машины сослужили службу капиталистамъ, фабрикантамъ и заводчикамъ, эту службу сослужили и труженники чистой физики и механики. Уаттъ говоритъ, что онъ не могъ бы усовершенствовать своей машины, если бы предварительныя, чисто научныя изслѣдованія не опредѣлили, сколько теплоты переходитъ въ скрытое состояніе при превращеніи воды въ паръ. Шееле, открывшему хлоръ и, вѣроятно, при этомъ ни о чемъ, кромѣ истины и познанія природы, не

думавшему, фабриканты обязаны способомъ бѣленія хлопчатобумажныхъ тканей, хотя и не онъ приложилъ свое открытіе къ этому практическому дѣлу. Кронштедтъ только открылъ никкель, но безъ этого открытія не было бы нейзильбера, и проч., и проч., и проч.».

А отсюда и тотъ выводъ, который былъ положенъ Михайловскимъ, какъ это мы узнаемъ изъ его же собственныхъ словъ, въ основу теоріи борьбы за индивидуальность. «Можетъ быть—говоритъ онъ—блестательныя научныя открытія и изслѣдованія XIX вѣка, размѣнявшись на звонкую монету техническихъ приложений, и будутъ служить укрѣпленію демократическихъ началъ, но это будетъ зависть не отъ нихъ, а отъ формы общественныхъ отношеній, въ которой произойдетъ размѣнъ. Она наложитъ на нихъ свое клеймо и перчеканитъ монету (Курс. мой). «Какъ организмъ чловѣка, принимая самую разнообразную пищу, ассимилируетъ изъ нея только то, что можетъ идти на потребу именно той формы жизни, которая называется чловѣческимъ организмомъ, такъ и всякая данная форма общественныхъ отношеній стремится вытянуть все ей подходящее изъ любой умственной пищи, претворить эту пищу въ свою плоть и кровь, выбрасывая непереваримое ею»¹⁾.

II.

Разсматривая выше основныя послылки теоріи борьбы за индивидуальность, мы оперировали съ помощью понятія общественныхъ индивидуальностей, при чемъ видѣли въ нихъ такую степень концентраціи соціальной энергіи, которая позволяетъ этимъ общественнымъ формамъ быть, въ качествѣ цѣлостныхъ организмовъ, особыми, на свой страхъ и рискъ, дѣятелями исторіи. Конечно, нѣтъ ничего незаконнаго въ такомъ взглядѣ на ходъ общественныхъ отношеній во всемірной исторіи, ибо на протяженіи ея много разъ, начиная отъ первобытныхъ временъ и кончая новѣйшей эпохой, разныя общественныя коллективности выступали на аренѣ борьбы именно, какъ коллективности, дѣйствуя отъ своего собственнаго имени и поглощая въ общемъ сознаніи индивидуальность отдѣльнаго

¹⁾ Курсивъ подлинника. См. всѣ послѣднія цитаты т. I, стр. 910; 911; 913; 915 и «Зап. проф.» гл. I, янв. 1875 г., т. III, стр. 290, 293.

человѣка, или, по крайней мѣрѣ, стремясь не безъ успѣха ее поглотить. Рядъ аналогичныхъ примѣровъ даетъ и самъ Михайловскій. Такъ онъ говоритъ—«фабрика, какъ экономическая единица стремится подчинить себѣ, поглотить рабочаго. Въ исторіи намъ извѣстны національныя индивидуальности, побѣжденные и не побѣжденные государственными единицами. Внутри національной индивидуальности борются индивидуальности сословныя, а внутри послѣднихъ индивидуальности человѣческія... Таковы факты—добавляетъ Михайловскій—такова собственно объективная часть теснѣи борьбы за индивидуальность. Здѣсь нѣтъ ничего такого, что не могло бы быть доказано почти съ математическою точностью. Факты такъ просты сами по себѣ, что не могли бы породить никакихъ споровъ» («Борьба за индив.», I, 474).

Да они этихъ споровъ и не порождаютъ. Споры порождаетъ другое обстоятельство. Каждая общественная форма можетъ выступить въ тотъ или иной моментъ исторической жизни, какъ цѣлое въ борьбу за свои интересы. Кромѣ только что приведенныхъ примѣровъ положеніе это можно иллюстрировать еще извѣстнымъ намъ отношеніемъ Михайловскаго къ тремъ главнымъ историческимъ напластованіямъ Зап. Европы. Напластованія эти таковы: «1) абсолютизмъ, теологія, война, владычество крупнаго капитала; 2) конституціонная монархія, метафизика, неховая эрудиція, биржа, владычество капитала; 3) наука, право и обязанность труда»¹⁾.

Вотъ, слѣдовательно, три основныя общественныя индивидуальности, встрѣтившіяся въ Зап. Европѣ лицомъ къ лицу на аренѣ исторической борьбы. Каждая изъ нихъ несетъ съ собою свой особенный типъ общественныхъ отношеній, свою систему коопераціи, свое міровоззрѣніе, свою общественную форму, и эта форма, разъ возникнувъ, стремится овладѣть всѣми благами цивилизаціи и обратить ихъ себѣ на пользу. Однако, на этомъ же примѣрѣ мы можемъ видѣть, что каждая изъ взятыхъ тутъ нами системъ общественныхъ индивидуальностей не есть что-то безличное и абстрактное, «особый видъ—Societas», какъ пронизиваетъ Михайловскій надъ Спенсеромъ, а что она представляетъ изъ себя извѣстную комбинацію живыхъ общественныхъ силъ, взаимоотношеніемъ которыхъ

¹⁾ Цитата, приведенная уже выше, см. стр. 22.

и опредѣляется ея «культурно-историческій типъ». Возьмемъ, чтобы пояснить эту мысль, хотя бы тотъ же феодализмъ.

«Наиболѣе общая черта европейскаго феодализма и русскаго крѣпостнаго права—которое тоже было своего рода феодализмомъ—«состоитъ, по словамъ Михайловскаго, въ извѣстныхъ отношеніяхъ двухъ общественныхъ группъ. Затѣмъ европейскій феодализмъ осложняется еще частностью, разноплеменностью этихъ группъ, которая, слѣдовательно, въ феодализмѣ можетъ быть и не быть. Приглядываясь далѣе къ обѣимъ формамъ феодализма, мы найдемъ и другія различія: несравненно большую зависимость русскаго дворянства отъ высшей государственной власти, несравненно болѣе служилый характеръ его, отсутствіе нѣкоторыхъ сюзеренныхъ правъ, которые имѣлъ европейскій феодалъ. Но все это различія въ степени, а не въ типѣ общественныхъ отношеній», типъ же характеризуется прежде всего извѣстной комбинаціей двухъ общественныхъ группъ, социальныхъ силъ. Такимъ образомъ, цѣлое, та общественная форма, которая выступаетъ, какъ нѣчто единое въ историческомъ процессѣ, раскладывается какъ бы на двое, въ зависимости отъ тенденцій составляющихъ ее частей.

Что этотъ выводъ долженъ имѣть огромное значеніе для пониманія всей теоріи борьбы за индивидуальность Михайловскаго,—это само собою понятно. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ выводъ не можетъ быть особенно неожиданнымъ для насъ, ибо въ немъ не болѣе какъ лишь конкретизируются собственныя указанія Михайловскаго на связь *борьбы за индивидуальность и борьбы социальной*, на существованіе въ средѣ общественныхъ индивидуальностей своего рода концентрическихъ круговъ, индивидуальностей сословныхъ, классовыхъ, семейныхъ, подраздѣлений и группировокъ политическихъ, партійныхъ. «Мы имѣемъ въ современномъ европейскомъ обществѣ два противоположныхъ теченія: общество налагаетъ на личность извѣстныя обязанности, личность частью подчиняется имъ, частью обходитъ путемъ лицемерія, частью же открыто протестуетъ... Эта борьба личности и общества, «борьба за индивидуальность», не есть особенность нашего времени, она ведется съ незапамятныхъ временъ». Первоначально родъ и семья боролись за главенство надъ личностью и «это былъ одинъ изъ мучительнѣй-

шихъ и труднѣйшихъ историческихъ процессовъ», разныя перипетіи котораго Михайловскій и прослѣживаетъ въ своей статьѣ «Борьба за индивидуальность». Съ тѣхъ поръ, со временъ борьбы за главенство надъ личностью семьи и рода, общественная жизнь чрезвычайно развилась и— «въ настоящее время «общество» настолько осложнилось, надъ личностьюросло столько концентрическихъ круговъ, узоры жизни стали до такой степени пестры, что это маскируетъ основной фонъ борьбы за индивидуальность. Но борьба эта идетъ, какъ шла и прежде, съ перемѣннымъ успѣхомъ: то въ одномъ отношеніи, то въ другомъ, то одинъ изъ концентрическихъ круговъ, одна изъ группъ одерживаетъ побѣду надъ личностью, то другая, то терпя отъ нихъ пораженія» («Посл. соч.», т. I, стр. 252).

Михайловскій не оставляетъ въ неразработанномъ видѣ всѣ эти указанія, а весьма детально конкретизируетъ ихъ, расцѣпывая вмѣстѣ съ тѣмъ удѣльный вѣсъ, социологическое значеніе для того или иного момента цивилизаціи тѣхъ или иныхъ общественныхъ круговъ. Раньше на зарѣ человечества огромную роль сыграла борьба семьи и рода въ ихъ попыткахъ подчинить своему вліянію личность. Семья и родъ играли и позже, особенно родъ, претворившійся въ націю, національность, крупную роль, играютъ ее и теперь. Есть даже и нынѣ люди, которые на этомъ фактѣ строятъ, подобно нашимъ славянофиламъ, цѣлыя системы философскаго объясненія исторіи. «Напримѣръ, нѣмецкій историкъ Веберъ, соотвѣтственно рифмованному дѣленію сословій, государствъ и вообще обществъ на *Lehr, Nähr* и *Wehr-Stand* раздѣляетъ на тѣ же классы и народы, населяющіе Европу, и, конечно, относитъ славянъ къ нѣрѣ, — а нѣмцевъ къ лѣрштанду, т. е. обрекаетъ славянское племя на матеріальный трудъ въ пользу высшихъ племенъ». По этому поводу одинъ изъ нашихъ эпигоновъ славянофильства, Данилевскій, находитъ нужнымъ въ своей книгѣ «Россія и Европа» замѣтить— «что вотъ, молъ, какую глупость говоритъ историкъ Веберъ. Это, конечно, глупость, но—возражаетъ Михайловскій—такъ какъ фактически лѣрѣ,—вѣрѣ—и нѣрѣ штанды въ видѣ сословій и другихъ подобныхъ общественныхъ группъ существуютъ, то странно, наткнувшись на этотъ несомнѣнный фактъ, не попытаться опредѣлить его значеніе, по крайней мѣрѣ на-ряду съ національностью» ¹⁾.

¹⁾ «Зап. проф.», III, 874—875, январь 1877 г.

Понятія расы, націи, національности — продолжаетъ Михайловскій—«соотвѣтствуютъ, такъ сказать, вертикальнымъ дѣленіямъ человѣческаго рода. Но существуютъ еще горизонтальныя дѣленія, иногда только перерѣзывающія націю или государство, а иногда далеко выступающія изъ ихъ предѣловъ. Русскій ученый, напримѣръ, фізіологъ или лингвистъ, связанъ тѣснѣйшими узами съ ученымъ французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и виконимъ образомъ не можетъ считать для себя виѣшними вопросы, занимающіе европейскую науку, которые, однако, могутъ быть виѣшними для французскаго крестьянина или англійскаго сапожника. Конечно, если бы мужикъ или сапожникъ широко понималъ свои интересы, такъ нѣкоторые научные вопросы принималъ бы ближе къ сердцу. Но фактъ во всякомъ случаѣ тотъ, что ученые всѣхъ націй связаны въ одно цѣлое, въ союзъ, имѣвшій даже въ старину названіе *republique des lettres*, а крестьяне и сапожники тѣхъ же самыхъ націй не имѣютъ въ этой «республикѣ» мѣста. Точно также русскій купецъ, вывозящій сырье за границу, тѣснымъ образомъ связанъ съ извѣстнымъ слоємъ европейскаго населенія. Для коммерческаго русскаго человѣка состояніе берлинской биржи есть вопросъ внутренній, потому что и въ этомъ случаѣ имѣется прочная связь и своего рода *republique*»¹⁾).

¹⁾ Ср. такъ же продолженіе этой цитаты, гдѣ Михайловскій указываетъ, какъ во время крымской войны «побѣды русскихъ и между прочимъ синопское пораженіе были привѣтствуемы на парижской биржѣ повышеніемъ фондовъ», въ объясненіе чему Михайловскій цитируетъ слѣдующія слова Прудона: «Капиталь—космополитъ, онъ не знаетъ ни соперничества государствъ, ни религіозной, ни расовой ненависти. Что ему, напримѣръ, за дѣло до святого Гроба? Поговорите съ нимъ о восточныхъ христіанахъ. Онъ скажетъ: а развѣ русскій императоръ не можетъ имъ покровительствовать, такъ же какъ французскій, или даже лучше?—Но, замѣтите вы:—дѣло идетъ о преобладаніи католичества надъ православіемъ.—Пятифранковикъ—атеистъ, отвѣчаетъ капиталъ. Какъ, вы не понимаете, что русскій протекторатъ былъ бы гибелью блистательной Порты?—Это дѣло Порты. Государство, не имѣющее достаточно жизненности для самостоятельнаго существованія, заслуживаетъ такой участи.—Но европейское равновѣсіе?—Пусть Франція, Англія *e tutti quanti* присоединятся къ Россіи и возьмутъ свою долю трупа. Двѣ или нѣсколько величинъ, умноженныя на одну и ту же величину, остаются въ прежнихъ отношеніяхъ: прямой расчетъ. Отчего не принять предложеній императора Николая?—Но вѣдь это ужасно. А слава Франціи?—Я васъ не понимаю, отвѣчаетъ капиталъ». См. «Зап. проф.» III, 876. Ср. тамъ же стр. 883.

И эта связь далеко не только практическая, ибо она переходит въ солидарность идейную. Общественныя группировки и тутъ превалируютъ надъ группировками національными, показывая, какую роль въ соціальной жизни современности играютъ «различные общественные круги, различныя ступени индивидуальности общественной, борющіеся и съ личностью и между собой» («Послѣдн. соч.», I, 398—399). «Современное венгерское дворянство, — поясняетъ Михайловскій это утвержденіе, — несмотря на свой чардашъ и венгерскіе сапоги, чувствуетъ необыкновенное и при томъ платоническое расположеніе къ англійскому лордству. Исторія славянъ представляетъ множество подобныхъ примѣровъ, хотя, къ сожалѣнію, лишенныхъ букета платонизма. Такъ высшіе классы балтійскихъ славянъ продали свой народъ нѣмцамъ; такъ продавало свой народъ малороссійское шляхетство полякамъ; такъ сербское дворянство брательсь съ турецкими бегами, чтобъ встать въ ихъ ряды и вмѣстѣ съ ними топтать и сажать на колъ свой народъ» (томъ III, 883).

Съ другой стороны тотъ же Данплевскій «въ такъ называемой манчестерской школѣ политической экономіи видѣть выраженіе національнаго англійскаго характера. Слѣдуетъ однако замѣтить, что школа эта создана, положимъ, англичанами, но при томъ известнаго общественнаго класса и поддерживается людьми разныхъ націй, но только того же класса. Англійскіе же рабочіе (равно какъ рабочіе другихъ странъ) и ихъ друзья или не принимали этого ученія вовсе или перестраивали его совсѣмъ не въ томъ направленіи, которое авторъ считаетъ характернымъ для англичанъ, какъ націи» (Тамъ же, 878, курс. мой).

Понятенъ огромный историческій и теоретическій интересъ всѣхъ вышеприведенныхъ мѣстъ. Нѣтъ нужды говорить, что у Михайловскаго это были не случайные зигзаги пера, не какія-либо обмолвки, а непосредственные выводы изъ его общихъ исходныхъ положеній, иллюстраціи къ его мысли о центральномъ значеніи для философіи исторія принципа смѣны формъ коопераціи, борьбы общественныхъ силъ. Не Михайловскій первый ввелъ въ русскую литературу этотъ принципъ, — у него былъ тутъ достойный предшественникъ, или, точнѣе, онъ былъ достойнымъ преемникомъ своего непосредственнаго учителя и предтечи, великаго рус-

скаго учителя и критика, Н. Г. Чернышевскаго, взгляды котораго онъ воспринялъ и послѣдовательно развивалъ ихъ дальше. Подобно автору «Антропологическаго принципа въ философіи» Михайловскій исходилъ изъ представленія объ единствѣ человѣческой природы и подобно ему имъ былъ навсегда изгнанъ всякій дуализмъ изъ области общественнаго познанія. «Что явленія умственной жизни тѣсно связаны съ фактами общественныхъ отношеній» — говоритъ онъ — «это никѣмъ, кажется, не отрицается. Но обыкновенно эту связь представляютъ себѣ такъ, что различныя вѣрованія, успѣхи философіи, науки, литературы производятъ давленіе на общественную жизнь. На самомъ же дѣлѣ это давленіе ничтожно, сравнительно съ толчкомъ, который дается умственной жизни формами общежитія» («Борьба за инд.», I, 535).

Нужно быть воистину слѣпымъ, чтобъ не замѣтить этой характернѣйшей черты социологической системы воззрѣній Михайловскаго. Сама теорія борьбы за видивидуальность представляетъ не болѣе, какъ лишь высшее теоретическое обобщеніе этого принципа, и развилась она, на что указываетъ и самъ Михайловскій и какъ это мы видѣли на примѣрѣ его статьи «Демократичны ли естественныя науки», изъ его противопоставленія двухъ типовъ сотрудничества — простой и сложной коопераціи. Фактъ этотъ до такой степени очевиденъ, что даже столь заклятые враги Михайловскаго, какъ марксисты, не всегда рѣшались отрицать его. «Г-ну Михайловскому дѣлаетъ большую честь — заявляетъ, напр., г. Бердяевъ — что онъ склоненъ искать основнаго факта въ общественности, въ смѣнѣ различныхъ формъ коопераціи и отъ этого ставить въ зависимость умственное развитіе человѣчества. Вообще, г. Михайловскій никогда не былъ рационалистомъ... никогда не выставлялъ на первый планъ умственнаго фактора... онъ даже предвосхищаетъ нѣкоторые выводы матеріалистическаго пониманія исторіи» (стр. 182, 134).

Слова о «предвосхищеніи» не вполне тутъ точны. Социологическое міросозерцаніе, развитое по слѣдамъ Н. Г. Чернышевскаго, русской «субъективной» школой, въ частности, если не главнымъ образомъ, Михайловскимъ, не то, чтобы предвосхищало «нѣкоторые выводы матеріалистическаго пониманія исторіи», а дѣлало само это пониманіе исторіи, по крайней мѣрѣ въ томъ его видѣ, какъ оно проповѣдывалось въ Россіи, въ

90-хъ гг., извѣстнаго рода анахронизмомъ. Объ этомъ достаточно краснорѣчиво говорить все наше изложеніе, въ этомъ же мы убѣдимся изъ дальнѣйшаго анализа теоріи борьбы за индивидуальность...

Мы видѣли выше, какую роль играютъ у Михайловскаго разные общественные организмы, выступающіе, какъ «цѣлокупныя» единицы въ борьбу между собою. Теперь благодаря всѣмъ вышеприведеннымъ цитатамъ мы видимъ другую сторону этой борьбы. «Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь такъ легко наговорить хорошихъ словъ, въ родѣ самоотверженіе, преданность интересамъ цѣлаго, свободное и сознательное отреченіе личности отъ своего полномочія и проч., и проч., и проч. Легко даже кое-кого увлечь этими словами и заставить людей жертвовать собою въ *интересахъ якобы цѣлаго, а въ сущности, ничтожнѣйшей его части*»¹⁾. Въ сущности ничтожнѣйшей его части, ибо въ огромномъ большинствѣ случаевъ «дѣло здѣсь не въ цѣломъ, а въ вершинѣ цѣлаго», въ тѣхъ соціально-сильныхъ элементахъ, которые при настоящемъ порядкѣ вещей берутъ верхъ надъ другими составными частями одного съ ними общественного строя, концентрируя въ своихъ рукахъ общественную власть и всѣ привилегіи, съ нею связанныя...

«Вы знаете — обращается Михайловскій къ своимъ читателямъ въ тѣхъ же «Письмахъ о правдѣ и неправдѣ» — что, напримѣръ, въ экономической области европейской жизни преобладаетъ вовсе не личность» — какъ это утверждаютъ сторонники буржуазнаго либерализма, съ которыми тутъ полемизируетъ Михайловскій — «а капиталъ... Вы знаете, что хотя отношенія европейскаго капиталиста и рабочаго не имѣютъ формально обязательнаго характера, но на самомъ дѣлѣ, при существующихъ условіяхъ, капиталистъ такъ же нуженъ рабочему, какъ рабочій капиталисту. Они могутъ, пожалуй, разсуждать о своей личной свободѣ, но въ дѣйствительности они прикованы другъ къ другу такими цѣпями, которыя ни въ чемъ, пожалуй, не уступятъ многообразнымъ цѣпямъ, лежавшимъ на личности въ средніе вѣка. Такимъ образомъ цѣлое, въ составъ котораго входятъ капиталисты и рабочіе, совершенно подавляетъ личность, и преобладаніе личнаго начала есть мнѣ, ничѣмъ пока не

¹⁾ «Письма о правдѣ и неправдѣ». Январь, 1878, IV, 450. Курс. мой.

отразившійся въ фактическомъ положеніи дѣль... *Интересы этого цѣлаго, собственно говоря, вовсе не существуютъ, потому что подъ ними скрываются интересы хозяевъ.* Вотъ, если бы цѣлое было разорвано, если бы рабочіи могъ не нуждаться въ хозяинѣ или—что въ концѣ концовъ одно и то же—наоборотъ, тогда можно было бы говорить о торжествѣ личнаго начала, потому что тогда въ одной личности сосредоточивались бы всѣ ея атрибуты, которые теперь распределены по различнымъ группамъ. Теперь же мы видимъ преобладание не личности, а одного, оторваннаго, отвлеченнаго атрибута личности, усвоеннаго группою людей съ своими особенными интересами» (т. IV, 449—450, курс. мой).

И не только въ этомъ случаѣ интересы цѣлаго, собственно говоря, вовсе не существуютъ, утопая въ интересахъ отдѣльной высшей группы этого цѣлаго, въ интересахъ представителей капитала, этихъ истинныхъ хозяевъ современной общественной жизни, какъ ихъ называетъ Михайловскій въ своей статьѣ «Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха»,—не только, повторяемъ, въ этомъ случаѣ интересы цѣлаго оказываются простой фикціей, а таковы свойства всякаго «пирамидальнаго», т. е. основаннаго на социальномъ неравенствѣ строя, общества разнороднаго, по типу сложной коопераціи. Разумѣется, опять таки, это не относится къ общественности, коопераціи, взятымъ въ принципъ—блага самой общественности, коопераціи неизмѣримо велики для развитія личности, ибо «тутъ только человекъ получаетъ возможность пережить другую жизнь, перестрадать чужое страданіе, наслаждаться чужимъ наслажденіемъ»¹⁾, а безъ этого невозможно и собственное личное развитіе человека,—но если все вышесказанное не относится къ коопераціи вообще, то тѣмъ тщательнѣе намъ нужно отличать принципъ общественности отъ исторически данныхъ формъ общества.

Дарвинъ сказалъ однажды: «хотя бы это намъ и трудно, но намъ слѣдуетъ восхищаться дикой, инстинктивной злобой пчелы-матки, уничтожающей молодыхъ матокъ, своихъ дочерей, тотчасъ по ихъ рожденіи, или погибающей въ борьбѣ съ ними; ибо это несомнѣнно полезно обществу». Не обществу, поправляетъ его Михайловскій, подчеркивая слова свои

¹⁾ См. «Что такое прогр.», I, 140. Ср. съ этимъ содержаніе главы объ органической теоріи обществъ, особенно стр. 99—106.

курсивомъ, а *данной формъ общества* (см. т. III, стр. 225). Знать это различіе для насъ тѣмъ болѣе необходимо, что очень часто защитники каждаго даннаго строя готовы объявить и объявляютъ враговъ его, враговъ этого строя, врагами самой общественности. — «Такъ древній Римъ не только истреблялъ христіанъ тысячами, но и объявлялъ ихъ врагами челоувѣчества и основныхъ началъ всякаго общества. На дѣлѣ, однако, распространеніе христіанства несло, какъ извѣстно, новыя и болѣе прочныя устои общественнаго зданія, хотя римская общественная организація и прѣла свои резоны быть недовольной. Практическіе результаты борьбы, разумѣется, ни мало не измѣняются собственно римскою клеветою» — прибавляетъ Михайловскій. Но принципиально — есть «огромная разница между преслѣдованіемъ враговъ общества и преслѣдованіемъ враговъ данной общественной формы. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ на убой идутъ часто лучшія силы страны, о чемъ иногда очень скоро приходится пожалѣть той самой общественной формѣ, которая ихъ истребила. Преслѣдованіе гугенотовъ стоило Франціи около милліона энергическихъ, трудолюбивыхъ, уметвенно одаренныхъ людей, сожженныхъ, зарѣзанныхъ, изгнанныхъ и бѣжавшихъ въ другія страны»¹⁾. При чемъ такъ было не въ одной Франціи, не съ одними только гугенотами. «Нѣчто подобное мы вѣдь и теперь можемъ наблюдать, когда какая-нибудь турецкая пляшная солдатчина хозяйничаетъ въ странѣ» (т. VI, 847).

Мы можемъ, кажется, считать, что вышесказаннымъ достаточно опредѣляются точки соприкосновенія между теоріей борьбы за индивидуальность и принципомъ борьбы соціальной, въ частности борьбы классовой, однимъ изъ первыхъ теоретиковъ и провозвѣстниковъ которой и былъ въ Россіи Н. К. Михайловскій. Мы видѣли выше, что сами марксисты принуждены были признать наличность этой *объективной* основы у *субъективной* русской соціологин. «Идея Михайловскаго о смѣнѣ формъ коопераціи, идея чисто соціологическая и очень близкая къ соціологин марксизма» — говоритъ, напр., г. Невѣдомскій («Міръ Божій», № 4, 1904). «Большаго не могли бы потребовать даже экономическіе матеріалисты» — прибавляетъ къ этому М. М. Филипповъ во II томѣ своей «Философіи дѣятельности». Не будемъ, впрочемъ, преувеличивать об-

¹⁾ «Случайн. зам.» 1889—1891 гг., VI, 896—897.

щее значеніе въ марксистской литературѣ заявленій подобнаго рода. Не будемъ преувеличивать, потому что эти заявленія остаются тамъ простыми, грубо-эмпирическими выводами, сдѣланными къ тому же скрѣпя сердце. Понять истинное значеніе всѣхъ подобныхъ мѣсть у Михайловскаго и роль ихъ для оцѣнки общаго характера его міровоззрѣнія марксисты просто психологически были не въ состояніи, ибо это обозначало бы полное крушеніе всей ихъ литературы о русскихъ «субъективистахъ». Поэтому рядомъ съ готовностью, весьма, впрочемъ относительной, отмѣнить извѣстную родственную соціологіи Михайловскаго съ соціологіей марксизма, всѣ цитированные выше авторы разрушаютъ лѣвой рукой то, что сами же создали правой. Самымъ замѣчательнымъ явленіемъ такого рода должны быть признаны несомнѣнно тѣ мѣста о Михайловскомъ, которыя мы встрѣчаемъ въ послѣдней книгѣ г. Плеханова о Н. Г. Чернышевскомъ, гдѣ между прочимъ утверждается: «то, что въ историческихъ взглядахъ Чернышевскаго было недостаткомъ, вызваннымъ неразработанностью фейербаховскаго матеріализма, стало впоследствии основой нашего субъективизма... Субъективисты хвастливо называли себя продолжателями лучшихъ традицій 60-хъ годовъ. На самомъ дѣлѣ они продолжали только слабыя стороны свойственнаго этой эпохѣ міросозерцанія».

Въ частности—«раскрытая Михайловскимъ перспектива законовъ и параллелей біологическаго характера *была огромнымъ шагомъ назадъ* въ сравненіи съ общественными взглядами Чернышевскаго». Когда Чернышевскій—«сошелъ со сцены, въ нашей литературѣ начался въ философскомъ отношеніи,—да, къ сожалѣнію, не только въ философскомъ,—*періодъ упадка*. Однимъ изъ проявленій этого упадка явился впоследствии пресловутый субъективизмъ Николая Михайловскаго, котораго многіе до сихъ поръ ставятъ пресерьезно на одну доску съ Чернышевскимъ. На самомъ дѣлѣ Михайловскій, особенно въ философіи, былъ настоящимъ карикомъ по сравненію съ авторомъ статьи «Антропологическій принципъ въ философіи»¹⁾.

И не одинъ г. Плехановъ демонстрируетъ такимъ образомъ свою критическую проникательность. Отъ г. Плеханова, какъ критика Михайловскаго, и ждать нельзя ничего другого, но вотъ возьмемъ, хотя бы, того же г. Бердяева.

¹⁾ См. Г. В. Плехановъ. «Н. Г. Чернышевскій». СПб. 1910. Стр. 189—190, 77, 146. Курсивъ подлинника.

Г. Бердяеву принадлежит наиболѣе объективная и наиболѣе обстоятельная работа о Михайловскомъ въ марксистской литературѣ, и, все-таки, несмотря даже на всѣ вышеприведенныя заявленія о Михайловскомъ, онъ не такъ далекъ въ цѣломъ рядѣ пунктовъ отъ г. Плеханова, автора наименѣе обстоятельныхъ и наиболѣе субъективныхъ памфлетовъ противъ «русской quasi-соціологической литературы». Правда, собственно въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ между Михайловскимъ и Чернышевскимъ г. Бердяевъ самымъ существеннымъ образомъ разногласитъ съ г. Плехановымъ, но это не мѣшаетъ имъ быть солидарными въ другихъ и при томъ гораздо болѣе важныхъ пунктахъ. Такъ, подобно г. Плеханову, и г. Бердяевъ раскрытую Михайловскимъ перспективу законовъ и параллелей біологическаго характера считаетъ шагомъ назадъ не только по сравненію съ Н. Г. Чернышевскимъ, но даже по сравненію съ людьми, завѣдомо злоупотребявшими біологическими аналогіями, напр., такими, какъ Спенсеръ. «Склонность къ біологическимъ абстракціямъ и аналогіямъ», которую г. Бердяевъ находитъ у Михайловскаго, принуждала его увлекаться въ этомъ направленіи «несравненно болѣе Спенсера» и заставляла его дѣлать «отсюда выводы несравненно болѣе чуждые общественной наукѣ». Однимъ изъ такихъ выводовъ и является теорія борьбы за индивидуальность Михайловскаго. «Общество никогда и ни въ какомъ смыслѣ не боролось за свою индивидуальность и не поработало личности—утверждаетъ г. Бердяевъ—борьба общества за индивидуальность это выраженіе, лишенное какого бы то ни было смысла... Это только галлюцинація русскаго публициста 70-хъ гг.». И дабы окончательно убѣдить въ этомъ читателя, нашъ авторъ выставляетъ *противъ* Михайловскаго слѣдующее положеніе: «подъ кажущимся антагонизмомъ личности и общества всегда скрывается дѣйствительный антагонизмъ общественныхъ группъ, борьба классовъ, и этотъ антагонизмъ наполняетъ собою историческій процессъ»¹⁾.

¹⁾ См. книгу Бердяева о Михайловскомъ, 163, 167. Ср. съ этими слова П. Струве о томъ, какъ въ числѣ другихъ частей мировоззрѣнія Михайловскаго—«и теорія борьбы за индивидуальность есть тоже, лишь доведенный до крайняго и явно тенденціоннаго выраженія, «органической» взглядъ на общество». См. въ «Проблем. идеал.» ст. «Къ характеру нашего филос. развит.» Нынѣ статья эта вошла въ «Patriotic'u» П. В. Струве (изд. Д. Е. Жуковскаго, СПб. 1911). Цитированное мѣсто тамъ на 319 стр. Насколько состоятеленъ взглядъ г. Струве на Михайловскаго, какъ на «органиста», мы видѣли выше.

Мы думаемъ, каждый читатель самъ понимаетъ, что по меньшей мѣрѣ странно выставлять противъ Михайловскаго такія положенія, которыя имъ же самимъ введены были задолго до русскихъ марксистовъ въ общественную науку. Центральнымъ пунктомъ философіи исторіи должна быть принята смѣна формъ коопераціи; основаніемъ расположенія историческаго матеріала слѣдуетъ взять соотношеніе общественныхъ силъ; борьба за индивидуальность должна быть построена на основѣ борьбы соціальной,—вотъ положенія Михайловскаго, въ незнаніи которыхъ его же упрекаютъ русскіе марксисты. И упрекая его въ этомъ, они въ своихъ собственныхъ формулировкахъ общественнаго процесса отнюдь не дѣлали «шагъ впередъ», по сравненію съ столь осмѣяннымъ ими «Ахилломъ субъективной школы». Подъ антагонизмомъ личности и общества, заявляетъ напр., г. Бердяевъ, скрывается антагонизмъ общественныхъ группъ, борьба классовъ, и этотъ антагонизмъ наполняетъ собою историческій процессъ. Недостаточность такой формулировки ясна сама собой. Борьба классовъ наполняетъ, но не исчерпываетъ собою историческій процессъ, сказалъ бы въ этомъ случаѣ Михайловскій, она есть только частный случай борьбы общественныхъ группъ, а кромѣ того группы борются не только между собой, а и съ входящими въ ихъ составъ единицами.

Разумѣется, послѣдняя прибавка Михайловскаго не есть просто фактическая ремарка, она можетъ стать въ свою очередь, и дѣйствительно становится у него исходнымъ пунктомъ для совершенно иного, чѣмъ такъ называемое материалистическое, пониманія исторіи. Иного не въ смыслѣ только отказа отъ того философскаго матеріализма съ примѣсью гегельянства, разрывъ съ которымъ послѣ Чернышевскаго, г. Плехановъ считаетъ однимъ изъ преступленій, «шагомъ назадъ», русской субъективной соціологіи. Иной характеръ, по сравненію съ марксистскимъ міросозерцаніемъ Михайловскаго носить еще и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Для марксистовъ историческій процессъ носитъ чисто *объективный* характеръ, исчерпываясь борьбой классовой, а такъ какъ сама борьба классовая возникаетъ—по ихъ мнѣнію—исключительно на почвѣ экономическихъ или производственныхъ отношеній, то и анализъ историческаго процесса сводится къ анализу первенствующей роли «экономическаго фактора въ исторіи». Михайловскому же кажется, и совершенно справедливо, неправомѣрной какъ вся теорія такихъ

«факторовъ», такъ въ частности и самая попытка отыскать какой-то едино-спасающій факторъ въ исторіи. «Чтобы уловить законы соціальной динамики, т. е. общественного прогресса, мы должны — думаетъ онъ — одновременно слѣдить за движеніемъ всѣхъ общественныхъ элементовъ сразу. Мы ищемъ не исторіи войны, торговли, экономическихъ отношеній, вѣрованій, нравственныхъ, эстетическихъ идеаловъ и т. д. Мы ищемъ законовъ, управляющихъ единовременнымъ движеніемъ всѣхъ этихъ элементовъ. Если мы ухватимся за одинъ какой-нибудь соціальный элементъ, почему-либо бросающійся намъ въ глаза, и по движенію этой части будемъ судить о развитіи цѣлаго, то вся исторія естественно окрасится для насъ одностороннимъ и ложнымъ свѣтомъ»... («Что так. прогр.» I, 62).

Или, какъ онъ повторяетъ въ своей рецензій на книгу Маурера «Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго устройства и общественной власти» — «Мы хотѣли бы обратить вниманіе читателя на плодотворность общаго характера книги, — читатель не найдетъ въ ней анализа изучаемыхъ явленій съ спеціально-экономической, или спеціально-политической, или спеціально-юридической точки зрѣнія. Эти спеціальныя точки зрѣнія, выдѣляющія, отвлекающія извѣстныя стороны фактовъ общественной жизни, ради удобнѣйшаго ихъ разсмотрѣнія, въ изолированномъ видѣ, неизбежны въ виду ограниченности человѣческаго ума. Но, прилагая ихъ къ дѣлу, люди слишкомъ часто забываютъ, что такое отвлеченное изслѣдованіе должно по необходимости имѣть чисто условный характеръ; что результаты его не могутъ вполне соответствовать дѣйствительности; что, познавъ явленіе по частямъ, надо же умѣть и сложить эти части въ одно цѣлое. И при томъ не въ философскомъ только синтезѣ, который естественно пропускаетъ многія, въ различныхъ отношеніяхъ важныя детали, а въ той живой цѣльности, въ какой явленіе выдвигается исторіей»¹⁾).

¹⁾ См. «От. Зап.», 1880 г., декабрь, стр. 224, отд. повыхъ книгъ. Ср. съ этими слова изъ статьи «Параллели и контрасты», напечатанной въ «Невскомъ Сборн.», 1867 г. — «мы до такой степени не привыкли къ цѣлостному энциклопедическому мышленію, что можемъ разсматривать предметъ только съ какой-нибудь спеціальной точки зрѣнія, между тѣмъ какъ объектъ нашего мышленія имѣетъ множество свойствъ, на него дѣйствуетъ множество силъ, равнодѣйствующая которыхъ для насъ какъ бы не существуетъ».

Это, конечно, не есть отрицаніе крупной важности той или иной специальной точки зрѣнія, въ частности не отрицаніе крупнаго значенія въ общественной жизни экономическихъ отношеній. «Я не думаю отрицать великое значеніе экономического фактора въ исторіи,—говоритъ Михайловскій и прибавляетъ—да оно и никогда не отрицалось въ русской литературѣ... Безъ сомнѣнія, экономическій факторъ достаточно вліятеленъ для того, чтобы его можно было принять за «центральную цѣпь» историческаго процесса, но надо помнить, что это дѣлается лишь въ видахъ тѣхъ или другихъ удобствъ изслѣдованія, а не благодаря открытію «самой линіи», безусловнаго начала всѣхъ началъ; что звенья этой цѣпи обусловливаются то какъ причина, то какъ слѣдствіе, другими историческими факторами. А затѣмъ нужно, конечно, поточнѣе выяснитъ себѣ, что такое этотъ «экономическій факторъ», какъ движущая сила исторіи» («Отклики», т. I, стр. 298, 308).

Но если это не есть отрицаніе великой роли экономического фактора въ исторіи, то съ другой стороны и не есть признаніе его въ духѣ марксистовъ. Не есть, ибо такого признанія и не могло быть со стороны Михайловскаго. Помимо своей теоріи факторовъ, марксисты не тѣмъ отличаются отъ Михайловскаго, что они лучше его поняли и объяснили *объективную* сторону историческаго процесса, а тѣмъ, что не сумѣли объяснить и понять *субъективной* стороны его, необходимости психологическаго истолкованія этого процесса. Въ этомъ отношеніи между ними и Михайловскимъ, дѣйствительно, цѣлая пропасть, ибо Михайловскій придавалъ, и совершенно справедливо, такому «субъективизму» огромное значеніе, считая въ частности, что ему пришлось наиболѣе рѣзко «и опредѣленнѣе мотивировать требованія субъективизма борьбою за индивидуальность», къ каковой части его воззрѣній мы и должны теперь перейти.

III.

Однимъ изъ рѣзкихъ проявленій этого субъективизма является у Михайловскаго чрезвычайное обиліе статей, посвященныхъ разбору и характеристикѣ разныхъ общественныхъ, историческихъ, политическихъ дѣятелей, какъ равно и дѣятелей науки, искусства и литературы. Статьи такого рода встрѣчаются во все продолженіе его литературной карьеры. Одна изъ

самыхъ первыхъ статей Михайловскаго, писанная еще въ 1868 г., посвящена характеристикѣ Кельсиева; въ 1870—1871 гг. Михайловскій даетъ сразу три большихъ и чрезвычайно цѣнныхъ статьи о гр. Бисмаркѣ, Лун-Бланѣ и Вольтерѣ, въ 1875 г., въ «Зап. проф.» характеристику Льва Толстого («Десница и шуйца Льва Толстого»), къ которому онъ и впоследствии много разъ возвращается. Тогда же и въ тѣхъ же «Зап. проф.» онъ говоритъ объ Аракчеевѣ и Мордвиновѣ, Прудонѣ и Бѣлинскомъ, затѣмъ нѣсколько позже о Достоевскомъ, Иванѣ Грозномъ, Гл. Успенскомъ, Щедринѣ, Лермонтовѣ, Шелгуновѣ, Тургеневѣ (въ «Письмахъ посторонняго»), Гаршинѣ, Буренинѣ, Башкирцевой, и еще позже о Чеховѣ, Ницше, Максимѣ Горькомъ. При этомъ, разумѣется, статьи Михайловскаго о дѣятеляхъ искусства, литературы и науки преобладаютъ надъ данными у него характеристиками всѣхъ другихъ выдающихся дѣятелей, но это не мѣшаетъ всѣмъ статьямъ такого рода быть у Михайловскаго написанными въ одномъ родѣ, быть статьями одного тона. Именно Михайловскій въ каждой данной имъ характеристикѣ, на-ряду со всѣмъ своимъ изложеніемъ, общія свойства котораго для насъ выяснятся дальше, намѣчаетъ почти всегда и порой очень тщательно общественное происхожденіе свойственныхъ и типичныхъ для даннаго лица взглядовъ и его моральнаго склада. Въ этомъ отношеніи очень любопытна по своей прямолинейности одна его тирада въ «Зап. проф.», посвященная Пушкину, въ которой онъ оспариваетъ у Пушкина право называться «обще-человѣческимъ» поэтомъ. «Это замѣчательно не вѣрно»,—говоритъ Михайловскій по поводу такого взгляда на Пушкина.

«Пушкинъ есть поэтъ по преимуществу дворянскій и потому его способенъ принять близко къ сердцу и образованный нѣмецъ, и образованный французъ, и средней руки русскій дворянинъ. Но ни русскій мужикъ, ни русскій купецъ ему большой цѣны не дадутъ. Тотъ кругъ идей и чувствъ, который волновалъ современнаго ему *средняго* дворянина, Пушкинъ исчерпалъ вполне и блистательно. Можно удивляться тонкости его анализа, законченности образовъ, можно, пожалуй любоваться, какъ глубоко загѣзаетъ онъ иногда въ дворянскую душу, можно, наконецъ, восхищаться красотой его выражений и стиха, но все это возможно только намъ, образованнымъ людямъ, «обществу». Допустимъ, что онъ блистательно раз-

работалъ всё мотивы нашей жизни, чего, однако, допустить нельзя, но онъ разработалъ мотивы только *нашей* жизни, жизни извѣстнаго спеціальнаго слоя общества, на которомъ свѣтъ не клиномъ сошелся, и который не безъ пятенъ, потому что вѣдь и на солнцѣ есть пятна»¹⁾).

Нѣчто подобное говорилъ о Пушкинѣ въ своей статьѣ «О степени участія народности въ развитіи русской литературы» — Добролюбовъ, чѣмъ еще разъ подчеркивается, какъ тѣсно былъ связанъ Михайловскій съ предыдущей эпохой нашего умственнаго развитія. Съ другой стороны и у самого Михайловскаго отзывы, подобные приведенному, встрѣчаются далеко нерѣдко. «Нѣмцы любятъ сравнивать, — пишетъ онъ, напр., въ статьѣ о гр. Бисмаркѣ, — свое объединеніе съ объединеніемъ Италіи... Нѣмцы вызываются также провести параллель между Кавуромъ и Бисмаркомъ. Это была бы параллель дѣйствительно любопытная, но не между дипломатами только, а между чистокровнымъ итальянскимъ буржуа и прусскимъ юнкеромъ (VI, 110).

Вообще, говоря о Михайловскомъ, надо совершенно забыть объ увѣреніяхъ марксистовъ, будто бы онъ не признаетъ за средой никакого вліянія на личность и формированіе ея индивидуальнаго сознанія. «Я не только не отрицаю вліянія на личность среды, но, напротивъ, утверждаю его самымъ рѣшительнымъ образомъ», — категорически подчеркиваетъ Михайловскій («Посл. соч.», I, 152). Михайловскій и въ этомъ случаѣ «предвосхищаетъ» многіе выводы матеріалистическаго пониманія исторіи, что засвидѣтельствовано опять таки самими «діалектическими матеріалистами». По словамъ одного изъ нихъ «вліяніе общественнаго положенія, принадлежности къ тому или иному классу на наши воззрѣнія прослѣживается Михайловскимъ такъ тщательно, какъ до него никто у насъ не дѣлалъ»²⁾. Анализируя, однако, роль внѣшней среды при

¹⁾ Томъ III, 526, курс. подл. Ср. на стр. 633, т. II, въ «Литер. Запѣтк.» 1874 года, указанія на роль дворянства въ общественномъ движеніи 20-хъ и 40-хъ годовъ.

²⁾ Невѣдомскій. Характеристика-некрологъ Михайловскаго, «М. Бож.», 1904, № 4, 26. Дѣлалъ ли это кто послѣ Михайловскаго, объ этомъ г. Невѣдомскій скромно умалчиваетъ. Между прочимъ эти слова г. Невѣдомскаго могутъ служить прекрасной провѣркой его мнѣнія, намъ уже извѣстнаго (см. выше, стр. 6) о томъ, что Михайловскій былъ только публицистомъ, а

образованіи челоѣческаго характера, Михайловскій былъ всегда далекъ отъ того умаленія личности передъ группою, которая составляетъ типичную черту марксистской соціологіи, вылившиесь у русскихъ марксистовъ въ афоризмъ Гумпловича — «мыслить группа, а не личность». Михайловскій съ разныхъ сторонъ оспариваетъ это положеніе Гумпловича, при чемъ исходитъ изъ діаметрально противоположнаго принципа, который и слѣдуетъ у него основой для требованія субъективно-психологическаго истолкованія исторіи...

Михайловскій говоритъ: «всѣ умственные, всѣ психическіе процессы совершаются въ личности и только въ ней; только она ощущаетъ, мыслитъ, страдаетъ, наслаждается. Это азбучная истина, но вы должны помнить и твердо держаться ея, не презирая ея азбучности, потому что на искалѣченіи ея строится множество политическихъ софизмовъ. Всякіе общественные союзы, какія бы громкія или предвзято симпатичныя для васъ названія они ни носили, имѣютъ относительную цѣну. Они должны быть дороги для васъ постольку, поскольку они способствуютъ развитію личности, охраняютъ ее отъ страданій, расширяютъ сферу ея наслажденія» («Письма о правдѣ», IV, 451).

Это основное соціологическое и политическое profession de foi Михайловскаго. Собственно политическая сторона взглядовъ Михайловскаго тутъ подчеркнута рѣзче соціологической, но достаточно внимательнѣе отнестись къ первой половинѣ этой цитаты, чтобы усвоить и ея крупное соціологическое значеніе. «Всѣ умственные, всѣ психическіе процессы совершаются въ личности, и только въ ней; только она ощущаетъ, мыслитъ, страдаетъ, наслаждается». Слѣдовательно, чтобы истолковать историческій процессъ, мало показать его объективную основу, его матеріальные факторы — допуская, что нами точно выяснено, что такое эти факторы, какъ движущая сила исторіи — надо еще показать, какъ этотъ объективный процессъ преломляется въ субъективной, психической жизни личности и какимъ образомъ заставляетъ ее воздѣйствовать въ свою очередь на внѣшнюю среду. При чемъ какую бы формулу историческаго про-

не научнымъ мыслителемъ. Если Михайловскій «какъ никто у насъ» прослѣдилъ вліяніе общественности на личность, то уже это одно показываетъ, насколько онъ переросъ обычныя рамки дѣятельности публициста.

цесса мы ни избрали, мы не освобождаемся отъ обязанности истолковать историческій процессъ именно такимъ образомъ, психологически, по даннымъ внутренняго опыта его участниковъ. Михайловскій поясняетъ эту мысль словами Маркса о Фейербахѣ, гласящими: «Главный недостатокъ матеріализма до Фейербаховскаго включительно, состоялъ до сихъ поръ въ томъ, что онъ разсматривалъ дѣйствительность, предметный, воспринимаемый внѣшними чувствами міръ лишь въ видѣ *объекта* или въ формѣ созерцанія, а не въ формѣ конкретной человѣческой дѣятельности, не въ формѣ практики, не *субъективно*... Матеріалистическое ученіе о томъ, что люди представляютъ собою продуктъ обстоятельствъ и воспитанія, и что, слѣдовательно, измѣнившіеся люди являются продуктомъ измѣнившихся обстоятельствъ и другого воспитанія, — забываетъ, что обстоятельства измѣняются именно людьми»¹⁾).

Обстоятельства измѣняются людьми, *сознающими себя свободными въ своей дѣятельности*. Чтобы болѣе пояснить эту мысль Михайловскаго, возьмемъ, напр., дѣятельность Лютера во время реформаціи XVI ст.

Тогда, какъ выражается Михайловскій, «дѣло было, собственно говоря, на мази и безъ Лютера... Цѣлый рядъ причинъ, неслышныхъ и невидимыхъ, подтачивалъ со всѣхъ сторонъ принципъ авторитета. Развивалась наука, развивалась промышленность; продажность и развратъ римской курии росли; короли, за деньги или изъ политическихъ видовъ, подавали руку общинамъ, боровшимся съ феодалами; ереси колебали авторитетъ церкви; дворянство, разоряясь на рыцарскіе доспѣхи, дробило свои земли и тѣмъ нарушало территориальную іерархію, основу іерархіи феодальной и т. д.». Появленіе Лютера было при такихъ условіяхъ исторически необходимо, онъ былъ простымъ продуктомъ обстоятельствъ. Это такъ, но суть-то въ томъ «что если бы самъ Лютеръ не вѣрилъ, что думаетъ *своею собственною* мыслью и дѣйствуетъ по *своему собственному* вкусу, то реформацію поднималъ бы не онъ, а кто-нибудь другой» (т. III, 21—22; 435; курс. подл.).

¹⁾ См. «Послѣдв. сочин.», томъ I, стр. 70—71. Ср. съ этияъ слова изъ «Литерат. Замѣт.», 1872 г., томъ I, 777: «что общество повинуется въ своемъ развитіи извѣстнымъ законамъ,—это несомнѣнно, но не менѣе несомнѣнно присущее человѣку *сознаніе свободнаго выбора дѣятельности*» (курсивъ подлин.).

Примѣръ съ Лютеромъ поясняетъ достаточно хорошо вышеприведенныя разсужденія Михайловскаго. Заявивъ, что дѣйствительный, воспринимаемый вѣшними чувствами міръ мы должны разсматривать не только объективно, но и субъективно, въ формѣ практики, Михайловскій этимъ самымъ и выдвинулъ на первый планъ свое положеніе о принципѣ личности въ социологій. Разсмотрѣть вѣшній міръ субъективно, это вѣдь и значитъ разсмотрѣть, какъ совершаются въ личности извѣстные умственные и психическіе процессы,—въ личности, «ибо только она мыслить, ощущаетъ, страдаетъ и наслаждается». Съ этой точки зрѣнія задача сводится, слѣдовательно, къ тому, чтобы найти извѣстные законы взаимоотношенія между средой, объективнымъ міромъ, обществомъ и личностью, индивидуальностью, и исходя изъ этихъ законовъ построить объясненіе историческаго процесса, каковую задачу Михайловскій и разрѣшаетъ своей теоріей борьбы за индивидуальность. Какъ ею истолковывается объективная сторона историческаго процесса, мы уже видѣли на отношеніи Михайловскаго къ принципу борьбы социальной, въ частности борьбы классовой, и на объясненіи имъ, исходя изъ представленія о формахъ общественности, формъ умственной и психической дѣятельности человѣка. Но какое бы огромное значеніе Михайловскій ни придавалъ матеріальнымъ факторамъ, въ частности фактору экономическому—а онъ сказалъ однажды: «основную интимную пружину исторіи... всегда составляетъ... все та же Magenfrage, все тотъ же вопросъ желудка»¹⁾, какое бы огромное значеніе Михайловскій ни придавалъ этой сторонѣ историческаго процесса, однако, она для него представляла интересъ не сама по себѣ, не въ своемъ голомъ видѣ. «Magenfrage, какъ сказалъ бы нѣмецъ, поднимается для него до степени Seelenfrage, или какъ выражается Глѣбъ Успенскій, котораго Михайловскій тутъ цитируетъ—«вопросъ народнаго брюха до степени народнаго духа» (т. V, 123).

Народный духъ, народная психологія получаютъ благодаря этому самостоятельный интересъ и самодовлѣющее значеніе, они главнымъ образомъ и занимали Михайловскаго, заставляя его смотрѣть на общественно-психологическія явленія, какъ на

¹⁾ См. ст. «Литер. зам.» 1879 г. «Къ теоріи вольницы и подвижники» т. IV, 752.

явленія sui generis, самоцѣнные по своему характеру, хотя и происходящія всякій разъ на опредѣленной почвѣ соціально-экономическихъ условій. Это и было однимъ изъ выводовъ изъ его положенія: «всѣ умственные, всѣ психическіе процессы совершаются въ личности и только въ ней». Что же касается тѣхъ законовъ, которыми опредѣляется соотношеніе между личностью и средой, то собственно эти законы намъ уже даны всѣмъ предыдущимъ изложеніемъ, а въ особенности самой формулировкой теорія борьбы за индивидуальность, и чтобы ихъ конкретизировать, намъ теперь стоитъ только вернуться къ этимъ формулировкамъ, приведеннымъ нами въ связи съ тектологическими тезисами Геккеля еще въ началѣ этого очерка.

Какъ, вѣроятно, помнитъ читатель, мы тамъ имѣли два основныхъ положенія въ качествѣ исходныхъ пунктовъ теоріи борьбы за индивидуальность. Одно изъ нихъ, представляющее формулировку чисто соціологической стороны этого ученія, гласило: «всякое цѣлое, слѣдно, стихійно, въ силу «имманентныхъ» законовъ своего бытія, стремится подчинить себѣ свои части, обратить ихъ въ служебное состояніе для вящей полноты своего существованія». Другое же еще болѣе усиливало эту мысль «тектологическими тезисами» Геккеля, утверждая: «каждое цѣлое тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ несовершеннѣе его части, чѣмъ онѣ слабѣе, чѣмъ онѣ болѣе подавлены въ своемъ индивидуальномъ значеніи, что не мѣшаетъ имъ быть весьма совершенными въ смыслѣ приспособленія къ извѣстной спеціальной функціи».

Остановившаяся на обоихъ этихъ положеніяхъ, мы видѣли вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ они конкретизируются примѣнительно къ области соціальныхъ отношеній, хотя при этомъ мы обращали вниманіе не столько на второе, сколько на первое изъ этихъ положеній, составляющее основу объективной части общаго ученія Михайловскаго. Мы видѣли кромѣ того, какъ преломляется въ обстановкѣ соціальныхъ отношеній самое понятіе общественнаго цѣлаго, отражая тѣмъ самымъ *качественное* отличіе законовъ соціологіи отъ законовъ біологіи. Благодаря именно этой особенности законовъ соціологіи, міръ общественныхъ отношеній представляетъ порой, а при извѣстныхъ условіяхъ даже зачастую, если не въ видѣ общаго правила, такія комбинаціи, при которыхъ общественное цѣлое какъ бы не существуетъ, вѣрнѣе не существуютъ интересы его, какъ цѣлаго, ибо они поглощаются инте-

ресами отдѣльныхъ его слоевъ, соціально наиболѣе сильныхъ. Кооперация, общественность отъ этого не уничтожаются, не уничтожаются и возможность для отдѣльныхъ частей этого цѣлаго, несмотря на ихъ внутренній антагонизмъ, выступать въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ, совмѣстно какъ цѣлое, но если кооперация, общественность не уничтожаются отъ наличности соціальныхъ антагонизмовъ, то все-таки происходитъ нѣчто аналогичное этому—именно: *общественныя, коллективныя права сосредоточиваются въ однихъ рукахъ*, въ рукахъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ или группъ ихъ, происходитъ, какъ говорить Михайловскій, «замѣчательный процессъ сосредоточиванія коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ» (I, 485), процессъ съ общимъ значеніемъ котораго для теоріи борьбы за индивидуальность мы еще встрѣтимся впоследствии...

Итакъ мы видимъ теперь окончательно, въ чемъ состоитъ значеніе и связь тѣхъ частей теоріи борьбы за индивидуальность, которыя приурочены у Михайловскаго къ первому изъ двухъ, отмѣченныхъ выше, положеній. Обращаясь теперь ко второму изъ нихъ, представляющему переходъ къ субъективизму Михайловскаго, мы должны прежде всего сказать, что и этотъ принципъ основанъ у него «на данныхъ объективной науки». «Онъ выведенъ нами—заявляетъ Михайловскій—не изъ глубины собственного духа и не рекомендуется, какъ полученный супранатуральнымъ путемъ. Онъ прочно коренится въ объективной наукѣ, потому что вытекаетъ изъ точныхъ изслѣдованій законовъ органическаго развитія («Что так. прог.» I, 149). Аргументация Михайловскаго, разсмотрѣнная нами еще въ главѣ объ органической теоріи, сводится съ этой стороны къ слѣдующему...

«Какъ и всякое цѣлое общество тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ однороднѣе, проще, зависимѣе его части, его члены». «Цѣлостныя личности этому обществу не нужны. Мы говоримъ—поясняетъ Михайловскій—не о какомъ-нибудь идеальномъ обществѣ, не объ утопіи какой-нибудь, а о существующемъ типѣ общества. Обществу нужны во-первыхъ—люди съ нервной системой по возможности слабо-развитой, съ черепомъ возможно малой вмѣстимости. Мало того, обществу нужны въ области умственного труда юристы, профессора, ученые, то же самое и въ области труда физическаго. Обществу необходима эта спеціализация, какъ перваго, такъ и

мускульнаго труда»¹⁾). Поэтому оно и требуетъ—«чтобы мыслитель только мыслилъ, сапожникъ только шилъ сапоги, воинъ только воевалъ». Требуетъ, ибо это выгодно ему, элементамъ, составляющимъ кадры его защитниковъ; ибо это составляетъ залогъ безмятежнаго существованія самаго общества, т. е. фактически «данной формы общества». Тутъ, со стороны такого (а не идеальнаго, не утопичной какой-нибудь) общества, мы имѣемъ не прихоть какую-нибудь, а дѣйствительную жизненную необходимость. «Въ самомъ дѣлѣ, если бъ сапожникъ, кромѣ сапоговъ, а воинъ кромѣ оружія стали бы еще заниматься мышленіемъ, если бъ съ другой стороны мыслитель, не оставляя мышленія, принялся шить сапоги»,—то отъ этого могли бы произойти послѣдствія совершенно нежелательныя съ точки зрѣнія общества, какъ высшей индивидуальности, ибо «очевидно, что воинъ, просвѣтленный мыслью, могъ иногда задуматься вовсе не въ интересахъ общества и отказаться воевать въ такую минуту, когда обществу это нужно. То же и съ сапожникомъ и мыслителемъ». Гарантировать себя отъ этой опасности общество можетъ только однимъ—послѣдовательнымъ и наивозможно болѣе глубокимъ проведеніемъ общественнаго раздѣленія труда, спеціализаціей, обособленіемъ профессій, практикой принципа *divide et impera*. «Зачѣмъ отворачиваться отъ несомнѣнной истины, установленной объективной наукой,—спрашиваетъ Михайловскій,—цѣлое тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ несовершеннѣе его части. Отчего не посмотрѣть ей прямо въ глаза...» («Зап. проф.», III, 416, 423)..

Разматривая теорію борьбы за индивидуальность, критики Михайловскаго обыкновенно обрывали ея изложеніе на этомъ пунктѣ, на констатированіи Михайловскимъ объективнаго, стихійнаго стремленія всякаго общественнаго цѣлаго взять все возможное изъ каждаго шага цивилизаціи, овладѣть ея пріобрѣтеніями и прежде всего ея непосредственнымъ творцомъ—человѣкомъ. Но остановить изложеніе взглядовъ Михайловскаго на этомъ пунктѣ, значитъ оборвать ихъ на половинѣ, на полсловъ, не доведя мысли автора до ея естественнаго конца. Мы вѣдь знаемъ, что стремленіемъ общества поглотить личность опредѣляется лишь *отрицательная* сторона теоріи

¹⁾ См: «Ки. Вѣстн.», № 2, отъ 30 января 1867 г., стр. 47. Слѣд. цѣт. III, «Зап. проф.», 416.

борьбы за индивидуальность, ею указываются только условия, на почвѣ которыхъ въ самой личности просынается извѣстная потребность къ практической дѣятельности, къ борьбѣ за свое я, къ отстаиванію своей индивидуальности и ея права быть самоцѣнной, самостоятельной, быть способной къ всестороннему развитію. Вотъ эта потребность личности ко всестороннему развитію и какъ выводъ отсюда—борьба за такія формы общежитія, которыя бы гарантировали возможность этого развитія и составляетъ основную, интимную сторону теоріи борьбы за индивидуальность, это ея боевое, творческое, субъективное начало, диктующее личности вполне опредѣленные нормы поведенія.

«Пусть, кто хочетъ, смотритъ на меня—протестуетъ Михайловскій въ «Зап. проф.»—какъ на часть чего-то надо мной стоящаго и на меня посвящающаго, я не пересталъ видѣть въ себѣ полнаго человѣка, цѣльную и нераздѣльную личность. Я хочу жить всею доступной для человѣка жизнью, значить не стану ни плоть умерщвлять въ угоду моралисту, ни отъ любви отказываться въ угоду экономисту, ни работать не перестану, ни отъ духовныхъ наслажденій не откажусь. И только въ такое надо мной стоящее цѣлое войду, какъ часть, сознательно и добровольно, которое гарантируетъ мнѣ цѣльность, нераздѣльность, полноту моей жизни». И въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же «Зап. проф.»: «Теорія борьбы за индивидуальность истинна, но именно стоя на точкѣ зрѣнія этой борьбы, я и объявляю, что буду бороться съ грозящею поглотить меня высшею индивидуальностью. Мнѣ дѣла нѣтъ до ея совершенства, я самъ хочу совершенствоваться. Пусть она стремится побороть меня, я буду стремиться побороть ее. Чья возьметъ—увидимъ. И, какъ приступить къ борьбѣ, я ставлю nicht къ теоріи борьбы за индивидуальность, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она захватываетъ меня. Я глубоко убѣжденъ, что nicht, поставленное въ концѣ теоріи борьбы за индивидуальность—nicht, чисто субъективное, но ни противорѣчащее ни одному изъ данныхъ объективной науки, вполне способно объединить всю область нашихъ знаній и идеаловъ. Мало того, оно одно способно сообщить истинно-религіозную преданность убѣжденіямъ, насколько, разумѣется, это доступно доктринѣ» (т. III, 423).

Какъ ни ясны приведенныя цитаты, возьмемъ еще одно

и́сто аналогичнаго значенія. «Весь ужасъ, вся глубокая и возмутительная несправедливость общественнаго раздѣленія труда состоитъ въ томъ, что при немъ человѣкъ превращается въ «налецъ отъ ноги», въ безвольный органъ нѣкотораго высшаго организма—общества; рабочий только работаетъ, землепашецъ только землю пашетъ, мыслитель только мыслить и т. д., все равно какъ въ индивидуальномъ организмѣ желудокъ только пищу перевариваетъ, мозгъ только высшими духовными отправленіями завѣдуетъ, мускулы только двигательную функцію выполняютъ и проч. При этомъ только мыслящій мыслитель и только землю пашущій землепашецъ не живутъ всей той полнотою жизни, къ какой способенъ человѣкъ. Установившійся общественный порядокъ какъ бы обкрадываетъ ихъ, лишая каждаго изъ нихъ извѣстной доли радостей и труда, распредѣленныхъ по разнымъ общественнымъ группамъ, не говоря уже о томъ, что однимъ достается много радостей и мало труда, а другимъ много труда и мало радостей» (т. VI, 410).

Установившійся общественный порядокъ создаетъ такимъ образомъ извѣстныя потребности, но не даетъ средствъ для ихъ удовлетворенія, и закономъ жизни становится борьба личности за полное удовлетвореніе своихъ потребностей, за развитіе всѣхъ своихъ силъ и способностей. «Общество самымъ процессомъ своего развитія стремится подчинить раздробить личность. Личность, повинуваясь тому же закону развитія, борется, или по крайней мѣрѣ, должна бороться, за свою индивидуальность, за самостоятельность и разносторонность своего Я» («Борьба за индив.» I, 462). Борьба эта далеко еще не кончена, и мы не можемъ точно сказать, когда именно она кончится. «Быть можетъ борьба эта никогда не кончится, быть можетъ, не увидитъ ея конца и застывшая или сожженная земля» ¹⁾. Но борьба эта есть законъ природы, нравственная потребность человѣка, ибо ея исходнымъ пунктомъ является присущее человѣку стремленіе къ удовлетворенію всѣхъ своихъ духовныхъ силъ и способностей, вѣчное стремленіе къ совершенствованію, и каковы бы ни были дальнѣйшія перспективы этой борьбы, какими гекатомбами жертвъ, костровъ инквизиціи, насилій «турецкой или иной солдатчины» она бы намъ ни грозила, мы не можемъ ее оставить, мы должны овладѣть хо-

¹⁾ «Послѣдн. сочин.», т. I, 252.

домъ исторіи, должны завоевать для личности достойныя ея формы общежитія.

Съ этой точки зрѣнія Михайловскій и разсматриваетъ событія всемірной исторіи и анализируетъ то, какимъ образомъ та или другая социальная обстановка воздѣйствовала на личность, какъ вліяли на нее различныя формы и типы общежитія, въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ они были между собой и какъ реагировали на нихъ въ борьбѣ за свою индивидуальность отдѣльныя личности, въ какія соединенія, сословія, партіи, союзы, классы, онѣ при этомъ вступали. Міровая жизнь представляется съ такой точки зрѣнія ареной міровой борьбы...

«Общей цѣли этого міропорядка мы не знаемъ и не можемъ знать; она для насъ не существуетъ, и мы склонны видѣть въ этой вѣковѣчной борьбѣ, съ человѣческой точки зрѣнія, скорѣе беспорядокъ, лишенный всякаго нравственнаго смысла и цѣли. Но это не исключаетъ, конечно, необходимости и возможности нравственности и телеологій, только не объективной... а субъективной. Въ безконечномъ потокѣ стремящихся все къ большей и большей сложности и самостоятельности индивидуальностей разныхъ степеней, вѣчно борющихся между собой съ различными результатами борьбы, есть одна— и только одна—волна, за судьбами которой мыслящій человѣкъ не можетъ не слѣдить съ извѣстной тревогой. Это—человѣкъ, человѣческая личность; ибо только ея жизнь можетъ онъ переживать, только ей сочувствовать, сострадать и сорадоваться. Повинуясь объективному, стихійному закону борьбы за индивидуальность, онъ именно ее, эту борьбу, долженъ сознательно поставить цѣлью своей жизни, на ея побѣдѣ построить свой идеалъ» («Пос. сочин.» т. I, 486).

Такъ и поступилъ самъ Михайловскій, все вниманіе котораго было всегда направлено на процессъ постепеннаго освобожденія человечества отъ стихійной власти надъ нимъ силъ природы и исторіи. При чемъ изслѣдуя борьбу личности за свое освобожденіе и за полное удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребностей, Михайловскій памѣтилъ въ зависимости отъ указанной имъ *прогрессивной* смѣны формъ коопераціи, два типа общественныхъ теченій, психологическимъ выраженіемъ которыхъ являются вольница и подвижники, съ одной стороны и, затѣмъ, съ другой,—исторически смѣнившая ихъ, борьба за удовлетвореніе поруганной *чести* и уязвленной *совѣсти*.

Слѣды этого истолкованія легко замѣтить также на данныхъ Михайловскимъ характеристикахъ всевозможныхъ общественныхъ дѣятелей, каковыя характеристики занимаюгь въ его сочиненіяхъ—какъ мы знаемъ—столь крупное мѣсто. Мы упоминали уже въ началѣ этой главы объ одной изъ отличительныхъ особенностей этихъ характеристикъ, именно о той, которую можно бы выразить словами — «великіе люди не съ неба сваливаются на землю, а изъ земли растутъ къ небесамъ» («Герои и толпа», II, 97). Теперь мы должны подчеркнуть и другую сторону тѣхъ же характеристикъ, связанную съ глубокой вѣрой Михайловскаго въ дѣйствительную мощь и силу человѣческихъ идеаловъ, въ революціонную потребность личности къ всестороннему развитію. Утверждая зависимость челоѵка отъ среды, отъ обстоятельствъ, Михайловскій никогда не забывалъ, что обстоятельства измѣняются людьми. «Какъ бы мы ни смотрѣли на явленія природы и общественной жизни—говоритъ онъ—но старикъ Вико во всякомъ случаѣ правъ: исторія природы отличается отъ исторіи челоѵчества тѣмъ, что первой мы не дѣлали, а вторую дѣлали и дѣлаемъ» (I, 293—294).

Отсюда глубокое уваженіе Михайловскаго къ «субъективно-телеологической» дѣятельности челоѵка, къ его способности цѣлесообразно воздѣйствовать на міръ, измѣняя его въ интересахъ своего развитія. «Челоѵкъ приноситъ съ собою новую силу въ міръ, которая, какъ и все другія сложныя силы, представляетъ извѣстное сочетаніе основныхъ силъ природы и, подобно всемъ другимъ силамъ, стремится охватить всю природу» (тамъ же, 331). Сила эта и есть цѣлесообразная дѣятельность челоѵка надъ вѣрой въ которую Михайловскаго такъ много и упорно издѣвались наши марксисты 90-хъ гг. «Личность *все* можетъ».—иронизировали они надъ «субъективистами» 70-хъ гг., забывавшими будто бы о «непреборимыхъ» законахъ исторіи. Что дѣятельность личности ограничена такими законами—это вѣрно, но вѣрно и то, что въ рамкахъ ихъ личность теоретически дѣйствительно *все* можетъ, ибо нѣтъ той силы, которая могла бы подавить потребность личности къ всестороннему развитію и заставить ее склониться предъ тупой злобой произвола. «Идея на штыки не уловляется»—какъ говорили «отцы»...

И такъ мы видимъ, въ чемъ состоитъ «субъективизмъ»

Михайловскаго и какимъ образомъ эта сторона его воззрѣній связывается съ другими частями выработанной имъ соціально-философской системы. Историческій процессъ былъ для Михайловскаго процессомъ, происходящимъ въ определенной психической средѣ, что дѣлало его явленіемъ *sui generis*, несводимымъ ни на какіе болѣе элементарные «факторы»; если же мы и различаемъ въ немъ крупную роль такихъ «факторовъ», то лишь условно, лишь абстрагируя извѣстныя стороны этого процесса, дабы, изучивъ роль ихъ въ такомъ абстрагированномъ видѣ, — «познавъ явленіе по частямъ», затѣмъ «сложить эти части въ одно цѣлое». Такъ въ частности Михайловскій разсматриваетъ и вопросъ о роли экономическаго «фактора» въ исторіи. Несмотря на свою огромную и вліятельную роль въ историческомъ процессѣ, экономическій факторъ, въ его глазахъ, есть не болѣе какъ «одинъ изъ общественныхъ элементовъ, умѣряемый и обуславливаемый всей совокупностью жизненныхъ явленій, а не единая сущность историческаго процесса» и «возможность ввести съ этой точки зрѣнія въ историческое изслѣдованіе всѣ общественные элементы основывается здѣсь не на вѣрѣ въ фантастическую «самую жилу», а на знаніи факта извѣстнаго *consensus*'а между всѣми элементами общественнаго цѣлага. Въ силу этого *consensus*'а не только всѣ общественные элементы, но и всѣ измѣненія каждаго изъ нихъ находятся во взаимной зависимости» («Отгл.», I, 299).

Въ силу того же *consensus*'а историческій процессъ является въ глазахъ Михайловскаго процессомъ цѣлесообразнымъ, допускающимъ сознательное и планомѣрное воздѣйствіе на него. Овладѣть исторіей, внести въ нее начало цѣлесообразности, планомѣрнаго, сознательнаго воздѣйствія на всѣ области общественной жизни, приступить къ выработкѣ такихъ формъ жизни, при которыхъ «разумъ, воля и чувство человѣка» сдѣлались бы «верховными активными дѣятелями», единственными законодателями нашей жизни — вотъ наша основная задача. И картину огромнаго соціально-преобразующаго значенія за ростомъ сознанія въ человѣческихъ дѣйствіяхъ Михайловскій положилъ въ основу той части своей общей теоріи борьбы за индивидуальность, которая приняла у него форму очерковъ коллективной психологіи подъ именемъ теоріи «героевъ и толпы», очерковъ, поставившихъ своею цѣлью прежде всего анализировать роль *безсознательныхъ*

стимуловъ въ нашей жизни, поскольку они выражаются въ явленіяхъ соціального подражанія, соціальной заразы. Прочно только то, что основано на завоеваніяхъ бодрствующаго сознанія, говоритъ Михайловскій всей своей теоріей «героевъ и толпы», или какъ онъ формулируетъ ту же мысль въ статьѣ о Дарвинѣ — «достигнувъ извѣстной ступени историческаго развитія, человѣкъ унодобляется Іисусу Навину, который говоритъ солнцу: стой! — и солнце стоитъ. Разница только въ томъ, что Іисусъ Навинъ совершилъ, по библейскому сказанію, чудо, нѣчто сверхъестественное, а человѣкъ, измѣняя окружающій міръ, не думаетъ выбиваться изъ круга общихъ законовъ природы. Онъ не дѣлаетъ и не можетъ дѣлать ничего неестественнаго, потому что неестественное и значитъ невозможное» (I, стр. 324).

IV.

Отношеніемъ Михайловскаго къ цѣлесообразности въ историческомъ процессѣ какъ его высшей «субъективной» формѣ, характеристикой которой мы занимались въ предыдущей главѣ, — еще, однако, не исчерпывается теорія борьбы за индивидуальность. Не говоря уже о томъ, что нами при этомъ оставленъ былъ въ сторонѣ вопросъ объ историческомъ ходѣ развитія «субъективизма» Михайловскаго, объ его предшественникахъ въ этомъ отношеніи — хотя на этотъ вопросъ мы постоянно наталкивались всѣмъ ходомъ нашего изложенія, въ частности каждымъ упоминаніемъ имени Н. Г. Чернышевскаго, «просвѣтительство» котораго представляло въ той формѣ, въ которой оно имъ развивалось, переходъ къ *психологическому* истолкованію исторіи — не говоря уже объ этомъ, мы должны, чтобы исчерпать основныя положенія теоріи борьбы за индивидуальность, остановиться еще на двухъ рядахъ вопросовъ. Первый изъ нихъ требуетъ дальнѣйшаго развитія нѣкоторыхъ частей въ воззрѣвіяхъ Михайловскаго на соціальную борьбу, развитія и сопоставленія съ тѣмъ, что нами намѣчено выше; другой же рядъ вопросовъ мы должны пока только регистрировать съ цѣлью найти въ немъ переходную ступень ко всѣмъ остальнымъ, нами еще незатронутымъ, сторонамъ ученія Михайловскаго. Что касается перваго ряда вопросовъ, то, какъ это вѣроятно

ясно самому читателю, тутъ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ отмѣчен-нымъ нами выше *процессомъ сосредоточенія коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ*, который составляетъ одну изъ самыхъ крупныхъ особенностей теоріи Михайловскаго о борьбѣ общественныхъ индивидуальностей между собою и съ входящими въ ихъ составъ единицами. Это первое изъ отвѣтвеній теоретической мысли Михайловскаго, съ которымъ мы должны сейчасъ считаться прежде другихъ, но рядомъ съ нимъ стоитъ и другое тоже отчасти намъ уже извѣстное по предыдущему изложенію...

Теорія борьбы за индивидуальность, какъ мы видѣли выше, имѣетъ своей цѣлью не только разъяснить объективный ходъ историческаго процесса, но и дать опредѣленные правила поведенія, нормы субъективной дѣятельности чело-вѣка. Мало того, Михайловскій предполагалъ даже, что она можетъ сдѣлаться своего рода источникомъ для столь власт-наго объединенія всей области нашихъ знаній и идеаловъ, что для чело-вѣка, ее исповѣдующаго стало бы невозможнымъ поступать въ разрѣзъ со своими убѣжденіями, съ беззавѣт-ной, религіозной преданностью своимъ идеаламъ. При этомъ помимо вопроса, какимъ образомъ теорія борьбы за индивидуальность объединяетъ «всю область нашихъ знаній и иде-аловъ», можетъ быть поставленъ еще другой вопросъ—нужно ли такое объединеніе вообще, возможно ли такое сліяніе въ системѣ одной Правды, истины и справедливости? На послѣд-нее Михайловскій отвѣчалъ всегда утвердительно,—да, воз-можно, доказательству чего онъ и посвятилъ ту часть своихъ не только обще-соціологическихъ, а и обще-философскихъ работъ, которыя у него касаются теоріи субъективнаго метода въ соціологіи и его взглядовъ на построеніе объективной, тео-ретической общественной науки.

Итакъ, вотъ слѣдовательно рамки, въ которыя само собою вдвигается весь нашъ дальнѣйшій анализъ взглядовъ Михайловскаго. Съ одной стороны, мы должны закончить ха-рактеристику собственно соціологической части теоріи борьбы за индивидуальность на почвѣ ближайшаго выясненія въ этомъ случаѣ историческаго значенія за сосредоточеніемъ коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ, съ другой—мы должны вдвинуть полученную такимъ образомъ систему взгля-довъ Н. К. Михайловскаго въ общій строй его воззрѣній на

задачи науки. Однако, если мы должны при этомъ болѣе или менѣе подробно остановиться на первомъ изъ намѣченныхъ только что вопросовъ, ибо безъ этого будетъ не полнымъ наше представленіе о теоріи борьбы за индивидуальность, то совершенно иначе мы должны отнестись ко второму изъ нихъ — намъ достаточно тутъ указать лишь на общую связь воззрѣній Михайловскаго, не входя въ разсмотрѣніе ихъ по существу, такъ какъ подобное разсмотрѣніе представляетъ отдѣльный отъ непосредственно затронутыхъ нами въ этомъ очеркѣ и вообще самостоятельный вопросъ¹⁾).

Анализируя выше социальный составъ разныхъ общественныхъ организаций, общественныхъ индивидуальностей, мы встрѣтились тамъ съ необходимостью объяснить одинъ противорѣчивый фактъ. Оказалось именно, что Михайловскій самъ указываетъ опредѣленные случаи, когда общественнаго цѣлаго какъ бы не существуетъ. Чрезвычайно любопытно кончается въ этомъ отношеніи его статья «Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга». Ренанъ создалъ общественную утопію, въ которой, на подобіе органической теоріи, народъ, личность поработены ради благосостоянія извѣстной группы «мудрецовъ». Дюрингъ, напротивъ, какъ бы въ противовѣсъ этому выступилъ съ идеей полного освобожденія — «суверенитета» — личности. Разобравъ обѣ эти утопіи, Михайловскій говоритъ: «утопія Ренана есть мечта буржуазная. Она внучка тѣхъ самыхъ освободительныхъ идей, которыя когда-то съ такимъ громомъ разбивали цѣпи и оковы, наложенныя на личность исторіей. Она перемѣнила фронтъ. Она предлагаетъ личности добровольно надѣть вѣнецъ мученическаго терпѣнія и цѣпи преданности и любви. Добровольно, а въ противномъ случаѣ мудрецы уразумѣвшіе цѣли природы, нашьютъ на нее казни, адъ и, наконецъ, всеобщее разрушеніе. Съ другой стороны, идея Дюринга есть родная дочь того негодованія противъ разнузданности личности, которое овладѣло благородными сердцами, когда праздникъ свободы превратился въ сатурналію. Она тоже перемѣнила фронтъ. Она находитъ, что личности не было дано должнаго простора, что шире и святѣе идеи личности для человѣка нѣтъ ничего. *Эта перемѣна фронта двухъ армій готовыхъ ко взаимному ис-*

¹⁾ См. объ этомъ дальше, въ V и VII очеркахъ.

требленію собственно говоря исчерпываетъ собою весь современный моментъ нравственно-политической мысли. Она тѣмъ поучительнѣе, что происходитъ не только въ головахъ одиночныхъ мыслителей, а и на почвѣ исторіи, коренясь въ самой механикѣ взаимнаго тренія интересовъ»¹⁾.

Это замѣчательныя слова. Замѣчательны они по простотѣ и ясности данной въ нихъ характеристики общей «перемѣны фронта» буржуазнаго либерализма. Замѣчательны они и какъ попытка намѣтить исчерпывающій моментъ современной цивилизаціи, исходя изъ характера взаимныхъ отношеній между группами создавшаго эту цивилизацію общественнаго цѣлаго. Характеръ взаимныхъ отношеній между этими группами вполне ясенъ изъ приведенныхъ словъ. Онъ опредѣляется наличностью рѣзкаго *классового* антагонизма между ними, достигающаго до готовности къ взаимному истребленію, и антагонизмъ этотъ тѣмъ страшнѣе, что онъ коренится «въ самой механикѣ взаимнаго тренія интересовъ», а не только въ головахъ одиночныхъ мыслителей. «Интересы капиталиста и рабочихъ, — какъ писалъ въ другомъ мѣстѣ Михайловскій, — могутъ расходиться болѣе или менѣе, но никогда не сольются, или что то же самое сольются лишь тогда, когда сольются самыя функціи капитала и труда»²⁾. Т. е. когда общество по типу сложной коопераціи смѣнится обществомъ по типу простого сотрудничества, до тѣхъ же поръ во взаимныхъ отношеніяхъ капиталистовъ и рабочихъ мы будемъ наблюдать картину вѣчныхъ антагонизмовъ, то замирающихъ, то вновь вспыхивающихъ со страшной силой, картину соціальной борьбы и классовой ненависти. И вотъ эта борьба со всеми вытекающими изъ нея слѣдствіями собственно говоря и «исчерпываетъ собою весь современный моментъ нравственно-политической мысли»...

Критика буржуазнаго либерализма вообще занимала усиленное вниманіе Михайловскаго въ теченіе всей его литературной дѣятельности. Со временемъ мы разсмотримъ подробнѣе его взгляды по этому поводу, но и теперь можно предугадать ихъ общее направленіе. Было время, когда буржуазія выступала защитницей идеи личности, «индивидуализма», вре-

¹⁾ См. III, 252—254. Курс. мой. Писано въ сент. 1878 года.

²⁾ См. Литерат. Воспоминанія, томъ I, стр. 376.

мя это, однако, прошло безвозвратно. Нынѣ буржуазія «перемѣнила фронтъ». Она сдѣлалась господиномъ положенія, буржуа — это «новые хозяева исторической сцены». Въ ихъ рукахъ произошло теперь *сосредоточеніе коллективныхъ правъ и преимуществъ*, и буржуазія не можетъ не защищать всѣми силами свои привилегіи. Защищая же ихъ, буржуазно-капиталистическій порядокъ, какъ всякое общество, исторически создавшееся на раздѣленіи труда, стремится подавить личность, надѣть на нее «вѣнецъ мученическаго терпѣнія», грозя въ противномъ случаѣ всѣми средствами прямыхъ репрессій. Смѣшно поэтому среди представителей такого порядка искать настоящихъ сторонниковъ личнаго начала. Перемѣнивъ фронтъ буржуазія сдѣлалась *анти*-индивидуалистической, такъ же, какъ индивидуализмъ — *анти*-буржуазнымъ. Эту особенность взглядовъ Михайловскаго на судьбы буржуазнаго либерализма принужденъ былъ отмѣтить въ своей книгѣ, напр., г. Бердяевъ, и отмѣтить въ словахъ столь яркихъ и любозытныхъ, что мы приведемъ ихъ полностью.

«На примѣрѣ Герберта Спенсера — говоритъ нашъ авторъ — г. Михайловскій старается выяснить, насколько ходячій «индивидуализмъ» буржуазно-индивидуалистическихъ писателей имѣетъ мало общаго съ настоящимъ «индивидуализмомъ», выставляющимъ принципъ верховенства гармонически-развитой цѣльной личности. Г. Михайловскій указываетъ на обычное злоупотребленіе словами. «Индивидуализмъ» Спенсера и всѣхъ буржуазныхъ мыслителей, защищающихъ подъ знаменемъ свободы личности существующую форму общественности, выдвигаетъ на первый планъ не личность, а «систему наибольшаго производства», въ которой личность погибаетъ. Г. Михайловскій не видитъ ни для кого счастья въ системѣ наибольшаго производства, въ современномъ «индивидуалистическомъ» строѣ, въ немъ страдаетъ и калѣчится не только личность рабочаго, но и личность капиталиста. «При чемъ тутъ индивидуализмъ — спрашиваетъ г. Михайловскій — тутъ топчется именно личность, индивидъ; личная свобода, личное счастье кладутся въ видѣ жертвоприношенія на алтарѣ правильно или неправильно понятой системы наибольшаго производства». «Г. Михайловскій — прибавляетъ г. Бердяевъ — видитъ настоящій «индивидуализмъ» скорѣе въ социалистическихъ ученіяхъ, чѣмъ у Спен-

сера и манчестерцевъ. Это, конечно, дѣлаетъ честь г. Михайловскому»¹⁾).

Дѣйствительно, въ статьѣ «Борьба за индивидуальность» Михайловскій рѣшительно заявляетъ, а не только «видитъ... скорѣе... чѣмъ», какъ условно выражается г. Бердяевъ,—что «если подѣ индивидуализмомъ разумѣть ученіе, покоящееся на личности, ея потребностяхъ и интересахъ, то его... слѣдуетъ искать не въ старой манчестерской, такъ называемой либеральной политической экономіи, а въ нынѣ возникающихъ доктринахъ»,—иначе говоря въ доктринахъ социалистическихъ²⁾. Выводъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ для конкретизаціи и вообще правильнаго пониманія отвлеченно-теоретическихъ построеній Михайловскаго, что онъ далеко не единствененъ въ своемъ родѣ. Мы пришли къ нему, разыскивая точки соприкосновенія между теоріей борьбы за индивидуальность и общими взглядами Михайловскаго на ходъ социальной борьбы. Но вотъ то же самое, что въ этомъ случаѣ и, опять таки, что для насъ особенно любопытно, со словъ марксистской социологіи, мы можемъ констатировать и для другого изъ намѣченныхъ выше развѣтвленій теоретической мысли Михайловскаго, для сопоставленія его теоріи личности съ теоріей субъективнаго метода въ социологіи. Развѣ не знаменательны въ послѣднемъ отношеніи, хотя бы слѣдующія слова о субъективномъ методѣ польскаго марксиста Людвигъ Крживицкаго?

«Признавая слабыя стороны субъективнаго метода, не будемъ забывать, что онъ является только недостаточно развитой формулировкой великаго начала. Михайловскій замѣтилъ, какъ подѣ маской объективизма провозятся вещи весьма субъективныя. И потому онъ требовалъ, чтобы маски были сняты, чтобы, сознавшись искренно въ грѣхѣ, т. е. въ субъективизмѣ, и признавъ въ концѣ концовъ его неизбѣжность, изслѣдователи вооружились великими нравственными идеалами и высокими представленіями о справедливости. Только такіе критеріи даютъ изслѣдователю возможность прокладывать новые пути въ наукѣ». Понятый такимъ образомъ субъективный методъ, какъ и теорія ин-

¹⁾ Стр. 159 книги г. Бердяева. Послѣдняя фраза во 2-мъ прилѣч. къ той же стран.

²⁾ См. т. I, стр. 445.

дивидуализма, привелъ Михайловскаго къ *классовой точкѣ зрѣнія*, къ отождествленію, правильно понятыхъ, интересовъ личности и интересовъ труда. «Субъективный методъ и классовая точка зрѣнія фактически это звенья одной цѣпи воззрѣній, хотя на первый взглядъ ихъ раздѣляетъ непроходимая пропасть. Субъективный методъ это понятіе классоваго воззрѣнія въ зачаточномъ состояніи, въ формѣ туманности, можно даже сказать, что это періодъ утопическаго анализа, предчувствующаго уже методы точной науки, составляющаго прогрессъ сравнительно съ «объективизмомъ», еще не сознающимъ собственной *классовой точки зрѣнія* и забавляющимся иллюзіей безусловной объективности» ¹⁾).

Итакъ, вотъ въ какомъ направленіи складывается общая теорія личности, теорія индивидуализма Михайловскаго. «Если такимъ образомъ — указывалъ онъ самъ въ «Письмахъ о правдѣ и неправдѣ» — все зданіе Правды должно быть построено на личности, то... конкретные политическіе вопросы представляются иногда въ такой сложной формѣ, что прослѣдить въ этой сѣти за интересами и судьбами личности бываетъ очень трудно. Въ такихъ случаяхъ — рекомендуетъ Михайловскій своимъ читателямъ — *вмѣсто интересовъ личности вы поставите интересы народа, точнѣе труда*» (IV, 461). Индивидуализмъ Михайловскаго благодаря наличности приведенныхъ «программныхъ» словъ («Письма о правдѣ и неправдѣ» имѣютъ подзаголовокъ: «программа и критика») получилъ глубоко *соціальный* характеръ, какъ это и засвидѣтельствовано самими марксистами. Правда, отмѣчая соціальный характеръ индивидуализма Михайловскаго, г. Бердяевъ считаетъ, что всё мѣста, аналогичныя вышенприведенному, были у него простымъ зигзагомъ пера, хотя и дѣлающимъ «честь» ему. Про основное же опредѣленіе Михайловскимъ индивидуальности, какъ совокупности всѣхъ чертъ свойственныхъ человѣческому организму, вообще онъ гово-

¹⁾ См. цитированный уже мной выше некрологъ Михайловскаго, писанный Л. Крживицкимъ. Цит. по «Русск. Вѣдом.», № отъ 1 марта 1904 г. Ср. съ этимъ слова Михайловскаго, сказанныя имъ въ полемикѣ съ г. Бердяевымъ: «когда «ученики» (т. е. ученики Маркса, марксисты) съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ поучали меня «классовой точкѣ зрѣнія», противопоставляя ее моему «субъективному методу», они... били мнѣ челомъ моимъ же добромъ». См. «Послѣдн. сочин.», I, 463, 464.

рить, что это «невозможная біологическая утопія», съ соціологіей и соціальнымъ характеромъ индивидуализма не имѣющая ничего общаго. Однако, вѣрно ли это? Почему не могутъ быть выводы Михайловскаго изъ того, что онъ иногда говоритъ объ индивидуализмѣ, въ то же время логически неизбѣжнымъ слѣдствіемъ данныхъ имъ опредѣленій индивидуальности? Почему нельзя между этими двумя категоріями найти, соединяющія ихъ, посредствующія звенья? Пока мы можемъ сказать только то, что г. Бердяевъ и вообще марксистская критика этихъ посредствующихъ звеньевъ не нашли, а это еще не значитъ, что ихъ нѣтъ совсѣмъ. Можетъ быть представители этой критики просто ихъ не замѣтили, какъ не замѣтили они въ свое время въ субъективномъ методѣ *великаго* начала.

Примѣры, подобные приведеннымъ къ настоящей главѣ, показываютъ достаточно ясно, какъ хорошо былъ извѣстенъ Михайловскому принципъ антагонизма общественныхъ группъ. Были ему извѣстны и практическіе выводы отсюда. «Всякіе общественные союзы, какія бы громкія или предвзято симпатичныя названія они ни носили, имѣютъ относительную цѣну. Они... дороги, постольку, поскольку... способствуютъ развитію личности, охраняютъ ее отъ страданій, расширяютъ сферу ея наслажденія».

Таковъ главный выводъ Михайловскаго, уже отчасти извѣстный намъ, изъ его теоріи борьбы за индивидуальность. Теорія борьбы за индивидуальность требуетъ слѣдовательно безошадной критики всѣхъ исторически слагавшихся формъ общественности и опредѣленія ихъ отношенія къ судьбамъ личности, дабы не нужно было приносить интересы этой личности въ жертву интересамъ какого бы то ни было цѣлаго, а въ сущности интересамъ извѣстныхъ слоевъ этого цѣлаго. Исходя изъ такого принципа, мы и должны строить свою программу, должны освѣщать истинныя тенденціи каждой общественной формы, каждаго общественного класса, должны формировать въ немъ ясное представленіе о *его* задачахъ въ соціальной борьбѣ, о *его* исторической роли, о связанной съ этимъ *его* практической программѣ и *его* тактикѣ. Такъ мы должны поступать, и въ общемъ передовые фланги современнаго общественнаго движенія такъ и поступаютъ, но не всегда ихъ усилія достигаютъ должнаго успѣха въ массахъ, не всегда бываетъ такъ,

какъ должно бы, казалось, быть. Не даромъ Михайловскій предупреждалъ, какъ «легко наговорить хорошихъ словъ въ родѣ самоотверженіе, преданность интересамъ цѣлаго, и проч., и проч. Легко даже увлечь кое-кого этими словами и заставить людей жертвовать собою въ интересахъ якобы цѣлаго, а въ сущности ничтожнѣйшей его части». Что же касается причины, отчего это происходитъ, то ее можно и пояснить слѣдующимъ рассказомъ Геродота, который Михайловскій приводитъ въ одной изъ своихъ статей.

«Однажды скиѣны на долго задержались въ далекомъ военномъ походѣ. Оставшіеся дома рабы ихъ воспользовались ихъ отсутствіемъ, захватили въ свои руки власть, поженились на скиѣнскихъ женахъ, народили дѣтей, которые выросли уже свободными людьми, и когда скиѣны вернулись, эта молодежь не хотѣла имъ повиноваться. Скиѣны стали хлопать бичами, обычнымъ орудіемъ наказанія рабовъ, и этого было достаточно, чтобы рабскіе инстинкты проснулись въ дѣтяхъ рабовъ» («Посл. соч.», II, 377).

Современный культурный человѣкъ живетъ, подобно героямъ разсказа Геродота, въ извѣстной психологической зависимости отъ прошлаго, отъ того цѣлаго, къ которому онъ принадлежитъ и съ которымъ онъ связанъ самыми разнообразными узами — политическими, бытовыми, отношеніями по кровному родству, единствомъ расоваго происхожденія и проч. Первоначальный корень и происхожденіе этой зависимости должны быть отнесены еще къ той порѣ первобытныхъ отношеній, когда личность вполнѣ поглощалась обществомъ, и групповое сознаніе доминировало надъ сознаніемъ индивидуальнымъ. Эту стадію первобытныхъ общественныхъ отношеній Михайловскій считаетъ начальнымъ пунктомъ въ развитіи человѣческой культуры. «Древній міръ не зналъ идеи личности» — говоритъ онъ (I, 641). «Вообще мудро найти характеристику природы человѣка болѣе неосновательную или по крайней мѣрѣ одностороннюю, чѣмъ извѣстное изреченіе Гоббса: homo homini lupus, въ особенности, когда дѣло идетъ о древней исторіи человѣчества... Homo homini до такой степени не былъ въ древности lupus, что какъ *отдѣльная личность*, даже чужой человѣкъ не встрѣчалъ вражды. Древнѣйшія общественныя единицы отличались необыкновенной пластичностью и стремленіемъ ассимилировать чуждые элементы,

если только они являлись въ видѣ отдѣльныхъ личностей» («Вольн. и подв.», I, 614).

И еще: «надо себѣ представить, что въ ту неизмѣримо далекую отъ насъ пору личность утонала отнюдь не въ семьѣ (какъ думаетъ Мэнъ) и даже не въ такой определенной общественной единицѣ, какъ русская община, горскій родъ или цыганскій таборъ, а въ чемъ-то такомъ, чему мы и имени не знаемъ. Это было нѣчто въ родѣ стада»¹⁾.

Считая поглощеніе личности родомъ важнѣйшей чертой первобытной жизни, Михайловскій сдѣлалъ этотъ фактъ отъ правнымъ пунктомъ всѣхъ своихъ разсужденій о дальнѣйшихъ судьбахъ доисторическаго человѣка, и прежде всего въ данномъ у него анализѣ тогдашнихъ брачныхъ и вообще семейныхъ отношеній. Первобытный человѣкъ пережилъ—по мнѣнію Михайловскаго—огромный моральный кризисъ, осмысливая фактъ брачныхъ, половыхъ отношеній и постепенно вырабатывая переходъ къ индивидуальной семьѣ, борющейся за свою независимость съ родомъ и его стремленіемъ поглотить ее. Борьба эта даетъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ могучей психологической власти уже, казалось бы, давно пещезнующихъ общественныхъ отношеній. Здѣсь постоянно *le mort saisit le vif*. Взять хотя бы тотъ же періодъ коммунальнаго брака, топившаго семью въ неопредѣленной общественной индивидуальности, въ родовой группѣ. Уступивъ мѣсто новымъ формамъ брака, періодъ коммунальныхъ отношеній далеко не исчезъ вполне. Когда—«всесильная, но неопредѣленная первобытная общественная индивидуальность выдѣлила изъ себя семью и *въ то же время сама подвергалась кореннымъ измѣненіямъ, обособивъ внутри себя различные общественные классы*»,—то «на нѣкоторыхъ ея членовъ перешло при этомъ древнее коллективное право, что и выразилось въ учрежденіяхъ «княжого» у насъ и *jus primae noctis* въ Европѣ. *Этотъ замѣчательный процессъ сосредоточенія коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ* мы увидимъ еще много разъ»—прибавляетъ Михайловскій. («Борьба за инд.», I, 485; курс. мой).

И дѣйствительно Михайловскій прослѣживаетъ его на цѣломъ рядѣ примѣровъ и въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ общественной жизни, анализируя, какимъ образомъ обособленіе

¹⁾ «Борьба за индивид.», I, 482.

различныхъ общественныхъ классовъ внутри однородной прежде первобытной группы, отразилось на ея историческихъ судьбахъ, на ея духовной жизни. Основная характерная черта этого процесса все та же, что и раньше—каждая общественная индивидуальность стремится себя сдѣлать центромъ міра, развить свою «эгоцентрическую» точку зрѣнія, использовать себя на потребу каждую данную комбинацію общественныхъ отношений. Замѣчательна при этомъ роль индивидуальной семьи въ общемъ процессѣ обособленія различныхъ общественныхъ классовъ. Борясь прежде съ неопредѣленной, но всеильной общественной индивидуальностью и выйдя побѣдительницей изъ этой борьбы, индивидуальная семья попадаетъ въ новый водоворотъ событій, въ средѣ котораго, какъ самая борьба за индивидуальность, такъ и результаты ея чрезвычайно усложняются — побѣдившая семья сама становится до извѣстной степени орудіемъ новыхъ общественныхъ силъ въ ихъ борьбѣ за свой приоритетъ. Такова, напр., ея роль или судьба, въ процессѣ образованія военной власти, власти вождя, выдѣлившейся изъ однороднаго первобытнаго общества.

«Разъ установилась семья, является и наследственная передача (въ той или другой формѣ) собственности и правъ, вслѣдствіе чего, если постъ вождя начальника и не становится сразу наследственнымъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, то все-таки является склонность выбирать на это мѣсто людей одной и той же, привилегированной семьи. Такъ или иначе, тѣмъ или другимъ путемъ, вѣрнѣе разными путями, выдѣляются наследственные военные вожди, получающіе и въ мирное время, во внутреннихъ распорядкахъ, первенствующее значеніе. Несмотря на свое обособленное положеніе, они служатъ представителями цѣлой общины. Во имя ея занимаютъ они вражескую территорію, отъ ея имени ведутъ переговоры. *Мало по малу это сосредоточеніе коллективныхъ правъ идетъ все дальше и дальше*». Такъ на вождя переходитъ, какъ это мы уже знаемъ, и древнее коллективное право общины на всѣхъ женщинъ даннаго племени. «Онъ, какъ персонификація цѣлаго, имѣетъ право на всѣхъ женщинъ, и каждый основывающій новую семью обязанъ или приводитъ къ нему свою жену... или откупаться. *То же самое происходитъ и въ земельныхъ отношеніяхъ*; коренная и покоренная земля, принадлежащая цѣлому, сосредоточивается въ рукахъ его пред-

ставителя, который постепенно получает право раздавать земельные участки от своего личного имени за личную ему же службу. Образуется классъ воиновъ, дружинниковъ, которые, занятые военной дѣятельностью, сами переступаютъ свои земли на извѣстныхъ условіяхъ службы и другихъ повинностей... Въ результатѣ получается іерархически расположенная группа воиновъ-господъ и группа безправныхъ рабовъ земледѣльцевъ» («Вольн. и подвижники», I, 624).

Этимъ, разумѣется, не ограничиваются измѣненія въ средѣ первобытнаго общества и не исчерпывается общій характеръ намѣтившагося тамъ сосредоточенія коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ. «Параллельно образованію класса воиновъ идетъ совершенно аналогичный процессъ выдѣленія класса жрецовъ, изъ рода въ родъ передающихъ свои секреты умилоствленія грозныхъ и благодаренія благихъ боговъ. Жрецъ, какъ и воинъ, начинаетъ съ временнаго представительства за свою общину передъ лицомъ общества, *но затѣмъ постепенно сосредоточиваетъ въ своей личности права всѣхъ и каждаго непосредственно сносятся съ богами.* На него ложится нѣкоторое отраженіе божественнаго свѣта, съ которымъ онъ постоянно имѣетъ дѣло, и придаетъ ему иногда такое значеніе, что онъ становится даже выше вождя. Углубляясь въ свое занятіе, переходя отъ молитвъ и созерцанія къ теоріямъ и размышленіямъ, и въ то же время ревниво оберегая свое привилегированное положеніе, жрецы все больше удаляются отъ своихъ единоплеменниковъ и естественно деходятъ даже до нѣкотораго презрѣнія къ ихъ грубымъ суевѣріямъ, хотя не считаютъ нужнымъ или возможнымъ поднять ихъ до своего уровня» (тамъ же, 625).

Путемъ аналогичныхъ измѣненій и созданъ тотъ общественный строй, который нынѣ характеризуется наличностью двухъ великихъ армій, готовыхъ ко взаимному истребленію. Раздѣленіе труда создало раздѣленіе интересовъ и раскололо на этой почвѣ однородное прежде общество на «*своихъ* и *чужихъ*». Каковы цѣли и каковы средства борьбы обѣихъ этихъ великихъ армій,—мы до извѣстной степени уже знаемъ. Конечно, тѣ общественныя группы, которыя сосредоточили въ своихъ рукахъ коллективныя права и преимущества, вооружены прекрасно для соціальной борьбы. Съ одной стороны, какъ «мудрецы» въ утопій Ренана, они имѣютъ къ

своимъ услугамъ «гдѣ-нибудь въ Азіи орды башкировъ и калмыковъ, лишенныхъ всякаго нравственнаго чувства и готовыхъ на всякія жестокости. Они будутъ, въ случаѣ надобности, выпускаться для усмиренія возстанія противъ «царства разума» (томъ III, 216).

Съ другой-тѣ же общественныя группы могутъ съ успѣхомъ пользоваться психологіей въ духѣ героевъ сказа Геродота, до сихъ поръ не изжитой даже современнымъ культурнымъ челоѣкомъ. Все это создаетъ для нихъ значительныя шансы на успѣхъ въ борьбѣ за существованіе. Но все это не сможетъ тѣмъ не менѣе отвратить и встрѣчнаго теченія со стороны «низшихъ» индивидуальностей. Борьба личности за всестороннее развитіе давно уже стала крупнымъ факторомъ исторіи и давно уже нашла свое выраженіе въ извѣстныхъ требованіяхъ общественнаго характера. *Власть коллектива въ коллективныхъ дѣлахъ*— вотъ тотъ лозунгъ, съ которымъ должны выступить на борьбу за свои права противники современнаго строя. Ни общественное раздѣленіе труда, ни сосредоточеніе коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ, не могутъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ признаны и реализованы права личности на всестороннее развитіе и на самоопредѣленіе. Специализація, обособленіе общественныхъ функцій, раздѣленіе общественнаго труда, составляютъ поэтому главный пунктъ всѣхъ нападеній Михайловскаго. И чѣмъ рѣзче эти нападки, тѣмъ сильнѣе и ярче подчеркивается ими его выводъ изъ данной имъ критики современныхъ общественныхъ отношеній. Выводъ этотъ: подчеркивается, что общій ходъ дѣлъ въ соціальной жизни складывается прямо противоположно порядкамъ остальной природы. Челоѣкъ, какъ членъ природы, какъ біологическая особь, долженъ стремиться къ централизаціи своихъ частей, долженъ себѣ подчинять безопасно всѣ входящія въ его составъ единицы, долженъ проводить между ними *физиологическое* раздѣленіе труда. Наоборотъ, челоѣкъ не какъ біологическая особь, а какъ соціальная единица, какъ членъ общества, долженъ стремиться не къ централизаціи частей общественнаго цѣлаго, а къ ихъ децентрализаціи, ибо эта децентрализація, власть коллектива въ коллективныхъ дѣлахъ, и составляетъ основу для централизаціи физиологической. Отсюда и основная соціологическая исгвна,—

«соціологическая теорема» — выраженная Михаѣловскимъ въ одномъ политическомъ памфлетѣ словами: «общественныя дѣла должны быть переданы въ общественныя руки»...

Въ этомъ состоятъ desiderata теоретической части борьбы за индивидуальность. Каковы же ея практическіе выводы, каковъ путь къ завоеванію поставленныхъ ею идеаловъ? Отвѣтъ на это даетъ тотъ же сдѣланный нами, анализъ. Мы видѣли, какъ постепенно начиная съ самыхъ первыхъ этаповъ исторической жизни, шагъ за шагомъ создавался процессъ узурпаціи коллективныхъ правъ въ рукахъ немногихъ. Соціальный составъ этихъ немногихъ не разъ мѣнялся на протяжении человѣческой исторіи. То ими были феодалы и крупныя землевладѣльцы, то представители абсолютной монархіи, то, наконецъ, цари биржи и капитала. Но какъ бы ни мѣнялся этотъ составъ, тенденція его оставалась одиѣ и тѣ же: разъ возникшая общественная форма стремилась стихійно, имманентно, все развиваясь и усиливая свои типическія черты, взять все возможное изъ каждаго шага цивилизаціи, стремилась низвести низшіе классы на степень простого исполнителя своихъ предначертаній, на степень пальца отъ ноги другого высшаго организма. И этотъ *органическій* процессъ исторіи былъ бы высоко гибельнымъ для человѣчества, если бы онъ не встрѣчалъ постоянного, упорнаго сопротивленія со стороны порабащаемыхъ. Каждый изъ нихъ могъ сказать: я жить хочу всей доступной для человѣка жизнью; пусть кто хочетъ смотреть на меня, какъ на часть чего-то надо мной стоящаго и на меня посягающаго, я же ставлю nicht къ теоріи борьбы за индивидуальность, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ она стремится поглотить меня, пренебрегая моими законными правами. И этотъ голосъ низшихъ индивидуальностей не остался безъ отзвука въ исторіи. И къ «низшимъ» индивидуальностямъ оказался примѣнимымъ общій соціологическій законъ: разъ возникшая общественная форма, вступивъ на арену исторіи, будетъ стремиться подчинить себѣ все блага цивилизаціи, вступая въ борьбу съ тѣмъ, кто становится ей поперекъ пути. Такъ это нынѣ и происходитъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ все ближе и ближе сходятся лицомъ къ лицу два старыхъ противника, чѣмъ больше проходитъ времени, тѣмъ ожесточеннѣе становится настроеніе этихъ великихъ армій, готовыхъ ко взаимному истребленію. И мы знаемъ уже, что

борьба эта можетъ окончиться только тогда, когда общество по типу сложной коопераціи смѣнится обществомъ по типу простого сотрудничества, когда (ср. выше, стр. 55) «міръ переживетъ великую революцію», до тѣхъ же поръ, во взаимныхъ отношеніяхъ современныхъ общественныхъ группъ, мы будемъ наблюдать картину вѣчныхъ антагонизмовъ, то замирающихъ, то вновь вспыхивающихъ со страшной силой, картину соціальной борьбы и классовой ненависти...

Опредѣливъ такимъ образомъ основной выводъ своего ученія объ индивидуальности, Михайловскій не уклонился и отъ указанія на то, въ какихъ фактахъ современной жизни онъ видитъ проблески грядущаго, окончательнаго столкновенія двухъ великихъ современныхъ армій и въ чемъ для него реализуется борьба за идеаль будущаго строя. Свой взглядъ въ этомъ случаѣ Михайловскій выразилъ опять-таки на критикѣ одного замѣчанія Ренана о тогдашнихъ (начала 70-хъ гг.) европейскихъ дѣлахъ. Идеализируя порядокъ до великой революціи 1789 года, отличавшійся преданностью и самопожертвованіемъ отдѣльнаго человѣка тѣмъ коллективностямъ — общинѣ, церкви, цеху, къ которымъ онъ принадлежалъ, Ренанъ противопоставляетъ этому порядку современныя отношенія съ ихъ господствомъ «грубаго матеріализма» и личнаго эгоизма. Развитие промышленности, вытѣснивъ нынѣ старый воинственный духъ феодализма, вытѣснило, по мнѣнію Ренана, и связанныя съ нимъ идеальныя стремленія среднихъ вѣковъ, оставивъ ихъ только въ такихъ полуфеодальныхъ странахъ, какъ Пруссія и отчасти Россія. Михайловскій рѣзко возражаетъ на все эти сопоставленія французскаго писателя.

Онъ говоритъ: «тѣ формы экономическаго, политическаго и умственнаго развитія, которыя вся Европа въ большей или меньшей степени усвоила себѣ со времени первой революціи и подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ, дѣйствительно ослабляютъ военный духъ не только прямо, своимъ мирнымъ характеромъ. Онѣ въ то же время вліяютъ въ томъ же направленіи и косвенно, — заглушая чувство долга и самопожертвованія, — противопоставляя всякимъ идеальнымъ единицамъ эгоистическую личность. Не Ренану принадлежить честь открытія и формулировки этой истины, задолго до него она была высказана, смѣрена и взвѣшена социалистами всѣхъ отѣнковъ»¹⁾.

¹⁾ См. „Литерат. Зам.“, 1872 г., I, 724 — 725. Курсивъ мой.

Правда, и «Ренанъ неоднократно говоритъ о социализмѣ, но онъ вездѣ ставитъ его рядомъ съ либерализмомъ и отдѣляетъ эти два ученія только запятыми. Это приѣмъ удовлетворительный, поскольку идетъ рѣчь объ отрицательной сторонѣ социализма; да и то не обо всей. Вѣрно то, что и либерализмъ, и социализмъ одинаково враждебны старому порядку. Но въ то время какъ либерализмъ, разрушая или отрицая старыя идеальныя единицы — семью, общину, цехъ, корпорацію, сословіе, государство, націю,—выставляетъ на ихъ мѣсто одинокую личность, единицу матеріальную, социализмъ создаетъ новыя идеальныя единицы».

И дальше: «какъ бы мы ни смотрѣли на рабочіе союзы въ Англии, на международное общество рабочихъ, на многочисленныя рабочіе союзы въ Германіи, на стачки рабочихъ, но нельзя отрицать, что качества, приписываемыя Ренаномъ исключительно пруссакамъ и отчасти русскимъ, достигаютъ въ означенныхъ союзахъ высокаго развитія».

Или возьмемъ парижскую коммуну 1871 года. «Мы здѣсь совершенно устраняемъ вопросъ объ одобренности или неодобренности поведенія различныхъ частей парижскаго населенія. Мы видимъ только, что люди страдали и умирали не за свое личное дѣло. Слѣдовательно, самоотверженіе, чувство долга, вообще признаніе надъ собою верховной власти нѣкоторой идеальной единицы играли здѣсь извѣтную роль... Старые идеалы надуть, но замкнется ли жизнь въ личности, въ матеріальной единицѣ, или личность преклонится предъ новыми идеалами—вотъ основной вопросъ европейской жизни, совершенно упущенный Ренаномъ изъ виду»...

Помочь разрѣшенію этого вопроса и ставить себѣ задачей теорія борьбы за индивидуальность Н. К. Михайловскаго...

Дальнѣйшія цит. отсюда же. Ср. слѣдующее. Слова о томъ, какъ послѣ великой революціи общественныя формы вели Европу къ ослабленію воинственнаго духа, не вполне полно передаютъ собственную мысль Михайловскаго. Полнѣе она передана на стр. 106, ст. «Гр. Бисмаркъ», томъ VI, гдѣ читаемъ: «существенный интересъ этой формаціи (буржуазной) есть миръ, миръ во что бы то ни стало, хотя бы и позорный, за вычетомъ тѣхъ исключительныхъ случаевъ, когда война служитъ интересамъ рынка». Съ тѣмъ поръ, какъ были написаны эти строки (февр., 1871 г.) Михайловскому приходилось много разсчитаться съ этой стороной европейскаго милитаризма и культурной огрубѣлости «ощетинившейся штыками Европы».

ОЧЕРКЪ ПЯТЫЙ.

Субъективный методъ въ соціологіи и теорія личности Н. К. Михайловскаго.

I.

Анализъ соціологическаго содержанія понятій простой и сложной коопераціи, положенныхъ у Михайловскаго въ основу всего міровоззрѣнія, далъ уже намъ опорную точку для сужденія о взглядахъ его на субъективизмъ въ соціологіи. Такою точкой является распадъ современнаго человѣчества, созданное его вѣковымъ развитіемъ, на группы съ противоположными интересами, — на личность «соціальныхъ контрастовъ», какъ слѣдствіе (см. т. I, стр. 60) «процесса дифференцированія общества». Раздѣленіе труда расколело единое прежде человѣчество на рядъ группъ, изъ которыхъ каждая руководится своей собственной, групповой, «эгоцентрической» точкой зрѣнія. Раздѣленіе труда и раздѣленіе мнѣній, при которомъ «свои становятся чужими», — вотъ основная формула взглядовъ Михайловскаго на роль субъективизма въ жизни и общественной наукѣ, превосходно имъ развитая на противопоставленіи разныхъ типовъ коопераціи ¹⁾.

Было бы, однако, напрасной попыткой отыскать у Михайловскаго какую-либо одну или даже нѣсколько статей, по-

¹⁾ См. объ этомъ выше въ главѣ «Принципы простой и сложной коопераціи и міровоззрѣнія Н. К. Михайловскаго», особенно стр. 60—62.

священныхъ спеціально только изложенію теоріи «субъективнаго метода». «Субъективный методъ» въ этомъ отношеніи поставленъ въ чрезвычайно неблагопріятныя условія. Первоначально эта теорія намѣчена Михайловскимъ въ статьѣ «Что такое прогрессъ?», гдѣ находится, какъ мы увидимъ дальше, и главный матеріалъ для знакомства съ соціологической аргументаціей въ пользу ея. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, поскольку статья «Что такое прогрессъ» касается субъективнаго метода, она служитъ и основнымъ источникомъ для всякихъ, порой въ высшей степени серьезныхъ недоразумѣній, обусловленныхъ тѣмъ, что въ этой статьѣ Михайловскій оперируетъ понятіемъ субъективнаго метода спорадически и безсистемно, а главное, не даетъ точнаго опредѣленія этого термина, довольствуясь въ большинствѣ случаевъ доказательствами необходимости субъективнаго *отношенія* къ дѣйствительности, откуда еще далеко до признанія субъективнаго *метода* изученія. Едва ли не самымъ типичнымъ образчикомъ такихъ разсужденій Михайловскаго и во всякомъ случаѣ примѣромъ чрезвычайно яркимъ, заставляющимъ даже заподозрить неясность мысли автора, хотя вообще къ такимъ подозрѣніямъ нѣтъ достаточныхъ основаній,—является слѣдующій отрывокъ, превосходный въ литературномъ отношеніи, но переплетающій вѣрныя и глубокія мысли съ нѣсколькими неожиданнымъ заключеніемъ въ пользу субъективнаго метода, до этого отрывка (находящагося почти въ срединѣ статьи), а равно и послѣ него, почти совершенно не выясненнаго.

Законно ли устраненіе телеологическаго элемента изъ соціологическихъ изслѣдованій—спрашиваетъ Михайловскій и не ограничиваясь этимъ тутъ же сразу ставитъ вопросъ: «можетъ ли объективный методъ дать въ соціологій благіе результаты?». И дальше: «можетъ быть, соціологъ не имѣетъ, такъ сказать, логическаго права устранить изъ своихъ работъ чловѣка, какъ онъ есть, со всеѣми его скорбями и желаніями; можетъ быть, грозный образъ страдающаго чловѣчества, соединившись съ логикой вещей, метитъ всякому, кто его забудетъ, кто не проникнется его страданіями; *можетъ быть, объективная точка зрѣнія обязательная для естественнаго испытателя совершенно непригодна для соціологій*, объектъ которой—чловѣкъ—тождественъ съ субъектомъ; можетъ быть, вслѣдствіе этой тождественности, мыслящій субъектъ только

въ такомъ случаѣ можетъ дойти до истины, когда вполнѣ сольется съ мыслимымъ объектомъ и ни на минуту не различится съ нимъ, т. е. войдетъ въ его интересы, переживетъ его жизнь, перемыслитъ его мысль, почувствуетъ его чувство, перестрадаетъ его страданіе, проплачетъ его слезами. Есть нѣкоторыя основанія думать, что это предположеніе вѣрно, *что объективный методъ, единственно плодотворный въ естествознаніи, безсиленъ въ социологіи»¹⁾*.

Не слѣдуетъ, конечно, забывать, что это писано въ 1869 году. Но это писано въ статьѣ, которая прошла «въ-ковъ завистливую даль» и до сихъ поръ читается съ неослабѣвающимъ интересомъ, а къ такимъ работамъ принято относиться съ самыми серьезными требованіями. Такъ во всякомъ случаѣ къ ней относились многіе современники Михайловскаго. «Профаны, какъ мнѣ доподлинно извѣстно, — сообщалъ онъ впоследствии (ноябрь 1886 г.) въ «Дневникѣ Читателя» (см. VI т. 459) — были заинтересованы этими статьями», — т.-е. статьей о прогрессѣ и слѣдовавшими за ней работами Михайловскаго. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что статья о прогрессѣ была въ свое время настоящимъ манифестомъ социально-революціоннаго народничества 1870-хъ годовъ, во многихъ отношеніяхъ не устарѣвшимъ до сихъ поръ. Правда, въ первой половинѣ 1870-хъ годовъ у Михайловскаго былъ цѣлый рядъ разногласій съ нарождавшимся молодымъ социалистическимъ движеніемъ, отголоски которыхъ дошли до нашего времени въ разныхъ воспоминаніяхъ объ этой эпохѣ тогдашнихъ крупныхъ дѣятелей²⁾). Но эти разногласія касались главнымъ образомъ тактическихъ вопросовъ, а не программно-соціологическихъ, и они не помѣшали статьѣ «Что такое

¹⁾ См. т. I, стр. 55, 56.

²⁾ Такъ Н. А. Морозовъ въ связи воспомятіяхъ (см. «На порогахъ жизни». «Русск. Бог.», май 1906 г., стр. 117, есть отдѣльное изданіе) указываетъ, что наиболѣе широкая популярность Михайловскаго начинается со второй половины 1870-хъ годовъ. См. также «Воспоминанія Чайковца» С. С. Синегуба въ октябрьской книжкѣ «Былого» 1906 г., гдѣ есть эпизоды, говорящіе объ отчужденности молодежи 1873—1875 гг. отъ Михайловскаго. О разногласіяхъ Михайловскаго съ революціонной молодежью первой половины 1870-хъ годовъ, см. также статью Н. С. Кудрина «Н. К. Михайловскій, какъ публицистъ-гражданинъ», въ № 1 «Руск. Бог.» за 1905 г. и «Политика Н. К. Михайловскаго», «Былое», 1907 г. № 7.

прогрессъ» сдѣлаться руководящей соціологической profession de foi тогдашняго общественнаго движенія. Безусловно подъ ея вліяніемъ писалъ про будущій строй въ газетѣ «Начало» (№ 4 отъ мая 1878 г.) «одинъ изъ осужденныхъ по дѣлу 193-хъ» слѣдующее: «Какъ извѣстно, желаемый нами строй, въ противоположность существующему, долженъ быть основанъ на началѣ простаго сотрудничества. И не развиваю это положеніе—прибавляетъ онъ еще разъ,—ибо оно общезвѣстно».

Но если на долю статьи «Что такое прогрессъ» выпала такая крупная роль въ общественномъ движеніи 1870-хъ годовъ, быть можетъ, не ожиданная для самого Михайловскаго, то это не значитъ, что въ своей философско-соціологической аргументаціи она была вполнѣ безупречна. Рядомъ съ великой мыслью автора, которая, если не вполнѣ ясно сознавалась, то все-таки чувствовалась каждымъ читателемъ, въ статьѣ Михайловскаго есть слишкомъ очевидные недостатки, чтобы ихъ можно было не замѣтить. Опасался ихъ и самъ Михайловскій. «Бѣглость и неполнота нашего очерка могутъ поселить между нами и читателемъ нѣкоторыя взаимныя непониманія по многимъ пунктамъ,—говоритъ онъ въ «Что такое прогрессъ»¹⁾).

И дѣйствительно, приведенная выше цитата о необходимости субъективнаго метода въ соціологіи такъ построена, что она можетъ породить обильныя непониманія между Михайловскимъ и его читателями, усугубленныя тѣмъ, что она далеко не единственное въ этомъ родѣ мѣсто въ его сочиненіяхъ. Задачей критики является въ этомъ случаѣ установление двоякаго рода обстоятельствъ—во-первыхъ, характера фактическихъ ошибокъ Михайловскаго и, во-вторыхъ, того мѣста, которое занимаютъ эти ошибки въ его міросозерцаніи. Съ этой точки зрѣнія мы и должны разсмотрѣть вышеприведенную, первую по времени аргументацію Михайловскаго въ пользу субъективнаго метода въ соціологіи.

Въ первой части этой задачи, т. е. въ фактической оцѣнкѣ аргументаціи Михайловскаго, мы встрѣчаемся съ такими очевидными ошибками, которыя трудно и бесполезно затушевать. «Объективная точка зрѣнія обязательная для естествоиспытате-

¹⁾ См. т. I, стр. 108. Ср. мѣсто ва стр. 93: «размѣры нашей статьи до такой степени не пропорціональны размѣрамъ заданной нами себѣ задачи, что на систематичность изложенія намъ претендовать никакъ не приходится». Ср. также стр. 432—433, т. I, «Посл. сочиненій».

ля» «совершенно непригодна для социолога» — какъ говорить Михайловскій *а потому* «объективный методъ безсиленъ въ социологїи». Но вѣдь это заключеніе не имѣетъ достаточнаго основанія. Объективная точка зрѣнія дѣйствительно противорѣчитъ субъективному отношенію къ общественной жизни, тогда какъ субъективное отношеніе къ ней для насъ обязательно. Но вѣдь столь же для насъ обязательно ея объективное изученіе, съ которымъ въ такомъ случаѣ какъ бы стоитъ въ противорѣчїи субъективный методъ, и трудно преувеличить всѣ гибельныя послѣдствія такого противорѣчія, ибо «съ философской точки зрѣнія», какъ признаетъ самъ Михайловскій, «вопросъ о наукѣ есть вопросъ о методѣ» (См. ст. «Суздальцы и суздальск. критика», т. IV, стр. 107).

Тотъ фактъ, что Михайловскій развилъ свои методологическіе взгляды въ чрезвычайно неудачной формѣ, критика использовала съ чрезвычайной энергіей, подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ и субъективныхъ побужденій. И очевидно критика была права, нападая въ этомъ пунктѣ на Михайловскаго. Но она была не права въ своихъ выводахъ изъ фактовъ, болѣе или менѣе правильно ей указанныхъ. Выводы же ея гласили о томъ, что Михайловскій *и вообще* не различалъ категорій субъективнаго отношенія къ дѣйствительности и объективнаго изученія ея, принципиально смѣшивая ихъ даже въ самомъ названіи «субъективнаго метода», гдѣ, по словамъ г. Бердяева, «съ существительнымъ, имѣющимъ чисто логическій смыслъ (методъ) согласуется прилагательное, имѣющее смыслъ исключительно психологическій (субъективный)» ¹⁾.

Такія разсужденія выплескиваютъ изъ ванны вмѣстѣ съ водой и ребенка. Для нихъ не даетъ данныхъ даже вышенаведенная цитата, наиболѣе яркое въ этомъ смыслѣ мѣсто изъ сочиненій Михайловскаго. Самое большее, что мы можемъ сказать по ея поводу, будетъ все-таки меньше того, что хочется г. Бердяеву. При той лихорадочной спѣшности, съ какой набросана статья «Что такое прогрессъ», Михайловскій могъ дѣлать и дѣлалъ фактически заключенія, какъ бы выпускакая оправдывающіе ихъ аргументы, или, по крайней мѣрѣ, сокращая

¹⁾ См. кн. Бердяева «Субъектив. и индивид. въ общ. философіи». Спб. 1901 г. стр. 46.

ихъ до минимума. Что онъ такъ именно поступалъ въ данномъ случаѣ, въ этомъ насъ убѣждаетъ слѣдующее обстоятельство. Если не въ статьѣ «Что такое прогрессъ», то нѣсколько позже, въ гл. V «Записокъ профана», Михайловскій далъ свое опредѣленіе субъективнаго метода, почему-то совершенно не анализированное его критиками, и какъ бы мы ни относились къ этому опредѣленію по существу, но въ немъ строго и точно выражена сущность субъективнаго метода, именно какъ метода познания, а не какъ категоріи для оцѣнки явленій, что признаетъ тотъ же г. Бердяевъ. По его словамъ, данное въ главѣ V «Записокъ профана» опредѣленіе субъективнаго метода дѣйствительно само по себѣ «можетъ имѣть методологическое значеніе»¹⁾.

¹⁾ «Такое пониманіе субъективнаго метода (см. его у насъ дальше, во 2-ой главѣ) можетъ имѣть *методологическое* значеніе, но оно не имѣетъ ничего общаго съ нравственной оцѣнкой явленій, и г. Михайловскій напрасно смѣшиваетъ ихъ въ одну кучу»,—говоритъ г. Бердяевъ на 84 стр. своей книги. Мы увидимъ впоследствии, что Михайловскій этихъ категорій вовсе не смѣшиваетъ, хотя въ этомъ его упрекали, подобно г. Бердяеву, многие критики. Ср. напр., у проф. Карѣва во «Введеніи къ изученію социологій» совершенно аналогичныя разсужденія, тѣмъ болѣе характерныя, что они развиты имъ независимо отъ г. Бердяева. По словамъ проф. Карѣва рѣчь должна идти «о дополненіи теоретическаго отношенія къ человѣку отношеніемъ *этическимъ*», а не о замѣнѣ объективнаго *метода* методомъ субъективнымъ (стр. 49). Раньше проф. Карѣва объ этомъ же говорилъ В. В. Лесевичъ въ своей книгѣ «Критика основныхъ началъ позитивизма», Сиб., 1877 г. Впрочемъ, родовозачальникомъ такой критики субъективизма являются не Лесевичъ и не проф. Карѣвъ, а еще покойный С. Н. Южаковъ (ссылку на него см. у Карѣва, стр. 352 и сл.), въ отвѣтъ которому и написана Михайловскимъ въ мартѣ 1875 г. упомянутая у насъ въ текстѣ V-я гл. «Запис. проф.». (Дополненіемъ ея у Михайловскаго является стр. 890 и сл. тома VI-го). О полемикѣ Южакова съ Михайловскимъ въ 70-хъ гг., см. также статью въ № 30 «Недѣли» за 1875 г., а въ новѣйшее время въ ст. Н. С. Русанова «С. Н. Южаковъ, публицистъ и социологъ» въ № 1 «Русскаго Богатства» за 1911 г. Н. С. Русановъ не принадлежитъ къ числу упомянутыхъ критиковъ субъективнаго метода, за то на одной точкѣ зрѣнія съ ними стоитъ другой крупный современный писатель—г. Ивановъ-Разумникъ. «Конечно,—пишетъ онъ,—никакого субъективнаго *метода* нѣтъ и быть не можетъ, и даже самъ Михайловскій, послѣ нѣкоторыхъ колебаній согласился, что «субъективный методъ» есть не столько методъ, сколько пріемъ» («Истор. общ. н.», I изд., т. II, 175, 176). Гдѣ Михайловскій съ этимъ «согласился» г. Ивановъ-Разумникъ не указываетъ и это жаль, такъ какъ, сколько намъ извѣстно, такого мѣста у Михайловскаго нѣтъ, а то, что есть, и что, повидимому, имѣетъ въ виду авторъ «Исторіи», именно стр. 468, томъ I «Послѣд. соч.», не даетъ основаній для сдѣланныхъ имъ заключеній.

Между тѣмъ это опредѣленіе субъективнаго метода повторяеть въ болѣе распространенной и конкретной формѣ какъ разъ ту, сокращенную аргументацію въ его пользу, которая служить въ вышеприведенной цитатѣ изъ «Что такое прогрессъ» соединительнымъ звеномъ между ея началомъ и концомъ. «Мыслящій субъектъ,—какъ сказано въ ней,—только въ такомъ случаѣ доидеть до истины (рѣчь идетъ объ истинѣ соціологической), когда вполне сольется съ мыслимымъ объектомъ» и т. д. Какъ мы увидимъ впоследствии, отсюда и развился субъективный методъ въ соціологіи, но эта мысль сама по себѣ не имѣеть никакого отношенія къ категоріи оцѣнки, она по существу вполне объективна.

Въ томъ, что критики Михайловскаго не изслѣдовали въ сущности теоріи субъективнаго метода, отрицая даже возможность такой теоріи, нѣтъ ничего страннаго. «Критика произведеній писателя, такъ много и бессистемно писавшаго, въ столь разной формѣ отзывавшагося на столь разнообразныя явленія жизни и литературы, какъ я, представляетъ большія трудности,—сознаеть самъ Михайловскій.—И я долженъ покаяться, что весьма мало сдѣлалъ для облегченія въ этомъ отношеніи положенія критики, да и читателей вообще»¹⁾.

Слова эти, къ сожалѣнію, совершенно справедливы. Мысль автора приходится не только искать въ разныхъ томахъ его сочиненій, или въ разныхъ мѣстахъ одного и того же тома, а для точнаго ея уясненія нужно кромѣ того сопоставить разныя части его міровоззрѣнія. Вотъ этого обыкновенно критика не дѣлала, охотно облегчая свою задачу черезчуръ упрощеннымъ изложеніемъ взглядовъ Михайловскаго, хотя, впрочемъ, порой она этого и дѣлать не могла, такъ какъ не имѣла надлежащаго матеріала — проходили годы, литературный же багажъ Михайловскаго, выяснившій разныя стороны его воззрѣній, все возрасталъ, отодвигая дальше, въ глубь времени, моментъ для ихъ объективной исторической оцѣнки. Теперь можно сказать, что такой моментъ наступилъ, а потому теперь, выясняя сущность той или другой изъ составныхъ частей міровоззрѣнія Михайловскаго, приходится основныя разъясненія искать въ сопоставленіи деталей съ общими основами

¹⁾ См. «Послѣдн. сочія», т. I, стр. 426. Изъ статьи о книгѣ г. Бердяева.

его міровоззрѣнія. II, быть можетъ, для критики субъективнаго метода такой путь болѣе обязателенъ, чѣмъ для какой-либо другой изъ частей воззрѣній Михайловскаго. Если собственно о субъективномъ методѣ Михайловскій говоритъ всего, буквально, въ двухъ-трехъ статьяхъ, да и въ этихъ статьяхъ, даже, напр., такихъ, какъ «Что такое прогрессъ», спорадически и почти случайно, зачастую въ интересахъ полемики,—то это еще не свидѣтельствуешь о бѣдности матеріала и его недостаточности для оцѣнки и разбора теоріи субъективнаго метода. Наоборотъ, тутъ мы имѣемъ дѣло съ такимъ огромнымъ матеріаломъ, который можетъ скорѣе подавить своими размѣрами, а не поставить въ затрудненіе изслѣдователя своею ограниченностью¹⁾.

По своимъ философскимъ взглядамъ, съ которыхъ мы должны начать изложеніе теоріи субъективнаго метода, Ми-

1) Вотъ списокъ мѣстъ, имѣющихъ отношеніе къ теоріи субъективнаго метода. Списокъ этотъ несмотря на свою величину все-таки не можетъ считаться полнымъ. Мѣста, имѣющія непосредственное отношеніе къ субъективному методу: гл. V «Запис. проф.», т. III, 382—404, тамъ же опредѣленіе субъект. м. на стр. 401—402, тамъ же еще стр. 354—382, тамъ же стр. 330—354. Гл. XIX «Послѣдн. сочин.», I, 446—468. Статья «Страшенъ сонъ да милостивъ Богъ», «Русск. Мысль», 1889, № 3, 5, 6.—«Что такое прогрессъ», I, гл. I, VII, IX (о предвзятомъ мнѣніи), тамъ же глава V и гл. IV. «Письма о правдѣ и неправдѣ», IV, 389—391, 461—462. Гл. VI «Литерат. Забѣт.», 1872 г., 799—812. «Философія исторіи Л. Блава», III, 7—10, 13—14. «Новый историкъ еврейскаго народа», III, 105—108. «Предисловіе къ кн. объ Іоаннѣ Грозномъ», т. VI, «Иванъ Грозный въ русской литературѣ», VI, 127—138. Гл. III, «Литерат. Забѣт.» 1872 г., I, 730—731. Гл. VII «Откл.», II, 174—176. Гл. I, «Откл.», I, 22. Гл. XI «Запис. проф.», III, 533—535. «Аналогич. методъ въ обществ. наукѣ», I. «Суздальцы и суздальская критика», т. IV. Гл. VII «Литерат. воспомин.», т. VII 236—245. Кромѣ этого сюда же относятся мѣста о самостоятельности эпической точки зрѣнія. Статьи: «О драмѣ Додэ, романѣ Бурже и пр.», VI, 675—723. «Идеализмъ, идолопоклон. реализмъ», VI, гл. III. «Зап. профана», III, 429—440. «Что такое прогрессъ», I, стр. 77—94. «Предисловіе къ кн. объ Іоаннѣ Грозномъ», VI, стр. 111—128. Гл. VII «Откл.», I, 138—166. Гл. XX «Литер. воспом.», по VII т. стр. 742—748, 905—921. Гл. X «Послѣдн. сочин.», I, 256—259. Гл. VII «Откл.», II, 178—181. Гл. XIX «Послѣдн. сочин.», I, 447—457. Наконецъ сюда же должны быть отнесены мѣста о зависимости личности отъ формъ коопераціи. Мѣстъ этихъ такъ много, что мы ихъ частью приводимъ дальше въ гл. III этого очерка въ текстѣ, частью же указываемъ тамъ въ примѣчаніи. Но повторяемъ еще разъ, это далеко не полный списокъ мѣстъ, относящихся къ теоріи субъективнаго метода.

хайловскій былъ глубоко убѣжденнымъ, какъ только можетъ быть убѣжденъ въ этомъ человѣкъ, прошедшій школу нигилизма 1860-хъ годовъ, съ его «идеализмомъ земли» — позитивистомъ. «Основныя начала положительной философіи, — исключительно опытное пропсхожденіе всѣхъ нашихъ знаній, ихъ относительность, невозможность проникнуть въ сокровенныя сущности вещей, строжайшая законосообразность явленій природы, — эти положенія еще слишкомъ мало переварены даже мыслящею частью нашего общества», — тогда какъ уясненіе ихъ, находитъ, Михайловскій, «есть, быть можетъ, въ настоящую минуту одно изъ настоятельнѣйшихъ дѣлъ для русскаго читающаго люда»¹⁾.

По вмѣстѣ съ тѣмъ позитивизмъ Михайловскаго отнюдь не былъ матеріализмомъ предшествующей эпохи. Сохраняя реалистическіе приемы мысли, столь характерные для нигилизма 1860-хъ годовъ, Михайловскій рѣшительно порвалъ, въ чемъ его крупная заслуга въ исторіи нашего общественнаго самосознанія, съ гегельянствомъ (воскрешеніемъ котораго суждено было впоследствии заняться, какъ работой надъ бочкой Данаидъ, русскимъ марксистамъ во главѣ съ Г. В. Плехановымъ) и философскимъ матеріализмомъ «Современника». П. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій, вообще «Отечественныя Записки», въ противовѣсъ «Современнику», примкнули въ области философіи къ такимъ принципамъ позитивизма, которые отрицались раньше «Современникомъ», но нынѣ сдѣлались основой научной философіи. Принципы эти Михайловскій излагаетъ такъ...

«Умственный процессъ совершается въ предѣлахъ отдѣльнаго человѣка, личности. Предѣлы эти установлены съ одной стороны природой, а съ другой — историческимъ ходомъ вещей. Природныя опредѣленія мы вынуждены брать, какъ они есть, не пытаясь ихъ расширить или измѣнить. Поэтому прежде всего мы должны выяснить, какіе предѣлы положены нашему уму природой?»

Какіе же предѣлы положены нашему уму природой и въ чемъ они состоятъ? Въ отвѣтъ на это и состоитъ то, по словамъ Михайловскаго, что называется теоріей познанія²⁾. И затѣмъ онъ сообщаетъ «въ общихъ чертахъ» тѣ результаты, къ которымъ на этотъ счетъ пришло большинство мыслящихъ людей. Результаты же таковы: «за малыми исключеніями всѣ признаютъ,

¹⁾ См. «Что такое прогрессъ», т. I, стр. 8.

²⁾ Предыдущую и слѣдующую цитаты см. въ «Письмахъ о правдѣ и неправдѣ», т. IV, стр. 460, 461.

что человѣку доступна только относительная Правда, что животное съ иной организаціей должно понимать вещи иначе, что, Правда, съ точки зрѣнія человѣка, не есть что-нибудь вполне соответствующее природѣ вещей и обязательное для всѣхъ существъ. Человѣкъ добываетъ элементы Правды при помощи пяти чувствъ, а будь у него ихъ меньше или больше, Правда представлялась бы ему совсѣмъ иначе. Границъ, отмѣченныхъ перстомъ природы, перешагнуть нельзя. Правда, добытая всѣми средствами, какія представляютъ эти конечные предѣлы человѣческой личности, есть Правда относительная, но практически она, пожалуй, безусловна для человѣка, потому что выше ея подняться нельзя».

То же самое говорится въ статьѣ «Идолюпоклонство, реализмъ и идеализмъ», написанной (декабрь 1874 года) на нѣсколько лѣтъ раньше «Писемъ о правдѣ и неправдѣ». «Въ теоретической области мы бросили уже всяческія разсужденія о томъ, насколько соответствуютъ «вещи въ себѣ», «нумены» ихъ отраженію, при помощи ощущеній, въ нашемъ сознаніи, — феноменамъ. Бросили потому, что познали свои границы и признали метафизическое познаніе для себя недоступнымъ. Мы признали, что если веѣ наши познанія о природѣ и суть, можетъ быть, только призраки, то это призраки, сросшіеся съ человѣкомъ, обусловленные свойствами его природы. Такъ что нынѣ развѣ только изрѣдка кто заспоритъ о томъ, есть ли сущность міра матерія или Гегелевская саморазвивающаяся идея, духъ или Гартмановское безсознательное» (томъ IV, стр. 62).

Генезисъ этихъ мыслей у Михайловскаго восходитъ, впрочемъ, еще дальше, къ его основной работѣ «Что такое прогрессъ»¹⁾, удивительно богатой мыслями по сравненію даже съ его лучшими статьями. Среди другихъ, съ лихорадочной поспѣшностью набросанныхъ положеній, обрывковъ цѣлостнаго и законченнаго міровоззрѣнія, отъ котораго Михайловскій никогда не отказывался, хотя неоднократно сѣтовалъ о характерѣ виѣшней разбросанности этой работы, — постоянно варьируетъ его основная идея объ ограниченной «безусловности» нашего познанія. «Границы науки совпадаютъ съ границами человѣка, какъ существа цѣльнаго и единого» (стр. 104,

¹⁾ Если не прямо къ рецензіямъ въ «Книжн. Вѣсти.» 1865—1866 г. Ср. съ послѣдующимъ взложеніемъ рецензій на книгу Либиха «Индукція и дедукція», въ № 23 за 1865 г.; на Льюиса «Исторія философ.», № 3 за 1866 г.; Милль и Тэнъ о «Наведеніи, какъ методъ изслѣдованія», № 16—17 за 1866 г. И въкоторыя другія.

т. I). «Человѣкъ можетъ познавать только явленія и тѣ постоянныя отношенія, въ которыя они становятся другъ къ другу. Сущность вещей вѣчная тьма» (тамъ же, стр. 105). «Мы говоримъ—поясняетъ эти слова Михайловскій,—о чисто теоретическихъ вопросахъ, о сущности и началѣ вещей, о конечныхъ причинахъ и пр.» (тамъ же, стр. 76). «Нѣтъ абсолютной истины, есть только истина *для человека*, и за предѣлами человѣческой природы нѣтъ истины для человѣка. Положенія эти выработывались вѣками», — добавляетъ Михайловскій (тамъ же, стр. 105).

Поятно, послѣ всего сказаннаго, почему онъ такъ высоко цѣнилъ позитивную философію, считая, вмѣстѣ со всей тогдашней передовой мыслью, очереднымъ дѣломъ для русскаго общества усвоеніе ея принциповъ. «Можетъ быть величайшая заслуга позитивизма,—говоритъ онъ въ той же статьѣ,—состоитъ именно въ указаніи человѣку границъ, за которыми лежатъ для него вѣчная непреодолимая тьма. Стараться проникнуть за эти границы, значить имѣть недостижимыя и незаконныя желанія. Такъ учить позитивизмъ. Мы скажемъ больше,—добавляетъ отъ себя Михайловскій—эти незаконныя желанія составляютъ грѣхъ передъ человѣчествомъ, служенію которому должны быть посвящены всея человѣческія силы» (тамъ же, стр. 75. Ср. «Посл. Соч.» т. I, стр. 460). Все для человѣка—таковъ дивизъ Михайловскаго и въ области познанія. Человѣкъ долженъ овладѣть всею, что доступно его природѣ, не растрчивая понапрасну силъ на разрѣшеніе по существу неразрѣшимыхъ проблемъ.

Мы только что видѣли, какъ Михайловскій говоритъ: «границы науки совпадаютъ съ границами *человѣка какъ существа цѣльнаго и единого*». Отсюда знаменитое рѣшеніе Михайловскимъ вопроса о критеріи истины и здѣсь же, какъ это ни странно, начало второй изъ основныхъ проблемъ позитивной философіи—опытнаго происхожденія нашихъ знаній. Нормально развитая, цѣлостная, гармоническая, съ высокимъ физиологическимъ раздѣленіемъ труда, обладающая совокупностью *«всѣхъ чертъ, свойственныхъ индивидууму»*¹⁾—лич-

¹⁾ Ср. въ «Отрывкахъ о религіи» слѣд. мѣсто о Фейрбахѣ: «человѣкъ Фейрбаха есть носитель всѣхъ чертъ человѣческой природы, человѣческаго рода. Не я стою въ центрѣ его философіи, а человѣкъ въ

ность является для Михайловскаго альфой и омегой при его разсужденіяхъ о критеріи истинности познанія, да и вообще для всей его социологін, какъ равно и основнымъ предметомъ для нападенія, и очень настойчиваго, со стороны его критиковъ. «Хотя природа человѣка намъ не вполне извѣстна», говоритъ онъ,—«но мы имѣемъ относительно ея столько свѣдѣній, что можемъ не безъ успѣха контролировать ими заблужденія отдѣльныхъ личностей, при чемъ подъ заблужденіями слѣдуетъ разумѣть уклоненія отъ извѣстнаго намъ типа».

Это и есть та самая біологическая абстракція, которая такъ возмущала критиковъ Михайловскаго, хотя по существу въ ней нѣтъ ничего абстрактнаго. По словамъ польскаго социолога Л. Крживицкаго, повторяющаго въ этомъ случаѣ обычныя возраженія всѣхъ русскихъ марксистовъ, въ вопросѣ о реальномъ содержаніи понятія личности Михайловскій дѣлалъ крупную ошибку, ибо выводилъ это содержаніе весьма отвлеченно изъ внутренняго совершенства личности», тогда какъ «на западѣ пришли къ сознанию, что представленія объ общественной справедливости формируются соотвѣтственно классовой средѣ».

Слова эти, какъ возраженіе противъ Михайловскаго, совершенно не вѣрны. Говоря, что «природой человѣка» мы можемъ контролировать тѣ или другія заблужденія, Михайловскій разумѣлъ прежде всего тѣ границы, положенныя на наше сознаніе со стороны естественныхъ силъ природы, которыя мы не въ силахъ перешагнуть и должны принимать такъ, какъ онѣ есть. Въ рамкахъ этихъ границъ «природа человѣка» есть дѣйствительно нѣчто данное и опредѣленное, хотя и не вполне намъ еще извѣстное. И очевидно, что теоретическій критерій познанія долженъ лежать въ познаніи нормальнаго человѣка, ибо это познаніе есть высшій, доступный намъ пунктъ мышленія. Но съ другой стороны, рядомъ съ этими ограниченіями, какъ мы уже знаемъ, существуютъ еще ограниченія, наложенныя на личность историческимъ ходомъ вещей, благодаря которымъ (см. т., I, 113) «содержаніе нашего я есть всегда

рамкахъ родовыхъ признаковъ, которому слѣдовательно не чуждо все человѣческое». Съ дальнѣйшимъ развитіемъ этой мысли, приѣнительно къ теоріи познанія, мы еще встрѣтимся впоследствии.

исключительно эмпирическое». «Какъ бы ни было велико наше довѣріе къ природѣ человѣка и къ его природнымъ инстинктамъ, слѣдуетъ помнить, что «натуральнаго» человѣка нигдѣ нѣтъ, общественныя отношенія положили на него свои разнообразныя печати и привили ему соответственные инстинкты очень различной цѣнности»¹⁾).

Очевидно, натурального человѣка мы можемъ получить только однимъ путемъ: 1) изучая общія свойства человѣческой природы, какъ таковой — что должна дать социологіи биологія и 2) изслѣдуя конкретнаго историческаго человѣка и формы его познанія, что составляетъ собственно социологическую сторону того же вопроса. Такъ именно и ставить вопросъ Михайловскій. По его словамъ: «истина—это вѣдь только случай равновѣсія между потребностью познанія и окружающимъ познаваемымъ міромъ. Она измѣняется съ измѣненіемъ познающаго субъекта и, слѣдовательно, существенно обуславливается всей соціальной обстановкой познающихъ. Вопросъ, слѣдовательно, и съ этой стороны сводится на соціальную почву»²⁾).

Но Михайловскій не только такъ поставилъ вопросъ, онъ въ качествѣ позитивиста въ области философіи и вмѣстѣ съ

¹⁾ См. «Послѣдн. сочин.», т. II, стр. 377. Ср. изъ «Писемъ о правдѣ и неправдѣ» слѣдующія слова: «Просто русскій человѣкъ, отвлеченный французскій человѣкъ и т. п. не существуетъ, а есть французскіе, русскіе, вѣнцкіе дворяне, французскіе, русскіе купцы, крестьяне, рабочіе и проч.» (т. IV, 439). Ср. съ приведенной цитатой слова изъ «Литер. Звн.» 1880 г., повторяющія ту же самую мысль на конкретномъ примѣрѣ: «Въ тѣхъ историческихъ событіяхъ, которыя обыкновенно приводятся, какъ свидѣтельство прывивости французской энергіи, французское крестьянство, вообще говоря, почти не участвовало; а когда оно en masse выступало на историческую сцену, какъ въ жакеріи, оно вело себя совершенно такъ же, какъ русское крестьянство во времена Разина, Пугачева и т. п.» (т. IV, стр. 866). Подробное развитіе этой мысли и ея социологическое обоснованіе Михайловскій даетъ въ своей теоріи массоваго подражанія. Ср. также въ статьѣ «Позній историкъ еврейскаго народа» (т. III, январь 1878 г.) относящіяся сюда же разсужденія на 109 стр. объ аналогичномъ характерѣ «сахозванства въ Великороссіи» и «лжемесіанизма у евреевъ», двухъ теченій, несмотря на всю разницу во времени и мѣстѣ дѣйствія подобныхъ «до многихъ чрезвычайно мелкихъ подробностей».

²⁾ См. «Записки профана», т. III, гл. XI, стр. 533—534. Писано въ іюль 1875 г. Подробный анализъ философской стороны этого положенія данъ въ книгѣ В. М. Чернова «Философскіе этюды». См. главу «Философскія основы ученія Н. К. Михайловскаго».

тѣмъ соціолога, указаль тотъ путь, въ чемъ и состоитъ его особенность, которымъ складывается эмпирическое содержаніе личности, переносящее весь вопросъ объ истинѣ на соціальную почву. Пути эти—*опытъ и наблюденіе*. «Ни вѣ насъ, ни внутри насъ мы не можемъ признать существованіе какихъ-либо особыхъ дѣятелей, дающихъ намъ, помимо опыта, готовыя рѣшенія насчетъ нашихъ отношеній къ природѣ и къ другимъ людямъ. Человѣкъ рождается, имѣя только орудія для пріобрѣтенія знаній и оцѣнки явленій вообще и не принося съ собой на свѣтъ никакихъ готовыхъ истинъ».

«Все наше психическое содержаніе безъ остатка, т. е. всѣ наши мысли, знанія, будутъ ли они истинны или ложны, всѣ наши желанія и чувства, будутъ ли они хороши или дурны,—обязаны своимъ происхожденіемъ опыту» (т. I, 113). «Самыя аксіомы», бывшія поистинѣ философской «крѣпостью идеализма», «оказываются результатами опыта и наблюденія», такъ что эту крѣпость можно считать теперь «взятой приступомъ». «Всегда и вездѣ люди, подъ какимъ бы философскимъ знаменемъ они ни стояли, черпали свои познанія изъ внѣшняго міра, всегда и вездѣ умъ человѣческой возбуждался внѣшними причинами, не будучи, разумѣется, при этомъ пассивною мишенью ¹⁾).

Послѣднія слова, примыкая по своему смыслу къ первымъ цитатамъ, ставятъ въ то же время новый вопросъ о «внѣшнемъ мірѣ», откуда черпаетъ свои познанія человѣкъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ Михайловскимъ уже, какъ соціологомъ, а не только, какъ съ позитивистомъ-философомъ. Опытъ и наблюденіе есть пути познанія, окружающая обстановка даетъ матеріалъ, изъ котораго познаніе черпается. Но что такое окружающая обстановка въ соціологическомъ смыслѣ? Отвѣтъ на это мы имѣемъ уже въ первомъ очеркѣ—*это формы коопераціи*. Если «наше психическое содержаніе безъ остатка» обязано своимъ происхожденіемъ опыту, то вѣдь опытъ-то ограниченъ рамками той коопераціи по сходству, въ средѣ кото-

¹⁾ См. ст. «Философ. истор. Луи Блана» (авг. 1871) т. III, стр. 52. Ср. замѣчаніе о Гегелѣ въ «Литер. восп.», т. II, стр. 296. «Гегель не въ бездонной глубины своего духа выудилъ свою триаду, потому что и нѣтъ такой бездонной глубины въ человѣческомъ духѣ: онъ частью удачно, частью неудачно, съ патяжками подчасъ крайне грубыми, обобщилъ то, что видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ». Ср. тамъ же стр. 278—279.

рой человекъ «сочувственно» воспринимаетъ впечатлѣнія «пзъ вѣшняго міра». «Въ области отношеній человѣческихъ представляется полный просторъ сочувственному опыту, — говоритъ Михайловскій, — но и здѣсь есть ступени. Одинъ человекъ можетъ пережить жизнь каждаго человека, другой — только жизнь представителя своей общественной единицы, т. е. жизнь своихъ соотечественниковъ, своихъ собратьевъ по профессіи, по образу жизни и проч.»¹⁾ и такнхъ, конечно, громадное большинство. Отсюда формула Михайловскаго «опытъ, наблюденіе и кооперация» (т. I, 202), выражающая тѣ ограниченія человѣческой природы, которыя наложены на нее «историческимъ ходомъ вещей».

«Скажи мнѣ, къ какому общественному союзу ты принадлежишь, и я скажу, какъ ты смотришь на вещи» — утверждаетъ Михайловскій. «Общественное положеніе человека всегда подсказываетъ ему рѣшеніе, выгодное, если не прямо для него лично, то для той соціальной группы, въ которой онъ принадлежитъ»²⁾.

Итакъ, въ вопросѣ о роли познанія Михайловскій — позитивистъ. По его мнѣнію, мы должны познавать міръ, лежащій по сю сторону чувственныхъ воспріятій. Въ исторіи человѣческой мысли на эту точку зрѣнія одни изъ первыхъ встали, быть можетъ, не вполне понимая всю важность такого шага, сенсуалисты XVIII вѣка, которыхъ Михайловскій въ силу этого защищаетъ отъ нападковъ Лун-Блана³⁾, вызванныхъ, по его мнѣнію, недоразумѣніемъ. Но еще раньше та же работа въ защиту опыта была исполнена «Ньютономъ въ физикѣ и Локкомъ въ философіи» (т. III, 74). Съ этой точки зрѣнія, воспріятой въ ея дальпѣйшемъ развитіи Михайловскимъ, познаніе міра, какъ онъ есть и какъ онъ представляется нашимъ чувствамъ,

¹⁾ Приведенную цитату см. въ ст. о прогрессѣ, т. I, стр. 134. Это одно изъ самыхъ основныхъ положеній теоріи субъективнаго метода.

²⁾ Первая цитата изъ «Писемъ о правдѣ и неправдѣ» (январь 1878 г.), т. IV, стр. 461; вторая изъ «Литер. Зам.», 1878 г., т. I, 796.

³⁾ См. т. III, стр. 39, ст. «Фил. вст. Л.-Блана» слова: «Сенсуализмъ прошлаго столѣтія, при всей своей заносчивости, составляетъ переходъ къ новѣйшему міросозерцанію и во всякомъ случаѣ нѣмѣетъ съ нимъ больше общаго, чѣмъ съ индивидуализмомъ, какъ послѣдній опредѣляется самимъ Лун-Бланомъ. Какой же это индивидуализмъ, когда личность стремится найти опору вѣ себя, когда она признаетъ свою полную зависимость отъ вѣшняго міра и исключительно его вліяніями объясняетъ всю свою дѣятельность?»

познаніе явленій и тѣхъ постоянныхъ отношеній, въ которыя они становятся другъ къ другу—составляетъ задачу науки вообще, въ частности соціологіи. При чемъ во всемъ неизмѣримомъ пространствѣ, открытомъ для нашего познанія, соціологія вмѣстѣ дѣло съ вполне опредѣленнымъ кругомъ явленій,—«предметъ соціологіи есть общественность, кооперація». «Первая общая задача современной общественной науки состоитъ въ опредѣленіи значенія общественныхъ дифференцировокъ,—задача, къ которой инстинктивно и потому неопредѣленно стремились всѣ лучшіе люди всѣхъ временъ».

Соціологія должна прослѣдить вліяніе, которое оказываетъ кооперація въ разныхъ своихъ формахъ на силы, борющіяся въ ея средѣ. И такія вліянія она «должна прослѣдить не только въ человѣческомъ обществѣ, а и вездѣ, гдѣ существуетъ кооперація, то есть въ пчелиномъ ульѣ, въ муравейникѣ, въ колоніи низшихъ животныхъ¹⁾».

«Мы ищемъ не исторіи войны, торговли, экономическихъ отношеній, вѣрованій, нравственныхъ идеаловъ и т. п.,—говоритъ Михайловскій въ статьѣ о прогрессѣ.—Мы ищемъ законовъ, управляющихъ единовременнымъ движеніемъ всѣхъ этихъ элементовъ». То есть законовъ самой коопераціи, общественности. Но и эти законы дадутъ намъ понятіе не о сущности вещей, въ частности не о «сущности историческаго процесса», а лишь о соціальныхъ явленіяхъ, какъ мы ихъ воспринимаемъ и о тѣхъ постоянныхъ отношеніяхъ, въ которыя они становятся другъ къ другу.

Каковы же будутъ эти отношенія? Они опредѣлятся въ свою очередь двумя факторами. Предметъ соціологіи—общественность, кооперація. Единственной же реальной носителемъ общественности является человѣческая личность. Стало быть, задача соціологіи и выразится въ попыткѣ установить историческія судьбы личности въ зависимости отъ историческихъ судебъ разныхъ типовъ коопераціи. «Или эта великая наука никогда не будетъ существовать, — категорически заявляетъ Михайловскій,—или предметъ ея будутъ соста-

¹⁾ См. ст. «Аналогич. методъ въ обществ. наукѣ», т. I, стр. 381—382. Писано въ юль 1869 года. Ср. также комментарий къ этимъ словамъ, сдѣланныя у насъ выше, въ предыдущихъ главахъ, главнымъ образомъ на стр. 110—114 и 169—172.

влять законы различныхъ отношеній между различными формами общежитія и отношеній этихъ формъ къ человеческой личности ¹⁾).

II.

Послѣ сказаннаго о границахъ познанія и задачахъ социологін, мы можемъ обратиться къ непосредственному опредѣленію Михайловскимъ назначенія субъективнаго метода въ социологін, которое онъ даетъ въ «Запискахъ профана». Главной задачей дальнѣйшаго изложенія у насъ, такимъ образомъ, становится анализъ этого опредѣленія и построение, по даннымъ такого анализа, всей системы взглядовъ Михайловскаго на вопросъ «о путяхъ, которыми получаютъ нами познанія объ окружающемъ мірѣ и о насъ самихъ» ²⁾. Примѣнительно къ субъективному методу и его роли въ социологін, по сравненію съ ролью иныхъ методологическихъ приемовъ познанія, эти «пути» получаютъ въ гл. V «Зап. проф.» слѣдующее самостоятельное и распространенное опредѣленіе.

«Методомъ называется, — формулируетъ Михайловскій, — совокупность приемовъ, помощью которыхъ находится истина или, что то же, удовлетворяется познавательная потребность человѣка. Въ одномъ случаѣ пригоденъ одинъ методъ, въ другомъ — другой, смотря по природѣ явленій, на которыя устремлена потребность познанія. Если явленія допускаютъ опытное изслѣдованіе, то къ нимъ прилагается методъ опытный, если нѣтъ — наблюдательный или умозрительный. Если явленія очень сложны и относительно нихъ имѣется уже извѣстный кругъ свѣдѣній, то употребляется дедуктивный методъ, въ противномъ случаѣ — индуктивный. Гдѣ природа явленій допускаетъ провѣрку всего процесса изслѣдованія каждымъ человѣкомъ, имѣющимъ достаточно свѣдѣній, тамъ употребляется объективный методъ. Гдѣ для провѣрки изслѣдованія требуется, кромѣ свѣдѣній, извѣстная воспримчивость къ природѣ явленій, тамъ употребляется методъ субъективный. Послѣдній вовсе не ведетъ къ полной логической разнужданности, хотя, конечно, можно и съ нимъ, какъ со всякимъ другимъ

¹⁾ См. т. VI, стр. 299—300. Ст. «Политическая экономія и общественная наука». (Октябрь, 1879 г.). Курс. мой.

²⁾ Одно изъ бѣлыхъ опредѣленій Михайловскимъ назначенія «методовъ познаванія». См. ст. «Философія исторіи Луи-Блана», т. III, стр. 37.

методомъ, обращаться неправильно; съ нимъ даже больше, чѣмъ съ другимъ, потому что онъ труднѣе. Но тамъ, гдѣ нельзя примѣнять объективнаго метода, методъ субъективный, несмотря на всѣ свои трудности, долженъ быть примѣняемъ. Онъ вскользь не обязываетъ отворачиваться отъ общеобязательныхъ формъ мышленія, потому что онъ по характеру своему противоположенъ только объективному методу, а не индукціи и дедукціи, не опыту и наблюденію. Совершенно такъ же, какъ индуктивный методъ по характеру своему противоположенъ дедуктивному, но не исключаетъ ни опыта, ни наблюденія, ни умозрѣнія»¹⁾.

Тутъ мы имѣемъ почти исчерпывающее опредѣленіе того, что такое методъ вообще, и какое мѣсто занимаетъ въ частности субъективный методъ среди другихъ «общеобязательныхъ формъ мышленія». Правда, тутъ еще нѣтъ полной картины сущности и конкретной роли субъективнаго метода, это мы можемъ узнать только впоследствии, — но и тутъ въ опредѣленіи какъ субъективнаго метода, такъ и условій, его вызывающихъ, вложено нѣчто чрезвычайно существенное и важное, на что требуется обратить самое серьезное вниманіе. Субъективный методъ логически можетъ быть противопоставленъ объективному методу и только ему, а не индукціи и дедукціи, не опыту и наблюденію. вмѣстѣ съ тѣмъ противопоставленіе субъективнаго объективному методу имѣетъ не прямой, а условный характеръ, ибо субъективнымъ методомъ отнюдь не устраняются требованія «опираться на данныя объективной науки». Но если все это такъ, то очевидно примѣненіе, а равно вообще необходимость такого метода должны обусловиться не тѣмъ, что онъ вноситъ самъ собой новые приемы познанія, а тѣмъ, что «данныя объективной науки», отъ которой никто не можетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ безнаказанно отворачиваться, приходится примѣнять въ своеобразной средѣ, требующей какого-то особеннаго сочетанія извѣстныхъ намъ приемовъ мышленія. При чемъ оправданіемъ наличности и необходимости субъективнаго метода является въ такихъ случаяхъ возможность достигнуть съ его помощью скорѣйшаго изслѣдованія «заковъ взаимныхъ отношеній между различными

¹⁾ См. т. III, «Зап. Проф.», гл. V (мартъ 1875 г.), стр. 401; слѣдующія двѣ цитаты см. тутъ же, стр. 402 и 401.

формами общезнания и отношения этих формъ къ человѣческой личности», въ изысканіи базовыхъ законовъ Михайловскій видитъ основное назначеніе социологіи.

Дальнѣйшія опредѣленія со стороны Михайловскаго, какъ субъективнаго метода, такъ и взаимныхъ отношеній его съ методомъ объективнымъ, вполне подтверждаютъ такое заключеніе. Опредѣленія Михайловскій даетъ простыя и точныя, усваивающія его терминологіи вполне методологическій характеръ, что признаютъ, между прочимъ, и критики Михайловскаго. «Субъективнымъ методомъ называется такой способъ удовлетворенія познавательной потребности, когда наблюдатель ставитъ себя мысленно въ положеніе наблюдаемаго. Этимъ самымъ опредѣляется и сфера дѣйствія субъективнаго метода, размѣръ законно подлежащаго ему района изслѣдованій». Это *единственное* прямое опредѣленіе Михайловскимъ субъективнаго метода, опредѣленій другого характера, иныхъ, а тѣмъ болѣе противорѣчащихъ этому, у Михайловскаго *совершенно нѣтъ*. Такъ что, какъ это ни странно, но субъективный методъ, относясь къ области познанія, уже тѣмъ самымъ не можетъ «снимать съ социолога узду общеобязательныхъ логическихъ формъ мышленія», ибо все наше познаніе такими логическими формами мышленія обусловлено, какъ чѣмъ-то общеобязательнымъ. Правда, само слово «*общеобязательныя* формы мышленія» противорѣчатъ какъ бы названію метода «субъективнымъ», но пока мы должны примириться съ этой причудливо-противорѣчивой терминологіей. Для насъ важно яснѣе поставить проблему субъективнаго метода, исходя изъ точнаго смысла опредѣленій Михайловскаго, и если тутъ есть противорѣчія, то тѣмъ рѣзче ихъ нужно подчеркнуть.

Впрочемъ, сколько бы мы ни подчеркивали эти противорѣчія въ названіяхъ съ содержаніемъ, вложеннымъ въ самыя названія,—такія противорѣчія могутъ доказать только, что самый терминъ плохо выбранъ, а не то, что не выдерживаетъ критики вложенное въ него содержаніе. Такъ и въ данномъ случаѣ, какъ бы ни была плоха,—допуская, что она дѣйствительно плоха,—терминологія Михайловскаго, но всея возможные въ этомъ случаѣ недостатки не устраниваютъ еще проблемы о такихъ чертахъ социологическаго познанія, которыя требуютъ для своего удовлетворенія иного, чѣмъ

обычно, характера методологических приёмовъ. Въ чемъ же видитъ Михайловскій специфическія особенности социологін, оправдывающія примѣненіе здѣсь субъективнаго метода? Вотъ загадка сфинкса, которую, по общему мнѣнію критиковъ, Михайловскому не удалось разрѣшить, а стало быть, не удалось доказать, что въ социологін нуженъ какой-то особый методъ, да еще «субъективный». «Объ этомъ съ достаточной ясностью говоритъ судьба русской субъективной социологін» — саркастически замѣчаетъ въ своей книгѣ г. Ранскій ¹⁾). Дѣйствительно ли объ этомъ говоритъ судьба русской «субъективной» социологін, мы пока не будемъ спорить съ г. Ранскимъ. Пусть г. Ранскій будетъ даже правъ. И чтобы подтвердить его правоту, мы обратимся сейчасъ къ такой части взглядовъ Михайловскаго, которые при всей своей цѣнности дали наилучшій поводъ для нападеній на него со стороны критиковъ, какъ бы оправдывая ихъ оцѣнку субъективнаго метода.

Приступая къ опредѣленію (по своимъ приѣмамъ вполне объективному) характера мышленія въ разныхъ областяхъ науки, въ зависимости отъ ихъ отличительныхъ свойствъ, Михайловскій сразу проводитъ здѣсь рѣзко разграничительную черту между собственно социологіей и естественными науками. По его словамъ — «коренная и ничѣмъ неизгладимая разница между отношеніями человѣка къ человѣку и отношеніями человѣка къ остальной природѣ, состоитъ прежде всего въ томъ, что въ первомъ случаѣ мы вмѣемъ дѣло не просто съ явленіями, а съ явленіями, тяготящими къ известной цѣли, тогда какъ во второмъ цѣль эта для человѣка не существуетъ. Различіе это до такой степени важно и существенно, что само по себѣ уже намекаетъ на необходимость примѣненія различныхъ методовъ въ двухъ великихъ областяхъ чело-вѣческаго вѣдѣнія» ²⁾).

¹⁾ См. его книжку «Социологія Михайловскаго». Спб. 1901 г. стр. 113. То же самое говоритъ въ предисловіи къ книгѣ г. Бердяева П. Б. Струве, который впрочемъ не можетъ примириться съ мыслью о бесплодности своей критики Михайловскаго. «Михайловскій,—по словамъ г. Струве (см. предисловіе, стр. XXV),—въ сокровищницу знаній бросявъ никуда не годный субъективный методъ и ни крупинцы объективной истины». Г. Струве и не подозреваетъ, что самъ субъективный методъ есть одно изъ выраженій объективной истины.

²⁾ Слова изъ «Что такое прогрессъ», т. I, стр. 129.

Различіе это для насъ уже знакомо по самой природѣ субъективнаго метода, какъ она опредѣлена у Михайловскаго, и по сферѣ его компетенціи. «Субъективнымъ методомъ называется такой способъ удовлетворенія познавательной способности, когда наблюдатель ставитъ себя мысленно въ положеніе наблюдаемаго». Гдѣ же приходится наблюдателю ставить себя мысленно въ положеніе наблюдаемаго и гдѣ, наоборотъ, не приходится? «Наблюдатель—человѣкъ и, слѣдовательно, можетъ себя мысленно поставить только въ положеніе такого же, какъ и онъ, человѣка»¹⁾, отвѣчаетъ на это Михайловскій. Это отвѣтъ общаго характера. Этимъ отвѣтомъ ограничивается первая область въ мірѣ познанія, доступная компетенціи субъективнаго метода. Очевидно, что примѣняться онъ можетъ только въ сферѣ человѣческихъ отношеній. «Метафизики примѣняютъ субъективный методъ къ изученію внѣшней природы, и это неправильно, потому что противорѣчатъ самому смыслу субъективнаго метода»²⁾.

Слѣдовательно, съ какой бы стороны мы ни подходили къ субъективному методу, мы видимъ, что оправданіе его состоитъ въ телеологическомъ характерѣ человѣческой исторіи, отличномъ отъ исторіи природы. Или нѣсколько иначе: особенность приѣмовъ социологическаго изслѣдованія базируется на особенностяхъ историческихъ явленій, какъ явленій цѣлесообразныхъ. Постараемся теперь выкинуть глубже въ эту мысль Михайловскаго.

Историческій процессъ цѣлесообразенъ, что стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. «Люди сами дѣлаютъ свою исторію», какъ говоритъ Марксъ въ I томѣ «Капитала». Каковы бы ни были основныя причины, толкающія ихъ на тѣ или иные поступки, но, совершая ихъ, люди сознаютъ себя свободными, на основѣ чего создается весь психологическій процессъ ихъ дѣятельности. Конечно—«дѣйствія личности, общественныя формы, историческія событія... подлежатъ объективному описанію и классификаціи»,—пользуется Михайловскій словами П. Л. Лаврова. Для объективнаго элемента социологія открываетъ, значить, достаточно широкую сферу приложенія, и это, какъ мы скоро увидимъ, не случайная

¹⁾ См. „Зап. проф.“, гл. V, т. III, стр. 402.

²⁾ Тамъ же.

обмолвка со стороны Михайловскаго. Но, — въ чемъ вся суть, — «чтобы *понять*» человѣческія дѣйствія, надо разсмотрѣть *цѣли*, которыя воплощаются въ общественныхъ формахъ, цѣли, которыя вызвали историческое событіе» 1).

Тутъ опять въ качествѣ оправданія субъективнаго метода Михайловскій приводитъ (со словъ Лаврова) категорію цѣлесообразности, при чемъ формулировка, въ которую вложено ея опредѣленіе, сама по себѣ безспорна, — дѣйствительно, не понявъ цѣли, мы не поймемъ и поступка, предназначеннаго быть средствомъ для ея достиженія. «Но что такое цѣль?», — невольно встаетъ у Михайловскаго новый уже вопросъ. «Это нѣчто желаемое, пріятное, должное, отвѣчаетъ онъ, всѣ эти категоріи чисто субъективныя». То есть, иначе, область человѣческихъ поступковъ есть, кромѣ всего остального, область желаемаго, пріятнаго, должнаго. «Мысля социальныя явленія», что само по себѣ опять такъ безспорно — «мы *неизбѣжно* (курсивъ подлинника) мыслимъ вредъ, пользу, благо и прочія категоріи, окрашенные для насъ въ цвѣтъ желательности или нежелательности» въ противовѣсъ «явленіямъ природы», гдѣ «мы *можемъ и должны* избѣгать этихъ элементовъ» («Зап. проф.», III, 391).

Это и есть тѣ, обладающія объективной цѣнностью положенія, которыя, тѣмъ не менѣе, дали поводъ для всевозможныхъ нападокъ, далеко не умолкнувшихъ до сихъ поръ, на теорію субъективнаго метода. И нужно сказать, что въ своемъ источникѣ всѣ эти нападки далеко не такъ несостоятельны, ибо иначе трудно было бы понять, почему онѣ такъ долго держатся въ русской литературѣ. — «Историческій процессъ цѣлесообразенъ» — говоритъ Михайловскій, и говоритъ совершенно справедливо. «Мысля социальныя явленія, мы мыслимъ неизбѣжно вредъ, пользу, благо». И это вѣрно. Но какое же отношеніе имѣютъ всѣ эти безспорныя положенія къ вопросу о *методѣ* въ социологій? Что такое методъ? Методъ есть совокупность пріемовъ, служащихъ для отысканія истины,

1) Слова П. Л. Лаврова, которыя приводитъ Михайловскій, взяты изъ статьи „Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе“, первоначально напечатанной въ „Совр. Обзор.“ за 1868 г., теперь вышедшей въ изданіи редакціи „Русск. Бог.“ СПБ., 1906 г. У Михайловскаго эти слова на стр. 71, 72, т. I, статьи „Что такое прогрессъ“.

методъ орудіе нашего познанія. Мысля соціальное, мы мыслимъ неизбѣжно вредъ, пользу, благо. Это фактъ, но спрашивается—должны ли мы преклоняться передъ фактомъ? Должны ли мы соціальное мышленіе окрашивать *этическимъ* элементомъ (вредъ, польза, благо) или напротивъ должны стараться изгнать его изъ познанія, какъ инородный?

Вѣдь всякая наука, а стало быть, также и соціологія, если она хочетъ быть наукой, должна быть безстрастной, чуждой всякихъ субъективныхъ цѣлей, служительницей истины. Развѣ не понятно, что ученый прежде всего обязанъ освободиться отъ симпатій и антипатій, и всё успія воли направить на одно — познаніе явленій и причинной связи между ними. Задачи науки по существу объективны, такъ какъ выводы ея равно обязательны для всѣхъ, «воинъ, пастухъ и купецъ» должны одинаково преклоняться передъ ея авторитетомъ. Наука начинается тамъ, гдѣ есть твердо установленные, на почвѣ цѣлаго ряда провѣренныхъ фактовъ, законы сосуществованія явленій, а законъ устраняетъ всякій произволъ, въ томъ числѣ и произволъ субъективныхъ разногласій. Между тѣмъ это ли мы видимъ у Михайловскаго?

«Выборъ предмета изслѣдованія, на который устремляется жажда познанія натуралиста, всецѣло зависить отъ личныхъ качествъ изслѣдователя,—утверждаетъ онъ.—Одинъ желаетъ изучать движеніе планетъ, другой желаетъ перечислять виды клоповъ и проч. *Но когда изслѣдованіе начато, натуралистъ не вводитъ въ него, по крайней мѣрѣ, не долженъ вводить элементъ субъективный.* Онъ можетъ сказать: я желаю перечислять виды клоповъ, но не можетъ сказать: я желаю, чтобы видовъ клоповъ было столько-то»¹⁾.

Отсюда слѣдуетъ по точному смыслу этой фразы, что соціологъ, напротивъ, можетъ и долженъ «когда изслѣдованіе начато», «ввести въ него элементъ субъективный», который есть вѣдь не что иное, какъ одно изъ проявленій предвзятаго мнѣнія. И дѣйствительно, такова по внѣшности мысль Михайловскаго. Съ истиннымъ безстрашіемъ и не смущаясь весьма невыгодной для него конструкціей приведенной только что у насъ фразы, онъ прямо заявляетъ, что если натуралистъ

¹⁾ См. эту и дальнѣйшія цитаты, т. III, стр. 406, «Зап. проф.», гл. V.

«можетъ сказать: желаю перечислять виды клоповъ, но не можетъ сказать: я желаю, чтобы видовъ клоповъ было столько-то»,—то социологъ, напротивъ, долженъ прямо заявить: «желаю познать отношенія между обществомъ и его членами, но кромѣ позванія я желаю еще осуществленія такихъ-то и такихъ-то моихъ идеаловъ, сильное оправданіе которыхъ при семъ прилагаю».

Наука такимъ образомъ преклоняется передъ грубымъ, эмпирически даннымъ фактомъ предвзятаго мнѣнія, и не въ правѣ ли мы поэтому заключить, что и самъ субъективный методъ есть просто «культъ предвзятаго мнѣнія»¹⁾. Да и какъ иначе можно понять хотя слѣдующія слова Михайловскаго: «Признавъ иѣчто желательнымъ или-нежелательнымъ, социологъ долженъ найти условія осуществленія этого желательнаго или устраниенія нежелательнаго». «Собственно говоря,—настаиваетъ Михайловскій,—самая природа социологическихъ изслѣдованій такова, что они не могутъ производиться отличнымъ отъ указаннаго путемъ. Дѣло только въ томъ, что въ настоящее время для большей части социологовъ неясенъ весь процессъ ихъ собственныхъ изслѣдованій. Иѣкоторые моменты этого процесса остаются, такъ сказать, въ скрытомъ состояннн, что не мѣшаетъ имъ, однако, вліять на ходъ изслѣдованія. Все равно какъ рѣка, которая течетъ иногда на иѣкоторомъ протяженіи подъ землей: ея на этомъ пространствѣ не видно, но тамъ и рыбы плаваютъ, и берега заносятся или отмываются, вообще происходятъ тѣ же явленія, что и въ поверхностной части русла». («Зап. проф.» т. III, 406)...

Несомнѣнно, если бы признать всѣ приведенные образцы

¹⁾ Слова М. Филиппова, «Философія дѣйствительности» т. II. У г. Плеханова см. слова, приведенныя у насъ на стр. 28: «Нраву моему не пренятствуй», какъ критерій истины съ точки зрѣнія субъективнаго метода. Ср. у гг. Бердяева и Струве, тѣ же самыя мысли, но въ иной формѣ: «субъективный методъ,—по ихъ мнѣнію,—сознательно подчиняетъ науку ея матеріалу—переживаніямъ, и индивидуально психологическую ограниченность эмпирическаго субъекта познанія возводитъ въ методогическій принципъ» или «гносеологическую норму». Если же гг. Бердяевъ и Струве классическую простоту выраженій гг. Плеханова и Филиппова замѣняютъ варварски-вычурнымъ философскимъ жаргономъ, то это исключительно вслѣдствіе «индивидуально-психологической ограниченности» ихъ «эмпирическаго содержанія». По выраженію Чеховской героини, «они хотятъ показать свою образованность, а потому говорятъ о непонятномъ».

критики субъективнаго метода сколько-нибудь справедливыми, то ихъ было бы вполне достаточно для полнаго уничтоженія всей социологiи Михайловскаго. Наука не отдѣлнма отъ метода, но какая же можетъ быть цѣна той наукѣ, которая добыта помощью такихъ методологическихъ приѣмовъ? «Очень не высокое мнѣнiе о «работахъ» г. Михайловскаго есть начало всякой премудрости» — заявилъ однажды г. Плехановъ, и заявилъ «совершенно хладнокровно и обдуманно», по обыкновенiю «не имѣя нужды ни въ какихъ фигурныхъ листкахъ» (стр. 263, «Къ вопросу о развитiи» и пр.).

Другiе шли чуть ли не дальше, утверждая, что рядомъ съ культомъ предвзятаго мнѣнiя Михайловскiй въ своихъ представленiяхъ о построенiи научной социологiи, не сумѣлъ разобратъ даже въ такомъ вопросѣ, какъ отграниченiе задачъ социологiи въ качествѣ науки *теоретической* отъ задачъ ея, какъ науки прикладной. Признавъ нѣчто желательнымъ или нежелательнымъ, найти возможность устраненiя этого желательнаго или нежелательнаго, — есть дѣло не науки, а *практики*, искусства, задачи же социологiи, какъ науки теоретической, могутъ быть только однѣ: изслѣдовать независимо отъ нашихъ практическихъ цѣлей, независимо отъ нашихъ симпатiй и антипатiй, законы статикн и динамикн, законы социальнаго развитiя, впѣ которыхъ нѣтъ самой социологiи, и которыми социологiя, только какъ наука прикладная, можетъ пользоваться для осуществленiя разныхъ практическихъ, субъективныхъ цѣлей. Отграниченiе момента теоретическаго отъ момента прикладнаго, практическаго, есть основное требованiе въ этомъ случаѣ, «азбука социальной науки», но Михайловскiй, по мнѣнiю его критиковъ, непростительно смѣшалъ обѣ эти стороны и «вмѣсто открытiя законовъ социальной жизни» поставилъ социологiи «совершенно иную цѣль», сдѣлавъ ее «чѣмъ-то въ родѣ ученiя о должностяхъ человѣка и гражданина, какъ говорили у насъ въ старину»¹⁾.

Замѣчательно, однако, что всячески оспаривая взгляды

¹⁾ См. у г. Раискаго, стр. 113 его книги о Михайловскомъ. То же самое утверждалъ г. Слонимскiй въ 1889 году въ «Вѣств. Евровы», на что указываетъ впрочемъ и самъ г. Раискiй, простирающiй свой объективизмъ даже до ссылокъ на глубоко невѣжественную статью о Михайловскомъ г. Абрамова въ «Кн. Нед. за 1897 г., июнь.

Михайловскаго на субъективизмъ въ социологіи, его критики оставили совершенно безъ вниманія его собственныя представленія о задачахъ этой науки, и, главное, его собственныя социологическія работы, какъ конкретный примѣръ практическаго приложенія субъективнаго метода. Между тѣмъ какъ разъ въ этой области лежитъ интереснѣйшій матеріалъ для оцѣнки взглядовъ Михайловскаго на всѣ поставленные выше вопросы.

Прежде всего мы знаемъ уже, что Михайловскій во всѣхъ своихъ формулировкахъ задачъ социологіи непрестанно остается на чисто *объективной* почвѣ, варьируя, строго говоря, одну и ту же идею. Социологія должна выяснить «законы различныхъ отношеній между различными формами общежитія», — это во-первыхъ и затѣмъ «отношеніе этихъ формъ къ человѣческой личности», каковыя отношенія опять таки выразятся въ видѣ ряда постоянно сосуществующихъ и причинно связанныхъ явленій, т. е. въ видѣ законовъ же. Таково основное опредѣленіе Михайловскимъ задачъ социологіи. Правда, онъ его иногда мѣняетъ, говоря, напр. (см. выше стр. 278), что первой задачей общественной науки будетъ изученіе значенія общественныхъ дифференцированій. Но, во-первыхъ, тутъ по существу нѣтъ даже переменны въ задачахъ социологіи, ибо первой задачей при отысканіи законовъ социальнаго статика и динамики будетъ дѣйствительно опредѣленіе разносторонняго значенія социальнаго дифференціаціи, составляющей главное содержаніе социальнаго процесса. А кромѣ того, если даже тутъ есть измѣненіе въ задачахъ социологіи, то и въ такомъ измѣненномъ видѣ эти задачи остаются чисто объективными, а стало быть, Михайловскій долженъ усвоить ей «какъ науку», чисто абстрактный, теоретическій, а не прикладной характеръ, «какою се и считаетъ вмѣстѣ съ Контомъ нашъ авторъ», замѣчаетъ г. Ранскій ¹⁾, беспомощно заблудившійся въ разныхъ опредѣленіяхъ задачъ социологіи у Михайловскаго.

Но Михайловскій не только считаетъ социологію, «вмѣстѣ съ Контомъ», абстрактной наукой, и не только въ формулировкахъ ея задачъ строго выдерживаетъ эту точку зрѣнія, онъ и въ собственныхъ своихъ работахъ остается на той же объективной почвѣ, открывая тѣмъ не менѣе полный просторъ для примѣненія своего субъективнаго метода и вообще субъек-

¹⁾ См. стр. 113 его книжки о Михайловскомъ.

тивизма. Обстоятельство это чрезвычайно важнаго значенія, и мы должны на немъ остановиться особенно.

Какъ социологъ Михайловскій далъ въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ законченный образецъ объективнаго анализа явленій общественности, но освѣщенныхъ съ точки зрѣнія вполне опредѣленнаго идеала. Его собственная социологическая теорія своими разными сторонами строго соответствуетъ объемамъ частямъ вышеприведеннаго опредѣленія «этой великой науки». Первую ея часть,—т. е. установленіе «законовъ различныхъ отношеній между различными формами общественной жизни»,—Михайловскій выразилъ той формулой прогресса, давшей основу для его теоріи борьбы за индивидуальность, которая центральнымъ пунктомъ философіи исторіи дѣлаетъ смѣну формъ коопераціи, конкретно выражающуюся въ разнообразныхъ комбинаціяхъ двухъ основныхъ типовъ сотрудничества: простаго и сложнаго. Вторую же часть своей формулировки задачъ социологіи, т. е. анализъ отношеній формъ общественности къ судьбамъ личности, Михайловскій тщательно и на громадномъ фактическомъ матеріалѣ разработалъ въ «Борьбѣ за индивидуальность» и въ цѣлѣ цѣлаго ряда капитальныхъ статей по теоріи коллективной психологіи, безспорныя достоинства которыхъ обнаруживаютъ «въ немъ,—по выраженію г. Райскаго¹⁾—положительнаго ученаго». Такъ что каковы бы ни были наши представленія о субъективизмѣ и субъективномъ методѣ Михайловскаго, но ясно, что его собственные работы вполне отвѣчаютъ тѣмъ требованіямъ, которыя мы предъявляемъ къ наукѣ и ея представителямъ²⁾.

Видѣть съ тѣмъ, объективный характеръ социологическихъ работъ Михайловскаго не мѣшаетъ ему быть вполне и рѣзко проникнутыми «субъективизмомъ». Напрямѣрь, играющая центральное значеніе въ его взглядахъ теорія борьбы за индивидуальность развилась изъ представленія, сохра-

¹⁾ См. стр. 178 его книжки.

²⁾ Ср. съ этими словами М. М. Филиппова: «Нѣкоторыя частями исследованийъ В. К. Михайловскаго вполне объективны... Но именовъ въ этихъ работахъ Михайловскій разстается съ субъективными методами». (См. «Философ. дѣйствит.», т. II, 1109, 1108). Дѣйствительно «разстается», если только вождь субъективистъ методовъ понимать будетъ предвзятаго мѣшала. Еще лучше было бы сказать, что такіе «методы» Михайловскій не только и не пользуется.

вившаго и послѣ этого свою самостоятельность, о двухъ разныхъ типахъ сотрудничества, простого и сложнаго, т. е. она имѣеть по существу *объективное* основаніе. Но вотъ Михайловскій указываетъ въ предисловіи къ II изданію своихъ сочиненій, что въ той же теоріи борьбы за индивидуальность ему «пришлось рѣзче и опредѣленнѣе мотивировать *требованія своего субъективизма*» (курс. мой). И если объективно-научный характеръ собственныхъ работъ Михайловскаго не мѣшаетъ имъ быть проникнутыми «субъективизмомъ», то и наоборотъ, его соціологическій субъективизмъ по существу стоитъ на строго объективной почвѣ, рѣшительно противорѣча въ этомъ отношеніи своему названію.

«Субъективный и объективный методъ противоположны только по характеру—говоритъ Михайловскій,—что не мѣшаетъ имъ уживаться совершенно мирно рядомъ даже въ примѣненіи къ одному и тому же кругу явленій». «Объективный методъ»—т. е. объективное изученіе (а не объективное отношеніе къ дѣйствительности)—отнюдь «не долженъ быть удаленъ изъ области изслѣдованій соціологін, а только высшій контроль долженъ здѣсь принадлежать субъективному методу»¹⁾.

Какъ бы ни понимать эту фразу, а какъ ее нужно понимать, мы увидимъ впослѣдствіи, но изъ нея можетъ быть только одинъ логическій выводъ: при субъективномъ методѣ (когда наблюдатель ставитъ себя мысленно на мѣсто наблюдаемаго)—само объективное изученіе дастъ наибольшіе въ смыслѣ научности результаты. Для того, чтобы получить, напр., истинно научное изслѣдованіе рабочаго вопроса, надо себя поставить въ положеніе рабочихъ,—войти въ ихъ «интересы, пережить ихъ жизнь, перемыслить ихъ мысль, почувствовать ихъ чувство, перестрадать ихъ страданіе, проплакать ихъ слезами». Такое требованіе глубоко субъективно, но оно отнюдь не противорѣчитъ объективному изслѣдованію и *«собственно говоря, сама природа соціологическаго изслѣдованія такова, что оно и не можетъ производиться отличнымъ отъ указаннаго путемъ»*. Но правда—что, впрочемъ, не измѣняетъ сути дѣла—не всѣ изслѣдователи рабочаго вопроса войдутъ и захотятъ войти въ положеніе

¹⁾ См. «Что такое прогрессъ», т. I, стр. 148.

рабочихъ, наоборотъ, многіе изъ нихъ при этомъ, быть можетъ, предпочтутъ войти въ положеніе той «буржуазіи, которая—по знакомому намъ выраженію Михайловскаго,—давно уже лизнула крови»...

Примѣры эти для насъ важны пока только, какъ иллюстрація той мысли, что субъективный методъ самъ по себѣ отнюдь еще не противорѣчитъ объективному анализу фактовъ. И въ этомъ насъ убѣждаютъ не только такого рода общія убаванія, но и прямыя попытки со стороны Михайловскаго намѣтить границы субъективнаго и объективнаго приемовъ изученія. Мы знаемъ уже, что субъективный методъ употребляется *только* при изслѣдованіи въ области человѣческихъ отношеній. «Метафизики примѣняютъ субъективный методъ къ изученію внѣшней природы, и это неправильно». Въ этомъ одна изъ границъ, намѣчающихъ сферу компетенціи субъективнаго метода. Есть и еще границы и какъ разъ границы, относящіяся къ примѣненію его въ области человѣческихъ отношеній, ибо и здѣсь, несмотря на то, что «свои» то и дѣло становятся «чужими», есть истины, обязательныя для всѣхъ, а потому доступныя каждому человѣку. «Установленію, напримѣръ, точной хронологіи событій можетъ помѣшать только недостатокъ матеріаловъ, а не какіе-либо субъективные элементы» (см. т. VI, 132).

Разумѣется, это наиболѣе элементарный примѣръ практики объективнаго метода, но и этого примѣра достаточно, чтобы возстановить извѣстное уже намъ опредѣленіе условій, необходимыхъ для примѣненія объективнаго метода изученія. Вотъ каковы эти условія. Тамъ, *гдѣ природа явленій допускаетъ провѣрку всего процесса изслѣдованія каждымъ человекомъ, имѣющимъ достаточно свѣдѣній, тамъ употребляется объективный методъ*. Таково общее опредѣленіе Михайловскаго. Отсюда же слѣдуетъ опредѣленіе сферы компетенціи субъективнаго метода. Очевидно, что онъ употребляется: во 1) въ сферѣ человѣческихъ отношеній и во 2) въ этой области *только* тамъ, гдѣ не каждому человѣку, обладающему извѣстнымъ минимумомъ научной добросовѣстности и знанія, доступна провѣрка всего процесса изслѣдованія. И кромѣ того, оправданіемъ всей практики субъективнаго метода является то, что съ его помощью *въ этихъ случаяхъ* наибо-

лѣе вѣроятно полученіе научной, т. е. *объективной* истины заключающей въ себѣ познаніе законовъ взаимныхъ отношеній между различными формами общежитія и отношенія ихъ къ судьбамъ личности. Получивъ эту общую формулу социологическаго субъективизма, намъ остается только разобратъ вопросъ, гдѣ же именно и почему (тамъ, гдѣ это имѣетъ мѣсто) *не* каждому человѣку, при прочихъ равныхъ условіяхъ, возможна и доступна «*правда-истина объективная*».

Отвѣтъ на это для насъ теперь очень простъ, ибо онъ, помимо самого опредѣленія субъективнаго метода, непосредственно подсказывается всѣмъ, что намъ извѣстно о взглядахъ Михайловскаго на субъективизмъ въ познаніи.

Субъективизмъ Михайловскаго есть понятіе болѣе широкое, чѣмъ понятіе субъективнаго метода. Изслѣдованіе чужихъ мыслей въ формѣ собственныхъ есть субъективизмъ, и мы знаемъ, что отъ *этого* субъективизма ведетъ свое начало субъективный методъ. Но съ другой стороны, оцѣнка дѣйствительности съ точки зрѣнія своихъ собственныхъ, личныхъ, субъективныхъ идеаловъ, есть тоже субъективизмъ, и отъ *этого* субъективизма ведетъ свое начало право нравственнаго суда надъ дѣйствительностью. Обѣ эти категоріи логически различны. Правда, Михайловскій какъ бы смѣшивалъ ихъ, но вѣдь это еще надо доказать, что онъ ихъ дѣйствительно смѣшивалъ и что онъ ихъ смѣшалъ даже въ случаяхъ, приведенныхъ у насъ выше, сколь бы это ни было очевидно для читателя. Быть можетъ, субъективизмъ, о которомъ тамъ идетъ рѣчь, есть *только* тотъ, изъ котораго ведетъ свое начало субъективный методъ, тогда мѣняется весь вопросъ. Такъ или иначе, но пока ясно одно: самое понятіе субъективнаго метода вытекаетъ изъ такого рода субъективизма, который логически дѣлаетъ его независимымъ отъ понятія субъективной оцѣнки. Смѣшивалъ ли эти категоріи или, наоборотъ, тщательно ихъ различалъ самъ Михайловскій,—это есть вопросъ факта, а не вопросъ принципа.

Повторяемъ, социологическій методъ Михайловскаго слѣдуетъ считать не зависимымъ отъ субъективизма въ смыслѣ нравственной оцѣнки событій. Но что же въ такомъ случаѣ въ общей теоріи личности Михайловскаго заставило его перейти къ теоріи субъективнаго метода? Заставило его перейти къ этому слѣдующее обстоятельство.

Намъ извѣстно, что по мнѣнію Михайловскаго, двоякаго рода ограниченія паложены на наше познаніе, одни въ зависимости отъ «природы человѣка», преступить которыя мы не въ силахъ, другія въ зависимости отъ историческаго хода вещей. «Историческій ходъ вещей прибавляетъ къ природѣ, нѣмъ опредѣленіямъ, ограниченіямъ человѣческой личностѣ еще свои особенныя, общественныя». Съ которыми же изъ этихъ двоякаго рода ограниченій имѣеть дѣло субъективный методъ? *Только со вторыми*. Субъективный методъ Михайловскаго находится въ прямой логической связи—какъ на это онъ категорически указываетъ—съ его теоріей коопераціи¹⁾, а теорія коопераціи ставитъ насъ лицомъ къ лицу не съ ограниченіями человѣческой природы, какъ таковой, а съ ограниченіями ея, созданными процессомъ историческаго развитія, подъ вліяніемъ которыхъ образуется наше эмпирическое содержаніе. Когда М. М. Филипповъ утверждалъ, что субъективный методъ есть культъ предвзятаго мнѣнія, а въ предвзятомъ мнѣніи и выражается эмпирическое содержаніе человѣка, то онъ былъ близокъ къ истинѣ, но—по одному выраженію Михайловскаго о Спенсерѣ,—«уперся въ нее затылкомъ».

Субъективный методъ имѣеть задачей не культъ предвзятаго мнѣнія, а строго объективное изслѣдованіе и регулированіе, по даннымъ такого изслѣдованія, его роли въ познаніи. «То психологическое а priori или то «предвзятое мнѣніе», съ которымъ мы неизбѣжно приступаемъ къ изученію явленій общественной жизни,—говоритъ Михайловскій,—содержитъ въ себѣ и этические элементы; давленіе этихъ этическихъ элементовъ на ходъ изслѣдованія опять же неизбѣжно, но это давленіе, часто происходящее помимо сознанія, должно быть регулировано и такъ какъ методъ есть путь, которымъ мы сознательно идемъ къ опредѣленной цѣли, то я называю это регулированіе «субъективнымъ методомъ»²⁾.

¹⁾ См. цитату, приведенную у насъ выше, на стр. 28.

²⁾ Слова изъ статьи о книгѣ г. Бердяева. См. «Послѣдн. соч.» т. I, стр. 468. Ср. въ книгѣ г. Иванова-Разумника т. I (первое изд.), стр. 176: «Въ послѣдніе годы своей жизни Михайловскій опредѣлялъ субъективный методъ, какъ регулированіе давленія этическихъ элементовъ психологическаго а priori на объективное изслѣдованіе социальныхъ явленій». И т. д. Выходитъ какъ будто, что въ первые годы Михайловскій

Опредѣляя такимъ образомъ основное назначеніе субъективнаго метода, Михайловскій тѣмъ самымъ передвигаетъ въ эту же сторону весь вопросъ объ особенностяхъ соціологическаго познанія. Повидимому, эти особенности должны конкретно выразиться здѣсь въ иной роли предвзятаго мнѣнія съ его давленіемъ на познаніе этическихъ элементовъ, чѣмъ въ другихъ областяхъ познанія. Ибо, если бѣ эта роль предвзятаго мнѣнія, какъ одного изъ агентовъ познанія, была вездѣ одинакова, то не было бы нужды для соціологій въ особомъ методѣ. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Мы увидимъ въ скоромъ времени, что, опредѣливъ столь скромнымъ, повидимому, образомъ роль субъективнаго метода, Михайловскій пришелъ тѣмъ не менѣе къ положеніямъ и выводамъ, имѣющимъ высокій теоретическій интересъ и громадное практическое значеніе.

III.

Наличность предвзятаго мнѣнія въ познаніи вообще, въ частности познанія соціологическомъ, слишкомъ очевидный фактъ, чтобы его можно было отрицать. «Какъ бы кто ни судилъ о значеніи субъективной точки зрѣнія въ исторіи, но несомнѣнно, что политическія убѣжденія историка сильно вліяютъ на изображеніе событія даже отдаленнѣйшаго прошлаго. Феодалъ не такъ напишетъ исторію Греціи, какъ Гротъ; социалистъ иначе напишетъ исторію Англіи, чѣмъ Маколей: республиканецъ и Наполеонъ III не сойдутся въ воспроизведеніи римской исторіи; Костомаровъ и Погодинъ часто пренирались не столько о фактѣ, сколько о политическомъ его значеніи». «Будутъ ли наши цѣли велики или мелки, будутъ ли наши желанія нравственны или безнравственны, будутъ ли наши идеалы дости-

поступалъ иначе. Это не вѣрно. Основное изслѣдованіе роли «психологическаго а priori» въ познаніи, состоящее въ самомъ тѣсномъ отношеніи къ теоріи коопераціи, дано Михайловскимъ еще въ статьѣ «Что такое прогрессъ». Вотъ почему эта статья имѣетъ такое крупное значеніе для оцѣнки теоріи субъективнаго метода, несмотря на всѣ ея, отмѣченные выше, недостатки въ этой области. Что же касается г. Иванова-Разумника, то онъ именно теоріи, то коопераціи Михайловскаго и не повальчѣмъ обезцѣнилъ и всю свою характеристику «апогея соціологическаго индивидуализма».

жимы или не достижимы, но они непременно будут и неизменно наложить свою печать на исследование, может быть, даже извратить его, — хотя, может быть, также получить от него больше или меньше важный корректив»¹⁾.

Таков несомненный факт, но факт этот сам по себе слишком элементарен, чтобы на нем, взятом в таком обнаженном виде, можно было построить ту или другую систему взглядов о методѣ социологии. Для такой роли наличность предвзятого мнѣнія в познании должна быть взята в каком-то болѣе обобщенном и болѣе глубокомъ по своему содержанию смыслѣ. Голый факт предвзятого мнѣнія можетъ вызвать только в видѣ своего противовѣса голое требованіе моральнаго характера, чтобы каждый изслѣдователь не поддавался при изысканіи истины никакимъ постороннимъ побужденіямъ, будучи вполнѣ добросовѣстнымъ. Либо, наоборотъ, можно провозгласить культъ предвзятого мнѣнія, предоставляя полный просторъ личной фантазіи каждаго ученаго при научномъ изслѣдованіи.

Усваивая субъективному методу задачу регулированія «психологическаго а priori» в социологическомъ познаніи, Михайловскій былъ одинаково далекъ отъ обѣихъ этихъ крайностей в отношеніи къ роли предвзятого мнѣнія. Отъ произвольнаго культа предвзятого мнѣнія его удерживало строго выработанное представленіе о необходимости «общеобязатель-

¹⁾ См. т. III стр. 108, статья «Новый историкъ еврейскаго народа» (январь 1878 года) и стр. 10, тамъ же, ст. «Философія исторіи Лув-Блана», августъ, 1871 г. Ср. т. VI, стр. 131—133, гдѣ Михайловскій приводит коллекцію «завѣдомо пристрастныхъ французскихъ сочиненій о Наполеонѣ I». «Для составленія правильнаго сужденія о немъ (т. е. о Наполеонѣ) надо самому поработать и, между прочимъ, познакомиться съ дѣлами и отношеніями французскихъ политическихъ партій», такъ какъ принадлежность къ той или другой изъ нихъ, — республиканской, легитимистской, бонапартистской и т. д., — «обязываетъ извѣстнымъ образомъ относиться къ Наполеону, обязываетъ не формально только, не голымъ только фактомъ стоянія въ рядахъ той или другой партіи, а внутреннею обязательностью убѣжденія и политической вѣры». «Не можетъ, напримѣръ, вовапартистъ думать, что Наполеонъ былъ злостнымъ узурпаторомъ, вовлекшимъ Францію въ бездну гибели и позора». «Возможны, разумѣется, и вполнѣ независимыя мнѣнія, не укладывающіяся въ рамки наличныхъ партій; но, во-первыхъ, ихъ навѣрное будетъ немного, а во-вторыхъ, и въ ихъ подкладкѣ навѣрно окажется нѣкоторая связь съ живою жизнью, въ видѣ политическихъ вѣрованій или политическаго невѣрія ихъ авторовъ» См. также т. VI, стр. 118, т. III стр. 42.

ныхъ» формъ мышленія. Что же касается требованія научной добросовѣстности, то оно, слишкомъ очевидное, чтобы его можно было отрицать—«унижаютъ науку тѣ, говоритъ Михайловскій, кто думаетъ, что въ области знанія грязными руками можно сдѣлать то же самое, что и чистыми» (стр. 388, т. IV)—вмѣстѣ съ тѣмъ черезчуръ элементарно, какъ средство для устраненія не моральной, а чисто соціологической постановки вопроса о роли предвзятаго мнѣнія. Михайловскій же усвоилъ именно такое *соціологическое* содержаніе всей этой проблемѣ, обосновавъ на немъ все свое ученіе объ «особомъ» методѣ въ соціологіи.

Тотъ фактъ, что феодалъ напишетъ иначе исторію Греціи, чѣмъ Гротъ, а социалистъ не сойдется съ Маколеемъ въ освѣщеніи исторіи Англій, не представляется нисколько страннымъ съ точки зрѣнія общихъ представленій Михайловскаго о роли предвзятаго мнѣнія въ познаніи. «Содержаніе нашего Я есть всегда исключительно эмпирическое. Содержаніе это можетъ постоянно пзмѣняться, но въ каждую данную минуту человѣкъ отрѣшиться отъ него не можетъ. Поэтому представленія и ощущенія, получаемыя нами въ данную минуту отъ давняго явленія, самымъ существеннымъ образомъ опредѣляются тѣмъ порядкомъ, въ которомъ расположились въ нашемъ психическомъ строѣ прежде накопленные опыты и наблюденія. Совокупность этихъ предыдущихъ данныхъ опыта, сгруппированныхъ тѣмъ или другимъ образомъ, составляетъ предвзятое мнѣніе»¹⁾.

Михайловскій полагаетъ, что «отрѣшиться отъ своего эмпирическаго содержанія столь же трудно, какъ напиримѣръ, вывернуться наизнанку». Это фактъ, «какъ бы кто ни судилъ о значеніи субъективной точки зрѣнія въ исторіи». «Поэтому,—говоря словами Михайловскаго,—въ дѣлѣ наукъ нравственныхъ и политическихъ весьма важно знать, чѣмъ живетъ душа того или другого дѣятеля, направленіе его симпатій и антипатій получаетъ съ этой точки зрѣнія особенную важность... Приходится поневолѣ съ нимъ считаться, а не отрицать его, какъ приходится принимать въ соображеніе, а не отрицать предвзятое мнѣніе вообще».

Въ области познанія соціологическаго, а также при воспро-

¹⁾ См. «Что такое прогрессъ», т. I, стр. 113, 114. Цит. въ дальнѣйшемъ см. т. III, стр. 10.

изведеніи исторической дѣйствительности, процессъ комбинаціи предвзятаго мнѣнія, съ поправками, которыя въ него неизбежно вносятъ новыя данныя опыта или наблюденія, чрезвычайно сложенъ и съ трудомъ разлагается на свои составные элементы. Мы увидимъ въ свое время, что нужно для правильного проведенія такого анализа. Но въ области болѣе простыхъ формъ и способовъ нашего познанія тотъ же самый процессъ выясняется въ чрезвычайно рѣзкихъ и осязаемыхъ формахъ.

По словамъ Михайловскаго, «человѣкъ всегда приступаетъ къ изслѣдованію съ предвзятымъ мнѣніемъ» — правильнымъ или неправильнымъ, но всегда имѣющимъ на лицо, «и смотря по качеству послѣдняго доходить то до гениальнаго открытія, то до невообразимой нелѣпости»¹⁾.

Спенсеръ рассказываетъ, какъ въ молодости онъ, подобно всѣмъ вообще людямъ, не умѣлъ различать разныхъ цвѣтотѣни отъ предметовъ, довѣряя глазу, что тѣнь всегда черная, и только впоследствии, путемъ разныхъ обстоятельствъ, онъ убѣдился въ наличности цвѣтовыхъ тѣней. Спенсеръ считаетъ это примѣромъ заблужденія отъ *отсутствія* предвзятаго мнѣнія, — впоследствии у него составилось правильное понятіе о цвѣтовыхъ тѣняхъ, и онъ тогда видѣлъ ясно оттѣнки, раньше недоступныя для его глаза. «До тѣхъ поръ, пока онъ не узналъ изъ теоріи, что такъ должно быть, и приступалъ къ наблюденію безъ всякаго предвзятаго мнѣнія, онъ не замѣчалъ подобныхъ явленій».

Но Михайловскій остроумно замѣчаетъ, что, наоборотъ, у молодого Спенсера и раньше было предвзятое мнѣніе, только невѣрное. Онъ думалъ, что всѣ тѣни черныя, хотя и не сознавалъ, что такъ думаетъ. «Онъ, слѣдовательно, приступалъ къ наблюденію все-таки съ предвзятымъ мнѣніемъ, а не безъ него». Точно также впоследствии, научившись уже ясно различать цвѣтотѣни, онъ освободился не отъ предвзятаго мнѣнія вообще, а только отъ неправильнаго предвзятаго мнѣнія. Обогащенное новыми фактами и соображеніями, оно превратилось сначала въ болѣе или менѣе обоснованную гипотезу, а затѣмъ эта гипотеза, вновь научно проверенная, сдѣлалась общепринятымъ и при современномъ положеніи на-

¹⁾ См. «Что такое прогрессъ» т. I., 12. Слѣдующій примѣръ со Спенсеромъ отсюда же.

шихъ знаній общеобязательнымъ ученіемъ о цвѣтовыхъ тѣняхъ.

Съ такимъ т. е. правильнымъ предвзятымъ мнѣніемъ, постепенно сложившимся въ теорію, Спенсеръ и дѣлалъ дальнѣйшія свои наблюденія надъ тѣнями, откуда, а равно изъ ряда другихъ подобныхъ фактовъ, Михайловскій и приходитъ къ выводу о неизбѣжномъ присутствіи предвзятаго мнѣнія, понимая это выраженіе въ широкомъ смыслѣ, при всякомъ наблюденіи и изслѣдованіи. Или, какъ онъ выражаетъ ту же мысль, пользуясь философскими терминами, — «всякое наблюденіе и всякій психическій процессъ состоитъ неизбѣжно въ совокупномъ дѣйствіи перцепціи и апперцепціи и вторженіе последней совершенно можетъ извратить свидѣтельство чувствъ» ¹⁾.

Можно сказать, такимъ образомъ, что *чистаго*, независимаго отъ «прежде накопленныхъ опытовъ и наблюденій», познанія не существуетъ. «Сътовать на это нечего — по мнѣнію Михайловскаго — во-первыхъ, уже потому, что это неизбѣжно, а во-вторыхъ, потому, что если предвзятое мнѣніе ведетъ весьма часто къ неполнымъ и ошибочнымъ заключеніямъ и наблюденіямъ, то имъ же обуславливается и дальнѣйшее

¹⁾ См. т. I. «Что такое прогрессъ», стр. 111—115 и 118. Ср. тамъ же стр. 117, 118. Ср. также «Зап. проф.» т. III стр. 364—370. Апперцепція соотвѣтствуетъ предвзятому мнѣнію, перцепція — непосредственное воспріятіе. О роли апперцепціи въ познаніи см. гл. I. ст. «Субъективный методъ въ социологіи» въ книгѣ «Философскіе и социологическіе этюды» В. М. Чернова. Между прочимъ, В. М. Черновъ приводитъ выраженіе Авенаріуса: «мыслить — значитъ апперципировать» (прим. на стр. 163) Поясненіемъ этой мысли Авенаріуса могутъ служить слѣдующія слова Михайловскаго: «При всякомъ чувственномъ воспріятіи, въ нашемъ сознаніи особенно отчетливо поднимаются тѣ предыдущія впечатлѣнія, которыя имѣютъ съ даннымъ воспріятіемъ какое либо сходство. Воображеніе и память комбинируютъ воспріятія съ соотвѣтственными сторонами нашего, уже установившагося эмпирическаго содержанія, и эта новая комбинація немедленно входитъ, какъ одинъ изъ элементовъ, въ психическое содержаніе». Если апперцепція соотвѣтствуетъ истинѣ, то она не мѣшаетъ правильному ходу мысли, если, наоборотъ, она ложна, то «вторженіе ея можетъ совершенно извратить свидѣтельство чувствъ»: «наблюдатель вслѣдствіе этого видитъ то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, не видитъ того, что встрѣчается на каждомъ шагу, придаетъ важное значеніе самымъ бѣднымъ доводамъ и не убѣждается таблицей умноженія». (См. «Что такое прогрессъ», т. I, стр. 116, 117).

движеніе науки впередъ. Отказаться отъ предвзятаго мнѣнія, значитъ, отказаться отъ всего своего умственного и нравственнаго капитала, что и не возможно и было бы невыгодно»¹⁾).

Одной изъ основныхъ задачъ нашего познанія будетъ потому не простое огульное игнорированіе апперценціи или предвзятаго мнѣнія, а опредѣленіе условій, при которыхъ нейтрализуются всѣ ея невыгодныя стороны, въ каждомъ данномъ случаѣ обусловленныя неудачнымъ сочетаніемъ эмпирическихъ элементовъ опыта и наблюденія. Познаніе, фактически проникнутое инородными элементами, мы должны сдѣлать *чистымъ*, т. е. общеобязательнымъ для каждаго, въ условіяхъ человѣческой природы нормальнаго, мыслящаго существа. Но какъ этого достигнуть?

Прямой отвѣтъ на это находится у Михайловскаго въ первыхъ же главахъ ст. «Что такое прогрессъ», гдѣ сказано (см. стр. 13): «предвзятое мнѣніе обуславливается двумя элементами: во-первыхъ, запасомъ предыдущаго, безсознательно или сознательно пріобрѣтеннаго опыта, и, во-вторыхъ, высотой нравственнаго уровня изслѣдователя. И если этотъ нравственный уровень достаточно высокъ, а предварительная умственная работа была достаточно сильна, то нѣтъ причины опасаться за состоятельность предвзятаго мнѣнія».

Достаточно, значитъ, двухъ чрезвычайно простыхъ условій, чтобы вполне обезпечить правильность научныхъ заключеній и чистоту предшествующаго имъ опыта. Нужно быть лично добросовѣстнымъ человѣкомъ, ибо, какъ яснѣ само собой, — «человѣкъ лѣнивый, человѣкъ недостаточно энергичный для сопротивленія голосу рутины и толпы, человѣкъ, безсовѣстно умолакающій передъ предрасудками свѣлыхъ міра сего, настолько тщеславный, что желаетъ популяричить во что бы то ни стало — истины послѣ себя въ наслѣдство не оставитъ» (см. т. IV°, стр. 389). — И нужно, кромѣ того, обладать надлежащимъ запасомъ соотвѣтствующихъ фактовъ, обязательныхъ для каждаго изслѣдователя.

Такъ, дѣйствительно, в ставить вопросъ Михайловскій, но не только такъ, не для всѣхъ областей знанія онъ ставитъ его такимъ образомъ, а только для *естествознанія*,

¹⁾ См. «Что такое прогрессъ», стр. 14—15. Ср. «Послѣдн. Сочин.» т. I, стр. 474.

т. е. для науки о мертвой природѣ. Кромѣ запаса необходимыхъ фактовъ, «во всей обширной области науки о мертвой природѣ изслѣдователю могутъ быть предъявлены только элементарныя требованія личной нравственности»¹⁾, говоритъ онъ. Субъективныя разногласія, разумѣется, и тутъ будутъ имѣть мѣсто, но эти разногласія сравнительно легко устранимы путемъ простого роста знаній, одинаково доступныхъ каждому изслѣдователю, какъ, на примѣръ, легко сдѣлать доступными для всѣхъ геометрическія аксіомы. «Здравыя понятія о зависимости естественныхъ фактовъ» — вотъ, собственно говоря, что нужно естествоиспытателю въ качествѣ гарантіи отъ неправильныхъ выводовъ въ угоду той или другой предвзятой мысли.

Такъ рѣшается вопросъ о предвзятомъ мнѣніи въ области естествознанія. Не такъ, однако, просто онъ рѣшается и въ области познанія социологическаго? Достаточно ли тутъ «здравыхъ понятій» и личной добросовѣстности, какъ гарантіи правильности выводовъ? Михайловскій отвѣчаетъ на это рѣзко отрицательнымъ образомъ. «Есть сферы знанія, гдѣ мало этой личной нравственности, гдѣ *требуется еще нравственность, такъ сказать, политическая, опредѣляющаяся уровнемъ общественнаго идеала чловѣка*. Можно быть лично прекраснымъ чловѣкомъ и, въ то же время, бессознательно фальсифицировать науку въ угоду интересамъ ничтожной горсти людей»²⁾.

У Маколея и социалиста могутъ быть одинаково «здравыя понятія» о зависимости историческихъ фактовъ, оба они могутъ быть одинаково добросовѣстными людьми, но придадутъ ли они одинъ видъ исторіи Англій? Познаніе общественныхъ явле-

¹⁾ См. т. IV, стр. 389. Слѣдующая цитата изъ «Что такое прогрессъ» стр. 14.

²⁾ См. т. IV, стр. 389. «У одного Маркса читатель найдетъ цѣлую гору фактовъ и безсознательнаго и злостнаго извращенія экономической науки въ угоду низменнымъ политическимъ идеаламъ», — говоритъ Михайловскій. (См. т. IV, стр. 389 «Письма о правдѣ и неправдѣ»). Ср. тамъ же указаніе на то, что во всѣхъ областяхъ знанія, соприкасающихся съ обществовѣдѣніемъ, «можно найти среди крупнѣйшихъ представителей науки яркіе образцы вліянія низкаго уровня общественныхъ идеаловъ, а, соотвѣтственно этому, и шмыганье мимо истины, при большихъ дарованіяхъ и большомъ трудолюбіи».

ней есть не то же самое, что изучение математических аксіомъ. Соціологія имѣетъ дѣло съ субъективными разногласіями, какъ и всякая другая наука, но эти субъективныя разногласія особаго рода. «За вычетомъ нѣкоторыхъ блистательныхъ исключеній, въ общемъ нравственныя и политическія науки необходимо отражаютъ въ себѣ практическую жизнь съ ея шероховатостями»¹⁾, и объективный характеръ истинъ, низшихъ по сравненію съ соціологіей наукъ, объясняется только ихъ независимостью по отношенію къ этимъ «шероховатостямъ».

«Если бы геометрическія аксіомы задѣвали человѣческіе интересы, то и онѣ вѣчно бы оспаривались», — цитируетъ по этому случаю Михайловскій слова Гоббза. То же самое и съ естествознаніемъ. «Истины естествознанія или вовсе не затрагиваютъ чьихъ бы то ни было непосредственныхъ интересовъ, за которые обыкновенно человѣкъ держится крѣпче всего, или же онѣ могутъ получить немедленное практическое приложеніе»: въ обоихъ этихъ случаяхъ «сплоченное большинство» относится къ нимъ сочувственно или, по меньшей мѣрѣ, «безразлично, — оставляя астрономамъ доказывать, что земля обращается вокругъ солнца». И наоборотъ, когда они «задѣваютъ человѣческіе интересы», они «вѣчно оспариваются».

«Вотъ почему — по словамъ Михайловскаго — Контъ былъ правъ, утверждая въ своемъ курсѣ философіи, что только тѣ могутъ заниматься соціологіей, чей нравственный уровень достаточно высокъ, хотя съ общей тогдашней точки зрѣнія Конта условіе это отнюдь не могло считаться необходимымъ. Но случайно прорвавшееся у Конта положеніе не подлежитъ никакому сомнѣнію». («Что такое прогрессъ», I, 134). А отсюда «еще одно изъ различій между наукою о природѣ и наукою объ обществѣ. Для безпрепятственнаго развитія первой совершенно достаточно послѣдовательнаго усвоенія истинъ

¹⁾ См. «Что так. прогр.» стр. 141. Ср. изъ «Писемъ къ учен. людямъ» слѣдующее обращеніе къ проф. Цитовичу (рѣчь идетъ о политической экономіи): «неустановленность вашей науки зависятъ, между прочимъ, въ значительной степени отъ того, что она соприкасается съ самыми непосредственными житейскими интересами. Теоретическіе и практическіе экономическіе вопросы такъ тѣсно связавы, что разогнать ихъ въ разныя стороны представляется часто дѣломъ очень мудренымъ. И вотъ почему не только положенія, но и самыя термы экономической науки скользки и увертливы, какъ угри». См. т. 4-й, стр. 591.

въ порядкѣ возрастанія сложности явленій. Соціологіи же мы никогда не будемъ имѣть, если борьба интересовъ не расчиститъ для нея почвы, сгладивъ общественныя дифференцірованія»¹⁾).

И въ итогѣ, отвѣтивъ отрицательно на вопросъ, достаточно ли для соціолога личной нравственности, мѣсто которой занимаетъ здѣсь нравственность общественная, Михайловскій вмѣстѣ съ тѣмъ самое достиженіе научной истины въ соціологіи поставилъ въ зависимость, при прочихъ равныхъ условіяхъ, конечно, ибо «самъ по себѣ нравственный уровень соціолога ничего еще не гарантируетъ»,—отъ высоты его общественного идеала. *«Предвзятое мнѣніе соціолога должно отразить въ себѣ его идеалъ справедливости и нравственности, и смотря по высотъ этого идеала, онъ болѣе или менѣе приблизится къ пониманію смысла явленій общественной жизни»...*

Собственно пзъ всего сказаннаго для насъ достаточно уже ясно, куда должно быть направлено вниманіе соціолога при изученіи вопроса о предвзятомъ мнѣніи въ области «этой великой науки». «Мы не говоримъ о прямыхъ злонамѣренныхъ фальсификаціяхъ—опредѣляетъ Михайловскій по одному частному поводу свою позицію въ этомъ отношеніи...—Онѣ собственно наименѣе опасны и могутъ приводить къ результатамъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, которые ожидаются ихъ творцами. Мы имѣемъ въ виду только добросовѣстные заблужденія» («Лит. зам.», 72 г., I, 805). Есть люди—повторяетъ онъ еще разъ въ ст. «Что такое прогрессъ» (т. I, 135)—«намѣренно извращающіе факты, но есть и такіе, которые извращаютъ ихъ совершенно добросовѣстно, потому что ими руководитъ безъ ихъ вѣдома ложное предвзятое мнѣніе, т. е. —поясняетъ Михайловскій—неудачное и одностороннее сочетаніе личныхъ и сочувственныхъ опытовъ, еще, быть можетъ, закрѣпощенное путемъ наслѣдственной передачи».

Что въ области науки могутъ порой играть большую роль разныя личныя и корыстныя побужденія—это несомнѣнно,

¹⁾ «Что такое прогрессъ», томъ I-ый, стр. 141. Последнее положеніе одно изъ основныхъ у Михайловскаго. Ср. комментаріи, какъ къ нему, такъ и къ предыдущей цитатѣ о Контѣ, въ VI очеркѣ.

но собственно для социолога такіе мотивы отдѣльныхъ лицъ, сами по себѣ почти-что безразличны, потому что они относятся скорѣе къ области морали, чѣмъ социологін. Не они во всякомъ случаѣ съ точки зрѣнія социолога особенно опасны для него. Опасно то, что и помимо ихъ есть обстоятельства, способныя дѣйствовать въ томъ же направленіи и заключающіяся въ общественномъ происхожденіи предвзятаго мнѣнія, этического идеала истины и справедливости, съ которымъ каждый социологъ приступаетъ къ области своей науки.

«Общественное положеніе чловѣка всегда подскажетъ ему рѣшеніе, выгодное если не для него лично, то для той социальной группы, къ которой онъ принадлежитъ».

Вотъ въ чемъ состоитъ весь трагизмъ положенія и вотъ этотъ трагизмъ, а не игра личныхъ и корыстныхъ мотивовъ, дѣйствительно важенъ для социолога, ибо его происхожденіе чисто общественное. Если бы не было этихъ исторически создавшихся «ограниченій» для нашего познанія, то познаніе социологическое ничѣмъ бы не отличалось отъ другихъ формъ научнаго познанія. Теперь же оно кореннымъ образомъ отъ нихъ отличается. Въ социологін предвзятое мнѣніе, въ отличіе отъ другихъ научныхъ дисциплинъ, теряетъ свой рѣзко индивидуальный характеръ, оно сводится къ предвзятому мнѣнію опредѣленныхъ *общественныхъ* слоевъ, — «сословіи, группъ, классовъ, партій», — передъ которыми меркнуть другія различія. Для социологического познанія «просто русскій чловѣкъ, отвлеченный французскій чловѣкъ и т. п. не существуютъ, а есть французскіе, русскіе, нѣмецкіе дворяне, французскіе, русскіе купцы, крестьяне, рабочіе и проч.», которые въ социологическое познаніе входятъ со всѣмъ своимъ эмпирическимъ содержаніемъ, съ опредѣленнымъ идеаломъ истины и справедливости, отъ степени высоты котораго зависятъ степень возможнаго для нихъ приближенія къ правильному пониманію явленій общественной жизни...

Разумѣется, всѣ эти положенія Михайловскаго нуждаются, какъ въ теоретической, такъ и чисто фактической провѣркѣ, для которой въ его сочиненіяхъ есть, впрочемъ, вполне достаточно матеріала. Михайловскій устанавливаетъ прежде всего, въ видѣ руководящаго, слѣдующее общее положеніе, нѣсколько дополняющее его взглядъ на качественно различную роль «психологического а priori» въ разныхъ

областяхъ познанія. «Надо замѣтить—предупреждаетъ онъ— что вторженію политическаго - нравственнаго элемента принадлежитъ не одно обществознаніе, а и соприкасающіяся съ нимъ области, какъ-то: эстетическія теоріи, философскія доктрины, обнимающія все сущее, а слѣдовательно и общество, доктрины біологическія и психологическія, по необходимости отчасти снабжающія своими матеріалами обществознаніе, а отчасти заимствующія ихъ отъ него» (IV, 389).

И насколько это общее положеніе оправдывается на частныхъ фактахъ, показываетъ, по мнѣнію Михайловскаго, исторія въ современной наукѣ, напр., дарвинизма, науки біологической прежде всего, т. е. такой, слѣдовательно, при разработкѣ истинъ которой вносишь безразличенъ тотъ или другой идеалъ истины и справедливости. Несмотря, однако, на последнее «я лично убѣжденъ—заявилъ однажды Михайловскій— что... дарвинизмъ, какъ чисто біологическая доктрина, обязанъ своимъ происхожденіемъ въ значительной степени нравственно-политическому состоянію современной Европы. Пройдутъ какихъ-нибудь два поколѣнія, можетъ быть даже меньше, даже навѣрное меньше, если, конечно, нравственно-политическое состояніе Европы сдѣлаетъ тѣ успѣхи, какихъ можно ожидать, и борьба за существованіе, какъ творческій принципъ, будетъ едана въ архивъ»¹⁾...

Это было сказано Михайловскимъ относительно будущихъ судьбъ дарвинизма, но совершенно аналогично онъ опредѣлялъ и въ прошломъ общественное происхожденіе теоріи Дарвина. Дарвинъ для него былъ, какъ мы знаемъ, «гениальнымъ буржуа—натуралистомъ», на познаніи котораго такъ сильно сказалось давленіе извѣстныхъ формъ кооперации. «Самъ дарвинизмъ могъ явиться только въ наше время—писалъ Михайловскій въ статьѣ «Борьба за индивидуальность»— не потому только, что для такой группировки біологическихъ явленій не доставало донинѣ матеріаловъ (что даже не совсемъ вѣрно), а главнымъ образомъ потому, что наше время есть время вящаго торжества въ обществѣ дарвиновыхъ

¹⁾ См. гл. XX «Зап. проф.», Т. III, стр. 773—774. Мѣсто это по своему ожиданію близкаго («пройдутъ какихъ-нибудь два поколѣнія, можетъ быть даже меньше») возрожденія Европы чрезвычайно характерно для публицистики Михайловскаго.

принциповъ борьбы за существованіе, расхожденія признаковъ и приспособленія» (I, 536). «Теорія пассивно-механическаго подбора приспособленныхъ и переживанія въ лютой борьбѣ за существованіе лучшихъ, высшихъ организмовъ — есть прямое отраженіе и какъ бы принципиальное оправданіе той бѣшеней общественной конкуренціи, въ которой развитіе крупной промышленности играетъ столь видную роль»¹⁾.

И не одна только теорія Дарвина оказалась въ такомъ положеніи. Общественныя отношенія въ Зап. Европѣ такъ сложились, что выдвинули на первый планъ буржуазію, которая съ 1789 года сдѣлалась традиціонной носителницей прогресса и хотя буржуазія въ теченіе XIX вѣка становилась въ постоянные конфликты съ требованіями этого прогресса, тѣмъ не менѣе формы коопераціи, созданныя ею, нашли себѣ многочисленныхъ защитниковъ во всѣхъ областяхъ знанія. «Цѣлыя новыя отрасли науки, каковы политическая экономія и конституціонное право, возникли подъ ея непосредственнымъ давленіемъ и эксплуатировались въ ея интересахъ. Философія, точныя науки, поэзія такъ или иначе служили интересамъ буржуазіи, расшатывая тѣ общественныя силы, съ которыми ей приходилось бороться, и проповѣдуя новыя начала, близкія уму, сердцу и карману буржуазіи. О текущей политической печати и говорить нечего»²⁾.

Буржуазія была хозяйномъ положенія. Ей служилъ не одинъ Дарвинъ, даже изъ людей, стоящихъ въ числѣ общепризнанныхъ научныхъ вершинъ. Дарвинъ создалъ гениальную буржуазную теорію, но вотъ рядомъ съ нимъ стоитъ Бобль, «философско-историческая точка зрѣнія» котораго, подобно Дарвиновой, «есть точка зрѣнія умнаго, ученаго, либеральнаго англійскаго купца. Эту точку зрѣнія онъ проводитъ во всемъ своемъ знаменитомъ сочиненіи весьма послѣдовательно, но за предѣлами ея не видитъ почти ничего».

Одна изъ первыхъ системъ морали, утилитарная система

¹⁾ См. т. I, «Отгл.», стр. 279. Полемика съ г. Туганъ-Барановскимъ (1896 годъ). Лучше всего то, что г. Туганъ-Барановскій, одинъ изъ лидеров тогдашняго марксизма, усваивалъ Михайловскому мысль о полной независимости Дарвина отъ соціальной среды. Ср. по этому поводу у Михайловскаго стр. 343 того же тома «Отглаговъ».

²⁾ См. въ V т. «Сочин.» Михайловскаго, стр. 539, «Записки со-временника». 1881—1882 гг.

Бентама, вошла въ то же русло, «проповѣдую новыя начала, близкія уму и сердцу буржуазіи». «Бентамъ, въ концѣ концовъ, несмотря на разныя свои бутады, есть защитникъ и апологетъ такъ называемой системы «свободы и порядка», полнѣе всего осуществившейся въ нѣкоторыхъ сторонахъ англійской жизни, но въ той или другой формѣ, давно и въ разныхъ странахъ бременящей землю. Въ системѣ этой нѣтъ, собственно говоря, ни свободы, ни порядка, но уже такъ принято ее называть, отчасти въ проницескомъ даже смыслѣ... Марксъ очень вѣрно замѣчаетъ, что Бентамъ подставилъ въ своей теоріи вмѣсто человѣческой природы природу современнаго англійскаго буржуа».

Творцы и законодатели мысли въ біологіи, философіи, исторіи и морали оказались такимъ образомъ подъ давленіемъ однѣхъ формъ коопераціи ¹⁾. Данныя формы коопераціи не только заставляли служить своимъ интересамъ научную мысль человѣчества, онѣ вдобавокъ ломали и коверкали ее, подсказывая усердіе не по разуму. Въ «Зап. проф.» Михайловскій цитируетъ одну статью Бэна, въ которой Бэнъ занять «отмщеніемъ преступникамъ» путемъ замѣны тѣлесныхъ наказаній и тяжелой работы *прямыми ударами по нервамъ* электрическимъ токомъ.

¹⁾ См. о Боклѣ въ т. I стр. 914 «Литер. зам.» 1873 г. О Бентамѣ т. IV, стр. 457 «Письма о правдѣ и неправдѣ» (январь 1878 г.). Ср. ст. «Утопія Ренана» и т. д. въ III т. «Утопію Ренана» Михайловскій называетъ «мечтой буржуазной». Дальнѣйшія цитаты см. о Бэнѣ «Зап. проф.» гл. I, т. III, стр. 288. О Штраусѣ т. IV, стр. 48 и въ «Послѣдн. Соч.» т. II, стр. 7. О Спенсерѣ и біологахъ см. т. I, стр. 803 «Литер. зам.» 1872 г. Ср. съ этимъ мѣсто о Рихелье, томъ III, стр. 27—28; о Фидіи и рабствѣ, т. III, стр. 487—488; еще о томъ же, т. II, стр. 610; о Прудонѣ и французскомъ крестьянствѣ, гл. XVII «Зап. проф.», т. III; объ Иванѣ Аксаковѣ, т. V, стр. 509; о Луи-Бланѣ, т. III, стр. 12—13; о Декартѣ, гл. V, статьи «Философія исторіи Луи-Блана»; о Гегелѣ, стр. 778, т. VII. Ср. также мѣста о Пушкинѣ, Кавурѣ, Бисмаркѣ и Лютерѣ, приведенныя выше у насъ на стр. 235—236, 238. Кромѣ того ср. общія характеристики Льва Толстого въ VII, X и XI гл. «Зап. проф.» и Іоанна Грознаго въ VI томѣ. Сюда же можно отнести все, что Михайловскій говоритъ о соціальной подкладкѣ религіозныхъ и др. тому подсистемъ. Напр. см. статьи: «Новый историкъ еврейскаго народа», т. III, вторую половину «Вольницы и подвижниковъ»; всѣ статьи о «Герояхъ и толпѣ» и пр. Въ цѣломъ всѣ приведенныя примѣры вполнѣ убѣждаютъ, какой басней являются марксистскія увѣренія, что Михайловскій не понималъ зависимости личности отъ группы.

«Бэнъ одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей современной науки, человекъ, не даромъ стяжавшій европейскую извѣстность, — комментируетъ все это Михайловскій, — живетъ въ данномъ обществѣ, въ данной формѣ коопераціи, въ числѣ учрежденій которой фигурируетъ тѣлесное наказаніе, каторжныя работы и смертная казнь для внутреннихъ враговъ этой общественной формы. Эта общественная форма могла бы, въ лицѣ своихъ официальныхъ представителей, предложить конкурсъ на составленіе проекта замѣны означенныхъ учрежденій, существующихъ уже очень давно и нѣсколько обветшалыхъ, болѣе цѣлесобразными. Но Бэнъ, не дожидаясь объявленія о такомъ конкурсѣ, безкорыстно спѣшить предложить услуги науки. Правда, онъ нѣсколько пересаливаетъ въ своемъ усердіи».

Рядомъ съ прямыми ударами по нервамъ буржуазія искала и нѣкоторой высшей санкціи для «данной формы коопераціи» и находила ее. Штраусъ далъ ей новую религію, а Спенсеръ и біологи — новую социальную теорію, теорію общественного организма, освящающаго *statu quo*. «Книга Штрауса по справедливости можетъ быть названа выраженіемъ мнѣній весьма и весьма значительной части представителей имущихъ и образованныхъ классовъ въ Германіи», такъ какъ въ ней «содержатся не только знанія, а дѣйствительныя вѣрованія современнаго нѣмецкаго буржуа». Что же касается теорій общественного организма, то отношеніе къ ея авторамъ цѣлкомъ сказалось у Михайловскаго въ слѣдующихъ словахъ: «Всѣ эти господа социологи и біологи, говоря языкомъ аналогическаго метода принадлежатъ къ вершинѣ общественной пирамиды. Вотъ и все».

Какой же выводъ изъ этихъ фактовъ мы должны сдѣлать для поставленнаго выше вопроса (см. стр. 292) объ одномъ изъ основныхъ положеній субъективнаго метода? Но намъ даже нѣтъ собственно нужды дѣлать здѣсь обобщенія, ибо они уже даны Михайловскимъ въ его теоріи простой и сложной коопераціи, иллюстраціей къ которой являются всѣ приведенные факты. Намъ нужно только напомнить, къ чему тамъ пришелъ Михайловскій. Въ области социологіи «субъективныя разногласія — напоминаетъ онъ намъ — сообщеніемъ свѣдѣній не устраняются, потому что и порождаются они различіемъ не въ количествѣ знаній, а различіемъ симпатій и антипатій, различіемъ об-

цественныхъ положеній, препятствующимъ людямъ представлять себѣ чужія мысли и чувства въ формѣ собственныхъ¹⁾.

Данное эмпирическое содержаніе нашего «я» обусловлено опытомъ, наблюдениемъ и *кооперацией*. Неудачное или удачное сочетаніе личныхъ и сочувственныхъ опытовъ вслѣдствіе этого зависитъ отъ той *кооперации по сходству*, въ средѣ которой нами получается матеріалъ для наблюденія. Сочувственный опытъ въ частности имѣетъ полное и широкое примѣненіе въ средѣ каждаго изъ общественныхъ слоевъ націи, составляющихъ сложную кооперацию, примѣняясь *внутри* этихъ слоевъ и, наоборотъ, для каждаго представителя даннаго слоя, взятаго отдѣльно (простая кооперация) утрачивается при этомъ возможность поставить себя въ положеніе представителей другого слоя. Таковы рамки, а вмѣстѣ съ тѣмъ причины, вслѣдствіе которыхъ не для каждаго изслѣдователя возможна провѣрка всякаго чужого изслѣдованія—провѣрка эта вполне возможна только въ рамкахъ одной *кооперации по сходству*.

Дарвинъ, Бокль, Бентамъ, Спенсеръ, Бэнъ, Штраусъ принадлежать къ одной кооперации, поэтому имъ было легко

¹⁾ См. т. III, стр. 404, гл. V, «Зап. проф.» Ср. продолженіе этой цитаты: «Разногласіе субъективныхъ заключеній представляетъ весьма важное неудобство. Неудобство это, однако, для социологіи неизбѣжно, борьба съ нимъ лицомъ къ лицу, въ открытомъ полѣ, для науки не возможна. Не въ ея власти сообщить изслѣдователю тѣ или другія социологическія понятія, такъ какъ они образуются *всею его обстановкою*». Курсивы принадлежатъ Михайловскому, но они слѣданы нѣтъ не въ «Зап. проф.», а въ т. I, «Послѣдн. соч.» 463—464, гдѣ онъ цитируетъ эти слова изъ «Зап. проф.». Михайловскій, считаетъ это мѣсто *основной* аргументаціей въ защиту субъективнаго метода съ его «регулированіемъ психологическаго аргіогі». См. статью «Страшенъ сонъ» и т. д. въ «Русс. Мысли» 1889 г. № 5 и въ «Послѣдн. соч.» т. I, статью о книгѣ г. Бердяева (стр. 463—464), гдѣ Михайловскій указываетъ на такое именно значеніе этихъ словъ. Ср. у г. Ранскаго стр. 20—22 и у г. Бердяева стр. 43. Тотъ и другой авторы оказались совершенно не въ состояніи понять, какое значеніе имѣетъ у Михайловскаго чисто общественное происхожденіе субъективныхъ разногласій въ области социологіи для теоріи субъективнаго метода, между тѣмъ вопросъ этотъ былъ вполне исчерпывающе освѣщенъ Михайловскимъ еще въ статьѣ «Что такое прогрессъ». Ср. томъ I-ый стр. 139—141; 134—135. Мое дальнѣйшее изложеніе въ текстѣ представляетъ перефразу этихъ мѣстъ.

прийти къ одинаковымъ въ разныхъ областяхъ науки выводамъ. Но возможно, что изслѣдователи, принадлежащіе къ другой по социальному составу «кооперации равныхъ», не примутъ многихъ изъ этихъ выводовъ, руководствуясь, помимо чисто научныхъ, теоретическихъ соображеній, инымъ, чѣмъ у Дарвина, Бокля и Спенсера, эмпирическимъ содержаніемъ, инымъ «идеаломъ истины и справедливости», такъ какъ всѣ эти изслѣдователи, подобно Дарвину, Боклю, Спенсеру, войдутъ въ процессъ своего изслѣдованія со всѣмъ своимъ эмпирическимъ содержаніемъ, а въ немъ будутъ наравнѣ съ прочими этическіе субъективные мотивы желательнаго и нежелательнаго, внѣ которыхъ мы не можемъ мыслить явленій общественной жизни.

Натуралистъ, предвзятое мнѣніе котораго имѣетъ совсѣмъ иной характеръ, можетъ сказать, напримѣръ: желаю изучать геологическіе перевороты, бывшіе на земномъ шарѣ, но не можетъ сказать: желаю, чтобы переворотовъ было столько-то. Такое желаніе, если бъ оно явилось, дико и абсурдно съ его стороны. Но не дико и не абсурдно, если социологъ скажетъ: желаю изучать общественные перевороты, бывшіе въ исторіи человѣчества и не хочу скрывать, что кромѣ жажды познанія, я вношу въ это изслѣдованіе жажду видѣть торжество, а не паденіе идеаловъ справедливости, какъ я ихъ понимаю. Такова природа социологическихъ изслѣдованій, иначе они нигдѣ и никогда не производились.

И не могутъ производиться. Рабъ и рабовладѣлецъ, рабочій и капиталистъ, способны одинаково, въ одномъ и томъ же видѣ представить себѣ смѣну геологическихъ переворотовъ, бывшихъ на земномъ шарѣ. Но до сихъ поръ мы не видали рабочаго,—а человѣчество не первый десятокъ лѣтъ страдаетъ подъ гнетомъ «соціальныхъ контрастовъ»,—который, оставаясь вѣрнымъ своему общественному положенію, представлялъ бы себѣ не геологическіе, а соціальные перевороты такъ же, какъ ихъ представляетъ буржуа. «Буржуазія давно уже лизнула крови» этихъ самыхъ рабочихъ, а великое и героическое въ народѣ, возставшемъ за свои права, оклеветала въ оправданіе своихъ насилій надъ народомъ.

«Предвзятое мнѣніе» капиталиста не обязательно поэтому для рабочаго, также какъ и наоборотъ, низкими силами нельзя заставить капиталиста думать такъ, какъ ду-

мають рабочіе. «Наука не властна надъ моимъ желудкомъ, не властна и надъ моею совѣстью. Если совѣсть моя не возмущается порядкомъ вещей, который обезпечиваетъ мнѣ праздную жизнь и побуждаетъ вести жизнь развратную, то, что бы ни говорила наука о праздной и развратной жизни, мои соціологическія понятія не измѣнятся». «Роль науки слишкомъ велика и почтенна, чтобы слѣдовало бояться указывать предѣлы ея компетенціи». «Она можетъ сообщать знанія, но вліять на измѣненіе понятій можетъ только косвенно и, вообще говоря, въ весьма слабой степени». (т. III, стр. 405).

Отсюда и основная дилемма соціологін, основная ея трудность, благодаря которой до середины XIX вѣка, по крайней мѣрѣ, мы совершенно не имѣли общественной науки. Наука вѣдь *должна* устранить *субъективныя* разногласія, ибо ея задача—установленіе истины *объективной*, разногласія же эти здѣсь неустранимы, они правомѣрны. Нельзя ли сказать, что поэтому установленіе *научной* соціологін невозможно? До такого скептицизма Михайловскій никогда не доходилъ и не могъ дойти ¹⁾. Мы видѣли уже, что, напротивъ, субъективный методъ ставить своей задачей отысканіе объективной соціологической истины, а средствомъ къ этому беретъ систематическое регулированіе нашего «психологическаго аргію». Ни о какомъ скептицизмѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи, но зато не можетъ быть и рѣчи объ умаленіи роли «предвзятаго мнѣнія» въ соціологін. Наоборотъ, этотъ вопросъ, составляющій лишь одну изъ деталей общей теоріи познанія, выросъ у Михайловскаго въ полную глубокаго соціологическаго смысла проблему: «какъ можетъ быть построена соціологія, если огромная доля ея истинъ по своей субъек-

¹⁾ Это не помѣшало г. Струве утверждать когда-то, что субъективный методъ, «додуманный до конца», представляетъ «полнѣйшій скептицизмъ», «устанавлиющій методическіе принципы»,—но, къ сожалѣнію, г. Струве самъ никогда не могъ «додумать до конца» теоріи субъективнаго метода. Очевидно, вопреки его собственнымъ правиламъ, не «вся сила» его «чувства» и не «все могущество» его «воли» были «направлены на одну цѣль—объективное познаніе», иначе бы онъ не говорилъ о посрѣвнн научнаго скептицизма» со стороны Михайловскаго. См. предисловіе г. Струве къ книгѣ г. Бердяева, гдѣ онъ, сидя, какъ Марій на развалинахъ Кароагена, сочиняетъ свои метафизическія проилев. Приведенныя цитаты на XXI и XVII стр.

тивности можетъ быть правомѣрно признана однимъ изслѣдователемъ и отвергнута другимъ»¹⁾).

IV.

Критерій для научной, т. е. объективной социологін, устраняющей произволъ субъективныхъ разногласій, долженъ лежать для Михайловскаго, очевидно, тамъ же, гдѣ лежитъ, по его мнѣнію, критерій истины вообще—въ познаніи нормальнаго, цѣлостнаго, всесторонне развитога человѣка, обладающаго совокупностью *всѣхъ* чертъ, свойственныхъ индивидууму. Но научная социологія, считаясь съ общимъ критеріемъ истины Михайловскаго, должна въ то же время считаться съ его чисто практическими неудобствами и, вслѣдствіе этого, быть можетъ, даже съ иллюзорностью его научнаго, теоретическаго значенія, ибо вѣдь «натуральнаго человѣка» нѣтъ, а есть человѣкъ *общественный*, конкретный, съ опредѣленнымъ эмпирическимъ содержаніемъ, познаніе котораго можетъ рѣзко расходиться съ познаніемъ нормально развитога человѣка, которое въ такомъ случаѣ окажется для насъ недоступнымъ.

Конечно, всякій критерій истины поневолѣ долженъ быть абстрактенъ, по при всей своей абстрактности онъ долженъ быть, въ конкретныхъ приложеніяхъ, свободенъ отъ противорѣчій съ дѣйствительностью, давая опредѣленный масштабъ—*критерій* для познанія. Тогда какъ критерій истины Михайловскаго врядъ ли можетъ дать такой масштабъ. Правда, онъ сводится въ просторѣчій къ болѣе простому и болѣе удобному принципу индивидуализма или личнаго начала, но этотъ принципъ удобенъ только именно для просторѣчія, самъ же по себѣ онъ не менѣе двусмысленъ и практически неопредѣлененъ, чѣмъ нормальный субъектъ познанія въ смыслѣ совокупности *всѣхъ* чертъ, свойственныхъ индивидууму вообще. Напримѣръ, по словамъ Михайловскаго, «первая французская революція съ громомъ и трескомъ провозгласила торжество личнаго начала, во имя котораго были разрушены старыя формы политической и экономической жизни. Но на практикѣ, не личному началу послужилъ переворотъ, а тому третьему сословію, о кото-

¹⁾ См. эти слова въ „Зап. проф.“ т. III, стр. 404.

ромъ Сіѣсъ съ надменностью, доселѣ соблазняющею людей въ родѣ г. Суворина, говорилъ, что оно должно быть «всѣмъ». И вся операція ограничилась замѣною привилегій происхожденія привилегіей богатства, ибо хотя личность отчасти, дѣйствительно, вырвалась изъ сжимавшихъ ее феодально-цеховыхъ тисковъ, но немедленно же попала въ тиски буржуазно-капиталистическіе».

Правда,—какъ говоритъ Михайловскій, все это еще «не доводъ противъ личнаго начала, какъ руководящаго принципа», но тѣмъ не менѣе онъ тутъ же прибавляетъ: «умудренные тяжелымъ историческимъ опытомъ, мы должны, конечно, прежде всего бросить эту надменную иллюзію» ¹⁾. То есть какую? И что же такое этотъ принципъ личнаго начала, выражающій идею свободной и гармонически развитой личности,—критерій истины или же только «надменная иллюзія»?

«Отъ субъективной разнузданности не спасаетъ г. Михайловскаго та біологическая абстракція нормальной личности, которой онъ пытается сдержать свой произволъ» ²⁾, сакраментально замѣчаетъ г. Бердяевъ.

Но разъ Михайловскій самъ такъ рѣшительно сопоставляетъ принципъ личнаго начала съ «надменной иллюзіей», то очевидно онъ прекрасно понимаетъ, какъ трудно оперировать съ «біологической абстракціей нормальной личности», взятой критеріемъ истины. «Для чисто теоретическихъ областей человѣческой дѣятельности этотъ критерій всегда ясенъ и удовлетворителенъ»,—говоритъ онъ.—наоборотъ, въ практическихъ сферахъ «критерій человѣческой личности, благодаря запутанности отношеній, можетъ повести къ большимъ недоразумѣніямъ» ³⁾. Въ нашихъ сложныхъ общественныхъ отношеніяхъ трудно оперировать «непосредственно при помощи личнаго начала», ибо для такой цѣли «это все-таки слишкомъ отвлеченный руководящій принципъ». Слѣдовательно, онъ долженъ быть здѣсь конкретизированъ.

Такова проблема. Весь вопросъ, очевидно, заключается въ томъ, какъ ее разрѣшаетъ Михайловскій, ибо поставлена

¹⁾ См. «Зап. совр.» т. V «Сочин.» стр. 537. Писано въ декабрѣ 1881 г.

²⁾ См. стр. 30 книги г. Бердяева. Подобными замѣчаніями переполнена книга г. Бердяева.

³⁾ См. указанную выше страницу. «Записки современника».

она у него правильно. Для полного ознакомленія съ этой стороной взглядовъ Михайловскаго намъ нужно будетъ сдѣлать еще большой предварительный анализъ (см. очеркъ VI-ой) разныхъ частей его социологической теоріи, который въ значительной степени еще вперед.—но и то, что мы знаемъ, уже можетъ дать чрезвычайно цѣнныя указанія. А знаемъ мы между прочимъ слѣдующее.

Противорѣчіе между цѣлостнымъ, всесторонне развитымъ индивидуумомъ, познаніе котораго является критеріемъ истины, и даннымъ, конкретнымъ эмпирическимъ человѣкомъ, реальнымъ носителемъ этой самой истины, познаніе котораго тѣмъ не менѣе субъективно,—намъ уже до извѣстной степени знакомо, хотя въ нѣсколько иной формѣ. Оно намъ знакомо именно въ формѣ требованія высокаго нравственнаго уровня отъ социолога, какъ гарантіи объективности его познанія. Чѣмъ выше этотъ уровень, тѣмъ ближе социологъ къ возможности схватить смыслъ явленій общественной жизни. Но вѣдь идеаль истины и справедливости точно также, какъ всесторонне развитой индивидуумъ, въ качествѣ носителя *всѣхъ* чертъ свойственныхъ человѣку—абстрактенъ. Идеаль—это есть пѣкоторое условное *отвлеченіе* опредѣленныхъ формъ дѣйствительной жизни, взятыхъ въ самопроизвольныхъ, въ дѣйствительной жизни не существующихъ комбинаціяхъ,—а отвлекать это и значить абстрагировать. Какъ выйти изъ этого затрудненія, рѣшить, однако, не трудно. «Справедливость—говоритъ Михайловскій—есть терминъ въ обиходномъ употребленіи довольно двусмысленный и даже многосмысленный, получающій значеніе только по той реальной подкладкѣ, которая подъ него кладется каждымъ вѣкомъ, каждымъ народомъ и каждымъ сословіемъ» («Что такое прогр.», I, 28).

Идеаль абстрактенъ, но онъ можетъ быть конкретизированъ сообразно «той реальной подкладкѣ, которая подъ него кладется каждымъ вѣкомъ», народомъ, сословіемъ. И напротивъ,—по данной «реальной подкладкѣ» мы можемъ судить, каковъ долженъ быть во всякомъ любомъ случаѣ идеаль истины и справедливости. Мы находимъ, такимъ образомъ, путь къ конкретизаціи извѣстныхъ отвлеченныхъ положеній. Но развѣ мы не можемъ найти такой же путь и для нашего критерія познанія? Мы нашли, что понятіе всесторонне развитого индивидуума есть понятіе абстрактное, съ нимъ трудно опериро-

вать въ нашихъ сложныхъ общественныхъ отношеніяхъ. Чѣмъ же его можно замѣнить, не нарушая его пріоритета? И можно ли произвести такую замѣну?—Безусловно можно. Развѣ не можетъ познаніе всесторонне развитого индивидуума, т. е. познаніе объективное, имѣть свою «реальную подкладку». Представимъ себѣ, что познаніе объективное совпадаетъ съ познаніемъ того или другого конкретнаго, исторически даннаго человека. Въ такомъ случаѣ и наоборотъ, — развѣ познаніе такого конкретнаго человека или группы лицъ не будетъ столь же объективнымъ, какъ и познаніе, удовлетворяющее критерию истины. Если же такъ, то и абстрактный идеаль всесторонне развитого недѣлимаго конкретизируется въ извѣстныхъ формахъ, которыя и будутъ практически руководящимъ принципомъ, оставаясь въ то же время воплощеніемъ личнаго начала.

Это одинъ нашъ выводъ. Рядомъ съ намъ стоитъ еще слѣдующее. Намъ нужно познать истину, преодолевъ извѣстныя трудности, лежавшія на пути къ этому въ видѣ *правомѣрныхъ* для даннаго момента субъективныхъ разногласій. Очевидно, тутъ двѣ проблемы. Во-первыхъ, нужно найти такую совокупность пріемовъ научнаго познанія, которые обеспечивали бы теперь же нахожденіе истины. Отысканіе такихъ пріемовъ относится къ методологій общественной науки, но рядомъ съ этой стоитъ другая взаимно съ ней связанная задача. Субъективныя разногласія, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, создаются опредѣленными общественными условіями, значить, могло быть такое время, когда такихъ субъективныхъ разногласій не было, — ибо эти опредѣленные общественныя условія въ теченіе міровой жизни человечества не вѣчно существовали въ одномъ и томъ же видѣ, часто мѣняя кореннымъ образомъ свой характеръ. Затѣмъ, по той же причинѣ могутъ быть такія общественныя условія, когда субъективныя разногласія, мѣшавшія до сихъ поръ созданію соціальной науки, исчезнутъ. Поэтому рядомъ съ отысканіемъ той совокупности пріемовъ познанія, которая теперь уже обеспечиваетъ обладаніе объективной истиной, Михайловскій ставитъ соціологій еще одну изъ задачъ, состоящую *«въ опредѣленіи условій, при которыхъ субъективныя разногласія исчезаютъ. Соціологія должна начать, говорить Михайловскій, съ нѣкоторой утопіи»* («Зап. проф.», том. III, 404).

Почему однако она должна *начать* съ нѣкоторой утопiи? Потому что эта утопiя подводитъ насъ къ самому не-точнѣму понятiю, что такое объективная, общеобязательная истина, уничтожающая всякую возможность субъективно-правомѣрныхъ разногласiй. Ходъ мысли Михайловскаго тутъ таковъ...

Изъ анализа его взглядовъ на границы познанiя мы знаемъ уже, что двоякаго рода ограниченiя наложены на наше познанiе,—одни обусловлены рамками человѣческой природы вообще и эти ограниченiя для насъ безусловны, истина въ ихъ границахъ абсолютна для человѣка; другiя же созданы историческимъ ходомъ вещей—это тѣ самыя, въ границахъ которыхъ истина не безусловна, а субъективна. «Все добытое подъ напоромъ этихъ историческихъ опредѣленiй отстоятъ болѣе или менѣе далеко отъ той полноты правды, какая доступна человѣку; все это, следовательно,—не-правда» ¹⁾. Быть можетъ, въ столь рѣшительной формѣ—*все*, доброе подъ напоромъ этихъ историческихъ опредѣленiй,—такое утвержденiе Михайловскаго не вполне вѣрно, не оправдывается даже логически, но тѣмъ не менѣе слова эти даютъ очень цѣнное указанiе. Человѣкъ, освобожденный отъ историческихъ опредѣленiй, это есть человѣкъ, взятый въ природ-ныхъ ограниченiяхъ, ибо внѣ «историческихъ опредѣленiй» иначе мы не можемъ мыслить человѣка. Раньше его познанiе было ограничено кругозоромъ группы, кооперацiи по сходству, оно было *групповымъ* и *субъективнымъ*. Чѣмъ оно ограничено теперь? Теперь оно, очевидно, ограничено *только* рамками человѣческой природы вообще, совмѣщающей полноту человѣческой жизни. Познанiе теперь не групповое, теперь въ познанiи каждому доступно все, что доступно любому члену человѣческаго рода. И если познанiе групповое было субъективнымъ, то объективнымъ будетъ сознанiе *родовое*, общечеловѣческое. «Истинно то, что признается таковымъ человѣческимъ родомъ или по крайней мѣрѣ большинствомъ его» ²⁾. И такое познанiе обязательно и логически и исто-

¹⁾ См. т. IV, стр. 461; «Письма о правдѣ и неправдѣ».

²⁾ См. это опредѣленiе въ ст. о Вико, т. III, стр. 82 (писано въ ноябрѣ 1872 г.). Ср. съ этимъ слова Фейербаха: «Истинно только то, въ чемъ другой соглашается со мной,—согласiе есть первый признакъ истины, но только потому, что родъ есть послѣднее мѣрило истины».

рически для каждого нормально развитого человеческого существа. Стало бытъ, какъ выводъ отсюда, — объективная, научная соціологія, восторжествовавшая надъ всѣми разногласіями, должна обладать истиной родовой, общечеловѣческой.

Теперь она такой истиной пока въ видѣ общаго правила не обладаетъ. Истины соціологіи теперь вырабатываются подъ вліяніемъ той или иной коопераціи по сродству, а потому онѣ субъективны. Не значить ли это вмѣстѣ съ тѣмъ, что такія субъективныя истины, будучи групповыми, а не родовыми, кромѣ того ложны сами по себѣ, т. е. вовсе даже и не истины? Оставаясь на почвѣ опредѣленій субъективнаго и объективнаго началъ въ соціологіи, вытекающихъ изъ всѣхъ положеній Михайловскаго, мы должны бы отвѣтить на это утвердительно: да, онѣ ложны, потому что истинно только познаніе общечеловѣческое. И этотъ апіорный отвѣтъ подтверждается, по видимому, цѣлымъ рядомъ фактическихъ положеній, намъ уже отчасти извѣстныхъ.

Вѣдь, наиримѣръ, данныя формы коопераціи совершенно извратили нравственное чувство Бэна, одного изъ самыхъ видныхъ представителей современной науки. И развѣ только одного Бэна? Дарвинъ создалъ гениальную теорію происхожденія видовъ, но тотъ же «Дарвинъ и вся фаланга его правовѣрныхъ послѣдователей, въ соціологическихъ приложеніяхъ своей

Если я мыслю только согласно шѣрилу моей индивидуальности, мое мнѣніе не обязательно для другого. онъ можетъ мыслить иначе, мое мнѣніе есть случайное, субъективное. Но я мыслю согласно шѣрилу рода, значить, я мыслю такъ, какъ можетъ мыслить человѣкъ вообще и, слѣдовательно, долженъ мыслить каждый въ отдѣльности, если онъ хочетъ мыслить нормально, закономѣрно и, слѣдовательно, истинно. Истинно то, что согласуется съ сущностью рода: ложно то, что ему противорѣчитъ. Другого закона для истины не существуетъ» («Сущность христіанства изд. „Прометей“ СПб. 1908 г. 140 стр.) Ср. въ „Литерат. восп.“ на стр. 431, т. II, комментарія Михайловскаго къ положенію Ряля: „объективно то, что обязательно для каждого познающаго существа“, повторяющаго въ сущности то же самое опредѣленіе Фейербаха. Ср. также у г. Бердяева замѣчаніе на 20 стр: „Г. Михайловскій *нигдѣ* (курс. мой) не даетъ анализа понятій объективнаго и субъективнаго“. „Чтобы такъ говорить, надо предварительно *вездѣ* искать“, — можно сказать словами Михайловскаго („Литерат. вос.“ т. II., стр. 425) по поводу этого утвержденія г. Бердяева.

борьбы за существованіе «весь бѣлый свѣтъ обращаютъ въ подобіе громаднаго рынка или поля сраженія и возводятъ лавочническій или кулачный принципъ въ перлъ созданія, дѣлаютъ его принципомъ природы».

Бентамъ установилъ основы ученія о морали, но, быть можетъ, его мораль носила бы безконечно болѣе высокій характеръ, если-бъ онъ «въ своей теоріи» не подставилъ «несмотря на всѣ свои бутады», на мѣсто человѣческой природы «природу современнаго англійскаго буржуа».

Далѣе: «Отчего, — спрашиваетъ Михайловскій, — Бокль, который приложилъ къ своему сочиненію списокъ книгъ, послужившихъ ему пособіями, способный привести въ священнѣйшій трепетъ всякаго книгоѣда; Бокль, до такой степени преданный истинѣ, что послѣднею, предсмертною мыслью его было сожалѣніе о томъ, что онъ не кончитъ своей книги», — отчего Бокль, «прошмыгнувъ мимо истины», «утверждая, что роль нравственнаго элемента въ поступательномъ движеніи цивилизаціи ничтожна; отчего онъ не могъ понять, что даже его собственный вкладъ въ сокровищницу цивилизаціи, его книга, о которой онъ думалъ за минуту до предсмертной потери сознанія, есть плодъ нравственнаго стремленія? Оттого, что, — отвѣчаетъ Михайловскій, — *при высокой личной добросовѣстности и преданности дѣлу науки, онъ былъ въ политическомъ смыслѣ чистокровный буржуа*. Тотъ, кто не выносилъ въ своей душѣ политическаго идеала, болѣе широкаго, чѣмъ какому-либо удовольствуется всякій европейскій лавочникъ, не въ состояніи оцѣнить роли нравственнаго элемента, въ исторіи».

Бываетъ и еще хуже. «Возьмемъ, на примѣръ, Геккеля или Спенсера. Это ученѣйшіе люди, вдобавокъ люди, которые въ частностяхъ не прочь щегольнуть демократизмомъ. Но они отстаиваютъ презрѣнную и при томъ ошибочную социальную доктрину (т. е. органическую теорію общества), и ученость ихъ въ этомъ направленіи служитъ только ко вреду общества. Почему они это дѣлаютъ? Потому, что ихъ положеніе въ обществѣ и ихъ обычныя занятія не даютъ имъ нужнаго въ такомъ дѣлѣ нравственнаго чутья. Чѣмъ ученѣе, они тѣмъ хуже, разъ остальные условія остаются не тронутыми»¹⁾.

¹⁾ См. о Дарвинѣ въ «Письмахъ о правдѣ и неправдѣ т. IV, стр. 390; о Боклѣ тамъ же; о Геккелѣ и Спенсерѣ «Литер. зам. 1872 г. т. I, стр. 305.

«Безъ сомнѣнія—объясняетъ этотъ фактъ Михайловскій въ одной изъ главъ «Зап. проф.»—въ новѣйшее время сословія дышать не такимъ спертымъ воздухомъ, какъ древнія касты. Въ особенности это должно сказать о такъ называемомъ третьемъ сословіи въ Европѣ и о средней руки дворянахъ у насъ. Однако, въ большей или меньшей степени они все-таки остаются сословіями. Спрашивается теперь, каково должно быть міросозерданіе человѣка, болѣе или менѣе сдавленнаго гранями сословія? Очевидно, это міросозерданіе будетъ не совсѣмъ правильно, потому что односторонне. Оно можетъ быть даже совсѣмъ исковерканнымъ» (см. т. Ш, стр. 525).

Основываясь на всѣхъ приведенныхъ фактахъ, не въ правѣ ли мы сказать, что въ эмпирически данныхъ элементахъ опыта и наблюденія у соціальныхъ группъ нѣтъ такихъ свойствъ, которыя бы обезпечили, претворившись въ форму относительно высокаго идеала истины и справедливости, нахожденіе теперь же объективныхъ, чисто научныхъ положеній? И что, слѣдовательно, групповыя истины не только субъективны, но и ложны вообще и при всякихъ условіяхъ, а стало быть, наша попытка найти практически ясное выраженіе абстрактному критерию истины Михайловскаго обречена на полную неудачу. И этотъ критерій превращается дѣйствительно въ «надменную иллюзію», тогда какъ онъ долженъ былъ сыграть для построенія научной соціологій роль «архимедовскаго: дайте мнѣ точку въ пространствѣ, и я переверну землю»¹⁾.

Но, разумѣется, для подобныхъ заключеній на самомъ дѣлѣ нѣтъ достаточныхъ основаній. Какова бы ни была теперь общественная роль буржуазіи, но несомнѣнно она въ свое время дала колоссальный толчекъ научному движенію, вообще прогрессу. «Сграшная революція 1879 г., разбившая феодальные гербы, изорвавшая старинные пергаменты, низвергнувшая трою и казнившая короля».—была буржуазной и вмѣстѣ съ тѣмъ Великой революціей. Есть много величія, несмотря на всѣ ея недостатки, и въ той наукѣ, которая связана съ именемъ тѣхъ же Спенсера, Бокля, Дарвина. А затѣмъ развѣ на этой наукѣ свѣтъ канномъ сошелся? Развѣ въ Европѣ уже не

¹⁾ См. т. VI, стр. 300, статья «Политическая экономія и общественная наука».

слагается новой науки, которой никто не рѣшится отказать въ титулъ науки»? «То, что прежде было иногда только неявнымъ стремленіемъ, порывомъ благородныхъ чувствъ, мечтой, обратилось въ предметъ тщательнаго подчасъ педантическаго изслѣдованія законовъ экономической жизни. *Изъ этому привела практика*»¹⁾). И весь ходъ нашего изложенія ясно подсказываетъ, въ чемъ состоитъ эта практика и какую науку имѣетъ въ виду Михайловскій.

Прежняя наука вѣдь тоже выросла на почвѣ определенной «практики». Она выражала интересы третьяго сословія, которое «съ надменностью, до сихъ поръ соблазняющей людей вродѣ г. Суворина», говорило когда-то, что «оно должно быть—всѣмъ». И если эта наука оказалась несостоятельной, то между прочимъ потому, что на практикѣ, служащей конкретнымъ выраженіемъ абстрактныхъ принциповъ,—третье сословіе не могло быть *всѣмъ*. Правда, оно возстало въ 1789 году во имя свободы личности, но эта свобода сказала на дѣлѣ «угнетеніемъ работника». Даже тогда, въ моментъ великой революціи и наивысшаго подъема своихъ силъ, который былъ для нея одновременно подъемомъ моральнымъ, буржуазія «не заговорила *общечеловѣческимъ* языкомъ», къ которому ее обязывала принципъ личнаго начала. И это «потому, что четвертое сословіе еще ждало своей очереди для внесенія своихъ чувствъ на арену исторіи и литературы»²⁾. *Общечеловѣческимъ* языкомъ должно было заговорить *четвертое* сословіе. Вотъ та практика, на почвѣ которой должны получить свое конкретное выраженіе отвлеченные принципы критерія истины Михайловскаго. «Причины успѣха донинѣ господствовавшей экономической науки уже предопредѣляли причины ея паденія. Если успѣхъ этого ученія обуславливался совпаденіемъ его практической подкладки съ духомъ времени, насколько онъ выражался требованіями и интересами буржуазіи, то вѣдь духъ времени постоянно измѣняется. *И дѣйствительно, въ настоящее время интересы и требованія рабочихъ классовъ выдвигаются настолько осязательно, что нельзя не принимать ихъ въ соображеніе*»³⁾.

1) См. «Литерат. зам.» 1874 г. т. II, стр. 572.

2) «Что такое прогрессъ», I, 58.

3) «Политич. экон. и обществ. наука» VI, 293. Всѣ курсивы мои.

Итакъ вотъ выводъ, къ которому пришелъ Н. К. Михайловскій въ результатъ своей теоріи субъективнаго метода. «Пока мистеръ Спенсеръ—формулируетъ онъ этотъ выводъ въ одной изъ главъ «Записк. проф.» на полемикѣ съ объективизмомъ Спенсера, объявляющимъ одинаково разумнымъ все, что «существуетъ»—пока мистеръ Спенсеръ, спдя на вершинѣ пирамиды, презрительно объясняетъ намъ, профанамъ, что нашъ радикализмъ и нашъ консерватизмъ сами по себѣ одинаково нелѣпы, но все-таки одинаково необходимы и полезны; пока онъ въ своемъ стремленіи къ чистой объективной истинѣ приходитъ къ заключенію, что истина ненужна, бесполезна и даже вредна (рѣчь идетъ о книгѣ Спенсера «Объ изученіи социологів»), а заблужденіе напротивъ нужно и полезно,—мы чернь непросвѣщенна и презираема имъ на своихъ плечахъ выносимъ дѣло исторіи, прогресса и—истины... Вы, я, Иванъ, Демьянъ, Кузьма, Ерема—всѣ мы, какъ доказываетъ Спенсеръ, изъ его книжки мало чему научимся (я говорю, —ровно ничему, если не считать кое-какихъ частныхъ), *не отъ него* (курс. подл.), значить, получить міръ истину. Она явится какъ результатъ *соціального развитія, каковое развитіе совершается нами, нашимъ радикализмомъ и консерватизмомъ, нашими надеждами и страхами*, той нелѣпой торопливостью, съ которой мы бросаемся поднимать упавшаго человѣка, тѣми несообразными политическими планами, обсужденіемъ которыхъ мы промежъ себя занимаемся, словомъ, всею тою вѣковою работою жизни, работою профановъ, которую Спенсеръ съ высоты якобы науки оплевываетъ. Зачѣмъ же плевать въ колодезь, на днѣ котораго завѣдомо находится истина. Тоже вѣдь и напитокъ когда-нибудь захочется» (т. III, стр. 375, курс. мой).

То же самое Михайловскій повторяетъ еще разъ и въ тѣхъ же «Записк. проф.»—«Что есть истина? спрашивалъ Платъ и не получилъ отвѣта, пишетъ онъ,—что есть истина? гдѣ критерій истинности нашихъ понятій? спрашиваю я людей науки. Совокупность отвѣтовъ на этотъ вопросъ обнимаетъ, собственно говоря, всю исторію человѣческой мысли, и я, конечно, далеко отъ намѣренія представить здѣсь весь ходъ развитія понятій о критеріи истины. Да это вовсе намъ и не нужно. Я утверждаю, что наука должна служить намъ, профанамъ. Я основываю это требованіе прежде всего на вза-

имности услугъ между людьми науки и профанами. Ученый, отказывающийся исполнять невыраженные заказы профановъ и оплачивать своимъ трудомъ ихъ безчисленныя услуги, тѣмъ самымъ обращается въ тунеядца». Поэтому — заявляетъ Михайловскій, отвѣчая вмѣстѣ съ тѣмъ и на вопросъ о критеріи истины — «мы требуемъ отъ науки служенія намъ, не военному дѣлу, не промышленной организаціи, не цивилизаціи, даже не истинѣ, а именно намъ, профанамъ. Я вижу негодованіе спеціалиста познания, я слышу его грозный протестъ: какъ наука должна погнуться передъ требованіями толпы невѣжественныхъ и неумѣющихъ цѣнить знаніе людей! наука, жрица Истины, должна отвернуться отъ своего божества, сузить свои задачи и угождать и кадить профанамъ! она должна обманываться и обманывать... Но я иду дальше, — не уступаетъ Михайловскій. — Я говорю, что, *только служба намъ, наука можетъ рассчитывать достигнуть истины, такъ что интересы самой науки, если только она действительно хочетъ истины, заставляютъ ее служить намъ*» (т. III, 337, 339, курс. мой).

Служить профанамъ не значитъ, разумѣется, подслуживаться къ ихъ интересамъ. Мы достаточно знаемъ уже изъ всего предыдущаго взгляды Михайловскаго на задачи познания, чтобы заподозривать его въ желаніи потагать чьему-либо предвзятому мнѣнію. «Такимъ образомъ понятая цѣль науки не обязываетъ ее ни гнуться передъ толпой невѣжественныхъ людей, ни отворачиваться отъ истины, ни кадить людямъ, ни обманывать, ни обманываться. Напротивъ цѣль эта, указывая предѣлъ, его же наука по природѣ челоуѣка перейти не можетъ, тѣмъ самымъ *расчищаетъ* путь къ доступной челоуѣку истинѣ. При томъ цѣль состоитъ въ удовлетвореніи именно потребности познания и слѣдовательно отнюдь не требуетъ какихъ-нибудь успокоивающихъ, льстящихъ, но ложныхъ свѣдѣній или обобщеній» (тамъ же, стр. 350, курс. подл.)...

Однако, какъ ни важны послѣднія слова, сейчасъ для насъ представляетъ интересъ не та мысль, которая непосредственно вложена въ нихъ, для насъ важнѣе знать, въ результатѣ какаго хода своей общей теоретической мысли Михайловскій могъ придти ко всѣмъ только что характеризованнымъ выводамъ и въ частности къ заявленію, что только служба профанамъ наука можетъ достигнуть истины. И это

тѣмъ интереснѣе, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ несомнѣнную вариацию такихъ положеній теоретической социологій Михайловскаго, первые зачатки которыхъ мы встрѣчали еще въ анализѣ принциповъ простой и сложной коопераціи, а наиболѣе яркое выраженіе видѣли въ констатированіи *соціального* характера *индивидуализма* Михайловскаго. Тотъ же характеръ его общаго міровоззрѣнія выяснился передъ нами и въ рѣшеніи имъ вопроса объ истинѣ. Что это такъ, не можетъ быть сомнѣній, ибо самое понятіе «профановъ», интересамъ которыхъ должна служить наука, для Михайловскаго равнозначно съ понятіемъ рабочихъ, трудящихся классовъ общества. «Я имѣю въ виду—говоритъ онъ—профановъ... т. е. народъ, не простонародье только и не націю, а именно народъ... *Совокупность трудящихся классовъ общества*» (т. III, 277).

Вотъ какимъ профанамъ должна служить наука, если только она дѣйствительно хочетъ истины. Теорія личности Н. К. Михайловскаго переходитъ слѣдовательно въ признаніе всесторонней и первенствующей роли Труда въ общественной жизни, переходитъ въ классовую точку зрѣнія, и тѣмъ самымъ ставитъ передъ нами, прежде дальнѣйшаго анализа его взглядовъ на построеніе научной социологій, новую задачу болѣе подробнаго разсмотрѣнія этой классовой стороны міровоззрѣнія Н. К. Михайловскаго.

ОЧЕРКЪ ШЕСТОЙ.

Теорія личности Н. К. Михайловскаго и классовая точка зрѣнія.

I.

Н. К. Михайловскій представляетъ въ русской литературѣ наиболѣе выдержанный типъ демократа,—«народника», въ точномъ смыслѣ этого слова. Толпа, масса, народъ—вотъ что постоянно привлекаетъ его вниманіе, какъ въ современной общественной жизни, такъ и въ историческомъ прошломъ человѣчества. И эта черта, усвоенная имъ отъ общаго настроенія эпохи 60—70 гг., съ особенною рѣзкостью сказалась на характерѣ тѣхъ задачъ, которыя онъ ставилъ общественной, въ частности исторической наукѣ.

«Давно уже—по его словамъ—съ конца прошлаго столѣтія раздаются протесты противъ того типа историческихъ писаній, который исключительно и всецѣло занимается войнами, перемпріями и мирами, перемѣнами династій и тому подобными, такъ сказать, верхними пленками общественной жизни. Протесты не прошли безслѣдно. Если исторія до сихъ поръ трактуется на старомъ ладѣ, то все-таки очевидны значительные въ этомъ отношеніи успѣхи. Мы видимъ дѣйствительно, что историки стараются слѣдить и за экономическими условіями, и за литературой, и за характеромъ изслѣдуемаго періода, и за многимъ другимъ, о чемъ въ старыя годы не говорилось или почти не говорилось. Дѣло подвинулось настолько, что сталъ возможенъ сравнительно-исто-

рической методъ въ приложеніи къ соціологическимъ вопросамъ, всестороннее изученіе общественныхъ явленій на исторической почвѣ»¹⁾).

«Но потому ли—продолжаетъ далѣе Михайловскій—что это дѣло все-таки вновь, или по какимъ другимъ причинамъ, есть не мало въ высшей степени любопытныхъ явленій, можно сказать дѣйственныхъ, почти не тронутыхъ историками и соціологами. И по странной, хотя довольно понятной случайности наименѣе изучаются тѣ явленія, которыя захватываютъ наибольшее число людей и интересовъ... Какъ въ старые годы историка занимали дѣянія властей и, главнымъ образомъ, военныхъ властей, на службѣ которыхъ онъ непосредственно состоялъ, такъ нынѣшній историкъ сосредоточиваетъ свое вниманіе преимущественно на дѣяніяхъ и интересахъ интеллигентнаго меньшинства, плоть отъ плоти котораго онъ самъ составляетъ. Масса народа, громадное большинство сѣраго, труждающагося, обремененнаго люда, силою вырываясь на арену исторіи, заставляетъ, правда, иногда говорить о себѣ, но изъ этого разговора выходитъ въ большинствѣ случаевъ или холодный, чисто формальный рапортъ, или вопль ужаса въ виду грубости и звѣрства сѣрой массы, или, наконецъ, словесное воспроизведеніе тѣхъ лубочныхъ картинокъ, на которыхъ подъ огромными ногами огромной лошади огромнаго генерала, проходятъ ряды маленькихъ солдатиковъ. Есть, безъ сомнѣнія, и очень цѣнные изслѣдованія жизни сѣрыхъ массъ, но фактъ все-таки тотъ, что вещи, которыми живутъ тысячи, находятъ себѣ гораздо больше и гораздо болѣе тщательныхъ изслѣдователей, чѣмъ вещи, которыми живутъ тьмы... Народныя движенія игнорируются всѣми наличными опытами философіи исторіи. Это фактъ, въ вѣрности котораго каждый самъ можетъ убѣдиться. И надъ нимъ стоитъ призадуматься. Онъ показываетъ, что до сихъ поръ не найдена такая высшая и общая точка зрѣнія, съ которой были бы замѣтны нити причинъ и слѣдствій, связывающія опальные явленія съ общимъ ходомъ исторіи. Не найдена, конечно, потому только, что ее безъ особеннаго упорства искали, хотя философія исторіи, казалось бы, самую

¹⁾ «Къ теоріи вольницы и подвизниковъ», IV, 735—736. Писано въ авг. 1879. Дальнѣйшія цитаты изъ разныхъ мѣстъ этой же статьи.

своею задачей и самым титуломъ своимъ обязывается принимать въ соображеніе всю совокупность историческихъ фактовъ»...

Но, быть можетъ, народныя, въ частности крестьянскія движенія, въ виду ихъ столь прославленной грубости, невѣжества и жестокости, смѣшанной съ вандализмомъ, и въ самомъ дѣлѣ не заслуживаютъ особеннаго вниманія историковъ культуры и цивилизаціи. «Правда—соглашается Михайловскій — вопросъ этотъ невольно приходитъ въ голову, но единственно потому, что мы уже очень привыкли смотрѣть на исторію какъ на собственную эмбриологію. Какъ! картина безчисленныхъ кровавыхъ жертвъ, убійствъ, всяческихъ ужасовъ, картина жестокаго мщенія за жестокое поруганіе, картина безпомощной массы, съ величайшимъ напряженіемъ выработывающей и отстаивающей свой религіозный, нравственный и общественный идеаль — эта картина не заслуживаетъ вниманія только потому, что ей нѣтъ мѣста въ нашей фамильной картинной галлерей? Это было бы безуміемъ гордости, если бъ не было результатомъ недоразумѣнія. Но и наша собственная эмбриологія будетъ далеко не полна, если мы будемъ обходить подобныя, на первый взглядъ «беззаконныя кометы среди расчленившихся свѣтилъ». Изученіе ихъ необходимо, изученіе самое тщательное».

Для читателя, который до сихъ поръ придерживается старыхъ, временъ 90-хъ гг. воззрѣній на Н. Б. Михайловскаго, все только что изложенное должно показаться чѣмъ-то совершенно парадоксальнымъ и чуждымъ общему характеру его воззрѣній. По вульгарному представленію большинства критиковъ, Михайловскій является ортодоксальнымъ идеологомъ «героевъ», а не «толпы»; индивидуализма, а не социализма; интеллигентскаго аристократизма, а не принциповъ социальной демократіи, рабочихъ классовъ общества. Это вульгарное представленіе давно уже пора сдать въ архивъ. Михайловскій былъ истиннымъ сыномъ своего времени, типичнѣйшимъ представителемъ 70-хъ гг., что можно услышать отъ каждаго изъ его критиковъ. Между тѣмъ въ чемъ состояла отличительная черта той эпохи? Въ томъ, что тогда окончательно была выработана, полностью вошла въ наше общественное сознаніе великая идея современности, идея демоса, народа, идея демократіи. Михайловскій и является въ

нашей литературѣ, какъ мы сказали выше, типичнымъ, выдержаннымъ демократомъ, «народникомъ» въ прямомъ смыслѣ этого слова. Толпа, масса, народъ,—вотъ что постоянно привлекаетъ его вниманіе. Жизнь массы, народа, толпы, народныя массовыя движенія имѣютъ въ его глазахъ значеніе сами по себѣ безотносительно къ «эмбриологій интеллигентнаго меньшинства», а, слѣдовательно, въ этомъ смыслѣ и должны изучаться. И Михайловскій жалѣетъ, что современная общественная и историческая наука иначе относится къ этой роли народныхъ массъ.

«Историкъ, напримѣръ, старинныхъ отжившихъ въ большинствѣ цивилизованныхъ обществъ формъ землевладѣнія, поневолѣ обращаетъ свой взоръ на ту многоголовую массу, въ которой эти формы еще сохранились вполнѣ или отчасти; но при этомъ онъ любопытствуетъ, главнымъ образомъ, знать: какимъ образомъ изъ поземельной общины выросла строго обрамленная частная собственность? Точно также историкъ умственного развитія интересуется первобытными формами мышленія и пониманія природы въ тѣхъ видахъ, чтобы объяснить себѣ свою собственную исторію, свою собственную и своихъ кровныхъ и близкихъ. Историкъ нравственности или политическихъ учрежденій, погружаясь въ глубь временъ и притягивая сюда по аналогіи факты изъ жизни низшихъ классовъ на-ряду съ фактами изъ жизни дикарей, занять опять-таки эмбриологіей интеллигентнаго меньшинства. Любое сочиненіе по исторіи культуры самою своею конструкціей показываетъ, что такова именно его цѣль, такой основной мотивъ изслѣдователя».

Цѣль самого Михайловскаго совсѣмъ иная. Цѣль эта состоитъ въ доказательствѣ огромной исторической и соціологической роли народныхъ массъ, и къ этой цѣли Михайловскій подходитъ двумя путями. Во-первыхъ анализируя идею народа и во-вторыхъ анализируя идею личности. Михайловскій является въ области соціологій сторонникомъ начала личности, всесторонне развитой индивидуальности, воплощающей для него критерій для построенія общественной науки. Но мы уже знаемъ изъ предыдущихъ очерковъ, что въ извѣстномъ смыслѣ онъ считаетъ такое начало слишкомъ отвлеченнымъ и требуетъ нѣкоторыхъ ограниченій его, подсказанныхъ прежде всего историческимъ опытомъ Зап. Европы. Такъ какъ для теоріи демократіи Михайловскаго эти его разсужденія имѣютъ круп-

ное и непосредственное значеніе, то мы на нихъ нѣсколько остановимся. Напомнимъ прежде всего, что въ Зап. Европѣ дѣло происходило слѣдующимъ образомъ...

«Возмутившаяся личность разрушила узы тѣхъ якобы общественныхъ «организмовъ», въ составъ которыхъ дотолѣ входила,—разрушила феодальный строй, средневѣковую общину, цеховую систему,—и провозгласила, при всеобщемъ ликованіи, «общечеловѣчскій идеаль» свободы. Не долго длилось однако ликованіе... Личность, освободившись отъ невольныхъ и не изъ существа ея истекающихъ ограниченій, оказалась во власти новыхъ ограниченій, столь же невольныхъ, столь же ея существу постороннихъ и во многихъ отношеніяхъ еще болѣе тягостныхъ. «Общечеловѣчскій идеаль» личной свободы потерпѣлъ фіаско въ качествѣ верховнаго руководящаго принципа, онъ долженъ былъ занять второстепенное мѣсто ¹⁾).

Параллельно этому шло другое, въ высшей степени характерное теченіе въ области мысли. «Та же возмутившаяся личность постепенно сбросила съ себя оковы авторитета вѣры и на развалинахъ его, изъ себя самой, изъ чистаго, свободнаго отъ всякихъ ограниченій мышленія построила колоссальное зданіе метафизики. Но это была вавилонская башня, плодъ такой же неразумной гордыни, какъ и та, библейская. И башня разрушилась, подмытая своимъ внутреннимъ противорѣчіемъ. Мысль человѣческая не могла освободиться отъ ограниченій, наложенныхъ на нее самою природою, не могла познать «сущность вещей», пресловутую Ding an sich, не могла фактически отказаться отъ опыта и наблюденія, всегда составлявшихъ источникъ знанія; только теперь она

¹⁾ См. гл. IX «Дневн. Читат.», томъ VI, 489—490. Ср. такъ же «Послѣдн. соч.», томъ I, стр. 427—429. То же самое въ «Запис. современн.», томъ V, стр. 537 и др. Мѣсто это приведено у насъ въ главѣ о субъективномъ методѣ, а въ главѣ о борьбѣ за индивидуальность другое аналогичное разсужденіе изъ III «Письма о правдѣ и неправдѣ», томъ IV, стр. 461. Еще на ту же тему въ «Литературныхъ воспомяніяхъ», сочин. томъ VII, стр. 138—154. Слѣдуетъ также отмѣтить, что всѣ эти мысли Михайловскаго представляютъ, при всей своей оригинальности, лишь дальнѣйшее развитіе того, что было въ предыдущій періодъ намѣчено, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ, Добролюбовымъ и Чернышевскимъ, особенно же первымъ изъ нихъ. Но останавливаемся на этомъ подробнѣе, такъ какъ тема эта требуетъ специальной разработки.

пользовалась имп помимо сознанія и, слѣдовательно безъ провѣрки, случайно, односторонне» (тамъ же).

Самодержавіе личности потерпѣло такимъ образомъ полный крахъ какъ въ области чистой теоріи, такъ и въ области практики. Не находя въ этомъ случаѣ крушенія самаго принципа индивидуализма, Михайловскій тѣмъ не менѣе видитъ здѣсь указаніе на необходимость какой-то поправки къ первоначальному положенію о верховенствѣ идеи личности въ общественной наукѣ. Поправка предстоитъ очень простая.

«Надо найти въ личности такой ея атрибутъ, такое свойство, которое было бы ей присуще, именно какъ личности, и не зависѣло бы ни отъ какихъ случайныхъ опредѣленій. *Такой атрибутъ есть трудъ, цѣлесообразное напряженіе личныхъ силъ.* «Таланты отъ Бога, богатство отъ рукъ человѣческихъ», какъ говоритъ поэтъ. Если я талантливъ, то это случайный даръ судьбы, очень можетъ быть цѣнный для меня и даже для всего человѣчества, но онъ ни въ какомъ случаѣ не составляетъ необходимаго элемента человѣческой личности и, если не будетъ оплодотворенъ трудомъ, то можетъ или совсѣмъ безслѣдно затеряться, какъ это часто бываетъ, или даже принести вредъ и мнѣ и людямъ, какъ это тоже часто бываетъ. Если я богатъ, то это богатство навѣрное есть плодъ дѣятельности «рукъ человѣческихъ», но по всей вѣроятности не моихъ.. на деньгахъ, мною полученныхъ, нѣтъ печати моей личности. *Эта печать личности налагается лишь ея дѣятельностью, трудомъ.* Все остальное, что такъ или иначе можетъ способствовать усиленію конкретной личности въ конкретной дѣятельности, что можетъ опредѣлять ея судьбы и интересы,—талантъ, происхожденіе, богатство, красота,—все это лишь случайные атрибуты личности, не изъ нея самой пронтекающіе, не ею самою данные, а зависящіе отъ вкусовъ, правовъ, обычаевъ, законовъ общества, въ составъ котораго она входитъ. Эти вкусы, нравы, обычаи, законы подлежатъ особому обсужденію. Они могутъ быть достойны всякаго уваженія, помимо ихъ внѣшней обязательности, но во всякомъ случаѣ *сама личность выражается только въ трудъ, который относится можетъ быть къ ней такъ же, какъ движеніе къ матеріи.*

Такимъ образомъ—заключаетъ Михайловскій—«для практическаго обихода; да и не только для него, а въ видахъ

теоретической ясности, мы можем подставить въ нашей первоначальной формулѣ, вмѣсто личности, ея единственное проявленіе—трудъ, сознательный, цѣлесообразный расходъ силъ. Тогда «интересы личности», оказавшіеся на оселкѣ практики двусмысленными и даже многосмысленными, замѣнятся интересами труда. И почему бы не поискать въ этой области матеріала для «общечеловѣческаго идеала»? Болѣе общечеловѣческаго пожалуй что и не сыщешь, ибо гдѣ чело-вѣкъ, тамъ и трудъ» (томъ VI, 489—490).

Теорія личности Михайловскаго переходитъ такимъ образомъ въ теорію демократіи, въ классовую точку зрѣнія такъ же, какъ и теорія демократіи—«народничество»,—является у него опорой для теоріи истиннаго индивидуализма. Для насъ этотъ выводъ чрезвычайно важенъ, какъ по своему общему характеру, такъ и по времени своего появленія, по своей хронологической датѣ. Мы отмѣчали уже, что Михайловскаго, а равно и все общественное движеніе конца 1870-хъ и начала 1880-хъ годовъ, часто упрекали, упрекають и теперь, въ игнорированіи толпы, народной массы, ея самостоятельности и въ преувеличенныхъ надеждахъ на роль отдѣльныхъ личностей, Деміурговъ исторіи, *героевъ*. «Пока существуютъ «герои»,—говоритъ, напр., г. Плехановъ ¹⁾ про ненавистныхъ ему представителей «субъективной» философіи—«герои», воображающіе, что имъ достаточно просвѣтитъ свои собственные головы, чтобы повести толпу всюду, куда имъ угодно... царство разума остается красивой фразой, благородной мечтой... Субъективная философія кажется намъ вредной потому, что она... противопоставляетъ толпу героямъ, воображая, что толпа есть не болѣе, какъ совокупность нулей, значеніе которыхъ зависить лишь отъ идеаловъ становящагося во главѣ ея героя. Было бы болото, черти будутъ, говоритъ народная пословица. Были бы герои, толпа для нихъ найдется, гово-

¹⁾ См. книгу его «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда» и пр. Цит. по статьѣ Михайловскаго въ «Откликахъ», томъ I, стр. 21. Слѣдующая цитата отсюда же. Любопытнѣе всего то, что г. Плехановъ и впослѣдствіи пробовалъ отстаивать этотъ свой взглядъ на «героевъ и толпу». Ср. стр. 283 второго изд. его «Монист. взгляда», а также его статьи, напр., о книгѣ г. Иванова-Разумника въ «Соврем. Мірѣ» за 1908 г. №№ 6 и 7-ой. За все это время г. Плехановъ, какъ критикъ «субъективистовъ», подлинно «ничему не научился»...

рять субъективисты, и эти герои, это мы, это субъективная интеллигенція».

Слова эти замѣчательны не только тѣмъ, что въ нихъ г. Плехановъ «понимаетъ вещи, такъ сказать, наоборотъ». «Была бы толпа, а герои найдутся»,— вотъ что говоритъ теорія Михайловскаго, а не то, что ей старается приписать г. Плехановъ. Слова эти замѣчательны еще тѣмъ, что ими искажается вся историческая перспектива въ ходѣ нашего умственного и общественнаго развитія. Теорія демократіи не только у насъ никогда не отдѣлялась отъ теоріи личности, и наоборотъ, но какъ разъ и выработана была окончательно въ эпоху 1879—1882 гг., когда личная энергія русской интеллигенціи дошла до героическаго самоотверженія. Вспомнимъ тѣ цитаты о народѣ, какъ объектѣ историческаго познанія, которыя мы приводили выше,—онѣ относятся къ августу 1879 года, а немного позже, года черезъ 2—3, статья, изъ которой онѣ взяты («Нѣсколько словъ о вольницѣ и подвижникахъ») разрослась въ цѣлую теорію «героевъ и толпы», представляющую въ русской литературѣ наиболѣе систематически проведенный *ановозъ толпы*, масоваго народнаго движенія. В. В. Розановъ въ своей книгѣ «Природа и исторія»¹⁾ говоритъ про Михайловскаго: «толпа, какова бы она ни была, пахнущая дегтемъ и потомъ, пахнущая потомъ и дегтемъ даже въ историческомъ смыслѣ — ему интимна, болѣе чѣмъ управляющія ею идеи».

Последнее, разумѣется, совершенный вздоръ; идеи, управляющія толпой, степень ея сознательности, Михайловскому не менѣе «интимны», чѣмъ сама толпа, какъ бытовое и социологическое явленіе. Но эта интимность по отношенію къ толпѣ, это довѣріе къ ней «какова бы она ни была», очень ярко подчеркнута въ словахъ В. В. Розанова. Не всѣ, однако, такъ, какъ г. Розановъ, отнеслись ко взглядамъ Михайловскаго на «толпу». Примѣръ—тотъ же Г. В. Плехановъ. Вѣчно занятый мыслью чѣмъ-нибудь уколоть Михайловскаго, готовый ради этого на любое средство, сколь бы оно ни было морально предосудительнымъ, г. Плехановъ не сумѣлъ понять того, что не укрылось даже отъ г. Розанова, несмотря на

¹⁾ Слова В. В. Розанова, цит. по ст. Изгоева «Литерат.-обществ. замѣтки». «Образован.», № 5, 1904 г., стр. 65.

все его литературное юродство. «Моиими героями и толпой онъ занять на всемъ протяженіи своей книги»—говорить Михайловскій про книгу г. Плеханова «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда»,—при чемъ, однако, воздерживается и отъ изложенія, и отъ критики теоріи, а только, такъ сказать, щиплетъ его походя»,—не останавливаясь, однако, и передъ прямымъ ея искаженіемъ...

Впрочемъ, надо войти и въ положеніе г. Плеханова: не спроста же онъ такъ старается. Какъ ни рѣшительно защищаетъ Михайловскій право народныхъ массъ на наше вниманіе, какъ ни отстаиваетъ овъ самостоятельную роль массоваго народнаго движенія, интереснаго для него при всякихъ условіяхъ—«личность, утверждаетъ онъ, напр., на стр. 269 VI т., сильна и интересна только своею сознательностью, массовыя же движенія могутъ представлять глубокой интересъ и при полной безсознательности»—но Михайловскій вовсе не думаетъ этимъ затушевать общее значеніе роли личности въ исторіи, или доказать ничтожество личной инициативы передъ стихійнымъ порывомъ массы.

«Не совсѣмъ поэтому неправы, по его словамъ, тѣ наивные историки добраго стараго времени, которые, по мѣрѣ своихъ художественныхъ силъ и умѣнья, рассказывали, какъ вдохновенная Юанна д'Аркъ спасла Францію, какъ папа Урбанъ и Петръ Пустынникъ возбудилъ своими пламенными рѣчами крестовый походъ, какъ фанатическіе цвицкаускіе пророки взволновали массы крестьянъ, какъ непомѣрное честолюбіе Наполеона залило Европу моремъ крови и проч., и проч. Эти наивные историки понимали, правда, дѣло очень узко и плоско... Историки новѣйшаго типа поступаютъ, разумѣется, гораздо рачіональнѣе, изыскивая причины историческихъ явленій въ общихъ условіяхъ культуры даннаго момента или данной страны. Но вѣдь необузданный честолюбецъ дѣйствительно увлекъ, а яростный фанатикъ дѣйствительно возбудилъ. Это факты, съ которыми надо считаться («Герои и толпа», II, 134)...

Другой вопросъ, какъ надо считаться. Г-ну Плеханову хотѣлось бы, чтобы «субъективная» социологія считалась съ ними въ ущербъ идеѣ массоваго движенія, въ обходъ тѣмъ законамъ, которые имъ управляютъ, но вѣдь это только такъ хочется г. Плеханову. Что же касается Михайловскаго,

то, учитывая ихъ значеніе, онъ остается вполне вѣренъ своей апологій толпы, такъ какъ, съ его точки зрѣнія, принципиально чуждой всякимъ тенденціямъ противопоставлять «толпу» и «героевъ», нѣтъ никакого противорѣчія въ отстаиваніи огромной роли за массовыми народными движеніями и въ признаніи крупнаго значенія за личностью въ исторіи. Теорія безымянныхъ народныхъ массъ, какъ о главномъ факторѣ исторіи, противопоставленная теоріи «героевъ», вызываетъ въ этомъ отношеніи рѣшительную критику съ его стороны...

Ко всѣмъ этимъ выводамъ Михайловскій пришелъ, анализируя принципъ личности, но къ аналогичнымъ заключеніямъ его привелъ и соответствующій анализъ понятія народа, не какъ націи, а какъ совокупности трудящагося люда, трудящихся классовъ. Обстоятельство это для характеристики соціологическаго міровоззрѣнія Михайловскаго настолько важно, что его не могла не отмѣтить критика, хотя она его и слишкомъ долго игнорировала. Но; отмѣчая это обстоятельство, даже, какъ «центральный», что совершенно вѣрно. пунктъ міровоззрѣнія Михайловскаго¹⁾, его критики частью не усваивали непосредственной связи этого пункта съ общими теоретическими построеніями критикуемаго имъ писателя, частью обезцѣнивали свои замѣчанія рядомъ неудачныхъ возраженій. Такъ, чтобы не ходить далеко за примѣромъ, такимъ образомъ поступилъ тотъ же г. Ивановъ-Разумникъ, несмотря на то, что онъ самъ же обратилъ достаточно серьезное вниманіе на «двуединный критерій блага реальной личности и блага народа», какъ отличительный признакъ воззрѣній Михайловскаго. Обративъ на это вниманіе еще въ 1904 году (см. его вышеуказанную статью), г. Ивановъ-Разумникъ счелъ однако нужнымъ впоследствии, во второмъ томѣ своей «Исторіи общ. мысли» сдѣлать по этому поводу рядъ слѣдующихъ замѣчаній.

«Въ этомъ положеніи—говоритъ онъ—мы видимъ центръ критическаго народничества Михайловскаго... Насколько про-

¹⁾ См. напр., ст. Иванова-Разумника: «Н. К. Михайловскій. Центральный пунктъ его міровоззрѣнія». «Русск. Мысль», мартъ, 1904. Теперь перепечатано въ сборникѣ статей Иванова-Разумника «Литература и общественность». Спб. 1910.

чень этотъ фундаментъ?.. Не останавливаясь на этомъ подробнѣе, мы укажемъ только—продолжаетъ нашъ авторъ—на одну главнѣйшую ошибку, которая подвергала сомнѣнію устойчивость указанной нами теоріи. Интересы народа, интересы труда—абстрактныя нереальныя понятія; въ своемъ опредѣленіи: «народъ—это трудящіяся *классы*», народничество обращало недостаточное вниманіе на послѣднее слово. Интересы различныхъ классовъ трудящагося народа *могутъ* быть такъ же различны, какъ и интересы націи и народа. Въ девяностыхъ годахъ на этой почвѣ народничество потерпѣло частичное пораженіе отъ русскаго марксизма, въ семидесятыхъ же годахъ эта теорія не вызвала возраженій... Надо замѣтить, однако, что такое рѣшеніе вопроса о синтезѣ личности и общества примѣнялось народничествомъ только къ частному случаю,— не вообще къ государству, а только къ Россіи. Что же касается проблемы синтеза личности и общества въ самомъ общемъ ея видѣ, то Михайловскій далъ ей совершенно иное рѣшеніе» (стр. 133—135, первое изданіе).

Если проблемѣ синтеза личности и общества въ ея общемъ видѣ Михайловскій далъ совершенно иное, чѣмъ это, рѣшеніе, то непонятно, почему двуединый критерій блага личности и блага народа является *центральнымъ* пунктомъ его міровоззрѣнія. Непонятно также, каковымъ образомъ этотъ «центральный пунктъ», оставаясь вѣрнымъ своему назначенію, могъ примѣняться народничествомъ только «къ *частному* случаю», не вообще къ государству, а «только въ Россіи». Во всякомъ случаѣ нигдѣ и никогда Михайловскій не комментировалъ такъ своей двуединой формулы личности и народа. Это выводы, и при томъ слишкомъ противорѣчивые, чтобы имъ довѣрять, не Михайловскаго, а только г. Иванова-Разумника, у Михайловскаго же этотъ принципъ является общимъ программнымъ положеніемъ. Читатель въ этомъ можетъ вполне убѣдиться самъ изъ слѣдующихъ словъ автора «Что такое прогрессъ?».

«Выше было упомянуто — читаемъ у него—что ходъ развитія европейской мысли привелъ ее къ признанію труда такимъ общественнымъ элементомъ, интересы котораго не могутъ противорѣчить интересамъ человѣческой личности. Но этотъ результатъ не сразу дался европейской мысли. Лишь съ теченіемъ времени обнаружилось, что «человѣкъ», права

котораго были провозглашены Великой Революціей—есть собственно «буржуа». Тогда политическій вопросъ осложнился вопросомъ социальнымъ, и *выступили на сцену права представителей труда и, главнымъ образомъ, именно фабричныхъ рабочихъ.* У насъ въ шестидесятыхъ годахъ тоже произошло освобожденіе личности отъ нѣкоторыхъ оковъ, но наиболѣе яркое выраженіе оно получило въ формѣ освобожденія крестьянъ. Тѣнь отъ этого огромнаго историческаго событія раскинулась, далеко и надолго все собою окрашивая. Ожидались и осуществлялись дальнѣйшія реформы... но всё онѣ меркли по сравненію съ основной реформой освобожденія крестьянъ, утопали въ ней. *Поэтому, понятія личности и представителя труда, и именно мужики, готовы были отождествиться,* да до извѣстной степени и отождествились. Это обстоятельство имѣло многія чрезвычайныя важныя послѣдствія ¹⁾.

И оно было тѣмъ важнѣе, что показывало, какъ на самомъ дѣлѣ смотрѣлъ Михайловскій на взаимныя отношенія составныхъ частей своего опредѣленія «народъ». «Если положеніе труда у насъ весьма отлично отъ положенія его въ Европѣ, то интересы труда вездѣ одни и тѣ же» (см. »Зап. проф.», 781)—вотъ каковъ былъ руководящій принципъ Михайловскаго, и этотъ принципъ нисколько не опровергается тѣмъ, что въ отдѣльныхъ случаяхъ интересы различныхъ классовъ трудящагося народа *могутъ* быть—могутъ, а вовсе не обязательно *должны* быть—какъ подчеркиваетъ самъ г. Ивановъ-Разумникъ, различны. Могутъ быть противоположны интересы различныхъ группъ въ средѣ всякаго общественнаго класса, но это не мѣшаетъ говорить намъ о единомъ классовомъ интересѣ. Такъ точно и съ понятіемъ народа. Различные частныя интересы входящихъ въ составъ его социальныхъ группъ должны, а не только могутъ, поглотиться общими интересами труда, которые и даютъ возможность народу, въ понятіи Михайловскаго,—*сознать себя единымъ рабочимъ классомъ.*

Никакого пораженія на этомъ пунктѣ народничество 90-хъ г., создавшееся подъ прямымъ вліяніемъ Михайловска-

¹⁾ «Литер. воспом.» т. I, 159—160. Или т. VII «Сочин.», 154. Писано въ іюль 1891 г. Курс. мой.

го, не терпѣло отъ марксизма, г. Ивановъ-Разумникъ въ этомъ случаѣ просто заблуждается. Иное дѣло, если бѣ оно измѣнило въ чемъ-либо своему первоначальному опредѣленію, если бѣ оно, напр., въ понятіи народа смѣшало такія группы, которыя отличались разнородными социальными интересами, если бѣ оно дѣйствительно не различало въ народѣ, крестьянствѣ, какъ это постоянно утверждали марксисты и какъ это повторяетъ за нимъ г. Ивановъ-Разумникъ, наличность дифференціаціи, наличность одинаковыхъ по племени, но діаметрально противоположныхъ по существу общественныхъ подраздѣленій. Но, вѣдь, этого не было...

«Мы такъ не привыкли приглядываться къ жизни народа, столь отъ насъ удаленной, что—по словамъ Михайловскаго—склонны упускать изъ виду роль тѣхъ безчисленныхъ півовѣ, которыя непосредственно присасывались къ народному тѣлу. А между тѣмъ, тутъ-то и есть ядро нашей буржуазіи, Колупаевы и Разуваевы сильны, во-первыхъ, своимъ несмѣтнымъ множествомъ: во вторыхъ, опредѣленностью и цѣльностью своей жизненной задачи, въ которой нѣтъ никакихъ инородныхъ элементовъ въ родѣ тлетворныхъ западныхъ идей; въ-третьихъ, своею родственностью съ народною массою. Родственность эта не выходитъ за предѣлы обычаевъ, образа жизни, предразсудковъ, костюма; но изъ всего этого складывается тѣмъ не менѣе въ высшей степени выгодное положеніе, сходное съ положеніемъ домашняго вора, который знаетъ гдѣ что лежитъ, и можетъ отводить глаза, набрасывая подозрѣніе на совершенно неповинныхъ людей. Колупаевы и Разуваевы—страшная сила и, конечно, чисто буржуазная, въ самомъ точномъ и полномъ значеніи слова... ибо ихъ спеціальная роль состоитъ въ лишеніи народа хозяйственной самостоятельности... Кто ищетъ буржуазіи непременно въ европейскомъ костюмѣ, тотъ будетъ, пожалуй, утверждать, что Колупаевы и Разуваевы—«народъ», ибо они ходятъ по субботама въ баню и т. п. Но это просто бессмыслица, соблазнительная только либо для очень близорукихъ людей, либо для умышленно закрывающихъ глаза. Колупаевы и Разуваевы настоящая буржуазія».

Отличить же ихъ отъ народа очень легко, несмотря на то, что они «вышли» изъ среды этого самаго народа; стоитъ только помнить урокъ, который даетъ намъ З. Европа. «Въ

Западной Европѣ, гдѣ, за громаднымъ развитіемъ различныхъ взаимно враждебныхъ интересовъ, гораздо труднѣе, чѣмъ у насъ, выяснитъ понятіе народа, тѣмъ не менѣе выработался (правда, не школьною наукою) на этотъ счетъ очень простой и глубоко вѣрный взглядъ: народъ, въ настоящемъ смыслѣ слова, есть совокупность трудящихся классовъ общества... Трудъ—единственный объединяющій признакъ этой группы людей—не несетъ съ собою никакой привилегіи, служба которой мы рискуемъ услужить какому-нибудь одностороннему началу: въ трудѣ личность выражается наиболѣе ярко и полно... Служить народу значитъ работать на пользу трудящагося люда. Служа этому народу по преимуществу, вы не служите никакой привилегіи, никакому исключительному интересу, вы служите просто труду, слѣдовательно, между прочимъ, и самому себѣ, если только вы вообще чему-нибудь служите»¹⁾).

Идеализируя начало труда, Михайловскій принималъ, конечно, во вниманіе, что не всякій родъ труда заслуживаетъ идеализаціи. «Есть трудъ черный, не въ томъ смыслѣ черный, въ какомъ обыкновенно употребляется это слово, не трудъ чернорабочаго, а трудъ нелюбимый, подневольный чрезмѣрный, не окупающійся удовлетворенною потребностью. Все это разные виды чернаго труда, къ которому люди дѣйствительно и совершенно правомѣрно чувствуютъ отвращеніе, отъ котораго бѣгутъ. Но есть и другой трудъ—свѣтлый—и любимый, и вольный, и связанный безчисленными нитями со всѣмъ духовнымъ существомъ человѣка и его вѣрованіями и упованіями». «Смайльсъ—повторяетъ Михайловскій въ другомъ мѣстѣ—приводитъ въ своей извѣстной книгѣ чье-то помнится довольно обширное и очень плоское развитіе той именной идеи, что всякій трудъ есть наслажденіе. Это, по крайней мѣрѣ, весело. Но если вы осмѣлитесь выразить мнѣніе, что всякій трудъ долженъ быть наслажденіемъ—послушайте только какой гвалтъ поднимутъ именники, обвиняя васъ въ утопическихъ мечтаніяхъ, въ подрываніи пренопамятныхъ основъ». (VI, 547, 56).

Изъ этого ясно, какую задачу ставилъ Михайловскій общественному движенію своего времени съ точки зрѣнія

¹⁾ „Зап. соврем.“ т. V, 537. Курс. мой. Писано въ декаб. 1881 г. Цит. о Колупаевыхъ отсюда же, стр. 545, остальное изъ т. I, стр. 659.

своей идеализации труда, какъ «общечеловѣческаго» начала. Задача эта такова: создать социальный строй, при которомъ всякій трудъ сдѣлался бы наслажденіемъ, и трудъ черный уступилъ бы мѣсто труду свѣтлому. Освобожденіе личности человѣка будетъ при этомъ идти параллельно освобожденію труда, а дѣло народа, сознавшаго свое назначеніе и свою социальную идею, сдѣлается дѣломъ всего человѣчества...

II.

Хотя всѣмъ сказаннымъ уже достаточно полно намѣчается, какимъ путемъ Михайловскій пришелъ къ заключенію о тождествѣ интересовъ личности и интересовъ труда, рабочихъ классовъ, однако мы далеко еще не исчерпали всей этой аргументации Михайловскаго. И въ этомъ случаѣ, какъ и вообще, мы снова встрѣчаемся съ необычайной цѣльностью возрѣній нашего мыслителя-соціолога, съ тѣсной зависимостью всѣхъ его частныхъ взглядовъ и съ его удивительнымъ умѣньемъ конкретизировать, давать въ осязательной формѣ выводы, полученные съ помощью отвлеченной работы мысли. Всѣ эти особенности литературныхъ приѣмовъ Михайловскаго хорошо знакомы намъ по всему предыдущему изложенію, особенно ярко проявляются и въ его теоретическомъ оправданіи формулы: народъ, личность, трудъ.

При этомъ не трудно видѣть, къ какому источнику должна восходить тутъ аргументация Михайловскаго, такъ какъ съ этимъ вопросомъ, хотя и въ иной формѣ, мы встрѣчались уже раньше, въ главѣ «Субъективный методъ въ соціологіи» etc. Если помнить читатель, мы цитируя тамъ слова Михайловскаго о томъ, «что натурального человѣка нигдѣ нѣтъ, пбо общественныя отношенія наложили на него разнообразныя печати», сдѣлали отсюда, а равно изъ другихъ имѣющихся тамъ соображеній, такой выводъ: «очевидно натурального человѣка мы можемъ получить только однимъ путемъ: 1) изучая общія свойства человѣческой природы... что должна дать соціологіи біологія; 2) изслѣдуя конкретнаго историческаго человѣка», а слѣдовательно и разнообразныя печати, которыя привили ему общественныя отношенія, исторически слагавшіяся формы коопераціи, формы общественнаго

раздѣленія труда. Одновременно съ этимъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, да и не только въ ней, что «натуральнаго» человѣка Михайловскій сводитъ къ человѣку труда, для него это равноцѣныя и равнозначныя понятія. Не можемъ ли мы поэтому заключить, что къ мысли о такомъ тождествѣ онъ долженъ былъ придти тѣмъ же путемъ, т. е. изучая общія свойства человѣческой природы въ ея отношеніи къ труду, и тѣ спеціальныя осложненія, которыя на нее наложены исторически создавшимся общественнымъ строемъ. Чисто абстрактная задача о «натуральномъ» человѣкѣ, какъ критеріи научнаго познанія благодаря этому растворяется у Михайловскаго въ рядъ осязательныхъ конкретныхъ положеній...

Что Михайловскій съ большимъ талантомъ умѣлъ обычно конкретизировать свои отвлеченныя соціологическія теоремы, это, какъ выше сказано, мы не разъ встрѣчали въ предыдущихъ очеркахъ. Однако, мы не хотимъ сказать, что такая особенность Михайловскаго является общепризнанной нынѣ чертой его литературной физиономіи. «Г. Михайловскій умудрился придать абстрактно-біологическій характеръ не только своей соціологіи, но также и своей публицистикѣ» — сокрушается, напримѣръ, г. Бердяевъ — такъ что «было бы очень трудно опредѣлить его практическую программу, его конкретныя требованія къ жизни». Во всякомъ случаѣ «перевести все это на конкретный соціально-историческій языкъ задача не легкая, по крайней мѣрѣ самъ Михайловскій не выполнилъ ее удовлетворительно»¹⁾ — въ доказательство чего нашъ авторъ ссылается ни на что другое, какъ именно на сопоставленіе имъ принципа личности съ принципомъ народа.

«Къ сожалѣнію г. Михайловскій — заявляетъ онъ — ни гдѣ и никогда не представилъ оправданія тому, почему вмѣсто интересовъ личности можно подставить интересы народа или труда, поэтому — то ему илохо удалось связать свою практическую программу со своимъ теоретическимъ міровоззрѣніемъ и перевести абстракцію на конкретный языкъ. Это, конечно, не значитъ, слышитъ оговориться г. Бердяевъ, что тутъ нѣтъ никакой связи, связь существуетъ и мы посмотримъ, почему служить личности для г. Михайловскаго то же самое, что служить трудящемуся народу» (тамъ же, 220). Посмотримъ

¹⁾ См. книгу г. Бердяева о Михайловскомъ, стр. 217, 217—218.

и мы, какъ старается г. Бердяевъ заполнить пробѣлы, оставленные у себя Михайловскимъ...

Разумѣется, уже à priori можно сказать, что конкретизація взглядовъ Михайловскаго, предпринятая г. Бердяевымъ, вся переполнена цѣлымъ рядомъ вполне осязательныхъ, и конкретныхъ, и грубыхъ по своей элементарности ошибокъ. Такой ошибкой является первое же изъ выставленныхъ имъ положеній: «народъ 70-хъ гг., начинаетъ онъ свои комментарія, состоялъ изъ массы крестьянства, при чемъ разнородные элементы крестьянства сваливались въ одну кучу».

Это не вѣрно фактически. «Народъ 70-хъ гг.» не состоялъ изъ одного крестьянства, а въ крестьянствѣ разныя группы не сваливались въ одну кучу. «Нынѣшніе развязные писатели, отказывающіеся отъ наслѣдства—говоритъ Михайловскій про марксистовъ 90-хъ гг.—приписываютъ себѣ открытіе процесса дифференцірованія, происходящаго въ современной деревнѣ. Но и изъ нихъ болѣе свѣдущіе принуждены указывать» — на примѣръ — «на произведенія Златовратскаго, въ которыхъ двадцать лѣтъ тому назадъ этотъ процессъ былъ изображенъ съ неоставляющей мѣста сомнѣніямъ яркостью» («Отклики», II, 186).

Изобразивъ же съ такой яркостью процессъ социальнаго разслоенія въ современной деревнѣ, трудно было вслѣдъ за этимъ сваливать воедино разнообразныя группы крестьянства. А вѣдь не одинъ Златовратскій изображалъ тогда кризисъ деревенской жизни, происходящій на почвѣ крестьянскаго разслоенія. Общепринятымъ мастеромъ въ этой области былъ рядомъ съ нимъ Глѣбъ Успенскій. Соответствующія заявленія уже отъ собственного своего имени мы знаемъ также и у Михайловскаго, и заявленія въ такомъ родѣ попадаютъ у него на каждомъ шагѣ. при всякой попыткѣ обрисовать социальную физиономію *трудового* крестьянства, которое онъ всегда тщательно отгораживалъ отъ крестьянства же, но крестьянства *не* трудового, а, напротивъ, живущаго трудомъ другихъ...

Г. Бердяева всѣмъ этимъ, конечно, нельзя смутить. Не смутится онъ по всей вѣроятности и той цитатой о Болупаевыхъ и Разуваевыхъ, которую мы видѣли раньше и которая такъ ярко дополняетъ только что приведенныя слова о Златовратскомъ. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію г. Бердяева, усвоенному имъ цѣлкомъ изъ марксистской литературы, взгляды Ми-

хайловскаго на народъ не псчерпывались его склонностью «разно-родные элементы крестьянства сваливать въ одну кучу». Помимо этого въ своей оцѣнкѣ соціологической стороны идеи народа Михайловскій дѣлалъ еще горшія и болѣе чреватія отрицательными послѣдствіями ошибки. «Въ народъ-крестьянствѣ интеллигентъ Михайловскій думалъ найти точку опоры, въ немъ онъ видѣлъ задатки высокаго типа развитія, который надо поднять на высокую ступень развитія. Каковъ же этотъ высокій типъ? Это—хозяйство мелкаго производителя. Вмѣстѣ съ Львомъ Толстымъ, г. Михайловскій цѣнитъ въ народѣ и «незапятнанную грѣхомъ десяти забытыхъ работъ поколѣній» совѣсть и способность самому удовлетворять своимъ всѣмъ нуждамъ, т. е. способность не имѣть слугъ и не быть ничьимъ слугой. Только въ хозяйствѣ мелкаго производителя г. Михайловскій видитъ залогъ самостоятельности личности, ея разносторонняго развитія, независимаго отъ общества удовлетворенія всѣхъ потребностей». (Бердяевъ, стр. 223)..

О независимомъ отъ общества удовлетвореніи потребностей Михайловскій, опять-таки, никогда не мечталъ, напротивъ, онъ всегда былъ сторонникомъ общественной организаціи производства и если г. Бердяевъ этого не понимаетъ, то только потому, что онъ не сумѣлъ разобраться въ основныхъ положеніяхъ соціологіи Михайловскаго. Ему все кажется, что такія понятія, какъ простая кооперація, раздѣленіе труда, однородное общество, etc. имѣютъ у Михайловскаго технико-экономическій смыслъ, а не соціологическій, какъ на самомъ дѣлѣ. Не замѣчая этого, г. Бердяевъ, предпринятое имъ заполненіе пробѣловъ въ анализѣ Михайловскимъ формулы народъ—личность—трудъ цѣликомъ строить на почвѣ по существу невѣрныхъ посылокъ. «Верховенствующая личность г. Михайловскаго—повторяетъ еще разъ нашъ комментаторъ—это идеальное отраженіе личности мелкаго производителя, стремящагося самостоятельно удовлетворять свои потребности на почвѣ натурального хозяйства... «Личность» г. Михайловскаго находится въ антагонизмѣ съ «обществомъ» (г. Бердяевъ имѣетъ въ виду установленный Михайловскимъ антагонизмъ общественнаго и физиологическаго раздѣленія труда, упуская конечно изъ виду, что это лишь антагонизмъ принциповъ)... въ антагонизмѣ съ обществомъ, потому что общественное развитіе побиваетъ мелкаго производителя, разрушаетъ его плю-

зію». Въ качествѣ идеолога мелкаго производителя Михайловскій—«относится враждебно къ общественному раздѣленію труда, къ общественной дифференціаціи, какъ къ признакамъ общественнаго развитія, разрушающимъ натуральное хозяйство». Въ цѣломъ же все это представляетъ идеологическое «отраженіе надвигающагося на Россію капитализма, враждебнаго мелкому производителю и народническимъ идеаламъ».

Пробѣлъ, такимъ образомъ, заполняется и читатель видитъ, въ чемъ состояла ошибка Михайловскаго: «его народъ не есть трудящіеся классы въ современномъ смыслѣ этого слова, его производитель еще не отдѣленъ отъ орудій производства, онъ собственникъ, который и есть именно реальное зерно идеальной личности г. Михайловскаго». (Бердяевъ, 225—227).

Нельзя отказать всему этому построенію въ архитектурной стройности и законченности. Бѣда лишь въ томъ, что оно выведено на негодномъ фундаментѣ, что въ концѣ концовъ долженъ признать и самъ г. Бердяевъ, послѣ всѣхъ этихъ экскурсій и вопреки имъ заявившій буквально слѣдующее: «идеалъ г. Михайловскаго не можетъ быть признанъ просто мелко-буржуазнымъ, и мы не рѣшились бы его называть идеологомъ мелкой буржуазіи: онъ паритъ высоко, въ области невозможнаго» (226).

Почему, однако, невозможнаго? Михайловскій полагаетъ, что развитіе общества по органическому типу, т. е. при наличности социальнаго, а не технического, какъ у г. Бердяева, разслоенія, при наличности *общественнаго* раздѣленія труда, раздѣленія общества на классы, несовмѣстимо съ полнотой личнаго существованія и требованіями физиологическаго раздѣленія труда. По его мнѣнію такимъ требованіямъ удовлетворяетъ только строй безклассовый, основанный на принципахъ простаго сотрудничества и высоко развитой техники производства, высокой *степени* социальнаго развитія. Но развѣ завоеваніе такого строя относится къ «области невозможнаго»? Само собой понятно, что вообще говоря невозможнаго тутъ нѣтъ ничего, какъ нѣтъ и ничего мелко-буржуазнаго. Невозможнымъ это было бы только въ томъ случаѣ, если бы мы невѣрно учли путь къ такому идеалу, не сумѣли опредѣлить средства для его завоеванія, ошиблись бы въ оцѣнкѣ соотношенія силъ или возложили бы свои упованія не на

тѣхъ, кто долженъ естественно, по своимъ интересамъ быть строителемъ лучшаго будущаго. Однако, можно ли сказать, что Михайловскій съ его взглядомъ на «народъ», какъ массу людей способную по своимъ интересамъ *сознать себя единымъ рабочимъ классомъ*, дѣлалъ всѣ означенныя ошибки?..

На послѣдній вопросъ г. Бердяевъ въ свое время отвѣтилъ бы, конечно, положительно и развѣ только бы въ качествѣ снисхожденія къ винѣ Михайловскаго прибавилъ вѣчто въ родѣ слѣдующаго: «общественныя условія Россіи были таковы, что ничего лучшаго въ общественномъ смыслѣ, чѣмъ то, что пытался создать г. Михайловскій, и нельзя было создать, и не онъ виноватъ, если изъ его народолюбія и добрыхъ намѣреній такъ мало вышло положительнаго» (Бердяевъ, 223).

Если Михайловскій дѣйствительно отождествлялъ идею «личности» съ идеей мелкаго производителя, съ идеей *мужика-собственника*, то изъ его намѣреній и не могло выйти ничего положительнаго, въ этомъ г. Бердяевъ правъ. Но вѣдь самъ г. Бердяевъ сознается, что идеаль Михайловскаго вовсе не можетъ быть названъ просто мелко-буржуазнымъ, въ правѣ ли мы поэтому свести теорію личности нашего соціолога къ оправданію мелкой собственности? А вѣдь мы знаемъ кромѣ того, что выставивъ положеніе: «Ходъ развитія европейской мысли привелъ ее къ признанію труда такимъ общественнымъ элементомъ, интересы котораго не могутъ противорѣчить интересамъ человѣческой личности» (см. цитату выше), Михайловскій иллюстрировалъ это не только взятымъ изъ русской исторіи примѣромъ «*мужика-работника*», какъ онъ выразился однажды въ «Зап. проф.», а и тѣмъ, какъ въ извѣстный моментъ западно-европейской исторіи съ настоящими, правильно понятными интересами личности, сочетались «права представителей труда и, главнымъ образомъ, именно *фабричныхъ рабочихъ*». Какой же выводъ мы должны сдѣлать изъ всего этого? Тотъ же самый, разумѣется, который мы дѣлали и раньше: въ «народѣ» Михайловскій подчеркивалъ не хозяйственный элементъ, а элементъ труда, его вниманіе привлекалъ не мужикъ-собственникъ, а мужикъ-работникъ¹⁾. Едва-ли нужно упоминать, что это была

¹⁾ Ср. съ этимъ стр. 738—740, т. IV-го, посвященныя оспариванію взгляда Лассаля на крестьянскія войны XVI в., какъ явленіе реакціонное.

не лично только его, Михайловскаго, точка зрѣнія на «народъ», а вообще взглядъ на него всѣхъ 70-хъ годовъ, получившій наиболѣе законченное выраженіе въ удивительныхъ очеркахъ крестьянской психологій Гл. Успенскаго. Полу-художественные, полу-публицистическіе наброски Гл. Успенскаго, открывающіе въ немъ гениальную способность къ наблюденію, вмѣють въ этомъ отношеніи несомнѣнное *соціологическое* значеніе...

Читатель не потребуетъ отъ насъ дальнѣйшаго развитія этой и безъ того сложной темы: мы намѣчаемъ здѣсь только пункты соприкосновенія между публицистикой Михайловскаго и его соціологіей. Конечно, въ силу обстоятельствъ времени и мѣста, о которыхъ такъ неудачно вспоминаетъ г. Бердяевъ, демократизмъ Михайловскаго носить крестьяно-фильскій отбѣнокъ, но это не мѣшаетъ ему оставаться настоящимъ и глубокимъ демократизмомъ. Замѣчательна въ этомъ отношеніи одна цитата изъ сочиненій гр. Толстого, которой Михайловскій опредѣляетъ свое отношеніе къ народу, крестьянству вообще.

«Въ поколѣніяхъ работниковъ—говорится въ этой цитатѣ—лежитъ и больше силы и больше сознанія правды и добра, чѣмъ въ поколѣніяхъ банкировъ, бароновъ и профессоровъ» («Зап. проф.», 445).

Вотъ общій тонъ «народническаго» или «истинно-демократическаго», какъ замѣнилъ однажды (т. VI, 392) этотъ терминъ Михайловскій, міровоззрѣнія 70-хъ годовъ. Здѣсь ярко подчеркнута та роль труда, которая заставляла людей того времени въ психологій работниковъ видѣть живые задатки истинно нормальныхъ, всесторонне развитыхъ людей. Въ другихъ, еще болѣе важныхъ случаяхъ Михайловскій отмѣчалъ не только эту морально-оздоровляющую роль труда, но и его значеніе для выработки правильныхъ формъ мышленія. «Вообще трудъ и положительное знаніе—говоритъ онъ—связаны неразрывными узами» («Зап. проф.» т. III,

«Не вѣрно, говоритъ между прочимъ Михайловскій, что въ области экономической и политической крестьянское движеніе имѣло своимъ девизомъ землевладѣніе, «какъ таковое». Оно имѣло — возражаетъ Михайловскій на этотъ взглядъ Лассаля — *интересы не землевладе́нія, а земледѣльческаго труда*». (Курс. шой).

351). И вот почему: «всѣ профаны, будучи въ то же время работниками (повторяю—оговаривается Михайловскій—я только такихъ профановъ и имѣю въ виду), должны выработать извѣстные общіе всякому знанію и труду приемы мысли. Надъ какимъ бы матеріаломъ ни работалъ человѣкъ, хотя бы онъ доски строгалъ, самый процессъ труда не можетъ не отозваться на выработкѣ привычки къ логическому мышленію. И если есть такіе виды труда, которые даже извращаютъ логическую способность, то есть и такіе, которые доводятъ ее до болѣе или менѣе высокой степени развитія» (тамъ же).

Съ точки зрѣнія исторической эту роль труда Михайловскій описываетъ такимъ образомъ. «Для поддержанія существованія нуженъ трудъ, для успѣшнаго труда нужно знаніе. Поэтому переходя отъ кочевого быта къ осѣдлому, отъ звѣроловства къ скотоводству, отъ скотоводства къ земледѣлію, люди самымъ процессомъ труда выработали длинный рядъ истинъ, необходимо остающихся истинами и для насъ. Разница въ томъ только, что потребность познанія съ теченіемъ времени расширилась и уже не удовлетворяется истинами элементарными, жаждетъ истинъ высшихъ, сложнѣйшихъ и ихъ систематизаціи... Контъ приводитъ... замѣчаніе Адама Смита, что никогда ни въ какой мнѳологіи не существовало бога тяжести. Работая, напримѣръ, влѣзая на дерево за птичьими яйцами или за плодами, пуская камнемъ или дубиной въ преслѣдуемую имъ дичь и т. п., самый отдаленный нашъ предокъ очень хорошо *зналъ* нѣкоторые законы тяжести, которые удовлетворяютъ потребности познанія и людей XIX вѣка, признаются ими истинными («Зап. проф.» III, 351 курс. подл.).

Остановимся нѣсколько на этихъ соображеніяхъ. Читатель помнить, конечно, задачу, которую мы поставили въ настоящей главѣ. Изслѣдуя какимъ путемъ Михайловскій пришелъ къ мысли о тождествѣ въ понятіяхъ человѣка «натуральнаго» и человѣка рабочихъ, трудящихся классовъ общества, мы пришли къ заключенію, что такимъ могъ быть только одинъ путь. Михайловскій долженъ былъ анализировать общія свойства человѣческой природы, въ частности наше познаніе, въ его отношеніи къ труду и тѣмъ самымъ въ его отношеніи къ «разнымъ печатямъ», наложеннымъ на человѣка историческимъ ходомъ вещей. Теперь передъ нами,

благодаря послѣднимъ цитатамъ и сопоставленіямъ, частью уже вскрылась эта сторона возрѣній нашего соціолога-мыслителя. Мы видимъ именно, что общественнымъ элементомъ, который привлекаетъ постоянно его вниманіе, какъ начало параллельное его абстрактнымъ положеніямъ, былъ элементъ труда, а не какой-либо иной. Мы видѣли сверхъ того, какъ онъ представляетъ себѣ эту роль труда въ его вліяніи на человѣка и его познаніе. «Трудъ и положительное знаніе связаны неразрывными узами» — вотъ основное положеніе Михайловскаго въ этихъ случаяхъ. И Михайловскій дѣлаетъ огромную попытку оправдать это положеніе на общемъ анализѣ исторіи человѣческой мысли и на томъ, какъ она складывалась въ зависимости отъ смѣны формъ коопераціи. Это та самая сторона его взглядовъ на прогрессъ мысли, которая имъ обозначена терминомъ *эксцентрическаго* періода, терминомъ съ сущностью котораго мы отчасти уже знакомы по главѣ о Дарвинѣ. Теперь мы съ нимъ познакоимся подробнѣе...

Свою характеристику эксцентрическаго періода развитія Михайловскій начинаетъ съ противопоставленія его предыдущему періоду съ типичнымъ для него отсутствіемъ коопераціи и слабыми зачатками простого сотрудничества, по и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ относительно высокими *типомъ* жизни. Первобытный человѣкъ при всей своей дикости и некультурности былъ, въ глазахъ Михайловскаго, цѣльной личностью, монистомъ, на психологіи котораго еще не успѣло сказаться «патологическое» вліяніе сложнаго сотрудничества. «Намъ, современнымъ людямъ, трудно представить себѣ единство различныхъ сторонъ человѣческой жизни, которое царило въ доисторическую пору; религія, философія, наука, искусство — все эти для насъ совершенно различныя и часто другъ другу противорѣчащія вещи сливались для первобытнаго человѣка въ одно цѣлое, въ непосредственныя отношенія къ природѣ. Ощущенія его, какъ справедливо замѣчаетъ Спенсеръ, выражаются одновременно звуками, образами, движеніями. То, что для насъ распадается на духъ и матерію, связано въ немъ неразрывно. И оттого онъ монистъ въ теоріи и монистъ на практикѣ». (Что такъ прогр., I, 95)...

Какъ только установилось общество съ строго проведеннымъ раздѣленіемъ труда, все это кореннымъ образомъ измѣнилось. «Членъ общества, въ которомъ раздѣленіе труда

привело достаточно глубокія борозды, не въ состояніи схватить понятіе человѣка во всей его цѣлости и недѣлимости» «Въ такомъ обществѣ вѣтъ фізіологически развитыхъ недѣлимыхъ, то есть недѣлимыхъ, имѣющихъ всю сумму отправленій, какая допускается и требуется типомъ ихъ организаціи. Понятіе о единствѣ, индивидуальности человѣка здѣсь не имѣетъ мѣста. Центромъ помысловъ и стремленій становится не человѣкъ, какъ недѣлимое, не вся совокупность человѣческаго организма, а нѣкоторая отвлеченная категорія. Человѣкъ, выработавшій себѣ особенную напряженность того или другого спеціальнаго отправления и болѣе или менѣе заглушившій въ себѣ все остальныя, естественнымъ образомъ понимаетъ и цѣнитъ только то, что тѣсно соприкасается съ его спеціальнымъ отправленіемъ. Онъ можетъ понять и оцѣнить только ту долю человѣка, которая развита въ немъ самомъ, антропоцентрическое міросозерцаніе здѣсь немислимо» ¹⁾).

Ясно а priori, что такой строй долженъ чрезвычайно тормозить развитіе научной соціологической мысли. «Чтобы въ эксцентрическомъ періодѣ общественнаго развитія могли явиться люди органически способные къ многостороннему сочувственному опыту»—въ чемъ Михайловскій видитъ одно изъ необходимыхъ условій для безпрепятственнаго развитія общественной науки, — «способные воспроизвести въ своемъ сознаніи все оттънки жизни, раскиданные процессомъ общественныхъ дифференцированій въ разныя стороны, — для этого нужны особо счастливыя и чисто случайныя сочетанія обстоятельствъ, удачное смѣшеніе крови, особенности воспитанія и проч. И это будутъ люди съ высокимъ нравственнымъ уровнемъ, способные къ успѣшной разработкѣ соціологій... Но такіе люди, конечно, очень рѣдки» (тамъ же, 141).

О томъ же, какъ обычно складываются дѣла при эксцентрическомъ періодѣ, наиболѣе послѣдовательнымъ выраженіемъ котораго было въ Россіи крѣпостное право, а въ Европѣ феодализмъ, средніе вѣка—какъ складывается дѣло въ этихъ случаяхъ, можно судить по статьѣ Михайловскаго «Преступленіе и наказаніе», гдѣ онъ изслѣдуетъ роль соціальныхъ

¹⁾ См. «Что такое прогр.», I, стр. 92. Ср. Комментаріи къ этому положенію у насъ выше, на стр. 46—48.

контрастовъ въ вопросѣ о преступленіи, имѣя однако въ виду и болѣе общій характеръ своихъ выводовъ. «За нами на рукахъ нашей исторіи осталась безобразная куча социальныхъ контрастовъ. Общество было разбито въ общихъ чертахъ на двѣ группы, изъ которыхъ каждая жила своею отдѣльною нравственною, умственною и экономическою жизнью и не понимала жизни другой группы. Для отдѣльныхъ дробей русской интеллигенціи взаимное пониманіе было возможно, потому что дробы эти ежеминутно сливались въ учебныхъ заведеніяхъ, на службѣ и т. д. Но вся интеллигенція въ цѣломъ не хѣтѣла и не могла знать, чѣмъ живутъ тѣ, которые, по выраженію одной русской книженки... «какъ пчелы собираютъ для насъ медъ». Точно также и для «пчелъ» было недоступно пониманіе жизни интеллигенціи» (т. II, 65).

И дальше: «вѣковыя перегородки, заслонявшія другъ отъ друга интеллигенцію и «пчелъ», не позволяли интеллигенціи проникнуться жизнью народа и собственной такъ сказать шкурой почувствовать тотъ гнетъ условій, который велъ къ преступленію... Интеллигенція наталкивалась въ преступленіяхъ нижнихъ этажей общественнаго зданія только на голые факты; причины фактовъ были для нея заслонены туманомъ ея собственныхъ воззрѣній и понятій. Она не видѣла и не могла видѣть почвы, на которой выросли эти факты, они висѣли для нея въ воздухѣ, и, при видѣ тупого звѣрства, безпробуднаго пьянства и страшнаго невѣжества въ средѣ «пчелъ», ничего, кромѣ словъ кары и угрозы, не приходило ей на языкъ. Чтобы видѣть тѣ пружины, подъ влияніемъ которыхъ явился возбудившій ея ужасъ и негодованіе фактъ, интеллигенція должна бы была мысленно стать на мѣсто преступника и шагъ за шагомъ пройти его невеселую темную жизнь. А возможно ли было это для нея, выросшей въ совершенно иныхъ условіяхъ, съ молокомъ матери сосавшей условныя понятія о чести и презрѣніе къ тому, что тамъ внизу копошится, обливаясь потомъ, и постепенно вязнетъ въ нравственномъ болотѣ, подъ бременемъ непомернаго труда невѣжества? Во всякомъ случаѣ, это было возможно для немногихъ избранныхъ. Большинство же, даже предположивъ полную добросовѣстность, по самой славѣ вещей, не могло стать на совершенно чуждую ему точку зрѣнія» (тамъ же, 66).

Итакъ, вотъ какимъ образомъ складываются дѣла при

эксцентрическомъ періодѣ. Эксцентрическій періодъ это есть періодъ строго обособленныхъ кастъ, сословій, классовъ. Это періодъ замкнутой сословной и классовой жизни. Здѣсь истина сословная и классовая заслоняетъ туманомъ узко-групповыхъ воззрѣній требованія общечеловѣческой мысли. Здѣсь групповыя истины есть истины субъективныя, психологически обязательныя только для членовъ одиѣхъ и тѣхъ же «вѣсковыхъ перегородокъ». И поэтому, здѣсь нѣтъ мѣста для того познанія «натуральнаго», всесторонне-развитаго человѣка, которое является критеріемъ истины. Здѣсь и вообще не можетъ быть мѣста для правильного развитія научной социологіи. И не будетъ для нея мѣста до тѣхъ, пока *борьба интересовъ не расчиститъ для нея почвы, сгладивъ общественныя дифференцированія.*

Въ какомъ же направленіи будутъ сглажены эти общественныя дифференцированія? Направленіе это намъ уже давно указано одной изъ формулъ прогресса, данной Михайловскимъ (см. ее у насъ на стр. 22). По этой формулѣ прогресса борьбы интересовъ расчищающая путь для прогресса наука была такова. Сначала она повела къ столкновенію крупнаго землевладѣнія и капитала, теологіи и метафизика, затѣмъ она осложнилась борьбой интересовъ между трудомъ и буржуазіей. (Общественныя дифференцированія были сглажены и чѣмъ болѣе они сглаживались, тѣмъ болѣе и болѣе вступали въ свои права представители низшихъ классовъ, представители труда. И чѣмъ шире развивалось познаніе, тѣмъ болѣе усложнялось социальное значеніе труда. Прогрессъ науки шелъ, слѣдовательно, параллельно прогрессу общественныхъ отношеній, а прогрессъ общественныхъ отношеній былъ параллеленъ прогрессу все возрастающей роли труда. Въ итогѣ росла наука, росли завоеванія объективной, общечеловѣческой истины, и росло значеніе труда, истиннаго агента всякихъ улучшеній...)

Изъ этого собственно уже ясно, какимъ путемъ Михайловскій пришелъ къ сопоставленію «натуральнаго» человѣка и человѣка труда. Къ тому же выводу онъ пришелъ еще съ другой стороны. Для Михайловскаго развитіе науки, особенно науки общественной, связано съ развитіемъ формъ коопераціи, но не поглощается ими, такъ какъ оно подчиняется кромѣ того самостоятельнымъ законамъ, изъ нея самой произтекающимъ. Знаменательна въ этомъ отношеніи его фраза о тѣхъ лю-

дахъ съ высокимъ нравственнымъ уровнемъ, благодаря которымъ даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ моментъ наивысшаго развитія соціальныхъ контрастовъ, научная мысль могла все-таки идти по общечеловѣческому руслу. Современемъ эта бѣгло выраженная мысль развилась у Михайловскаго въ ученіе о *безклассовой* интеллигенціи, пришедшей къ отрицанію классоваго принципа, несмотря на всестороннее господство въ современномъ обществѣ началъ сложнаго сотрудничества. Но, защищая въ этомъ смыслѣ роль интеллигенціи въ общественной жизни страны и въ развитіи науки, Михайловскій не переставалъ напоминать читателямъ о тѣхъ императивахъ, которыми должна была руководиться сама интеллигенція въ своей дѣятельности. «Мы можемъ съ чистою совѣстью сказать—пишетъ онъ въ «Зап. соврем.»—Мы интеллигенція, потому что мы много знаемъ, обо многомъ размышляли, по профессіи занимаемся наукой, искусствомъ, публицистикой; слѣбнымъ историческимъ процессомъ мы оторваны отъ народа, мы—чужіе ему, какъ и всѣ такъ называемые цивилизованные люди, но мы не враги ему, ибо сердце и разумъ нашъ съ нимъ» (V, 538).

И такъ, вотъ гдѣ тотъ Іерусалимъ, которому должны посвящаться всѣ наши чаянія и помыслы, къ которому должны постоянно обращаться наши взоры. Тѣмъ же символомъ вѣры должны мы руководиться и при постановкѣ вопроса о нормахъ соціального познанія. Не эмбриологія собственнаго интеллигентнаго меньшинства должна насъ занимать, а жизнь и интересы массы во всемъ ихъ многообразномъ значеніи, во всякомъ ихъ проявленіи. «Чѣмъ шире поле вашихъ наблюденій, тѣмъ вы ближе къ истинѣ, чѣмъ шире поле вашего сочувствія, тѣмъ вы ближе къ справедливости. Поэтому беллетристъ, ученый, принимающій въ соображеніе фактическое положеніе народа, будетъ, при равенствѣ другихъ условій, непремѣнно выше писателя, преслѣдующаго хотя бы самыя возвышенныя цѣли кружка, хотя бы самыхъ благородныхъ людей. Онъ будетъ выше въ качествѣ служителя истины и справедливости; для него, опять-таки, разумѣется при равенствѣ другихъ условій, вѣроятнѣе созданіе высокохудожественныхъ произведеній и добыча строго научныхъ истинъ...» «Конечно, какой-нибудь Маглеодъ, какой-нибудь Рошеръ обладаютъ несравненно большими познаніями, чѣмъ

какія имѣлъ Адамъ Смитъ, но это не мѣшаетъ наукѣ Маклеода быть сосудомъ незнанія и непониманія. И если мы будемъ искать причинъ этого обстоятельства, то онѣ будутъ заключаться главнымъ образомъ въ *забвеніи или умаленіи роли труда въ производствѣ, практически—роли трудящихся классовъ, роли народа*»...

«Я утверждаю — продолжаетъ Михайловскій — что пока литература не станетъ голосомъ общественной совѣсти въ самомъ широкомъ смыслѣ, пока она не сдѣлаетъ интересовъ народа центромъ своихъ изслѣдованій, помысловъ и образовъ, ей не помогутъ никакіе таланты и никакія знанія... До тѣхъ поръ она будетъ производить въ самомъ благопріятномъ случаѣ только красивыя игрушки... Миѣ говорили, что одинъ критикъ раскритиковалъ недавно, между прочимъ, старый рассказъ г. Тургенева «Муму». Самъ я не читалъ этой критики и не знаю аргументаціи автора ея. Но для меня въ образѣ этого глухонѣмого дворника, отправляющагося топить по приказанію нервной и чувствительной барыни свою собаку — единственное утѣшеніе въ жизни, въ этомъ образѣ сосредоточивается цѣлая эпопея крѣпостничества. И я говорю, что это высокохудожественное произведеніе, именно потому, что авторъ въ немъ служитъ не праздному любопытству, не чистой красотѣ, воспитанной насчетъ глухонѣмыхъ дворниковъ, и не такимъ идеямъ, въ которыя онъ не вѣритъ, и не такимъ, которыя составляютъ достояніе секты, а идеѣ народа. И если поставить рядомъ съ этой прелестной и полной глубокаго содержанія картинкой теперешняго произведенія г. Тургенева, въ которыхъ «воспѣваетъ, простодушный, онъ любовь и красоту», въ которыхъ техника доведена до совершенства, то никто, я думаю, не задумается сказать «гдѣ лучше».

«И не то хочу сказать, что беллетристика должна изображать исключительно страданія и радости мужиковъ. И это тема обширная и благодарная. Но не въ ней одной дѣло. Желательно, чтобы измѣнилась фізіономія всей литературы, и если она въ цѣломъ станетъ голосомъ общественной совѣсти и служительницей истины и справедливости, то и беллетристы найдутъ свои нынѣ потеряныя ими темы. Наконецъ, почему не ждать и не желать, чтобы идея труда заняла въ беллетристикѣ то же или по крайней мѣрѣ такое

же мѣсто, какое занимаетъ идея любви. Любовь есть основной мотивъ беллетристики со временъ незапамятныхъ. Беллетристы выворачиваютъ ее и такъ, и этакъ, часто строятъ на ней произведенія высокаго нравственнаго достоинства, но столь же часто волочатъ ее въ грязи и благоуханныхъ салоновъ, и кабаковъ. И однако этотъ въ сущности очень простой мотивъ не надѣлъ, не исчерпалъ себя. Почему предполагать, что идея труда исчерпаетъ себя скорѣе или сузить рамки поэтической дѣятельности? Трудъ, какъ вѣчная доля человѣчества, безконечно разнообразенъ въ своихъ формахъ, въ своихъ условіяхъ, въ своихъ цѣляхъ, въ своихъ комбинаціяхъ. Это море бездонное («Литер. зам.», 1872 г. I, 817, 836, 826, 839, 840).

III.

Какъ могъ уѣдаться каждый читатель, намъ пришлось, разбирая формулу Михайловскаго: народъ—личность—трудъ, выйти, вопреки мнѣнію г. Иванова-Разумника, далеко за предѣлы указанной имъ частной области взглядовъ Михайловскаго. Г. Ивановъ-Разумникъ находитъ, что рѣшеніе вопроса о синтезѣ личности и общества, данное въ этой формулѣ, примѣнялось народничествомъ только къ частному случаю, не вообще къ государству, а только къ Россіи,—«т. е. къ такой странѣ, поясняетъ онъ, гдѣ взаимодействуютъ только двѣ силы, народъ и интеллигенція и гдѣ, какъ предполагалось, буржуазія равна нулю». «Подчеркиваемъ еще разъ, повторяетъ нашъ авторъ, что во всемъ этомъ разсужденіи буржуазія принималась равной нулю, въ томъ же случаѣ, если буржуазія есть уже нѣкоторая осязательная величина, весь синтезъ является воздушнымъ замкомъ: здѣсь лежитъ причина крушенія народничества въ восьмидесятые и девяностые годы, когда ростъ буржуазіи сталъ уже общепризнаннымъ, слишкомъ яснымъ фактомъ» (см. стр. 134, 136).

Въ этомъ разсужденіи, какъ и во всей характеристикѣ Михайловскаго, данной авторомъ «Исторіи русской общественной мысли», есть ошибки, какъ чисто фактическія, такъ и теоретическія. Къ ошибкамъ фактическимъ принадлежить утвержденіе, что буржуазія была въ 70-е гг., въ глазахъ

Михайловскаго равна нулю. Для такихъ огульныхъ утверженій нѣтъ никакихъ основаній, ими взглядъ Михайловскаго на тогдашнюю буржуазію не только упрощается, а и прямо искажается. Что же касается ошибокъ теоретическихъ, то къ нимъ принадлежитъ вся попытка г. Иванова-Разумника истолковать съ точки зрѣнія, при томъ плохо понятой, публицистики Михайловскаго то, что должно быть истолковано исключительно съ точки зрѣнія его социологін, теоріи раздѣленія труда. Мы видѣли уже, какъ тѣсно связана формула Михайловскаго: народъ, личность, трудъ, съ его социологическими воззрѣніями. При ея истолкованіи намъ ни разу не пришлось обратиться къ тѣмъ областямъ, въ среду которыхъ перенесъ ее г. Ивановъ-Разумникъ, и такъ же мы поступимъ въ дальнѣйшемъ...

Формула «народъ, личность, трудъ» связана у Михайловскаго съ теоріей раздѣленія труда, въ частности съ распаденіемъ человѣческой дѣятельности на трудъ умственный и трудъ физическій. Въ главѣ о Дарвинѣ мы уже видѣли (см. стр. 146), какое крупное значеніе для судебъ исторіи мысли придавалъ этому обстоятельству Михайловскій. «*Практическое распаденіе труда на физическій и умственный вездѣ и всегда сопровождается, по его словамъ, теоретическимъ распаденіемъ души и тѣла, т.-е. дуализмомъ*» (курс. мой, томъ I, 101), чѣмъ окончательно вытѣсняется болѣе или менѣе широко господствовавшій раньше монизмъ первобытнаго человѣка.

Отмѣчая эту роль раздѣленія труда, Михайловскій вовсе не думалъ, конечно, сводить происхожденіе дуализма въ познаніи исключительно къ одному практическому распаденію труда на физическій и умственный, какъ къ единственной причинѣ. По его словамъ — «благодаря Тайлору, Спенсеру, Леббоку, Бастіану и др., мы имѣемъ огромную коллекцію фактовъ, иллюстрирующихъ возникновеніе понятія о душѣ первобытныхъ людей. Сонъ, во время котораго человѣкъ какъ бы раздваивается: одинъ остается неподвиженъ, а другой гдѣ-то витаетъ, разговаривая и слушая разговоры, сражаясь съ врагами и убѣгая отъ нихъ, и т. д.; обмороки, летаргія, экстазы и другія болѣзненные явленія, во время которыхъ наблюдается тоже раздвоеніе: человѣкъ временно уходитъ куда-то «изъ себя»; тѣнь человѣка (какъ и другихъ предметовъ, живыхъ и мертвыхъ), неотступно преслѣдующая его

и куда-то исчезающая на ночь, чтобы при первом солнечном лучѣ опять пристать къ своему двойнику; эхо, повторяющее гдѣ-то далеко каждый крикъ, оставаясь невидимымъ; отраженіе въ зеркальной поверхности воды и проч., — все это въ совокупности достаточно объясняетъ первобытный дуализмъ души и тѣла, который затѣмъ получаетъ опору какъ въ религиозныхъ вѣрованіяхъ, такъ и въ самомъ общественномъ строѣ съ его раздѣленіемъ труда на физическій и умственный» ¹⁾).

Раздѣленіе труда на умственный и физическій является слѣдовательно одной изъ многихъ причинъ, извѣстнымъ образомъ вліяющихъ на развитіе нашихъ взглядовъ, но, будучи одной изъ такихъ причинъ, оно можетъ быть выдѣлено изъ общаго состава ихъ и въ своемъ вліяніи изучаемо отдѣльно. Съ этой точки зрѣнія Михайловскій и беретъ раздѣленіе труда, при чемъ разсматриваетъ его въ логически наиболѣе законченныхъ формахъ, абстрагированныхъ отъ всѣхъ переходныхъ ступеней, благодаря чему роль изучаемой причины выступаетъ особенно ярко, хотя изложеніе Михайловскаго и принимаетъ нѣсколько отвлеченный характеръ.

Не трудно понять, къ какимъ результатамъ долженъ былъ придти при этомъ Михайловскій. Первобытный человекъ былъ «монистомъ»: религія, философія, наука, искусство, все эти для насъ противорѣчивыя и часто совершенно различныя вещи сливались для него въ одно цѣлое, въ непосредственныя отношенія къ природѣ. Задачей дальнѣйшаго развитія мысли и было собственно поднять на высшую ступень развитія сравнительно низкій типъ первобытнаго мышленія и жизни.

¹⁾ См. «Послѣд. сочинен.» II 381—382. О дуализмѣ въ религиозныхъ вѣрованіяхъ см. статья «Вольница и подвижники», томъ I, особенно стр. 620—632 и «Новый историкъ еврейскаго народа», томъ III, стр. 105—134. Вообще взгляды Михайловскаго на религію очень интересны и еще ждутъ своего изслѣдователя; пока имъ посвящена только одна статья: «Н. К. Михайловскій о религіи», принадлежащая А. И. Красносельскому (см. «Русск. Богат.», апрѣль, 1905 г.). Ср. такъ же замѣчаніе г. Бердяева: «г. Михайловскій даетъ общественное объясненіе религиозныхъ сектъ, очень родственное духу историческаго матеріализма. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше г. П. Милюкова, который въ своихъ «Очеркахъ по исторіи русской культуры» оторвалъ исторію вѣры отъ исторіи обществности». См. это мѣсто въ 3-ей прилѣж. на стр. 181 книги г. Бердяева.

Михайловскаго равна нулю. Для такихъ огульныхъ утверждений нѣтъ никакихъ оснований, ими взглядъ Михайловскаго на тогдашнюю буржуазію не только упрощается, а и прямо искажается. Что же касается ошибокъ теоретическихъ, то къ нимъ принадлежитъ вся попытка г. Иванова-Разумника истолковать съ точки зрѣнія, при томъ плохо понятой, публицистики Михайловскаго то, что должно быть истолковано исключительно съ точки зрѣнія его соціологій, теоріи раздѣленія труда. Мы видѣли уже, какъ тѣсно связана формула Михайловскаго: народъ, личность, трудъ, съ его соціологическими воззрѣніями. При ея истолкованіи намъ ни разу не пришлось обратиться къ тѣмъ областямъ, въ среду которыхъ перенесъ ее г. Ивановъ-Разумникъ, и такъ же мы поступимъ въ дальнѣйшемъ...

Формула «народъ, личность, трудъ» связана у Михайловскаго съ теоріей раздѣленія труда, въ частности съ распаденіемъ человѣческой дѣятельности на трудъ умственный и трудъ физическій. Въ главѣ о Дарвинѣ мы уже видѣли (см. стр. 146), какое крупное значеніе для судьбы исторіи мысли придавалъ этому обстоятельству Михайловскій. «*Практическое распаденіе труда на физическій и умственный вездѣ и всегда сопровождается, по его словамъ, теоретическимъ распаденіемъ души и тѣла, т.-е. дуализмомъ*» (курс. мой, томъ I, 101), чѣмъ окончательно вытѣсняется болѣе или менѣе широко господствовавшій равнѣше монизмъ первобытнаго человѣка.

Отмѣчая эту роль раздѣленія труда, Михайловскій вовсе не думалъ, конечно, сводить происхожденіе дуализма въ познаніи исключительно къ одному практическому распаденію труда на физическій и умственный, какъ къ единственной причинѣ. По его словамъ — «благодаря Тайлору, Спенсеру, Леббоку, Бастиану и др., мы имѣемъ огромную коллекцію фактовъ, иллюстрирующихъ возникновеніе понятія о душѣ первобытныхъ людей. Сонъ, во время котораго человѣкъ какъ бы раздваивается: одинъ остается неподвиженъ, а другой гдѣ-то витаетъ, разговаривая и слушая разговоры, сражаясь съ врагами и убѣгая отъ нихъ, и т. д.; обмороки, летаргія, экстазы и другія болѣзненные явленія, во время которыхъ наблюдается тоже раздвоеніе: человѣкъ временно уходитъ куда-то «изъ себя»; тѣнь человѣка (какъ и другихъ предметовъ, живыхъ и мертвыхъ), неотступно преслѣдующая его

и куда-то исчезающая на ночь, чтобы при первом солнечном лучѣ опять пристать къ своему двойнику; эхо, повторяющее гдѣ-то далеко каждый крикъ, оставаясь невидимымъ; отраженіе въ зеркальной поверхности воды и проч.,—все это въ совокупности достаточно объясняетъ первобытный дуализмъ души и тѣла, который затѣмъ получаетъ опору какъ въ религиозныхъ вѣрованіяхъ, такъ и въ самомъ общественномъ строѣ съ его раздѣленіемъ труда на физическій и умственный»¹⁾).

Раздѣленіе труда на умственный и физическій является слѣдовательно одной изъ многихъ причинъ, извѣстнымъ образомъ вліяющихъ на развитіе нашихъ взглядовъ, но, будучи одной изъ такихъ причинъ, оно можетъ быть выдѣлено изъ общаго состава ихъ и въ своемъ вліяніи изучаемо отдѣльно. Съ этой точки зрѣнія Михайловскій и беретъ раздѣленіе труда, при чемъ разсматриваетъ его въ логически навболѣе законченныхъ формахъ, абстрагированныхъ отъ всѣхъ переходныхъ ступеней, благодаря чему роль изучаемой причины выступаетъ особенно ярко, хотя изложеніе Михайловскаго и принимаетъ нѣсколько отвлеченный характеръ.

Не трудно понять, къ какимъ результатамъ долженъ былъ придти при этомъ Михайловскій. Первобытный человекъ былъ «монистомъ»: религія, философія, наука, искусство, все эти для насъ противорѣчивыя и часто совершенно различныя вещи сливались для него въ одно цѣлое, въ непосредственныя отношенія къ природѣ. Задачей дальнѣйшаго развитія мысли и было собственно поднять на высшую ступень развитія сравнительно низкій типъ первобытнаго мышленія и жизни.

¹⁾ См. «Послѣд. сочинен.» II 381—382. О дуализмѣ въ религиозныхъ вѣрованіяхъ см. статьи «Вольница и подвижники», томъ I, особенно стр. 620—632 и «Новый историкъ еврейскаго народа», томъ III, стр. 105—134. Вообще взгляды Михайловскаго на религію очень интересны и еще ждутъ своего изслѣдователя; пока имъ посвящена только одна статья: «Н. К. Михайловскій о религіи», принадлежащая А. И. Красносельскому (см. «Русск. Богат.», апрѣль, 1905 г.). Ср. такъ же замѣчаніе г. Бердяева: «г. Михайловскій даетъ общественное объясненіе религиозныхъ сектъ, очень родственное дузу историческаго матеріализма. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ выше г. П. Милюкова, который въ своихъ «Очеркахъ по исторіи русской культуры» оторвалъ исторію вѣры отъ исторіи общественности». См. это мѣсто въ 3-емъ примѣч. на стр. 181 книги г. Бердяева.

«Если бы — утверждает Михайловскій въ одной изъ цитатъ, извѣстныхъ намъ по разбору его взглядовъ на дарвинизмъ — если бы возможенъ былъ такой ходъ исторіи, который не допустилъ бы ничего подобнаго органическому развитію, т.-е. обособленію частей для разнородныхъ спеціальныхъ функцій, то наростаніе знаній привело бы человѣчество отъ объективнаго антропоцентризма прямо къ антропоцентризму субъективному». Но этого не случилось, этого не было, — «и насколько мы можемъ продумать первобытную жизнь и не могло быть. Раздѣленіе труда одолѣло» («Что такое прог.», 96).

Одолѣвъ порядокъ, характеризующійся какъ разъ строгимъ обособленіемъ частей для разнородныхъ спеціальныхъ функцій. И установившееся, благодаря этому, міровоззрѣніе приняло совершенно отличный отъ первобытнаго видъ. Тогда въ первобытное время человѣкъ былъ монистомъ. Религія, наука, искусство для него сливались въ одно цѣлое. Теперь это цѣлое распалось. Раздѣленіе труда прежде всего отразилось теоретическимъ распаденіемъ души и тѣла, т. е. дуализмомъ. Тѣ, кто занимался трудомъ умственнымъ, естественно получили привилегированное положеніе, положеніе духовной аристократіи, и въ нихъ постепенно стала вырабатываться соответствующая психологія. Говорить о равноправности души и тѣла для нихъ стало уже какъ бы унизятельнымъ, отдѣленные своего рода «вѣковыми перегородками» отъ остального міра они стали глухи къ нему и понимали только людей своего круга, возводя извѣстныя нормы жизни въ принципъ.

Это была одна стадія эксцентрическаго періода развитія. Другая, параллельная ей, заключалась въ отдѣленіи теоріи и практики во всѣхъ остальныхъ областяхъ духовной жизни, въ наукѣ, искусствѣ, философій, религіи. Понятіе о единствѣ человѣка померкло. Въмѣсто того, напр., чтобы смотрѣть на науку, не какъ на что-то самодовлѣющее, а какъ на орудіе для удовлетворенія извѣстныхъ потребностей человѣка, люди эксцентрическаго періода рѣшительно отдѣляли теорію отъ практики и въ знаніи видѣли цѣль самую по себѣ. Такой порядокъ установился, разумѣется, не сразу.

«Бое-какія эмпирическія свѣдѣнія, приобретаемыя высшими классами, особенно жрецами, еще долго имѣютъ» — даже при наличности сложнаго сотрудничества — «въ виду исключительно

человѣка, какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія. Природа изучается объективно антропоцентрически и при томъ настолько, насколько это изученіе можетъ быть непосредственно приложено къ пользамъ и нуждамъ человѣка... Но глубже и глубже ложатся демаркаціонныя черты между интересами различныхъ слоевъ общества. Процессъ дифференцированья, разъ начавшись, идетъ все быстрѣе и быстрѣе. Увеличившійся досугъ, гарантированный трудомъ нижняго этажа общественнаго зданія и привычка къ умственнымъ занятіямъ побуждаютъ, наконецъ, нѣкоторыхъ членовъ высшихъ слоевъ заняться изученіемъ явленій природы не ради тѣхъ или другихъ цѣлей практическихъ, а изъ любопытства, ради самой истины. Является новое спеціальное наслажденіе—наслажденіе знанія, разъ отвѣдавъ котораго мысль неудержимо стремится къ новому знанію. Знаніе перестаетъ быть средствомъ и становится цѣлью. Эта новая цѣль все болѣе и болѣе заслоняетъ собою для преслѣдующихъ ее всѣ другія цѣли и, вызванная процессомъ общественныхъ дифференцированій, закрѣпляетъ ихъ собою» («Что такъ прог.», I, 101).

«Итакъ, въ теченіе вѣковъ—резюмируетъ Михайловскій—раздѣленіе труда постепенно, но съ неудержимой силой подтачиваетъ первобытный антропоцентризмъ... Бѣдняга первобытный человѣкъ думалъ, что все создано для него. Обазывается, что онъ самъ созданъ для всего, кромѣ самого себя. Онъ созданъ для справедливости, для нравственности, для богатства, для знаній, для искусства. И все это требуетъ безусловнаго исключительнаго поклоненія себѣ, все это въ открытой враждѣ другъ съ другомъ: искусству не надо справедливости, наука отрицается нравственностью, богатство не видитъ справедливости, формальная справедливость незнакома съ нравственностью».

Съ особенной рѣзкостью это господство отвлеченныхъ категорій сбазывается въ познаніи. «Презирая опытъ и наблюденіе, какъ орудія брѣнной оболочки, мысль стремится въ надзвѣздныя пространства и жаждетъ получить понятіе о мірѣ чисто діалектическимъ путемъ, изъ самой себя. Презирая оковы, налагаемыя на нее внѣшними чувствами, мысль презираетъ и добываемое внѣшними чувствами. *Ей мало феноменальнаго знанія, которое можетъ получить и приложить къ дѣлу*

всякій ремесленникъ. Она ищетъ нумена, вещи въ себѣ, сущности вещей, и самая эта сущность оказывается, наконецъ, ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же самымъ духомъ, которымъ такъ тщательно и любовно воспитывается насчетъ матеріи въ прямомъ и переносномъ смыслѣ. Объ утилитарной сторонѣ знанія нѣтъ и помину» (тамъ же, 98—99; 102, курсивъ мой)...

Метафизика, о которой тутъ говоритъ Михайловскій, съ ея «жаждой понять все помимо чувственныхъ воспріятій, игнорируя опытъ и наблюденіе, какъ орудія нашей мысли,— является, однако, только однимъ изъ послѣдствій установившагося раздѣленія труда». Въ лицѣ метафизики «мысль, обособившаяся уже отъ физическаго труда, стремится перерубить канатъ, связывающій логическую способность съ чувственными орудіями познанія» («Лит. зам.», 1873, I, 956). Но мысль, обособившаяся отъ физическаго труда, создаетъ еще другое крайне гибельное при извѣстныхъ условіяхъ послѣдствіе для развитія науки,—именно узкую замкнутую въ самой себѣ спеціализацію знанія; знаніе самому себѣ довлѣющее, знаніе—нарцисъ» («Зап. проф.», 303).

«Я вижу—говоритъ Михайловскій о представителяхъ такого знанія—множество людей науки, занятыхъ, напримѣръ, перечисленіемъ видовъ и разновидностей животныхъ, растений, минераловъ и подробнѣйшимъ описаніемъ ихъ свойствъ. Такой-то видъ такого-то рода такого-то семейства жесткокрылыхъ отличается такими-то пропорціями головы и туловища, такою-то окраскою концовъ надкрылій и такимъ-то числомъ полосокъ вдоль спины; существуетъ однако тамъ-то, тамъ-то и тамъ-то разновидность этого вида, отличающаяся двойнымъ числомъ полосокъ на спинѣ и удивленнымъ туловищемъ; открытіе этой замѣчательной разновидности посчастливилось сдѣлать мнѣ, и я позволилъ себѣ прибавить къ ея родовому названію, въ честь нашего знаменитаго ученаго Буквоѣдуса, прилагательное Bukwojedii. Вотъ приблизительное содержаніе весьма многихъ ученыхъ изслѣдованій, на которыя тратятся годы и годы; вотъ какими акридами и дикимъ медомъ можетъ иногда удовлетворяться человекъ, алчущій познанія (т. III, 341).

И все это, болѣе напоминающее карикатуру на науку, чѣмъ истинную работу научной мысли, вызывается тѣмъ, что при раздѣленіи труда—«знаніе какъ цѣль распадается посте-

пенно на множество частных цѣлей. Одинъ избираетъ одну отрасль, другой—другую и т. д. Наука обогащается, но міросозерцаніе специалистовъ все болѣе и болѣе суживается. Однако скоро и наука перестаетъ обогащаться. Съ дальнѣйшимъ специализированіемъ утрачивается взаимное пониманіе между представителями различныхъ отраслей знанія. Они не понимаютъ даже языка другъ друга. Погруженный въ свой клочекъ знанія, специалистъ взрываетъ его вдоль и поперекъ, но не имѣетъ понятія о сосѣднемъ клочкѣ. Онъ уже давно пересталъ быть гражданиномъ, давно пересталъ сознавать свою солидарность съ остальными членами кормящаго его общества. Но, наконецъ, онъ перестаетъ быть и ученымъ («Что такое прогр.», I, 103)...

Говорятъ, что специализація въ наукѣ способствуетъ ея быстрому и прогрессивному росту. Но даже это должно быть принято съ оговорками. Прогрессъ науки, какъ и прогрессъ общественной жизни, несомнѣнъ, но совершается онъ не путемъ раздѣленія труда, а тѣми могучими обобщеніями, которыя стираютъ, напротивъ, границы между специалистами разныхъ областей знанія. Работа специалистовъ даетъ лишь сырой матеріалъ, которымъ наука порой не столько двигается впередъ, сколько загромождается, прогрессъ же науки обусловливается тѣмъ, что—«время отъ времени въ эту массу ложно понятыхъ, или вѣрныхъ, но мелочныхъ фактовъ, взрываются могучіе умы, внося синтетическое начало въ это неограниченное правленіе анализа, и это синтетическое начало представляетъ собою отраженіе простого сотрудничества между науками и индивидуальной цѣлостности дѣятеля науки; группы различныхъ наукъ группируются при этомъ не какъ однородные члены разнороднаго цѣлага, а наоборотъ. Наука дѣлаетъ гигантскій шагъ, подбиравъ весь пригодный сырой матеріалъ, а остальную часть его выбрасываетъ какъ совершенно негодную. Однако, иногда и на самихъ представителяхъ синтетическаго начала отражаются послѣдствія коренныхъ общественныхъ дифференцированій. Вырвавшись изъ эксцентрическаго періода съ одной стороны, они еще глубоко свята въ немъ съ другой. Опытъ и наблюденіе еще не вытѣснили изъ нихъ вѣры въ безконтрольную силу чистой мысли. Отсюда опять метафизическія стремленія уловить сущность вещей, изъ конечныя причины, отсюда метафизическія понятія природы, боящейся пустоты,

зоогена, жизненной силы, жизненныхъ духовъ и т. п.» («Что так. прогр.», 1, 103, 104).

Итакъ вотъ каковы послѣдствія общественнаго строя, основаннаго на раздѣленіи труда, на распаденіи труда умственнаго и труда физическаго. Мы видѣли раньше, какъ Михайловскій устанавливаетъ взвѣстный параллелизмъ въ развитіи науки и развитіи формъ коопераціи, теперь мы видимъ и теоретическое оправданіе этому параллелизму. Достаточно было установиться общественному раздѣленію труда, и человѣчество вошло въ совершенно новый періодъ умственнаго развитія. Правда, теперь кончается и этотъ, эксцентрическій періодъ исторіи. «За объективно-антропоцентрическимъ періодомъ отсутствія коопераціи и слабыхъ зачатковъ простаго сотрудничества, за эксцентрическимъ періодомъ преобладанія раздѣленія труда, слѣдуетъ субъективно-антропоцентрическій періодъ господства простаго сотрудничества. Нѣкоторыя стороны человѣческой жизни уже вступаютъ въ этотъ періодъ; такъ позитивизмъ ввелъ въ него теоретическія отношенія человѣка къ природѣ» (1, 108). Позитивизмъ пытался сдѣлать даже гораздо большее. «Въ Позитивной Политикѣ Коитъ... попытался перекинуть мостъ отъ науки къ жизни. Мостъ вышелъ непрочный, но это отнюдь не значитъ, что можно обойтись совсѣмъ безъ моста», отказавшись отъ самой мысли ввести въ свою систему человѣка, *какъ цѣлостное недѣлимое*. Напротивъ, нужно сдѣлать его «центромъ не только теоретическихъ, а и практическихъ вопросовъ, т. е. связать научнымъ образомъ вопросы о теоретической истинѣ съ вопросами о практическомъ благѣ»...

Пока что этого не достигнуто. Если это оказалось не подъ силу позитивизму, уже установившему законность человѣческой точки зрѣнія на явленія природы, то тѣмъ меньше къ такому взгляду на построеніе научной социологіи могли подойти люди эксцентрическаго періода, въ силу социальной раздробленности не имѣвшіе понятія о единствѣ природы человѣка. Люди этого періода вообще ставили себѣ неразрѣшимыя задачи и въ силу этого постоянно терпѣли крушеніе, будучи не въ силахъ достигнуть желаемаго. Михайловскій дѣлитъ этихъ людей на «забитыхъ» и «разбитыхъ» жизнью...

Представителемъ первыхъ, всегда готовыхъ праздно-

вать имянины сердца, онъ считаетъ типъ доктора Вагнера у Гете въ «Фаустѣ». Представителемъ вторыхъ является самъ Фаустъ. Вагнеръ съ самодовольствомъ замѣчаетъ: *Zwar weiss ich viel, doch möcht ich alles wissen*. Вагнеръ—эмпирикъ—буквоѣдъ. Онъ не знаетъ высшаго наслажденія, какъ переходить *von Buch zu Buch, von Blatt zu Blatt*. Всѣ его силы и способности замерли, въ немъ говорятъ только жажда знанія буквеннаго, эмпирическаго, исключительно фактическаго. Онъ совершенно счастливъ, потому что имѣеть возможность приобрѣтать знанія, а до осмысленія фактическаго матеріала ему нѣтъ никакого дѣла... Вагнеръ забитъ, потому что оставляетъ въ своемъ существованіи множество пустыхъ пространствъ, не имѣя чѣмъ ихъ наполнить. Фаустъ, напротивъ, разбитъ, потому что рвется изъ границъ человѣческаго бытія и ставитъ дѣйствительности требованія невозможныя. Подъ знаніемъ «всего» онъ разумѣетъ не безцѣльное и безсвязное вагнеровское знаніе безчисленныхъ формъ бытія, но и не знаніе законовъ явленій — единственной доступной человѣку области знанія. Фаустъ хочетъ знать сущность вещей и приходитъ въ отчаяніе, видя, что этого рода знаніе ему не дается. Онъ обращается къ магін, но и то неудачно. Тогда онъ рѣшается на самоубійство. Это глубоко вѣрвая черта, оправданная исторически и психологически (тамъ же, 41—42).

«Безвинныя жертвы историческаго процесса—говоритъ Михайловскій по тому же поводу въ «Интер. зам.» 1873 г.—метафизики задаютъ себѣ невозможную задачу, презирая задачи возможныя, вылѣзаютъ изъ границъ человѣка, лѣзутъ, можно сказать, изъ кожи, и дѣйствительно должны страшно страдать».

Невозможность задачъ метафизиковъ состоитъ въ томъ, что они хотятъ познать міръ помимо чувственныхъ воспріятій, помимо опыта и наблюденія, тогда какъ наблюденіе и опытъ основныя орудія нашего познанія.

Презирая эти возможныя задачи, метафизики думаютъ, что они даютъ чистую или абсолютную истину, однако они ошибаются и въ этомъ. Чистая истина метафизиковъ есть не болѣе какъ отраженіе міра дѣйствительнаго, отъ котораго такъ упорно бѣгутъ метафизики. Мы встрѣчали уже раньше слова Михайловскаго о томъ, какъ даже на триадѣ Гегеля,

несмотря на ея, казалось бы, исключительно абстрактный характеръ, сказалось вліяніе вѣшной среды. «Гегель не изъ бездонной глубины своего духа выудилъ свою тріаду—говоритъ Михайловскій...—онъ частью удачно, частью неудачно обобщилъ то, что видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ».

Другимъ примѣромъ такого рода Михайловскій считаетъ дуалистическую философію Декарта, анализу общественнаго происхожденія которой посвящена значительная часть его статьи «Философія исторіи Лун-Блана». «Идею дуализма духа и матеріи—читаемъ мы здѣсь—и превосходства перваго надъ второй Декартъ получилъ путемъ чисто чувственныхъ воспріятій реальныхъ явленій средневѣковой жизни. Онъ ратовалъ противъ этихъ явленій, но, благодаря своему методу, только пропустилъ многія изъ нихъ сквозь горнило своего самосозерцанія и затѣмъ выпустилъ на бѣлый свѣтъ, придавъ имъ новый принципіальный характеръ. Сопоставьте философскую революцію Декарта съ политической революціей 1789 года, и вы получите такую параллель. Ниспроверженной теологіи будетъ соответствовать ниспроверженный феодализмъ; освобожденному духу—освобождаемая буржуазія, оставляемой на старомъ положеніи матеріи—оставляемые на старомъ положеніи представители матеріальнаго труда» (томъ, III, 52, 53)...

Говорить о чистой истинѣ метафизиковъ при такихъ условіяхъ не приходится. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть эта истина и абсолютной.

«Нѣтъ абсолютной истины, есть только истина *для* *человѣка* и за предѣлами человѣческой природы нѣтъ истины для *человѣка*». «Я не знаю, что имѣлъ въ виду авторъ известной картины, изображающей истину обнаженной женщиной съ факеломъ въ рукѣ»,—пишетъ Михайловскій,—«но я знаю, что факель истины, обнаженной отъ условностей человѣческой природы, неспособенъ освѣтить даже малѣйшее пространство, и не ему бороться съ окружающимъ *человѣчествомъ* мракомъ». («Зап. проф.», гл. III, 348).

Больше того: «Чтобы быть гуманнѣмъ, *человѣчнѣмъ* въ наукѣ, надо помнить границы *человѣка* и не оставлять въ этихъ границахъ пустотъ, какъ Вагнеръ, но и не рваться изъ нихъ, какъ рвется Фаустъ и браминъ» (герой одного разсказа Вольтера). «Чтобы быть гуманнѣмъ, *человѣчнѣмъ*

въ практической жизни, надо уметь переживать чужую жизнь, уметь становиться въ чужое положеніе, что опять-таки возможно только тогда, когда границы человѣческаго бытія выполнены совершенно, но содержимое не пытается перелиться черезъ край... Это не случайное совпаденіе, что Контъ, старательно отдѣляющій область непознаваемаго отъ познаваемаго, указывающій человѣку обязательныя границы его теоретической дѣятельности, противопоставилъ своей альтруизмъ узкому эгоизму; что Фейербахъ, совѣтующій «довольствоваться даннымъ міромъ», утверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что *я*—ничто, если оно стоитъ отдѣльно отъ *ты*... Раздвиньте существованіе Фауста и добраго брамны, дайте имъ возможность и силу переживать чужую жизнь, разбудите въ нихъ контовскій альтруизмъ, фейербаховскій тунизмъ, смитовскую симпатію,—и они выздоровѣютъ, изъбудутъ мучить совѣстьныя вопросы, а эта мука можетъ повести ихъ не къ пораженію, а къ побѣдѣ» (т. VI, 46—47)...

Какъ это сдѣлать? «На этотъ вопросъ — по мнѣнію Михайловскаго—отвѣчаютъ намъ жизненная практика и положительное знаніе. Она рассказываетъ намъ вышеприведенную исторію происхожденія неутолимой метафизической жажды въ связи съ исторіей развитія формъ коопераціи. («Интер. Зам.», 1873 г. I, 959—960).

Слѣдовательно, для того, чтобы уничтожить основную причину происхожденія метафизики, чтобы вернуть человѣка къ «натуральному» складу мышленія должно прежде всего измѣнить его способность «сочувственнаго» воспріятія впечатлѣній внѣшняго міра. Раздвиньте существованіе Фауста и добраго брамны, дайте имъ возможность и силу переживать чужую жизнь, разбудите въ нихъ контовскій альтруизмъ, фейербаховскій тунизмъ, смитовскую симпатію,—и они выздоровѣютъ. Но въѣ Фаустъ и добрый брамны не по личной только злой волѣ безсилны пережить чужую жизнь, неспособны понять смитовскую симпатію или контовскій альтруизмъ. Они, люди эксцентрическаго періода, находятся въ такомъ же положеніи, въ какомъ было русское общество во времена брѣвостного права, раздѣльваемаго въковыми перегородками и китайской стѣной взаимнаго непониманія тогдашнихъ «пчелъ» отъ трутней—«внѣдлшгевщн».

«Въковыя перегородки, заслонявшія другъ отъ друга

интеллигенцію и «пчель» не дозволяли интеллигенціи проникнуться жизнью народа», — и чѣмъ выше были эти перегородки, чѣмъ безобразнѣе становились тогдашніе социальныя контрасты, тѣмъ менѣе было возможно представителямъ интеллигенціи пережить чужую жизнь, перестрадать чужое страданіе, разбудить въ себѣ фейербаховскій туизмъ или смитовскую симпатію. Замкнутые вѣчно въ рамкахъ одной и той же «кооперации равныхъ», они были глухи ко всему огромному міру социальнаго неравенства и вмѣсто цѣлостнаго человѣка могли обнять своей мыслью только ту часть его, представителями которой были они сами. Для того чтобы могъ совершиться переворотъ въ ихъ воззрѣніяхъ, долженъ былъ сначала совершиться переворотъ въ общественной жизни, въ социальныхъ отношеніяхъ, воспитывающихъ «метафизику на счетъ страданій и труда огромнаго большинства человѣчества» (I, 960). Должна была измѣниться система формъ кооперации, уничтоженіемъ социальныхъ контрастовъ, расчищающая путь свободному развитію истинно-объективной *общечеловѣческой* социальной науки...

Читатель понимаетъ теперь вѣроятно, почему однимъ изъ эпиграфовъ нашей книги взяты слова П. Л. Лаврова: «истинная социологія есть социализмъ».

Объектъ социальной науки это — общественная жизнь людей, законы кооперации. Критерій для ея построения — идеаль всесторонне развитой человѣческой личности. Но этотъ идеаль не доступенъ, во всемъ своемъ цѣломъ, мыслящимъ сплавъ современнаго классового общества. «Ессе homo!» — говорили буржуазные экономисты объ объектѣ своихъ изслѣдованій, тогда какъ объектъ ихъ изслѣдованій былъ не человѣкъ въ точномъ, родовомъ смыслѣ этого слова, — «а только человѣкъ биржи, лавки и фабрики». («Борьба за индив.», I, 429). «А чѣмъ отличается — спрашиваетъ Михайловскій — личность современнаго англійскаго буржуа» — представляющаго прототипъ буржуазіи всего міра — «отъ человѣческой личности вообще? Тѣмъ, что она и не личность даже, а осколокъ личности» (IV, 458). «Вотъ почему прихвостники французской и англійской буржуазіи сочиняютъ, можетъ быть, вопли добросовѣстно науку, ни для кого во всемъ ея объемѣ не обязательную» (IV, 439).

Она была бы обязательна только тогда, когда объектъ

своихъ изслѣдованій брала дѣйствительнаго человѣка, а не осколокъ личности, но какъ разъ этого сдѣлать она не въ состояніи. Сдѣлать это смогла только та *общечеловѣческая* наука, которая пришла въ жизнь съ *четвертымъ* сословіемъ, которая была порождена все возростающей ролью труда въ общественной жизни. Какъ метафизика нашла свое отраженіе въ исторіи соціальнаго движенія время бонца XVIII в., такъ современная положительная наука, современная социологія находятъ свои параллели въ контрастахъ нынѣшней дѣйствительности. Антагонизмъ труда и капитала, это основная пружина современныхъ отношеній, отражается въ наукѣ антагонизмомъ общественнаго и физиологическаго раздѣленія труда: освобожденіе труда—освобожденіемъ личности; идеаль всесторонне развитаго индивидуума воплощается въ идеаль лишеннаго всѣхъ путей, безклассоваго общества. Вотъ та «утопія», съ которой должна начать, по мнѣнію Михайловскаго, социологія, разъ она хочетъ стать наукой... Вотъ тотъ путь, которымъ онъ пришелъ къ своей формулѣ: народъ, личность, трудъ.

Прибавимъ къ этому еще слѣдующее:

Г. Бердяевъ писалъ когда-то въ укоръ Михайловскому, какъ онъ «уже состарившись и посѣдѣвъ въ борьбѣ съ реакціонерами, съ тупымъ непониманіемъ и ненавистью отнесся къ самому прогрессивному, самому демократическому направленію общественной жизни» (264),—т. е. къ марксизму. Все вышесказанное, всѣ справки изъ марксистской литературы, приведенныя на всѣхъ предыдущихъ страницахъ, показываютъ скорѣе что не Михайловскій къ марксистамъ, а марксисты къ Михайловскому относились съ ненавистью и непониманіемъ. Не въ этомъ однако дѣло. Дѣло въ томъ, что марксизмъ 90-хъ гг., съ которымъ полемизировалъ Михайловскій, вовсе не былъ ни самымъ прогрессивнымъ, ни самымъ демократическимъ общественнымъ теченіемъ того времени. Для перваго ему не доставало правильной постановки вопроса объ отношеніи социализма къ политикѣ, для втораго—умѣнья анализировать социальную психологію и интересы крестьянской демократіи. Напротивъ, въ числѣ огромныхъ историческихъ заслугъ Михайловскаго должна быть поставлена какъ разъ его работа по выработкѣ дѣйствительно наиболѣе прогрессивнаго, и дѣйствительно наиболѣе демокра-

тического міросозерцанія. И мы знаемъ элементы этого міровоззрѣнія. Толпа, народъ, масса, съ одной стороны; личность, борьба за индивидуальность съ другой, и какъ посредствующее звено между ними—интересы труда,—таковы были основныя положенія соціологической теории Михайловскаго. Положенія эти резюмировали работу общественной мысли въ предшествующую полосу нашей исторіи, въ эпоху Добролюбова и Чернышевскаго, но они резюмировали ихъ въ такой оригинальной и блестящей формѣ, что взгляды Михайловскаго сдѣлались съ тѣхъ поръ отправнымъ пунктомъ всего послѣдующаго развитія соціалистической мысли въ Россіи...

IV.

Итакъ, мы знаемъ теперь, какимъ путемъ Михайловскій пришелъ къ своей формулѣ: народъ, личность, трудъ, представляющей у него вмѣстѣ съ тѣмъ обоснованіе классовой точки зрѣнія на явленія общественной жизни. Самъ по себѣ этотъ выводъ о требованіи Михайловскимъ классовой оцѣнки явленій, съ точки зрѣнія интересовъ опредѣленной общественной группы, для насъ не можетъ предоставлять чего-либо новаго. «Собственно говоря, каждый общій политическій трактатъ долженъ былъ бы начинаться— по мнѣнію Михайловскаго—точнымъ опредѣленіемъ различныхъ общественныхъ союзовъ и мотивированнымъ объясненіемъ выбора того или другого союза, принятаго за центръ тяжести» («Зап. проф.», III, 874), т. е. долженъ начинаться указаніемъ на социальную позицію изслѣдователя, что и приводитъ къ классовой точкѣ зрѣнія.

Мы беремъ эти слова изъ одной чисто публицистической статьи Михайловскаго, но развѣ они не представляютъ простой выводъ изъ его теоретическихъ работъ по соціологіи, и развѣ не то же самое мы встрѣчали уже, знакомясь съ теоріей субъективнаго метода или съ теоріею борьбы за индивидуальность? Міръ общественной жизни представляетъ съ точки зрѣнія Михайловскаго систему своего рода концентрическихъ круговъ, рядъ общественныхъ союзовъ, то входящихъ одинъ въ другой, то вступающихъ въ борьбу другъ съ другомъ. Это основное данное теоріи борьбы за индивидуальность. Исходя изъ него, Ми-

хайловскій и ставить требованіе: опредѣлить тенденціи каждой общественной формы, каждаго союза, составить ясное понятіе о *его* задачахъ въ соціальной борьбѣ, о *его* историческомъ назначеніи, о *его* интересахъ вообще.

Зачѣмъ мы должны это сдѣлать? Затѣмъ, конечно, чтобы знать, съ какой общественной индивидуальностью намъ связать свое личное дѣло, съ кѣмъ вмѣстѣ бороться, *и съ точки зрѣнія какихъ общественныхъ интересовъ оцѣнивать явленія жизни соціальной.*

Или, какъ Михайловскій выражаетъ ту же мысль въ примѣненіи къ субъективному методу: «субъективный путь изслѣдованія употребляется всѣми тамъ, гдѣ дѣло идетъ о мысляхъ и чувствахъ людей. Но характеръ научнаго метода онъ получаетъ тогда, когда примѣняется сознательно и систематически, для этого изслѣдователь долженъ не забывать своихъ симпатій и антипатій, какъ совѣтуютъ объективисты, сами не исполняя своего совѣта, а только выяснять ихъ, прямо заявить: *вотъ тотъ родъ людей, которымъ я симпатизирую, въ положеніе которыхъ я мысленно переношусь; вотъ чьи чувства и мысли я способенъ представить себѣ въ формѣ своихъ собственныхъ чувствъ и мыслей; вотъ что для меня желательно и вотъ что не желательно, кромѣ истины*» («Зап. проф.», III, 403, курс. мой).

Съ тѣмъ, что субъективный методъ есть въ извѣстномъ смыслѣ частное выраженіе классовою точки зрѣнія, съ этимъ обстоятельствомъ мы встрѣчались уже, говоря о теоріи борьбы за индивидуальность. «Тотъ субъективизмъ (не субъективный методъ), за который на мою долю досталось столько брани, насмѣшекъ, упрековъ и т. д., нынѣ—пишетъ Михайловскій въ одной статьѣ 1901 года—торжественно признанъ нѣкоторыми изъ «учениковъ» неизбежнымъ и законнымъ. Мало того, г. Струве сбросилъ съ себя покровы «ортодоксальности», не разъ и даже съ какою-то задорливимъ подчеркиваніемъ указываетъ, что я раньше «учениковъ» настаивалъ на «классовомъ сознаниіи», «классовой точкѣ зрѣнія», примѣненіе которой, дескать, и есть частное выраженіе субъективнаго метода. Прежде г. Струве этого не замѣчалъ, уподобляясь тому Севастьяну, который не узнавалъ своихъ крестьянъ» («Посл. соч.», т. II, 39)...

Марксисты, а не одинъ лишь г. Струве, критикуя субъективный методъ, проглядѣли не только это обстоятельство.

Мы говорили уже, что несмотря на нѣкоторые промахи Михайловскаго въ его концепціи «субъективнаго метода», основа и характернѣйшая сторона этого обобщенія остается замѣчательнымъ достояніемъ русской науки. Благодаря своему субъективному методу Михайловскій не только поставилъ во всемъ ея объемѣ проблему о вліяніи общественности на психику человѣка, но и разрѣшилъ ее совершенно въ духѣ современной науки... Михайловскому было мало указать, что формы коопераціи вліяютъ вообще на психику человѣка, ему нужно было изслѣдовать на-ряду съ этимъ *качественную* сторону этого вліянія, а равно отношеніе его къ идеалу объективнаго познанія. Нѣтъ просто русскаго или отвлеченнаго французскаго человѣка, а есть французскіе, нѣмецкіе, русскіе дворяне, французскіе, русскіе купцы, крестьяне, рабочіе и пр. Общественное положеніе человѣка подсказываетъ ему рѣшеніе выгодное если не для себя лично, то для того соціального слоя, къ которому онъ принадлежитъ и тѣмъ самымъ ставитъ вопросъ: чье же положеніе, какой общественной группы, психологически наиболѣе благопріятно для воспріятія истины. Кто находится въ этомъ смыслѣ въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ? Дворяне ли, эти естественные наследники феодальныхъ бароновъ и древнихъ рабовладѣльцевъ, или рабы? Буржуазія ли, которая «давно лизнула крови», или подвластные ей рабочіе и крестьяне? Отвѣтъ Михайловскаго на это, полученный имъ путемъ чрезвычайно сложнаго и разносторонняго анализа соотвѣствующихъ фактовъ, мы знаемъ.

Такъ какъ высшій критерій истинности нашихъ понятій состоитъ въ нормальномъ познаніи всесторонне развитой личности; такъ какъ съ другой стороны личность выражается наиболѣе полно въ трудѣ; такъ какъ забвеніе роли труда создало огромный тормозъ для прогресса человѣческой мысли, то ясно, какимъ долженъ быть «тотъ родъ людей», общественное положеніе которыхъ наиболѣе благопріятно для воспріятія объективной истины. Люди эти—профаны, трудящіеся классы современнаго общества—«народъ работниковъ», употребляя выраженіе Герцена. Михайловскій, однако, не остановился на такомъ голомъ выводѣ,—онъ пошелъ дальше, подвергнувъ анализу разныя стороны психологіи самихъ трудящихся классовъ, дабы точнѣе опредѣлить свое отношеніе къ

классовой точкѣ зрѣнія. Мы увидимъ сейчасъ, въ какиѣ выводы онъ пришелъ въ этомъ случаѣ...

Среди работъ Михайловскаго конца 1870-хъ гг. есть одна чрезвычайно любопытная *программная* статья «Нѣсколько словъ о славянофильствѣ и западничествѣ» (см. томъ IV сочин.). Взгляды Михайловскаго на западничество и славянофильство вообще чрезвычайно любопытны, такъ какъ она представляютъ одну изъ яркихъ иллюстрацій къ его оцѣнкѣ роли социальныхъ контрастовъ въ средѣ государствъ Запада и Востока. «Въ доброе старое время, въ тѣ знаменитые сороковые годы, когда славянофилы и западники сначала мирно, а потомъ съ большимъ задоромъ препирались объ относительныхъ достоинствахъ Востока и Запада; въ тѣ времена, и Востокъ и Западъ—говоритъ Михайловскій—представлялись, во-первыхъ, чѣмъ-то очень цѣльнымъ, а во-вторыхъ, чѣмъ-то взаимно противоположнымъ или даже враждебнымъ въ самыхъ глубокихъ основаніяхъ своихъ. Это эмбріональное представление было для своего времени можетъ быть даже очень недурно. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло. Какъ разъ съ конца сороковыхъ годовъ стали рѣзко обнаруживаться въ фзіономіи европейскаго запада черты различія и противорѣчія, такъ что, въ концѣ концовъ, оказалась не одна Европа, а нѣсколько» (т. IV, 693—694)...

Европа разслоилась на рядъ отдѣльныхъ социальныхъ группъ, каждая изъ которыхъ подъ вліяніемъ присущихъ ей интересовъ выступаетъ подъ своимъ идейнымъ знаменемъ,— «связывается взаимной солидарностью... въ своей средѣ». Дворянство, буржуазія, пролетаріатъ,— вотъ основныя, антагонистичныя части когда-то единой Европы, части, созданныя общимъ ходомъ исторіи и въ этомъ смыслѣ для Европы одинаково характерныя.

«Если вамъ, читатель—пишетъ Михайловскій въ одной изъ главъ «Зап. проф.»,—кто-нибудь начнетъ совѣтывать «двигаться» или рекомендовать, какъ образецъ, «Европу», то вы смѣло можете прекратить собесѣдованіе въ самомъ началѣ, потому что собесѣдникъ вашъ очевидно не понимаетъ своихъ собственныхъ словъ».

Примѣръ такого непониманія Михайловскій видитъ въ одной статьѣ «Новаго Времени», гдѣ было заявлено: «вся программа настоящаго времени... можетъ быть исчерпана од-

нвмъ словомъ: «Европа». — «Европа была провозглашена лозунгомъ семидесятихъ годовъ въ № «Новаго Времени» отъ 18 марта—отвѣчаетъ на это Михайловскій.—Этого самаго числа (только новаго стиля) пять лѣтъ тому назадъ, въ Парижѣ загорѣлась революція... Это было «движеніе» и при томъ «европейское». Желаетъ ли «Новое Время» такой Европы и такого движенія—я не знаю; но знаю, что европейское движеніе было направлено, по крайней мѣрѣ, противъ трехъ тоже движеній и тоже европейскихъ, и всѣ эти европейскія движенія боролась не на животъ, а на смерть. Еще ничего не значитъ, что при этомъ были пролиты рѣки крови, потому что рѣки эти иногда льются въ борьбѣ представителей одного и того же принципа, одного и того же «европейскаго движенія». Нѣтъ, здѣсь шла кровавая борьба между діаметрально-противоположными, взаимно-исключающимися принципами. Какой изъ нихъ вы выберете, вы, русскіе европейцы и двигатели? Комуну вы выберете или Тьера и буржуазію, или Бисмарка и милитаризмъ, или цезаризмъ и вторую имперію, или Шамбора и легитимизмъ? А выбрать надо; потому что *Европа*, какъ лозунгъ семидесятихъ годовъ, рѣшительно ничего не резюмируетъ и не соглашаетъ. И я, и «Новое Время», и я не знаю еще кто—всѣ мы можемъ, пожалуй, даже совершенно правомѣрно кричать: «да здравствуетъ Европа!» и въ то же время быть другъ отъ друга дальше, чѣмъ турецкій султанъ отъ Макъ-Магона»¹⁾).

Но разъ ни Востокъ, ни Западъ не представляютъ собой чего-то цѣльнаго, то падаетъ *raison d'être* и такихъ доктринъ, какъ западничество и славянофильство. Различные союзы, въ которыхъ живетъ современный человекъ, различные узлы, которыя связываютъ его съ ближними, графически могутъ быть изображены, не только вертикальными полосами, соответствующими національнымъ дѣленіямъ человечества въ духѣ доктринъ западничества и славянофильства, а и полосами горизонтальными, интернаціональными. Славянофильство рассматривало Востокъ и Западъ, какъ цѣлостные культурно-историческіе типы. Но вотъ—мы это видѣли уже выше—«современное венгерское дворянство, несмотря на свой чардашъ и венгерскіе сапоги, чувствуетъ необыкновенное и при томъ

¹⁾ «Зап. проф.», III, 431. Курс. подл. Писано въ апрѣлѣ 1876 г.

платоническое расположеніе въ англійскому лордству. Исторія славянъ представляетъ—съ своей стороны—«множество подобныхъ примѣровъ, хотя къ сожалѣнію лишенныхъ бюджета платонизма. Такъ высшіе классы балтійскихъ славянъ продали свой народъ нѣмцамъ; такъ продавало свой народъ малоросійское шляхетство полякамъ; такъ сербское дворянство брталось съ турецкими бегами, чтобы встать въ ихъ ряды и вмѣстѣ съ ними топтать и сажать на колъ свой народъ. Вамъ—обращается Михайловскій къ славянофиламъ—непосредственное чувство говоритъ, что славяне, какъ славяне, вашъ братья. Издателямъ «Вѣсти» непосредственное чувство говорило, что имъ братья остзейскіе бароны, какъ бароны. Съ этимъ ничего не подѣлаешь» («Зап. проф.», 883, 887).

Объ это противорѣчіе и различіи доктрины западниковъ и славянофиловъ, и не могли не разойтись, ибо уже стало невозможнымъ ориентироваться съ помощію критерія: «вотъ Востокъ, вотъ Западъ», тамъ, гдѣ различія между Западомъ и Востокомъ приняли второстепенный характеръ по сравненію съ горизонтальными, сословно-классовыми и чисто классовыми дѣленіями человѣчества. Теперь критеріемъ для ориентировки въ средѣ современныхъ общественныхъ отношеній долженъ стать не національный, а какой-либо международный принципъ. Газета «Вѣсть» нашла этотъ принципъ въ интересахъ крупнаго землевладѣнія. Для политическихъ либераловъ онъ конкретизировался въ «Тьеръ и буржуазія», для социальныхъ демократовъ—въ широкое смѣсло этого слова—въ томъ числѣ для самаго Михайловскаго, въ интересахъ труда. «Такимъ образомъ—говоритъ Михайловскій въ статьѣ «Нѣсколько словъ о славянофильствѣ»—вмѣсто термина политическаго и физическаго географіи, вмѣсто славянскихъ и германскихъ элементовъ права, вмѣсто Востока и Запада мы получимъ терминъ экономическій и вполне международный—трудъ» (IV, 697)...

Пока въ этомъ, разумѣется, нѣтъ ничего новаго по сравненію съ тѣмъ, что намъ дало предыдущее изложене. Мы видѣли тамъ видѣли точно также, что «будучи поставлены правдышо и во всей своей широтѣ вопросъ о народной правдѣ обнимаетъ не только русскій народъ, а и весь трудящійся людь всего цивилизованнаго міра» («Литер. зам.», 1878 г., IV, 520). Это основныя положенія Михайловскаго нами уже установленныя и

никакимъ ограниченіямъ не подлежація. Точно ли, однако, не подлежація? Несмотря на категоричность тона послѣднихъ изъ приведенныхъ цитатъ, мы въ правѣ поставить такой вопросъ, такъ какъ для этого статья «Нѣсколько словъ о западничествѣ» etc. даетъ болѣе чѣмъ достаточный матеріалъ. Попробуемъ въ видахъ большей ясности разобрать подробнѣе этотъ пунктъ...

Внѣшнимъ поводомъ для статьи о славянофильствѣ и западничествѣ послужили у Михайловскаго «Изслѣдованія по русскому праву обычному и брачному» молодого юриста Н. Г. Оршанскаго. Пользуясь изслѣдованіемъ Н. Г. Оршанскаго, Михайловскій въ своей статьѣ ищетъ критерія для права и между прочимъ спрашиваетъ: «Не можетъ ли служить искомымъ критеріемъ найденный нами международный экономическій моментъ—трудъ? Нельзя ли сказать такъ: начало труда, какъ основаніе гражданскихъ правовыхъ отношеній, есть не только историческая категорія, не только проникаетъ собою все правовыя отношенія въ извѣстный періодъ развитія у всѣхъ восточныхъ, западныхъ, сѣверныхъ и южныхъ народовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить для насъ высшей инстанціей, куда слѣдуетъ обращаться въ случаѣ сомнѣній и разногласій. То-есть данное явленіе изъ области семейныхъ, имущественныхъ, договорныхъ или обязательственныхъ отношеній, по просту говоря, хорошо, если въ немъ торжествуетъ трудовое начало, и дурно въ обратномъ случаѣ. Это было бы очень удобно, если бы оказалось возможнымъ. Поднявъ начало труда со степени исторіи права на степень теоріи права, мы получили бы нѣчто стройное, цѣльное и въ высшей степени простое. Но, къ сожалѣнію, попытка провести трудовое начало по всемъ отдѣламъ гражданскаго права (такая попытка была сдѣлана г-жей Ефименко) враждебно сталкивается съ такими элементарными понятіями о добрѣ и злѣ, относительно которыхъ не можетъ быть разногласій».

Дѣйствительно—продолжаетъ Михайловскій,—самъ Оршанскій, несмотря на все свое пристрастіе къ «народной правдѣ», вынужденъ признать, что у нашего крестьянства «личный трудъ и мускульная цѣпность лица играютъ главную роль и тамъ, гдѣ, повидимому, должны преобладать совершенно другія начала».

Главнымъ образомъ это относится къ семейнымъ отно-

шеніямъ. Такъ, напримѣръ, съ невѣсты или съ ея семьѣ, нарушившей свадебный договоръ, женнхъ взыскиваетъ убытки, расчисляя ихъ по рабочимъ днямъ. Такъ отецъ, имѣя въ виду рабочую силу дочери, старается дольше не выдать ее замужъ. Такъ, и мужъ цѣнить въ женѣ главнымъ образомъ рабочую силу и т. п. Иногда это низведеніе человѣка до уровня механической силы принимаетъ форму очень замысловатыхъ и сложныхъ сдѣлокъ, какова, напримѣръ, приводимая Оршанскимъ: Θ . переселяется въ домъ Π . съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи женить 12-ти лѣтняго внука Θ . на внучкѣ Π . Здѣсь бракъ дѣтей и пріобрѣтеніе вслѣдствіе этого семьѣ Π . рабочей силы внука Θ . является эквивалентомъ за пропитаніе Θ . со внукомъ до совершеннолѣтія послѣдняго. Оршанскій старается оправдать подобные случаи, объясняя ихъ условіями нашей крестьянской жизни, при которой единственнымъ способомъ пріобрѣтенія является мускульный трудъ. Но дѣло вовсе не въ оправданіи, въ которомъ подобные несомнѣнно безобразные случаи не нуждаются... Дѣло не въ томъ, что мужикъ зарабатываетъ хлѣбъ личнымъ трудомъ, а въ томъ, что трудъ этотъ чрезмѣренъ, совершается при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ и не оставляетъ досуга, способнаго внести хоть маленько свѣту со стороны въ житье-бытье мужика» (томъ IV, 698—700).

До какой же степени этотъ свѣтъ нуженъ, видно еще изъ слѣдующаго факта, сообщаемого проф. Кистяковскимъ въ Киевскихъ «Университетскихъ Извѣстіяхъ». — «Мировой судья одной изъ южно-русскихъ губерній получилъ прошеніе такого содержанія: «Крестьянинъ села Ж., Я. Д., въ прошломъ 1874 г., нанялъ меня къ своей женѣ, дабы у нея было дитя, съ уплатою мнѣ 10 руб. и такъ какъ въ настоящемъ 1875 году родилось у его жены отъ меня, дитя мужского полу, то я началъ требовать отъ него слѣдующее 10 руб., но Я. Д. началъ еще смѣяться и ругать меня непристойными словами, а по сему честь имѣю покорнѣйше просить вызвать въ камеру свою отвѣтчика Я. Д. и свидѣтелей, знающихъ по этому дѣлу... и не оставить рѣшеніе о взысканіи слѣдующихъ 10 руб. и судебныхъ путевыхъ издержекъ 15 р., въ чемъ я подписуюсь»... «Привлеченные къ уголовной отвѣтственности, участники этой сдѣлки и свидѣтели въ первый разъ узнали отъ полиціи, что за подобныя дѣйствія имъ грозитъ тяжкая уго-

ловная кара. Можетъ быть въ этомъ случаѣ и возможно открыть торжество трудового начала, заключаетъ Михайловскій (тогда нужно его признать и въ проституціи), но приплетя сюда величіе народной правды едва-ли у кого повернется языкъ («Литер. зам.» 1878 г. IV, 519—520).

Какъ видитъ читатель, Михайловскій тутъ имѣетъ дѣло съ вопросомъ объ отысканіи надлежащаго критерія для построенія правовыхъ нормъ, но, конечно, его слова имѣютъ и болѣе распространенное, соціологическое значеніе, и въ этомъ смыслѣ они и представляютъ собственно главный интересъ, такъ какъ въ нихъ есть какъ будто противорѣчіе тому, что мы видѣли выше.

Дѣйствительно, раньше мы видѣли, что начало труда, интересы народа, какъ совокупности трудящихся классовъ, для Михайловскаго были принципиально равнозначны интересамъ личности. *Интересы труда не могутъ противорѣчить интересамъ личности* — вотъ его подлинныя слова, способныя служить эпиграфомъ для всѣхъ выводовъ изъ его соціологическихъ построеній. Говоря иначе, Михайловскій поднимаетъ въ области соціологіи трудъ со ступени факта на ступень теоріи общественной науки, дѣлая попытку провести по всѣмъ ея отдѣламъ трудовое начало. Между тѣмъ, что мы имѣемъ въ приведенныхъ цитатахъ о построеніи гражданскаго права? Ясно для каждаго, что тутъ мы имѣемъ нѣчто совершенно противоположное. «Поднявъ начало труда со ступени исторіи права на ступень теоріи права—говорится въ приведенныхъ выше цитатахъ,—мы получили бы нѣчто стройное, цѣльное и въ высшей степени простое. Но къ сожалѣнію, попытка провести трудовое начало по всѣмъ отдѣламъ гражданскаго права... враждебно сталкивается съ такими элементарными понятіями о добрѣ и злѣ, относительно которыхъ не можетъ быть разногласій».

И несомнѣнно, примѣры, которые приводитъ Михайловскій, вполне подтверждаютъ это. Даже больше: они даютъ намъ право оспаривать значеніе трудового начала не только въ области гражданскихъ отношеній, но и въ области отношеній чисто общественныхъ, въ области соціологіи, такъ какъ и тутъ трудовое начало можетъ, параллельно уродливымъ понятіямъ о правѣ, создать столь же уродливыя нормы для построенія общежитія. Это слишкомъ ясно, чтобъ требовать

доказательствъ. Доказательствъ при такихъ условіяхъ можетъ потребовать, напротивъ, уже установленное, казалось бы, нами положеніе о принципѣ труда, какъ основѣ научной социологій.

Противорѣчіе только что нами отмѣченное далеко не носитъ просто академическій характеръ. Если это противорѣчіе дѣйствительно существуетъ, тогда падаетъ все, что мы говорили о классовой точкѣ зрѣнія въ обоснованіи ея Михайловскимъ. Тогда окажется напротивъ, что міросозерцаніе его даже по внѣшности не носитъ классового характера, не будучи таковымъ и по существу. Уже одно это заставляетъ насъ остановиться на общемъ смыслѣ приведенныхъ выше цитатъ, но къ тому же насъ побуждаютъ и еще нѣкоторыя обстоятельства, состоящія въ отношеніи къ этой части взглядовъ Михайловскаго, со стороны одной очень вліятельной группы его друзей-читателей, именно со стороны народныхъ социалистовъ. Вотъ что по этому поводу мы читаемъ въ единственномъ въ сущности программномъ произведеніи зародно-социалистической литературы, въ брошюрѣ А. В. Пѣшехова «Программные вопросы. Вып. I. Основныя положенія. СПб. 1907 г.»; брошюрѣ тѣмъ болѣе любопытной, что она представляетъ попытку построить социалистическое міровоззрѣніе, исходя изъ основныхъ началъ теорій Н. К. Михайловскаго.

А. В. Пѣшеховъ рѣшительно оспариваетъ необходимость придавать классовой характеръ социалистической программѣ, — «придавать даже съ внѣшней стороны, находить онъ, классовой характеръ нашей программѣ, это значитъ нарушать ея стройность и цѣльность, это значитъ вносить смуту не только въ литературный обиходъ, но и въ умы. Ограниченный своимъ групповымъ кругозоромъ, каждый классъ имѣетъ склонность только свои интересы отстаивать, совершенно не считаясь съ интересами другихъ, хотя бы и близкихъ классовъ, и даже дѣйствуя въ прямой ущербъ имъ. Между тѣмъ, для насъ не интересы какой-либо группы важны, а интересы каждой человѣческой личности, — и мы не видимъ такого класса, которому можно было бы всецѣло довѣрить ихъ защиту. Поэтому и въ общественныхъ актахъ мы считаемъ необходимымъ руководиться не тѣмъ, выгоденъ ли итъ онъ для даннаго класса, а тѣмъ, полезенъ ли пагубенъ онъ для личности. Другими словами, наша программа считаетъ возможнымъ опираться въ общественной борьбѣ на каждый

изъ трудящихся классовъ, но лишь постольку, поскольку онъ отстаиваетъ интересы труда и не посягаетъ самъ на права личности» (см. указ. брош., прим. на стр. 16 и стр. 37).

Собственно въ этихъ словахъ А. В. Пѣшехоновъ близокъ къ прямому отрицанію самаго принципа демократіи. Сущность этого принципа безспорна. Она такова: въ трудѣ личность выражается наиболѣе полно; интересы труда не могутъ противорѣчить интересамъ личности; трудъ даетъ матеріалы для общечеловѣческаго идеала; поэтому есть только одна группа, которой мы всецѣло можемъ довѣрить борьбу за права все-сторонне развитой индивидуальности, эта группа—народъ, но, конечно, народъ, имѣющій правильное представленіе о своихъ интересахъ, народъ, *сознавшій себя единымъ рабочимъ классомъ*.

А. В. Пѣшехоновъ, однако, не допускаетъ употребленія въ какой бы то ни было комбинаціи выраженія рабочей классъ. «Введеніе въ программу термина рабочей классъ вмѣсто народа представляется мнѣ,—протестуетъ онъ—не только неудачнымъ, но и неправильнымъ». «Рабочій классъ» для него покрывается исключительно пролетариатомъ, а «мы знаемъ не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ, что этотъ «наиболѣе угнетенный классъ», какъ и всѣ другіе участники въ общественной борьбѣ, обнаруживаетъ склонность направлять свои силы по линіи наименьшаго сопротивленія и давить, такимъ образомъ, болѣе слабыя, если таковыя имѣются, общественныя группы. Укажу хотя бы на отношенія организованныхъ рабочихъ къ неорганизованнымъ. Напомню, далѣе, отношенія англійскихъ рабочихъ къ англо-бурской войнѣ и замѣшаннымъ въ ней интересамъ. Не слѣдуетъ забывать и противоестественныхъ, казалось бы, союзовъ организованныхъ американскихъ рабочихъ съ предпринимательскими трестами въ ущербъ неорганизованной потребительской, главнымъ образомъ, земледѣльческой массѣ». Да и вообще—«ни одинъ общественный классъ не охватываетъ и не можетъ охватить всѣхъ интересовъ сложной человѣческой индивидуальности. Съ другой стороны, ни одинъ изъ классовъ не располагаетъ достаточными силами, чтобы осчастливить цѣлый народъ и отстаивать права личности во всемъ ихъ объемѣ. Лишь объединивъ всѣ трудящіеся классы въ одномъ властномъ стремленіи—мы

можемъ осуществить нашу программу. Поэтому въ конечномъ счетѣ она и стремится опереться на весь народъ, какъ на совокупность трудящихся классовъ» (39).

Хотя во всемъ этомъ А. В. Пѣшеховъ разсуждаетъ какъ будто совершенно въ духѣ данной Н. К. Михайловскимъ критики трудового начала, какъ принципа гражданского права, — мы должны сказать тѣмъ не менѣе, что по существу его разсужденія рѣзко отличны отъ основныхъ руководящихъ положеній Н. К. Михайловскаго. Это очень странно, но это такъ.

А. В. Пѣшеховъ классовую точку зрѣнія подчиняетъ точкѣ зрѣнія всесторонне развитой личности, идею труда ступеньчиваетъ передъ идеей личности. Онъ не знаетъ такой общественной группы, которой можно было бы всецѣло довѣрить борьбу за права человѣка. Но вѣдь вопросъ состоитъ не въ этомъ, вопросъ не въ томъ, какъ эмпирически въ сознании работниковъ или крестьянъ складывается представление о характерѣ ихъ социальной борьбы, а въ томъ, какой видъ эта борьба должна принять, чтобы соответствовать действительнымъ интересамъ труда. Все мы знаемъ и объ отношеніи организованныхъ рабочихъ къ неорганизованнымъ, и объ увлеченіи англійскаго пролетаріата войной съ бурями, и объ отношеніи рабочихъ къ земледѣльческой массѣ, но какое это имѣетъ отношеніе къ классовому характеру нашей программы? Разноштанного. Никакого, ибо все это говоритъ только о *личныхъ* тѣхъ или другихъ общественныхъ группахъ, а не объ ихъ *интересахъ*, и тѣмъ же и интересы могутъ порой рѣшительно не совмещивать другъ другу, что Михайловскій неоднократно разъясняетъ въ своихъ статьяхъ.

А. В. Пѣшеховъ совершаетъ ошибку, которую мы должны назвать элементарной. Другое дѣло, если бы онъ доказалъ, что во имя своихъ интересовъ организованные рабочие и должны давить неорганизованныхъ, пролетаріатъ въ силу своего положенія и долженъ противопоставлять себя крестьянству, — ничего подобнаго, однако, А. В. Пѣшеховъ не старается показать; напротивъ, онъ мечтаетъ о такомъ времени, когда все трудящееся классы объединяется въ одномъ властномъ стремленіи, — т. е. когда они, выражаясь не столь образно, *сознаютъ себя единымъ рабочимъ классомъ*, въ такомъ сознании и лежатъ залогъ ихъ побѣды. И если А. В. Пѣше-

хоновъ все-таки приходитъ хотя и кружнымъ путемъ къ такому выводу, то не понятно, зачѣмъ онъ поднялъ весь вопросъ о классовомъ характерѣ нашей программы...

Но онъ его поднялъ, значить, у него были на это какія-то побудительныя причины. Ихъ, пожалуй, и не такъ трудно замѣтить. Пусть А. В. Пѣшехоновъ не учелъ при построении своей программы различія мнѣній и интересовъ народа, но вѣдь тѣ или другія мнѣнія тоже не съ неба падаютъ, а рождаются точно также на почвѣ какихъ-то интересовъ. Какъ же справиться, съ точки зрѣнія социологiи Михайловскаго, въ томъ видѣ, какъ ее освѣщаемъ мы, съ этимъ обстоятельствомъ? Но справиться съ нимъ очень просто. Отвѣтъ на это надо искать въ той части взглядовъ Михайловскаго, которая у него носитъ характеръ параллели между практическими и идеальными типами, параллели извѣстной намъ по главѣ о дарвинизмѣ. Параллель эта для насъ въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе цѣнна, что она даетъ отвѣтъ и на сдѣланное А. В. Пѣшехоновымъ противопоставленіе интересовъ личности, интересамъ плп стремленіямъ, разныхъ общественныхъ группъ. Объ интересахъ личностей какого типа говоритъ А. В. Пѣшехоновъ?

«Ограниченный своимъ групповымъ кругозоромъ, каждый классъ имѣетъ склонность только свои интересы отстаивать, не считаясь съ интересами другихъ, хотя бы и близкихъ классовъ» — критикуетъ А. В. Пѣшехоновъ тѣхъ лицъ, которыя придаютъ классовой характеръ своимъ программамъ. Но вѣдь и личность *практическаго* типа, ограниченная своимъ кругозоромъ, имѣетъ склонность отстаивать только свои интересы, не помышляя объ интересахъ другихъ, хотя бы и близкихъ ей личностей. И для того чтобы миновать такія перспективы, мы должны брать личности не *практическаго*, а *идеальнаго* типа, брать личность въ совокупности ея родовыхъ особенностей и соответственныхъ имъ интересовъ. Для того же, чтобы опредѣлить эту совокупность родовыхъ особенностей личности, для этого потребуется, конечно, большая предварительно работа отвлеченной мысли, но тѣмъ не менѣе лишь этимъ путемъ мы можемъ получить принципъ личности, какъ руководящее начало нашей дѣятельности. И вотъ этимъ же отвлеченіемъ родовыхъ признаковъ отъ всѣхъ эмпирически данныхъ случайныхъ наслоеній мы должны оперировать и

при опредѣленіи классовыхъ интересовъ той или другой общественной группы.

Съ послѣднимъ какъ разъ и не считается А. В. Пѣшеховъ, поэтому онъ и приходитъ къ своему парадоксальному заключенію о томъ, что придавать даже съ виѣшной стороны классовой характеръ социалистической программѣ— это значитъ вносить смуту въ умы. При этомъ любопытно, что А. В. Пѣшеховъ, считающій себя какъ и вообще народные социалисты, наиболѣе вѣрнымъ выразителемъ взглядовъ Н. К. Михайловскаго, даже такіе основные термины своего учителя, какъ принципы простой и сложной коопераціи понимаетъ повидимому (ср. стр. 30—31, его брошюры) въ технико-экономическомъ, а не социологическомъ смыслѣ. Не удивительно въ такомъ случаѣ всѣ приведенныя выше ошачбен А. В. Пѣшехова, такъ какъ на вопросы, которые теперь приводятъ его въ сомнѣніе, Михайловскій далъ отвѣтъ какъ разъ въ своемъ замѣчательномъ ученіи о разныхъ типахъ сотрудничества. Чтобы убѣдиться въ этомъ, читатель благоволитъ припомнить слѣдующую уже использованную нами (см. стр. 56) въ своемъ мѣстѣ цвату.

Отказываясь въ противовѣсъ Дюркгейму считать взаимныя отношенія между предпринимателями, работниками и потребителями органической солидарностью, Михайловскій говорить: «въ средѣ каждой изъ этихъ группъ идетъ болѣе или менѣе оживленная конкуренція»— на каковомъ фактѣ и строить свою критику А. В. Пѣшеховъ,— «но, можно сказать, заранее опровергаетъ эту критику Михайловскій, вытѣтъ съ тѣмъ каждая изъ нихъ объединена общностью интересовъ, положеній, чувствъ, мыслей, слагающихся въ механическую солидарность».

Вотъ социологическая основа того положенія о народѣ, сознавшемъ себя единымъ рабочимъ классомъ, въ личности котораго у своихъ единомышленниковъ лѣваго фланга, А. В. Пѣшеховъ увидалъ попытку внести смуту въ литературный обиходъ и въ умы. Михайловскій зналъ конечно о тѣхъ фактахъ, на которые указываетъ А. В. Пѣшеховъ, онъ и самъ указывать на нихъ неоднократно (ср. «Посл. соч.» I, 458), но изъ нихъ онъ дѣлалъ совсѣмъ иные выводы.

Одинъ изъ нихъ, и самый главный, мы уже знаемъ. Есть только одна общественная группа, одинъ только общественный

слою, которому мы можем всецѣло довѣрить борьбу за интересы всесторонне развитой личности,—это великая армія труда, на которой держится все современное общество. Нѣтъ нужды, что эта армія труда состоитъ изъ разнообразныхъ группъ, частные интересы которыхъ могутъ порой сталкиваться другъ съ другомъ, возбуждая между сторонниками общаго принципа братоубійственную борьбу. Нѣтъ нужды, ибо—и въ этомъ состоитъ второе заключеніе Михайловскаго—есть возможность заставить представителей всехъ отраслей труда уничтожить причины и поводы всехъ частныхъ вспышекъ противъ общаго блага, осознавъ свои *родовые* интересы. Объективную основу для такой возможности и составляютъ эти могучіе *классовые* интересы, основой же субъективной должна сдѣлаться пѣлесообразная пропаганда того общественнаго слоя, который у Михайловскаго называется интеллигенціей. Мы интеллигенція, потому что мы многое знаемъ, обо многомъ размышляли, по профессіи занимаемся наукой, искусствомъ, публицистикой, мы, вооруженные силой знанія, легче кого другого можемъ опредѣлить основные интересы каждаго класса и съ точки зрѣнія этихъ интересовъ оцѣнить все частныя междоусобія въ средѣ его. Это мы и должны сдѣлать, и съ этимъ евангеліемъ общественной борьбы мы и должны пойти къ единственному законному представителю идеи личности—къ народу. Или, какъ говорить объ этомъ самъ Михайловскій,—«о, если бѣ я могъ утонуть, расплыться въ этой грубой сѣрой массѣ народа, утонуть безповоротно, но сохранивъ тотъ свѣточъ истины и идеала, какой мнѣ удалось добыть на счетъ того же народа. О, если бѣ и вы все, читатели, пришли къ такому же рѣшенію, особенно у кого свѣточъ горитъ ярче моего и вообще свѣтло и безъ копти... Какая бы это вышла иллюминація и какой великій историческій праздникъ она отмѣтила бы собою. Нѣтъ равнаго ему въ исторіи» («Зап. проф.», III, 707)...

ОЧЕРКЪ СЕДЬМОЙ.

О построении научной социологии.

I.

Последовательное изложение взглядов Михайловскаго на построение социологии, какъ науки теоретической, затрудняется чрезвычайно многими обстоятельствами, особенно вышней разбросанностью изложения и невыдержанностью терминологии, одолеть которыя можно только при одномъ условіи — необходимо предварительно выработать правильный общій взглядъ на исходные пункты его разсуждений. Кое-что нами въ этомъ отношеніи уже сдѣлано въ главѣ о субъективномъ методѣ, во только именно кое-что, такъ какъ тамъ мы занимались главнымъ образомъ тѣмъ, что не слѣдуетъ подразумѣвать подъ субъективизмомъ Михайловскаго, поскольку рѣчь идетъ о его взглядахъ на методъ въ социологии. Теперь же наоборотъ, намъ нужно обратить вниманіе на положительную сторону той же проблемы. Но какъ разъ здѣсь мы и сталкиваемся съ цѣлымъ рядомъ такихъ затрудненій, не отбрасывая которыя мы рискуемъ запутаться въ самыхъ, повидимому, простыхъ и ясныхъ взглядахъ Михайловскаго.

Мы видѣли въ свое время, что, по мнѣнію критиковъ, Михайловскій не сумѣлъ разграничить задачи социологии, какъ науки теоретической, отъ задачъ ея, какъ науки прикладной. По выраженію г. Ранскаго, Михайловскій «выбѣго оперировавъ законовъ общественной жизни» поставилъ социологии совершенно шую цѣль, сдѣлавъ ее чѣмъ-то «въ родѣ ученія о долативо-

стяхъ человѣка и гражданина, какъ говорили у насъ въ старину». Упреки эти по адресу Михайловскаго почти дословно повторяютъ аналогичные же упреки, сдѣланные самимъ Михайловскимъ по адресу Спенсера. Г. Ранскій этого не замѣчаетъ, но тѣмъ хуже для него. Спенсеръ въ подзаголовкѣ своей книги «Соціальная статика» поставилъ слова: «изложеніе общественныхъ законовъ, обуславливающихъ счастье человѣчества», чѣмъ какъ бы указывалъ, что соціальная статика имѣетъ цѣлью не изслѣдованіе законовъ сосуществованія явленій, какъ это принято думать обыкновенно, а задачей ея является изложеніе законовъ для достиженія въ некоторой *практической* цѣли—счастья человѣчества. Критикуя этотъ пояснительный подзаголовокъ къ сочиненію Спенсера, Михайловскій между прочимъ возражаетъ слѣдующее.

«Соціальная статика есть ученіе о законахъ сосуществованія общественныхъ явленій. Ея дѣло анализировать различныя состоянія общества, различныя формы общественной жизни, сравнивать ихъ и отсюда выводить законы устойчивости политическихъ тѣлъ. Она указываетъ, что если даны такія-то и такія-то явленія, то имъ непременно сопутствуютъ такія-то и такія-то; что если въ одномъ углу общественной жизни произошло такое-то измѣненіе, то на другихъ углахъ оно отзовется такъ-то; что сосуществованіе такихъ-то и такихъ-то явленій не возможно и т. п.».

То есть задачи соціальной статистики,—чисто объективныя, теоретическія, какъ объективны законы, составляющіе ея содержаніе.

Наоборотъ, «счастье человѣчества» или ученіе о должностяхъ человѣка, какъ выражается г. Ранскій, которое Спенсеръ въ своемъ подзаголовкѣ сопоставляетъ съ задачами соціальной статистики, «это цѣль, которую утилитаристы ставятъ людямъ, съ точки зрѣнія которой они оцѣниваютъ явленія въ практическомъ отношеніи и предписываютъ извѣстныя правила поведенія. Этика, ученіе о нравственности, какъ наука, распределяется между соціальною статикой и соціальною динамикой, т. е. либо изучаетъ законы сосуществованія нравственныхъ идеаловъ и практическихъ побужденій, либо слѣдитъ за ихъ послѣдовательной смѣной. Этика же, какъ совокупность правилъ поведенія, есть не наука, а искусство и, слѣдовательно, стоитъ совершенно отдѣльно и отъ статистики

и отъ динамики; она только пользуется ихъ указаніями для достиженія извѣстныхъ практическихъ цѣлей»¹⁾).

Очевидно, что и социологія, какъ «изложеніе общественныхъ законовъ, обуславливающихъ счастье человѣчества», «есть не наука, а искусство». Иначе говоря, понимю социологіи въ научномъ смыслѣ этого слова есть еще практическая, прикладная социологія, которая стоитъ совершенно отдѣльно и отъ социальной статистики и отъ динамики, пользуясь ихъ указаніями для достиженія нѣкоторой практической цѣли. И упрекая Михайловскаго въ неумѣнн разграничить социологію, какъ науку теоретическую, отъ социологіи въ смыслѣ науки прикладной, г. Ранскій повторяетъ лишь «своими словами» то, что Михайловскимъ на тридцать лѣтъ раньше его было формулировано съ чрезвычайной отчетливостью.

Съ другой стороны, какъ ни очевидна въ этомъ случаѣ позиція Михайловскаго, но она требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ. Прежде всего въ трудахъ самого Михайловскаго разграниченіе, указанное имъ на примѣрѣ Спенсера, не проведено систематично. Наоборотъ, во многихъ мѣстахъ, а особенно въ V гл. «Записокъ профана», представляющей его программно-социологическое credo, у него сдѣлано гораздо больше, чѣмъ это допустимо, шаговъ въ сторону какъ бы прямого смѣше-

¹⁾ См. статью «Что такое счастье». Писана въ мартѣ—апрѣлѣ 1872 г. Приведенныя слова на 135—136 стр. III т. Ср. такъ же, въ ст. «Новый историкъ еврейскаго народа» (яне. 1878 г.) стр. 107, гдѣ Михайловскій говоритъ о «двухъ одинаково законныхъ», но разныхъ «типахъ историческаго изслѣдованія». „Для событія прошлаго распадаются въ извѣстной, такъ сказать, нравственно-политической перспективѣ, съ чисто педагогическими цѣлями, съ цѣлью именно дать современникамъ тотъ или другой практическій урокъ. Для въ событіяхъ прошлаго, въ ихъ послѣдовательной связи отыскивается то, что обыкновенно не совсѣмъ правильно называется законами исторіи, то есть неизмѣнная повторяемость явленій при опредѣленныхъ сходныхъ условіяхъ“. Конечно оба типа такихъ изслѣдованій „могутъ выходить изъ подъ пера одного и того же лица, даже непосредственно сливаться въ одно цѣлое“, что не мѣшаетъ имъ оставаться принципиально различными. Наконецъ, „независимо отъ нихъ стоятъ еще философско-историческіе трактаты, стремящіеся объять все прошлое одною формулою“ въ цѣляхъ „отыскать въ ней отраженіе тѣхъ или другихъ социологическихъ законовъ“, къ какому рода изслѣдованіямъ собственно болѣе социологическимъ, чѣмъ историко-философскимъ (къ нимъ скорѣе принадлежатъ изслѣдованія втораго типа изъ указанныхъ выше) и относятся научныя работы самого Михайловскаго.

нія двухъ сторонъ соціологін, хотя онъ и здѣсь «соціологію, какъ науку» отграничиваетъ отъ соціологін вообще.

Во-вторыхъ же, въ своихъ непосредственныхъ формулировкахъ и терминологіи, обычно у Михайловскаго весьма отличныхъ отъ общепринятыхъ, онъ на первый взглядъ даже принципиально нарушаетъ общій смыслъ вышеприведеннаго мѣста изъ статьи о Спенсерѣ. Онъ чуть ли даже не становится на имъ же спротестованную позицію Спенсера. По крайней мѣрѣ, осудивъ его за попытку свести соціальную статистику къ опредѣленію законовъ, обусловливающихъ счастье человѣчества, Михайловскій самъ приходитъ почти къ этому же, но съ другой стороны. Мы имѣемъ въ виду именно его широко извѣстное опредѣленіе двуединой правды, какъ основной задачи всей его литературной дѣятельности.

«Всякій разъ, какъ мнѣ приходитъ въ голову слово «правда», я не могу не восхищаться его поразительною внутреннею красотой, — говоритъ Михайловскій. — Такого слова нѣтъ, кажется, ни въ одномъ европейскомъ языкѣ. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются однимъ и тѣмъ же словомъ и какъ бы сливаются въ одно великое цѣлое. Правда въ этомъ огромномъ смыслѣ слова всегда составляла цѣль моихъ исканій. Правда-истина, разлученная съ правдой-справедливостью, правда теоретическаго неба, отрѣзанная отъ правды практической земли, всегда оскорбляла меня, а не только не удовлетворяла. И наоборотъ, благородная житейская практика, самые высокіе нравственные и общественные идеалы представлялись мнѣ всегда обидно-бессильными, если они отворачивались отъ истины, отъ науки. Я никогда не могъ повѣрить и теперь не вѣрю, чтобы нельзя было найти такую точку зрѣнія, съ которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука объ руку, одна другую пополняя. Во всякомъ случаѣ, выработка такой точки зрѣнія есть высшая изъ задачъ какія могутъ представиться человѣческому уму, и нѣтъ усилій, которыхъ жалко было бы потратить на нее. Безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію—правдѣ - истинѣ, правдѣ объективной, и въ то же время охранять и правду-справедливость, правду субъективную,—такова задача всей моей жизни. Нелегкая эта задача».

Слова эти написаны Михайловскимъ въ 1889 году въ одной изъ статей въ «Русской Мысли» ¹⁾. Но и раньше, еще въ «Отеч. Зап.» онъ неоднократно и въ самой разнообразной формѣ выражалъ то же самое, назвавъ даже свои «Письма о правдѣ и неправдѣ», въ которыхъ онъ обѣщалъ дать «снѣтѣму правды», — «программой и критикой». Программа эта состояла вкратцѣ въ слѣдующемъ.

Мы желаемъ, — говорилъ тамъ Михайловскій, — «во-первыхъ, знать неподкрашенную правду о существующемъ, о *миръ, какъ онъ есть* (курсивъ Михайловскаго), со включеніемъ ближайшихъ къ намъ, окружающихъ насъ вилотную явлений». «Въ то же время, насъ занимаетъ и другая половина правды — вопросы о томъ, каковъ *миръ долженъ быть*, *миръ человѣческихъ отношеній, разумѣется*». «О, мои молодые друзья, обращается Михайловскій къ своей аудиторіи, та наука, которая такъ претендъ вашими нравственнымъ идеаламъ — советамъ не наука: отрывая истину отъ справедливости, помясь только за первую, какъ за однимъ зайцемъ, она, въ противность пословицъ, не ловитъ и его» ²⁾.

Требую отъ науки отбѣта на запросы нашихъ «нравственныхъ идеаловъ», Михайловскій соответственнымъ образомъ строитъ и всю свою систему правды.

«Система Правды, — по его словамъ, — требуетъ такого принципа, который: 1) служилъ бы руководящей нитью при изученіи окружающаго мира и, слѣдовательно, давалъ бы отбѣты на вопросы, естественно возникающіе въ каждомъ человѣкѣ; который 2) служилъ бы руководящей нитью въ практической дѣятельности и, слѣдовательно, давалъ бы отбѣты на запросы совѣсти и нравственной сѣдлани, опять таки естественно возникающіе въ каждомъ человѣкѣ; и ко-

¹⁾ Въ статьѣ «Страшенъ оны, да милостивъ Богъ», прошивъ г. Слонимскаго. Теперь эти слова входятъ въ предисловіе къ «Сочиненіямъ» Н. К. Михайловскаго. Ср. съ началомъ въ редакціи содѣланныя слова одной изъ характернѣешихъ статей о Михайловскомъ, «Бельтовъ показавъ, что Михайловскій исходитъ въ своемъ теоріи изъ дилеммы и въ запросамъ и въ вѣдѣніи извѣстныхъ социологическихъ законовъ, занимается рѣшительныя проблемы о *человѣческой счастіи*» (ст. Младого переходнаго времени. «Самарскій Вѣстникъ». 1896 г. № отъ 19 дек.). Именно подобнаго г. Бельтовъ не «показавъ», хотя, дѣйствительно, полагая это сдѣлать.

²⁾ См. т. IV, стр. 414, 391.

торый, наконецъ, 3) дѣлалъ бы это съ такой силою, чтобы прозелить съ религіозной преданностью влекся къ тому, въ чемъ принципъ системы полагаетъ счастье» ¹⁾).

Но не хочетъ ли Михайловскій такимъ путемъ превратить соціологію въ сборникъ правилъ личнаго поведенія, сдѣлавъ ее изъ науки искусствомъ? «Отсюда,—какъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ г. Равскій, единственный изъ критиковъ, остановившій свое вниманіе на этихъ терминахъ Михайловскаго,—идеть у него «превращеніе науки въ религію», сведеніе ея задачъ «то къ задачамъ религіи, то къ задачамъ искусства, какъ практическаго примѣненія добытыхъ наукой истинъ. (см. его книжку, стр. 117, 118). вмѣстѣ съ тѣмъ, все предыдущее изложеніе, усваивающее соціологіи, какъ наукѣ теоретической, исключительно разработку законовъ сосуществованія явленій общественной жизни, взятыхъ въ статикѣ и динамикѣ, рѣшительно противорѣчатъ такимъ предположеніямъ, если только не признать, къ чему у насъ нѣтъ ни какихъ основаній, за Михайловскимъ неумѣнье логически развивать свои же собственные положенія. Очевидно, разрѣшеніе поднятыхъ въ приведенныхъ словахъ проблемъ лежитъ гдѣ-то въ иной области, намъ пока неизвѣстной. Гдѣ же именно?

Отвѣтомъ на это могутъ служить слѣдующія слова Михайловскаго, по существу намъ уже знакомыя: «Одно изъ первыхъ правилъ критики,—сообщаетъ онъ,—къ сожалѣнію

¹⁾ Тамъ же, стр. 405, 406. Ср. съ этимъ опредѣленіе религіи, которое даетъ Михайловскій въ «Зап. проф.» (т. III. 386), и другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій (напр. «Отрывки о религіи», т. II, «Послѣдн. Сочин.» и «Предисловіе къ книгѣ объ Іоаннѣ Грозномъ», т. VI). «Подъ религіей я разумѣю такое ученіе, которое связываетъ существующія въ данное время понятія о мірѣ съ правилами личной жизни и общественной дѣятельности: связываетъ такъ прочно, что для исповѣдующаго это ученіе поступить противъ своего нравственнаго убѣжденія въ такой же мѣрѣ невозможно, какъ согласиться, что, напримѣръ, дважды два равняется стеариновой свѣчкѣ». Ср. по этому поводу замѣчаніе одного изъ первыхъ критиковъ Михайловскаго (въ статьѣ «По поводу спора о субъект. методѣ», въ № 30 «Недѣли» за 1875 г.): «предложенное г. Михайловскимъ опредѣленіе религіи заключаетъ въ себѣ то же самое, что г. Михайловскій выставляетъ какъ задачу соціологіи, построенной при посредствѣ субъективнаго метода». Какъ мы увидимъ впоследствии, это замѣчаніе построено на грубохъ заблужденіи.

весьма часто забываемое, состоитъ въ различеніи субъективной и объективной оцѣнки фактовъ. Постоянное соблюденіе этого простаго правила избавило бы насъ отъ многихъ недоразумѣній. Указаніе на существованіе факта, на его вѣроятныя причины и слѣдствія, на его распространенность и т. д. составляетъ объективную оцѣнку. Субъективная же оцѣнка состоитъ въ одобреніи или порицаніи факта, въ указаніи на его желательность или нежелательность съ извѣстной точки зрѣнія ¹⁾.

Это и есть то двоякаго рода пониманіе субъективизма, которое мы отмѣтили во II главѣ очерка о субъективномъ методѣ. И теперь мы видимъ со словъ самого Михайловскаго, что дѣйствительно разрѣшеніе поставленныхъ выше проблемъ состоитъ въ умѣнн правильно отграничить въ области социологичеоба, принципиально разнородные, вида «оцѣнки» фактовъ. Или иначе, въ умѣнн отграничить субъективизмъ, отъ котораго получаетъ свое начало объективное изученіе общественности съ помощью «особаго метода» социологиче, отъ субъективизма въ смыслѣ этическаго отношенія къ событіямъ съ точки зрѣнія даннаго «идеала истины и справедливости». Прежде чѣмъ, однако, показать, какое значеніе имѣетъ «постоянное соблюденіе этого простаго правила» для разрѣшенія поставленныхъ выше вопросовъ, мы должны выяснитъ точнѣе смыслъ самаго «различенія объективной и субъективной оцѣнки фактовъ».

«Чистые объективисты говорятъ: наука должна познавать причинную связь явленій, устанавливать законы ихъ возникновенія, развитія и прекращенія, и больше ей дѣлать нечего; иной задачи нѣтъ и у социологиче. Разъ выясненъ какой-нибудь социологическій процессъ, желать измѣненія его было бы безумно и недостойно человека науки; онъ долженъ принимать истину и здѣсь съ такими же распростертыми объятіями, какъ въ механикѣ или химіи; одобрять или не одобрять какой-нибудь порядокъ вещей, прилагать къ нему мѣрку нравствен-

¹⁾ См. «Литерат. зам.» 1872 г. т. I, стр. 714, 715. Ср. слѣдующія слова азъ «Зап. проф.», стр. 393, въ которыхъ говорится, что мы должны различать «два рода истинъ»—«однѣ свидѣтельствуютъ о существованіи извѣстныхъ явленій и отношеній между ними» и это истинны объективныя, «другія свидѣтельствуютъ о степени удовлетворенія, которыя эти явленія даютъ различнымъ требованіямъ прарады наблюдателя, поинико потребности познания. Последнія субъективны».

наго суда, по малой мѣрѣ бесполезно и во всякомъ случаѣ ненаучно, ибо объ этомъ порядкѣ вещей наука только и можетъ сказать, что онъ порожденъ извѣстными причинами и даетъ извѣстныя послѣдствія» ¹⁾).

«Не плакать, не смѣяться, а понимать» — вотъ что провозглашаютъ «чистые объективисты». Точка же зрѣнія Михайловскаго рѣшительно противоположна.

«Когда намъ рекомендуютъ «не плакать и не смѣяться, а понимать», — говоритъ онъ, — то, собственно говоря, намъ рекомендуютъ именно не понимать, потому что не смѣяться надъ смѣшнымъ значить не понимать смѣшного» ²⁾). «Мы, профаны, считаемъ своимъ священнымъ правомъ, котораго у насъ отнять никто не можетъ, право нравственного суда надъ собой и другими, право познанія добра и зла, право называть мерзавца мерзавцемъ» ³⁾). «Нравственная оцѣнка своихъ и чужихъ дѣйствій составляетъ такую глубокую потребность для человѣка, что онъ склоненъ подвергать ей даже явленія окружающей мертвой природы». «Едва возникаютъ передъ нами изъ дали времянь еще блѣдныя, слабыя очертанія историческаго лица, едва мы начинаемъ узнавать его, какъ уже вторгается потребность нравственной оцѣнки и властно требуетъ своего удовлетворенія». «Познавъ зло, какъ фактъ, познавъ его причины и слѣдствія, мы хотимъ еще найти отвѣтственнаго виновника и поступить съ нимъ, какъ подскажутъ намъ возмущенное нравственное чувство и контролирующий разумъ» ⁴⁾).

Михайловскій, конечно, прекрасно понималъ, что «нѣтъ дѣйствія безъ причины», а потому «не безъ причины и человѣческія дѣйствія». Онъ чрезвычайно высоко цѣнилъ, какъ самый принципъ законосообразности, такъ равно тѣ огромныя усилія, съ которыми онъ былъ завоеванъ научной мыслью человечества. И отстаивая правомѣрность и самостоятельность этического отношенія и дѣйствительности, Михайловскій отнюдь не посягалъ тѣмъ самымъ на принципъ причинной связи явленій,

¹⁾ См. «Зап. проф.» гл. V, стр. 396.

²⁾ Слова изъ ст. «Предисловіе къ книгѣ объ Іоаннѣ Грозномъ» т. VI, стр. 122.

³⁾ «Зап. проф.» гл. VII, стр. 438.

⁴⁾ См. т. VI, стр. 685; ст. «О драмѣ Додэ, романѣ Бурже и о томъ, кто виноватъ».

бывшій для него «фундаментомъ науки вообще»¹⁾. Русская общественность и русская научно-литературная мысль сдѣлали во времени выступленія Михайловскаго на поприще литературной дѣятельности такой огромный шагъ въ разработкѣ вопроса объ исторической необходимости, особенно въ статьяхъ Н. Г. Чернышевскаго (а равно въ трудахъ разныхъ специалистовъ по разработкѣ исторіи Россіи),—что мысль о причинной связи явленій и въ частности объ исторической законосообразности досталась Михайловскому, какъ на это онъ самъ указывалъ, въ видѣ почти дарового наслѣдства отъ предыдущей эпохи.

«Я знаю эту азбуку—говорить онъ въ одной изъ своихъ полемическихъ статей противъ марксистовъ,—мало того, я знаю, что она пменно азбука, безъ которой и читать нельзя»²⁾.

По мнѣнію Михайловскаго, «вопросъ о произвольности не существуетъ для науки, психологія неизбѣжно разсуждаетъ, какъ бы онъ былъ рѣшенъ отрицательно, логика и этика столь же неизбѣжно разсуждаютъ, какъ бы онъ былъ рѣшенъ положительно»³⁾. Въ самой основѣ понятія о наукѣ лежитъ великій законъ причинности, правильная повторяемость при извѣстныхъ условіяхъ извѣстныхъ фактовъ, ибо «нельзя изучать явленія, измѣненія которыхъ не подлежатъ никакой правильности»⁴⁾. «Если духовная сторона человѣка и общественныя отношенія не подлежатъ какой бы то ни было

1) См. т. VI, стр. 101. Ср. слова Михайловскаго въ ст. «Аналог. мет.» т. I, стр. 367: «человѣческія дѣйствія вызываются опредѣленными и условными вѣшними причинами и слѣдуютъ одно за другимъ въ извѣстномъ правильномъ порядкѣ». Въ частности «исторія не есть огромное съ бухту-барухту, которое Бисмаркъ или кто другой можетъ... повернуть какъ захочетъ» (см. «Лит. зап.» 1874 г. т. II, стр. 643). О жертвахъ, съ которыми была завоевана, «благодаря соединеннымъ усиліямъ статистиковъ, историковъ, психологовъ, физиологовъ, философовъ» эта идея см. на 434 стр. «Зап. проф.» «Отцѣмъ новѣйшаго взгляда на исторію» Михайловскій считаетъ Кондорсе (см. объ этомъ т. I, 370), указывая, впрочемъ, предшественниковъ и у него въ лицѣ Вико и отчасти Вольтера. См. статью о Вико, стр. 96—97, т. III.

2) Слова изъ статьи о г. Струве. «Литер. восп.», т. II, 423. Но и раньше, напримѣръ, въ одной статьѣ 1870-хъ годовъ Михайловскій писалъ: «идея законосообразности вошла во всеобщее сознаніе, стала азбучной истинной».

3) Слова П. Л. Лаврова. См. «Зап. проф.», стр. 440. Михайловскій чрезвычайно высоко цѣнилъ эти слова Лаврова и не разъ ихъ цитировалъ. См. напр. т. I. стр. 745, 809.

4) См. «Философія исторіи Л.-Блава», т. III, стр. 13.

правильности и законѣрности, то немислимы и науки нравственныя и политическія». «Наука есть рядъ законовъ, выведенныхъ изъ возможно большаго количества фактовъ одного и того же порядка, съ цѣлью предвидѣть имѣющіе случиться факты, на основаніи фактовъ прошедшаго и настоящаго... Гдѣ нѣтъ законовъ, тамъ не можетъ быть и науки»¹⁾).

Признавая верховный принципъ необходимости «фундаментомъ науки вообще», Михайловскій учитывалъ и то обстоятельство, что въ разныхъ областяхъ знанія мы обладаемъ далеко не одинаковыми средствами, и возможностью установить на конкретныхъ фактахъ формы конкретного проявленія причинной связи явленій. Такъ, если «низшія науки, вѣдающія болѣе простыя вещи, чѣмъ психическая и общественная жизнь, имѣютъ въ своемъ распоряженіи цѣлый рядъ законовъ, то есть формулъ для постоянныхъ сочетаній явленій, находящихся въ предполагаемой причинной зависимости другъ отъ друга», то «психологія и социологія», наоборотъ, «крайне бѣдны въ этомъ отношеніи».

Конечно, это не лишаетъ насъ права мыслить и социальныя явленія, какъ всецѣло подчиненныя закону причинной связи. Во-первыхъ, «и непосредственныя наблюденія, и общій поступательный ходъ науки, научнаго міросозерданія, убѣждаютъ насъ что и здѣсь причины и слѣдствія идутъ другъ за другомъ съ той же неизмѣнною послѣдовательностью, какъ въ области, напримѣръ, астрономическихъ или химическихъ явленій». А кромѣ того, «пусть мы не знаемъ самыхъ законовъ, то есть не умѣемъ формулировать сосуществованіе и послѣдовательность въ той или другой группѣ явленій, но мы навѣрное знаемъ, что законосообразность господствуетъ и здѣсь, что и здѣсь никакая внѣшняя сила не въ состояніи отмѣнить или измѣнить извѣстное слѣдствіе, разъ дана соответственная причина. Это общее убѣжденіе, быть можетъ, драгоцѣннѣйшее изъ пріобрѣтеній человѣческаго разума»²⁾.

Казалось бы послѣ всего этого, «чистые объективисты»,

1) Последнія двѣ цитаты см. т. II, стр. 10. Какъ мы видимъ, здѣсь Михайловскій повторяетъ въ болѣе общей формѣ примѣнительно къ наукамъ вообще то опредѣленіе, которое имъ даю для социологіи.

2) Последнія цитаты см. въ VI т., стр. 113—114. «Предисловіе къ книгѣ объ Іоаннѣ Грозномъ». Ср. о современномъ научномъ состояніи психологіи въ I т. «Откликовъ», стр. 151.

съ которыми такъ усиленно борется Михайловскій, болѣе правы, чѣмъ онъ. Развѣ самъ Михайловскій не владеть въ основу всей науки принципъ «причинной связи явленій», считая его почти присущимъ нашему сознанию? А Михайловскій знаетъ кромѣ того случаи (см. стр. 172, т. IV ст. о Марксѣ), когда «столкновеніе нравственнаго чувства съ исторической необходимостью должно разрѣшаться въ пользу необходимости». Вопросъ, однако, на дѣлѣ стоитъ значительно сложнѣе и какъ разъ потому, что Михайловскій въ рѣшеніи его послѣдовательно остается на почвѣ строгаго детерминизма.

«Чистые объективисты», оставаясь вѣрными самимъ себѣ, могутъ утверждать только то, что каждое явленіе въ своемъ возникновеніи, ростѣ и паденіи обусловлено опредѣленными причинами. Но развѣ потребность нравственной оцѣнки событій явилась какъ-нибудь сама собой, а не въ силу опредѣленныхъ причинъ, вызвавшихъ ее съ желѣзной необходимостью? Развѣ оружіе «чистыхъ объективистовъ», во имя причинной связи явленій недопускающихъ свободнаго моральнаго суда надъ ними, не можетъ быть обращено, въ этомъ случаѣ, противъ нихъ? Все совершающееся необходимо, значить, необходима и нравственная оцѣнка, судъ надъ самой необходимостью. Но «если нравственная оцѣнка положительная или отрицательная, столь же необходима, какъ и вызывающій ее фактъ», — то въ данномъ случаѣ «идея необходимости пожираетъ сама себя. Она отпускаетъ насъ съ тѣмъ же нравственнымъ и даже умственнымъ багажемъ, съ которымъ мы подошли къ ней»¹⁾. Чистые объективисты «проваливаются въ собственное глубокомысліе».

«Значеніе историческихъ условій, какъ факторовъ, опредѣляющихъ дѣятельность личности, несомнѣнно, но столь же несомнѣнно право и возможность для личности судить о явленіяхъ жизни безъ отношенія къ мѣсту ихъ въ исторіи, а сообразно той внутренней цѣнности, которую имъ придаетъ та или другая личность въ каждую данную минуту. Это неизбежно вытекаетъ изъ условій человѣческой природы»²⁾.

¹⁾ Изъ ст. «Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ», т. IV стр. 61.

²⁾ См. гл. VII «Зап. проф.» стр. 440. Ср. такъ же стр. 448, гдѣ говорится про Льва Толстого (гл. VIII посвящена «Десницѣ и шуйцѣ Л. Толстого») слѣдующее: *не отрицая законовъ исторіи, онъ провозглашаетъ право нравственнаго суда надъ исторіей, право лично-*

Послѣдняя ссылка на условія человѣческой природы, изъ которой неизбежно, т.-е. въ силу необходимости, вытекаетъ потребность нравственной оцѣнки событій, ставить передъ нами рядъ новыхъ аргументовъ Михайловскаго въ защиту своей точки зрѣнія. «Чувство ответственности, совѣсть и потребность нравственнаго суда суть вполне реальныя явленія психической жизни, допускающія наблюденіе и вообще научныя приемы изслѣдованія»¹⁾. «Отрицать ихъ или называть ихъ фантомомъ, игрой воображенія, нельзя, потому что они суть психическія состоянія, поддающіяся изслѣдованію». «Человѣческая природа такъ устроена, что самый процессъ удовлетворенія какой-нибудь потребности вызываетъ новую потребность, столь же настоятельно требующую насыщенія». Напримѣръ, «процессъ дыханія, т.-е. удовлетворенія первой и элементарнѣйшей потребности, вызываетъ потребность питанія»²⁾.

Точно такимъ же образомъ опредѣляются отношенія между потребностью познанія и потребностью нравственной оцѣнки событій. «Познаніе есть необходимый посредникъ между наукой и всѣми требованіями человѣческой природы, потому что съ иной стороны къ наукѣ нѣтъ и доступа». Познаніе ведетъ насъ къ истинѣ, но истина есть удовлетвореніе только *одной* потребности нашего духа «и думать, что она способна удовлетворить *всѣ* потребности, такъ же неосновательно, какъ думать, что мозгъ способенъ исполнять всѣ отправления животнаго организма. Мозгъ имѣетъ свои опредѣленныя функціи, весьма важныя, но все-таки мозгъ неспособенъ вырабатывать, напримѣръ, кровь или желчь, переваривать пищу и проч. То же самое и съ категоріей истиннаго»³⁾.

«Понять явленіе»,—говоритъ Михайловскій въ статьѣ «Аналогическій методъ въ общественной наукѣ» (т. I, стр. 343),—«значить, оцѣнить его со всѣхъ сторонъ какъ нѣчто цѣлое. Такая-то цѣлостная постановка вопросовъ и всесторонняя оцѣнка фактовъ и составляетъ насущную потребность

сти судить объ историческихъ явленіяхъ не только какъ о звеньяхъ цѣпи причинъ и слѣдствій, но и какъ о фактахъ соотвѣствующихъ или не соотвѣствующихъ ей, личности, идеаламъ».

¹⁾ Тамъ же, стр. 437. Слѣдующая цитата изъ ст. «Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ», т. IV стр. 61.

²⁾ См. т. VI, стр. 120. «Предисловіе къ книгѣ объ Іоаннѣ Грозномъ».

³⁾ Гл. V. «Зап. проф. стр. 392.

нравственныхъ и политическихъ наукъ и верховный принципъ грядущей общественной науки». И отказываясь, подобно чистымъ объективистамъ, отъ нравственного осужденія или одобренія общественныхъ фактовъ, слѣдуюя принципу «не изакать, не смѣяться, а понимать», мы не только совершаемъ ошибку теоретическую, но и профанируемъ, дѣлаемъ вульгарнымъ самый принципъ причинности. «Подумайте въ самомъ дѣлѣ, мои молодые друзья,—обращается Михайловскій къ читателямъ въ «Письмахъ о правдѣ и неправдѣ», какую страшную ибную досталась намъ та истина, что человѣческія дѣйствія повинуются извѣстнымъ естественнымъ законамъ. Страшно вообразить тотъ рядъ костровъ, на которыхъ горѣли провозвѣстники этой идеи, тотъ рядъ преслѣдованій, который они вытерпѣли. И для чего?—для того, чтобы какой-нибудь палачъ имѣлъ возможность говорить: я совершилъ пакость, но моя воля несвободна—я ни въ чемъ не виноватъ»¹⁾).

Тогда какъ, по мнѣнію Михайловскаго, «вопросъ: кто виноватъ?—не есть ни праздный вопросъ, ни противорѣчающій верховному закону причинности». Самъ по себѣ онъ никакимъ образомъ не задѣваетъ и ничѣмъ не нарушаетъ объективнаго, безпристрастнаго изслѣдованія общественныхъ фактовъ, ибо онъ къ этому изслѣдованію не имѣетъ никакого отношенія. Это вопросъ совершенно самостоятельный. Допустимъ, напримеръ, что «совершается злое дѣло». Пусть «оно извѣщено, сфигрено, изслѣдовано съ точки зрѣнія причинъ и слѣдствій». «Останавливается ли на этомъ, можетъ ли остановиться, работа нашего духа. Нѣтъ,—отвѣчаетъ Михайловскій,—не останавливается, не должна останавливаться. Возникаетъ новый вопросъ, настоятельно требующій разрѣшенія: кто виноватъ?... Можетъ быть я, такой-то, или режъ, и тогда начинается свершащая работа совѣсти съ ея требованіемъ искупленія аскетическаго, въ видѣ веряги и великаго рода лишений, или дѣйствительнаго, въ видѣ крутого поворота двачелюности. Можетъ быть, такое-то второе или третье лицо, ты, вы, онъ, они, и тогда воля напрягается въ направленной мести, или той или другой едѣлки. Можетъ быть, общественный строй—и тогда является стремленіе измѣнить его».

«Изслѣдованіемъ механической причинности зла удовлетворе-

¹⁾ Письма: I о «Правдѣ». т. IV, стр. 401.

на только логическая или вообще познавательная способность; чувство и воля тоже требуют себѣ работы. И такъ или иначе получаютъ ее: чувство возмущается, воля напрягается» «За исключеніемъ нѣкоторыхъ, особенно тусклыхъ историческихъ моментовъ всеобщей растерянности и безучастія вопросъ этотъ всегда глубоко волновалъ людей»,—прибавляетъ Михайловскій¹⁾.

Въ сочиненіяхъ Михайловскаго (см. гл. V «Зап. проф.») есть и конкретный «но истинѣ блестящій», какъ говоритъ онъ, примѣръ приложенія той и другой точки зрѣнія къ изслѣдованію общественныхъ явленій.

Въ «Сборникѣ государственныхъ знаній (въ «Письмахъ къ ученымъ людямъ» Михайловскій называетъ эту книгу «Сборникомъ государственнаго невѣжества» за статьи Чичерина о Марксѣ и Лассалѣ) была напечатана статья князя Васильчикова объ эмиграціи. Статья основана на чисто фактическомъ анализѣ и по своимъ выводамъ очень близка къ настроенію Михайловскаго. Ученая редакція «Сборника» осталась, однако, недовольна этими выводами, хотя фактической части статьи не оспаривала. Поэтому она сопроводила статью кн. Васильчикова примѣчаніемъ, въ которомъ утверждала необходимость, въ оправданіе существующаго порядка, тѣхъ жертвъ, съ которыми связана теперь эмиграція. «Почтенный авторъ совершенно правъ, разсматривая движеніе западно-европейской эмиграціи, какъ послѣдствіе болѣе или менѣе неудовлетворительныхъ социальныхъ и политическихъ условій каждой страны»,—говорилось, между прочимъ, въ этомъ примѣчаніи,—«но тѣмъ не менѣе она исторически необходима и благодѣтельна для распространенія европейской цивилизаціи въ другихъ частяхъ свѣта» (III, 378). По поводу этого столкновенія кн. Васильчикова съ редакціей «Сборника государственныхъ знаній» Михайловскій выясняетъ «отношенія между желательнымъ вообще и истиннымъ въ частности»,—какъ они должны быть, по его мнѣнію, скомбинированы въ социологическомъ изслѣдованіи.

Говорится у Михайловскаго въ этомъ случаѣ такъ:

¹⁾ Послѣднія цитаты изъ статьи «О драмѣ Додэ, о романѣ Бурже и о томъ, кто виноватъ», т. VI, стр. 685. Ср. «Зап. проф.», стр. 440 слова о «продуктахъ умственной мертвечины».

«Причина эмиграции есть преобладание сословно-поместного элемента, а результат ее есть распространение цивилизации. Вот социологический вывод, вполне объективный и вблизи находящийся в вѣдѣніи категорій истиннаго и ложнаго. Мы можемъ разсуждать о томъ: соответствуетъ ли этотъ выводъ всемъ извѣстнымъ намъ соотносящимся фактамъ, содержитъ ли онъ въ себѣ полную или неполную истину и т. д. Но на этой объективной ступени социологическое изслѣдованіе можетъ останавливаться только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, и въ нашемъ примѣрѣ это невозможно. Рядомъ съ потребностью познания становится та потребность нравственнаго суда, которая молчитъ или, по крайней мѣрѣ, должна молчать въ изслѣдованіи физическомъ. Гн. Васильчиковъ, удовлетворяя этой потребности, говоритъ или подразумеваетъ, что преобладаніе сословно-поместнаго элемента несправедливо. Редакція «Сборника государственныхъ знаній» дѣлаетъ иной выводъ. *Они никакой истины не отвергаютъ: одинъ изъ нихъ признаетъ нежелательнымъ, другая—желательнымъ, извѣстный порядокъ вещей, а не истину.* И оба эти вывода подлежатъ опять таки нравственному суду, суду чисто субъективному»¹).

¹) Т. III, стр. 394. Мы видимъ изъ всѣхъ этихъ сопоставленій, какъ послѣдовательно проводитъ Михайловскій отдѣленіе принципа оцѣнки отъ принципа изслѣдованія,—оцѣнка субъективна, научное же изслѣдованіе объективно, несмотря на субъективный методъ. Эта общая точка зрѣнія Михайловскаго даетъ возможность легко ориентироваться и въ тѣхъ ошѣнкахъ, которыя, какъ мы указывали въ очеркѣ о «Субъективномъ методѣ», Михайловскій допускаетъ въ области терминологіи. Онъ говоритъ, напримѣръ, въ цѣломъ рядѣ случаевъ въ «Что такое прогрессъ» такимъ образомъ: «нравственная оцѣнка есть результатъ субъективнаго процесса мысли», что конечно вѣрно,—«а между тѣмъ позитивизмъ поставяетъ себѣ въ особую заслугу употребленіе въ социологіи метода объективнаго» (стр. 71).—Здѣсь этотъ переходъ посредствомъ соединительнаго «а между тѣмъ» совершенно неудаченъ. Точно также въ «Зап. проф.» (см. 402 стр.), «когда кн. Васильчиковъ, по словамъ Михайловскаго, утверждаетъ, что преобладаніе сословно-поместнаго элемента несправедливо, то мы имѣемъ выводъ, полученный субъективнымъ методомъ». Но какъ можетъ получаться оцѣнка «путемъ» метода, когда это двѣ совершенно разнородныя категоріи? Марксистская критика и критика вообще съ большимъ усердіемъ использовала всѣ эти мѣста изъ сочиненій Михайловскаго. Ср. напр. у г. Ранскаго, стр. 15—16, 120 и др. «Нельзя любить или негодовать по методу»—заявляетъ Филипповъ въ своей «Философіи дѣятельности»,

«Неправильное, ненаучное отношение къ дѣлу» заключается не въ самомъ фактѣ нравственнаго суда, а, напр., въ «извращеніи добытой изслѣдователями истины» изъ-за того, что она имъ нежелательна. Но за всеѣмъ тѣмъ объективно законна всякая оцѣнка, съ какой бы то ни было точки зрѣнія, тѣхъ выводовъ, которые мы получаемъ научнымъ путемъ. «Положимъ, появляется такой смѣлый и откровенный человѣкъ, вродѣ гр. Орлова-Давыдова, который скажетъ: изслѣдованіе кн. Васильчикова фактически вѣрно, но его соціологическій выводъ: «преобладаніе сословно-помѣстнаго элемента несправедливо», этотъ соціологическій выводъ безнравственъ, и, слѣдовательно, нежелателенъ. Какъ бы я ни симпатизировалъ кн. Васильчикову, какъ бы я ни разногласилъ съ гр. Орловымъ-Давыдовымъ въ понятіяхъ о нравственномъ и безнравственномъ, но я не могу сказать, что послѣдній не имѣетъ права судить о выводѣ кн. Васильчикова съ этой стороны. Я могу сказать, что понятія этого человѣка о нравственности весьма жалки, но не могу сказать, что самый *приемъ* его оцѣнки даннаго соціологическаго вывода неумѣстенъ. Напротивъ, онъ вполне умѣстенъ. Пока рѣчь шла только о существованіи извѣстныхъ фактовъ, связанныхъ цѣпью причинъ и слѣдствій, этотъ человѣкъ держался категоріи истиннаго и ложнаго. А когда потребовался судъ нравственный, онъ его далъ и не могъ не дать, потому что подлежащій суду выводъ не имѣетъ прямой связи съ категоріями истиннаго и ложнаго»¹⁾).

II.

На послѣднихъ цитатахъ не кончается, разумѣется, критика Михайловскимъ принципа исторической необходимости,

критикуя субъективный методъ. «Послѣднее, разумѣется, справедливо», — отвѣчаетъ Михайловскій, — «но я не предлагалъ никогда любить или негодовать «по методу», и было бы, можетъ быть, лучше, если бъ г. Филипповъ не утруждалъ себя изложеніемъ столь весомѣнныхъ истинъ». («Отклики» т. II. 175). Какъ показываетъ все сказанное у насъ въ текстѣ, Михайловскій имѣлъ полное право на такое заявленіе, — сколь бы ни была невыдержана въ этомъ случаѣ его терминологія, по существу онъ установилъ совершенно правильную и въ научномъ отношеніи глубоко плодотворную точку зрѣнія на соотношеніе субъективнаго и объективнаго моментовъ изслѣдованія.

¹⁾ См. «Зап. проф.», т. III, стр. 394—395.

какъ единственной основы нашего отношенія къ изслѣдуемымъ фактамъ. Но вышесказаннымъ достаточно намѣчается такая сторона взглядовъ Михайловскаго, которая нынѣ можетъ считаться общепризнаннымъ достояніемъ науки, на что были вынуждены указать въ послѣднее время даже представители марксистской литературы. Вотъ что, наприм., писалъ въ 1899 году г. Струве въ своей напумѣвшей тогда статьѣ «О высшей цѣнности жизни», появившейся первоначально въ газетѣ «Сѣверн. Курьеръ».

«Одно время—читаемъ мы у г. Струве—въ нашей печати безраздѣльно господствовала чисто генетическая точка зрѣнія на общественныя и въ томъ числѣ на нравственныя явленія, рассматривающая ихъ исключительно подъ угломъ необходимости или причинной обусловленности. Въ 70-хъ гг. г. Михайловскій явился своеобразнымъ выразителемъ реакціи противъ такого крайняго позитивизма. Эта реакція, въ научно-философскомъ отношеніи обставленная очень слабо, тѣмъ не менѣе заключала въ себѣ здоровое идеалистическое зерно, не замѣченное или, по крайней мѣрѣ, не отмѣченное позднѣйшею критикою. Этическая проблема о должномъ не тождественна—продолжаетъ г. Струве—съ генетической проблемой о существующемъ и необходимомъ, и потому первая не рѣшается вмѣстѣ со второй. Изъ того, что что-нибудь существуетъ или необходимо должно наступить, не слѣдуетъ, что оно должно быть, т. е. что оно является нравственно необходимымъ для моего моральнаго сознанія. Выражаясь кратко: историческая необходимость не создаетъ никакого нравственнаго права. Несовпаденіе этической и генетической точки зрѣнія, ихъ взаимная самостоятельность безусловно требуютъ того, чтобы общественныя проблемы выяснились не только какъ генетическія, но и какъ этическія... Важно сознавать въ себѣ и сознательно питать живой субъективный источникъ этическаго идеализма — нравственно - общественный идеалъ самоопредѣляющейся личности. Всѣ общественныя проблемы—повторяю—суть въ то же время этическія проблемы личности, и научное (генетическое) рѣшеніе общественныхъ проблемъ относится къ ихъ этическому рѣшенію, какъ средство къ цѣли. Первенство же цѣли надъ средствомъ неоспоримо» ¹⁾.

¹⁾ Цитирую по статьѣ Михайловскаго въ I т. «Посл. сочвн.» стр. 257.

Н. К. Михайловскій не оставилъ безъ отвѣта эту тираду. «Позволю себѣ отмѣтить нѣсколько неясностей и неточностей въ этой любопытной цитатѣ—замѣчаетъ онъ.—И не знаю такого времени, когда въ нашей печати «безраздѣльно господствовала чисто генетическая точка зрѣнія на общественныя и въ томъ числѣ на нравственныя явленія»... Рѣшаюсь даже утвердить, что такого времени не было. Г. Струве дѣлаетъ мнѣ великую честь, приписывая мнѣ починъ реакціи противъ такого крайняго позитивизма, но, къ несчастью для моего самолюбія и къ счастью для русской литературы и русскаго общества, у меня были и есть длинный рядъ единомышленниковъ въ прошедшемъ и въ настоящемъ, и безраздѣльно исключительно генетическая точка зрѣнія не господствовала даже тогда, когда ее отстаивали гг. Струве, Туганъ-Барановскій и проч.».

«Далѣе, г. Струве говоритъ, что заключающееся въ мопхъ писаніяхъ «здоровое идеалистическое зерно» было не замѣчено или, по крайней мѣрѣ, не отмѣчено позднѣйшей критикой». Это не вѣрно. Позднѣйшая критика, въ лицѣ самаго г. Струве, и многихъ другихъ, очень замѣтила это зерно и не разъ отмѣчала его—рѣзкимъ отрицательнымъ знакомъ. И не только потому, что, какъ теперь говоритъ г. Струве, «зерно у меня было въ научно-философскомъ отношеніи обставлено очень слабо». Напротивъ, въ этомъ смыслѣ мнѣ случалось слышать большія любезности. Но, дескать, самое то дѣло безнадежное: субъективная этическая точка зрѣнія на явленія общественныя есть незащитимый вздоръ, и слѣдуетъ къ нимъ относиться единственно подъ угломъ необходимости и причинной обусловленности... Но я не хочу смѣяться, не хочу—заканчиваетъ Михайловскій — колоть г. Струве въ глаза его бывшими литературными грѣхами. Напротивъ, я высоко цѣню мужество, съ которымъ онъ публично отъ нихъ отрекается, и съ восторгомъ жду, чтобы онъ «въ научно-философскомъ отношеніи» удовлетворительно обставилъ то, что я три десятка лѣтъ тому назадъ обставилъ слабо» (тамъ же, 258—259).

Ни г. Струве, ни марксистская литература вообще не оправдали, однако, этихъ ожиданій. Конечно, игнорировать то, что ими однажды въ лицѣ г. Струве было признано, марксисты уже не могли, но это не помогло имъ понять, какую роль у Михайловскаго въ общей системѣ воззрѣній занимаетъ «здо-

ровое идеалистическое зерно». Характеренъ въ этомъ отноше-
ніи, кромѣ г. Струве, примѣръ г. Бердяева. «Генетическая точка
зрѣнія—говоритъ онъ, повторяя до извѣстной степени статью
«О высшей цѣнности жизни»—которой особенно гордится
историческій матеріализмъ, отходить для г. Михайловскаго на
второй планъ, но онъ особенно наираетъ на важную мысль,
оставленную историческимъ матеріализмомъ въ тѣни, что оцѣ-
нивать явленія нельзя по категоріи необходимости и что эти-
ческая точка зрѣнія самостоятельна. Но какимъ образомъ
г. Михайловскій умудрился перейти—съ недоумѣніемъ спра-
шиваетъ тутъ же г. Бердяевъ—къ субъективному методу, къ
субъективной социологіи?» (стр. 45).

Г. Бердяевъ забываетъ, что субъективный методъ не по-
крываетъ всего субъективизма Михайловскаго. Субъективный
методъ связанъ съ «объективной оцѣнкой фактовъ», онъ
требуетъ лишь одного—чтобы изслѣдователь постарался войти
въ психологію тѣхъ людей, положеніе которыхъ онъ изучаетъ,
чтобы онъ мысленно пережилъ ихъ жизнь, перестрадалъ ихъ
страданіе, прочувствовалъ ихъ чувство. Только этимъ путемъ
сочувственнаго опыта мы и можемъ придти къ общеобяза-
тельной истинѣ въ области социологіи и, въ требованіяхъ, от-
сюда вытекающихъ, г. Бердяевъ самъ не отказывается, какъ мы
знаемъ, видѣть *методологическое* значеніе. Совсѣмъ иное дѣло
тотъ субъективизмъ, который приводитъ къ признанію самостоя-
тельности этической точки зрѣнія. Рѣзкую, чисто принципиаль-
ную разницу между ними мы уже установили достаточно полно
со словъ Михайловскаго и возвращаться еще разъ къ этому
пункту нѣтъ нужды. Намъ надо лишь провести эту разницу
въ дальнѣйшую характеристику взглядовъ Михайловскаго на
построеніе социологіи, чѣмъ мы теперь и должны заняться...

Какъ мы упоминали выше, послѣдовательное и систе-
матическое изложеніе взглядовъ Михайловскаго представляетъ
большія трудности. Мысль автора приходится искать въ раз-
ныхъ томахъ его сочиненій и въ разныхъ мѣстахъ одного и
того же тома, приходится вслѣдъ за авторомъ поневолѣ не
договаривать одного, чтобы перейти къ другому и чтобы снова
вернуться къ первому, рискуя при этомъ впасть въ повторе-
нія. Такъ и въ данномъ случаѣ, прежде чѣмъ идти дальше,
мы должны снова вернуться къ общимъ взглядамъ Михайлов-
скаго на служебно-общественное значеніе науки.

Чрезвычайно ярко свои мысли объ этой роли науки Михайловскій выразилъ въ одной изъ самыхъ первыхъ своихъ работъ, въ статьѣ «Параллели и контрасты», гдѣ между прочимъ читаемъ: «если бы Тезей, войдя въ извѣстный лабиринтъ, не захватилъ съ собою Ариаднина клубка, почему тамъ и погибъ бы, то одно то обстоятельство, что онъ вошелъ туда съ цѣлью убить Минотавра, должно было бы оградить его отъ насмѣшекъ и презрѣнія. Презрѣнія заслуживаютъ тѣ, которымъ наука-Ариадна дала свою нить, но которые все-таки не идутъ искать Минотавра, причину несчастій человѣческаго рода и, мало того, еще дѣлятся добычей съ этимъ Минотавромъ, заключаютъ съ нимъ безмолвную, но тѣмъ не менѣе позорную сдѣлку. Они нагло тычатъ всѣмъ въ глаза свое превосходство, и, если профанъ, умирая медленною смертью въ бездонной пастѣ Минотавра, спроситъ ихъ: что вы сдѣлали для меня, вы, имѣющіе средство для моего спасенія? они отвѣтятъ: намъ, братецъ, до тебя дѣла нѣтъ, а что мы не сложа руки сидимъ, такъ вотъ тебѣ доказательство. И покажутъ тутъ они несчастному профану тысячи хитрѣйшихъ узелковъ и петелекъ, навязанныхъ ими изъ обрывковъ Ариадниной нити. Наше дѣло, скажутъ они, все больше и больше рвать эту нить, вязать изъ нея узоры все замысловатѣе и мельче и продавать ихъ по дешевой цѣнѣ тому самому Минотавру, на котораго ты жалуешься. Мы съ нимъ въ долѣ и питаемся твоею плотью и кровью засно съ нимъ. Молчи же, несчастный, невѣжественный профанъ. Молчи и ступай, куда тебя ведетъ твоя судьба—прямо въ пастъ Минотавра» ¹⁾).

По существу во всѣхъ этихъ мысляхъ не было ничего новаго для русской литературы второй половины XIX столѣтія. Еще Герценъ на много лѣтъ раньше Михайловскаго писалъ: «у меня вопросъ науки сочлененъ со всѣми социальными вопросами». Взгляды Герцена на науку вообще чрезвычайно близки ко взглядамъ Михайловскаго. Затѣмъ, есть у Михайловскаго предшественники и болѣе близкіе по времени, изъ числа которыхъ мы прежде всего должны указать на имя Н. Дм. Ножина, хорошо намъ извѣстное по всѣмъ предыдущимъ очеркамъ. Какъ бы предупреждая появленіе статьи «Парал-

¹⁾ См. «Певскій сборникъ», СПб. 1867.

лели и контрасты», Ножинъ еще въ первомъ номерѣ «Книжн. Вѣстн.» за 1866 годъ возставалъ противъ науки для науки. «Наука для науки, какъ и искусство для искусства, справедливость для справедливости, порядокъ для порядка, трудъ для труда,—словомъ, специальность для специальности, уже понятія умершія, существованіе ихъ кажущееся и они обречены на близкую конечную гибель; полное отрицаніе узкихъ специальностей есть только полное отрицаніе эгоизма, и только наивные люди, не понимающіе своихъ выгодъ, и люди безчестные, слишкомъ хорошо ихъ понимающіе, могутъ еще искренне или притворно ужасаться такому требованію здраваго смысла. Поэтому мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о правахъ науки и объ обязанностяхъ ученыхъ; толковать объ этомъ становится бесполезнымъ съ тѣхъ поръ, какъ сословная замкнутость инкѣмъ не признается, и съ тѣхъ поръ, какъ знаніе стало доступно и для тѣхъ, кого возмущаетъ роль, чуть не съ сотворенія міра разыгрываемая ученымъ сословіемъ: наука для жизни, а не жизнь для науки».

Свое требованіе «наука для жизни, а не жизнь для науки» Ножинъ, какъ мы видѣли только что, обосновываетъ тѣмъ, что «сословная замкнутость нынѣ инкѣмъ не признается», человечество пришло уже къ полному отрицанію узкихъ специальностей, на мѣсто которыхъ поставлено постоянное сотрудничество разныхъ областей жизни. Съ своей стороны Михайловскій прибавляетъ къ этому рядъ новыхъ аргументовъ.

«Прежде всего, что возмутило васъ?—обращается онъ къ специалистамъ познания, недовольнымъ его взглядами на науку:—Развѣ мы одни такъ смотримъ на дѣло? Русскіе заводчики не признаютъ научнаго достоинства за ученіемъ свободной торговли,—почему? Потому что ученіе это враждебно сталкивается съ ихъ интересами. Англійскіе заводчики, напротивъ, считаютъ протекціонизмъ явленіемъ, совершенно несоотвѣтствующимъ требованіямъ науки политической экономіи,—почему? Потому что доктрина свободной торговли соотвѣтствуетъ ихъ выгодамъ, служить имъ. Правда, и тѣ и другіе не говорятъ этого прямо, а утверждаютъ, что они собственно беспокоятся очень объ отечественной промышленности и распространеніи цивилизаціи, но имя не мѣняетъ вещи. Мы только проще и откровеннѣе. Мы прямо говоримъ,—повторяетъ Михайловскій отъ лица профановъ—наука должна служить намъ.

Я заявляю фактъ. Профаны смотрять на дѣло именно такимъ образомъ... Тутъ въ насъ говоритъ не одна жажда познанія, она соплетается съ жаждой блага и справедливости... Въ этой области наши «отчего» звучать часто грустью, укоромъ, протестомъ, негодованіемъ. О, люди науки, ваши задачи не сужатся, увѣряю васъ, если вы дадите намъ подходящіе удовлетворяющіе отвѣты, если вы поймете наши вопросы такъ, какъ мы ихъ понимаемъ. И будьте увѣрены, ваши отвѣты будутъ оцѣнены по достоинству» (т. III, 337, 338).

Итакъ, передъ нами снова прошли два ряда разсужденій Михайловскаго. Съ одной стороны отграниченіе генетической точки зрѣнія отъ этической, съ другой—попытка связать отвлеченную, теоретическую науку съ жизненной практикой. Мы не случайно сопоставляемъ оба эти цикла воззрѣній Михайловскаго. Мы находимъ, что они параллельны и не трудно видѣть, въ чемъ ихъ параллелизмъ. Михайловскій ставитъ науку извѣстныхъ практическихъ цѣли. Слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ подчиняетъ науку практикѣ, теорію—жизни? Отнюдь не слѣдуетъ. Здѣсь получается то же самое, что и въ отграниченіи объективной и субъективной оцѣнки фактовъ, точки зрѣнія этической отъ точки зрѣнія генетической. Признавая законность этической точки зрѣнія, законность и необходимость моральнаго суда надъ событіями, нарушаемъ ли мы тѣмъ самымъ объективный анализъ дѣйствительности? Отвѣтъ на это Михайловскаго мы уже знаемъ, знаемъ такъ же, какой приговоръ надъ этимъ отвѣтомъ произнесла въ концѣ концовъ сама «научная критика». Но то же самое относится и къ словамъ Михайловскаго о тѣхъ, кому «наука-Ариадна дала свою нить, но которые все-таки не идутъ искать Минотавра», а напротивъ—«занимаются укрѣпленіемъ и безъ того крѣпкой практики» (см. III, 336) И здѣсь обличенія Михайловскимъ «чистой науки, науки для науки», отнюдь не являются обличеніемъ, чуждыхъ всякихъ постороннихъ цѣлей, приемовъ объективнаго изученія дѣйствительности...

«Подходить къ новому факту—говоритъ Михайловскій—съ извѣстнымъ хотя бы не формулированнымъ предвзятымъ мнѣніемъ позволительно, да и неизбежно, но отходить отъ него надо съ рѣшеніемъ апостеріорнымъ, совпадаетъ ли оно или не совпадаетъ съ апріорнымъ».

«Понятно, что всякая система убѣжденій борется за

существованіе и отстаиваетъ себя всеми доступными ей способами: она слагалась долго, трудно. на ея выработку было затрачено много усилій человѣческаго ума, она видѣла въ своей жизни и вѣдро и ненастье, была можетъ быть «gekreuzigt und verbandt», насчитываетъ въ составъ своихъ послѣдователей героев и мучениковъ. Все это даетъ ей полное право и ставить даже ей въ обязанность держаться до послѣдней возможности. Но въ числѣ способовъ самоотстаиванія никоимъ образомъ не можетъ быть мѣста отрицанію или игнорированію фактовъ. Напротивъ, всякая система убѣжденій по самой сущности своей должна держаться агрессивной завоевательной полтики и жадно ловить новыя, неожиданныя непредвидѣнные факты, чтобы и ихъ поглотить въ своей цѣльности. Она можетъ презирать своихъ противниковъ, какъ шарлатановъ и, вообще, недостойныхъ служителей истины, ненавидѣть ихъ, какъ враговъ, скорбѣть о нихъ, какъ о заблуждающихся, но, несмотря на это, а пожалуй, даже именно вслѣдствіе этого, она должна употреблять всё усилія для отобранія у нихъ всего ихъ фактическаго матеріала. Если же это послѣ всѣхъ усилій окажется въ концѣ концовъ невозможнымъ, она должна добровольно умереть. Если человѣку простительно цѣпляться «mit klammernden Organen» даже за унижительную жизнь, то человѣческой мысли и убѣжденію, теоріи предстоитъ дилемма: или жить во всю, или совсѣмъ не жить» («Патолог. магія», томъ II, 260, 252—253).

Когда-то Контъ, полемизируя съ ненавистной ему «революціонной метафизикой», нападалъ, желая доказать ея несостоятельность, на постановку представителями такой системы возрѣній, вопроса о смертной казни. Самъ онъ считалъ вопросъ объ уничтоженіи смертной казни совершенно нелѣпымъ, взгляды же противниковъ ея казались ему «опаснымъ софизмомъ», такъ какъ они сводились къ «метафизическому приравненію самыхъ недостойныхъ негодяевъ къ простымъ больнымъ».

«Совершенно не таковы — возражаетъ Михайловскій — въ большинствѣ случаевъ, приемы противниковъ смертной казни. Ненавистное Конту «приравненіе преступниковъ къ больнымъ» въ значительной степени опирается на чисто научныя психіатрическія данныя и затѣмъ на данныя статистическія, добытыя опять таки не метафизическимъ, путемъ а путемъ опыта и наблюденія. И тѣ и другія свидѣтельствуютъ, во-пер-

выхъ, что преступленіе весьма часто является результатомъ душевныхъ болѣзней; во-вторыхъ, что смертная казнь производитъ на общество деморализующіе вліяніе; въ третьихъ, наконецъ, человекъ есть продуктъ окружающихъ его физическихъ и социальныхъ условій, и что поэтому только соответствующее измѣненіе этихъ условій можетъ оказаться въ данномъ случаѣ пригоднымъ средствомъ. Таковы строго позитивныя истины, выдвигаемыя противниками смертной казни и рѣдко распространяемыя ими на всѣ виды наказанія. Всѣ они резюмируются въ одномъ положеніи: смертная казнь не достигаетъ предположенныхъ цѣлей, а иногда даже приводитъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ» («Что такое прогр.», т. I, 68—69).

Обѣ только что приведенныя цитаты показываютъ, какимъ чисто объективнымъ требованіямъ должны удовлетворять, по мнѣнію Михайловскаго, приемы социологическаго изслѣдованія. Наука можетъ себѣ поставить извѣстную субъективную цѣль, къ осуществленію которой и будетъ стремиться, но — «затѣмъ приемы, при помощи которыхъ мы будемъ проводить это, подлежатъ обыкновенной оцѣнкѣ логики» (III, 143—144).

Мы знаемъ, напримѣръ, что въ числѣ другихъ задачъ социологіи, подлежащихъ разработкѣ и разрѣшенію, Михайловскій ставитъ опредѣленіе условій, при которыхъ исчезаютъ субъективныя разногласія, этотъ главный тормозъ и помѣха для развитія общественной науки. «Это изслѣдованіе, поясняетъ Михайловскій, обниметъ, конечно, и исторію возникновенія и развитія субъективныхъ разногласій, при чемъ будетъ опираться и на данныя объективной науки, данныя низшихъ наукъ и на факты историческіе и статистическіе. Но въ основѣ изслѣдованія будетъ лежать субъективное начало желательности и нежелательности, субъективное начало потребности... Таковы всѣ общія задачи социологіи. Признавъ пѣчто желательнымъ и нежелательнымъ, социологъ долженъ найти условія осуществленія этого желательнаго или устраненія нежелательнаго. Само собой разумѣется, что ничто кромѣ искренности или слабости мысли не помѣшаетъ ему придти къ заключенію, что такія-то или такія желанія не могутъ осуществиться вовсе, другія могутъ осуществиться только отчасти» («Зап. проф.», III, 405—406).

Словомъ, подходя къ извѣстному явленію съ нѣкоторымъ

предвзятымъ мнѣніемъ, мы должны отходить отъ него съ рѣшеніемъ апостеріорнымъ, совпадаетъ ли оно или не совпадаетъ съ апіорнымъ. Такимъ образомъ понятная цѣль науки, можемъ мы повторить тутъ слова Михайловскаго, однажды нами уже цитированныя, не обяыываетъ ее, конечно, ни гнутья передъ толпой невѣжественныхъ людей, ни отворачиваться отъ истины, ни кадить людямъ, ни обманываться, ни обманывать другихъ. Назначеніе науки остается тутъ по-прежнему только одно: удовлетворять нашу *познавательную* способность, только ее. Пусть правда, что удовлетворить нашу способность познанія еще не значитъ удовлетворить насъ вообще, такъ какъ человѣкъ существо не только познающее, у него есть не только умъ, онъ обладаетъ сверхъ того волей, ищущей своего насыщенія. Чѣмъ бы, однако, воля человѣка ни удовлетворялась, какія бы системы міровоззрѣнія мы съ этой цѣлью ни строили, какъ бы ихъ ни называли, но все это будетъ удовлетвореніемъ иныхъ функцій, тогда какъ функція познанія должна быть удовлетворена сама по себѣ. Вотъ отсюда и получаетъ у Михайловскаго начало его представленіе о *теоретической* социологіи, на что мы и должны обратить свое вниманіе.

Свои взгляды на социологію, какъ науку теоретическую Михайловскій излагалъ неоднократно. Такъ, цѣликомъ этому вопросу посвящена его статья «Аналогическій методъ въ общественной наукѣ», о томъ же говорится много въ статьѣ «Суздальцы и суздальская критика», посвященной защитѣ взглядовъ Конта на построеніе научной социологіи. Впрочемъ, и въ оцѣнкѣ «аналогического метода въ общественной науки» Михайловскій опирается на классификацію наукъ того же Конта. Съ аргументаціей послѣдней статьи, тѣмъ болѣе для насъ важной, что въ ней Михайловскій устанавливаетъ понятіе о специфическомъ характерѣ понятія социологическаго закона, мы до извѣстной степени уже знакомы. Тотъ же характеръ социологіи, какъ науки теоретической, Михайловскій изслѣдуетъ въ статьѣ о суздальцахъ и суздальской критикѣ. «Контъ различаетъ—говорится тутъ—науки абстрактныя, отвлеченныя и конкретныя, описательныя. Предметъ первыхъ есть раскрытіе законовъ, управляющихъ разнаго рода явленіями въ примѣненіи ко всѣмъ случаямъ, какіе только можно представить себѣ. Вторыя заключаются въ примѣненіи этихъ законовъ къ дѣйствительной исторіи различныхъ существъ...

Конкретныя науки начали развиваться раньше абстрактныхъ, но неизбѣжно *послѣ* абстрактныхъ принимаютъ дѣйствительно научный характеръ, то есть вырываются изъ фазиса отрывочныхъ наблюдений и эмпирическихъ законовъ» (см. т. IV, 113, 115).

Для лучшаго уясненія мысли Михайловскаго замѣтимъ, что эмпирическіе законы онъ противопоставляетъ въ данномъ случаѣ законамъ раціональнымъ. Раціональные законы обнимаютъ всевозможные случаи своего примѣненія къ тѣмъ или другимъ областямъ жизни, тогда какъ «эмпирическимъ закономъ называется такой, который завѣдомо истиненъ относительно нѣкоторыхъ случаевъ, но не можетъ быть правомѣрно распространенъ на случаи сосѣдніе, ибо мы не знаемъ, какими причинами этотъ законъ обусловленъ». Изъ этого слѣдуетъ, что истинной опорой науки являются законы раціональные. Пока «относительно извѣстной группы явленій мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи только эмпирическіе законы, наука этихъ явленій не существуетъ, хотя опытовъ и наблюдений можетъ накопиться уже достаточно. Аристотель могъ» — на примѣръ — «изучать и наблюдать минералы, могъ открыть даже нѣкоторые грубые эмпирическіе законы въ этой области, но минералогія, какъ наука, можетъ получить значеніе не иначе, какъ по установленіи законовъ математики, физики и химіи, то есть тѣхъ абстрактныхъ наукъ, которыя разсматриваютъ извѣстную группу свойствъ тѣлъ въ примѣненіи ко всѣмъ возможнымъ случаямъ» (см. т. IV, стр. 113—116).

Опредѣливъ такимъ образомъ науки абстрактныя и науки конкретныя, Коитъ далъ классификацію наукъ абстрактныхъ, въ числѣ которыхъ высшее мѣсто по своей сложности занимаетъ соціологія. Соціологія наука абстрактная, ея предметъ общественность, кооперація; ея задача выявленіе законовъ, не эмпирическихъ, а раціональныхъ, присущихъ разнымъ фазисамъ общественности. При этомъ соціологія въ качествѣ науки абстрактной распадается какъ бы на два отдѣла — соціальную статику и соціальную динамику. Соціальная статика есть ученіе о законахъ сосуществованія общественныхъ явленій, соціальная динамика изслѣдуетъ, напротивъ, законы смѣны формъ коопераціи, смѣны формъ общественной жизни. Это есть основное, главное, можно сказать единственное назначеніе соціологіи, какъ науки абстрактной, теоретической. Говоря тер-

минами Михайловскаго — Правда-истина объективная должна быть изслѣдована прежде всего. «Плохо дѣло моралиста или общественнаго дѣятеля, фыркающаго на знаніе и не пытающагося привести свои принципы въ связь съ данными науки. Какъ бы ни былъ иногда шумень его усдѣхъ, его зданіе построено на пескѣ, потому что наука все равно свое возьметъ, и, отваживаясь на враждебное столкновеніе съ ея истинами, мы можемъ только компрометтировать свое нравственное или политическое ученіе» (т. VI, 124). Для того же, чтобы пріобрѣсти надлежащій авторитетъ, стать силой современности, наше нравственное и политическое ученіе должно, напротивъ, опереться на науку, познать, независимо отъ своихъ симпатій и антипатій, законы общественной жизни, законы коопераціи. И Михайловскій не даромъ говоритъ: «Благородная житейская практика, самые высокіе нравственные и общественные идеалы представлялись мнѣ всегда обильно безсильными, если они отворачивались отъ истины, отъ науки»...

Прослѣдивъ весь ходъ соціологической мысли Михайловскаго, какъ онъ намѣтился передъ нами во всемъ предыдущемъ изложеніи, на протяженіи всѣхъ семи очерковъ, читатель не удивится вѣроятно только-что сдѣланнымъ выводамъ. Можно удивляться, напротивъ, тому, какъ эти выводы не были сдѣланы раньше; тому, что до конца своихъ дней Михайловскому приходилось считаться въ сущности съ азбучнымъ игнорированіемъ самыхъ ясныхъ его взглядовъ на построеніе научной соціологін. Такъ, за какіе-нибудь два-три года до своей смерти Михайловскій долженъ былъ еще и еще разъ отвѣчать на старыя обвиненія, которыя выставили противъ него въ подновленной редакціи, гг. Бердяевъ и Струве, полагавшіе, что Михайловскій путемъ смѣшенія теоріи съ практикой подчиняетъ науку ея переживаніямъ, а совѣсть интеллектуальную дѣлаетъ слугою совѣсти этической.

«Не извращать факты въ угоду идеалу, не подчинять интеллектуальную совѣсть этической — говоритъ Михайловскій, отвѣчая на эту критику гг. Бердяева и Струве — предлагалъ я изслѣдователямъ, а выяснить эту этическую совѣсть себѣ и другимъ, регулировать, насколько это возможно, — въ интересахъ самого познанія вліяніе того соціально психологическаго факта, неизбежность котораго признаютъ и г. Струве и г. Бердяевъ». «Ясно также — продолжаетъ Михайловскій въ

отвѣтъ на упреки тѣхъ же критиковъ—что недобросовѣстность мысли я такъ недобросовѣстностью и называлъ и не только не обращалъ несомнѣнный социальнo-психологическій фактъ субъективнаго отношенія къ дѣйствительности въ гносеологическую норму—какъ это утверждалъ П. Б. Струве—«а, напротивъ, рекомендовалъ нѣчто въ родѣ того, что въ астрономіи называется приѣмомъ (а, пожалуй, и методомъ) личнаго уравненія» («Послѣдн. сочин.», I, 465).

Съ этимъ методомъ Михайловскій и подходилъ къ построенію научной социологіи, къ изысканію законовъ различныхъ отношеній между различными формами обществѣ и отношенія этихъ формъ къ человѣческой личности. При этомъ, и наука и объективные приемы изслѣдованія, все это остается у него на томъ самомъ мѣстѣ, которое имъ единственно принадлежитъ, играя роль основныхъ орудій нашего изслѣдованія дѣйствительности. Объективный методъ въ этомъ смыслѣ, по словамъ Михайловскаго, вовсе не изгоняется изъ социологическаго изслѣдованія, но только высшій контроль принадлежитъ методу субъективному. Высшій контроль принадлежитъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, тому инстинкту или чутью истины, которое развивается въ изслѣдователѣ, благодаря разносторонне развитому *сочувственному* опыту, благодаря способности его войти въ положеніе изслѣдуемаго объекта, пережить жизнь возможно большаго числа людей, большаго и въ чисто количественномъ отношеніи, большаго и въ смыслѣ качества тѣхъ интересовъ, которые этими людьми представляются.

Противорѣчить ли это нашимъ требованіямъ къ людямъ науки? Можно ли видѣть въ этомъ подчиненіе науки ея матеріалу? Было бы странно думать такъ. Приводя въ связь познаніе законовъ социологіи съ «высотой уровня изслѣдователя», Михайловскій въ наличности этой связи констатируетъ вполне объективный фактъ, изъ котораго дѣлаетъ только простые, логическіе выводы. И соображая эти выводы, какъ равно все съ ними связанное и развитое нами на протяженіи предыдущихъ очерковъ, мы считаемъ себя въ правѣ сказать: «субъективистъ» Михайловскій положилъ истинное начало для созданія объективной, научной социологіи въ Россіи. Онъ самъ намъ далъ образецъ научныхъ теоретическихъ работъ въ своихъ трактатахъ по социологіи. Онъ указалъ намъ путь къ построе-

цію общественной науки, связавъ свои взгляды на ея методологію съ анализомъ общественныхъ условій, благопріятствующихъ развитію научной мысли человѣчества. И несмотря на всѣ трудности, сопряженныя съ характеромъ соціологическаго мышленія, онъ вдохнулъ въ насъ вѣру въ близкое возникновеніе научной соціологіи, которое онъ такъ горячо предсказывалъ еще въ статьѣ «Что такое прогрессъ», говоря— «нѣтъ сомнѣнія, что, какъ въ наукѣ о природѣ истинѣ удалось выбить изъ позиціи *odium teologicum*, такъ одолѣетъ она соответствующій элементъ и въ наукѣ объ обществѣ. Статистики и психологи, соціалисты и экономисты, политическіе теоретики и историки вносятъ свою долю въ капиталъ будущей общественной науки, и все это толкается впередъ потребностями и нуждами народовъ и обливается безстрастнымъ, холоднымъ и неотразимымъ свѣтомъ науки о природѣ. И наступитъ, наконецъ, пора, когда поблѣднѣетъ извѣстный сарказмъ Гоббза: если бы и геометрическія аксіомы задѣвали человѣческіе интересы, такъ и онѣ вѣчно оспаривались бы. Мы имѣемъ право вѣрить, что наступитъ такая пора, потому что эта вѣра въ силу человѣческаго разума и вѣра разумная» (томъ I, стр. 64)..

III.

Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ взглядовъ Михайловскаго на построеніе научной соціологіи. Съ точки зрѣнія Михайловскаго, какъ ее формулируетъ одинъ изъ современныхъ историковъ русской интеллигенціи— «изслѣдованіе соціальныхъ явленій можетъ быть вполнѣ правильнымъ и плодотворнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда изслѣдователь стоитъ на высшей ступени моральнаго и идеологическаго развитія. Онъ долженъ быть адептомъ передоваго идеала своего времени. Если таковымъ слѣдуетъ признать идеалъ соціалистическій въ его современной постановкѣ, то ученый изслѣдователь,— историкъ и соціологъ,—долженъ быть соціалистомъ по убѣжденію» ¹⁾).

¹⁾ См. «Исторію русской интеллигенціи» проф. Д. Овсяннико-Куликовскаго. Томъ II, стр. 245. Слѣдуетъ отмѣтить, что характеристика, которую даетъ проф. Овсяннико-Куликовскій въ своей книгѣ Михайлов-

Соціалистическій идеаль слишкомъ высокъ, въ дѣйстви-
тельной жизни онъ связанъ съ такими безкорыстными побу-
жденіями, что не трудно было открыто и прямо объявить
себя сторонникомъ такой системы воззрѣній. Но, разумѣется,
это давало моральное право и отъ другихъ требовать откры-
таго исповѣданія своихъ воззрѣній. «Есть, конечно, говорить
Михайловскій, люди съ умомъ достаточно дѣятельнымъ, и съ
чувствомъ справедливости достаточно сильнымъ, чтобы разы-
скать жемчужное зерно въ навозной кучѣ и не закрыть
глаза передъ позорнымъ пятномъ на характерѣ любимаго че-
ловѣка. Но и они избѣгнуть соблазновъ несправедливости
только въ томъ случаѣ, если дадутъ себѣ ясный отчетъ въ
своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ и пріурочатъ ихъ не къ
личностямъ, а къ принципамъ, которымъ тѣ личности послу-
жили или приблизительнымъ воплощеніемъ которыхъ они были
въ исторіи. Разногласія отъ этого не исчезнутъ, но, во-пер-
выхъ, сократятся въ числѣ, а, во-вторыхъ, получатъ болѣе
ясный осязательный характеръ. Симпатія и антипатія не ис-
чезнутъ, но изъ безотчетныхъ онѣ обратятся въ сознатель-
ныя; полного единства мнѣній не будетъ, но единоличныя
мнѣнія сольются въ нѣсколько группъ, сообразно числу воз-
можныхъ въ данномъ случаѣ идеаловъ» (томъ VI, 138, статья
объ Ив. Грозномъ).

Все это представить огромную экономію силъ въ выра-
боткѣ единой, общечеловѣческой объективной истины, заво-
еваніе которой при этихъ условіяхъ станетъ вопросомъ времени
и добраго желанія изслѣдователей. Но, само собой разумѣт-
ся, тутъ могутъ встрѣтиться и затрудненія. Вѣдь не даромъ
русскіе заводчики не прямо говорятъ, что доктрина свободной
торговли противорѣчитъ ихъ интересамъ и потому ими не
признается научною, а прикрываются при этомъ громкими
словами о нуждахъ отечественной промышленности, а порой
и о достоинствахъ русскаго народа. Не даромъ же и русскіе
крѣпостники, какъ и вообще рабовладѣльцы всѣхъ странъ,

скому, хотя и очень интересна, но все-таки требуетъ цѣлаго ряда по-
правокъ. Ср. хотя бы его *общую* оцѣнку на указанной страницѣ теоріи
субъективнаго метода,—признавая въ субъективномъ методѣ зародыши
несомнѣнной истины, проф. Овсяннико-Куликовскій не видитъ, однако, въ
немъ *методологическаго* начала, что, какъ мы знаемъ, безусловно не
вѣрно.

защищали аналогичнымъ образомъ свои требованія о сохраненіи рабства, дѣлая видъ, что ихъ болѣе волнуютъ священныя преданья старины глубокой, чѣмъ желаніе сохранить возможность праздної жизни. И русскимъ заводчикамъ и русскимъ крѣпостникамъ было психологически трудно прямо указать тѣ интересы, отстаивать которые они считали или считаютъ себя призванными. Это, однако, не мѣшаетъ всѣмъ требованіямъ Михайловскаго о выясненіи изслѣдователемъ своего психологическаго апріори оставаться въ полной и законной силѣ. Это налагаетъ только на насъ обязанность выяснить не одинъ свой общественный идеалъ, а также общественный идеалъ и тѣхъ изслѣдователей современной и прошлой жизни человѣчества, которые сами не имѣютъ мужества указать его прямо...

Таковы конечные выводы Михайловскаго изъ его ученія о субъективномъ методѣ, какъ орудіи построенія научной социологій. Но теоріей субъективнаго метода не кончается, какъ мы знаемъ, вопросъ о субъективизмѣ въ социологій. Субъективный методъ есть орудіе нашего познанія, средство для отысканія объективной истины въ социологій, путь, который ведетъ насъ къ «объективной оцѣнкѣ фактовъ». Но, вѣдь, удовлетворить потребность познанія еще не значитъ удовлетворить человѣка вообще, тогда какъ мы въ своихъ исканіяхъ имѣемъ въ виду именно человѣка, какъ цѣлостное недѣлимое, подлежащее расчлененію на спеціальныя части. «Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать (то есть чувствовать), сказалъ поэтъ. Мы не этого хотимъ—отвѣчаетъ Михайловскій—мы хотимъ жить, чтобъ дѣйствовать» ¹⁾.

Трудъ, цѣлесообразный расходъ личныхъ силъ, одновременное напряженіе мысли и воли, силы мышцъ и силы духа,— вотъ что составляетъ сущность личности, вотъ въ чемъ она выражается наиболѣе полно. Сообразно этому человѣкъ и въ области научнаго мышленія ищетъ такой комбинаціи своихъ общественныхъ и другихъ взглядовъ, которая бы не только удовлетворяла его потребность познанія, но и давала ему программу дѣйствія; которая была бы по терминологіи Михайловскаго не только системой теоретическаго «міровоззрѣ-

¹⁾ См. Предисловіе къ книгѣ о Іоаниѣ Грозномъ», томъ VI, 125 курс. мой. Въ слѣдующей цитатѣ курс. подданника.

нія», а и системою практическаго «міровоздѣйствія». «Основныя положенія и фактическія данныя объективной науки» — міровоззрѣніе — «должны быть приведены, утверждаетъ Михайловскій, въ прочную связь съ правилами личнаго поведенія и общественными задачами» — міровоздѣйствіе — «въ связь до такой степени прочную, чтобы человекъ не только зналъ эти правила, но и *не могъ* поступать не согласно съ ними. Это не будетъ результатъ внѣшняго принужденія, это благое нго, и легкое бремя собственнаго рѣшенія. Это и не утопія кака-я-нибудь» (тамъ же, 120).

И въ другомъ мѣстѣ: «нейстребима въ человѣчествѣ потребность такого объединенія понятій о сущемъ, то есть вѣрованій или постепенно замѣщающихъ ихъ знаній, и долженствующемъ быть, то есть морали и политики, которое черпаетъ въ своемъ единствѣ могучую силу управлять дѣятельностью человека» («Посл. сочин.», II, 9).

Первые христіане обладали, на примѣръ, такой системою воззрѣній. «Ихъ понятія о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ вселенной были тѣснымъ, неразрывнымъ образомъ связаны съ понятіями о нравственной жизни, и связь эта была такого возбуждающаго свойства, что давала имъ возможность дѣйствовать съ полной опредѣленностью». («Зап. проф.», III, 386—387).

Въ «Письмахъ о Правдѣ и Неправдѣ» Михайловскій приводитъ и еще одинъ аналогичный, хотя совсѣмъ въ другомъ родѣ, примѣръ, ссылаясь на народныя понятія о правдѣ и кривдѣ. «Я знаю — говоритъ онъ, могутъ сказать — «что, дескать, мужикъ, значитъ, непремѣнно живетъ по-свински. Пѣтъ, не непремѣнно. Что мужикъ сплошь и рядомъ живетъ по-свински — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, да и странно было бы, если бъ этого не было. Но что каждый порядочный мужикъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи полную систему Правды, хотя и въ смутномъ зародышевомъ состояніи, или ищетъ ея — это тоже несомнѣнно. Система правды требуетъ такого принципа, который: 1) служилъ бы руководящей нитью при изученіи окружающаго міра... который 2) служилъ бы руководящей нитью въ практической дѣятельности... наконецъ, 3) дѣлалъ бы это съ такой силой, чтобы прозелить съ релігіозной преданностью влекся къ тому, въ чемъ принципъ системы полагаетъ счастье... Такъ вотъ, если вы обратитесь

къ любому порядочному мужику, т. е. человѣку, живущему или желающему жить по-человѣчески, а не по-свински, то вы убѣдитесь, что всѣ три пункта системы для него, если не ясны, то, во всякомъ случаѣ, намѣчены и при томъ связаны нѣкоторымъ единствомъ.—Другое дѣло отвѣты, которые онъ можетъ получить при условіяхъ своей жизни. О нихъ, объ ихъ достоинствахъ и недостаткахъ я ничего не говорю» (томъ IV, 405—406).

Уже эти цитаты показываютъ, что, дѣйствительно, система Правды или Религія въ смыслѣ Михайловскаго «не утопія кака-нибудь». И въ прошлой жизни человѣчества, и нынѣ въ обиходѣ разныхъ общественныхъ слоевъ играютъ огромную роль такія системы воззрѣній, «которыя связываютъ существующія въ данное время понятія о мірѣ съ правилами личной жизни и общественной дѣятельности, связываютъ такъ прочно, что для исповѣдующаго это ученіе поступить противъ своего нравственнаго убѣжденія въ такой же мѣрѣ невозможно, какъ согласиться, что, напримѣръ, дважды два равняется стеариновой свѣчкѣ» («Зап. проф.», III, 386).

Такія системы воззрѣній вовсе не обязательно должны быть проникнуты теологическимъ характеромъ, какъ то можно бы заключить по терминологіи Михайловскаго или по его ссылкамъ на первыхъ христіанъ, какъ равно вовсе необязательно для нихъ оставаться на низкой степени развитія, подобно народнымъ понятіямъ о правдѣ и неправдѣ. Напротивъ, задачей нашей и должна быть выработка особой системы воззрѣній, стоящей во всеоружіи современной науки и современныхъ представленій объ истинномъ и справедливомъ. «Правда въ этомъ огромномъ смыслѣ слова всегда составляла—заявляетъ, какъ мы знаемъ, Михайловскій—цѣль мнѣхъ исканій. Я никогда не могъ повѣрить и теперь не вѣрю, чтобы нельзя было найти такую точку зрѣнія, съ которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука объ руку, одна другую пополняя. Во всякомъ случаѣ выработка такой точки зрѣнія есть высшая изъ задачъ, которыя могутъ представиться уму человѣческому, и пѣтъ услій, которыхъ жалко было бы потратить на нее».

Задача эта въ эпоху Михайловскаго не только была поставлена, но и до извѣстной степени, если не цѣликомъ, разрѣшена, ибо люди того времени, въ лицѣ народившейся

тогда разночинной интеллигенции, действительно имѣли свою систему Правды, свой, съ кровью матери, всосанный принципъ, который одновременно удовлетворялъ ихъ потребность познанія и ихъ жажду практической дѣятельности. Этимъ принципомъ были интересы личности или интересы труда, этой практической дѣятельностью явилось общественное движеніе 70-хъ годовъ, относительно представителей котораго Михайловскій однажды сказалъ: «какъ ни различны они были въ отношеніи ума, дарованій, характера, но всѣ они одинаково были преданы своей идеѣ до полного самоотверженія, и не даромъ американецъ Сальтеръ видитъ въ нихъ истинно религіозныхъ людей безъ всякой теологической примѣси»...

Для читателя, конечно, ясно, что мы тутъ снова подошли къ тому циклу цитатъ изъ Михайловскаго, въ которыхъ его критики увидѣли «превращеніе науки въ религію», сведеніе науки къ собранію правилъ поведенія, чѣмъ *теоретическая* наука заниматься вовсе не должна. Ничего подобнаго, на самомъ дѣлѣ, не имѣлъ въ виду Михайловскій, говоря о своей системѣ дву-единой Правды или о религии въ смыслѣ равнозначномъ слову «правда». «Задача не въ томъ — говорить онъ — чтобы унизить или оттолкнуть науку, но и не въ томъ, чтобы поставить ее на мѣсто религии, что прямо невозможно. Задача въ томъ, чтобы ввести науку, — разумѣется не въ ея специальностяхъ, а въ ея, по выраженію Грассери, «ультрасинтетическомъ состояніи», — въ составъ религии, въ качествѣ ея интеллектуальнаго элемента. Въ томъ отношеніи подавалъ было надежды экономическій матеріализмъ, но это незаконное дѣтище гегелянства и позитивизма не оправдало надеждъ и, между прочимъ, оказалось слабо именно въ той своей части, которой особенно гордилось, — научной. Съ другой стороны — прибавляетъ Михайловскій — интересно слѣдующее замѣчаніе Масарика: лучшіе изъ рабочихъ, насколько я могу замѣтить, жаждутъ религіозной жизни и понимаютъ социализмъ именно религіозно, вопреки Марксу и всѣмъ программамъ» («Послѣдн. сочин.», II, 13)...

И такъ, задача не въ томъ, чтобы унизить или оттолкнуть науку, задача въ томъ, чтобы найти такую точку зрѣнія, съ которой наука, правда-истина объективная являлась бы рука объ руку съ практикой, правдой истиной — субъективной. Правда-истина, наука теоретическая, по меньшей

мѣръ равноправна съ правдой-истиной справедливостью, и ей должно быть въ общей системѣ нашего міровоззрѣнія отведено вполне самостоятельное мѣсто, къ ея голосу мы должны прислушиваться прежде всего. Свой терминъ Правды Михайловскій употребилъ первоначально въ 1879 году, но тогда же одною изъ главныхъ составныхъ частей его онъ поставилъ требованіе—«служить руководящей нитью при изученіи окружающаго міра», при познаніи его законовъ, быть способнымъ дать «неподкрашенную правду о существующемъ мірѣ, *какъ онъ есть*» (томъ IV, стр. 414), независимо отъ нашихъ симпатій и антипатій.

Такимъ же точно образомъ Михайловскій опредѣлялъ и до 1879 года, въ «Зап. проф.», и послѣ въ статьяхъ 1880-хъ и 90-хъ гг. свой терминъ «религію». «Подъ религіей я разумѣю здѣсь—читаемъ мы въ его «Предисловіи къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ»—не тѣ или другія догматическія вѣрованія, а только ту неразрывную *связь* понятій о сущемъ (наука) и долженствующемъ быть (мораль и политика въ обширномъ смыслѣ), которая властно и неуклонно направляетъ дѣятельность человѣка» (томъ VI, 124).

Религія или Правда не замѣняютъ собою науку, какъ и наука не превращается въ Правду или Религію, потому что ихъ назначенія совершенно разныя и самостоятельныя. Наука даетъ намъ отвѣты на вопросъ о мірѣ какъ онъ есть, о законахъ природы и общественной жизни, задачи науки *теоретическія*. Система же Правды въ цѣломъ даетъ отвѣтъ на то, какимъ міръ долженъ быть, чтобы удовлетворять нашему идеалу истины и справедливости. Объективное «міровоззрѣніе» переходитъ въ программу субъективнаго «міровоздѣйствія», или, говоря иначе, ставитъ предъ собою задачи *практическія*, отвѣчаетъ потребности, выраженной Михайловскимъ въ словахъ «мы жить хотимъ, чтобъ дѣйствовать». Михайловскій, слѣдовательно, не только не смѣшивалъ, но даже въ своей терминологіи рѣзко отграничилъ науку теоретическую отъ прикладной, пользующейся выводами первой для достиженія своихъ практическихъ цѣлей...

Къ тому же самому выводу о послѣдовательномъ разграниченіи Михайловскимъ науки прикладной и науки теоретической мы можемъ подойти еще инымъ путемъ.

Въ статьяхъ Михайловскаго о Ничше, писанныхъ во

второй половинѣ 1894 года, есть между прочимъ такое мѣсто. «Нынѣ часто можно встрѣтить увѣренность, что мы обладаемъ, наконецъ, «научной этикой». Это никакъ нельзя, однако, разумѣть въ томъ смыслѣ, что мы имѣемъ твердый, опредѣленный, общепризнанный или могущій стать таковымъ критерій различенія добра и зла. Напротивъ, наше время есть время особливаго шатанія и неопредѣленности нравственныхъ принциповъ. То, что обыкновенно называется «научной этикой», есть главнымъ образомъ исторія и психологія нравственности; мы узнаемъ изъ нея очень много интереснаго о томъ, какъ возникали извѣстные принципы и какъ и почему они падали, уступая мѣсто другимъ, получаемъ нѣкоторыя указанія и на то, какъ и почему въ насъ самихъ зарождаются извѣстныя нравственныя тяготѣнія въ одну сторону и отвращеніе къ другой. *Но все это удовлетворяетъ лишь нашу потребность знанія, нашъ разумъ и не даетъ отвѣта на запросы нравственнаго чувства, которые собственно и составляютъ область морали или практической философіи.* Одно дѣло выясненіе причинъ и мотивовъ человѣческой дѣятельности въ какой бы то ни было области, въ томъ числѣ и нравственной, и другое дѣло — установленіе цѣлей и критерія этой дѣятельности. Что эти цѣли и критеріи въ свою очередь подлежатъ объясненію съ точки зрѣнія причинъ и мотивовъ,—это нисколько не измѣняетъ дѣла: желаемое при этомъ и остается желаемымъ» («Литер. воспом.», II, 459—460, курс. мой).

Въ 90-хъ гг., особенно во время полемики съ марксизмомъ, Михайловскій не разъ останавливался на этой критикѣ принципа исторической необходимости, взятой за единственное руководящее начало практической дѣятельности или вообще нашего отношенія къ дѣйствительности, современной и исторической. «Идея исторической необходимости—говоритъ онъ тутъ, развивая свои старыя положенія въ примѣненіи къ очереднымъ вопросамъ новой, марксистской литературы—входитъ въ составъ цѣлаго міросозерцанія, выработывавшагося вѣками, пролагавшаго себѣ путь сквозь тьму заблужденій и предразсудковъ. Но въ непосредственномъ приложеніи къ текущей жизни она никоимъ образомъ не можетъ быть исключительной руководительницей, потому что является слишкомъ ужъ общею скобкой».

«Безъ сомнѣнія—поясняетъ это Михайловскій—наши идеи и идеалы вырастаютъ на исторической почвѣ... но вырастаютъ они двояко—въ положительномъ и отрицательномъ смыслѣ, при томъ одновременно. Одни изъ носителей этихъ идеаловъ и идей признаютъ данный установившійся укладъ и желаютъ дальнѣйшаго его развитія; другіе имъ недовольны и потому если не падаютъ въ пропасть отчаяннаго пессимизма... ищутъ въ дѣйствительности хоть какого-нибудь зерна, изъ котораго, при надлежащемъ уходѣ, могло бы развиться нѣчто соответствующее ихъ идеямъ и идеаламъ. И тѣ и другіе суть равно необходимые продукты исторической почвы. Пусть тѣ и другіе заблуждаются, считая себя дѣятелями, тогда какъ они «дѣемые», маріонетки, подергиваемыя изъ таинственнаго поднолья имманентными законами исторической необходимости, но и заблужденіе это есть историческая необходимость. Которая-нибудь сторона навѣрное заблуждается, кромѣ того, еще и въ томъ смыслѣ, что добивается осуществленія неосуществимаго или отстаиваетъ подлежащее смерти. И это опять таки необходимое заблужденіе. И даже если послѣдніе бойцы, признавъ полную невозможность осуществленія своего идеала, ринутся въ битву, чтобы погибнуть вмѣстѣ съ нимъ, то и это будетъ исторически необходимо».

«Какъ видитъ читатель—продолжаетъ Михайловскій—мы не только не отрицаемъ исторической необходимости, а вполне признаемъ ея всеобщность и непререкаемость. Она царитъ надъ всѣми мірами, но именно вслѣдствіе ея всеобщности и непререкаемости, на нее одну нельзя сослаться въ сложныхъ практическихъ дѣлахъ... Категорія необходимости столь всеобща и непререкаема, что обнимаетъ собою даже самыя безумныя надежды и самыя бессмысленныя опасенія, съ которыми она, повидимому, призвана воевать. Съ ея точки зрѣнія надежда прошибить стѣну лбомъ есть не глупость, а необходимость, совершенно такъ же, какъ Квазимодо не уродъ, а необходимость. Словомъ, руководясь въ практической жизни ею одною, мы попадаемъ въ какое-то фантастическое безграничное пространство, гдѣ нѣтъ идей и вещей, нѣтъ явленій, а только одноцвѣтныя тѣни идей и вещей... Въ своемъ безусловномъ метафизическомъ видѣ, идея необходимости бесполезна для житейской практики, а по скольку сбиваетъ людей съ толку, ввергая ихъ въ омутъ недо-

разумній, и прямо вредна. Таковы же ея услуги наукѣ» (Литерат. восп., томъ II, 262, 263—264).

Цитируя первый изъ приведенныхъ отрывковъ, мы упомянули, что аргументація Михайловскаго въ 90-хъ гг. по этому вопросу воспроизводила, въ примѣненіи къ новымъ обстоятельствамъ, его старыя соображенія на ту же тему. Дѣйствительно, вотъ что мы читаемъ въ статьѣ «Что такое прогрессъ»:

«Голое положеніе все совершается по извѣстнымъ законамъ, не даетъ руководящаго принципа.—Принявъ его въ основаніе можно показать, по какимъ побужденіямъ предки наши поступали въ такомъ-то случаѣ такъ или иначе. Точно также потомки наши, зная, что мы дѣйствовали подъ напоромъ тѣхъ или другихъ космическихъ и соціальныхъ условій, съумѣютъ связать эти условія съ свойствами нашей дѣятельности. Словомъ, отойдя на извѣстное историческое разстояніе отъ событій можно, заручившись только однимъ принципомъ позитивизма и достаточнымъ количествомъ знаній, показать, какъ должны были дѣйствовать участники событій. Но дѣятели настоящаго времени изъ убѣжденія въ законосообразности явленій могутъ почерпнуть правила для самыхъ противоположныхъ практическихъ примѣненій, потому что убѣжденіе это не ставитъ цѣлей, а даетъ возможность добиться цѣлей самыхъ разнообразныхъ».

«Съ перваго раза можетъ показаться, прибавляетъ Михайловскій, что основной принципъ позитивизма (т. е. законосообразность явленій) напротивъ долженъ устранять надежды добиться цѣлей, несогласныхъ съ извѣстными законами явленій общественной жизни. Но дѣло въ томъ, что явленія эти до такой степени сложны, что управляющіе ими законы могутъ комбинироваться весьма разнообразно, и среди этой запутанной сѣти могутъ быть преслѣдуемы самая разнообразныя цѣли. Принципъ законосообразности явленій чистъ и безупреченъ, какъ дѣва. Но, какъ дѣва, онъ можетъ остаться безплоднымъ, въ немъ самомъ нѣтъ оплодотворяющаго начала; какъ за дѣву, за него нельзя поручиться, въ чьи руки онъ попадетъ и что дать человѣчеству» (томъ I, 70).

Ортодоксальные защитники принципа исторической необходимости не могли, конечно, снести столь дерзкой по отношенію къ ея авторитету критики. Они увидѣли въ ней своего рода «оскорбленіе Ея Величества» принципа исторической необходимости и посиѣшили самоотверженно заступиться за ея

поруганныя права, подъ руководствомъ испытаннаго литературнаго стратега Г. В. Плеханова.

«Именно такъ г. Михайловскій—необыкновенно зло пронизируетъ г. Плехановъ, имѣя въ виду слова ненавистнаго ему «Ахилла субъективной школы», какъ онъ называетъ Михайловскаго.—«Именно такъ, г. Михайловскій, именно даже всякія уродства представляютъ собой такой же продуктъ необходимости, какъ и самыя нормальныя явленія, хотя изъ этого еще не слѣдуетъ, что Іуда не злодѣй, такъ какъ нелѣно противопоставленіе понятій—«злодѣй» понятію «необходимость». Но разъ вы лѣзете, милостивый государь, въ герои (а всякій субъективный мыслитель есть герой, такъ сказать *ex professo*), то потрудитесь же доказать, что вы не «сумасшедшій» герой, что ваши «надежды» не «безумны», что ваши «опасенія» не «безсмысленны», что вы не Квазимодо мысли, что вы не приглашаете *толпу* «прошибать стѣну лбомъ». Для доказательства всего этого вамъ надо бы обратиться къ категоріи необходимости, а вы не умѣете оперировать съ нею, ваша субъективную точку зрѣнія исключаетъ самую возможность подобныхъ операцій, благодаря этой категоріи дѣйствительность превращается для васъ въ царство тѣней. Вотъ тутъ-то вы и попадаете въ тупой переулочекъ, тутъ-то вы и подписываете своей социологій *«testimonium paupertatis»*, тутъ-то вы и начинаете твердить, что «категорія необходимости» не показываетъ ничего, такъ какъ она будто бы показываетъ слишкомъ много. Свидѣтельство о теоретической бѣдности есть единственный документъ, которымъ вы снабжаете вашихъ «*взыскующихъ града*» послѣдователей. Маловато, маловато, г. Михайловскій» («Къ вопросу о развитіи» etc., 2-е изд. 196—197).

При всей своей опытности въ литературной полемикѣ Г. В. Плехановъ тутъ переусердствовалъ. Михайловскій никогда и нигдѣ не утверждалъ, что категорія необходимости *вообще* «не показываетъ ничего, такъ какъ она будто бы показываетъ слишкомъ много». Михайловскій утверждалъ лишь и утверждалъ совершенно правильно, что категорія необходимости «никоимъ образомъ не можетъ быть *исключительной* руководительницей» въ вопросахъ практической жизни и при опредѣленіи нашего отношенія къ фактамъ прошлой или настоящей жизни человѣчества. Вотъ въ *этомъ* смыслѣ категорія необходимости вызываетъ критику Михайловскаго и заставляетъ его заявить,

напримѣръ, что «руководясь ею одною въ практической жизни, мы попадаемъ въ какое-то фантастическое безграничное пространство».

Но какое дѣло до всего этого г. Плеханову? Ему вовсе не нужно знать, что дѣйствительно утверждаетъ Михайловскій, ему нужно только придать такой смыслъ словамъ своего противника, при которомъ было бы легко не опровергнуть даже его, а хотя бы только *скомпрометтировать* въ глазахъ читателя, набросить тѣнь литературной неблагонадежности на представляемое имъ направлѣніе общественной мысли. Средствами же при этомъ можно было не стѣсняться. Можно было приписывать вождямъ противной стороны все, что угодно, такъ какъ истинный характеръ ихъ воззрѣній все равно не былъ извѣстенъ поколѣнію 90-хъ гг.

«Наши социологи даже какъ будто не слышали—съ истинно демагогическимъ пафосомъ восклицаетъ г. Плехановъ—въ чемъ заключается современное научное понятіе о законосообразности общественно-историческаго процесса... Отличительная черта «субъективныхъ» мыслителей заключается въ томъ, что міръ должнаго, міръ истиннаго и справедливаго стоитъ у нихъ внѣ всякой связи съ объективнымъ ходомъ историческаго развитія: здѣсь *должное*, тамъ *дѣйствительное* и эти двѣ области отдѣлены одна отъ другой цѣлой пропастью... На грѣхъ и изъ палки выстрѣлишь—вотъ единственное утѣшительное соображеніе, на которое можетъ опереться добрый субъективный социологъ» (34, 43, 48). Вотъ все, что вынесъ г. Плехановъ изъ чтенія работъ «субъективистовъ». Маловато, маловато, г. Плехановъ!

Было бы не безынтересно остановиться еще на нѣкоторыхъ сторонахъ въ возраженіяхъ г. Плеханова, но мы не станемъ этого дѣлать, такъ какъ насъ здѣсь интересуетъ собственно не самъ г. Плехановъ, а тѣ вопросы, которые нами выше подняты, въ частности то, какое отношеніе они имѣютъ къ данному у Михайловскаго противопоставленію науки теоретической и науки практической. Прямой отвѣтъ на это мы имѣли уже въ одной изъ вышеприведенныхъ цитатъ, той именно, въ которой рѣчь идетъ о «научной этикѣ». Какъ видитъ читатель, и въ ней Михайловскій строго ограничиваетъ науку практическую, прикладную отъ науки теоретической, особенно въ словахъ, подчеркнутыхъ у насъ въ своемъ мѣстѣ

курсивомъ. Къ аналогичнымъ же результатамъ мы можемъ придти, рассматривая его критику принципа исторической необходимости, какъ *единственнаго* руководящаго начала въ вопросахъ жизни и науки.

Взятый въ качествѣ такого руководства, принципъ необходимости утверждаетъ только одно—все совершается по извѣстнымъ законамъ, все обусловлено сцѣпленіемъ неизбѣжныхъ причинъ. Смѣшно и [не послѣдовательно съ такой точки зрѣнія «критиковать міръ», расцѣплять событія, происходящія въ немъ, по категоріямъ добра и зла. Такая точка зрѣнія требуетъ сама по себѣ только одно: не плакать, не смѣяться, а понимать. Намъ нечего, слѣдовательно, плакать или смѣяться надъ уродствомъ Квазимодо, а надо только понять, въ силу какихъ причинъ это уродство произошло. Мы не должны негодовать по поводу предательства Іуды или злодѣйства Каина, а должны лишь опять таки осознать его, какъ необходимое слѣдствіе извѣстнымъ образомъ сложившихся причинъ. Словомъ, съ этой точки зрѣнія Квазимодо не уродъ, а необходимость, Каинъ и Іуда не злодѣи, а необходимость.

Иначе говоря, категорія необходимости, взятая *исключительно* руководящимъ началомъ, устраняетъ, дѣлаетъ ненужной категорію оцѣнки, хотя и не помогаетъ этимъ правильности нашего познанія. «Еще вопросъ — говоритъ Михайловскій — кто собственно лучше понимаетъ того же, положимъ, Іуду: тотъ ли, кто въ состояніи пережить его жизнь шагъ за шагомъ и, переходя отъ причинъ къ ихъ неизбѣжнымъ слѣдствіямъ, усмотрѣть неизбѣжность предательства за тридцать сребренниковъ, гармонию этого преступленія съ фактами одновременными и предшествовавшими, и не запнуться возмущеннымъ чувствомъ ни за одно изъ звеньевъ этой неизбѣжной цѣпи, или тотъ, кто отказывается простить предателя? Самъ Іуда не простилъ себѣ,—удавился» (томъ VI, стр. 122).

Устраненіе категоріи оцѣнки не только теоретически не состоятельно, оно и практически нигдѣмъ не выполняется, а въ томъ числѣ и самими «чистыми объективистами». «Соціологъ-объективистъ, пронизируетъ Михайловскій, рассуждаетъ очень спокойно и величественно, что политическихъ фактовъ не слѣдуетъ ни одобрять, ни порицать, а слѣдуетъ только познавать ихъ, и среди этихъ рассужденій нѣтъ-нѣтъ да и

одобрить что-нибудь и сплошь и рядом одобрить что-нибудь очень дрянное. Я думаю, что подобныя уклоненія объективистовъ отъ собственной программы должны быть объясняемы не частными какими-нибудь причинами, а внутреннимъ противорѣчьемъ ихъ доктрины и несостоятельностью ихъ метода» («Зап. проф.», III, 396).

Несостоятельность этого метода для насъ настолько выяснилась еще изъ первой главы настоящаго очерка, что возвращаться къ этой темѣ намъ нѣтъ никакой нужды. Историческая необходимость не можетъ служить единственнымъ руководящимъ началомъ въ вопросахъ практической жизни. Она даетъ, будучи правильно примѣненной, удовлетвореніе нашей познавательной способности, она *объясняетъ* событія, но она не можетъ ихъ *оправдать*, тогда какъ мы ищемъ не только объясненія того или другаго процесса, а и желаемъ опредѣлить отношеніе его къ идеалу должнаго, желаемъ оправдать его или осудить. Въ этомъ принципиальномъ отграниченіи точки зрѣнія генетической отъ точки зрѣнія этической и заключается источникъ всей критики Михайловскимъ исторической необходимости. Все совершается по извѣстнымъ законамъ, все дѣйствительное разумно, это несомнѣнно, однако, если мы будемъ руководиться только одной этой несомнѣнной истиной, то мы придемъ не къ объективному познанію дѣйствительности, а къ субъективному примиренію съ ней, къ возведенію факта въ принципъ.

Мы видѣли выше, какъ въ своей пламенной защитѣ принципа исторической необходимости г. Плехановъ заявилъ между прочимъ, что у русскихъ «субъективистовъ» міръ должнаго стоитъ внѣ всякой связи съ міромъ истиннаго, съ объективнымъ ходомъ историческаго развитія. Г. Плехановъ не понимаетъ одной простой вещи, весьма обстоятельно разъясненной какъ разъ у русскихъ субъективистовъ. Несомнѣнно, пользуясь объективными данными науки, мы можемъ показать, что стихійный ходъ вещей, міровая эволюція въ ся цѣломъ, идетъ къ осуществленію нашихъ идеаловъ, но дѣло въ томъ, что это все-таки не будетъ доказательствомъ моральной цѣнности и законности нашихъ идеаловъ. Между міромъ должнаго и міромъ сущаго въ *этомъ* смыслѣ лежитъ дѣйствительно цѣлая пропасть. Если нашъ идеаль находитъ опору въ законахъ историческаго развитія, это представляетъ огромную практическую выгоду для насъ,

такъ какъ это свидѣтельствуесть о *возможности* реализаціи идеала въ практической жизни. И тѣмъ не менѣе мы должны еще представить особое, *этическое* оправданіе нашему идеалу, правду - истину объективную должны оплодотворить правдой истиной субъективной. «Не легкая это задача» — говорить Михайловскій. Но какъ бы она ни была трудна, ему удалось разрѣшить ее, удалось построить необыкновенно стройную систему міровоззрѣнія, примирявшую въ одномъ синтезѣ науку теоретическую и науку прикладную. Этимъ міровоззрѣніемъ у Михайловскаго была, какъ мы знаемъ уже, система «народническаго» социализма, новая «религія» человѣчества, адепты которой, разночинцы 1870-хъ годовъ, «мѣстами и временами поднимали нашу сѣрую жизнь чуть не до уровня первыхъ христіанъ» (томъ IV, 657)...

IV.

Среди всѣхъ затронутыхъ нами вопросовъ, какъ въ этомъ послѣднемъ очеркѣ, такъ и въ предыдущемъ, вопросовъ, относящихся къ построению Михайловскимъ научной социологіи, мы какъ бы забыли о той роли, которую играютъ въ данномъ случаѣ его взгляды на раздѣленіе труда въ средѣ науки, на значеніе принципа специализаціи нашихъ знаній. Между тѣмъ съ этимъ вопросомъ мы неоднократно сталкивались въ предыдущемъ изложеніи и даже встрѣчали дважды, первый разъ со словъ Михайловскаго, второй со словъ его «геніальнаго друга - учителя» Ножина, формулировку того, что должно считаться, въ противовѣсъ обычнымъ представленіямъ о прогрессивной роли научныхъ специализацій, истиннымъ прогрессомъ науки.

Такъ Михайловскій въ «Что такое прогрессъ» объясняетъ поступательное движеніе науки не ростомъ раздѣленія труда между специалистами, не самымъ фактомъ скопленія сырыхъ неразработанныхъ матеріаловъ, а тѣмъ, что «время отъ времени въ эти массу ложно понятыхъ или вѣрныхъ, но мелочныхъ фактовъ *врываються могучіе умы, внося синтетическое начало въ это неограниченное правленіе анализа.* И это синтетическое начало представляетъ отраженіе простого сотрудничества между науками и индивидуальной цѣлостности

дѣателя науки... Наука дѣлаетъ гигантскій шагъ, подобравъ сразу весь пригодный сырой матеріалъ, а остальную часть его выбрасывая какъ совершенно негодную».

Точно также Ножинъ, критикуя спеціалистовъ познания, напоминаетъ о «тѣхъ выводахъ, къ которымъ *отъ времени до времени приходили гениальные мыслители, вторгнувшіеся почти насильно въ ихъ (т. е. спеціалистовъ) область фактическаго знанія, разоблачавшіе узость ихъ пониманія и группировавшіе въ одно стройное цѣлое всѣ ихъ научныя данныя*» ¹⁾.

Почти несомнѣнна связь, особенно въ подчеркнутой нами части, приведенныхъ словъ Ножина и Михайловскаго, и ужъ одно это дѣлаетъ ихъ заслуживающими нашего вниманія, а кромѣ того они могутъ получить и совершенно спеціальное значеніе въ нашихъ глазахъ. Разрѣшая вопросъ о научной спеціализаціи, о томъ, насколько и въ какой мѣрѣ онѣ допустимы или нѣтъ и въ какомъ отношеніи онѣ стоятъ къ прогрессивному ходу науки, мы получаемъ въ этомъ случаѣ какъ бы прообразъ того, по какому плану можетъ быть разрѣшенъ тотъ же вопросъ о спеціализаціяхъ, но только не въ отвлеченной наукѣ, а и въ самой жизни, въ извѣстной общественно-исторической средѣ. Разрѣшеніе вопросовъ науки дастъ намъ, слѣдовательно, нѣкоторыя указанія и для разрѣшенія вопросовъ жизни, для построенія нашего общественнаго идеала. Чтобы эти слова не показались слишкомъ парадоксальными, пояснимъ ихъ слѣдующимъ примѣромъ...

Говоря еще въ первомъ очеркѣ объ отношеніи Михайловскаго къ принципу общественныхъ спеціализацій, мы имѣли тамъ между прочимъ цитату такого рода. «Желаю ли я—спрашиваетъ Михайловскій—внезапнаго исчезновенія экономическихъ, промышленныхъ, государственныхъ, научныхъ спеціализацій и внезапной смѣны порядка, построеннаго на принципѣ раздѣленія труда, порядкомъ простого сотрудничества?... Ни желаю, ни нежелая—отвѣчаетъ онъ на это—я просто отношусь къ этой мысли, какъ къ невозможности, которая отнюдь въ мою формулу не входитъ... ибо моя формула требуетъ

¹⁾ См. «Кн. Вѣстн.», № 1 за 1866 г., стр. 20, статья «Наша наука и ученые».

не внезапнаго исчезновенія спеціалізацій, а уничтоженія условій, породжающихъ эти спеціалізаціи» (см. стр. 65).

Михайловскій говоритъ тутъ о государственныхъ, промышленныхъ, экономическихъ спеціалізаціяхъ, составляющихъ въ своей совокупности область вопросовъ соціальной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣетъ здѣсь въ виду спеціалізаціи научныя, разрѣшеніе вопроса о которыхъ для него, стало быть, аналогично разрѣшенію вопроса о спеціалізаціяхъ перваго рода.

Дальше. Прямой смыслъ приведеннаго мѣста свидѣтельствуеть, что извѣстное историческое значеніе за наличностью разныхъ спеціалізацій въ современной общественной жизни Михайловскій признаетъ безусловно. Его формула прогресса требуетъ не внезапнаго исчезновенія самихъ спеціалізацій, а опредѣленнаго воздѣйствія на породжающія ихъ условія. Значитъ ли это, что впослѣдствіи *всякія* формы спеціалізацій будутъ уничтожены? Такого вывода изъ приведенныхъ словъ мы сдѣлать не можемъ. Напримѣръ, въ современномъ обществѣ знаніе, наука, трудъ умственный, отдѣлены отъ труда физическаго, спеціализированы, обособлены въ рукахъ немногихъ, и *эта* спеціалізація современемъ подлежитъ полному уничтоженію — трудъ умственный и трудъ физическій должны слиться, какъ они начинаютъ сливаться и теперь, знаніе должно быть доступно всѣмъ и каждому, должно быть социализировано. Но другое дѣло тѣ, такъ сказать, техническія спеціалізаціи, на которыя распадается сама наука; онѣ могутъ остаться, могутъ быть частью или даже полностью уничтожены, тутъ могутъ быть словомъ произведены разныя реформы и пр., но только эти реформы въ своемъ цѣломъ составляютъ новый вопросъ, разрѣшеніе котораго, какъ вопроса самостоятельнаго, вполне мыслимо и по типу нѣсколько отличному отъ вышенамѣченнаго полнаго уничтоженія *общественныхъ* спеціалізацій разнаго рода...

Съ точки зрѣнія того пониманія соціологическихъ взглядовъ Михайловскаго, которое мы развивали на протяжении всей предлагаемой вниманію читателя работы, эти выводы не представляютъ ничего страннаго или парадоксальнаго. Но иное дѣло, иная оцѣнка всѣхъ соответствующихъ взглядовъ Михайловскаго получится въ томъ случаѣ, если его основнымъ терминамъ — раздѣленію труда, простой и сложной коопераціи,

etc., придать другое значеніе, чѣмъ это сдѣлано у насъ. Мы видѣли уже, къ какимъ ложнымъ или по меньшей мѣрѣ ошибочнымъ выводамъ пришли въ этомъ случаѣ представители такъ называемой «научной критики», не пожелавшіе сколько-нибудь внимательно анализировать основные термины социологіи Михайловскаго. Къ такимъ же парадоксальнымъ выводамъ приходили и сторонники Михайловскаго, разъ они при разборѣ его взглядовъ игнорировали то, что игнорировала постоянно «научная критика». Такъ въ 1905 году въ «Русскомъ Богатствѣ» были напечатаны двѣ статьи В. В. Лункевича о Михайловскомъ, впоследствии вышедшія отдѣльной брошюрой въ изданіи «Молодой Россіи» и въ этихъ въ общемъ очень цѣнныхъ статьяхъ (ср. о нихъ примѣчаніе на стр. 28 перваго очерка), выдержавшихъ къ тому же искусь двойной редакціи, журнальной и издательской, мы находимъ слѣдующія слова о характерѣ общественнаго идеала Михайловскаго.

«Въ воображеніи Михайловскаго—говоритъ В. В. Лункевичъ—рисуетъ такая общественная организація, въ которой устранены всѣ гибельныя для человѣческой личности послѣдствія экономическаго раздѣленія труда. Общество будущаго должно быть построено, по его мнѣнію, на принципѣ *простого* сотрудничества. Однако — замѣчаетъ авторъ — мысль не можетъ успокоиться на такого рода слишкомъ ужъ общихъ и неопредѣленныхъ перспективахъ. Намъ хочется знать—въ какія формы выльется это желанное общество будущаго? Какъ реализуется въ немъ принципъ простого сотрудничества? Будетъ ли тогда совершенно уничтожено «общественное раздѣленіе труда» и если да, то не повлечетъ ли это за собой пониженіе всей культуры... Или можетъ быть придется какъ-нибудь совмѣстить выгодныя стороны сложнаго сотрудничества съ не менѣе выгодными сторонами сотрудничества простого?... Если такъ, то, вѣдь, сложное сотрудничество не упразднится, а будетъ лишь вставлено въ опредѣленные рамки, уничтожающія его принудительный характеръ и парализующія его губительное вліяніе на развитіе человѣческой личности?... Да и мало ли еще какихъ вопросовъ не связано съ перспективами желаннаго будущаго! И на всѣ эти вопросы у Михайловскаго, къ сожалѣнію, отвѣтовъ нѣтъ».

(Цит. по изд. «Мол. Росс.», М. 1906, 78—79).

На всѣ эти вопросы у Михайловскаго *есть* отвѣтъ и

его безъ труда нашелъ бы самъ авторъ, если бъ онъ принялъ во вниманіе, что *простое* сотрудничество въ смыслѣ Михайловскаго не можетъ не сочетаться съ технически (но не соціально) — *сложнымъ* раздѣленіемъ труда. Въ этомъ устраненіи элемента технического раздѣленія труда изъ понятія простой и сложной коопераціи и заключается все дѣло, такъ что игнорируя его мы неизбежно будемъ противопоставлять взглядамъ Михайловскаго такія положенія, которыя на самомъ дѣлѣ изъ нихъ логически вытекаютъ. Не одинъ В. В. Лункевичъ такъ поступилъ, не онъ даже былъ среди сторонниковъ Михайловскаго первымъ и наиболее яркимъ критикомъ его въ такомъ родѣ. Чтобы найти первоисточникъ тѣхъ взглядовъ, которые развиваетъ въ своей брошюрѣ В. В. Лункевичъ, мы должны обратиться ни къ кому иному, какъ П. Л. Лаврову и къ данному имъ еще въ 1870 году разбору «формулы прогресса Михайловскаго». П. Л. Лавровъ тоже находитъ, что въ будущемъ *технически* - сложное раздѣленіе труда не упразднится, а будетъ лишь вставлено въ опредѣленные рамки, способныя, говоря словами В. В. Лункевича, «совмѣстить выгодныя стороны сложнаго сотрудничества съ неменѣе выгодными сторонами простого сотрудничества». Въ своей статьѣ, особенно замѣчательной именно въ этой своей части, П. Л. Лавровъ и пробуетъ въ противовѣсъ, какъ ему кажется, Михайловскому, конкретно намѣтить эти границы между технически-простымъ и технически-сложнымъ раздѣленіемъ труда.

Къ тѣмъ выводамъ въ критикѣ Михайловскаго, къ которымъ пришелъ П. Л. Лавровъ, можно было придти не только путемъ его аргументаціи. П. Л. Лавровъ исходилъ изъ мысли объ игнорированіи Михайловскимъ технически-сложнаго раздѣленія труда — чего Михайловскій на самомъ дѣлѣ вовсе не игнорировалъ — и отсюда строилъ, какъ ему казалось въ противовѣсъ своему единомышленнику, иную соціологическую программу, иную критику раздѣленія труда. Нѣсколько иначе поступилъ въ наше время г. Ивановъ-Разумникъ, который тѣ же выводы, какъ и у П. Лаврова, получилъ особымъ путемъ, именно путемъ анализа данныхъ у Михайловскаго опредѣленій индивидуальности. Михайловскій, какъ это мы знаемъ еще по разбору его взглядовъ на органическую теорію, даетъ свое опредѣленіе индивидуальности, какъ совокупности всѣхъ чертъ свой-

ственныхъ родовому понятію индивида, и отличаетъ это опредѣленіе отъ обычнаго пониманія индивидуальности, индивидуальнаго, въ смыслѣ личнаго, особеннаго, оригинальнаго. Въ статьѣ «Теорія Дарвина и общественная наука» Михайловскій, разбирая взгляды на индивидуальность Милля и Вильг. Гумбольдта, говоритъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ.

«Всѣ способности, какія только имѣетъ человѣкъ, какъ извѣстная ступень органическаго развитія, должны быть соединены въ каждомъ изъ насъ, въ каждомъ представителѣ вида. Таковъ идеалъ и Гумбольдта и Милля, къ которому всѣ мы обязаны стремиться, *хотя бы и безъ надежды осуществить его вполне*. Едва-ли кто-нибудь станетъ оспаривать законность и величіе такого идеала; выше его мы, очевидно, ничего себѣ представить не можемъ. Но, очевидно также, что, чѣмъ болѣе будемъ мы приближаться къ этому идеалу, тѣмъ болѣе будетъ исчезать разнообразіе нашихъ личныхъ положеній; каждый изъ насъ будетъ обладать всѣми тѣми способностями, какими обладаютъ и остальные. А между тѣмъ этого-то Милль и не хочетъ и говоритъ, что при этомъ исчезнетъ индивидуальность. Здѣсь индивидуальность берется уже въ другомъ смыслѣ, въ смыслѣ личной особенности, въ смыслѣ такихъ свойствъ, какія есть у меня, но нѣтъ у моего сосѣда и наоборотъ. Понятно, что согласить два такіа требованія индивидуальности невозможно».

И еще вслѣдъ за этимъ: «Удивительно, какимъ образомъ Гумбольдтъ и Милль находятъ возможнымъ достигнуть гармоническаго развитія *всѣхъ* силъ и способностей человѣка въ *одно* цѣлое посредствомъ размѣщенія этихъ силъ по *множеству* индивидовъ. Правда, они ставятъ рядомъ съ тѣмъ, что они называютъ индивидуальностью, свободу. Но это едва-ли не усложняетъ затрудненія. Свобода безъ каламбура есть независимость отъ другихъ людей. Такая независимость не возможна при столкновеніи интересовъ людей съ различными формулами жизни, т. е., находящихся въ различныхъ положеніяхъ; потому что если одна личность или одна группа личностей выработала себѣ выгидѣйшія при данной обстановкѣ функціи, то она непременно поработитъ личности или группы личностей съ функціями менѣе выгодными. Такъ что индивидуальность, какъ ее понимаетъ Милль и Гумбольдтъ,

не уживается ни со свободой, ни съ гармоническимъ развитіемъ всѣхъ способностей въ одно цѣлое. Наоборотъ, только такое гармоническое развитіе можетъ дать и свободу, но оно же заключаетъ въ себѣ и требованіе равенства, такъ такъ желательно гармоническое развитіе всѣхъ способностей въ каждомъ человѣкѣ»¹⁾).

«Сознаюсь г. Михайловскому—писалъ въ свое время Лавровъ, какъ бы имѣя въ виду эти послѣднія слова,—что какъ бы ни были разносторонне развиты цѣлостныя особи этого общества», т. е. того, которое имѣетъ въ виду Михайловскій, «какъ бы ни были онѣ равноправны, равносильны, я счелъ бы это общество жалкимъ обществомъ, стоящимъ по достоинству ниже жалчайшихъ обществъ современной цивилизаціи».

Ниже ихъ, такъ какъ тутъ замерла бы критическая мысль, такъ какъ тутъ исчезла бы всякая оригинальность. Но развѣ требованіе быть равносильными, равноправными, обладать по возможности, «хотя и безъ надежды осуществить его вполнѣ», всѣми свойствами, типичными для индивидуальности, развѣ требовать это значить изгонять всякую оригинальность, всякую особенность личнаго развитія? Мы вполнѣ можемъ представить себѣ нѣсколько человѣкъ, которые будутъ и равносильны и равноправны и одинаково умны, но будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ обладать каждый своеобразной индивидуальной физиономіей. Индивидуальность заключается не только въ количественно равной суммѣ нашихъ особенностей, а и въ извѣстной качественной комбинаціи ихъ, слагающейся по неизвѣстнымъ для насъ законамъ. Вотъ въ этомъ направленіи и долженъ быть разработанъ въ дальнѣйшемъ общественный идеалъ Михайловскаго, ничего общаго не имѣющій ни съ мѣщанствомъ, ни боязнью глубины развитія, въ чемъ упрекалъ Михайловскаго г. Ивановъ-Разумникъ, основываясь на приведенныхъ выше цитатахъ. Разрабатывать здѣсь этотъ идеалъ мы, однако, не станемъ, это завело бы насъ слишкомъ въ сторону, а мы безъ того отклонились отъ вопроса о научныхъ спеціализаціяхъ, къ которому мы должны вернуться теперь и вернуться къ которому для

¹⁾ См. 1,270. Ср. стр. 191—192 т. 2-го тома кн. Иванова-Разумника, гдѣ указаны еще аналогичныя мѣста изъ сочиненій Михайловскаго.

насъ тѣмъ удобнѣе, что, разрѣшая вопросъ о спеціализаціяхъ въ области науки, найдемъ отвѣтъ и на вопросы, поднятые словами Михайловскаго о Миллѣ и Гумбольдтѣ.

Общую формулу научнаго прогресса, какъ она установлена Михайловскимъ, мы уже видѣли,—она выражается въ томъ синтезѣ разныхъ наукъ, въ томъ уменьшеніи раздѣленія труда между ними, которое время отъ времени вносится въ область науки ея наиболѣе крупными представителями.

«Еще недавно — говорить Михайловскій — ученый могъ спокойно сидѣть подъ смоковницей своей спеціальной науки и, какъ бы ни была скромна листва этой смоковницы, довольствоваться ея навѣсомъ въ жаръ и непогоду, не помышляя о смоковницѣ сосѣда. Еще недавно можно было, напримѣръ, быть даже очень выдающимся политическимъ теоретикомъ, не только не имѣя понятія о естествознаніи, но не интересуясь даже ближайшими сосѣдами изъ круга наукъ политическихъ; можно было быть юристомъ, оставаясь въ полномъ невѣжествѣ относительно психологій и біологій, плохо зная сравнительную исторію права и держась въ почтительномъ отдаленіи отъ экономической науки. Теперь это почти невысказуемо. Не говоря о внутреннемъ движеніи самихъ научныхъ дисциплинъ, стирающемъ схоластически установленныя взаимныя ихъ границы, практическая политическая жизнь бьетъ такимъ ключемъ» — что разнымъ спеціалистамъ — «приходится искать общей почвы для собесѣдованія. А въ прежнее время какое имъ было дѣло другъ до друга? *Невозможно, разумѣется, быть спеціалистомъ по вѣсьмъ отраслямъ человеческого вѣдѣнія невозможно по устройству человеческой головы, но по современному состоянію науки нельзя также сидѣть подъ смоковницею своей, тѣмъ болѣе, что бывають такія смоковницы, которыя, какъ въ евангельскомъ сказаніи, будучи прокляты, засохли и не даютъ ни тѣни въ жару, ни прикрытія въ дождь*» (ст. «Политич. эконом. и общ. наука», VI, 283 — 284).

Здѣсь особенно знаменательны подчеркнутыя нами слова: невозможно быть спеціалистомъ по вѣсьмъ отраслямъ человеческого вѣдѣнія, невозможно, слѣдовательно, и требовать полнаго уничтоженія технического, если такъ можно вы-

разиться въ данномъ случаѣ, раздѣленія труда между спеціалистами разныхъ областей науки. Несомнѣнно будетъ какая-то область знанія равно доступная и равно обязательная для всякаго ученаго, но за всеѣмъ тѣмъ остается широкое поле для проявленія индивидуальных особенностей въ характерѣ мышленія всякаго спеціалиста.

«Дѣло вѣдь идетъ, еще разъ поясняетъ Михайловскій, не о птичьемъ перелетѣ съ дерева на дерево, не о внезапныхъ скачкахъ изъ одной области въ другую, не имѣющую ничего общаго съ первою. И такіе скачки, конечно, возможны и даже очень удачны, но сами по себѣ они не гарантируютъ глубины изслѣдованія. Современный физикъ можетъ переходить къ физиологій, а оттуда къ психологій гораздо меньше рискованнымъ путемъ, ибо широкими обобщеніями умовъ, *единовременно* обнимавшихъ разныя отрасли знанія, поправившихъ законъ раздѣленія труда, нынѣ уже стерты спеціальныя границы между различными отдѣлами физики, между ими и физиологій и психологій, равно какъ между разными отдѣлами біологій и проч. Такимъ образомъ не только расчищенъ путь для послѣдовательнаго перехода отъ одной науки къ другой, но становится все болѣе немислмымъ заниматься, напримѣръ, психологій, не зная физиологій, или изучать физическіе законы свѣта, не зная физиологическаго устройства органа зрѣнія. Я не говорю—замѣчаетъ Михайловскій—что только этимъ путемъ уничтоженія межей между различными областями знанія совершается прогрессъ науки, но только благодаря ему, а не новымъ дробленіямъ науки на спеціальности, возможенъ тотъ переходъ отъ одной спеціальности къ другой, который составляетъ конечный идеалъ» всякаго серьезнаго мыслителя («Отклики», томъ II, 94—95)...

«Читатель понимаетъ — прибавляетъ ко всему этому Михайловскій—что все только что сказанное имѣетъ значеніе не для міра только науки». То есть, что аналогичнымъ образомъ должны быть устроены порядки и въ области общественной жизни. Не станемъ, впрочемъ, забѣгать впередъ и возьмемъ пока для лучшаго уясненія взглядовъ Михайловскаго на прогрессъ науки какой-нибудь конкретный примѣръ, способный вмѣстѣ съ тѣмъ аналогировать съ явленіями общественной жизни. Возьмемъ хотя бы теорію Дарвина,

огромное общенаучное, даже общеполитическое значение которой такъ горячо всегда отстаивалъ Н. К. Михайловскій. Можно ли сказать про Дарвина и его теорію, что они удовлетворяютъ тѣмъ взглядамъ на прогрессъ науки, которые выставляетъ Михайловскій вслѣдъ за Ножинымъ? Можно ли отнести Дарвина къ могучимъ синтетическимъ умамъ, насильно вторгавшимся въ царившее до нихъ въ наукѣ неограниченное правленіе анализа, уничтожавшимъ старыя формы раздѣленія труда между специалистами познания? Безусловно, не только можно, но именно дарвинизмъ (ср. выше, стр. 136—137) представляетъ наиболѣе яркій образчикъ того хода науки, который Михайловскій считаетъ истинно прогрессивнымъ.

Дарвинизмъ прежде всего уничтожилъ границы между разными областями знанія, такъ какъ не было ни одной области науки, куда бы дарвинизмъ не вторгнулся болѣе или менѣе властно. Астрономія и филологія, химія и исторія, не говоря, разумѣется, обо всѣхъ отрасляхъ біологіи, испытали на себѣ толчки изъ деревушки Даунъ, что въ графствѣ Кентъ. Астрономъ и филологъ, химикъ и историкъ должны теперь съ момента явленія дарвинизма, оставаясь вѣрными своей спеціальности, раздвинуть рамки своего кругозора, выйти изъ-подъ своей смоковницы, дабы присмотрѣться къ смежнымъ научнымъ областямъ. Благодаря этому міросозерцанію спеціалистовъ обогащается, каждый изъ нихъ становится разностороннѣе, границы между науками сглаживаются, наука переживаетъ переворотъ, служащій прообразомъ аналогичныхъ по значенію переворотовъ общественныхъ...

Вотъ какъ въ общихъ чертахъ происходитъ прогрессъ въ наукѣ и какъ разрѣшается тутъ Михайловскимъ вопросъ о роли спеціализаціи, о простомъ механическомъ уничтоженіи которыхъ или о полномъ отрицаніи ихъ онъ никогда не думалъ, хотя дѣйствительно всегда категорически возставалъ противъ общественной спеціализаціи знанія въ рукахъ одной самой себѣ довлѣющей соціальной группы. Но, вѣдь, все только что сказанное, какъ говоритъ Михайловскій, имѣетъ значеніе не только для міра науки, по такому же типу долженъ быть рѣшенъ вопросъ и о спеціализаціяхъ въ жизни. Правда, для нѣкотораго безконечно отдаленнаго будущаго мы можемъ мыслить такой идеаль общественнаго устройства, при

которомъ въ каждомъ индивидуумѣ, въ каждомъ человѣкѣ будутъ совмѣщаться полностью черты вида *homo sapiens*, но и въ этомъ случаѣ отнюдь не будетъ устранена возможность самыхъ разнообразныхъ вариаций въ индивидуальномъ складѣ отдѣльныхъ людей. Тѣмъ болѣе, стало быть, эту возможность нельзя устранить для болѣе или менѣе близкаго, исторически мыслимаго для насъ общества. Оставляя даже нашимъ идеаломъ совмѣщеніе въ одномъ человѣкѣ всѣхъ чертъ вида, мы для возможнаго практическаго осуществленія его необходимо будемъ вынуждены поставить извѣстныя границы.

Такъ навсегда останутся различія между полами, это «предѣлъ, его же не преидеши» (томъ I, 592), навсегда останутся различія по возрастному составу, а, слѣдовательно, останутся и спеціальныя черты въ психологич и физическомъ складѣ людей, которыя съ этими различіями связаны, какъ причина со слѣдствіемъ. Мало того—та необычайно высокая *степень* развитія цивилизаціи, которая явится слѣдствіемъ новаго *типа* общественныхъ отношеній, представитъ новое поле для проявленія всевозможныхъ индивидуальныхъ отличій въ психическомъ складѣ будущаго человѣка. Прообразомъ новыхъ отношеній въ этомъ случаѣ явится та же наука. Если въ области науки уже теперь нельзя быть спеціалистомъ во всѣхъ отрасляхъ знанія, то и въ самой жизни тѣмъ болѣе никто не будетъ въ состояніи вмѣстить въ себя все разнообразіе общественныхъ профессій. Для человѣка будущаго въ этомъ смыслѣ придется сочетать выгодныя стороны технически сложнаго раздѣленія труда съ не менѣе выгодными сторонами раздѣленія труда по типу простаго сотрудничества.

«Въ настоящее время уже очерчивается обликъ человѣка будущаго—говоритъ въ видѣ возраженія Михайловскому одинъ изъ его современныхъ критиковъ—это обликъ не разносторонняго дилеттанта, который способенъ какъ никакъ работать на разныхъ поприщахъ, а именно обликъ работника спеціалиста, мастера въ своемъ дѣлѣ. Онъ несомнѣнно будетъ «узкимъ» спеціалистомъ. Но это слово «узкій» не будетъ такъ страшно, какъ кажется. При огромныхъ завоеваніяхъ техники будущаго (не нужно быть пророкомъ, чтобы ихъ предвидѣть), при полномъ торжествѣ науки надъ природою, рассчитывать на которое мы имѣемъ достаточно оснований, «узкая спеціализація» будетъ означать только то, что человѣкъ будетъ полнымъ господиномъ

надъ орудіями и всёми условіями своего труда и получить возможность, оставаясь «узкимъ» въ своей профессіи, быть очень широкимъ и разностороннимъ въ своемъ общемъ умственномъ, нравственномъ, политическомъ развитіи. Этой перспективы, связанной съ развитіемъ техники, машиннаго производства, съ эволюціей капиталистическаго строя, Михайловскій въ то время не прозрѣвалъ. Но, оговаривается нашъ авторъ, это не можетъ быть поставлено ему въ упрекъ, ибо тогда эта перспектива не была достаточно ясна даже въ Зап. Европѣ, а у насъ въ Россіи и совсѣмъ не была видна» (Овсяннико-Куликовскій, указ. выше сочин., 225).

Уважаемый профессоръ излишне великодушень. Была или не была видна у насъ въ Россіи такая перспектива, оставалась она или нѣтъ незамѣченной до послѣдняго времени, безспорный фактъ тотъ, что русская соціологія еще со временъ Н. Г. Чернышевскаго въ построеніе своего общественнаго идеала вводила прежде всего прогрессивный ростъ техники, что поставилъ Чернышевскому въ большую заслугу Г. В. Плехановъ, вообразившій лишь почему-то, что послѣ Чернышевскаго этого у насъ никто больше не дѣлалъ¹⁾. Напротивъ дѣлали и многіе. Послѣдовательно провелъ эту же точку зрѣнія въ построеніе своего общественнаго идеала П. Л. Лавровъ и собственно тотъ же проф. Овсяннико-Куликовскій лишь повторяетъ за много лѣтъ раньше его и гораздо ярче сказанное уже Лавровымъ. Точно такъ же Михайловскій мечталъ не о разностороннемъ дилеттантѣ, способномъ работать на разныхъ поприщахъ. Дѣло идетъ, по его словамъ, *не о птичьемъ перелетѣ съ дерева на дерево*, не о внезапныхъ скачкахъ изъ одной области жизни или науки въ другую, хотя и такіе скачки возможны и даже очень удачные, дѣло идетъ о созданіи такихъ общественныхъ условій, при которыхъ человѣкъ, пусть даже будучи «узкимъ» специалистомъ, не терялъ бы самой тѣсной связи съ міромъ остальныхъ профессій, а, напротивъ, сохранялъ бы возможность «быть очень широкимъ и разностороннимъ въ своемъ общемъ умственномъ и нравственномъ и политическомъ развитіи».

Таковы выводы, которые мы можемъ сдѣлать изъ совокупности всѣхъ взглядовъ Михайловскаго по данному пункту. Къ этимъ выводамъ параллель между наукой и жизнью, про-

¹⁾ См. стр. 75—76 книги г. Плеханова о Чернышевскомъ.

веденная Михайловскимъ, позволяетъ намъ прибавить еще нѣсколько словъ.

Мало поставить опредѣленный общественный идеаль, надо еще указать силы, готовыя для его осуществленія, надо опредѣлить для этихъ силъ путь къ идеалу, программу практическихъ дѣйствій. Въ области науки всѣ эти требованія удовлетворяются всѣмъ извѣстнымъ образомъ — огромная армія ученыхъ, представителей умственного труда, идетъ къ осуществленію своего идеала, къ завоеванію объективной, общечеловѣческой истины, путемъ неустанной работы по собиранію отдѣльных фактовъ и крутыхъ переворотовъ въ области мысли, стирающихъ границы между разными, одна отъ другой обособленными, спеціальностями. Но развѣ не тотъ же путь и не тотъ же характеръ имѣетъ дѣятельность человѣчества въ его стремленіи сдѣлать фактомъ реальной, дѣйствительной жизни отвлеченныя требованія нашей Правды-истины и Правды-справедливости? Здѣсь тоже есть своя огромная армія, армія представителей труда и прежде всего труда физическаго, которая неустанно и послѣдовательно идетъ на соединеніе съ представителями труда умственного, стирая всѣ общественныя грани между ними. Здѣсь та же борьба съ спеціализаціей, но спеціализаціей общественныхъ функций, составляетъ истинное содержаніе прогрессивнаго хода развитія.

Если въ сферѣ науки прогрессъ тѣмъ крупнѣе, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе рѣшительный и глубокий ударъ нанесенъ обособленію отдѣльных областей мысли одна отъ другой, то и въ жизни путь къ завоеванію нашего идеала опредѣляется тѣмъ торжествомъ принципа простой коопераціи надъ принципомъ сложнаго сотрудничества, которымъ отмѣчены всѣ кратическія эпохи въ жизни человѣчества. Величайшимъ міровымъ событіемъ такого рода была, конечно, французская революція конца XVIII в., объ оцѣнкѣ которой съ точки зрѣнія Михайловскаго мы говорили въ своемъ мѣстѣ. Великая французская революція нанесла первый крупный ударъ принципу сложной коопераціи, замѣнивъ привилегію по рожденію равенствомъ передъ закономъ, но оставивъ будущему равенство политическое оплодотворить равенствомъ и въ сферѣ отношеній общественныхъ. Н. К. Михайловскому казалось, что онъ и его поколѣніе живутъ въ такое время, когда человѣчеству суждено было сдѣлать крупный шагъ въ этомъ направленіи. «Одна изъ главныхъ

балокъ должна быть вынута», такъ формулировалъ онъ задачу своего времени, подразумѣвая подъ этимъ обобществленіе земельной собственности, какъ очередной этапъ на пути къ полной переиѣнѣ общественныхъ отношеній. И если Н. К. Михайловскій ошибался въ учетѣ современныхъ ему общественныхъ силъ, онъ былъ тѣмъ не менѣе правъ въ своей общей формулѣ прогресса и въ ея выводахъ, въ попыткѣ намѣтить для насъ категорическій императивъ нашей практической дѣятельности. Такъ же какъ поколѣніе 70-хъ годовъ, мы «хотимъ жить, чтобъ дѣйствовать», почерпая въ системѣ Правды Н. К. Михайловскаго и высшій стимулъ нашей практической работы и теоретическіе источники для научнаго оправданія нашихъ стремленій въ борьбѣ за право со старымъ міромъ...

Оглавленіе.

	Страницы.
Отъ автора	5—11
ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ. Принципы простой и сложной коопераціи въ міровоззрѣніи Н. К. Михайловскаго	12—72
ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ. Н. К. Михайловскій, какъ критикъ органической теоріи общества	73—134
ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ. Критика дарвинизма у Н. К. Михайловскаго.—Н. Д. Ножинъ о дарвинизмѣ	135—203
ОЧЕРКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. Борьба за индивидуальность и борьба соціальная	204—262
ОЧЕРКЪ ПЯТЫЙ. Субъективный методъ въ соціологіи и теоріи личности Н. К. Михайловскаго	263—322
ОЧЕРКЪ ШЕСТОЙ. Теорія личности Н. К. Михайловскаго и классовая точка зрѣнія	323—378
ОЧЕРКЪ СЕДЬМОЙ. О построеніи научной соціологіи	379—434

